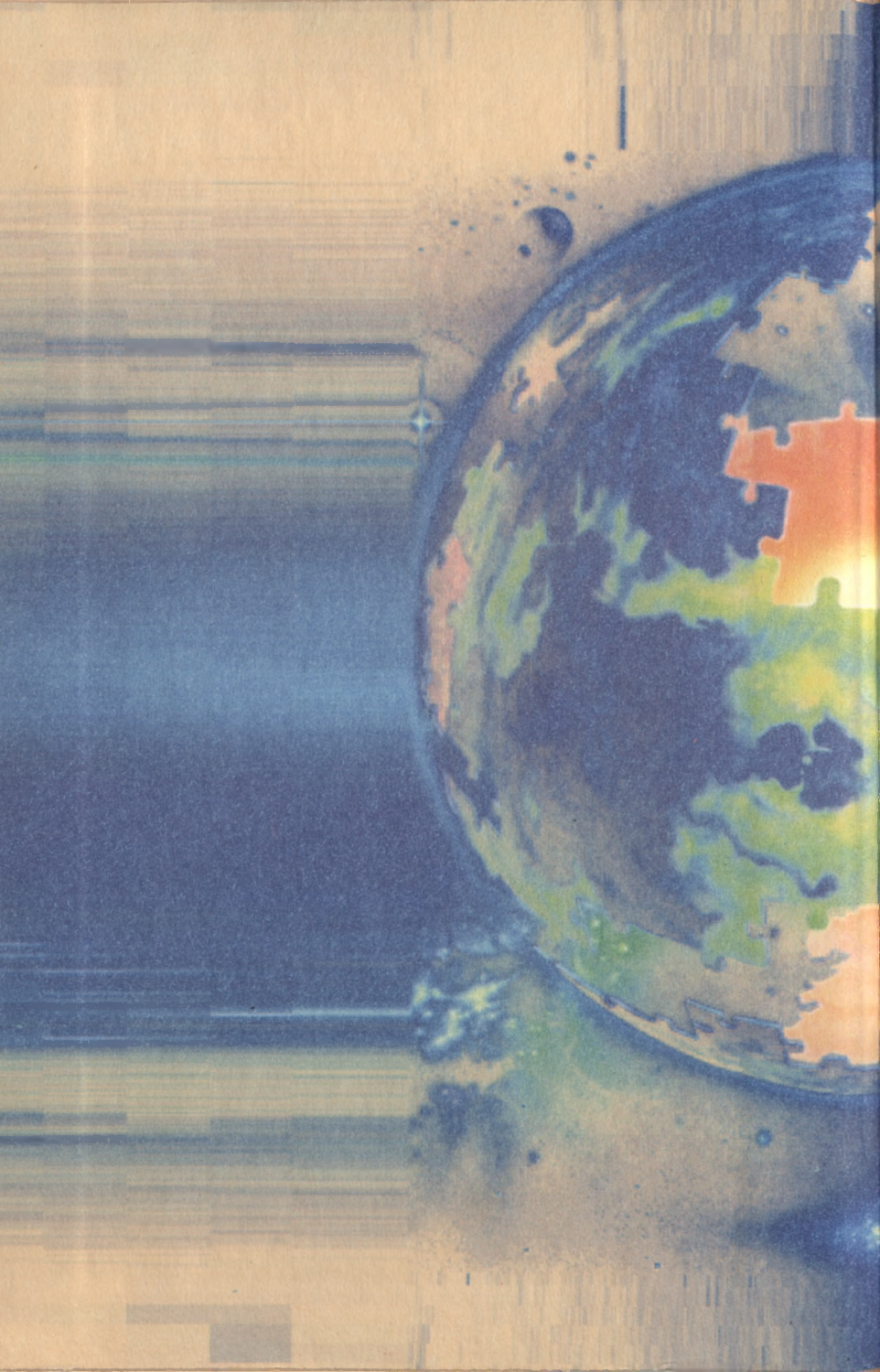
МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

4

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume four

THE BOAT OF A MILLION YEARS

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том четвертый

ЧЕЛН НА МИЛЛИОН ЛЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

Миры Пола Андерсона. Т. 4 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1996. — 575 с.

Роман «Челн на миллион лет» относится к лучшим из последних книг Пола Андерсона. С необычайной яркостью и точностью обрисованы в этом романе судьбы восьми бессмертных, прослеженные от глубокой древности — через наши дни — в отдаленное будущее.

Произведение, опубликованное в данном издании, охраняется законом об авторском праве. Перепечатка романа и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

The Boat of a Million Years
Copyright © 1989 by Poul Anderson

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1996

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1995

ISBN 5-88132-217-9

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Уважаемые читатели!

Издательство «Полярис» благодарит вас
за интерес к нашим книгам
и поздравляет с удачным вложением денег.
В каждом томе «Миров Пола Андерсона»
(кроме последнего)
вы найдете аналогичный призовой купон.
Мы рекомендуем сохранить эти купоны
до окончания выхода в свет всего собрания
фантастических произведений Пола Андерсона.

Потому что...
Внимание!!!

Потому что читатели, которые вышлют нам
29 разных купонов (по одному из каждого тома),
получат последний том «Миров Пола Андерсона»
БЕСПЛАТНО!
Каждому, кто соберет и вышлет
в адрес издательства 29 призовых купонов,
мы гарантируем получение по почте бесплатно
последнего тома «Миров Пола Андерсона».

НАШ АДРЕС:
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

ВЕРСТКА МАКЕТ
POLARIS

«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрание фантастических произведений в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Тау — ноль» «Полет в навсегда»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рыцарь призраков и теней»	17
3	«Орион взойдет»	Терранская империя — 5 «Игра империя» «Камень в небесах»	18
4	«Человек миллионного века»		
5	«Враждебные звезды» «После судного дня» «Ушелец»	«Ночной лик» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звездные нивы»	20
		«Звезды тоже из огня»	21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	«Патруль времени» — 1	22
8	«Операция «Хаос» «Танцовщица из Атлантиды»	«Патруль времени» — 2	23
9	«Три сердца и три льва» «Буря в летнюю ночь»	«Щит времени»	24
10	«Сага о Хрольфе Жердинке» «Дети морского царя»	Психотехническая лига — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести		
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Обитель мрака»	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные псы»	26
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета девственниц»	27
14	Терранская империя — 1 «Дети ветра» «Мичман Флэндри»	«Аватара»	28
15	Терранская империя — 2 «Все круги ада» «Восставшие миры»	Рассказы	29
		Рассказы	30

В содержании отдельных томов после двадцатого возможны незначительные изменения.

От издательства

В четвертый том собрания сочинений Пола Андерсона вошло одно из наиболее значительных произведений позднего периода творчества писателя — роман «Челн на миллион лет», написанный в 1989 году и впервые выходящий на русском языке.

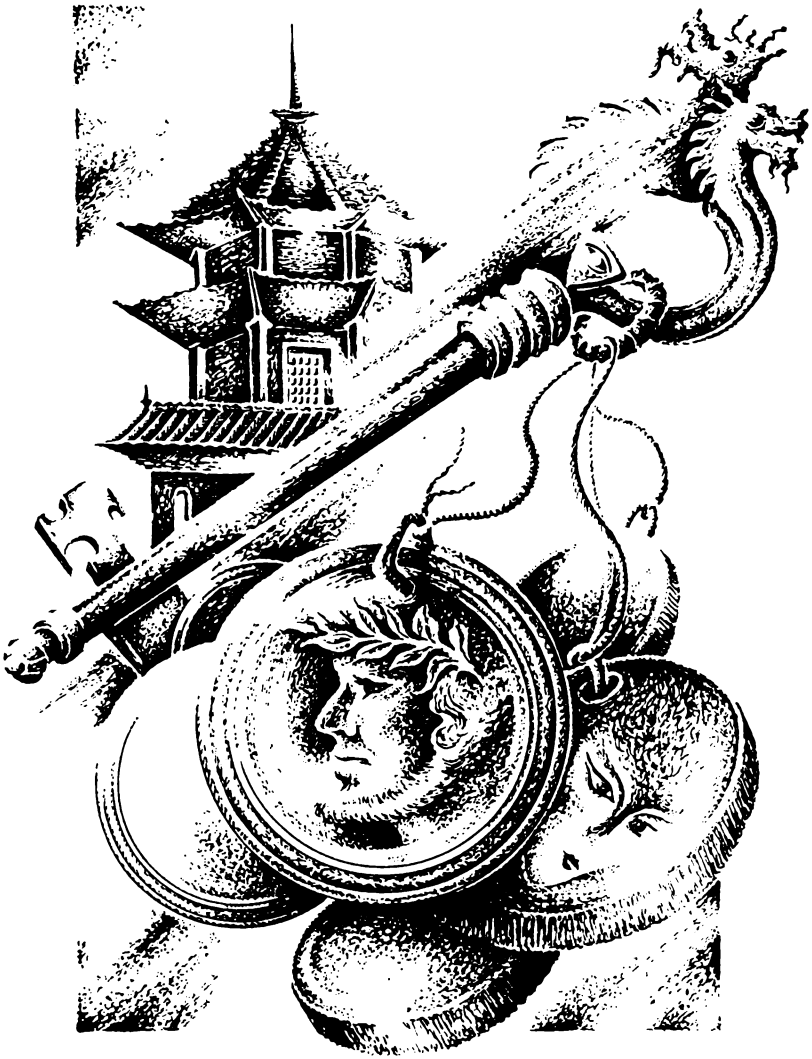
В этом романе писатель ломает устоявшиеся представления о себе и своем творчестве, решительно отказывается от яркости описаний и тугого ритма, которые служили отличительной чертой ранних его произведений. Само название книги, взятое из древнеегипетского папируса, как бы демонстрирует серьезность намерений писателя, стремление создать не просто очередной приключенческий роман, а исследование проблемы, издавна занимающей умы людей. Его «Челн на миллион лет» плывет неспешно и ровно. Куда могут торопиться те, у кого впереди вечность?

Широкими мазками рисует нам Пол Андерсон панораму мировой истории — от плаваний древних финикийцев до первого межзвездного перелета. Иногда, очень редко — раз в век, раз в несколько столетий — рождаются среди людей обделенные способностью стареть. Таковы герои романа — финикиец Ханно, римлянин Руфус, Свобода Володаровна из Древней Руси, Ду Шань из империи Хань и другие, их товарищи на бесконечном пути через годы и страны, нигде не задерживаясь подолгу, выбирая места безлюдные и удаленные от цивилизации, чтобы не заподозрили любопытные соседи, не начали выспрашивать секрет нескончаемой молодости — хорошо еще, если по-доброму выспрашивать, а не жечь каленым железом дьяволовых слуг...

Тщательно и подробно показывает автор, насколько тяжелым грузом ложится на плечи героев нежеланное бессмертие. Некоторых оно ломает — нелегко видеть, как старятся и умирают твои родные, любимые, близкие, как сменяются одно за другим поколения, как превращаются во прах знакомые города, страны и народы. А те, кто выдержал, не сдался, идут вперед, ожидая времен, когда люди перестанут завидовать им, избавившись от смерти сами.

И это время наступает (Андерсон, точно указывающий время действия каждого из эпизодов книги, ставит вместо даты последнего вопросительный знак, как бы демонстрируя, что не желает делать прогнозы), хотя не все из путников

доживают до него. Их остается восемь. Но почему они вновь чувствуют себя чужими в прекрасном новом мире? Человечество лишилось способности к подвигу, да что там — попросту закоснело в скучном своем существовании, где автоматы обеспечивают людей всем необходимым, кроме интереса к новому. Земля пошла той же дорогой, что и все прочие цивилизации Галактики — люди постепенно передали эстафету электронным машинам, и история человечества начала клониться к закату. И восьмеро Реликтов, не смирившихся с подобной участью, уходят в очередное плавание челна на миллион лет, на сей раз — к звездам, где их ожидает не только радостная встреча с чужим разумом, но и необходимость принимать решения — за себя и за все человечество.

ЧЕЛН
НА МИЛЛИОН ЛЕТ

Дж. С. и Кармен Эдмондсонам
Salud, amor, dinero y tiempo para gustarlos *

* Здоровья, любви, денег и всего, чего просит душа (*исп.*).

Да выйдешь ты в плаванье в ладье восхода,
Да вернешься ты в гавань в ладье заката,
Да проляжет твой путь среди вечных звезд,
Да сохранят боги челн твой на миллион лет.

Книга свершений при свете дня
(переложение финикийского текста времен
приблизительно XVIII династии)

Глава 1

ТУЛЕ*

1

— Уплыть бы за край земли...

Голос Ханно упал до шепота. Пифеос глянул на него с острым интересом. В простой беленой комнате, где они сидели, финикиец казался неуместно живым, словно снаружи ворвался солнечный луч. Наверное, это из-за блеска глаз и зубов и еще от загара, заметного даже зимой. Во всех других отношениях Ханно был самым обыкновенным человеком: стройный и гибкий, но невысокий, резкие черты лица, волосы и аккуратная бородка цвета воронова крыла. Туника без всяких украшений, потертые сандалии, одно-единственное золотое кольцо.

— Ты это всерьез? Быть того не может... — отозвался грек.

Ханно выбрался из задумчивости, встряхнулся, рассмеялся.

— Конечно, не всерьез. Просто фигура речи. Хотя не мешало бы до отплытия убедиться, что среди твоих людей довольно

---

* Предположительно Южная Норвегия. *(Здесь и далее, до главы 5 включительно, географические разъяснения автора.)*

таких, кто верит в сферичность нашего мира. На их долю хватит реальных опасностей и забот и без того, чтоб бояться нырнуть в некую бездну за краем.

— Ты говоришь, как образованный, — вымолвил Пифеос.

— Почему бы мне не быть образованным? Я не только путешествовал, но и учился. Ты, господин, — просвещенный человек, философ, и ты предлагаешь мне отправиться в неведомое, причем предлагаешь так, будто уверен в благополучном возвращении...

Подняв с разделявшего их столика кубок, Ханно пригубил разведенное вино, загодя принесенное рабом. Пифеос поерзал на своем табурете. От углей в жаровне исходило тепло, но воздух был спертый. Легкие молили о глотке свежего воздуха.

— Почему в неведомое? Не столь уж неведомое. Твой народ плавал в ту сторону. Ликиас передавал мне твои слова, что ты и сам уже бывал там.

Ханно мгновенно протрезвел.

— Я ему не соврал. Мне доводилось добираться туда и по морю, и посуху. По большей части там дикая пустыня, а что не пустыня, то в наши дни претерпело перемены, непредвиденные и по большей части насильственные. Карфагеняне интересуются оловом и только оловом, хоть и не брезгуют другим добром, коль подвернется под руку. Но они едва коснулись южного края Британских островов, а остальное — за пределами их познаний, да и чьих бы то ни было.

— И тем не менее ты явил желание отправиться со мной...

Прежде чем ответить, Ханно в свой черед пристально всмотрелся в хозяина дома. Пифеос тоже предпочитал простую одежду. Для грека он был слишком высок и худ, чисто выбрит, высокий лоб, четкие черты лица, первые глубокие морщины. Волосы курчавые, каштановые, посеребренные на висках. Глаза серые. Взгляда не прячет, что свидетельствует не то о властности, не то о простодушии, — не исключено, что о том и другом одновременно.

— Да, видимо, так. — Ханно тщательно выбирал слова. — Нам еще предстоит обсудить все в подробностях. Однако скажу, что на свой манер я, как и ты, хочу за отпущенный мне срок узнать как можно больше о земле и населяющих ее народах. Когда я прослышал, что твой человек Ликиас ходит по городу в поисках тех, кто может дать совет, я был счастлив откликнуться. — Он усмехнулся. — Кроме того, в настоящий момент я нуждаюсь в каком-либо достойном занятии. Путешествие сулит хорошую прибыль.

— Мы не торговцы, — объявил Пифеос. — Мы берем с собой товары, но ради обмена на то, в чем будем нуждаться, а не ради обогащения. Впрочем, нам обещали щедрую награду по возвращении.

— Я понял так, что путешествие затеяно не на средства города?

— Верно. На средства заинтересованных купцов. Они хотят выяснить, возможен ли морской путь на дальний Север и во что он обойдется. Ведь из-за галлов путь по суше стал непроходимо опасным. Наших купцов интересует не только олово — олово как раз в последнюю очередь, — но янтарь, меха, рабы, короче, все, что северяне в состоянии предложить.

— Да уж, галлы... — Что тут можно было добавить? Галлы просочились через горы и захватили ближнюю к себе часть Италии; гремели боевые колесницы, сверкали мечи, полыхали пожары, волки и вороны пировали по всей Европе — но это было так давно... В конце концов Ханно произнес: — Я встречался с ними, и это должно нам помочь. Однако предупреждаю, что шансов успешно пройти мимо них мало. А кроме них, есть еще и карфагеняне.

— Знаю.

Ханно поднял голову.

— Знаешь и, несмотря ни на что, организуешь свою экспедицию?

— Поход за знаниями, — спокойно ответил Пифеос. — К счастью, среди купцов есть двое... двое более разумных, чем большинство. Они способны понять, что знания ценны сами по себе.

— Знания обладают свойством окупаться самым неожиданным образом. — Ханно улыбнулся. — Извини меня. Я неотесанный финикиец. А ты человек, пользующийся влиянием в обществе, — слышал, что ты унаследовал большие деньги, — но прежде всего ты философ. Тебе нужен штурман на море, проводник и переводчик на берегу. Думаю, что я подойду тебе.

Пифеос повысил голос:

— Что ты делаешь здесь, в Массалии *? Зачем тебе помогать кому-то, кто действует не в интересах Карфагена?

Ханно мгновенно стал серьезным.

— Не считай меня изменником — я ведь не карфагенянин. Да, я жил в этом городе, как и во множестве других. Но мне там не слишком понравилось. Их обычаи чересчур строги, почти не тронуты греческим и персидским влиянием, а уж их человече-

---

* Одно из древних названий Марселя.

ские жертвоприношения... — Он поморщился, затем пожал плечами. — Не стоит судить чужие обычаи, это удел глупцов. Обычаи от того не изменятся. Что касается меня, я из старой Финикии, иначе говоря, с Востока. Александр Македонский разрушил Тир, а гражданские войны после его смерти привели в плачевное состояние всю прилегающую округу. Я ищу удачи и денег где и как могу. К тому же я по натуре бродяга...

— Придется познакомиться с тобой поближе, — сказал Пифеос довольно резко, вопреки своему обыкновению. Неужели возможно, что он уже перестал сдерживаться при этом незнакомце?

— Разумеется! — Ханно снова повеселел. — Я уже продумал, как доказать тебе мои умения. В самом скором времени. Сознаешь ли ты, что отчалить необходимо как можно быстрее? Желательно в самом начале мореходного сезона.

— Из-за карфагенян?

Ханно ответил утвердительным кивком.

— Новая война в Сицилии отвлечет их внимание на какой-то срок. Агафокл Сиракузский — противник куда более серьезный, чем их лазутчики удосужились выведать. Не удивлюсь, если война перебросится на их собственные берега.

Пифеос воззрился на гостя с удивлением.

— Как ты можешь это знать?

— Я побывал там недавно, а жизнь выучила меня наблюдательности. Это же относится и к Карфагену. Тебе, вне сомнения, известно, что карфагеняне отучили всех иностранцев от плавания за Геркулесовы столбы, зачастую методами, которые, применяй их частные лица, можно бы назвать пиратством. Теперь карфагеняне толкуют о полной блокаде побережий. Если они выиграют эту войну или по меньшей мере сведут ее вничью, то серьезно истощат свои ресурсы и первое время им будет не до блокады, но рано или поздно они ее осуществят. Твоя экспедиция займет года два, вероятнее — три, а возможно, и больше. Чем раньше тронешься в путь, тем выше шансы, что вернешься — если вообще вернешься, — не напоровшись на карфагенский патруль. Сам посуди: не обидно ли, если задуманная тобой одиссея закончится на дне морском или на невольничьем рынке?

— Нам обещано сопровождение военных кораблей.

Ханно покачал головой:

— Это ни к чему. Мелкие суденышки нам не в помощь, а пентеконтеры так длинны, что им нипочем не выдержать плавания в океане. Если ты не был там, мой друг, ты и представить себе не можешь, что такое настоящие волны и настоящий

шторм. А кроме того, где взять пищу и воду для бесчисленных гребцов? Все припасы будут сметены в мгновение ока, а удастся ли раздобыть новые — сомнительно. Один мой тезка сумел обследовать африканское побережье на галерах, но он плыл не на север, а на юг. Тебе же понадобятся паруса. Дозволь, я выступлю твоим советником при покупке кораблей.

— Ты выказываешь очень много умений, — проворчал Пифеос.

— Я прошел очень много дорог и обучался очень многим ремеслам, — ответил Ханно.

Они беседовали еще час и договорились встретиться вновь на следующий день. Пифеос проводил гостя до выхода и постоял с ним минуту на пороге.

Дом был построен на высоком гребне над бухтой. Холмы к востоку, за городскими стенами, сияли в лучах заката. Улочки старой греческой колонии обратились в ручейки тени. Голоса, звуки шагов и колес — все приутихло, воздух замер в прохладном покое. На западе солнце перебросило через воды золотой мост, резко перечеркнутый мачтами гавани. Чайки, реющие над головой, также подхватывали солнце на крыльях, их синеватые контуры были словно подсвечены золотом.

— Чудесный вид, — задумчиво произнес Пифеос. — Наверное, наш берег — прекраснейший во всем мире.

Ханно приоткрыл рот, будто намереваясь поведать о других прекрасных бухтах, какие довелось повидать, но передумал и сказал наконец:

— Значит, постараемся вернуть тебя сюда в целости и сохранности. А это будет ох как непросто.

2

Три корабля продолжали плыть и ночью, при луне. Их капитаны не рискнули заходить на карфагенскую территорию — ни в Гадейру, ни в Тартессос * — и предпочитали держаться как можно мористее даже после заката. Матросы роптали — но ведь на знакомых путях ночное плавание не было чем-то неслыханным, а нынче самый факт пребывания в океане будоражил их сильнее всего остального.

Корабли были совершенно одинаковыми — так легче держаться строем, охраняя друг друга. По всем признакам они принадлежали к торговым судам, хотя главным их грузом были

---

* Предположительно Юго-Западная Испания (Гадейра — древнее название Кадиса).

хорошо вооруженные воины и подобающее им довольствие. Черные корпуса были более узкими, чем обычно, зато в длину достигали нескольких сот футов; на высокой корме крепились два рулевых весла, а на носу, над волнорезом, гордо поднимались украшения — лебединые головы. Центральная мачта несла квадратный главный парус и треугольный верхний. Спереди мачты располагалась небольшая рубка, а позади — два гребных шлюпа для буксировки корабля в безветрие, а в настоящей беде — для спасения жизней. На парусах можно было идти, по-видимому, курсом до восьмидесяти градусов к ветру, но, конечно, очень медленно и неуклюже, — была и более гибкая оснастка, но тогда паруса теряли ветер. Сейчас попутный бриз позволял держать около пяти узлов.

Ханно вышел на палубу. В каюте, которую он поневоле делил с другими, человеку его привычек было нечем дышать. Поэтому он частенько спал наверху вместе с теми из матросов, кому подпалубное пространство тоже казалось чересчур тесным и смрадным. Завернувшись в одеяла, они располагались на соломенных матах вдоль фальшборта. При лунном свете доски белели, были иссечены беспокойными тенями. Тянуло прохладой, и Ханно плотнее закутался в хламиду. Постанывал ветер, перекрывая рокот волн, скрип бортов и снастей. Корабль мягко покачивался, принуждая мышцы напрягаться и танцевать в такт.

По правому борту, неподалеку от бочки впередсмотрящего, на фоне яркой лунной дорожки выделялась чья-то фигура. Узнав Пифеоса, Ханно подошел к нему со словами привета:

— Здравствовать тебе и радоваться! Что, тоже не спится?

— Надеялся провести наблюдения, — отвечал грек. — Не так-то много выпадет нам столь ясных ночей, верно?

Ханно вгляделся в забортную мглу. Над водой дрожали, отсвечивали, искрились дробные блестки. Призрачно кружилась пена. Фонарей на реях было почти не видно, хотя такие же фонари на других судах кое-как различались: они мерцали, покачиваясь. На отдалении, величину которого за мешаниной движущегося света и теней было не угадать, поднималась смутная громада — Иберия.

— До сих пор нам везло с погодой, — заявил Ханно. Заметил в руке у Пифеоса угломер, спросил: — Разве от этой штуки в океане есть какая-то польза?

— Конечно, на берегу она сработала бы точнее. Если бы мы могли... Ладно, подожду. Вне сомнения, когда обе Медведицы поднимутся выше, измерять будет легче.

Ханно бросил взгляд на указанные созвездия — в сравнении с восходящей луной они совсем потускнели.

— Что ты, собственно, хочешь измерить?

— Хочу установить положение северного небесного полюса точнее, чем делалось до сих пор. Видишь, две самые яркие звезды Малой Медведицы и третья, крайняя в ручке ковша, образуют как бы три угла четырехугольника? Четвертый угол — это полюс. Таково, по крайней мере, общее мнение.

— Знаю, — отозвался Ханно. — Я же как-никак штурман.

— Извини, позволил себе забыть. Слишком сосредоточился на своем. — Пифеос горестно хмыкнул, потом заговорил энергичнее: — Если бы уточнить правило большого пальца, представляешь, какую подмогу это оказало бы морякам! Еще важнее это было бы для географов и космографов. Раз уж боги не пожелали поместить какую-нибудь звезду точно на полюсе или рядом с ним, приходится выкручиваться в меру наших способностей...

— Такие звезды были в прошлом, — произнес Ханно. — Были в прошлом и появятся снова в будущем.

— Что? — Пифеос уставился на финикийца с удивлением, но призрачные отсветы мешали вглядываться. — По-твоему, небеса изменчивы?

— С течением веков. — Ханно рубанул рукой воздух, потом добавил: — Забудь об этом. Как ты сам недавно, я высказался не подумав. Надо полагать, ты мне не поверишь. Считай, что это очередная моряцкая выдумка.

— Как ни удивительно, — сказал Пифеос медленно и тихо, поглаживая подбородок, — у меня есть знакомый в Александрии, в великой библиотеке, и он упоминал, что в древних рукописях можно встретить намеки... Все это надо изучить поглубже. Но ты-то, Ханно, как...

Тот ответил обезоруживающей усмешкой.

— Вероятно, время от времени на меня нисходят счастливые озарения.

— Как хочешь, но во многих отношениях ты человек уникальный. Ты же, в сущности, так и не рассказал о себе почти ничего. Скажи, Ханно — твое истинное имя, данное тебе при рождении?

— Оно меня устраивает.

— У тебя, по-видимому, нет ни дома, ни семьи, ни привязанностей. — Повинуясь внезапному порыву, Пифеос воскликнул: — Не хотелось бы мне считать тебя человеком одиноким и беззащитным!

— Спасибо, но ничье сочувствие мне не требуется. — Тем не менее Ханно смягчился. — Не суди меня, исходя из собственного опыта. Ты что, уже скучаешь по дому?

— Не сказал бы. Я же мечтал о таком походе многие годы... — Грек помолчал. — Но у меня есть корни, жена, дети. Мой старший сын уже женат. Ко времени, когда я вернусь, у меня, наверное, будут внуки. Да и старшая моя дочь, — он тепло улыбнулся, — достигла брачного возраста. Теперь подбирать ей мужа придется моему брату, с ведома и согласия моей жены. Да-да, к нашему возвращению у моей маленькой Данаи тоже вполне может уже появиться свой маленький... — Он встряхнулся, будто ветер пробрал его до костей. — Что толку сетовать? В лучшем случае мы вернемся не скоро...

Ханно пожал плечами:

— А до тех пор придется обойтись варварками. Как мне известно, они обычно довольно легкодоступны.

Пифеос посмотрел на него молча и не сказал ни слова. Каковы бы ни были его вкусы, можно не опасаться, что он снизойдет до интимной дружбы с кем-либо из участников экспедиции. Однако сохранилось ли за его мягкой, добродушной внешностью хоть что-нибудь человеческое?

3

Откуда ни возьмись объявились кельты. Не меньше дюжины долговязых воинов выскочили из леса и устремились по травянистому склону к берегу. Нет, гораздо больше дюжины — сотня, две сотни, а то и три. И вдобавок несчетные орды собрались на высоких мысах, окаймляющих бухту, где корабли стали на якорь.

Моряки, занятые разбивкой лагеря, побросали свою работу, закричали, забегали, схватились за оружие. Солдаты, гоплиты и пелтасты в доспехах проталкивались сквозь хаос, занимая боевой строй. Шлемы, нагрудные пластины, щиты, мечи, наконечники копий поблескивали тускло и зловеще под моросящим дождем. Ханно подбежал к командиру воинов Деметру, ухватил его за руку и резко бросил:

— Не начинайте первыми! Им будет в радость снять с нас головы и увезти домой. Как трофеи...

Жесткие черты Деметра тронула презрительная усмешка.

— Ты что, веришь, что, если мы будем ждать их сложа руки, они обнимут нас как друзей?

— Это как сказать... — Ханно вгляделся, прищурясь, в окружающую мглу. Солнце осталось за спиной и за облаками, но, вероятно, уже склонялось к горизонту. На фоне серой стены деревьев атакующих было почти не видно, однако их резкие вопли заглушали гул прибоя, перекатывались эхом от утеса к

утесу, вспугивали чаек, поднимая их на крыло. — Кто-то углядел нас в море, наверное, много дней назад и сообщил соплеменникам. Они понимали, что рано или поздно мы пристанем к берегу, скорее всего там же, где приставали карфагеняне, и следовали за нами под защитой леса. Мы ведь и в самом деле пристали там, где заметили головешки от костров, мусор и другие следы привала...

В сущности, он просто думал вслух.

— Что ж они не дождались, чтоб мы уснули, оставив только часовых?

— Должно быть, боятся темноты. Вряд ли они в своих родных краях. Так что... Погоди, дай сюда! Нужен бы окоренный сук с зелеными побегами, но сойдет и это... — Обернувшись, Ханно попробовал взять вымпел из рук знаменосца, но тот вцепился в древко, круто ругаясь. — Прикажи ему отдать стяг мне, Деметр!

Вожак наемников поколебался, но все же произнес:

— Отдай, Клеант!

— Вот и хорошо. Теперь трубите в трубы, бейте палками по щитам, шумите как можно громче, но не сходя с места.

Подняв вымпел высоко над головой, Ханно пошел вперед — медленно, осмотрительно, древко в правой руке, обнаженный меч в левой. За его спиной визжала медь, грохотало железо. Карфагеняне расчистили поросль вплоть до ручья, откуда черпали воду, — на расстояние примерно в один афинский стадий, футов на семьсот, — но кое-где уже проклюнулись новые кустики, мешающие идти и в особенности идти бесшумно. О том, чтобы появиться перед врагом нежданно-негаданно, не могло быть и речи, — но и кельты еще не накопили решимости для безудержной атаки, повергающей в ужас цивилизованные народы. Они продвигались вперед поодиночке или мелкими группками, беспорядочно, но неотвратимо.

Крупные, прекрасно сложенные воины давно не брились; многие из них отпустили длинные усы. Одни заплетали волосы лентами, другие смазывали их каким-то составом, отчего шевелюра рыжела и стояла торчком. Раскрашенные и татуированные тела подчас сверкали наготой, чаще были обернуты в шерстяные юбочки и примитивные плащи, но кое у кого были даже штаны и туники ярких расцветок. Оружием служили мечи, копья и кинжалы, некоторые тащили перед собой круглые щиты, а вот шлемов было совсем мало.

Однако впереди кельтского авангарда, выстроившегося грубой дугой, шествовал великан в позолоченном шлеме со сверкающими рожками. Шею его охватывало широкое бронзовое

кольцо, руки были обвиты золотыми спиралями. Воинов справа и слева от него отличала почти такая же пышность. Не иначе как вождь. Ханно двинулся прямиком к нему.

Грохот, какой подняли греки, насторожил и озадачил варваров. Они замедлили шаг, умерили воинственные вопли, принялись озираться и перешептываться. Пифеос, наблюдая издали, видел, как Ханно сошелся с вождем лицом к лицу. Потом затрубили горны, зазвенели взволнованные голоса. Кельты рассыпались во все стороны, повторяя одно и то же слово, какого Пифеос не мог понять. Наступление приостановилось, кое-кто даже отошел немного назад, воины присели на корточки или оперлись на копья, и все ждали развития событий. Дождь усилился, дневной свет померк, и теперь Пифеос различал лишь смутные тени.

Миновал мучительно долгий час, сгустились сумерки. В лесу разгорелись костры. Наконец Ханно вернулся, проскользнул мимо выставленной Деметром охраны, мимо скучившихся, притихших моряков и нашел Пифеоса подле самых кораблей — не то чтобы предводитель хотел спрятаться, просто отражение света на воде чуть смягчало сырую мглу.

— Мы в безопасности, — возвестил Ханно. Пифеос шумно перевел дух. — Но впереди у нас нелегкая ночь. Прикажи запалить костры, сделать навесы, достать самое лучшее из наших убогих припасов и сварить как можно лучше. Хотя на качество еды гости вряд ли обратят внимание. Количество впечатлит их гораздо сильнее.

Пифеос попытался вглядеться в лицо, едва видимое в темноте.

— Что произошло? — спросил он неуверенно. — Что такое ты сделал?

Ханно ответил спокойно, но, быть может, с чуть заметной усмешкой:

— Знаешь, мне довелось усвоить кельтский язык в достаточной мере, чтоб объясниться, и неплохо изучить их обычаи и верования. Надо сказать, все это не так уж отличается от обычаев и верований других дикарей, так что если я чего-нибудь и не понимал, то все равно удавалось выкрутиться. Я явился к ним как герольд, что само по себе делало мою особу неприкосновенной, и беседовал с их вождем. Он оказался не таким уж скверным малым, как можно было ожидать. Право, я видывал властителей и похуже — и среди эллинов, и среди персов, финикийцев, египтян... Можно не продолжать.

— Что... чего они от нас хотели?

— Разве не ясно? Одолеть нас, прежде чем мы сумеем отчалить, захватить наши корабли и разграбить. Уже одно это доказывает, что они не на своей земле. Ведь с местными племенами

у карфагенян есть соглашение. Конечно, соглашение тоже можно нарушить по любой пустячной причине. Но тогда бы на нас напали под покровом ночи. Они похваляются своим бесстрашием, однако тут речь о добыче, а не о военной славе. Им ни к чему лишние жертвы, и тем более ни к чему рисковать: а вдруг нам удастся отбить нападение и отплыть восвояси? Тем не менее они пошли в атаку, как только мы выгрузились на берег. Можно сделать вывод, что они боятся темноты, боятся призраков и духов недавно убиенных, еще не обретших покоя. Я сыграл на этом страхе, среди всего прочего.

— Но кто они?

— Пикты с восточного побережья, надумавшие осесть в этих местах. — Ханно принялся расхаживать перед Пифеосом взад-вперед. Влажный песок похрустывал под его ногами. — Не слишком похожи на покорные и полупокорные племена вокруг твоей Массалии, но и не слишком отличны от них. А умелых и ученых уважают много больше, чем обычно водится у греков. Ценят искусные украшения, хорошо сработанные вещи. Считают неприкосновенными не только герольдов, но и поэтов и вообще умных людей. Я внушил им, что я волшебник из тех, кого они именуют друидами, показав им несколько ловких фокусов и бормоча загадочную чепуху. Пригрозил им — очень мягко, разумеется, — что наложу на них заклятие, если они посмеют меня обидеть. Но сначала я еще убедил их, что я поэт, нагло позаимствовав десяток строк у Гомера. Теперь придется потрудиться, повспоминать. Я обещал им завтра прочесть побольше.

— Что, что ты обещал?

Ханно расхохотался.

— Готовь лагерь, говорю тебе. И пиршество. Скажи людям Деметра, что они будут стоять в почетном карауле. Гости пожалуют на рассвете, и склонен думать, что шум и гам продлятся весь день до вечера. От тебя ждут щедрых даров, но это нам не во вред — товаров на обмен у нас в избытке, и к тому же чувство собственного достоинства заставит их отдарить нас еще щедрее, притом таким добром, какому мы наверняка найдем применение. А главное — нам теперь обеспечено безопасное плавание на значительное расстояние к северу. — Он приумолк. Слышны были лишь вздохи воды и суши. — Да, и если завтра выдастся пристойная погода, продолжи свои наблюдения за звездами, Пифеос. Это окажет на них неизгладимое впечатление.

— А ведь это часть того, зачем мы отправились в путь, — прошептал грек. — Мы хотели убедиться, что можно обойтись без кровопролития.

Позади лежали оловянные копи Думнонии *, а рядом гавань, куда никакие карфагеняне не доберутся, пока не кончилась война, и три корабля. Ликиаса поставили следить за их ремонтом и переоснасткой. Деметр наладил разведку побережий к западу и к югу. Обследование внутренних земель и севера Претании Пифеос взял на себя.

Вместе с Ханно и маленьким вооруженным отрядом он миновал невысокие горы и вышел на холмистую равнину, где лесные чащобы перемежались пашнями и пастбищами. Над местностью господствовал исполинский меловой курган, обнесенный рвом и увенчанный впадиной — естественным укрытием для местных воинов и их жилищ.

Командир воинов, уверившись в том, что путники пришли с миром, повел себя гостеприимно. Простой народ был неизменно охоч до новостей со стороны; еще бы, кругозор у большинства варваров был трогательно узок. Беседа шла с запинками и паузами, но кое-как продвигалась благодаря Ханно и человеку из Думнонии, который довел отряд до этого места. Теперь проводник запросился домой. Впрочем, сыскался местный житель со странным именем Сеговакс, вызвавшийся показать гостям нечто удивительное, причем совсем неподалеку.

Ветер, холодный и резкий, возвещал осень, срывал с деревьев пожелтевшие, побуревшие, порыжевшие листья. Однако вскоре тропа вывела на возвышенность, где деревьев почти не было. Были только трава, бесконечные просторы пожухлой травы, то освещенной тусклым солнцем, то иссеченной тенями облаков. Редкие стада овец совсем терялись в этой безбрежности. Греки шли быстрым шагом, ведя в поводу купленных в Думнонии вьючных пони. Что бы ни случилось, возвращаться на укрепленный курган они не собирались: в их распоряжении была всего одна зима, и ее вряд ли хватит на то, чтоб обследовать новые края. А к весне Пифеос хотел вернуться к своим кораблям.

Обещанное чудо раскрывалось перед ними не спеша. Поначалу казалось, что никакого чуда и нет, что местные жители считают его таковым просто за неимением лучшего. Но по мере приближения впечатление нарастало, прежде всего впечатление исполинской, неподъемной массы. За круговым, изъеденным временем земляным валом высилось тройное кольцо вертикальных камней, каждый шириной локтей в семьдесят, и са-

---

* Древнеримское название Юго-Западной Англии, включая Корнуолл.

мые высокие поднимались почти в три человеческих роста, а поверх них лежали горизонтально столь же мощные плиты, серые, побитые ветрами и дождями, заросшие лишайником, недоступные пониманию.

— Что это такое? — прошептал Пифеос.

— Разве ты не видел древних циклопических сооружений на юге?

Ханно был спокоен, но говорить приходилось громко, иначе голос совсем пропадал за ветром.

— Конечно, видел, но ничего подобного... Спроси его!

Ханно обратился к Сеговаксу, который неотступно крутился рядом, и перевел ответ:

— Он говорит, что это построили великаны на заре мира.

— Значит, его соплеменники знают не больше нашего, — произнес грек вполголоса. — Разобьем здесь лагерь, по крайней мере до утра. Может, и выясним что-нибудь...

Особой надежды он ни на что не питал — так могла бы звучать молитва. Тем не менее весь остаток дня он посвятил наблюдениям, как на глаз, так и с помощью инструментов. Если Ханно время от времени мог ему чем-то помочь, то Сеговакс ничего полезного так и не вспомнил. Больше всего усилий Пифеос затратил на поиски точного центра сооружения, а затем на его тщательный осмотр из центра.

— Думаю, — сообщил он, — что в день летнего солнцестояния светило находится как раз над тем дальним камнем. Но я, конечно, не уверен, и мы, увы, не можем задержаться здесь, чтоб удостовериться в чем бы то ни было...

Близилась ночь. Солдаты, довольные, что выпал случай побездельничать, запалили костер, готовили еду, приводили себя в порядок. Их болтовня, а случалось, и взрывы смеха грохотали неуместно и бессмысленно. Но раз они в данную минуту не опасались нападения со стороны смертных, то уж бояться духов, которые вдруг да слоняются где-либо поблизости, им и вовсе не пристало.

Небо прояснилось, и когда воцарилась полная тьма, Пифеос вновь вышел из лагеря провести наблюдения — у него создалась привычка делать это при любой возможности. Ханно увязался за ним, прихватив с собой восковую табличку и стилус, чтобы записывать измерения. Он вполне владел чисто финикийским фокусом — писать при отсутствии света. Пифеос тоже умел читать показания инструментов пальцами, по выступам и зарубкам, — пусть такие данные не отличались идеальной точностью, но лучше такие, чем совсем никаких.

Как только костры скрывались за одним из вертикальных камней, они оставались один на один с небом. Меж замыкающих мир со всех сторон черных плоскостей просвечивали звезды, словно выглядывая из ловушки. Над головой изгибался Млечный Путь, туманная река, перечеркнутая взмахом крыл Лебедя. Лира помалкивала. Дракон свернулся спиралью, поднявшись непривычно высоко к полюсу. Час за часом нарастала стужа, и по мере того как исполинское колесо неба поворачивалось вокруг оси, мороз оседал на камнях инеем.

— Не пора ли хоть немножко поспать? — не выдержал Ханно. — Я уже начинаю забывать, на что похожа теплая постель.

— Наверное, пора, — нехотя согласился Пифеос. — Я, наверное, увидел все, что мог... — Внезапно и резко: — Но это так мало! И всегда будет мало. Наша жизнь на миллион лет короче, чем должна бы быть...

5

Долгое плавание на Север, вдоль все более изрезанных, опоясанных островками и рифами побережий, и вот наконец береговая линия повернула к востоку. Воды здесь были столь же неприветливыми, как и скалы, о которые разбивался прибой; корабли и не пытались подойти к ним, а с заходом солнца вытравливали якоря: лучше уж ежиться ночь напролет без огня, чем рисковать, приближаясь к неведомым утесам. На четвертый день сквозь дымку проступили желто-рыжие высоты какого-то острова. Пифеос решил не огибать остров, а идти проливом. Корабли продвигались вперед до полной темноты.

А утром, будто и не было рассвета, воздух сгустился — хоть режь ножом. За кормой мир от края до края накрыла сплошная белая пелена. Однако поднялся легкий бриз, видимость была порядка дюжины афинских стадий, и они рискнули поднять намокшие паруса. Отвесные берега острова начали уходить назад, хотя впереди по правому борту проглянула неясная темень, наверное, островок поменьше. Долетающий оттуда рев бурунов усилился до грома.

Внезапно белая стена докатилась до кораблей, ослепив их. И бриз прекратился. Мореходы почувствовали себя беспомощными. Не то что плавать в такой туман, даже слыхивать о таком никому не случалось: с середины судна не видно было ни носа, ни кормы, все потонуло в душной, клубящейся седине. Даже волны за бортом, увенчанные пеной, просматривались еле-еле. Вода оседала на снастях, то и дело срываясь вниз беспорядоч-

ными дождевыми струйками. Палубный настил лоснился от влаги, сырость тяжелила волосы, одежду и, казалось, само дыхание. Холод пробирал до костей — уж не стали ли они утопленниками прямо на палубе?

В то же время окружающее бесформие было наполнено звуками. Волнение моря нарастало, корабли дико качались, распорные балки отвечали на качку стонами. С рокотом набегали все более крутые валы, ревел недалекий прибой. Моряки ругались в голос, трубили в рога, отчаянно перекликались с друзьями на невидимых соседних судах. Пифеос, держась неподалеку от рубки, сокрушенно покачал головой и спросил, пытаясь перекрыть шум:

— Откуда берутся волны, если нет ветра?

Рулевой, не способный более видеть, куда держать курс, ответил скрипучим голосом:

— Чудища из глубин. Или боги этих вод сердятся, что мы их побеспокоили...

— Спускай лодки, — посоветовал Пифеосу Ханно. — Пусть держатся впереди, предупреждая о камнях, а может, выведут нас на чистую воду.

Рулевой оскалил зубы:

— Ну уж нет! Нельзя посылать людей прямо в пасть к демонам. Никто не согласится...

— Не стану я никого никуда посылать, — отозвался Ханно. — Я сам поведу людей.

— Или я, — подхватил Пифеос.

Однако финикиец не согласился:

— Мы не вправе рисковать тобой. Кто другой смог бы довести нас до этих краев, кто другой сможет привести нас обратно домой? Без тебя мы все погибнем. Лучше помоги мне подбодрить людей.

Набрать гребцов удалось без особого труда — спокойные слова Пифеоса притушили в них ужас перед стихией. Отвязав лодку, они оттащили ее к борту и, как только судно накренилось и набежавшая белогривая волна оказалась почти вровень с палубой, перебросили через леер. Ханно спрыгнул первым, поставил ноги враспор между банками и, приняв сверху весло, не давал лодке стукаться о борт, пока гребцы не попрыгали следом поодиночке. Закрепив конец троса, они отошли немного и подождали — на воду тем же порядком спустили вторую лодку.

— Надеюсь, что другие капитаны... — начал Ханно, но удар волны заглушил слова, и больше никто ничего не расслышал.

Корабль скрылся в сыром мареве. Лодка вскарабкалась на крутой вал, похожий на движущуюся гору, зависла на гребне и

провалилась в пропасть меж исполинских водяных стен. Грохот шел, мерещилось, отовсюду и ниоткуда. Ханно у рулевого весла только и мог, что постараться не дать тросу запутаться или перерезать кого-нибудь пополам.

— Гребите! — орал он. — Гребите, гребите!..

Людей было можно и не понукать — они налегали на весла изо всех сил, без устали вычерпывали воду, которая стояла в лодке по щиколотку, если не выше. Чудовищная сила подхватила их, завертела, из тумана вырос самый настоящий водопад, взорвавшийся у них над головами. А когда они вновь обрели способность видеть, оказалось, что их отбросило обратно к кораблю. Тут они просто не успели ничего предпринять — лодку с маху ударило о корпус. Доски, взвизгнув, лопнули, гвозди вылетели, и она распалась на части.

Пифеос с борта беспомощно наблюдал, как гребцы, очутившиеся в воде, молотят руками и ногами, пытаясь выплыть. Одного из них бросило на обшивку с такой силой, что череп треснул, и тело мгновенно ушло в глубину.

— Бросай канаты! — приказал Пифеос, а сам, не тратя времени на разматывание бухты, выхватил нож, откромсал полоску от провисшего паруса, перебросил ее через борт.

Полоска в мгновение ока исчезла в тумане и пене, и ни один из тех, кто барахтался в воде, то появляясь, то исчезая, ее не заметил. Отчаянными знаками Пифеос показал, чтоб ему перебросили еще и канат. Не выпуская полоску из левой руки, хоть она и была надежно закреплена, он свесился за леер и, напрягая все силы, правой рукой раскрутил канат, как погонщик волов свой бич. Теперь те, кого можно было спасти, видели его, — не считая, конечно, тех минут, когда корабль поднимало на гребень и Пифеоса захлестывала волна. Мимо пронесло кого-то из гребцов — Пифеос метнул канат ему прямо в лицо. Со второй попытки тот ухитрился поймать снасть, и моряки втащили его на борт.

Третьим спасенным оказался Ханно, так и не выпустивший свое весло. Затем силы оставили Пифеоса, он кое-как с помощью матросов вполз обратно на палубу и рухнул рядом с финикийцем. Желающих повторить подвиг Пифеоса не нашлось, да и различить в волнах больше никого не удавалось. Ханно шевельнулся и произнес, стуча зубами:

— В каюту! И ты, и те двое. Иначе стужа прикончит нас. В здешнем море мы не продержались бы и десяти минут. — Попав в укрытие и раздевшись, они растирали себя полотенцами, пока кровь не потекла по жилам сызнова, и плотно закутались в одеяла. — Мой друг, ты был великолепен, — похвалил

Ханно. — Вот уж не думал, что ты, ученый человек, способен на такое. Сложения ты крепкого, и все же...

— Я и сам не думал, — отозвался Пифеос безжизненным голосом.

— Ты спас нас, пусть немногих, от последствий моего безумства.

— О безумстве нет и речи. Кто мог предугадать, что море при полном безветрии разбушуется так быстро и так неистово!

— Как это могло случиться?

— Демоны, — буркнул один из моряков.

— Нет, — ответил Пифеос. — Вероятно, следствие мощных атлантических приливов, когда их зажало в проливе, запруженном островами и рифами.

Ханно выжал из себя смешок:

— По-прежнему философствуешь?

— У нас осталась всего одна лодка, — заметил Пифеос. — И удача может нам изменить. Молите богов о помощи, ребята. Если хотите, конечно. А я намерен поспать...

И он опустился на свой тюфячок.

6

Корабли уцелели, хотя один не уберегся — чиркнул по скалам так, что разошлись швы. Когда туман приподнялся и море чуть-чуть успокоилось, гребцы привели все три судна к высокому острову, где нашлась безопасная якорная стоянка с пологой прибрежной полосой. При низкой воде здесь можно было развернуть ремонтные работы.

Поблизости жили несколько рыбацких семей. Нечесаные, одетые в шкуры, они держали мелкий скот и корпели на крохотных огородах. Их жилища представляли собой просто-напросто ямы, вокруг которых возвели стенки из наваленных всухую камней, а поверх уложили дерновые крыши. В первые дни туземцы разбегались и наблюдали за пришельцами с опаской, издалека. Пифеос распорядился выложить на земле разные товары, и они пугливо вернулись подобрать дары. После этого греков стали приглашать в гости.

Что и обернулось к лучшему: с запада налетел ураган. Корабли едва укрывались за замыкающими узкий залив утесами, а на самом острове шторм бушевал беспрепятственно дни и ночи напролет. Ветер валил с ног самых сильных мужчин, и даже под крышей приходилось кричать, чтобы расслышать друг друга сквозь неумолчный грохот. Валы, по высоте превосходящие крепостные стены, бились о скалы, взлетая каскадами брызг.

Многотонные камни срывались со своих мест, земля ходила ходуном. А воздух стал солено-пенным, секущим кожу и слепящим глаза. Казалось, весь мир провалился в первобытный хаос.

Пифеос, Ханно и их товарищи жались друг к другу на сухих водорослях, устилающих грязное дно мрачной пещеры. В очаге слабо посверкивали рыжие угли. Они почти не грели, зато испускали едкий дым. Пифеос, как и остальные, выглядел тень тенью и, казалось, шептал, хотя говорил громко:

— Сперва туман, а теперь эта беда. Ни воды, ни земли, ни воздуха — все смешалось, впору обзаводиться жабрами. А дальше к северу, по-видимому, только Великий лед. Думаю, мы добрались до самой границы жизни. — И все-таки его голова гордо приподнялась. — Но границ нашего поиска мы еще не достигли.

7

Следуя морем на восток, в четырех днях плавания от северной оконечности Претании, экспедиция обнаружила еще одну землю. Здесь скалы поднимались из воды так же круто, но за чередой островов пряталась большая бухта. На берегу бухты жил народ, встретивший пришельцев по-доброму. Туземцы не принадлежали к кельтским племенам, были выше и светлее, а их язык напоминал германский, с которым Ханно слегка познакомился в прежних путешествиях; вскоре он достаточно освоился с местным наречием, чтоб его начали понимать. Образ жизни туземцев, их железные орудия и инструменты были сродни кельтским, однако вскрылись и отличия, причем значительные: здесь исповедовали более трезвые верования, не столь пронизанные страхом перед потусторонними силами.

Первоначально греки полагали задержаться здесь ненадолго, расспросить о близлежащих странах, взять на борт свежие припасы и двигаться дальше. Но пребывание затянулось: изнурительный морской труд, опасности и потери вымотали их, а туземцы относились к гостям не только по-дружески, но и с восхищением. По мере освоения языка отношения стали просто превосходными, моряки принимали участие во всех делах общины, охотно делились воспоминаниями и песнями, шутили и веселились. Женщины вели себя более чем радушно. И никто не понуждал Пифеоса поднять якоря и не спрашивал, отчего он не торопится это сделать.

Гости, со своей стороны, отнюдь не тунеядствовали. Они привезли с собой удивительные дары. Мало того, они пригласили мужчин к себе на корабли — а до того здесь знали лишь

баркасы из кое-как сшитых вместе досок и не ведали парусов. От греков местные услышали о разных странах, да и о ближайших морях больше, чем надеялись в самых дерзких мечтах. Взаимная торговля крепла день ото дня, взаимные визиты все учащались. В окрестностях была хорошая охота, солдаты день за днем приносили домой вдоволь мяса. Присутствие греков с их познаниями об окружающем мире принесло общине новое качество жизни, новое ощущение полноты и радости бытия.

Сами жители называли свою страну Туле.

Настало лето, а вместе с ним белые ночи. Ханно выбрал одну из местных девиц и отправился с ней по ягоды. Наедине со свежестью березовых рощ они занялись любовью, и она так устала за день, что, едва вернувшись под отцовский кров, забылась счастливым сном, — а ему не спалось. С час или около того он лежал на ложе из шкур, ощущая рядом ее тепло, слушая ее равномерное дыхание, как и дыхание других членов ее семьи, вдыхая едкие запахи коровника, расположившегося в дальнем конце единственной длинной комнаты. В очаге время от времени полыхали язычки пламени, но мягкая полутьма была обязана своим возникновением не им, а свету, просачивающемуся сквозь плетеную дверь. В конце концов Ханно встал, натянул через голову тунику и крадучись выбрался за порог.

Над головой простерлось небо, совершенно прозрачное, нежностью своего оттенка напоминающее белые розы. Едва ли полдюжины звезд были достаточно яркими, чтобы проступать на нем, и то еле-еле. Было прохладно и тихо, настолько тихо, что удавалось различить шелест волны, лениво лижущей берег. Склон, сбегающий к серебру залива, покрывала роса. А с другой стороны тот же склон взбегал к горам, уходящим сине-серыми вершинами в небо.

Деревня была невелика, домики лепились друг к другу в два ряда, а на околице стоял огромный амбар — рига для молотьбы в дождливую погоду и одновременно какое-никакое укрытие на случай нападения. Дальше шли выгулы, пасеки, крошечные поля, уже меняющие цвет с зеленого на золотистый. Он прошел мимо них к берегу. Отер босые ноги о траву, счищая грязь, оставленную на дорожке свиньями и курами. Сам не поверил бы, как приятно почувствовать кожей влагу. Дальше началась галька, холодная, жесткая, зато гладкая. Был час отлива — в Средиземноморье он остался бы почти незамеченным, а здесь прибрежная полоса была сплошь устлана водорослями, источающими ароматы соленых, таинственных глубин.

На некотором отдалении стоял еще один человек. Он смотрел вверх, держа в руках инструмент. Вот инструмент полыхнул медью, и Ханно подошел поближе.

— Тебе тоже не спится?

Пифеос вздрогнул и обернулся, отозвавшись механически:

— Здравствовать тебе и радоваться...

Прозрачный полусвет не мог скрыть, что улыбка далась ему с трудом.

— Заснуть при таких условиях и впрямь непросто, — сказал Ханно наудачу. — Местные и те спят урывками...

Пифеос кивнул, но ответил по-своему:

— Такая прелесть вокруг, что не хочется упустить ни минуты.

— Для астронома условия не вполне подходящие...

— М-м... зато в дневное время удалось получить более точные данные относительно наклонения эклиптики.

— Таких данных у тебя невпроворот. Ведь точка солнцестояния уже пройдена. — Пифеос отвел глаза, но Ханно продолжал настойчиво: — Ты все время будто защищаешься. Чего ради мы торчим здесь?

Пифеос прикусил губу.

— Нас... нас ждет еще множество открытий. Это же совершенно новый мир...

Ханно оживился:

— Подобный земле пожирателей лотоса из «Одиссеи»?

Пифеос поднял свой угломер, словно прикрываясь им, как щитом.

— Нет, нет, здесь настоящие живые люди, они трудятся, рожают детей, стареют и умирают, как мы.

Ханно пристально смотрел на Пифеоса. Внизу тихо плескалась вода. Наконец финикиец решился и спросил напрямик:

— Всему причиной Вана, не так ли? — Пифеос онемел, а Ханно продолжал, как бы не замечая его смущения: — Да, девушки здесь красивые. Высокие, стройные, с кожей, позолоченной летним солнцем, и небесно-голубыми глазами, а уж эти их гривы светлых волос... да, спору нет. А та, что с тобой, — первая красотка из всех.

— Дело не только в красоте, — промолвил Пифеос. — Она... в ней жив свободный дух. Она не знает грамоты, вообще ничего не знает, но готова учиться и учится быстро. Гордая, бесстрашная. Мы, греки, держим наших жен в клетках. До недавних пор я не задумывался об этом, но... разве не наша собственная вина, что бедняжки тупеют? И мы тогда ищем утешения у любовников-мальчиков...

— Или у шлюх.

— В страсти Вана поспорит с самой пылкой гетерой, но она непродажна. Она действительно любит меня. На днях мы поняли, что у нее будет ребенок. Мой ребенок. Она прильнула ко мне, плача и смеясь...

— Она мила, это верно. Но она же варварка.

— Этому горю можно помочь.

— Не обманывайся, мой друг, — покачал головой Ханно. — Впадать в самообман недостойно тебя. Уж не видится ли тебе в грезах, что, когда мы наконец отплывем, ты возьмешь ее с собой? Если даже она выдержит плавание, то зачахнет и погибнет в Массалии, как сорванный дикий цветок. Чем она сможет там заниматься? Какую жизнь ты в состоянии ей предложить? Увы, слишком поздно. И для тебя, и для нее... — Пифеос вновь онемел, не ведая, что сказать. — И уж тем более ты не можешь поселиться здесь. Подумай сам. Ты, цивилизованный человек, философ, ютишься в жалкой мазанке вместе с десятком других людей и скотом! Никаких книг. Никаких писем. Никаких ученых бесед. Ни скульптур, ни храмов, ни знакомых тебе традиций — просто ничего из того, что сформировало тебя как личность. А дама твоего сердца быстро состарится, зубы выпадут, груди обвиснут, и ты возненавидишь ее лютой ненавистью, потому что она заманила тебя в ловушку, откуда не выбраться. Думай, говорю тебе, думай!..

Пифеос сжал руку, свободную от угломера, в кулак, и принялся безостановочно бить себя по ноге.

— Но что же мне делать?

— Уезжать. Она без труда найдет себе мужа, который возьмет ее с приплодом. Отец ее, по местным понятиям, — хозяин зажиточный, она доказала, что может иметь детей, и вообще здесь каждый ребенок на вес золота, учитывая, скольких они теряют. Поднимай паруса и отчаливай. Мы приплыли сюда в поисках Янтарного острова, помнишь? Или, если остров — миф, тогда мы хотели выяснить, какова правда. И выяснили. Во всяком случае, кое-что о восточных морях и побережьях мы теперь знаем. Затем мы намеревались вернуться в Претанию и закончить плавание вокруг нее, определить ее размеры и очертания — это важно для европейцев, а Туле не будет играть для них никакой роли еще на протяжении многих веков. А затем пора возвращаться на родину, в свой город, к жене, детям и внукам. Будь мужчиной, исполни свой долг!

— Ты... ты говоришь суровые слова.

— Да. Я обязан говорить сурово, поскольку уважаю тебя, Пифеос.

Грек рыскал глазами из стороны в сторону — на горы, устремленные к небесам, где звезды таяли в призрачном свете, на леса и луга, на сияющий залив, за которым лежал невидимый отсюда океан.

— Ты прав, — произнес он в конце концов. — Следовало отплыть давным-давно. Так мы и поступим. Я седобородый осел.

Ханно улыбнулся:

— Нет, просто мужчина. Она вернула твоему сердцу весну, которая, как тебе казалось, миновала без возврата. Мне и прежде случалось видеть такое, и достаточно часто.

— С тобой такое тоже бывало?

Ханно положил руку на плечо друга.

— Пойдем, попробуем поспать. Нас ждет работа.

8

Изнуренные странствиями, потрепанные, полинявшие, но ликующие, три корабля приближались к Массалии. Стоял свежий осенний денек, вода играла и переливалась, словно кто-то рассыпал алмазы на сапфировом поле, однако ветер был слабеньким, да и днища давали течь; идти приходилось медленно.

Пифеос подозвал к себе Ханно и попросил:

— Постой со мной на палубе. Не исключено, что нам с тобой больше никогда не выдастся случая для спокойной беседы.

Финикиец не споря прошел на нос: в последний час плавания Пифеос решил лично выступить в роли впередсмотрящего.

— Да уж, — согласился Ханно, — ты теперь, конечно, будешь занят. Все твои знакомые и их родственники до третьего колена захотят зазвать тебя в гости и расспросить, послушать твои рассказы, будут засыпать тебя письмами, записываться в очередь на твою книгу и сетовать, что ты не подготовил ее загодя...

Пифеос скривил губы.

— У тебя всегда найдется шуточка про запас...

Какое-то время они молчали, наблюдая. Мореходный сезон подходил к концу, и волны — какими же крошечными и тихими они казались вдали от Атлантики! — несли на себе суда и суденышки всех видов и размеров. Гребные лодки, баржи, просмоленные рыбачьи баркасы, толстопузые прибрежные торговцы, большой зерновоз из Египта, вызолоченная прогулочная посудина, два сухопарых военных корабля, спустивших паруса и пробирающихся по-паучьи на веслах, — и все норовили про-

скользнуть в гавань, опередив остальных. Над морем перекатывались крики, а то и ругательства. Гулко хлопали паруса, скрипели уключины. А впереди сверкал город, белый в синих тенях лабиринт, не желающий держаться в крепостных стенах. Над рыжими черепичными крышами лохматились дымы. Вокруг, среди бурого жнивья, еще зеленеющих пастбищ, темных сосен и желтых садов, гнездились усадьбы и виллы, а еще дальше начинались серо-коричневые горные гряды. Сотнями реяли чайки, ныряя и истошно крича, буйные, как снежная метель на севере.

— Ты не передумал, Ханно? — осведомился Пифеос.

— Не могу я передумать, — решительно ответил финикиец. — Задержусь только до выплаты жалованья, и всего хорошего...

— Но почему? Не понимаю почему, а ты не хочешь объяснить.

— Так лучше для всех.

— Уверяю тебя, для человека твоих способностей здесь раскрывается блестящее будущее. Без всяких границ. И не думай, что будешь жить на птичьих правах. Я пользуюсь влиянием и выхлопочу тебе, Ханно, массалийское гражданство.

— Знаю. Ты уже говорил мне об этом. Спасибо, но нет.

Пифеос тронул финикийца за руку, сжимающую бортовое ограждение.

— Ты опасаешься, что найдутся люди, которые попрекнут тебя твоим происхождением? Не попрекнут, обещаю твердо. Мы выше этого, наш город открыт для всего мира.

— Я останусь чужаком для всех и всегда.

Пифеос сказал со вздохом:

— Ты ни разу не открыл мне свою душу, как я открывал тебе свою. И все равно я никогда не чувствовал такой близости по отношению к кому бы то ни было, даже...

Он запнулся, и оба отвели глаза. Ханно первым обрел свой обычный сдержанный тон, однако сумел еще и улыбнуться.

— Мы вместе пережили очень и очень многое, хорошее и плохое, ужас и скуку, веселье и страх, восторг и смертельную опасность. Такие вещи связывают.

— И все-таки ты рвешь эту связь так легко? — удивился Пифеос. — Говоришь мне «прощай», и все?

На мгновение, прежде чем Ханно сумел восстановить насмешливый тон, что-то в нем дрогнуло, и грек сумел уловить в словах собеседника странную боль:

— Что есть жизнь, как не вечное прощание с близкими?..

Глава 2

ПЕРСИКИ ВЕЧНОСТИ

Янь Тинко, субпрефект области Журчащий Ручей, готовился к встрече инспектора из Чананя *. Хорошо еще, что инспектору предшествовал скороход с предупреждением, что тот прибывает по поручению самого императора, и дворня успела подготовить достойный прием. И на следующий день, когда солнце поднялось в зенит, на восточном тракте показалось облако пыли. Как только облако подкатилось ближе, в нем обозначился отряд всадников — воинов и слуг, а следом за ними четыре белых коня катили повозку государственного сановника.

Вымпелы трепетали на ветру, булат блистал на солнце — прекрасное зрелище, особенно по контрасту с невозмутимостью природы. Янь Тинко наслаждался им с высоты расположенного на холме подворья, стоя у ворот и озирая землебитные стены, черепичные и соломенные крыши поселка Мельничный Жернов. Дома теснились вдоль узких улочек, отданных крестьянам и свиньям; но и эти изгои не оскорбляли взор — они были неотъемлемы от щедрой желтовато-коричневой лёссовой почвы, кормившей народ. Вокруг поселка раскинулись поля. Лето только-только началось, и на фоне ярко-зеленого ковра всходов ячменя и проса виднелись одетые в синее люди, гнущие спины ради будущего урожая. Уменьшенные расстоянием, вдалеке пестрели хутора. Разбросанные там и тут сады уже отцвели, но на ветках уже набухала завязь, а листва играла солнечными зайчиками. Ивы вдоль оросительных каналов тихонько лепетали на пропахшем зеленью ветру. Темные сосны и кипарисы на дальней гряде были полны горделивого достоинства. Из тени рельефно выступали склоны, отданные под пастбища.

К западу от деревни крутизна склонов быстро нарастала, лес густел. Путь до границ Поднебесной еще далек, долог и труден; где-то там вдали раскинулись царства тибетцев, монголов и прочих варваров, но уже и здесь очаги цивилизации разделены изрядными расстояниями, и прибытие в любой из них доставляет путнику удовольствие, какого он наверняка не испытывает в сердце страны.

Янь Тинко тихо произнес:

Радостно нам наблюдать
Череду неизменных сезонов —

---

* Древняя столица Китая, расположенная вблизи современного Сианя.

Тех, что от века богами дарованы нам;
Радостно нам соблюдать
Череду ритуалов священных —
Тех, что от века завещаны предками нам...

Не дочитав старинные стихи, он умолк и вернулся во двор. Обычно он дожидался гостей в доме; однако ради императорского посланца Янь Тинко поместился с сыновьями на террасе, облачившись в лучшие одеяния. Слуги выстроились живым коридором от крыльца до внешних ворот; лабиринт кустов закрывал от высокого гостя все, кроме пруда с золотыми рыбками. Женщины, дети и чернорабочие спрятались от глаз подальше в строениях подворья.

Прибытию процессии предшествовали разнообразные звуки — топот, дребезжание и лязг металла. Затем о том же, но более официально, возвестил конюший, спешившись и войдя в подворье. На полпути его встретил управитель; они обменялись поклонами и приличествующими случаю словами. Затем появился и сам инспектор. Слуги простерлись ниц, а Янь Тинко отдал посланцу императора почести, как вельможе более высокого ранга.

Цай Ли учтиво отвечал на приветствия. Внешность его не очень впечатляла — ростом он был невысок и довольно молод для человека, достигшего такого поста. Субпрефект же был высок и седовлас. С первого взгляда было ясно, что инспектор проделал долгий и трудный путь, — даже символы, надетые им перед выходом из экипажа, помялись в дороге. Однако бежавшая по его жилам кровь многих поколений приближенных к трону позволяла ему хранить спокойную, величавую осанку. Хозяин и гость сразу понравились друг другу.

Цай Ли сопроводили в его комнаты, где уже ждали омовение и свежие одежды. Позаботились и о свите: помощников и чиновников расселили согласно их рангам, стражников определили на постой в крестьянские дома. Воздух наполнило благоухание готовящегося пира — ароматы специй, трав, жареной птицы, молочных поросят, щенков и черепах. Тонко пахли слегка подогретые напитки. Из дома, где репетировали певцы и танцовщицы, порой доносился звон цитры или певучий удар гонга.

Инспектор дал понять, что перед встречей с местными чиновниками хотел бы побеседовать с субпрефектом наедине. Разговор состоялся в покоях, обставленных весьма скудно — всего две ширмы, свежие соломенные циновки и низенький столик с рисовым вином и пирожными с юга. Зато здесь было светло и просторно, пропорции помещения радовали глаз. Рисунки на

ширмах — бамбуковая роща и горный пейзаж — были изящными, каллиграфия изысканной. Цай Ли выразил восхищение — достаточно явственное, чтобы подчеркнуть собственный вкус, но не преувеличенное, дабы не напроситься на дар.

— Нижайший раб благодарит за доброе слово, — склонился Янь Тинко. — Боюсь, государь сочтет нас, обитателей здешних краев, бедными и полуграмотными.

— Вовсе нет, — отвечал Цай Ли, поднося к губам чашечку. Его длинные полированные ногти ярко блеснули. — Правду сказать, у вас тут прямо гавань покоя и порядка. Увы, даже в окрестностях столицы изобилуют разбойники и смутьяны, а подальше скрываются настоящие бунтари; и кочевники, несомненно, вновь поглядывают алчно на нашу сторону Великой Стены. Так что волей-неволей пришлось отправиться в путь в сопровождении воинов. — В голосе инспектора отчетливо прозвучала нотка презрения к низшему из свободных сословий. — Хвала небесам, надобности в них не возникало. Воистину астрологи выбрали для моего отбытия благоприятный день.

— Быть может, помогло как раз присутствие воинов, — сухо заметил Янь Тинко.

— Слышу речи старого доброго владетеля, — улыбнулся Цай Ли. — Насколько я понимаю, ваше семейство уже давненько главенствует в этих краях?

— С той самой поры, когда император Уди удостоил этой чести моего благородного предка Янь Чи за доблесть в боях с северными варварами. Ах, то были славные дни! — Цай Ли тихо-тихо вздохнул. — Нам, их недостойным наследникам, остается лишь сдерживать лавину бед живой плотиной.

Янь Тинко немного поерзал, прокашлялся, взглянул прямо на собеседника и сказал:

— Мой государь, несомненно, стоит на самом гребне плотины, и столь долгое изнурительное странствие тому подтверждением. Будет ли нам дозволено поддержать его праведные стремления и каким образом?

— В основном мне требуются сведения. И проводник, пожалуй. До столицы докатилась весть о мудром, а то и святом человеке из ваших мест.

— Что?! — не поверил своим ушам Янь Тинко.

— Басням странников верить нельзя, но мы опросили несколько человек, и рассказы их сходятся. Он проповедует учение Дао, и добродетель принесла ему редкое долголетие. — Цай Ли поколебался, но добавил: — Или даже бессмертие... Что вам известно об этом, господин субпрефект?

— А-а, — Янь Тинко насупился. — Теперь я понял. Некто, именующий себя Ду Шанем.

— Значит, вы настроены по отношению к нему скептически?

— Он не соответствует моим представлениям о святом человеке, господин инспектор, — проворчал Янь Тинко. — В желающих выдать себя за святого недостатка нет. Простые крестьяне склонны верить всякому вруну, особенно в столь беспокойные времена, как нынче. Находятся неприкаянные бродяги, которые не делают ничего полезного, а лишь побираются да произносят обольстительные речи. Заявляют, будто обладают волшебной силой. Крестьяне клянутся, что видели, как они исцеляли недуги, изгоняли демонов, воскрешали мертвых, — словом, все, что в голову взбредет. Я разобрал несколько подобных случаев и не нашел реальных подтверждений ни единому слову. Подтвердилось лишь, что, прежде чем податься дальше, эти подзаборники успевают попользоваться кошельками мужчин и благосклонностью женщин, утверждая, что таков Путь.

Цай Ли взглянул на него с прищуром.

— О шарлатанах нам ведомо. Ведомо и о простых ворожеях, народных колдунах — по-своему честных, но темных и суеверных. Увы, их верования и обряды действительно начали просачиваться в чистое некогда учение Лаоцзы. Сие прискорбно.

— А разве двор не следует неукоснительно наставлениям великого Кунцзы * ?

— Разумеется. И все же, господин субпрефект, мудрость в сочетании с силой встречается все реже. Услышанное навело самого Единого на мысль, что голос Ду Шаня был бы желателен в хоре имперских советников.

Янь Тинко устремил взор в чашку, будто искал там утешительного совета.

— Не мне ставить под вопрос волю сына небес, — наконец заговорил он. — Осмелюсь сказать, этот молодец серьезного вреда не наделает. — Он рассмеялся. — Пожалуй, он даже не уступит иным советникам.

Цай Ли некоторое время молча всматривался в собеседника, прежде чем вымолвить:

— Уж не намекаете ли вы, господин субпрефект, что советники императора в прошлом вводили его в заблуждение?

Янь Тинко слегка побледнел, потом вспыхнул и чуть ли не огрызнулся:

— Я не проронил ни слова хулы, господин мандарин.

---

* В Европе этот древнекитайский философ известен под именем Конфуция. (*Примеч. пер.*)

— Разумеется, нет! — с готовностью отозвался Цай Ли. — Хотя, между нами, подобный намек был бы вполне справедлив. — Теперь Янь Тинко поглядел на него испуганно. А Цай Ли продолжал без обиняков: — Посудите сами. Прошло десять лет с тех пор, как Ван Ман стал наместником небес. Он провел много реформ, изо всех сил стремился творить добро своему народу. И все-таки смута не утихает. Ее питают, да будет сказано, бедность в Поднебесной и варварское невежество за ее рубежами. — Инспектор оставил недосказанным, что есть и такие, их даже больше, кто считает династию Цинь просто узурпаторами, захватившими трон в результате дворцовых интриг, и заявляет, что давно пора вернуть династии Хань власть, принадлежащую ей по праву. — Ясное дело, нам весьма нужен добрый совет. Мудрость и добродетель нередко обитают под кровлей простолюдина.

— Должно быть, ситуация действительно отчаянная, если вас послали в такую даль лишь за тем, чтобы расследовать пустые слухи, — выпалил Янь Тинко и торопливо добавил: — Конечно, ваш приезд, государь, для нас большая честь и счастье.

— Вы весьма любезны, господин субпрефект. — Тон Цай Ли стал более резким. — Так что же вы можете поведать о Ду Шане?

Янь Тинко устремил взгляд прочь, нахмурился, подергал себя за бороду и медленно заговорил:

— Если честно, назвать его жуликом я не могу. Я расследовал все слухи, какие мог, и не нашел в его поступках ничего предосудительного — ни мошенничества, ни иных неправых деяний. Вот только... по моим понятиям, он ни в чем не похож на святого.

— Ищущие истин Дао частенько бывают, ну скажем, несколько чудаковаты.

— Знаю. И все же... Но позвольте по порядку. Он появился у нас лет пять назад, а до того прошел через северо-восточные уезды, на время задерживаясь в каждом из них. С ним странствовал один-единственный ученик, юноша из крестьянского сословия. С той поры он принял еще двух учеников и отверг всех других претендентов. Поселился он в пещере, что находится в горном лесу у водопада, в трех-четырех часах ходьбы отсюда. Там он предается созерцательному размышлению, то есть так он утверждает. Я бывал там; пещера обращена в довольно уютное обиталище. Никакой роскоши, но и никаких лишений. Ученики выстроили себе хижину по соседству с пещерой. Возделывают небольшое поле, ловят рыбу, собирают орехи, ягоды и

корни. Остальное, вплоть до денег, ему приносят в дар окрестные жители. Они приходят туда, чтобы выслушать слова, которые он потрудится им сказать, исповедуются в своих горестях — он доброжелательно склоняет к ним слух, — и получают его благословение, а то и просто проводят час-другой в его обществе. Время от времени он на день-два спускается к нам. Далее все происходит одинаково — он на славу ест и пьет в одной местной харчевне, после чего резвится в нашем единственном веселом доме. Я слышал, он могучий любовник. Впрочем, мне не ведомо, чтобы он соблазнил чью-либо дочь или жену. Тем не менее его поведение не кажется мне благочестивым, а те его нравоучения, что мне доводилось слышать, кажутся полной бессмыслицей.

— Дао невозможно выразить в словах.

— Знаю. И тем не менее... Тем не менее...

— Что до увеселений... Я слышал от сведущих даосов, что любовные утехи, особенно продолжительные, позволяют прийти к равновесию сил «янь» и «инь» *. По крайней мере, так проповедует одна из школ. Другие с ней не соглашаются, как мне сказывали. Но вряд ли можно ожидать соблюдения общепринятых приличий от человека, стоящего на пути просветления.

— Похоже, государь мой куда терпимее меня, — выдавил кислую улыбку Янь Тинко.

— Я лишь считаю необходимым подготовиться к тому, с чем встречусь, настроиться на постижение непостижимого. — Цай Ли помолчал. — Что известно о прежней жизни Ду Шаня? Насколько справедливы его притязания на преклонный век? Я слышал, обликом он молод.

— Это так, и бодрости ему не занимать. А мудрецу, по-моему, пристало выглядеть почтенным. — Янь Тинко перевел дух. — Впрочем, я сделал запросы на предмет проверки упомянутых его притязаний. Нельзя сказать, что он трубит о своем возрасте на всех перекрестках. Пожалуй, он даже избегает упоминать об этом, доколе не вынужден бывает пояснить, каким образом давно покойный Чоу Пэнь мог стать его учителем. В то же время он и не пытается замести следы. Мне удалось опросить ряд лиц и навестить ряд уездов, имевших к нему отношение, когда дела мои вели в те края.

---

* Фундаментальные понятия древнекитайской философии, воплощающие в себе противоречивые начала природы: мужское и женское, твердое и мягкое, рост и увядание и т. п.

— Будьте добры поведать мне о том, что вам удалось установить, дабы я мог сопоставить это со сведениями, имеющимися в моем распоряжении.

— В общем, не подлежит сомнению, что он рожден более сотни лет назад. Это случилось в области Трех Великих Камней, и принадлежал он всего-навсего к сословию мастеровых. Он пошел по стопам отца, стал кузнецом, женился, завел детей, — словом, ничего необычного, кроме того, что не старел телом. Соседи дивились, но он вроде бы не пытался извлечь из своего положения никаких выгод. Вместо того, когда дети его переженились, а жена скончалась, он провозгласил, что идет искать мудрости, хотя бы для того, чтобы выяснить причины своей исключительности. Он снялся с места, и о нем долго не слыхали, пока он не стал учеником Чоу Пэня. Когда же сей мудрый муж тоже скончался, Ду Шань двинулся дальше, неся людям учение Дао и постигая его на свой лад. Не знаю, насколько его речения и жизнь соответствуют заветам Чоу Пэня. Не знаю также, надолго ли Ду Шань задержится здесь. Наверное, и сам он этого не знает. Я спрашивал его, но такие люди на редкость умело уклоняются от вопросов, на которые не желают отвечать.

— Благодарю вас. Все сходится с тем, что мне докладывали. Но человеку вашей проницательности, господин субпрефект, должно быть очевидно, что подобная жизнь указует на некие сверхъестественные силы, и...

Но тут в дверях выросла почтительно изогнувшаяся фигура.

— Войди и говори, — предложил Янь Тинко.

Секретарь Цай Ли шагнул в комнату, низко поклонился и объявил:

— Нижайший просит у высоких сановников прощения за причиняемое беспокойство. Однако до него долетела весть, которая может оказаться для них интересной и даже спешной. Мудрец Ду Шань показался на западной дороге. Он направляется в селение. Не соизволит ли государь отдать какие-либо приказания на сей счет?

— Ну и ну, — пробормотал субпрефект. — Любопытное совпадение.

— Если только совпадение, — отозвался Цай Ли.

Янь Тинко приподнял свои густые брови.

— Он что же, предвидел прибытие высокого гостя и его намерения?

— Для этого вовсе не требуется обладать таинственными способностями. Цель Дао — привести все сущее в гармоническое соответствие.

— Призвать ли мне его сюда или попросить обождать, пока государю не будет угодно встретиться с ним?

— Ни то ни другое. Я сам сойду к нему, хоть мне и горько прерывать столь занимательную беседу. — Заметив удивленный взгляд хозяина, Цай Ли добавил: — В противном случае мне пришлось бы искать встречи с ним в его обиталище. Выкажем ему уважение, раз он достоин того.

Сановник встал с подушек, шелестя шелком и парчой, и вышел. Янь Тинко последовал за ним. Конюший поспешил созвать подобающую свиту, отправив ее вослед начальникам. Выйдя из ворот, процессия начала спускаться по склону достойной поступью.

Занимался ветер. Он с гулом летел с севера, остужая воздух и погоняя перед собой стада туч, — их тени бежали по полям, будто серпы в проворных руках. Пронеслась стая ворон, перекрывшая своим карканьем людские голоса.

Вокруг колодца толпился народ. Здесь собрались все, кто не был занят на пашнях: торговцы, ремесленники, их жены и дети, престарелые и недужные. Тут же толклись прибывшие с инспектором воины, снедаемые любопытством. В центре внимания был мужчина с крупной, мощной фигурой в простой синей одежде — такой же стеганой куртке и штанах, как у любого окрестного земледельца. Ноги были босы, на них бугрились мозоли. Голова его также была не покрыта; черные пряди, выбившиеся из затылочного узла, трепетали на ветру. Широкое лицо с приплюснутым носом обветрилось до черноты. Рядом с ним стоял молодой человек, одетый столь же скромно. А мужчина, прислонив свой посох к кладке колодца, посадил на плечо крохотную девчушку.

— Ну что, малышка? — смеялся он, щекоча дитя под подбородком. — Хочешь покататься на своей старой лошадке? Ах ты, бесстыдная попрошайка!

Девочка жмурилась и хихикала.

— Благословите ее, учитель, — попросила мать девочки.

— Да она сама — благословение! — отвечал тот. — Она еще не покидала Врат Покоя, к которым мудрые люди надеются когда-нибудь вернуться. Что не мешает тебе мечтать о леденцах, а, сестренка?

— По-твоему, детство лучше старости? — продребезжал старик с жидкой седой бороденкой, согбенные плечи которого уже не могли распрямиться от груза лет.

— Ты просишь от меня поучений, когда мое бедное горло пересохло от дорожной пыли? — добродушно ответствовал

новоприбывший. — Нет, уж будьте добры, сперва одну-две-три чашечки винца. Никаких излишеств, даже в самоограничении.

— Дорогу! — провозгласил конюший. — Дорогу государю Цай Ли, посланцу императора из Чананя, и начальнику области Янь Тинко!

Голоса умолкли, люди расступились. Девочка, испугавшись, захныкала и потянулась к матери. Мужчина вернул баловницу и поклонился двум облаченным в парчовые халаты мужам — с уважением, но нисколько не униженно.

— Это и есть наш мудрец Ду Шань, господин инспектор, — сказал субпрефект.

— Расходитесь! — объявил конюший простолюдинам. — Дело государственной важности!

— Они могут слушать, если пожелают, — мягко прервал его Цай Ли.

— Их смрад не должен оскорблять ноздри государя, — провозгласил конюший; толпа с шарканьем отодвинулась, разбилась на группки и с любопытством глазела, что же будет дальше.

— Не вернуться ли нам в дом? — предложил Янь Тинко. — Сегодня тебе оказана великая честь, Ду Шань.

— Нижайше благодарю, — отвечал тот, — но мы убоги, неумыты и вообще недостойны посетить благородный дом. — Голос его был низок, в нем не хватало столичного лоска, но его речь никак нельзя было назвать бескультурной. И в голосе, и в глубине глаз будто таился смешок. — Могу я позволить себе вольность представить своих учеников Чи, Вэя и Ма?

Трое юношей простерлись перед сановниками ниц и лежали, пока учитель не подал им недвусмысленный знак встать.

— Они могут присоединиться к нам, — предложил Янь Тинко.

Субпрефекту не удалось до конца скрыть свою брезгливость. Заметил ли это Ду Шань? Он обратился к Цай Ли:

— Быть может, господин не погнушается изложить свое дело немедля? Тогда можно будет судить, не станет ли наша беседа пустой тратой его времени.

— Надеюсь, нет, господин мудрец, ибо я растратил оного уже немало, — улыбнулся инспектор. Он обернулся к местному владетелю, своему секретарю и остальным, слышавшим разговор и немало изумленным его оборотом. — Ду Шань прав. Он же уберег меня от несомненно трудного пути к его отшельнической келье.

— Простое стечение обстоятельств, — отозвался Ду Шань. — И не требуется быть провидцем, чтобы догадаться о цели вашей поездки.

— Возрадуйся, — продолжал Цай Ли, — молва о тебе достигла августейших ушей самого императора. Он повелел мне отыскать тебя и доставить в Чанань, дабы вся Поднебесная могла пожать плоды твоей мудрости.

Ученики испуганно охнули, но сумели кое-как удержаться, чтобы не пасть ниц снова. Ду Шань сохранил внешнюю невозмутимость.

— У Сына Небес наверняка советников без счета.

— Это так, но он не удовлетворен ими. Как сказано, тысяча мышей не заменит одного тигра.

— Вероятно, господин не совсем справедлив к советникам и министрам. Их задачи безмерны, и не моему ничтожному разуму их постигнуть.

— Твоя скромность похвальна и говорит о силе твоего духа.

— Нет, — покачал головой Ду Шань, — я глупец и невежда. Разве осмелюсь я хоть одним глазком взглянуть на императорский трон?

— Не клевещи на себя, — сказал Цай Ли с легкой ноткой нетерпения. — Нельзя прожить столь долгий век, не достигнув высот мудрости и не набравшись опыта. Более того, ты раздумывал над тем, что видел, и извлек из этого ценные уроки.

Ду Шань позволил себе усмехнуться, будто в разговоре равного с равным.

— Если я чему и научился, то лишь тому, что разум и познания сами по себе стоят немногого. Вне прозрений, не укладывающихся в слова и образы обычного мира, разум служит главным образом как поставщик самых убедительных доводов в пользу того, что мы намерены сделать так или иначе.

Янь Тинко не смог сдержаться и вклинился в беседу:

— Давай не кобенься! Ты не аскет, а император вознаграждает за добрую службу с императорской щедростью.

Манеры Ду Шаня быстро изменились, словно он стал учителем, чей ученик соображает туговато.

— Во время своих странствий я навестил и Чанань. Прийти ко двору я, разумеется, не мог, но бывал во дворцах вельмож. Государи мои, там слишком много стен. Один покой отгорожен от другого, а когда в сумерках на башнях проговорят барабаны, ворота закрываются для всех, кроме самых высоких особ. В горах же можно беспрепятственно бродить под усыпанным звездами небом.

— Для ступившего на Путь не должно быть разницы между одним местом и другим, — заметил Цай Ли.

— Государю хорошо ведома «Книга Пути и Добродетели»*, — склонил голову Ду Шань. — Однако я — бредущий ощупью слепец, который вечно будет натыкаться на стены.

Цай Ли напряженно выпрямился.

— Сдается мне, ты ищешь доводы, дабы уклониться от долга, который кажется тебе обременительным. Зачем же ты берешься проповедовать, если печешься о людях столь мало, что не хочешь поделиться своими мыслями с целью помочь им?

— Людям не поможешь, — негромкие слова Ду Шаня перекрыли посвист ветра. — Только они сами могут одолеть свои беды, и отыскать Путь каждый может лишь самостоятельно.

Голос Цай Ли обрел жесткость и остроту, как неторопливо извлеченный из ножен клинок:

— Значит, ты отвергаешь милость императора?

— Многие императоры пришли и ушли. Многим еще предстоит. — Ду Шань указал в пространство. — Взгляните на летящую по ветру пыль. Некогда и она была живым телом. Лишь Дао пребудет вовеки.

— Ты рискуешь... рискуешь быть наказанным, господин мудрец.

Ду Шань вдруг расхохотался, по-крестьянски хлопая себя руками по ляжкам.

— И голова, снятая с плеч, согласится на роль советника? — Он столь же стремительно успокоился. — Государь, я вовсе не желал проявлять непочтения. Я лишь сказал, что не гожусь для трудов, которые вы мне уготовили, я недостоин их. Возьмите меня с собой — вскоре убедитесь в этом сами. Не стоит тратить на меня драгоценное время Единственного.

Цай Ли вздохнул. Янь Тинко, пристально следивший за инспектором, чуточку расслабился.

— Плут, — с сожалением сказал инспектор. — Ты используешь Книгу — как там сказано? — «Как вода, мягкая и уступчивая, точит самый твердый камень...»

Ду Шань поклонился:

— Не лучше ли сказать, что поток течет к своей цели, а глупая скала стоит, где стояла?

Теперь Цай Ли заговорил с ним как с равным:

---

* Каноническое сочинение даоизма.

— Если ты не пойдешь — что ж, так тому и быть. Прости, но мне придется доложить, что ты оказался... досадной ошибкой.

Ду Шань чуть не ухмыльнулся.

— Весьма проницательное замечание. — Он обернулся к субпрефекту. — Вот видите, господин, мне вовсе незачем затаптывать ваши прекрасные циновки. Лучше мы с учениками тотчас же избавим вас от своего присутствия.

— Прекрасно, — холодно отозвался Янь Тинко.

Инспектор бросил на него осуждающий взгляд, вновь повернулся к Ду Шаню и спросил, слегка волнуясь:

— И все же, господин мудрец, ты можешь похвалиться едва ли не самым долгим веком из всех людей — но возраст на тебе ничуть не сказался. Хоть это ты можешь мне объяснить?

Ду Шань помрачнел. Со стороны могло показаться, что в голосе его прозвучала жалость к самому себе:

— Меня вечно об этом спрашивают.

— И?..

— И я никогда не даю внятного ответа, ибо не способен.

— Но ты наверняка знаешь его.

— Я уже сказал, что не знаю, но люди настаивают все равно... — Ду Шань вроде бы стряхнул с себя грусть. — Рассказывают, что в саду Си Ванму, Матери Царей Запада, растут волшебные персики и те, кому она позволит их отведать, становятся бессмертными.

Цай Ли долго-долго смотрел на него, прежде чем чуть слышно ответил:

— Как угодно, господин мудрец. — Зрители затаили дыхание и один за другим отступили подальше. Инспектор отвесил поклон. — Отбываю, преисполненный благоговения.

Ду Шань ответил ему столь же почтительным поклоном.

— Приветствуйте императора. Он заслуживает сочувствия.

Янь Тинко прокашлялся, замялся, потом, повинуясь жесту сановника, последовал за ним на холм, к дому. Свита двинулась следом. Простолюдины почтительно склонили головы, сложив ладони перед грудью, и тихо разошлись, стремясь укрыться за стенами домов. Ду Шань с послушниками остались у колодца в одиночестве. Молчание нарушал лишь вой ветра над кровлями. Тени облаков бежали по земле.

Ду Шань взял свой посох.

— Пошли.

— Куда, учитель? — отважился спросить Чи.

— В свое убежище. А после... — На мгновение лицо Ду Шаня передернулось, словно от боли. — Не знаю. Куда-нибудь. Пожалуй, в западные горы.

— Вы боитесь возмездия, учитель? — спросил Вэй.

— Нет-нет, я верю слову этого вельможи. Но лучше нам уйти. Ветер принес запах беды.

— Учитель знает, — сказал дерзкий Ма. — Должно быть, он много раз чуял этот запах за свои долгие годы. Вы действительно отведали персиков в саду Си Ванму?

Ду Шань негромко рассмеялся.

— Надо же было что-то ему сказать. Несомненно, мой рассказ пойдет вширь, возникнут байки о других, кто отведал тех же плодов. Ладно, мы будем уже далеко... — Дальше он говорил уже на ходу: — Я много раз предупреждал вас, молодцы, и предупреждаю снова. Я не одержим высоким духом, у меня нет секретов, которыми я мог бы поделиться. Я самая заурядная личность — не считая того, что неведомо почему мое тело остается юным. Я искал объяснений, но единственное, что понял: для подобных мне нет другого способа заработать на хлеб. Если вы готовы меня слушать, слушайте. Нет — ступайте прочь, благословляю вас. А пока что прибавим шагу.

— Но, учитель, вы же сказали, что бояться вам нечего, — возразил Ма.

— Я и не боюсь, — голос Ду Шаня обрел хрипловатую жесткость. — Вернее, боюсь стать свидетелем того, что, скорее всего, свершится с этими людьми, которых я люблю, но бессилен повлиять на их судьбу. Наступили жестокие времена. Остается искать уединения и истин Дао.

И они зашагали вперед, наперекор ветру.

Глава 3

СОБРАТ

1

У Клавдиева причала грузилось судно. Большое судно — круглое черное брюхо двухмачтового покорителя морей могло вместить, пожалуй, тонн пятьсот. Вызолоченный мостик, резные высокие дуги кормила, выполненного как лебединая голова и шея, говорили о богатстве хозяина. Луго подошел поближе. Дела вели его более или менее в сторону порта, вот он и решил сделать крюк и узнать, что творится на берегу. Это стало едва

ли не главным его занятием — по возможности выяснять все, что творится в окружающем мире.

Грузчиками были рабы. Несмотря на прохладное утро, тела их лоснились, исходя паром. Разбившись попарно, они таскали через причал и по сходням на корабль тяжеленные амфоры. Ветерок с реки мешался с ароматами свежей смолы и их липкого пота. Надсмотрщик держался неподалеку, и Луго не мешкая направился к нему с расспросами.

— «Нереида», — отвечал тот, — направляется в Британию. Груз — вина, стекло, шелка и одни боги ведают, что еще. Капитан хочет успеть выйти в море с завтрашним приливом. Эй, ты! — Кнут впился в голую спину. Простой однохвостый кнут, даже без грузика на конце, но между лопатками и набедренной повязкой раба все же остался алый рубец. — Давай пошевеливайся!.. — Раб бросил на надсмотрщика безнадежный взгляд и засеменил за следующей ношей чуть побыстрее. — То и дело приходится их подгонять. Совсем обленились, все бы им сидеть да бездельничать. Еле-еле добьешься, чтобы делали самое необходимое. — Надсмотрщик вздохнул. — В наши никудышные времена можно положиться лишь на свободных людей, обратиться к ним в час нужды. Но не могут же все быть свободными...

— Удивительно, что это судно ходит по морю, — заметил Луго. — Разве оно не привлекает пиратов, как дохлятина — мух? Я слышал, саксонцы и скотты обратили побережье Арморики * в пустыню.

— Род Келия всегда был склонен к рискованным предприятиям, а сейчас, когда в море выходят считанные одиночки, плавание сулит огромную выгоду.

Луго кивнул, потрогал подбородок и пробормотал:

— Нынче морские разбойники предпочитают предаваться грабежам на суше. А на «Нереиде», конечно, кроме экипажа, будут воины. Если она и наткнется на несколько пиратских суденышек, скотты, скорее всего, не смогут забраться со своих обтянутых шкурами лодчонок на столь высокий борт. А будет добрый ветер — она саксонцам лишь кормой вильнет.

— Ты говоришь, как моряк. Но обличьем что-то на него не похож...

Глаза надсмотрщика недобро блеснули. Подозрительность стала в эти дни нормой. Перед ним стоял стройный молодой человек; узкое скуластое лицо, орлиный нос, чуть раскосые

---

* Древнее название Западной Галлии, включая Бретань.

карие глаза; черные волосы, аккуратная бородка, подстриженная по моде; чистая белая туника, синий плащ с откинутым наголовником, добротные сандалии; в руках посох, хотя походка у незнакомца легкая и пружинистая.

— Да уж всякого повидал, — пожал плечами Луго. — Люблю потолковать с людьми, с тобой, например. — Он улыбнулся. — Спасибо, что удовлетворил мое любопытство, доброго тебе дня.

— Ступай с Богом, — отозвался обезоруженный надсмотрщик и вновь сосредоточил свое внимание на грузчиках.

Луго неторопливо двинулся прочь. У следующего причала остановился, просто чтобы полюбоваться видом. Солнечные зайчики путались у него в ресницах, окрашивая мир в радужные тона.

Перед ним текла Гарумна, чуть подальше сливающаяся с Дюранием * в общем эстуарии. Совсем вблизи и чуть подальше на блистающей водной глади покачивались лодки, рыболовная барка с добычей, возвращающаяся с моря на веслах, стройная яхта с цветастым парусом. Низкий противоположный берег радовал яркой зеленью; виднелись бежевые стены и розовая черепица двух поместий в окружении виноградников; над более бедными соломенными кровлями поднимался рваными клочьями дым. Повсюду порхали птицы — малиновки, воробьи, журавли, утки, в высоте кружил ястреб; зимородок сразу бросался в глаза синевой своего оперения. Веселый щебет казался под стать плеску и журчанию реки. Невозможно было и представить себе, что германские язычники неистовствуют у врат Лугдунума **, что главный город Центральной Галлии, быть может, уже пал под их натиском — а ведь до него меньше трех сотен миль.

А может, представить себе это совсем нетрудно, даже слишком легко. Губы Луго плотно сжались, он жестко велел себе не валять дурака. Что-то в последнее время он слишком склонен уноситься мыслями далеко-далеко — разве нынче такое похвально? До этой округи язычники пока не добрались, но, как сказали бы знакомые евреи, с каждым годом надпись на стене проступает все четче. Он решительно повернулся и двинулся обратно к крепостному валу с башенками и бойницами, четырехугольником окружающему Бурдигалу ***.

---

* Гарумна — ныне Гаронна, Дюраний — ныне Дордонь.
** Ныне Лион.
*** Ныне Бордо.

В город он вошел через второстепенные ворота — собственно, просто через калитку. Стражник у ворот дремал вполглаза, опершись о копье и о прогретые солнцем камни. Германец, из числа новобранцев. Легионы либо ушли обратно в Италию, либо отправились к границам; здесь остались лишь жалкие остатки того, что было прежде. Тем временем варвары вроде этого выжали у императоров дозволение селиться в римских землях. В обмен они должны были слушаться законов и пополнять ряды армии; но вот в Лугдуненсисе * они, например, этому воспротивились...

Луго миновал ворота, пересек площадь и пошел по улице Виндомариев Путь. Она вилась среди домиков, стоявших вплотную друг к другу, — над головой оставалась лишь узенькая полоска неба; булыжная мостовая была скользкой от зловонных помоев. Словом, не улица, а полутемный переулок, вероятно, ничуть не изменившийся с той поры, как тут теснились одни кельты-битуриги. Однако Луго с течением времени изучил весь город, как старый, так и новый.

Народу попадалось не так уж много, по большей части люди были в лохмотьях. Женщины болтали, стайками направляясь к реке на стирку, неся домой от акведука ведра с водой или возвращаясь с рынка с корзинами овощей. Прошел носильщик, сгибаясь под ношей, почти не уступающей той, что была нагружена на встречную тележку с впряженным в нее осликом. Стараясь разойтись на тесной улочке, носильщик и возница осыпали друг друга заковыристой бранью. Подмастерье, несший своему хозяину тюк шерсти, остановился перекинуться парой слов с девицей. Два деревенских жителя в стареньких плащах и таких же штанах — наверное, гуртовщики — обменивались впечатлениями, обильно пересыпая речь галльскими словечками, да еще с таким выговором, что Луго не разбирал почти ни слова. Пьяница, — судя по рукам, разнорабочий, а судя по состоянию, безработный — слонялся взад-вперед в поисках развлечений либо драки; за последнее бурное десятилетие, нанесшее удар и без того хиреющей коммерции, безработица стала для города сущим наказанием. Блудница в жалостных, некогда блистательных обносках, отыскивающая клиентов даже в столь ранний час, оперлась о Луго плечом. Он не обратил на нее никакого внимания, лишь прикрыл ладонью висевший у пояса кошель. Горбатый нищий ноющим голосом просил ради Христа,

---

* Галльская провинция, охватывавшая большую часть Северной и значительную часть Центральной Франции.

но когда Луго не обратил внимания и на него, вспомнил Юпитера, Митру, Изиду, Великую Мать и кельтскую Эпону; кончился перечень выкрикиванием в спину Луго проклятий. Ребятишки со спутанными волосами, в грязных отрепьях бегали по своим маленьким делам и играли в свои маленькие игры. Вот о них Луго подумал с теплым чувством.

Левантийские черты лица выделяли Луго среди прочих. Бурдигала была городом космополитическим, в жилах которого текла кровь Италии, Греции, Африки и Азии. И все-таки большинство горожан оставались такими же, как их предки, — коренастыми, круглоголовыми, темноволосыми, но светлокожими. По-латыни они говорили как-то гнусаво; Луго так и не сумел перенять их акцент.

Заставленная готовыми изделиями мастерская горшечника, откуда доносилось поскрипывание гончарного круга, напомнила Луго, где свернуть на более широкую улицу Тевтатия; не так давно епископ пытался переименовать ее в честь святого Иоанна, но безуспешно. Здесь пролегал кратчайший путь к переулку Терновой Метлы, где жил нужный Луго человек. Может, Руфус и не дома, но наверняка не на работе. Заказы на верфь не поступали уже больше года, и тамошние работники получали кое-что лишь благодаря государственному вспомоществованию; порой подворачивался случайный заработок — охота на медведя для цирка или что-нибудь в том же роде. Если Руфус ушел, придется незаметно побродить вокруг, пока тот не вернется. Терпения Луго не занимать.

Он прошел еще около сотни шагов, когда до его слуха донесся шум. Другие, кто был на улице, тоже обратили на шум внимание, оставили дела и стали вслушиваться, вытягивая шеи и прищурив глаза. Большинство поспешили найти укрытие, лавочники и мастеровые приготовились закрыть двери и ставни. Нашлись и такие, кто плотоядно облизнул губы и двинулся в сторону, откуда неслись крики. Гам стал громче; его все еще глушили извилистые улицы и тесно стоящие дома, но ошибки быть не могло. Луго прекрасно знал это низкое, утробное ворчание вперемешку с воплями и гиканьем. Толпа травила человека.

Луго сразу понял, за кем охотятся, и по спине у него побежали мурашки. На мгновение он замешкался. Стоит ли рисковать? Дома Корделия, дети — у него и у его семьи впереди еще тридцать—сорок лет спокойной жизни...

И тут же пришла решимость. По крайней мере, надо пойти посмотреть, безнадежна ситуация или нет. Луго поднял наголовник, опустив пришитую по краю сетку: видно сквозь нее не так уж плохо, а лица за сеткой не разглядеть. Жизнь научила

Луго предусмотрительности. Правда, увидев его в таком виде, военный патруль насторожится и остановит для допроса. Но будь по соседству патруль, эта свора не ринулась бы за Руфусом. Правда, — рот Луго скривился в мимолетной усмешке, — Руфус мог бы оказаться под арестом.

Луго двинулся наперерез приближающемуся гаму, ориентируясь по звуку. Он шел чуточку быстрее, чем искатели опасных приключений, но не настолько, чтобы привлекать к себе внимание. Наголовник бросает на сетку тень; ее, наверное, никто и не заметит. Мысленно он повторял древние заклятия против опасности: «Не дай страху охватить тебя, пусть мышцы будут расслаблены, чувства открыты, а тело в любой момент готово перейти к действию. Спокойствие, бдительность, гибкость; спокойствие, бдительность, гибкость...»

Он вышел на площадь Геркулеса одновременно с преследуемым. Название ей дала покрытая патиной статуя героя в центре. От нее лучами расходилось полдесятка улиц. Выскочивший на площадь мужчина был коренаст, его грубое лицо усыпали веснушки, а жидкие волосы и спутанная борода были редкого огненно-рыжего цвета. Туника, облепившая мощное тело, была пропитана потом. Да, это наверняка Руфус, решил Луго. Ведь Руфус * — явно не имя, а прозвище.

Беглец был силен, но не создан для скорости. Толпа преследователей бежала за ним по пятам. Их было человек пятьдесят — такие же, как Руфус, работяги, одетые в тусклые, много раз чиненные одежды. В толпе попадались отдельные женщины, взъерошенные и исступленные. Мужчины вооружились чем попало: ножами, молотками, палками, булыжниками. В реве толпы можно было различить отдельные слова:

— Колдун!.. Язычник!.. Дьявол!.. Смерть ему!..

Брошенный камень ударил Руфуса меж лопаток. Он споткнулся, но продолжал бежать. Рот его был широко разинут, грудь резко вздымалась, невидящий взгляд устремлен прямо вперед.

Глаза Луго сверкнули. Бывают обстоятельства, когда ждать нельзя, надо принимать молниеносные решения. Расстояние, скорость, а главное — настрой толпы позволяли вмешаться: сколько бы они ни орали, в их вое слышалось, что они боятся того, кого преследуют. Можно пойти на риск. В случае неудачи можно скрыться, не дожидаясь смертельных ран; мелкие раны — пусть, они быстро заживут.

---

* По-латыни — «рыжий».

— Руфус, ко мне! — крикнул он. И толпе — повелительно: — Стоять! Назад, собаки!

Бежавший в переднем ряду мужчина зарычал. Луго перехватил свой дубовый посох обеими руками посредине. Высверленные в торцах посоха отверстия были залиты свинцом. Посох со свистом рассек воздух — мужчина заорал и вильнул в сторону. Скорее всего, сломано ребро. Следующему удар пришелся в солнечное сплетение, третьему по колену — он взвизгнул от боли и повалился на двух других, бежавших следом. Женщина замахнулась шваброй, но Луго отбил это кухонное оружие, ободрав мегере костяшки пальцев, а может, сломав одну-две косточки. Толпа отпрянула с толкотней, стонами и невнятными угрозами. Заслоняясь кружащимся, почти невидимым от скорости посохом, Луго усмехнулся и приказал:

— Ступайте по домам! Или вы осмелитесь взять правосудие кесаря в свои руки? Прочь!

Кто-то кинул камень, но промахнулся. Луго врезал посохом по ближайшему черепу, тщательно отмерив силу удара. И без трупов дело достаточно скверное, а за трупами последуют немедленные действия властей. Здесь же только рана, зато обильно кровоточащая: ослепительно алый поток залил лицо и мостовую. Вид крови отвлек преследователей.

Руфус никак не мог отдышаться.

— Пошли, — вполголоса бросил Луго. — Медленно и ровно. Если побежим, они кинутся следом...

Он попятился, по-прежнему крутя посох перед собой и по-волчьи ухмыляясь. Краем глаза он заметил, что Руфус держится справа. Хорошо. Парень не совсем потерял голову.

Преследователи роптали и разевали рты. Раненые причитали. Луго вошел в заранее намеченную тесную улочку, оказавшись за углом большого дома, вне поля зрения с площади.

— А теперь ходу, — скомандовал он. — Да нет же, дурак! — Пришлось придержать Руфуса за рукав. — Не бегом. Шагом!

Немногочисленные прохожие смотрели на них с опаской, но не вмешивались. Луго нырнул в первый же переулок, который наверняка соединяется с другой улицей. Когда они оказались вдвоем посреди шумной уличной суматохи, Луго распорядился:

— Стой! — Сунув посох под мышку, он потянулся к пряжке, скрепляющей плащ. — Надень-ка это. — Прежде чем накинуть наголовник на слишком уж бросающиеся в глаза волосы спутника, он убрал сетку. — Очень хорошо. Теперь мы с тобой два мирных гражданина, идущих по своим делам. Постарайся не забывать об этом.

Ремесленник заморгал. Лицо его блестело от пота, голос сильно дрожал:

— Кто... кто ты будешь? Чего хочешь?

— Я с удовольствием спасу твою жизнь, — холодно ответил Луго, — но не собираюсь больше рисковать своей собственной. Делай, что я скажу, и у нас есть шанс добраться до убежища. — Руфус замялся, будто его одолевали сомнения, и Луго добавил: — Если хочешь, ступай к властям. Поторопись, пока твои любезные соседи не набрались духу и не двинулись тебя искать. Скажи префекту, что тебя обвиняют в колдовстве. Он все равно это выяснит. Пока тебя будут допрашивать под пыткой, можешь подумать, как доказать свою невиновность. Колдовство, знаешь ли, карается смертью.

— Но ты...

— Я виновен в нем не более, чем ты. Мне кажется, мы могли бы помочь друг другу. Если ты не согласен — прощай. Если да — ступай со мной и держи рот на запоре.

Из могучей груди вырвался вздох. Руфус запахнул плащ и заковылял рядом с Луго. Постепенно его походка становилась все более легкой, потому что ничего плохого не случалось. Они просто затерялись в уличной толпе.

— Может, ты думаешь, что миру пришел конец, — негромко заметил Луго, — но это чисто местный переполох. В других краях о нем никто не слышал, а если и слышал, то не придал значения. Я видел, как люди занимаются обыденными делами, когда враг ломает городские ворота.

Руфус глянул на него, икнул, но промолчал.

2

Жилище Луго находилось в тихом северо-западном районе, на улице Сапожников. Скромный, не бросающийся в глаза дом, уже не новый — тут и там со стен осыпалась штукатурка.

Луго постучал. Дверь открыл домоправитель. Рабов у Луго было совсем немного. Он их тщательно выбирал и год за годом отсеивал неподходящих.

— Персей, нам с этим человеком надо обсудить конфиденциальный вопрос, — сказал Луго. — Быть может, он поживет у нас немного. Я не хочу, чтобы ему хоть как-нибудь мешали.

Персей, выходец с Крита, кивнул и ласково улыбнулся:

— Понятно, хозяин. Я уведомлю остальных.

— Им можно доверять, — тихонько сказал Луго Руфусу. — Они знают, что более теплого места у них не будет. — Он

снова обернулся к Персею: — Как видишь — и обоняешь, — у моего друга был трудный день. Мы разместим его в нижней комнате. Принеси напитки немедленно, а воду — как только сумеешь согреть достаточное количество, вместе с губкой и полотенцами. И чистую одежду. Постель готова?

— Как всегда, хозяин, — в голосе раба проскользнула тень обиды. Он секунду поразмыслил. — Что же до одежды, то ваша ему не влезет. Я позаимствую у Дюрига. Следует ли потом приобрести новую?

— Это обождет, — решил Луго. Не исключено, что потребуется срочно собрать всю наличность и необесцененную мелочь, которая занимает слишком много места. Один золотой солидус — это примерно четырнадцать тысяч нумми. Руфусу Луго пояснил: — Дюриг — на все руки мастер. Кроме него, мы еще можем похвастать искусным поваром и парой служанок. Хозяйство у нас скромное.

Бытовые подробности успокаивают. Важно, чтобы Руфус опомнился как можно быстрее и смог внятно отвечать на вопросы.

Из атриума они прошли в приятную, озаренную солнцем комнату, тоже скромную; свет вливался сквозь зеленоватые свинцовые стекла, окна смотрели на соседнюю крышу. В центре мозаичного пола был изображен барс в окружении павлинов. На деревянных стеновых панелях были более современные мотивы — на одной рыба и христограмма в окружении цветов, с другой взирал огромными глазами Иисус. Со времени Константина Великого исповедовать христианство становилось все выгоднее, а в здешних краях оно уклонялось к католицизму. Луго оставался новообращенным: принять крещение означало взять на себя несколько стеснительные обязательства. Именно поэтому большинство верующих откладывали крещение на потом, ближе к старости.

Жена услышала, что он пришел, и вышла навстречу.

— Добро пожаловать, дорогой, — радостно сказала она. — Ты быстро вернулся.

Тут Корделия заметила Руфуса, и в глазах ее мелькнула тревога.

— У меня с этим человеком срочное дело, — объяснил Луго. — Крайне конфиденциальное, понимаешь?

Она кивнула и покорно приветствовала гостя:

— Здравствуй и добро пожаловать.

Прекрасная девочка, подумал Луго. От нее трудно отвести взгляд. Корделии всего девятнадцать, она невысока, но фигура у нее изящно-округлая, каштановые волосы струятся каскадом, точеные черты лица будто светятся, а губы всегда чуть приот-

крыты. Выйдя за Луго четыре года назад, она уже успела родить двух детей, и оба до сих пор живы. Женитьба принесла Луго кое-какие полезные связи, поскольку отец Корделии был курием *, хотя приданое оказалось просто смехотворным — курии гнулись под непосильным грузом налогов и гражданского долга. Самым главным в этом браке было то, что супруги чувствовали взаимную склонность; супружество стало для них обоих не обузой, а удовольствием.

— Маркус, позволь представить тебе Корделию, мою жену, — сказал Луго. Имя «Маркус» было достаточно распространенным. Руфус склонил голову и невразумительно хмыкнул. А Луго повернулся к жене: — Нам надо заняться делами без промедления. Персей позаботится обо всем необходимом. Я приду к тебе, как только смогу.

Она проводила взглядом мужа и его гостя. Кажется, она вздохнула — или почудилось? Внезапно Луго объял страх. Он ринулся в это предприятие очертя голову, окрыленный надеждой столь призрачной, что должно бы подавлять ее, корить себя за нее. Теперь же перед ним замаячило понимание того, что будет, если она оправдается. Нет, не стоит думать об этом, во всяком случае пока. Шаг, потом еще шаг, шаг левой, шаг правой — только так можно одолеть время...

Нижняя комната находилась в подвале; Луго отгородил ее сразу же, как приобрел дом. Такие укрытия были не в редкость и не привлекали излишнего внимания. Часто они служили для молитв и аскетического уединения. А Луго при его занятиях непременно требовалось место, где можно избежать лишних ушей и глаз. Келья была квадратной — десять стоп в ширину, шесть в высоту. Три оконца под потолком выходили в перистиль на уровне земли. Стекла в них были настолько толстыми и неровными, что мешали смотреть, хотя и пропускали свет, а стены были аккуратно побелены, делая сумрак не таким уж плотным. На полочке рядом с кремнем, кресалом и трутом лежали свечи. Из мебели здесь имелись лишь кровать, табурет и поставленная прямо на земляной пол ночная ваза.

— Садись, — пригласил Луго. — Отдохни. Ты в безопасности, друг мой. В безопасности...

Руфус тяжело, ссутулившись, оседлал табурет. Наголовник он откинул, но продолжал запахивать на себе плащ — в комнате было довольно прохладно. Он поднял свою рыжую голову; в глазах его читались растерянность и вызов одновременно.

---

* В Римской империи — член городского совета.

— Ну и что же ты за дерьмо? — буркнул он.

Хозяин дома прислонился к стене и улыбнулся:

— Флавий Луго. А ты, как я полагаю, безработный плотник с верфи, в народе называемый Руфусом. Как тебя зовут на самом деле?

Руфус непристойно выругался и спросил:

— А тебе-то какое дело?

— Да, пожалуй, никакого, — пожал плечами Луго. — Хотя ты мог бы проявить ко мне побольше учтивости. Эта свора вышибла бы из тебя дух.

— А тебе-то что? — грубо повторил рыжий. — Чего ты влез? Слушай, я не колдун. И не хочу иметь ничего общего ни с колдовством, ни с язычеством. Я добрый христианин, свободный римский гражданин.

— И абсолютно нигде и никогда не приносил жертв и не делал приношений, кроме как в церкви? — приподняв брови, поинтересовался Луго.

— Ну, э-э, ну... Эпоне, когда моя жена умирала... — Руфус привстал, внезапно рассвирепев. — Вот же дерьмо! Да не колдун ли ты сам?!

Луго предостерегающе поднял ладонь. Его левая рука качнула посох — едва заметно, но многозначительно.

— Я не колдун и не могу читать твои мысли. Однако старые обычаи умирают нехотя, даже в городах, а уж в деревнях по большей части живут язычники. По твоему облику и речи я заключаю, что твои предки были кадурцами, жившими среди холмов над долиной Дюрания.

Руфус сел обратно и с минуту тяжело дышал. Потом малопомалу начал расслабляться, даже ответил на дружелюбный взгляд Луго чем-то вроде улыбки.

— Правда твоя, мои предки из того племени, — проворчал он. — Мое правильное имя, э-э, Котуадун. Только меня давно никто не кличет по-иному, кроме как Руфусом. А ты, как погляжу, решительный малый.

— Я этим живу.

— И ты не галл. Флавием-то может быть каждый, а вот что за «Луго»? Ты откуда?

— Я поселился в Бурдигале давным-давно... — Раздался стук в дощатую дверь, пришедшийся очень кстати. — А, вот и наш славный Персей с обещанными напитками. Осмелюсь предположить, что ты нуждаешься в них сильнее меня.

Домоправитель внес поднос с графинами вина и воды, чашами, хлебом, сыром и миской оливок. Поставив все это на пол, он удалился, повинуясь жесту хозяина, и аккуратно прикрыл за

собой дверь. Луго присел на кровать, наполнил чаши и предложил Руфусу почти неразбавленное вино. Свое он обильно развел водой.

— Твое здоровье, — провозгласил Луго, поднимая чашу. — Сегодня ты едва не лишился его.

Руфус разом осушил полчаши.

— Уф-ф-ф-ф! Черт меня побери, если это не доброе винцо! — Он, прищурившись, взглянул сквозь сумрак на своего спасителя. — Зачем ты это сделал? Что тебе с того за прибыль?

— Ну, начнем хотя бы с того, что это быдло не имело права убивать тебя. Это дело государства, после того как будет должным образом доказано, что ты виновен; я же уверен в твоей невиновности. А мне надлежит поддерживать закон.

— Ты знаешь меня?

Луго отхлебнул из чаши. Фалернское вино разлилось по языку сладостью.

— Я знал о тебе, — согласился он. — Меня достигли слухи. Это естественно. Я слежу за тем, что творится на свете. У меня есть свои люди. Нет, не пугайся, никаких тайных осведомителей. К примеру, уличные ребятишки получают от меня монетку, если принесут какое-то интересное известие. Я решил разыскать тебя и узнать подробности. Тебе просто повезло, что ты оказался именно там и тогда, где и когда я мог утащить тебя из-под носа у твоих друзей-трудяг.

А сколько я, мелькнула мысль, упустил за многие годы шансов, разойдясь с ними на волосок? Луго не разделял распространившейся в последнее время веры в астрологию. Куда легче было допустить, что миром правит чистейший случай. Видимо, сегодня колесо Фортуны повернулось в его сторону.

Если только все это имеет смысл. Если кто-нибудь сродни ему существует хоть где-нибудь в подлунном мире...

Руфус набычил голову, ссутулив тяжелые плечи.

— Почему ты это сделал? — раздраженно бросил он. — Какого дерьма тебе надо?

Надо его немного успокоить. Луго осадил собственное нетерпение, наполовину смешанное со страхом.

— Пей свое вино. Пей и слушай, и я все объясню. Этот дом может навести тебя на подозрение, что я курий, преуспевающий владелец мастерской или что-нибудь в том же роде. Вовсе нет...

Луго давненько уже не менял занятий. Указ Диоклетиана должен был по идее приписать всех к тем званиям, в которых они рождены, в том числе и людей среднего достатка. Но эти люди вовсе не желали, чтобы их мало-помалу растирали в

порошок жернова налогов, постановлений, обесценивающихся денег, умирающей торговли, и все чаще и чаще скрывались. Меняли имена, становились поденщиками или даже рабами, странствующими работниками и комедиантами; кто-то вступал в бандитские шайки, державшие в страхе окраинные деревни, а кто-то даже переходил на сторону варваров. Луго принял меры на будущее, если возникнет нужда уйти. Он привык заранее готовиться к неожиданностям.

— Сейчас я состою, — закончил Луго, — на службе у некоего Аврелиана, здешнего сенатора.

— Я слыхал про него! — враждебно сверкнул глазами Руфус.

— Он добился своего положения взятками, — пожал плечами Луго, — и даже среди сенаторов славится продажностью. И что с того? Он толковый человек и понимает, что надо ценить тех, кто ему верно служит. Быть может, тебе известно, что сенаторам непозволительно заниматься коммерцией, но его интересы разнообразны. Значит, ему требуются посредники, причем не просто подставные лица. Я за него хожу туда-сюда, вправо-влево, вынюхиваю да высматриваю разные опасности и возможности, доставляю сообщения, выполняю скользкие поручения, даю советы, когда требуется. Бывают занятия и менее достойные. По правде сказать, по-настоящему достойных занятий раз-два и обчелся.

— И что Аврелиану надо от меня? — беспокойно заерзал Руфус.

— Ничего. Он о тебе слыхом не слыхал. Роком суждено, что и не услышит. Я искал тебя по собственной воле. Мы можем оказаться весьма ценны друг для друга. — В голосе Луго зазвенела сталь. — Я не угрожаю. Если мы не сможем работать вместе, но ты будешь стараться подладиться под меня, я, по меньшей мере, смогу тайком переправить тебя из Бурдигалы туда, где ты сможешь начать жизнь заново. Помни, я тебя спас. Если я брошу тебя — ты покойник.

Руфус угрюмо сложил пальцы кукишем.

— Они узнают, что ты прячешь меня тут.

— А я и сам об этом сообщу, — холодно заявил Луго. — Как настоящий гражданин, я выступил против беззаконного самосуда, но полагал, что должен непременно допросить тебя наедине, вытянуть из тебя... Стоп! — Во время разговора Луго поставил чашу на землю, поскольку предполагал, что Руфус может ринуться на него, а сейчас подхватил посох обеими руками. — Сиди на табурете, паренек. Ты крепок телом, но ты же видел, что я способен сотворить с помощью этой штуки.

Руфус осторожно присел.

— Так-то лучше! — рассмеялся Луго. — Не будь ты так дьявольски вспыльчив! Я действительно не хочу тебе никакого вреда. Повторяю, если ты будешь честен со мной и станешь делать, как я скажу, то самое скверное, что может тебя ждать, — тайный исход из Бурдигалы. У Аврелиана большая латифундия; там, несомненно, пригодится лишняя пара рук, а если я замолвлю словечко, сенатор закроет глаза на некоторое отклонение от формальностей. А в лучшем случае... Ну, я и сам еще не знаю и потому не стану давать никаких обещаний, но все может обернуться более заманчиво, чем детские мечты самого высокого полета, Руфус.

Его слова и баюкающие интонации сделали свое дело. Да и вино начало действовать. Руфус посидел минутку спокойно, кивнул, расплылся в улыбке, залпом допил чашу и протянул руку с восклицанием:

— Клянусь Троицей, ты прав!

Луго пожал жесткую мозолистую ладонь. Этот жест в Галлии был еще в новинку — наверное, пришел от германских поселенцев.

— Замечательно! Просто говори подробно и откровенно. Я знаю, что это нелегко, но не забывай, у меня есть на то свои причины. Я намерен сделать тебе добро, насколько позволит Бог.

Он вновь наполнил опустевшие чаши. Несмотря на жизнерадостное выражение лица, напряжение в душе Луго все нарастало и нарастало.

Руфус поднес чашу к губам, кадык его задергался.

— И чего б ты хотел знать? — спросил он.

— Для начала — как ты попал в беду.

Веселость Руфуса как рукой сняло. Прищурившись, он уставился в пространство мимо собеседника.

— Потому что жена моя померла, — пробормотал он. — Тут-то все горшки и хряснулись.

— Участь вдовца — вовсе не редкость, — отозвался Луго, хотя собственные воспоминания ранили его, как нож.

Толстые пальцы Руфуса сжали чашу изо всех сил, даже костяшки побелели.

— Моя Ливия была старухой. Волосы поседели, на лице морщины, зубы выпали... Наши двое детишек, мальчик и девочка, выросли, поженились, завели собственных детишек. И уже начали седеть.

— Я надеялся, что такое возможно. О Астарта!.. — шепнул Луго, но не по-латыни. А вслух, на современном языке,

сказал: — Именно так мне и сообщали. Потому-то я и пошел к тебе. Когда ты родился, Руфус?

— С какого дерьма мне знать? — с горечью откликнулся тот. — Вот же задница! Бедняки не считают годов, как богатеи. Я не представляю, кто консулом в этом году, а уж тогда — тем более. Но Ливия моя была юной, когда мы оженились, — лет четырнадцати—пятнадцати. Она была сильная кобылка, это уж да — выплевывала молодняк, как арбузные семечки, хотя в возраст вошли только двое. Она не загнулась сразу, как иные прочие клячи.

— Значит, тебе исполнилось троекратно по двадцать и еще десять, а то и больше, — очень вкрадчиво сказал Луго. — А выглядишь ты не старше двадцати пяти. Ты хоть раз болел?

— Нет, если не считать пару раз, когда меня ранило. Раны были скверные, но зажили дней за пять, даже шрама не осталось. И зубы не болели. Как-то в драке выбили три штуки, а они обратно выросли. — Самодовольство покинуло его. — На меня стали смотреть косо, а когда Ливия померла, тут-то все на меня и напустились. — Руфус застонал. — Говорили, будто я заключил сделку с дьяволом. Она мне пересказывала, что слышала. Но дерьма чего я мог сделать. Бог дал мне сильное тело, вот и все. Она мне верила.

— Я тоже верю, Руфус.

— Когда она под конец совсем расхворалась, со мной уж почти никто и не разговаривал. Шарахались от меня на улице, крестились, плевали себе на грудь. Пошел я к священнику. Он тоже перепугался, я же видел. Сказал, что я должен пойти к епископу, но отвести меня к нему этот ублюдок как-то все откладывал. А потом Ливия померла.

— А похоть? — не удержался Луго.

— Ну, я уже давно ходил в бордель, — буднично сообщил Руфус. И вдруг его охватила ярость. — И теперь они, эти суки, они велят мне сматываться и больше не появляться! Я осерчал и затеял скандал. Народ слыхал и собрался снаружи. Когда я вышел, эти мерзкие свиньи наорали на меня, а я дал по рылу самому большеротому. А дальше они все на меня накинулись. Я насилу вырвался и побежал, а они следом, все новые и новые.

— Они бы тебя непременно растоптали, — заметил Луго. — А еще слухи могли достигнуть ушей префекта. Человек, который не стареет, да притом явно не святой, — следовательно, он заодно с дьяволом. Тебя бы арестовали, допросили под пыткой и наверняка обезглавили бы. Нынче скверные времена. Никто не знает, чего ждать. Одолеют ли нас варвары? Будет ли

новая гражданская война? Достанет ли нас чума, голод или полный крах в делах? Страх вымещают на колдунах и еретиках.

— Я не из таких!

— Я и не говорю, что из таких. Я согласен с тем, что ты обыкновенный человек, зауряднее не бывает, если не считать... Скажи-ка, ты не слыхал о ком-либо подобном тебе, кого время вроде бы не касается? Может, из родни?

Руфус покачал головой.

— И я тоже не слыхал, — вздохнул Луго. Собрался с духом и бросился, как с моста в воду. — Я терпел и ждал, искал и надеялся, пока не начал понимать, что к чему.

— А-а?

Руфус расплескал вино. Луго отхлебнул из своей чаши, чтобы хоть отчасти успокоиться, и спросил:

— Как ты думаешь, сколько мне лет?

Руфус долго в него вглядывался, прежде чем проронил чуть слышно:

— На вид лет двадцать пять.

Уголок рта Луго изогнулся в усмешке.

— Как и ты, своего точного возраста я не знаю, — медленно проговорил он. — Но когда я родился в Тире, там правил царь Хирам. По хроникам, которые мне удалось изучить, выходит, что это было примерно двенадцать веков назад.

Руфус только рот разинул. Веснушки отчетливо проступили на побледневшем лице. Свободной рукой он сотворил крестное знамение.

— Не бойся, — остановил его Луго. — Я вовсе не в сговоре с темными силами. Да и небо тут тоже ни при чем и, если на то пошло, никакие иные силы и духи. Просто я из того же теста, что и ты, — не знаю лишь, что это означает. Я всего-навсего долго живу на свете. Долго и одиноко. Ты лишь едва отведал, насколько это одиноко.

Он встал, отставив чашу и посох, и принялся вышагивать из угла в угол, заложив руки за спину.

— Разумеется, я рожден вовсе не Флавием Луго; это лишь последнее из принятых мной имен, которым я утратил счет. Первым же было... А, неважно! Финикийское имя. Я был купцом, пока годы не навлекли на меня беду, весьма схожую с твоей сегодняшней. Затем я был моряком, караванщиком, наемным солдатом, странствующим сказителем — перепробовал все профессии, позволяющие человеку приходить и уходить почти незамеченным. Я прошел суровую школу. Множество раз я едва не погиб от ран, в кораблекрушении, от голода, жажды и дюжины иных напастей. Если бы не странная живучесть моего

тела, я бы умер уже несколько раз. Более тихой и куда более страшной — когда я ее осознал — была опасность захлебнуться в бесконечных и бессмысленных воспоминаниях. Какое-то время я почти ничего не соображал. В чем-то безумие было даже милосердным, оно заглушало боль утрат. Я терял всех, кого любил, кого начинал любить, терял, и терял, и терял... Сколько я потерял детей!.. Но мало-помалу я выработал искусство управлять воспоминаниями. Теперь я все помню ясно, я словно живая Александрийская библиотека — ах нет, она сгорела, не так ли? — Он хмыкнул. — Случаются у меня и провалы в памяти. Но я выучился искусству хранить знание до тех пор, пока оно мне не понадобится, и находить нужные сведения по первому требованию. Я научился управлять тоской. Я...

Заметив благоговейный взгляд Руфуса, он резко умолк.

— Двенадцать веков? — выдохнул ремесленник. — Так ты видел Спасителя?

— Увы, нет, — с усилием улыбнулся Луго. — Если он был рожден в годы правления Августа, как говорят, — это выходит, м-м, лет триста—четыреста назад, — я тогда был в Британии. Рим ее еще не завоевал, но торговля шла бойко, а южные племена были на свой лад цивилизованы. И не слишком навязчивы, не лезли не в свои дела — а это качество весьма желательное, когда ведешь оседлую жизнь. Чертовски трудно отыскать его в наши дни, хоть беги к диким германцам или скоттам. Но даже они...

Еще я, — продолжал он после паузы, — научился искусству старить свою внешность. Пудра, краска для волос и тому подобные меры обременительны и ненадежны. Я позволяю всем окружающим удивляться, что на вид я не старею. Тем более что рот им не заткнешь. Сам же понемногу начинаю сутулиться, шаркать ногами, покашливать, притворяться глуховатым, жаловаться на боли, бессонницу и дерзость нынешних юнцов. Разумеется, это помогает лишь до определенной степени. В конце концов, мне приходится исчезать и начинать все заново в другом месте под новым именем. Я стараюсь устроить свой уход так, чтобы казалось, будто я странствовал и попал в какое-то несчастье, быть может, по старческой забывчивости. Как правило, я старательно готовлюсь, прежде чем сняться с якоря. Коплю золото, расспрашиваю о новом месте, а то и наезжаю туда, чтобы закрепить там свое новое имя... — Столетия вдруг навалились на него безмерной усталостью. Подробности, подробности... Он запнулся, устремив взгляд в подслеповатое оконце. — Я что, впадаю в старческое слабоумие? Обычно я не мелю языком. Впрочем, ты первый мне подобный, кого удалось

отыскать, Руфус, самый первый. Будем надеяться, что не последний.

— Тебе что-нибудь известно, э-э, о других? — раздался неуверенный голос у него за спиной.

— Я же говорил, не встречал ни разу, — покачал головой Луго. — Да и как их найти? Несколько раз казалось, что я напал на след, но он обрывался или оказывался ложным. Хотя однажды я, возможно, и встретился... Не уверен.

— Как это... хозяин? Не расскажешь ли?

— Почему бы и не рассказать? Это было в Сиракузах, где я обосновался на много лет, — Сиракузы были связаны с Карфагеном, я тоже. Прелестный город! И была там женщина, по имени Алтея, миловидная и разумная, какими порой становились женщины во времена заката греческих колоний... Я был знаком с ней и ее мужем. Он был крупным судовладельцем, а я капитаном на грузовом судне. Они были женаты лет тридцать; он облысел и обрюзг, она родила ему дюжину детей, и старший успел поседеть, а она с виду оставалась цветущей девушкой.

Луго помолчал, прежде чем бесцветным голосом закончить рассказ:

— Город захватили римляне. Разграбили. Меня не было. Всегда разумнее убраться под каким-нибудь благовидным предлогом, если затевается нечто подобное. Когда я вернулся, то расспрашивал о ней. Ее могли угнать в рабство. Тогда я разыскал бы ее и выкупил. Так нет же, когда мне удалось найти одного общего знакомого — сам он был невеликой птицей и не пострадал, — то узнал, что она мертва. Вроде бы изнасилована и заколота. Не знаю, правда ли это. Любой рассказ при передаче из уст в уста обрастает выдуманными подробностями. Впрочем, неважно. Это было так давно...

— Очень жаль. Там бы и надо искать прежде всего. — Увидев, что Луго весь напрягся, Руфус поправился: — Э-э, извини, хозяин. Ты, э-э, вроде бы не очень ненавидишь Рим.

— За что? На земле вечно происходит одно и то же — войны, тирании, убийства, рабство. Я и сам во всем этом участвовал. А теперь Рим получит той же монетой.

— Что?! — Руфус оцепенел от ужаса. — Не может быть! Рим вечен!

— Как тебе угодно. — Луго вновь повернулся к гостю. — Выходит, я все-таки нашел собрата-бессмертного. Во всяком случае, вот человек, которого стоит опекать, за которым можно последить, чтоб удостовериться. Хватит двух-трех десятилетий. Хотя и сейчас почти не сомневаюсь. — Он резко втянул

воздух. — Понимаешь, что это значит? Да нет, вряд ли. У тебя еще не было времени подумать...

Луго внимательно вгляделся в грубо скроенное низколобое лицо. У тебя уныние быстро сменяется слюнявым весельем. Вряд ли ты вообще когда-нибудь научишься думать. Ты просто-напросто неплохой плотник, и только. Но мне еще повезло, что удалось найти хоть такого. Разве что Алтея... Но она песчинкой проскользнула у меня меж пальцев, ускользнула в смерть...

— Это значит, что я не единственный в своем роде, — сказал Луго. — Если нас двое, то должны найтись и другие. Их мало, подобные нам рождаются чрезвычайно редко. Бессмертие не наследуется, как рост, цвет волос или небольшие уродства, переходящие в иных семьях из поколения в поколение. Что бы ни служило причиной такого отклонения, происходит оно по чистой случайности. Или по Божьей воле, если тебе так больше нравится, хотя, по-моему, вряд ли: это выставило бы Бога безответственным капризулей. И ведь наверняка неудачное стечение обстоятельств отнимает жизнь у многих бессмертных еще в молодости, как отнимает ее у многих обычных мужчин, женщин и детей. Пусть нам не страшны болезни, но избежать меча, копыт обезумевшего коня, наводнения, пожара, голода и многого другого мы не в состоянии. Возможно, еще больше наших собратьев умирает от рук соседей, возомнивших, что бессмертные — колдуны, демоны или чудовища.

Руфус съежился и заныл:

— У меня голова кругом идет.

— Ну да, тебе пришлось нелегко. Бессмертные тоже нуждаются в отдыхе. Поспи, если хочешь.

Глаза Руфуса остекленели.

— А чего бы не объявить, что мы, э-э, святые? Ангелы!

— Не высоко ли ты замахнулся? — с усмешкой справился Луго. — Допустим, если бы человек королевской крови... Но такое вряд ли случалось, раз подобные нам настолько редки. Нет, если кому из нас и суждено выжить, то лишь тем, кто научился держаться в тени.

— Тогда как же нам друг друга искать?

Руфус икнул и рыгнул.

3

— Пойдем со мной в сад, — предложил Луго.

— О, с радостью! — певуче отозвалась Корделия.

Она так и пританцовывала рядом с мужем. Вечер выдался теплый и ясный. Почти полная луна висела в сине-фиолетовом

небе на востоке. Западный небосвод только-только темнел; там трепетно мерцали первые звезды. Городской шум почти смолк, и на смену ему пришел стрекот сверчков. Лунный свет испещрил цветочные клумбы, дрожал на глади бассейна, посеребрил юное лицо и грудь Корделии.

Минуты три они молча стояли, взявшись за руки.

— Ты сегодня был так занят, — сказала она наконец. — Увидев, что ты вернулся рано, я надеялась... Ну конечно, ты должен делать свое дело.

— К несчастью, именно этим я и занимался, — отвечал он. — Зато ночь принадлежит лишь нам двоим.

Корделия прижалась к мужу. Волосы ее еще хранили свежесть солнца.

— Христианам пристало быть благодарными за все, что мы имеем. — Она хихикнула. — Как легко быть христианкой нынче ночью!

— Что слышно у детей?

Их сынишка Юлиус уже не ковылял, а носился повсюду в поисках приключений и уже начал говорить; а малютка Дора знай себе спала в своей колыбельке, сложив крошечные ручонки.

— Все в порядке, а что? — переспросила Корделия, чуть удивившись.

— Я вижусь с ними чересчур редко.

— Зато любишь. У отцов такую любовь встретишь нечасто. То есть такую сильную. Я хочу подарить тебе много-много детей. — Она сжала ему руку и перешла на проказливый тон: — Мы можем начать прямо сейчас.

— Я... старался быть добрым.

Расслышав в его голосе печальные нотки, Корделия отпустила руку мужа и в тревоге взглянула на него широко распахнутыми глазами.

— Возлюбленный, случилось что-то плохое?

Луго заставил себя взять жену за плечи, заглянуть ей в лицо — лунный свет сделал его пламенно-прекрасным — и ответить:

— Между нами с тобой — ничегошеньки. — Кроме того, добавил он про себя, что ты состаришься и умрешь. А это случалось так часто, так часто! Мне не счесть смертей. Нет меры для боли, но, по-моему, она нисколько не убывает; по-моему, я просто научился с ней жить, как смертный может научиться жить с незаживающей раной. Я считал, что у нас с тобой впереди... Боже, тридцать, а то и сорок лет, прежде чем мне придется уйти. Как это было бы замечательно!.. Вслух он сказал другое: — Мне предстоит неожиданная поездка.

— Она связана с тем, что этот человек... Маркус... Он тебе что-то сообщил?

Луго кивнул, и Корделия поморщилась:

— Не нравится он мне. Прости, но не нравится. Он груб и глуп.

— Да, не спорю, — согласился Луго, почти жалея, что Руфус разделил с ними ужин. Но это казалось разумным: одиночное заключение в нижней комнате лицом к лицу со своими страхами и животная потребность в общении надломили бы остатки самообладания Руфуса, а оно ему еще ох как потребуется... — И тем не менее я получил от него полезные сведения.

— А со мной поделиться не хочешь?

Корделия изо всех сил старалась, чтобы в голосе не прозвучала мольба. Однако ответ был непреклонен:

— Извини, не могу. Не могу даже сообщить, куда еду и долго ли буду отсутствовать.

Она схватила мужа за руки похолодевшими пальцами.

— А варвары? Пираты. Бандиты...

— Конечно, путешествие не лишено опасностей, — признал Луго. — Сегодня я потратил массу времени, отдавая все необходимые распоряжения насчет тебя. На всякий случай, дорогая, на всякий случай. — Он поцеловал ее. Губы Корделии дрожали и имели чуточку солоноватый привкус. — Тебе следует знать, что это дело может коснуться Аврелиана. Может, и нет, но если коснется, то надо расследовать его немедленно, а Аврелиан в Италии. Я сообщил его секретарю Корбило то же самое, и ты можешь забрать у него на свои нужды причитающуюся мне плату. Кроме того, я вверил солидную сумму денег попечению церкви. Священник Антоний принял ее у меня под расписку, которую я отдам тебе. Кроме того, ты наследуешь все мое имущество. Ни тебе, ни детям бедствовать не придется...

Если Рим не рухнет — это, конечно, опять про себя. Корделия бросилась к нему, прильнула всем телом. Луго тихонько гладил ее по волосам, по спине, перебирал складки одежды, обращая объятия в самую нежную ласку.

— Тише, тише, — мягко приговаривал он, — это ведь так, на всякий случай. Не бойся. Мне, в сущности, ничто не грозит. — Ему хотелось верить, что это правда. — Я вернусь...

А вот это была ложь, и она обожгла язык едкой горечью. Ничего, она наверняка выйдет замуж, как только его спишут в мертвецы. *Последний раз его видели на ордовикийском побе-*

режье, как раз перед нападением скоттов... Корделия отступила на шаг, обняла себя за плечи и неуверенно улыбнулась.

— Ну конечно, вернешься. Я буду все время молиться за тебя. А еще у нас впереди целая ночь.

До самого рассвета. «Нереида» отчалит вскоре после восхода солнца. Луго уже оплатил проезд за себя и за Руфуса. Изрядная часть Британии по-прежнему безопасна, хотя многие прибрежные поселения разграблены. Появление двух мужчин, к примеру, в Аква Сулис или Аугуста Лондиниуме, утверждающих, будто бежали от варваров, не вызовет подозрений. Имея при себе деньги, они смогут начать все заново; а Луго еще несколько поколений назад припрятал на острове изрядный запасец доброго золота.

— Ах, если б ты мог остаться! — не удержалась Корделия.

— Если б я только мог, — эхом отозвался он.

Увы, на Руфуса в Бурдигале легла каинова печать. Пусть он бессмертен, но слегка придурковат и наверняка бесславно сгинет, если только им не будет руководить разумный человек. А Руфус не должен погибнуть. Только с его помощью, пусть и неуклюжей, сумеет Луго дожить до того неведомого дня, когда подобные им соберутся вместе.

Корделия не могла не услышать, с какой мукой муж произнес последние слова, и браво заявила:

— Я не стану хныкать. У нас ведь целая ночь! И еще много-много ночей после твоего возвращения. Я буду ждать тебя хоть целую вечность.

Нет, подумал Луго, какая там вечность! Ожидание покажется тебе просто бессмысленным, как только ты решишь, что овдовела, что еще молода, что годы уходят... Да и не дана тебе вечность. А я буду искать ту, что не покинет меня никогда.

Глава 4

СМЕРТЬ В ПАЛЬМИРЕ

1

Караван на Триполи должен был выйти на рассвете. Караван-баши Небозабад требовал закончить все приготовления с вечера. Также он требовал, чтобы каждый умел быстро разбить палатки, а затем свернуть их. Любая задержка в пути стоит денег, хуже того, умножает ненужный риск.

Так, по крайней мере, подсказывал ему опыт. Многие считали, что он беспокоится напрасно. С тех пор как арабы крепко взяли Сирию в свои руки, миру больше ничто не угрожает. Разве сам халиф не проезжал через Тадмор три года назад по пути в святой Иерусалим? Но караван-баши не склонен был слепо доверять обстоятельствам. За свою жизнь он видел слишком много войн, подрывавших торговлю и нарушавших порядок, а следом за войнами неизбежно поднималась волна разбоя. И Небозабад был намерен использовать каждый мирный час и каждую возможность заработать, предоставленные Богом.

Потому-то его подчиненные и устроились на ночлег не в караван-сарае, а под открытым небом у Филиппийских ворот. Небозабад обошел лагерь, поговорил с погонщиками, охранниками, купцами и прочим людом; где надо, отдал распоряжения, мало-помалу обращая бестолковую суматоху в целенаправленную деятельность. Ночь прочно воцарилась на земле задолго до того, как он закончил обход.

Покончив с делами, караван-баши постоял, наслаждаясь одиночеством. Воздух был напоен прохладой с легким привкусом дымка от угасавших костров. Не считая красноватого мерцания углей, на земле лежала глубокая тьма. На фоне чуть более светлого неба различались лишь верхушки нескольких шатров, раскинутых самыми преуспевающими из путешественников, да порой вспыхивал отблеском наконечник копья несущего вахту стражника. До слуха доносился негромкий говор засидевшихся за беседой, изредка слышалось негромкое ржание лошади или гортанное всхрапывание верблюда.

В небесах ярко сияли бессчетные звезды. На западе взошла ущербная луна, озарив светом неглубокую долину, посеребрив холмы и пальмы, возносящиеся из тьмы могильные склепы, зубцы и башни городской стены. Серовато-белая, она отвесно вздымалась ввысь, словно окружающая равнина встала на дыбы, и казалась такой же извечной, как сама степь. Казалось, что пробить брешь в этих могучих бастионах просто невозможно, и жизнь, ныне уснувшая под их защитой, будет бить ключом изо дня в день до скончания веков.

Мимолетная эта мысль заставила прикусить губу. Слишком хорошо Небозабад знал, что это не так. Собственными глазами видел он на своем веку, как персы теснят римлян, затем римляне изгоняют персов, а сегодня и те и другие отступают перед мечом ислама; и хотя караваны по сей день везут свои богатства в Тадмор и дальше, город уже давным-давно прошел зенит своей славы. Ах, вот жить бы тогда, когда он — она — Пальмира по-латыни, как и по-гречески, — была жемчужиной Сирии,

до того как император Аврелиан подавил попытку царицы Зиновии добиться свободы...

Небозабад вздохнул, пожал плечами, круто развернулся и зашагал обратно. Город, как и человек, должен безропотно принимать участь, уготованную ему Господом. По крайней мере, в этом-то мусульмане правы.

По пути он слышал приветствия и отвечал на них.

— Да пребудет Христос с тобою, господин!

— И да пребудет с тобою дух его...

Все узнавали крупную фигуру человека, чье грубоватое лицо было обращено к небу. Он был облачен в простой ватный халат. Свет месяца играл на серебряных прядях проседи и коротко подстриженной бороде.

Караван-баши был уже недалеко от своего шатра — хорошего шатра, хоть и скромных размеров: Небозабад никогда не брал в путь лишних вещей, предпочитая товары, сулящие прибыль. Сквозь щели вокруг незакрепленного клапана входа пробивались слабенькие желтоватые лучи светильника.

Вдруг кто-то схватил его за лодыжку. Небозабад замер на полушаге и с резким вдохом сжал рукоять кинжала.

— Тише, умоляю! — раздался лихорадочный, захлебывающийся шепот. — Ради самого Господа! У меня нет дурных намерений.

И все же, приглядевшись, он ощутил, как по коже продрал мороз. В лунном свете смутно белела припавшая к самой земле фигура — кажется, совершенно нагая.

— Что тебе? — прошипел он.

— Мне нужна помощь, — донеслось в ответ. — Мы можем поговорить наедине? Смотри, я без оружия.

Голос показался ему знакомым. Принимать молниеносные решения Небозабаду было не впервой.

— Подожди, — негромко сказал он.

Рука отпустила лодыжку; Небозабад подошел к шатру и проскользнул внутрь, стараясь почти не поднимать клапан, чтобы на улицу упало как можно меньше света. Стенки верблюжьей шерсти сохранили внутри шатра немного тепла. Глиняный светильник тускло озарял развернутую постель, кувшин с водой, миску, две-три другие мелочи и низко склонившегося прислужника. Тот приветственно коснулся земли коленями, ладонями, лбом и спросил:

— Что пожелает хозяин?

— Я жду гостя, — ответил Небозабад. — Выходи осторожно, как входил я. Когда застегну вход, не позволяй никому входить, и ни слова об этом.

— Да отвечу я за это головой, хозяин!

Прислужник выскользнул из шатра. Небозабад подбирал его весьма тщательно и учил на совесть; этот человек верен как собака. Как только он удалился, Небозабад на мгновение выглянул из шатра, негромко бросив:

— Теперь входи!

Неведомый проситель поспешно забрался внутрь и выпрямился. Хоть Небозабад и догадывался, кто придет, удержаться от изумленного восклицания он не смог. В самом деле, женщина. И какая!

Вспомнив об опасности, он поспешил надежно застегнуть вход, а уж затем обратился к пришедшей. Она опустилась на колени, скрестив руки на животе. На плечи и грудь ниспадали роскошные черные, как полночь, волосы. Небозабад отметил, что они легли так не по случайности — просто ей было нечем больше прикрыть свою наготу, не считая грязи, ручейка запекшейся крови на предплечье да еще поблескивающего под лампой пота и ночного мрака. А тело могло бы принадлежать античной богине — стройное, крепкое, с плоским животом, тонкой талией и округлыми бедрами. Обращенное к нему широкоскулое лицо с прямым носом, полными губами и округлым подбородком поражало чистотой линий. Чуть золотистая кожа, большие карие глаза под выгнутыми дугой бровями. В ней смешивалась кровь западного и восточного Рима, Эллады, Персии и Сирии.

Небозабад внимательно вглядывался в гостью. Она казалась девушкой, нет, молодой женщиной, нет — для нее просто не было определения. Но она была знакома ему.

— О Небозабад, старый друг, — дрожащим хрипловатым голосом заговорила женщина, — для меня не осталось иной надежды, кроме тебя. Помоги мне, как некогда наш род помогал тебе. Ты знаешь нас всю свою жизнь.

Сорок с лишним лет. Эта мысль поразила его, как удар кинжала. Память унесла Небозабада более чем на три десятилетия назад.

2

Алият ждала возвращения Барикая с нетерпением — и страшилась его возвращения. Она бы принесла супругу утешение объятий, укрепила бы его дух своей любовью. Только так они сумели вынести утрату остальных детей, — впрочем, те были совсем несмышленышами. Но вначале придется рассказать ему о случившемся.

Он где-то в городе, беседует с купцом Таймарсу. Новости с войны приходили неутешительные — персы наносили римлянам поражение за поражением, прорываясь в Месопотамию через ослабленный левый фланг сирийской обороны. Торговля с побережьем замирала, спряталась в свою раковину, дожидаясь исхода событий. Караванщики, к числу которых принадлежал и Барикай, терпели убытки. Многие из них осторожничали, не рискуя лезть в пекло. Барикай же, как более смелый, пытался убедить купцов, что не стоит позволять товарам истлевать на складах.

Будто заново услышала Алият его искренний сердечный смех: «Раз я берусь, значит, доставлю! Цены в Триполи и Бейруте * подскочили до небес! Риск будет вознагражден». Она поддерживала его. Вышедшая из семьи караван-баши, Алият была куда ближе со своим мужем, чем большинство жен, — почти напарница, но притом подруга и мать его детей. Наследственная память облегчала тоску, охватывавшую Алият всякий раз, когда она, стоя на городской стене, провожала взглядом уходящий за горизонт караван.

Но сегодня... Рабыня отыскала ее в саду и сообщила:

— Хозяин пришел.

Душа Алият обливалась кровью. Она призвала на помощь всю свою отвагу, необходимую женщине на ложе роженицы и у ложа смерти, и поспешила навстречу мужу. Множество глаз провожали ее в полном молчании, нарушаемом лишь шелестом юбок Алият; домочадцы уже обо всем знали.

Хозяйство у них было приличное, и жили они в большом доме. До недавнего времени Барикай, как прежде его отец, преуспевал в делах. Алият надеялась, что не придется продавать никого из рабов, которых она искренне любила. Надо лишь проявлять бережливость... Впрочем, какая теперь разница?

Атрий уже был наполнен голубизной зарождающихся сумерек. Взгляд упал на образ Пречистой Девы, укрытый в нише, но синевой и золотом выделяющийся на фоне чисто выбеленной стены. Алият преклонила колени, молчаливо молясь, чтобы весть оказалась ложной. Но образ продолжал равнодушно глазеть в пространство.

Барикай только-только отдал плащ слуге. Под плащом на нем был халат с золотой вышивкой — доказательство высокого положения и уверенности в себе. Время посеребрило темные

---

* Имеются в виду ливанский Триполи и Бейрут.

волосы, изрезало худощавое лицо морщинами, но походка Барикая оставалась такой же пружинистой, как прежде.

— Да будет Христос с тобою, моя госпожа! — начал он, как пристало в присутствии слуг, но тут зоркий взгляд уловил признаки беды. Одолев разделяющее их пространство тремя стремительными шагами, он схватил женщину за плечи. — Что случилось?

Ей пришлось дважды сглотнуть, прежде чем удалось попросить:

— Пойдем со мной!..

Он плотно сжал губы и без единого слова последовал за ней в садик на заднем дворе. Окруженный со всех сторон стенами, садик был полон прохладного покоя и дарил укрытие от всего мира. Пруд с плавающими кувшинками окружали кусты жасмина и роз, пропитавшие воздух своим ароматом. Солнце уже закатилось за крыши, небо над головой наполнилось сочной синевой. Здесь одиночества двоих не потревожит никто.

Алият повернулась к Барикаю и, опустив руки, заставила себя выговорить:

— Ману погиб. — Барикай не шелохнулся. — Весть привез нынче утром юный Мохим. Он оказался среди немногих, кто сумел бежать. Эскадрон был в патруле к югу от Халепа. Персидский кавалерийский отряд застал их врасплох. Мохим видел, как Ману в глаз попала стрела, и он выпал из седла под копыта лошадей.

— К югу от Халепа, — прохрипел Барикай. — Уже! Теперь они придут в Сирию.

Алият понимала, что этим чисто мужским замечанием Барикай, как щитом, загораживается от беды. Но щит рассыпался у него в руках.

— Ману... — сказал Барикай. — Наш первенец. Умер. — Он принялся часто-часто креститься трясущейся рукой. — Боже, смилуйся над ним! Христос, прими его! Помоги ему, святой Георгий!..

«Мне тоже пристало бы помолиться», — подумала Алият и вдруг почти без удивления поняла, что тяга к молитвам в ней умерла.

— Ты сказала Ахмат? — поинтересовался Барикай.

— Конечно. Лучше, по-моему... Надо пока оставить ее и внуков в покое.

Молодая жена Ману жила в постоянном страхе с того самого момента, как его призвали на войну. Весть оглушила ее, как удар молота.

— Я послала вестника к Хайрану, но хозяин отослал его с каким-то поручением в Эмесу, — продолжала Алият. Младший их сын работал у торговца вином. — Дочери оплакивают Ману у себя дома.

Все три оставшиеся в живых дочери Алият успели выйти замуж, притом довольно удачно, и она радовалась, что в свое время не зря мучилась, собирая хорошее приданое.

— Думаю, теперь... — пробормотал Барикай, — думаю, надо взять в ученики Небозабада. Чтобы продолжил мое дело... Ты ведь знаешь его, не правда ли? Сын вдовы Хафсы. Парнишке всего десять, но подает надежды. Опять же, дело доброе. Оно может побудить святых смилостивиться над душой Ману. — И вдруг он до боли цепко схватил Алият за плечи и выкрикнул: — Да что ж это я болтаю! Ману умер!..

Она разомкнула его стиснутые пальцы, спустила их себе на бедра и крепко прижала мужа к груди. Так, обнявшись, они стояли долго-долго, пока вечерняя заря не угасла и сад не погрузился в сумрак.

— Алият, Алият, — наконец прошептал потрясенный Барикай, уткнувшись в ее волосы, — моя сила, любовь моя. Отчего ты такая особенная? Моя жена, мать, бабушка — и все-таки ничуть не изменилась с той поры, как была девушкой и моей невестой...

3

Захватив Тадмор, персы сперва обложили его тяжкой данью, но затем показали себя не такими уж дурными правителями. Не хуже римлян, решила про себя Алият. Пусть сами они были огнепоклонниками-зороастрийцами, но позволили каждому сохранить свою веру, даже более того — не давали православным, несторианам и иудеям досаждать друг другу. В то же время жесткий контроль над порядком на завоеванных территориях позволил возобновить торговлю, в том числе и с Персией. Лет десять—двенадцать спустя пошли слухи, что они продвигаются дальше, захватили Иерусалим, а там и Египет. Алият гадала, пойдут ли персы на старый Рим; но, судя по рассказам бывалых людей, бой за эту истощенную итальянскую землю, уже поделенную между ломбардскими вождями, католическим папой и остатками имперских гарнизонов, не сулил никакой выгоды.

Еще просачивались вести о том, что на трон в Константинополе сел новый император Ираклий, весьма способный и энергичный. Но у него хватало забот и поближе к дому — совсем

недавно он отогнал от стен столицы диких аваров. Впрочем, в Тадморе эти события казались далекими и нереальными. Алият была чуть ли не единственной женщиной, слышавшей о них хоть краем уха. У других хватало собственных забот. Да и для нее дни и годы постепенно слились в сплошную неразличимую пелену. Из пелены выплывали, обретая реальность, отдельные события — рождение внука, смерть подруги — и оставались в памяти, будто одинокие холмы на бесконечной караванной тропе.

Так обстояли дела — и тут в одночасье всему пришел конец.

В тот день Алият вместе с низкорослой, но сильной служанкой отправилась на главную площадь — агору. Вышли они рано утром, чтобы покончить с покупками и отнести их домой до наступления дневной жары, загоняющей всех под крыши. Барикай попрощался с женой едва слышным голосом. Несокрушимое прежде здоровье пошатнулось — последнее время его мучили слабость, приступы боли в груди и одышка. Не помогали ни молитвы, ни лекари.

Алият и Мара дошли по извилистым улочкам до Колоннады и двинулись вдоль нее. Двойной ряд колонн, с торцов замкнутый арками, сверкал великолепием; капители буквально светились, бросая вызов небу. С уступа каждой колонны смотрела статуя кого-либо из прославленных сограждан — воплощенная в мраморе многовековая история. Ниже шумели мастерские ремесленников и лавки торговцев, часовни и веселые дома, разношерстные толпы горожан и приезжих. Воздух был пропитан сочными запахами — дым, пот, навоз, благовония, пряности, масла, фрукты. Бурными волнами накатывался шум: шаги, цокот копыт, скрип колес, звон молотов о наковальни, песнопения, выкрики, разговоры — большей частью по-арамейски, на родном языке этого края, но еще и по-гречески, по-персидски, по-арабски и даже на языках более далеких стран. Буйствовали краски — плащи, халаты, туники, шали, всевозможные головные уборы, узорные ожерелья, амулеты, флажки на пиках. Торговец коврами восседал в окружении роскошного разноцветья своего товара. Виночерпий размахивал полным бурдюком. Из лавки медника неслась перезвон металла. Вол, впряженный в повозку с финиками из оазиса, медленно прокладывал путь сквозь толпу. Верблюд, ворча и шаркая ногами, тащил на себе груз шелка незнакомых Алият расцветок. Эскадрон персидских конников в сверкающих латах шел рысью вслед за трубачом, призывающим расступиться и дать дорогу; пышные султаны из перьев трепетали на ветру. На носилках пронесли бога-

того купца, на других — куртизанку в пестрых одеяниях; оба взирали вокруг с ленивым высокомерием. Облаченный в черное христианский проповедник отступил с дороги, пропуская аскетичного местного мага, и перекрестился, когда тот прошел. Скотоводы, пригнавшие овец из засушливых степей, бродили, тараща глаза на соблазны, сулящие им перспективу вернуться в свои шатры без единого гроша. Насвистывала флейта, рокотал бубен, кто-то пел высоким дрожащим голосом.

Алият знала, что это ее родной город, ее родной народ, и все-таки чувствовала какую-то странную отрешенность от всего и от всех.

— Госпожа! Госпожа!..

Заслышав зов, она остановилась. К ней сквозь толпу пробирался Небозабад. Те, кого он поневоле оттолкнул, сыпали ему вслед проклятиями, но Небозабад пропускал их мимо ушей. С первого же взгляда на его лицо Алият все поняла, и предчувствие камнем легло на душу.

— Госпожа, я надеялся, что перехвачу тебя. — Юноша совсем запыхался. — Я был с хозяином, твоим мужем, когда... У него удар. Он вымолвил твое имя. Я послал за лекарем, а сам бросился за тобой...

— Веди меня, — будто со стороны, услышала Алият собственный голос.

И он повел ее, расчищая дорогу — шумно, грубо и быстро. Они возвращались домой, а над ними наливалось сиянием жаркого солнца равнодушное небо.

— Подожди, — распорядилась она у дверей спальни и вошла одна.

Не стоило обижать Небозабада, оставляя его в коридоре. Она просто не подумала, что в покоях уже находится человек пять рабов, благоговейно и беспомощно жмущихся в сторонке. Но там же был и последний их сын, Хайран. Склонившись над ложем, он обнимал умирающего, взывая к нему:

— Отец, отец, ты слышишь меня?..

Барикай закатил глаза. На фоне разлившейся по лицу голубоватой бледности белки выглядели отвратительно. На губах пузырилась пена, дыхание то рвалось из груди шумными всхлипами, то совсем затихало; потом грудь опять лихорадочно вздымалась и замирала вновь. Бисерные завесы на окнах вроде бы должны были притушить прискорбное зрелище — но в сумраке Алият видела все даже более отчетливо.

Хайран поднял голову. По его бородке сбегали слезы.

— Мама, боюсь, он умирает...

— Знаю.

Она преклонила колени у постели, отодвинула руки сына, обняла Барикая и положила щеку ему на грудь. Она слышала, она ощущала, как жизнь покидает тело. Поднявшись с колен, Алият закрыла мужу глаза, попыталась утереть лицо. Подоспел лекарь.

— Этим могу заняться я, моя госпожа, — сказал он.

— Я приготовлю его сама, — отвергла предложение Алият. — Это мое право.

— Не бойся, мама, — неровным голосом произнес Хайран, — я буду хорошо тебя содержать... Тебе обеспечена покойная, мирная старость...

Голос его вдруг стих, слова оборвались. Взгляд наполнился изумлением, как у лекаря и рабов. Караванщик Барикай не прожил на свете и семи десятков лет, но по внешности ему можно было дать и больше — в седине редко проглядывал черный волос, изможденное лицо изрезали морщины, от некогда крепкого тела остались лишь кожа да кости. Зато вдова, стоявшая над ним, казалась женщиной всего лишь двадцати весен.

4

У виноторговца Хайрана родился внук, и в доме царило безудержное веселье. Пир, который дед и отец ребенка задали родне и друзьям, затянулся до поздней ночи. Алият рано удалилась от женского стола, скрывшись в своей комнате в глубине здания. Никто и не подумал поставить ей это в упрек; в конце концов, какое бы уважение ни принесли ей годы, ноша их нелегка.

Она удалилась вовсе не для отдыха, как думали все. Наедине с собой Алият распрямила спину и перестала шаркать, приволакивая ноги. За дверью она сделалась совсем иной женщиной, проворной и гибкой. Просторные черные одеяния, призванные скрыть фигуру, развевались от стремительности движений. Голова была в платке, как обычно, — чтобы скрыть черноту волос. Домашние часто отмечали, что у нее на диво молодые лицо и руки; на сей раз она спрятала лицо под покрывалом.

Навстречу попался раб, бредущий по своим делам. Он узнал ее, но ограничился простым приветствием. Этот не станет молоть языком о том, кого видел. Он тоже стар и усвоил, что старикам надо прощать их маленькие чудачества.

Ночной воздух был благословенно прохладен и свеж. Улицу залила тьма, но ноги Алият знали здесь каждый камешек и легко нашли дорогу к Колоннаде, а оттуда к агоре. Над крыша-

ми взошла полная луна, затмив своим сиянием близлежащие звезды, — зато остальные звезды мерцали и переливались, щедро усыпав высокий небосвод, оттенявший белоснежные колонны. Шаги Алият отдавались в тишине громким эхом. Большая часть горожан давно почивала в своих постелях.

Она понимала, что идет на риск, но не слишком значительный. Городская стража и при персах продолжала поддерживать закон и порядок. Один раз Алият пришлось переждать за колонной, пока патруль пройдет мимо. Наконечники копий стражников сияли, как ртуть. Если бы ее заметили, то могли бы настоять на том, чтобы препроводить ее домой, — или приняли бы за блудницу и принялись задавать вопросы, на которые нет ответа.

«Почему ты шляешься в темноте?» — она бы не сумела объяснить, не было у нее объяснения, и все-таки она должна была на время уйти от всех, если не хотела забиться в истерике.

Подобное случалось с ней и раньше.

На улице Базарщиков она повернула к югу. Справа от нее устремлял к небесам свои изящные порталы театр. Слева призрачно светилась при лунном свете стена вокруг агоры. Говорили, что это лишь жалкие остатки былого величия, — люди в отчаянии разломали постройки на укрепления, когда римляне взяли город в осаду. Если так, это вполне под стать настроению Алият. Через незапертые ворота она прошла на широкую площадь.

От воспоминаний о дневной сутолоке агора казалась даже более пустынной, чем была. Статуи славных граждан прежних времен, градоначальников, полководцев, сенаторов — и караванщиков — стояли вокруг Алият, как часовые вокруг некрополя. Уже не колеблясь более, женщина вышла на свет,. на самый центр площади. Теперь ей были слышны даже биение собственного сердца и шелест дыхания.

— Мириам, Матерь Божья, благодарю тебя...

Слова замерли у нее на устах. Слова были так же пусты, как и окружающая площадь; договори она, и молитва обратилась бы в насмешку. Почему она не чувствует ни радости, ни благодарности? У сына ее сына родился сын. Жизнь Барикая не угасла, а продолжается в правнуке. Сумей она вызвать из ночного мрака его дражайшую тень, Барикай наверняка улыбался бы.

Трепет объял Алият. Она никак не могла пробудить память. Лицо Барикая обратилось в размытое пятно; она могла бы описать это лицо, но увидеть — даже внутренним оком — больше не могла. Все исчезло в прошлом; любимые умирали, умирали и умирали, а Господь никак не позволял ей последовать за ними.

Следовало бы возблагодарить Его, пропеть Ему хвалу за здоровье и благополучие, за то, что возраст не коснулся ее. Неисчислимое множество стариков — хромых, убогих, согбенных, сморщенных, беззубых, полуслепых, терзаемых неустанной болью — молят о смерти как о благодати. А она... Но год за годом вокруг нее прибывал страх, а вместе с ним недоуменные взгляды, шепоток по углам, сотворяемые украдкой знаки, ограждающие от дьявола. Уже и Хайран, замечая в зеркале проседь на висках и первые морщины, с сомнением поглядывает на мать: какой такой секрет она знает? Она старательно избегает всех, дабы не напоминать о себе родне; и вполне понятен их негласный сговор избегать упоминания о ней при посторонних. Мало-помалу она сама становится посторонней, обреченной на вечное одиночество.

Как может она быть прабабушкой — она, в чьем лоне не угасло пламя желания? Не за это ли наказует ее Бог? Или за некий страшный детский грех, о котором она напрочь позабыла?

Луна катилась по небосводу, звездное колесо вертелось на своей оси. И мало-помалу холодная невозмутимость небес снизошла на Алият. Тогда она направилась к дому. Она не сдастся. Сдаваться рано...

5

Война тянулась целое поколение, но в конце концов Ираклий победил. Он гнал персов все дальше, пока они не взмолились о мире. Двадцать и два года спустя после своего ухода римляне вновь добрались до Тадмора.

За ними по пятам прибыл новый горожанин Забдас, торговец пряностями из Эмесы. Тот город был чуть побольше, чуть поближе к побережью, чуть побогаче, а потому пользовался заметно более пристальным вниманием властей. Семейное дело Забдаса имело в Тадморе свое ответвление. После хаоса битв и смены правителей оно нуждалось в реорганизации — в крепкой руке и остром глазе, который не упустил бы открывающихся возможностей. Потому Забдас переехал в Тадмор и взял руководство на себя; естественно, ему потребовались знакомые, союзники и друзья среди местного населения. Задача осложнялась тем, что он недавно овдовел. Вскоре Забдас начал подыскивать себе новую жену.

Никто не рассказывал о нем Алият, и когда Забдас впервые навестил Хайрана, то действительно по делам. Правила гостеприимства, приличия, да и собственное положение Алият требо-

вали, чтобы она была в числе женщин, вышедших поприветствовать гостя перед тем, как мужчины отойдут к трапезе. Из чистого бунтарства — во всяком случае, так ей смутно казалось — Алият отвергла обычные старушечьи одежды и облачилась скромно, но со вкусом. Она заметила изумление Забдаса, когда он узнал, кто она такая; глаза их встретились; трепет, с которым она постаралась совладать, охватил Алият с головы до ног. Он был коротышкой лет пятидесяти, но крепким и живым; седина почти не коснулась его волос, черты правильного лица сохраняли свежесть. Обменявшись с ним традиционными учтивостями, она вернулась в свою комнату.

Хотя Алият часто затруднялась выделить одно воспоминание из множества других, беспорядочно роившихся в памяти, некоторые переживания повторялись достаточно часто, чтобы она сделала выводы. Алият ясно понимала значение взоров, которые он бросал на нее — когда считал, что этого никто не заметит, — сказанных гостем слов и слов недосказанных. Она ощущала растущее напряжение среди женщин и рабов, и даже среди детей постарше. Сон бежал от нее; Алият бесконечно вышагивала по комнате или уходила на прогулки под покровом тьмы; раньше она порой находила утешение в книгах — теперь книги не помогали.

Неудивительно, что в конце концов Хайран попросил у нее встречи наедине. Случилось это однажды поздним зимним вечером, когда домочадцы в большинстве своем отошли ко сну. Хайран подхватил ее, когда Алият запнулась, провел к увенчанному подушкой табурету, а сам уселся, скрестив ноги, за столиком, где стояло вино рядом с финиками и пирожными.

Какое-то время оба молчали. Бронзовые лампы сверкали, отражая собственный неяркий блеск. И все же света было довольно, чтобы ясно видеть расписанные цветами стены, красно-сине-бурые узоры ковров, складки халата Хайрана и его морщинистое лицо. Сын был совершенно сед; под халатом скрывался солидный животик. Подслеповато помаргивая, Хайран воззрился на стройную фигуру матери. Зеленая парча выгодно облегала ее изгибы; надетое поверх платка кольцо из золотых нитей подчеркивало чистую линию бровей.

— Не желаешь ли освежиться, матушка? — наконец едва слышно спросил он.

— Спасибо.

Она приняла бокал. Вино заиграло во рту, лаская нёбо. Напитки и пища тоже способны доставить удовольствие. С возрастом Алият не утратила к ним вкуса и не растолстела.

— Не стоит благодарности, — он отвел взгляд. — Заботиться о твоем благополучии — мой долг.

— Ты всегда был учтивым сыном и помнил о своем долге.

— Я старался, как мог. — И тут же, поспешно, стараясь не встречаться с ней глазами: — Однако ты с нами не вполне счастлива, верно? Я не слеп и не глух, то есть не совсем слеп и не совсем глух. Я не слышал от тебя жалоб, почти не слышал, но не мог не понять, что это так.

Алият приказала себе хранить неподвижность, а своему голосу — невозмутимость.

— Верно. Но в том не виновен ни ты, ни кто-либо иной. Осмелюсь сказать, — Алият и не хотела бы причинять сыну боль, да пришлось, — осмелюсь сказать, что ты чувствуешь себя юношей, заточенным в дряхлеющую плоть. Ну а я — старуха, заточенная в тело, которое остается юным. Почему — то ведомо лишь одному Богу.

Он сплел пальцы.

— Тебе... Сколько же тебе лет? Семь десятков? Впрочем, иных возраст не сгибает, и они в добром здравии доживают до глубокой старости. Если ты проживешь даже сто лет, это будет не так уж неслыханно. Да подарит тебе Господь долгий век!

Алият обратила внимание, что сын старательно избегает упоминания о том, что, кроме сточенных зубов, время вообще не оставило на ней следа. Надо подзадорить его, иначе Хайран не решится сказать то, что намеревался.

— Надеюсь, ты поймешь: я стала чувствовать себя бесполезной, и это мне не по нутру.

— Нет нужды сетовать! — вырвалось у Хайрана. Наконец-то он поднял взгляд, и Алият заметила, что он совершенно взмок. — Послушай, что я скажу. Забдас, уважаемый человек торгового звания, просил твоей руки.

Я так и думала, подумала она про себя, а вслух отозвалась:

— Мне известно, о ком ты толкуешь. — О своем собственном, осторожно проведенном дознании Алият распространяться не стала. — Но мы с ним встречались всего лишь раз.

— Он порасспросил о тебе людей, то и дело заговаривает со мной, и... Он, скажу я тебе, честный человек, хорошо обеспеченный и с блестящими видами на будущее, вдовец, подыскивающий жену. Он знает, что ты старше его, но не считает это препятствием к браку. Дети его выросли, скоро пойдут внуки, и ему нужна помощница. Поверь мне, я сам все проверил.

— Хайран, ты-то сам хочешь этого союза? — спокойно спросила Алият.

И пока сын что-то невнятно лепетал, перекладывал бокал из руки в руку и беспомощно озирался по сторонам, понемногу прихлебывала вино. Наконец он выговорил:

— Я ни за что не стал бы тебя понуждать, матушка. Просто мне кажется... Это ради тебя же самой. Не отрицаю, он предлагает заключить кое-какие деловые соглашения, которые... пойдут на пользу. Мое дело переживает тяжелые времена.

— Знаю... А ты думал, я слепа или глуха? — язвительно отозвалась Алият. — Хайран, я работала с твоим отцом бок о бок. Тебе же такое и в голову не приходило.

— Я... Матушка, я вовсе...

— О, ты был добр в силу своего разумения, — легонько рассмеялась она. — Давай не будем поминать старое. Расскажи мне о нем еще.

6

Обручение и свадьбу провели тихо, чуть не украдкой. В конце концов, невесту проводили в спальню жениха и оставили там в компании служанки.

Комната была невелика; на беленых стенах не было никакой росписи, обстановка отличалась простотой, почти суровостью — лишь в дань событию повесили несколько гирлянд. Один угол был отгорожен ширмой. Свет давал канделябр на три свечи. На кровати лежали две ночные сорочки.

Алият знала, что должна облачиться в сорочку, и безмолвно приняла помощь служанки. Они с Барикаем резвились, сбросив всю одежду, при ярко пылавших светильниках. Что ж, времена меняются, да и нравы разнятся. Она слишком долго была отрезана от людской молвы, чтобы разобраться доподлинно.

Но на мгновение она осталась обнаженной, и рабыня не удержалась от возгласа:

— Моя госпожа просто прекрасна!

Алият провела ладонями вдоль бедер. Прикосновение ладоней к гладкой коже напоминало ласку, — спохватившись, она едва удержала их невдалеке от лона. Сегодня ночью она снова познает восторг, какого ей не дано уже... Сколько же лет прошло?..

— Спасибо, — улыбнулась Алият.

— Я... я слыхала, что ты старая, — запинаясь, пролепетала девушка.

— Так и есть...

Алият держалась молчаливо, даже боязливо. Потом она в одиночестве провела в постели час или два. В голове вихрем проносились бесконтрольные мысли, а время от времени ее била дрожь. В доме сына весь ее распорядок дня был известен заранее — но в том-то и заключался кошмар последних лет.

Когда Забдас вошел, она вздрогнула и села. Закрыв за собой дверь, он с минуту постоял у порога, разглядывая невесту. В праздничной одежде он казался... пожалуй, щеголем. Просторная сорочка Алият была скроена из довольно толстой материи — и все равно не могла скрыть ее пышных форм.

— Ты куда милее, чем я думал, — аккуратно выбирая слова, сказал Забдас.

— Благодарю, мой господин, — ответила она, опустив ресницы и сглотнув застрявший в горле ком.

— И все же ты женщина благоразумная, наделенная мудростью своих лет, — подходя, продолжал он. — Такая-то мне и нужна.

Остановившись перед единственным в этом покое украшением, иконой Святого Эфраима Сирийского, Забдас перекрестился: «Дай нам прожить в мире и согласии...» Чтобы надеть ночную сорочку, он ушел за ширму. Алият обратила внимание, как аккуратно он развесил одежду по верху ширмы. Затем он подошел к свечам и задул их по очереди, складывая руки горстью. В постель он забирался все с той же неспешной экономностью в каждом движении.

Он — мой муж! — билось у Алият в мозгу. Он — мое избавление. Да будет мне дано стать ему доброй женой... Она повернулась к Забдасу, сомкнула объятия, жадно отыскивая его уста своими.

— Ты что?! — воскликнул Забдас. — Успокойся! Я не сделаю тебе больно.

— Сделай, если хочешь, — она прижалась к нему. — Чем я могу тебе угодить?

— Ну, ну... Это уж... Будь добра лежать спокойно, моя госпожа. Помни о своем возрасте.

Алият подчинилась. Порой они с Барикаем точно так играли в хозяина и рабыню, юношу и проститутку. Она ощутила, как Забдас приподнялся на локте, свободной рукой потянув ее за сорочку. Алият сама задрала ее, а Забдас навалился на нее всей тяжестью. Барикай никогда этого не делал, но Забдас и весил гораздо меньше. Она протянула руку, чтобы направить его, но он поспешно ухватил ее за груди прямо сквозь ткань. Казалось, он не заметил, как ее руки и ноги обнимают его. Страсть его быстро иссякла. Вернувшись на свою половину постели, он ле-

жал, темнея во мраке, пока не отдышался. Потом произнес с тревогой:

— Как обильно ты изливалась! У тебя не только лицо, но и тело молодой женщины.

— Для тебя, — проворковала она и даже на расстоянии ощутила, как напрягся супруг.

— Сколько тебе лет на самом деле?

Значит, Хайран уклонился от прямого ответа, а может статься, Забдас не посмел спросить. Алият знала точно — ей восемьдесят один год, но избрала самый безопасный из ответов:

— Не считала. Но тебя не обманули, мой господин. Я мать Хайрана. Когда я понесла его, я... была совсем юной, а ты сам видишь, годы не так сгибают меня, как остальных.

— Удивительно, — бесстрастно отозвался он.

— Необычно. Это благословение. Я недостойна, но... — Промолчать нельзя: — Мои регулы еще не прекратились. Я могу зачать твоего ребенка, Забдас.

— Это уж... — он не сразу подобрал слово, — совсем неожиданно.

— Давай вместе возблагодарим Господа.

— Да. Надобно возблагодарить, но сейчас лучше спать. Утром у меня много работы.

7

К Забдасу пришел караван-баши Небозабад — надо было обсудить предполагаемую доставку товара в Дамаск. Пуститься в столь дальнее путешествие — дело весьма серьезное. Ходили зловещие слухи о том, что арабы все чаще нападают на персов и угрожают самому Новому Риму.

Купец хорошо принял гостя, как всегда поступал с нужными людьми, и пригласил его отобедать. Алият настояла на том, чтобы подавать к столу собственными руками. Когда дошло до десерта, Забдас попросил прощения и ненадолго вышел — он был немного слаб желудком. Небозабад остался в одиночестве.

Дело происходило в самой богато обставленной комнате — красные вышитые занавески, четыре семисвечных канделябра из позолоченной бронзы, инкрустированный перламутром резной столик из тикового дерева с лиственным орнаментом, уставленный лучшей серебряной и стеклянной посудой. Щепотка благовоний в жаровне придавала свежему воздуху ранних сумерек вязкую приторность.

Небозабад поднял голову навстречу внесшей поднос с фруктами Алият. Она остановилась напротив него. Темные одежды хозяйки скрывали почти все, кроме ее рук и больших карих глаз.

— Садись, моя госпожа, — пригласил караванщик.

— Не пристало мне садиться с тобой, — покачав головой, отвечала она почти шепотом.

— Тогда встану я. — Он поднялся с табурета. — Я так давно тебя не видел! Как ты поживаешь?

— Не так уж плохо. — Оживившись, она так и сыпала словами: — А как твои дела? Как дела у Хайрана и, ну, у всех? Вести до меня почти не доходят.

— Ты почти ни с кем не видишься, не так ли, моя госпожа?

— Мой муж полагает, что... это было бы неблагоразумно... в моем возрасте. Ну так как же дела, Небозабад? Скажи мне, умоляю!

— Не так уж плохо, — ее же словами ответил он. — Ты слыхала, у него уже родилась внучка? Что до меня, то у меня, благодарение Господу, двое живых сыновей и дочка. Ну а дела... — Он пожал плечами. — Ради них-то я и пришел.

— Очень ли опасны арабы?

— Боюсь, что да. — Он помолчал, дергая себя за бороду. — В вашу бытность с хозяином Барикаем — да будет счастлив он на небесах! — ты была в курсе всех его дел. Да и сама принимала в них участие.

Алият прикусила губу.

— У Забдаса на сей счет иное мнение.

— Я полагаю, он не хочет подать повода для сплетен, потому-то ни Хайран, ни кто иной из твоей родни не бывает здесь... Прости меня! — осекся он, заметив тень на ее лице. — Я не должен был совать нос... Просто дело в том, что ты была госпожой моего хозяина, когда я был мальчишкой, и всегда была добра ко мне, и...

Его голос стих.

— Ты очень любезен, что печешься обо мне. — Алият резко вскинула голову, будто боялась нечаянно понурить ее. — Но у меня куда меньше горестей, чем у множества других людей.

— Я слышал, твой ребенок умер. Очень жаль.

— Это было в прошлом году, — вздохнула она. — Раны исцеляются. Мы попробуем еще раз.

— А ты разве еще не?.. Ой, я опять сказал непристойность! Наверно, перебрал вина. Прости меня. Увидев, как ты по-прежнему прекрасна, я подумал...

— Мой муж не так уж стар, — зарделась она.

— Но все же он... Нет, опять не то. Алият, госпожа моя, если тебе когда-нибудь потребуется помощь...

Тут вернулся Забдас. Алият поставила поднос, пожелала мужчинам доброй ночи и удалилась.

8

Пока римляне и персы изнуряли друг друга кровопролитными битвами, в далекой Мекке Мухаммед ибн Абдаллах прозрел истину, начал проповедовать, вынужден был бежать в Ясриб, одолел недругов, дал приютившему его городу новое имя — Мединат Расул Аллах, сиречь Град Апостола Господня, и скончался властителем Аравии. Его халиф, то есть преемник, Абу Бекр подавил бунтовщиков и положил начало священным войнам, призванным объединить людей и возжечь пламя веры по всему миру.

Через шесть лет после вступления в Тадмор войск императора Ираклия город взяли войска халифа Омара. В следующем году они дошли до Иерусалима, а еще через год халиф лично навестил Святой город, триумфально проехав через полностью порабощенную Сирию, а его гонцы приносили вести о все новых и новых городах в самом сердце Персии, над которыми взвились знамена ислама.

В день, когда халиф удостоил своим присутствием Тадмор, Алият с крыши своего дома собственными глазами видела великолепную процессию — грациозных коней, верблюдов в роскошной сбруе, всадников в пламенеющих на солнце шлемах и кольчугах, с блистающими щитами и копьями в руках; разноцветье одежд текло по улицам ожившей радугой, грохотали барабаны, надрывались трубы, в воздухе висел низкий гул песнопений. Улицы наполнились движением, оазис буквально вскипел от нашествия завоевателей. И все-таки Алият приметила, что по большей части арабы худосочны и одеты весьма просто. Местные сановники, как и гарнизон, вели простую жизнь и по пять раз на дню простирались ниц перед Богом, повинуясь взмывающему ввысь вою муэдзина.

Правителями арабы оказались неплохими. Наложили дань, но не слишком непосильную. Обратили несколько храмов в мечети, зато оставили иудеев и христиан в покое — и строго карали нарушителей этого покоя. Кади, их верховный судья, вершил свой суд в восточной арке Колоннады, возле агоры, и даже нижайшие могли обратиться непосредственно к нему. Нашествие

оказалось столь стремительным, что не успело особо повредить торговле, и вскоре она начала возрождаться.

Алият не очень-то и удивилась, когда Забдас непререкаемым тоном, означавшим, что в случае возражений ее отошлют в дальнюю комнату, сказал:

— Я пришел к великому решению. Мы и наши домашние должны принять ислам.

И все-таки на лице Алият был написан вопрос. Спальню озарял тусклый свет единственного — ради экономии — светильника, по углам залегли глубокие тени.

— Это действительно вопрос наипервейшей важности, — медленно, стараясь встретиться с мужем взглядом, проговорила Алият. — Они тебя принуждают?

— Нет-нет! — покачал он головой. — Мне говорили, они никого не принуждают, кроме язычников. — На губах его мелькнула тень улыбки. — Они даже предпочли бы, чтобы мы в большинстве своем оставались христианами и могли владеть землей, что правоверным запрещено, и платили бы за нее подати. Мой разговор с имамом проходил нелегко. Впрочем, разумеется, он не может противиться искреннему обращению.

— Тебе это принесет много преимуществ.

Забдас покраснел.

— Ты хочешь сказать, что я лицемер?

— Нет-нет, мой господин, ни в коем случае!

— Понимаю, — смягчился Забдас. — Для тебя это сильный удар, ведь ты с юных лет поклонялась Христу. Однако пораскинь умом: пророк вовсе не отрицает, что Иисус тоже был пророком. Просто последним, кому Бог открыл всю истину, был не он. Ислам отметает суеверное обожествление бессчетного множества святых, отвергает священников, встающих между человеком и Богом, бессмысленные заповеди и ограничения. От нас требуется лишь признать, что Бог един и Мухаммед — пророк его. И вести праведную жизнь. — Он воздел указующий перст к небу. — Подумай! Разве простерлись бы все ниц пред арабами, как есть и как будет впредь, если бы их не вдохновляла истинная вера? Алият, я веду нас к истине. Ты ведь приветствуешь приход истины, не так ли? Она не может причинить тебе вреда, ведь так?

Она дерзко бросила через разделяющее их пространство:

— Я слышала, обращающиеся в мусульманство мужчины должны подвергнуться тому же обряду, что и еврейские мальчики.

— Не искалечат же меня! — отрубил он и снова взял себя в руки. — Я и не рассчитывал, что женщине по уму понять столь глубокие вещи. Просто доверься мне.

Алият взяла себя в руки и двинулась к нему, приговаривая:

— Я верю тебе, мой господин, верю.

Быть может, ей удастся понести от него третьего ребенка; быть может, ребенок выживет и вернет ее жизни смысл. Забдас редко допускал Алият к себе — преимущественно тогда, когда ей удавалось пробудить в нем ту же надежду на нового наследника. Казалось, он просто боится жены, и чем дальше, тем сильнее.

Что до перемены вероисповедания, Алият придавала этому куда меньше значения, чем он думал. Разве помогли ей христианские святые за эти бесконечные годы?

9

Она просто не предвидела, что означает обращение. Ислам ворвался в Сирию чересчур внезапно. Забдас тщательно изучил его, прежде чем решиться на подобный шаг. Алият узнала о последствиях лишь тогда, когда изменить ничего было нельзя.

Пророк требовал от правоверных женщин исполнения древних арабских обычаев. На людях они должны появляться в чадре, закрывающей все, кроме глаз, — в том числе и дома, если там есть хоть один посторонний мужчина. Открывать лицо можно лишь отцу, брату, мужу или сыну. Безнравственное поведение наказывается смертью. Мужчины и женщины обязаны жить на разных половинах дома, будто разделенных невидимой стеной, а единственный ключ от двери должен находиться у хозяина. Подчинение жены мужу не ограничено законом и обычаями, как у иудеев и христиан; пока брак не расторгнут, оно должно быть абсолютным — за непослушание муж имеет право изувечить или даже убить женщину. Алият оказалась почти отрезана от внешнего мира — не считая посещения базара; ее вселенная — муж, ее дети от него и четыре стены его дома. Путь в храм, как и в рай, для нее заказан — подлинный рай открыт лишь для мужчин.

Так рассказывал Забдас — урывками, когда выпадала возможность. Алият вовсе не была уверена, что закон пророка так узок и однобок. Наверняка в большинстве семей жизнь внесла в него свои поправки, умеряющие избыток строгости. Но Алият теперь стала настоящей узницей.

Тем не менее по прошествии нескольких месяцев она, как ни странно, обнаружила, что, вопреки заточению, не так одинока, как прежде. Насильно согнанные вместе, женщины дома — не только Алият и рабыни, но также жены и дочери двух сыновей Забдаса, перебравшихся к нему в Тадмор, — поначалу яростно бранились между собой, а потом начали открывать друг другу душу. Раньше положение хозяйки дома и неувядающая молодость ставили Алият особняком. Теперь все женщины оказались в одинаково беспомощном положении, и выяснилось, что на все это можно закрыть глаза; зато каждая, кто поделится с Алият своими горестями, может рассчитывать хоть на малую толику помощи с ее стороны.

И она сама мало-помалу поняла, что вырвалась из тисков крайней обособленности. В каком-то смысле ее связь со всем городом стала теперь более ощутимой, чем когда-либо после смерти Барикая. Пусть ее собственная свобода ограничена, зато женщинам более низкого звания приходится ходить по различным поручениям; у них есть родня, готовая посплетничать при любом удобном случае; к тому же никто не стесняется обсуждать свои дела в присутствии ничтожеств женского пола и не задумывается о том, что они обладают острым слухом, ясным зрением и пытливым умом. Как паутина передаёт трепет запутавшейся в тенетах мухи сидящему в центре пауку, так и вести о любых происшествиях неизбежно достигали слуха Алият.

Она не присутствовала при разговоре Забдаса с кади вскоре после его обращения в новую веру; но, сопоставляя подслушанное с тем, что случилось впоследствии, могла бы в точности воспроизвести события той встречи, будто сама была там невидимой третьей.

Обычно кади выслушивал прошения принародно. К нему волен был прийти любой и каждый. Алият и сама могла бы явиться к нему, если бы нашелся повод для иска. Охваченная мрачными предчувствиями, она поразмыслила об этом и убедилась, что повода нет. Забдас никогда не бранился, содержал ее в достатке, а если и не брал к себе на ложе, так чего же хотеть женщине, которой того и гляди исполнится девяносто, хоть она и родила ему дитя, оставшееся в живых? Уже самая мысль об этом кажется малопристойной.

Забдас просил о встрече наедине, и кади Митхаль ибн Дирдар согласился. Они вдвоем сидели в доме кади, беседуя и попивая охлажденный гранатовый сок. Ни тот ни другой не обращали внимания на прислуживающего за столом евнуха; но у евнуха были знакомые за стенами дома, а у тех — свои знакомые.

— Да, конечно, ты можешь развестись с женой, — говорил Митхаль. — Сделать это нетрудно. Однако по закону она получит все принадлежавшее ей прежде имущество, а, насколько я понимаю, ее вклад в благосостояние семьи был немалым. И, как бы то ни было, ты должен позаботиться, дабы она не бедствовала, и не лишать ее своего покровительства. — Он сложил пальцы домиком. — А кроме того, разве ты хочешь оскорбить ее родню?

— Доброе отношение Хайрана в наши дни немногого стоит, — отрезал Забдас. — Его дела идут скверно. Остальные дети Алият — от первого замужества — почти не знаются с ней. Но, гм, упомянутые тобой требования... Они действительно могут оказаться затруднительными.

Митхаль пристально вгляделся в лицо собеседника.

— Но почему ты хочешь отвергнуть эту женщину? В чем ее грех перед тобой?

— В гордыне, заносчивости, замкнутости... Нет, — не выдержал Забдас пристального взгляда кади, — я не могу назвать ее непокорной.

— Разве она не принесла тебе дитя?

— Девочку. Два предыдущих ребенка вскоре умерли. Да и девочка щуплая и болезненная.

— Это не повод для нареканий, мой друг. Старое семя приносит скудный плод.

Забдас предпочел истолковать слова кади по-своему.

— Да, вот именно, клянусь именем пророка! Я выяснил. Следовало поступить так с самого начала, но... Поверишь ли, достопочтенный, она близится к столетнему рубежу.

Кади беззвучно присвистнул.

— И все-таки... Ходят слухи... Она все еще красива? А ты говоришь, что она здорова и по-прежнему способна к деторождению.

Забдас подался вперед. Луч солнца, упавший сквозь решетчатый оконный переплет, испещрил его лысеющую голову зайчиками. Жидкая его бороденка затряслась, и он завопил высоким ломким голосом:

— Это противоестественно! Недавно у нее выпала пара зубов; я подумал, что вот наконец-то, наконец-то!.. Но на их месте растут новые, будто она дитя лет шести-семи! Она ведьма, ифрит, демон или... В том и состоит моя жалоба. О том и прошу — о расследовании! Дай мне уверенность, что я могу ее вышвырнуть, не опасаясь ее последующей мести! Помоги мне!

— Спокойнее, спокойнее! — поднял ладонь Митхаль. Негромкие слова потекли плавным потоком: — Успокойся.

Воистину это чудо. И все-таки Аллаху Всемогущему все по силам. Она ни в чем не проявила себя нечестивой или грешной, не правда ли? Быть может, ты поступил правильно, держа ее подальше от глаз, — поскольку даже ты, ее муж, проникся страхом перед нею. Если весть о ней разойдется и посеет панику, на улицах могут воцариться бесчинства. Будь начеку. — И сурово: — Древние патриархи жили на свете по тысяче лет. Если милосердный Аллах считает, что следует дать — как ее имя, Алият? — дать ей дотянуть до ста лет, не старея, — нам ли ставить под сомнение его волю или прозревать его помыслы?

Забдас уставился на собственные колени, скрежеща остатками зубов, и пробормотал:

— Но все-таки... .

— Мой тебе совет — держать ее при себе до тех пор, пока она не совершает ничего дурного. В этом проявятся твоя справедливость к ней и благоразумие. Воплощая закон, я постановляю, дабы ты не причинял ей вреда, доколе она не вредит тебе, и не предъявлял беспочвенных обвинений. — Митхаль взял свою чашку, отхлебнул глоток и улыбнулся. — Но, правду сказать, если брак со старой каргой кажется тебе неподобающим, ты волен поступать по своему усмотрению. Ты не думал о том, чтобы взять вторую жену? Знаешь, тебе ведь позволительно взять четырех жен, не считая наложниц.

В последние годы Забдас стал быстро забывать и свой гнев, и свои страхи. Минуту он сидел молча, устремив взгляд в угол, затем его рот скривился в усмешке, и он пробормотал:

— Благодарю, достопочтенный, за мудрый и милостивый суд...

10

И пришел день, когда Забдас призвал ее в свою контору.

Окно этой голой, тесной комнатенки выходило во внутренний дворик, но находилось слишком высоко, чтобы можно было полюбоваться видом пруда или цветов. На том месте, где некогда красовалась статуя святого, зияла белым провалом пустая ниша. У дальней стены на подиуме стоял заваленный письмами и деловыми бумагами стол, а позади него устроился на скамеечке Забдас.

Увидев вошедшую Алият, он отложил лист папируса и указал вниз. Она преклонила перед ним колени, опустившись на голый плиточный пол. Молчание затягивалось.

— Ну? — бросил он.

— Что пожелает мой господин? — не поднимая глаз, откликнулась Алият.

— Что ты можешь сказать в свое оправдание?

— В чем оправдываться твоей ничтожной рабе?

— Хватит издеваться надо мной! — взревел он. — Я сыт по горло твоей наглостью! А теперь ты ударила по лицу мою жену! Это уж чересчур!

Алият подняла голову, встретилась с ним взглядом и выдержала это безмолвное противоборство.

— Я так и думала, что Фуриджа помчится к тебе ябедничать, — не смущаясь сказала она. — Что она еще наплела? Призови ее и дай мне послушать.

— Мне решать! — грохнул Забдас кулаком о стол. — Я хозяин! Я добр. Я даю тебе возможность объясниться, чтоб избежать порки.

Алият перевела дух. Все это можно было предвидеть с тех самых пор, как на женской половине разыгралась безобразная сцена, и у Алият было часа два, чтобы подобрать нужные слова.

— Моему господину должно быть ведомо, что его новая супруга и я часто ссоримся. — Фуриджа, глупая злобная тварь с безвольным подбородком, пресмыкается перед мужем, зато на женской половине вопит и визжит, пытаясь подмять гарем под себя. — Увы нам, что так выходит. Это нехорошо. — Пусть слова неприятные, но лучше их произнести: — Сегодня Фуриджа нанесла мне непростительное оскорбление. Я дала ей пощечину открытой ладонью. Она взвыла и удрала — к тебе, хотя ты занят важными делами.

— Она часто мне жалуется. Ты подавляла ее с того самого дня, как она вошла в мой дом.

— Я требовала от нее лишь уважения, причитающегося мне как твоей старшей жене, мой господин.

Я не стану рабыней, собакой или вещью, добавила она про себя.

— В чем заключалось оскорбление?

— Оно было весьма низким. Должна ли я осквернить свои уста?

— М-м... Опиши его.

— Она верещала, что я сохраняю свой облик и силу благодаря... занятию, о котором не пристало поминать в пристойном обществе.

— Хм! Ты уверена? У женщин короткая память.

— Я полагаю, что, если ты призовешь ее и спросишь напрямую, она станет все отрицать. Ей не привыкать лгать.

— И там слова, и тут слова. — Забдас громко вздохнул. — Во что же верить мужчине? Когда же он найдет покой, чтобы заняться делами? О женщины!..

— Я полагаю, мужчины тоже станут склочными, если запереть их в четырех стенах и не дать им стоящего занятия, — чувствуя, что терять нечего, отозвалась Алият.

— Если я и не... не беспокоил тебя... то лишь из уважения к твоему возрасту.

— А ты разве молод, мой господин? — огрызнулась она.

Забдас побледнел, и коричневые пятна на его коже проступили очень явственно.

— Фуриджа не может пожаловаться на мою слабость!

Далеко не каждую ночь, подумала Алият — и вдруг ощутила даже необъяснимую жалость к нему. Он же боится, что тревога, которую я вызываю у него, лишит его мужской силы; и скорее всего так и будет — из-за одного лишь его собственного страха.

Но подобная перепалка заведет разговор в тупик. Алият пошла на попятный:

— Нижайше прошу простить, мой господин. Несомненно, в случившемся виновата и я, его раба. Я просто надеялась объяснить ему, почему раздоры тревожат его гарем. Если Фуриджа будет вести себя учтиво, я не премину последовать ее примеру.

Забдас потер подбородок, глядя невидящим взором сквозь нее. У Алият мелькнула жутковатая мысль, что это тот самый шанс, которого он дожидался. Наконец он устремил взгляд на нее и напряженным тоном сказал:

— Во времена твоей молодости жизнь была иной. Старым людям трудно меняться. И в то же самое время ты настолько энергична, что не можешь отречься от мира. Я прав?

— Мой господин смотрит в самую суть, — сглотнув, подтвердила она, удивленная неожиданно проснувшейся в нем проницательностью.

— До меня доходили слухи, что ты помогала первому мужу вести дела, и весьма успешно, — продолжал он. Она лишь кивнула в ответ. А он заторопился: — В общем, я много о тебе думал, Алият. Мой долг перед Аллахом — позаботиться о твоем благополучии, в том числе и духовном. Если тебе нечем заполнить время, если дочери для этого недостаточно... Что ж, пожалуй, мы сумеем найти что-нибудь другое.

Сердце Алият подскочило, кровь трубно запела в ушах.

— То, что пришло мне в голову, у людей не принято, — уже осторожно вел он свое, снова глядя куда-то мимо. — Это не нарушение Закона, пойми, но могут пойти сплетни. Я готов

рискнуть ради тебя, но ты, со своей стороны, должна проявить предельную осмотрительность.

— К-как будет угодно м-моему господину!

— Это лишь начало, проба. Если ты хорошо себя зарекомендуешь — кто знает, что за этим последует? Слушай. — Он помотал указательным пальцем. — В Эмесе проживает юноша, который приходится мне дальним родственником и стремится заняться делом. Его отцу будет приятно, если я приглашу его сюда для обучения. Однако самому мне не хватит времени обучить его всем хитростям и тонкостям, правилам, обычаям и традициям, принятым в Тадморе, равно как и основным практическим навыкам — особенно когда речь идет об отправке товара и торгах с караванщиками. Я мог бы отрядить ему наставником кого-нибудь из своих людей, но они у меня все наперечет. Вот ты — другое дело; надеюсь, ты ничего не забыла. Конечно, — повторил он, — я надеюсь на твою осмотрительность.

Алият простерлась перед ним, всхлипнув:

— Доверься мне, господин мой!

11

Боннур оказался высок, строен и широк в плечах. Его гладкое лицо было едва-едва украшено легким пушком, но руки уже налились мужской силой. И глазами, и грациозностью движений он напоминал оленя. Хотя Боннур был христианином, Забдас устроил ему сердечный прием, а уж потом отправил искать себе постель в помещении, где спали остальные юноши, служившие и учившиеся у Забдаса.

Год назад Забдас купил прилегающее к его дому строение поменьше. Нанял мастеровых, они навесили общую крышу и сломали перегородки, объединив два дома в одно просторное здание. Это давало Забдасу дополнительные рабочие и складские помещения, а заодно и жилье для новых помощников — дело разрасталось. Однако недавно он велел приостановить строительные работы: надо, мол, еще посмотреть, какое влияние окажут нынешние завоевания Персии на торговлю с Индией. В результате необставленная пристройка осталась пустой, пыльной и тихой.

Когда муж привел ее туда, Алият немало удивилась, что одна из дальних комнат на втором этаже чисто выметена и обставлена. Пол покрывал простой, но толстый шерстяной ковер. Окно обрамляли занавеси. На столе — графин с водой, чашки, папирус, чернила и перья. У стола — два табурета, а рядом

Боннур. Алият уже была с ним знакома, и все равно пульс ее участился.

Юноша глубоко склонился в приветствии.

— Устраивайтесь поудобнее, — сказал Забдас с несвойственной ему сердечностью, — поудобнее, мои дорогие. Если мы позволяем себе нечто не вполне обычное, пусть это по крайней мере доставит нам радость.

Он обошел всю комнату, приговаривая:

— Чтобы моя жена могла давать тебе разъяснения, Боннур, а ты мог задавать ей вопросы, вам нужна определенная свобода. Я вовсе не такой уж сухой пень, каким меня считают. Уклад жизни города, тонкости общения не изложишь в цифрах и не разберешь, как пример на сложение. Людские смешки и стеснение, которые вы чувствовали бы, сидя на виду у всякого дурака, связали бы ваши языки и запутали умы. Задача усложнилась бы и затянулась, а то и стала бы невыполнимой. И уж наверняка меня сочли бы, мягко говоря, чудаком. Стали бы гадать, не впадаю ли я в старческое слабоумие. А это повредило бы торговле. Потому-то я устроил это убежище подальше от людских взоров. При всяком удобном случае, когда для тебя, Боннур, не найдется других поручений, я буду посылать тебе весточку. Тогда ты будешь являться сюда через заднюю дверь, выходящую в переулок. И тебе я буду подавать знак, Алият, чтобы ты шла прямиком сюда. Иногда ты будешь приходить сюда и одна. Ты хотела помочь мне — очень хорошо, ты сможешь без помех просматривать мои бумаги и высказывать свое мнение. Это будет общеизвестно. Но в иные разы, неведомо для других, ты будешь учить Боннура.

— Но, почтеннейший! — По лицу юноши волнами пробегали то бледность, то румянец. — Мы с госпожой и больше никого?! Ведь можно же отрядить служанку, евнуха или... или...

— Твое смущение делает тебе честь, — покачал головой Забдас, — однако сторонний наблюдатель разрушил бы весь мой замысел — дать тебе по-настоящему познать условия жизни в Тадморе, избегая осмеяния и сплетен. — Он пристально оглядел обоих. — Ни на миг я не усомнюсь, что могу доверять своему родственнику и собственной старшей жене. — И добавил, слегка усмехнувшись: — Тем более что она уже прожила на свете дольше, чем обычные люди.

— Как?! — воскликнул Боннур. — Вы шутите, хозяин! Ни чадра, ни платье не в силах скрыть...

— Это верно, — с легким присвистом в голосе согласился Забдас. — Об этом ты узнаешь от нее, вместе с вещами менее любопытными.

12

Солнце клонилось к закату.

— Ну, — сказала Алият, — пожалуй, лучше прерваться. У меня есть еще обязанности по дому.

— У меня тоже есть дела. И мне надо подумать над тем, что ты открыла мне сегодня, — протяжно отозвался Боннур.

Ни он, ни она не поднялись со своих табуретов, продолжая сидеть лицом друг к другу. Вдруг юноша зарделся, опустил глаза и выпалил:

— Моя госпожа на диво умна!

Будто обласкал.

— Нет-нет! — запротестовала она. — За долгую жизнь даже глупец способен выучиться чему-нибудь.

Алият видела, что ему трудно встретиться с ней глазами.

— Трудно поверить, что ты... что ты старая.

— Просто годы не сгибают меня.

Сколько сот раз она произнесла именно эти слова! Ответ пришел на язык механически.

— Ты много всякого повидала... — Он недоговорил и, охваченный безрассудным порывом, бросил: — А перемена веры? Тебя силком отняли у Христа!

— Я ни о чем не жалею.

— Неужели? Хотя бы свобода, которую ты утратила, которую утратили твои друзья. Просто свобода смотреть на тебя...

Она уже хотела осадить юношу — дверной проем закрывал лишь бисерный занавес. Однако даже такой занавес немного заглушает звук, а между этой комнатушкой и жилой частью дома простираются пустынные коридоры... Боннур говорил негромко, слова звучали из глубины души, и на ресницах даже блеснула слеза.

— Да кому какое дело до старой ведьмы? — спросила она, понимая, что опять поддразнивает его.

— Никакая ты не ведьма! Тебе не следовало бы прятаться под чадрой. Я заметил, как ты то и дело забываешь горбиться и шаркать ногами.

— Сдается мне, ты пристально наблюдал за мной.

Алият боролась с приятным головокружением.

— Ничего не могу с собой поделать, — потерянно признался он.

— Ты слишком любопытен. — И, словно другая женщина овладела ее устами, ее руками: — Но лучше разом покончить с этим. Смотри! — Алият сдернула чадру. Юноша охнул. Опустив чадру, Алият встала. — Ты удовлетворен? Храни

молчание, или нашим встречам придет конец. Моему господину эта вольность придется не по вкусу.

С тем она и ушла. Дочка в гареме встретила ее жалобами:

— Мама, где ты была? Гутна не позволяет мне взять игрушечного львенка...

Алият призвала на помощь все свое терпение. Надо любить этого ребенка. Но Тирия — плакса и очень напоминает своего отца...

13

Порой в череду будней врывалось разнообразие — когда Забдас давал Алият записи для изучения и осмысления. Она уходила в дальнюю комнату и пыталась постигнуть прочитанное, но мысли разбегались, будто она пыталась удержать в руке горсть червей. Дважды Алият словно невзначай встречалась здесь с Боннуром. Во второй раз она облачилась в тонкое платье и сняла чадру с самого начала.

— Зной прямо испепеляющий, — пояснила она юноше, — а я всего лишь старая бабушка. Нет, даже прабабушка...

Урок прошел почти впустую — оба то и дело погружались в молчание.

Дни тянулись за днями; Алият утратила им счет. Какая разница, сколько их прошло? Каждый, как две капли воды, походил на предыдущий во всем, кроме перебранок, досадных мелочей и снов. Неужели кое-какие сновидения навеяны самим сатаной? Если так, Алият была ему даже благодарна.

Затем Забдас вновь призвал ее в контору.

— Твои советы оказались ничего не стоящими, — брюзгливо бросил он. — Неужели тебя наконец-то настигло старческое слабоумие?

Алият совладала с гневом и покорно откликнулась:

— Прости, господин мой, если в последнее время у меня не было дельных мыслей. Я буду стараться изо всех сил.

— Бесполезно! От тебя больше никакого проку. Вот Фуриджа — дело другое. Фуриджа согревает мне постель и скоро наверняка понесет плод. — Он махнул рукой, отсылая Алият. — Ладно, ступай! Иди, жди Боннура, я пришлю его. Может, сумеешь хотя бы надоумить его, как толково скупать шерсть, чем он сейчас занимается. Но, клянусь всеми святыми... клянусь бородой пророка, я начинаю жалеть о данных вам двоим обещаниях!

Через пустую пристройку Алият пробиралась, крепко сжав кулаки, а в комнате встреч принялась нервно расхаживать из

угла в угол. Клетка! Остановилась у окна, сквозь решетку выглянула на улицу. Отсюда был виден, поверх стен, древний храм Ваала. Под яростными лучами солнца известняк казался выбеленным, бронзовые капители колонн горели ослепительным пламенем, а барельефы как бы оживали. Между тем храм был давно заброшен, стал пустым и ненужным, как и она сама. Теперь, правда, храм вздумали обновлять. Из четвертых или пятых рук до Алият дошли слухи, что арабы решили превратить его в крепость.

Неужели эти дохристианские силы умерли бесповоротно? Ураганный Ваал, солнечный Ярибол, лунный Аглибол... Астарта, покровительница зачатий и рождений, ужасная в своей красоте, сошедшая в ад, чтобы отвоевать своего любимого... Невидимые, шагают они вдвоем по земле; неслышимые, перекрикиваются в небесах; и море, которого Алият ни разу не видела, бушует в грудях богини.

Шаги. Бусины занавеса звякнули. Алият резко обернулась. Боннур замер в дверях, потея. Она ощутила этот запах, знойный, молчаливый запах мужчины. Она и сама взмокла, платье прильнуло к коже. Отстегнув чадру, Алият швырнула ее на пол.

— Госпожа моя, — задохнувшись, пролепетал он, — о моя госпожа!

Она двинулась ему навстречу. Бедра ее покачивались, будто по собственной воле. Дыхание участилось.

— Чего ты хочешь от меня, Боннур?

Юноша затравленно озирался, устремляя свой олений взор то направо, то налево. Попятился на шаг, вскинул руки оборонительным жестом.

— Не надо!

В голосе его звучала мольба.

— Что — не надо? — рассмеялась Алият, останавливаясь прямо перед Боннуром — так, чтобы он не смог отвести взгляд. — Нам с тобой надо продолжить занятия...

Если он благоразумен, он согласится. Сядет и начнет спрашивать, как лучше торговаться с караванщиками. Не позволю ему быть благоразумным, ни за что не позволю!

14

— У меня дела в Триполи, которые могут задержать меня недели на три, — заявил Забдас. — Поеду с Небозабадом. Он так или иначе отъезжает через пару дней.

Алият обрадовалась, что, придя к нему в контору, не сняла чадру.

— Не хочет ли мой господин поведать, что это за дела?

— Незачем. Ты стала бесплодной по части советов, как и во всем остальном. Я сообщаю об этом лично тебе лишь для того, чтобы подчеркнуть и без того очевидное: в мое отсутствие тебе надлежит оставаться в гареме и вернуться к обычным обязанностям жены.

— Разумеется, мой господин.

До сих пор они с Боннуром по-настоящему встречались лишь дважды — прежнее не в счет. Да и эти две встречи были в дневное время.

15

Тирия зашевелилась.

— Мама...

Алият подавила вспышку гнева.

— Тс-с-с, дорогая, — выдохнула она. — Спи.

Пришлось ждать, пока девочка кончит метаться с хныканьем по кровати и утихнет.

Наконец-то!

Ноги сами находили путь во тьме. Алият подобрала ночную сорочку, чтобы случаем за что-нибудь не зацепиться. Вот так же неупокоенные мертвецы выбираются из могил, мелькнула мысль. Но Алият шла к жизни. Уже сейчас все соки бурлили в ней, ноздри впивали пьянящий аромат собственных жгучих желаний.

Никто не проснулся, а о стражниках в таком маленьком, унылом гареме не могло быть и речи. Алият касалась стен кончиками пальцев, нащупывая дорогу, пока не добралась до заветного коридора. Нет-нет, бежать нельзя, не к чему подымать шум. Нити занавеса скользнули вокруг нее змеями. За окном сияли звезды, сквозь оконный проем дышал прохладный ветерок из пустыни. Сердце колотилось отчаянно. Алият стащила с себя сорочку, отшвырнула ее в сторону.

Он пришел. Она впилась пальцами ног в грубую ткань ковра.

— Алият, Алият! — эхом отдался в ушах его хриплый шепот.

Боннур споткнулся, опрокинул табурет. Алият гортанно засмеялась, скользнула к нему и пропела:

— Я знала, что ты придешь, возлюбленный...

Его руки сомкнулись вокруг нее. Она впилась пальцами ему в плечи, притянув к себе изо всех сил. Язык ее метнулся к его губам. Он опрокинул ее навзничь, и они вдвоем оказались на ковре. Она еще успела подумать: надо бы позаботиться, чтоб не осталось синяков. Боннур сладко застонал, и ее голос вторил ему.

Вспыхнул фонарь.

— Полюбуйтесь! — проскрежетал Забдас.

Боннур скатился с Алият. Оба сели, отпрянули друг от друга, кое-как поднялись. Фонарь в руке у Забдаса ходил ходуном, и по стенам метались огромные вычурные тени. Алият видела мужа по частям — то белки глаз, то нос, то слюнявые пеньки зубов, то морщины. Он буквально источал ненависть, а справа и слева стояли двое его сыновей с мечами в руках. Клинки блестели.

— Мальчики, схватить их! — заорал Забдас.

Боннур дрогнул и вскинул руки, как нищий.

— Нет, хозяин, мой господин, о нет!

Забдас задумал это с самого начала, сообразила Алият. Не собирался он никуда ехать ни с каким караваном. Троица ждала в соседней комнате, притушив огонь; он был уверен в том, что ждет не зря. Теперь он избавится от меня и приберет к рукам мое имущество в убеждении, что даже ифриту или иному воплощенному во мне злому духу не увернуться от наказания за супружескую измену.

Некогда она бы только приветствовала приход конца. Но многолетняя усталость вдруг перегорела, от покорности не осталось и следа.

— Боннур, сражайся! — отчаянно призвала она. — Иначе нас увяжут в мешки, и народ забьет нас камнями до смерти! Или ты не мужчина? Спаси нас!

Алият подтолкнула юношу, он взревел и ринулся вперед. Сын Забдаса взмахнул мечом, но неумело — и промахнулся. Боннур перехватил его одной рукой, а другой нанес удар кулаком. Удар пришелся по носу, раздался хряск. Сцепившиеся противники едва не задели Алият, окропив ее кровью. Второй сын Забдаса неуклюже обходил их кругом, боясь нанести удар брату. Она отскочила.

Забдас заступил дверь, но Алият выхватила фонарь из слабых рук старика и швырнула на пол. Разлившееся масло полыхнуло желтым пламенем. Забдас взвизгнул — огонь лизнул его лодыжку.

Алият нагишом проскочила по коридору, по лестнице, по переулку на призрачно сереющие меж слепых стен улицы.

Когда караван готовится к отправке, Филиппийские ворота не закрывают на ночь. Если вести себя осмотрительно, двигаться медленно и держаться в тени, стражники у ворот могут и проглядеть ее.

О Боннур! Но сейчас нельзя позволить себе ни слезинки, ни вздоха о нем — если только ей дорога собственная жизнь.

16

Те в караване, кто решил оглянуться, могли заметить, как первые лучи солнца коснулись башен Тадмора. Плодородная долина кончилась, впереди развернулась степь; а небо все светлело, пока последние звезды не угасли на западе, там, куда держал путь караван.

В тот день они почти не встречали следов человека. Небозабад, срезая путь, свернул с римского тракта в пустыню, на узкую тропу, пробитую многими поколениями караванщиков. У грязного озерца, где могли напиться лошади, он скомандовал привал. Люди утолили жажду из бурдюков, а верблюдам пришлось довольствоваться той влагой, что содержалась в низкорослых кустиках.

Пробравшись сквозь суету и сутолоку, караван-баши отыскал нужного погонщика.

— Хатим, теперь я заберу эту кипу.

Погонщик ухмыльнулся в ответ. Как и большинство караванщиков, он считал контрабанду неотъемлемой частью своего ремесла и не задавал лишних вопросов.

На деле кипа была скорее длинным свертком, перевязанным веревкой и уложенным на спину верблюда поверх прочих грузов. Раб Небозабада отнес сверток к нему в шатер, положил на землю, низко поклонился, вышел и на корточках уселся у входа — стеречь от непрошеных посетителей. Небозабад, опустившись на колени, распутал узлы, развернул материю и выпустил Алият. Вид у нее был ужасающий: мокрые от пота волосы прилипли к голове, одолженный Небозабадом халат — к телу. Ввалившиеся глаза с пустыми зрачками, потрескавшиеся губы. Но как только караван-баши дал ей напиться и немного поесть, к Алият буквально на глазах начала возвращаться жизненная энергия.

— Говори тихо, — предупредил он. — Как доехала?

— Было жарко, сухо и трясло, аж кости гремели, — ответила она слегка осипшим, но вовсе не хриплым голосом. — Все равно я буду благодарна тебе до скончания веков. Меня искали?

— Вскоре после того, как мы выступили, — кивнул он. — Человек пять арабских солдат. Насколько я понял, Забдас заслужил себе немилость, разбудив кади, и их сорвали прямо с постелей. Они были сонные и не проявляли излишнего любопытства. Можно было и не прятать тебя столь тщательно.

Обхватив себя за колени, Алият вздохнула, прочесала пятерней свои сбившиеся в колтун пряди и одарила Небозабада улыбкой, озарившей шатер не хуже горящего здесь светильника.

— Ты тревожился обо мне, дорогой друг.

Сидевший по-турецки Небозабад нахмурился.

— Я проявил безрассудство. Это могло стоить мне головы. Следовало прежде всего подумать о собственной семье.

Алият подалась вперед, чтобы легонько коснуться его запястья.

— Лучше уж я умру, чем нанесу тебе вред. Дай мне бурдюк с водой и немного хлеба, и я двинусь дальше пешком.

— Нет-нет! — воскликнул он. — Это медленная, но верная смерть. Разве что тебя найдут кочевники, но это еще хуже. Я возьму тебя с собой. Мы тебя вырядим в одежду не по росту, ты будешь держаться в сторонке и молчать. Я скажу, что ты отрок, мой родственник, которому потребовалось поехать в Триполи. — Небозабад кисло усмехнулся. — Те, кто не поверят в родственные узы, будут трепать языком у меня за спиной. Что ж, пусть треплют. Мой шатер — твой шатер до конца путешествия.

— Господь да вознаградит тебя, если я не смогу. Барикай в раю замолвит за твою душу доброе слово.

— Не знаю, — пожал плечами Небозабад. — Сомневаюсь, будет ли в том толк, раз я помогаю бегству женщины, уличенной в супружеской измене. — Губы Алият дрогнули. По грязной, пропотевшей щеке прокатилась слеза. Караван-баши поспешно добавил: — Все равно я сделал правое дело. Ты ведь рассказала мне, какой жестокостью он довел тебя до безумия.

Алият обеими руками схватила его за руку и прильнула к ней. Небозабад прокашлялся.

— Алият, ты должна понять — я не могу сделать для тебя большего. В Триполи мне придется тебя оставить с горсткой денег, какую удастся набрать, и после ты должна будешь полагаться лишь на себя. Если меня обвинят в том, что я помог тебе, я буду все отрицать.

— А я отрекусь от того, что встречалась с тобой. Но не бойся — я исчезну из виду.

— Куда? Как ты будешь жить, оставленная всеми?

— Выживу как-нибудь. За моими плечами уже девяносто лет. Посмотри — разве они оставили на мне след?

Он пристально вгляделся в нее и пролепетал:

— Не оставили. Ты странная, очень странная.

— И тем не менее — просто женщина. Небозабад, я... Я могла бы хоть частично отплатить за твою редкостную доброту. Единственное, что я могу тебе предложить, — это воспоминания, которые ты сможешь унести с собой. — Небозабад сидел без движения. Алият придвинулась к нему и прошептала: — Я хочу этого. Твои воспоминания станут и моими тоже.

17

И весьма радостными, думала она позже, когда Небозабад заснул. Я готова позавидовать его жене...

Пока он не состарится, как и его жена. А может, болезнь унесет его или ее еще раньше. Алият не болела ни разу в жизни. Ее тело уже почти забыло о вчерашних лишениях, по нему разлилась приятная истома. Однако если Небозабад вдруг проснется, она тут же живо откликнется.

Алият улыбнулась во тьме. Пусть отдохнет. Захотелось выйти из шатра, пройтись по пустыне при свете луны и звезд на высоком своде небес. Нет, слишком рискованно. Ждать. Ждать. Уж этому она научилась.

Боль пронзила ее душу. Бедный Боннур! Бедная Тирия! Но если Алият позволит себе заплакать хоть над одним из короткоживущих — плачу не будет конца. Бедный Тадмор! Но впереди ее ждет новый город, а за ним — весь мир и все времена.

У женщины, не знающей старости, есть способ выжить на свободе. Древний, надежный способ.

Глава 5

ОТ СУДЬБЫ НЕ УЙДЕШЬ

1

В саге об Олафе Триггвасоне поведано, что Норнагест явился к нему в Нидхарос * и провел в королевском поместье изрядное число дней, ибо знал множество удивительных историй. Год поворачивал к зиме, дни становились короче, и вечер за вече-

* Старинное название Тронхейма (Норвегия).

ром мужчины собирались у огня и слушали, боясь пропустить хоть слово, о временах давно прошедших, о дальних концах земли. Бывало, что Норнагест развлекал их еще и музыкой — он же был не просто рассказчик, а скальд, и любил сопровождать свои истории бренчанием на арфе, на английский манер. Попадались такие, кто исподтишка называл его лжецом, — может ли быть, вопрошали они, что человек объездил столько стран и прожил столько лет? Однако король Олаф умел унять злоязыких и сам слушал гостя с неослабным вниманием.

— Раньше я жил на севере, — объяснил королю Норнагест. — Но недавно умер последний из моих детей, и мне наскучило мое обиталище — наскучило более всех предшествующих, мой господин. Добрая слава о тебе достигла моих ушей, и я прибыл проверить, справедлива ли она.

— Все, что ты слышал доброго, справедливо, — объявил придворный священник Конор. — Господу было угодно, чтобы король принес в Норвегию новую эру.

— Но ведь твои собственные дни начались очень-очень давно, не так ли? — спросил Олаф шепотом. — Мы слышали о тебе столько раз, что не сочтешь. Каждый слышал. Но никто, кроме твоих соседей в горах, не встречал тебя уже много лет, и я решил, что ты, наверное, отошел к праотцам. — Король оглядел новоприбывшего: высокий, худой, ничуть не согбенный, с сединой на висках и в бороде, но почти без морщин на крепком лице. — А ты, в сущности, даже не состарился.

Норнагест вздохнул:

— Я гораздо старше, чем выгляжу, мой господин.

— Норнагест — это значит «гость Норны», а Норна считалась богиней судьбы, — сказал король. — Странное, вроде бы языческое прозвание. Как оно тебе досталось?

— Тебе не стоит знать об этом...

Норнагест увел разговор в другую сторону. И очень скоро убедился, что поступил умно. Вновь и вновь Олаф побуждал его принять крещение и спасти свою душу, но от угроз воздерживался и отправлять язычника на казнь, как случалось с другими упрямцами, тем более не спешил. Истории, какими потчевал короля скальд, были столь захватывающими, что хотелось удержать рассказчика при дворе любой ценой.

Конор оказался настойчивее и приставал к Гесту почти каждый день. Он весьма усердствовал во славу Божию, этот священник. Возможно, из ревности: Конор приплыл в Норвегию вместе с Олафом из Дублина, был с ним рядом, когда тот сверг Хакона Ярла и захватил страну, — а теперь король принялся созывать миссионеров из Англии, Германии и той же Ирландии,

и священник, пожалуй, чувствовал себя уязвленным. Гест выслушивал Конора с полной серьезностью, но отвечал уклончиво.

— Я не чужд вашему Христу, — заверял скальд. — Доводилось знакомиться и с его учением, и с его почитателями. Не испытываю я привязанности и к старым богам — Одину и Тору. Просто мне в жизни выпало видеть слишком много разных божеств...

— Однако наш Бог — единственно истинный, — не унимался Конор. — Не уклоняйся, иначе погубишь душу. Вскоре минет ровно тысяча лет с тех пор, как он явился к людям. Вероятно, состоится второе пришествие, наступит конец света, и мертвые восстанут для Страшного суда...

Взгляд Геста ушел куда-то вдаль.

— Было бы радостно верить, что можно встретить дорогих усопших заново, — прошептал он и предоставил Конору пустословить, больше не перебивая.

А по вечерам, после трапезы, когда из пиршественного зала уже убрали столы и женщины обнесли гостей роговыми кубками с пивом, у скальда всегда находились иные темы, сказания и прибаутки, стихи и песни, и он без устали отвечал на вопросы. Однажды в его присутствии два стражника решили посудачить о великой битве при Бравеллире *.

— Мой предок Грани из Бриндала, — похвалялся один, — был среди исландцев, сражавшихся за короля Сигурда Окольцованного. Он мечом проложил себе путь к самой ставке противника и своими глазами видел, как пал король Харальд Боевой Зуб. В тот день легендарный Старкад и тот не смог повернуть сражение в пользу датчан.

Гест шевельнулся и произнес:

— Простите, но при Бравеллире не было никаких исландцев. В ту пору викинги еще и не открыли этот остров.

Стражник рассвирепел.

— Ты что, никогда не слыхал балладу, сложенную Старкадом? — резко бросил он. — Там перечислены все герои, вступившие в схватку на той и на другой стороне.

Гест укоризненно покачал головой.

— Балладу я слышал, и заметь, Эйвинд, я и не думал называть тебя вруном. Ты передаешь то, что тебе рассказывали. Только Старкад этой баллады не сочинял. Ее сложил другой

---

* По всей вероятности, вблизи нынешнего Норчепинга (Швеция)

скальд, причем много позже, и приписал Старкаду. Бравеллир был залит кровью... — Он задумался на несколько мгновений, вслушиваясь в бормотание и треск пламени в очаге. — Когда это было? Триста лет назад? Я сбился со счета...

— Уж не хочешь ли ты сказать, что Старкада там не было, а ты был? — насмешливо спросил стражник.

— Был там Старкад, — ответил Гест, — хоть он не слишком походил на того, каким его рисуют сегодня. И не был он ни хром, ни полуслеп от старости, когда, наконец, встретил свою смерть.

Воцарилась полная тишина. Король Олаф пристально всмотрелся в рассказчика сквозь пляску мятущихся теней, прежде чем осведомиться вполголоса:

— Выходит, ты знал его?

— Знал, — подтвердил Гест. — Мы встретились с ним сразу после битвы при Бравеллире...

2

Посохом ему служило копье — ни один путник в здравом уме не рискнет странствовать по Северу безоружным, — но поверх скромного заплечного мешка была уложена арфа, и никто никогда не счел бы его вестником зла. Когда ближе к вечеру ему встречался крестьянский двор, он не отказывался от ночлега под крышей, вознаграждая хозяев за гостеприимство песнями, сказаниями и новостями из внешнего мира. А если двор не встречался, он не сетовал, заворачивался в плащ, а на рассвете утолял жажду из родника или ручейка и закусывал хлебом-сыром, тем, что последний хозяин дал ему на дорогу. Так он жил большую часть своей жизни, пройдя по свету из края в край.

Сегодня день выдался прохладным. По бледному небу плыли редкие облачка, солнце шло своим извечным путем к югу, не балуя теплом. Леса, укутавшие холмы Геталанда *, хранили сумрак и тишину.

Березы уже начали желтеть, да и зелень дубов и буков потускнела, только еловая хвоя сберегла свою темную красоту. Из тенистой мглы посверкивала спелая смородина. Каждый вдох был полон аромата сыреющей земли.

Гест охватил взглядом сразу всю картину — он поднялся на гребень, и холмы, что катились к неясному горизонту, теперь

* Историческое название Южной Швеции.

были ниже его. Местность была по большей части лесистой, но тут и там попадались лужайки и пахотные поля. Удалось приметить два дома с надворными постройками; из труб на крышах поднимались вертикальные столбы дыма. Призывно блестел ручей, сбегающий к раскинувшемуся вдалеке озеру.

Он отошел достаточно далеко от поля битвы, чтобы все, что осталось на нем, включая мертвецов, слилось в смутное пятно. Стервятники, что собрались на гнусное пиршество, кружились над этим местом, то и дело ныряя вниз, — но и они отсюда казались крошечными, он едва различал их крики. Откуда-то время от времени доносился волчий вой и подолгу висел над холмами эхом, прежде чем замереть.

Те, кто выжил, разошлись по домам, забрав с собой своих раненых, но павших не удосужились хотя бы прикрыть землицей, даже тех, кого опознали. Поутру он повстречался с группой воинов и выяснил, что король Сигурд приказал унести единственное тело — своего заклятого врага короля Харальда, — с тем чтобы во имя собственной славы похоронить его у себя в Упсале по полному обряду, с приношением даров для загробной жизни.

Гест печально улыбнулся, опершись на копье. Многократно, увы, доводилось ему наблюдать одно и то же: молодость бросается в бой очертя голову, а результат — расставание с жизнью. Сколько раз он это видел? Ответа он и сам не знал, сбился со счета в круговерти столетий — а может, не хватало мужества сосчитать. Но какое бы из объяснений ни принять, он чувствовал, как всегда, потребность сказать прощальное слово — а что еще он или кто бы то ни было может сделать для них, ушедших?

Однако на ум пришел отнюдь не гимн, какой сложил бы любой другой скальд. Слова оставались нордическими, чтобы мертвые поняли их, если услышат, — но не было у него желания воспевать доблесть и боевые заслуги. Выбранное им пятистишие родилось в стране, лежащей за тысячи миль на восход, где живет низкорослый косоглазый народ, набравшийся знаний и создавший вещи удивительной красоты. Хотя и там мечи обнажаются слишком часто.

Лето идет на убыль,
Холод окрасит листья кровью,
И гуси двинутся в путь — куда?
А ведь земля и сейчас багрова,
Души павших терзает ветер.

Помедлив еще минуту, он повернулся и пошел своим путем. Датчане, которых он встретил поутру, видели, как тот, кого он ищет, двинулся на восток, преследуя полдюжины шведов. Потому Гест и посетил Бравеллир и осмотрел все подробно, пока наметанный глаз охотника не уловил нечто похожее на след. Надо бы поспешить, однако он по-прежнему придерживался своего обычного шага, вроде бы ленивого, но за день удавалось пройти не меньше доброго коня — и при том не упустить ничего достойного внимания.

За этим человеком он охотился, как за зверем. Короли избрали местом решительной стычки Бравеллир потому, что здесь, на примерно равном удалении от вотчины Харальда в Скании и Сигурда в Швеции, был широкий луг, пересеченный дорогой с юга на север, а населения почти не было. Шестеро, ушедшие отсюда, должно быть, надумали двинуться к Балтийскому побережью, где оставили свое судно или суда. Их собралась жалкая горстка, что само по себе доказывало, сколь жестока была битва. Ее запомнят, ее станут воспевать, и в грядущие века она представится величественнее и кровопролитнее, чем была, — а землепашцев, проливающих пот на окрестных неудобьях, к сожалению, забудут.

Шаг Геста был мягким, почти неслышным. Крыша ветвей над головой лишь кое-где пропускала солнечные лучи, пятнающие еле заметную тропку всплесками света. По стволу огненным факелом взметнулась белка. Где-то простонал витютень. В кустах слева хрустнуло, показалась и исчезла исполинская туша — лось. Да уйдет его душа безбоязненно в благоуханные чащобы. Но ни на миг не прекращал Гест читать нужные ему следы — тем более что это было нетрудно: отпечатки сапог, надломленные сучки, разорванная паутина, отметина на мшистой колоде, где кто-то присел отдохнуть. Они никогда не были охотниками по ремеслу — а он провел на охоте многие годы. И их преследователь тоже не прятал следов. Этот не давал себе передышки, он заботился только об одном — нагнать. Ножищи у преследователя были огромными.

Час от часу солнечные лучи удлинялись, били под более пологим углом, приобретали золотистый оттенок. В воздух просачивалась прохлада.

И вдруг Гест замер на месте и прислушался, склонив голову. Издали долетели звуки, какие он не мог не признать. Он ускорил шаг почти до бега. Сперва приглушенно за листвой, но вот все более отчетливо — лязгающий звон, крики, чуть позже треск, хруст, шумное дыхание. Он взял копье на изготовку и теперь не шел, а скользил тише привидения.

Поперек тропинки распростерся убитый. Тело упало верхней частью в куст, и у корней собралась целая лужа крови, ослепительно алой. Меч раскроил шведа от левого плеча к груди, из-под которой торчали перерубленные ребра. Светлые волосы прилипли к щекам — а на них еще и бороды-то не было, лишь мальчишеский пушок. Глаза были раскрыты, рот тоже — теперь навсегда.

Гест взял немного в сторону, но тут же наткнулся на второй труп. А дальше кусты ходили ходуном — там шла схватка, мелькали люди, железо и лилась кровь, кровь, кровь. Мечи лязгали друг о друга, скрежетали, задевая шлемы, бухали, натыкаясь на деревянные щиты. Третий по счету швед выбыл из игры, зашатался с окровавленным бедром и рухнул, издавая нечеловеческие вопли. Следом упал и четвертый — прямо в заросли крапивы, но безмолвно: ему снесли голову чуть не напрочь.

Гест укрылся за молодой елочкой и наблюдал за ходом боя меж ветвей. От всей группы, ушедшей из Бравеллира, осталось двое. Как и четверо других, они пустились в путь налегке — рубахи, плащи да штаны; если у них и были кольчуги, надеть их никто не успел. Правда, шапки на головах были все-таки боевыми, железными. В руках у одного были щит и меч, у второго — топор.

Зато единственный их противник был оснащен лучше не придумаешь — кольчуга до колен, конический шлем со спуском к переносице, в левой руке — окованный железом щит, в правой — меч невероятных размеров. Он был настоящий великан: Гест отнюдь не жаловался на рост, а он выше на целую голову, плечи с дверной косяк, руки и ноги что дубовые бревна. На грудь спускалась нечесаная черная борода.

Шведы немного оправились от внезапной атаки и защищались яростно, перебрасываясь короткими выкриками. Меченосец кинулся на великана, клинки скрестились, то сверкая в выпадах на подъем, то смазываясь в стремительном движении вниз и в стороны. Швед получил удар по щиту и покачнулся, но сумел быстро выпрямиться и ответить контрударом. А тот, что с топором, тем временем зашел на врага со спины.

Однако великан, вероятно, предвидел это. Он круто развернулся, сперва вслепую, и напал на топорника без подготовки, так что чуть не промазал. И все же лезвие меча, свистнув, задело шведа. Тот пошатнулся, выронил топор и уставился на правую руку, рассеченную вместе с костью. Великан, не обращая больше на него внимания, прыгнул вбок, отбежал, а потом опять повернулся и устремился на меченосца с разгона. С грохо-

том столкнулись щиты, но великан был тяжелее, да и скорость набрал изрядную, — швед не устоял и упал навзничь. Он сумел удержать меч и успел поднять щит над собой. Тогда великан вскочил на щит ногами и придавил противника. Гесту почудился треск ломающихся ребер. Швед захрипел, а великан без промедления оседлал его и в два удара прикончил.

Потом огляделся. Раненый топорник удирал, ковыляя меж древесных стволов. Победитель устремился за ним, нагнал и убил. Да и вопли воина со вспоротым бедром тем временем перешли в рык, в невнятное сипенье — и вскоре замерли.

Тогда из бочкообразной груди великана вырвался громовой смех. Трижды воткнул он свой меч в землю, затем вычистил его насухо рубахой одного из поверженных и вложил в ножны. Чуть отдышавшись, стащил шлем с подшлемником, уронил их наземь и отер волосатой дланью вспотевший лоб.

Наконец Гест рискнул выйти из-под елочки. Великан вновь схватился за рукоять меча. Гест прислонил копье к развилке сучьев и, вытянув руки перед собой ладонями вверх, возвестил:

— Я пришел с миром!

— А ты один? — осведомился великан, не теряя бдительности.

Голос его был звучен, как прибой на камнях. Гест всмотрелся в грубое лицо, в маленькие льдисто-голубые глазки и ответил:

— Один. И после того, что я только что видел, не думаю, что Старкад убоится кого бы то ни было.

— А, так ты знаешь меня, — усмехнулся великан. — Но не припомню, чтобы мы встречались прежде.

— Не сыщешь северянина, кто не слыхивал бы про Богатыря Старкада. А я... Я намеренно искал тебя.

— Искал? Намеренно? — Он удивился и сразу же рассердился: — Если так, было подло стоять в сторонке и не прийти мне на помощь.

— Помощь тебе не требовалась, — ответил Гест мягко, как только мог. — Кроме того, все кончилось так быстро. Никогда во всей своей жизни не наблюдал я такого мастерского владения оружием.

Старкад, польщенный, заговорил дружелюбнее:

— Кто же ты, который искал меня?

— У меня было много имен. Здесь, на Севере, я чаще всего называюсь Гест.

— Чего ты от меня хочешь?

— Это долгий разговор. Позволь сперва спросить тебя, отчего ты гнался за этими людьми и умертвил их?

Старкад устремил взгляд куда-то вдаль, к солнцу, чей свет желтыми лучами пробивался меж деревьев — темных теней на фоне неба. Губы великана шевельнулись. Наконец он кивнул самому себе, вновь встретился с Гестом глазами и произнес:

Здесь волки не будут голодны,
Здесь Харальд насыпал воронов.
Снискали здесь славу мы. Только
Сам Один нас превосходит.
Не припас я хмельного, зато дарю
Харальду этих врагов на закуску.
Он не был скареден, не был скуп,
И вот ему моя благодарность.

Значит, подумал Гест, люди говорят правду. Старкад — не просто несравненный воин, в нем есть и задатки скальда. Интересно, какими еще способностями он наделен?

— Понимаю, — неторопливо отозвался Гест. — Ты воевал за Харальда и теперь, когда он погиб, хочешь отомстить за него, пусть война и окончена...

Старкад подтвердил догадку кивком:

— Да возрадуется дух его. Но еще более надеюсь я, что осчастливил его достойного предка короля Фродхи, лучшего из повелителей, каким я служил. Вот уж кто никогда не ущемлял меня ни золотом, ни оружием, ни другими щедрыми дарами.

Гест ощутил внутреннюю дрожь, по спине пробежал холодок.

— Ты говоришь о Фродхи Фридлейфссоне Датском? Да, я слышал, что ты состоял у него при дворе. Но он же умер много-много лет назад!

— Я старше, чем выгляжу, — заявил великан. К нему вернулась нарочитая грубость, но затем он взял себя в руки. — После тяжких трудов нынешнего дня во мне все горит от жажды. Ты не ведаешь, есть ли поблизости вода?

— Я найду тебе воду, если ты последуешь за мной. Но что будет с этими мертвецами?

— Что я тебе, ворон, чтобы возиться с ними? — Старкад пожал плечами. — Оставим их муравьям.

На мертвечину уже слетелись мухи, жужжали над ослепшими глазами, облепили языки и кровавые раны. Гесту такое зрелище было давно не внове, и все-таки каждый раз он с облегчением оставлял покойников за спиной, стараясь не думать об осиротевших детях, вдовах и матерях. Жизни, с какими он со-

прикасался, скоротечны так или иначе, а затем, спустя еще более короткий срок, ушедшие обречены на забвение — для всех, кроме него. Он подобрал свое копье и первым пошел назад по тропинке. Спросил, не оборачиваясь:

— Теперь что? Вернешься в Данию?

— Наверно, нет, — прогрохотал Старкад позади. — Уж Сигурд позаботится, чтобы следующий датский король был его ставленником, а вассалы чтобы враждовали друг с другом.

— Для того, кто умеет сражаться, дело найдется.

— Не по душе мне видеть, как рушится королевство, что строил Фродхи, а Харальд Боевой Зуб воссоздал.

— Да, — вздохнул Гест, — из того, что я слышал, следует, что нечто великое скончалось при Бравеллире. Что же ты намерен делать?

— Возьму корабли, какими владею, наберу моряков и пойду по пути викингов на восток, в Вендланд и Гардхарики *. Что у тебя там поверх мешка — арфа?

— Точно. Я не чураюсь самых разных занятий, но главным образом я скальд.

— Тогда ступай со мной. Когда достигнем поместий моего повелителя, сложи сагу о том, что я свершил сегодня. Я вознагражу тебя не скупясь.

— Мы еще поговорим об этом.

Они продолжали шагать молча, пока Гест не уловил приметы, какие искал, и не свернул на боковую тропку. Она вывела их на поляну, усыпанную клевером. Посреди поляны бил родник, от него в траве бежал ручеек и пропадал под деревьями. Деревья стояли вокруг стеной, понизу уже тонули во мраке, только самые верхушки еще зеленели-золотились в последних солнечных лучах. Небо на востоке приобрело фиолетовый отлив. Пролетела стая грачей, спешащих домой.

Старкад упал на живот и принялся пить, мощно чавкая. А когда в конце концов поднял бороду, с которой капала вода, то увидел Геста за работой. Тот уже успел скинуть плащ, открыть мешок и разложить свое имущество, а теперь собирал вокруг поляны сушняк и хворост.

— Что ты делаешь? — спросил Старкад.

— Готовлюсь к ночлегу.

— Неужто поблизости никто не живет? Меня устроил бы даже шалаш свинопаса...

---

* Южное побережье Балтики и западные районы России.

— Не ведаю, кто тут живет, и темень накроет нас раньше, чем мы что-то найдем. И не лучше ли здесь, чем на грязном полу, вдыхая дым и вонь?

— Что ж, спать под звездами мне случалось и ранее, и не раз. И на голодный желудок тоже. Гляжу, у тебя есть кое-какая пища. Ты поделишься ею со мной?

— А ты не намерен попросту отнять ее? — ответил Гест, смерив великана пристальным взглядом.

— Нет-нет, — засмеялся Старкад, — ты же не враг и уже не совсем незнакомец. И не женщина. Увы...

Гест улыбнулся в ответ.

— Мы поделим все, что есть, пополам, хотя боюсь, что для человека твоего роста этого маловато. Я поставлю силки. Если повезет, то к утру наловим мышей-полевок, а может, попадется белка или еж. — Он помолчал. — Ты не откажешься мне помочь? Я покажу тебе, что делать и как, и к приходу ночи мы устроимся вполне уютно.

Старкад поднялся на ноги.

— Что ж я, по-твоему, нахлебник? Конечно, помогу. А ты сам из финнов или жил среди финнов, что владеешь уловками лесовика?

— Нет, я родился в Дании, как и ты. Родился давным-давно и усвоил охотничьи навыки с детства.

Выяснилось — и Гест не особо этому удивился, — что распоряжаться Старкадом непросто, надо подбирать слова с осторожностью. Иначе легко нарваться на новую вспышку кичливости. Однажды великан полыхнул: «Что я тебе, раб?» — и чуть не вытащил меч. Правда, остыл, вложил меч обратно в ножны и сделал то, о чем его просили, — но на лице его было написано отвращение.

Дневной свет таял, на небе одна за другой загорались звезды. Но к той минуте, когда поляна утонула в сумерках, укрытие на ночь было готово. Навес из валежника обещал защиту от росы, тумана, а ежели случится дождь, то и от дождя. Под навесом земля была устлана ветками и папоротником, а у входа уложен дерн с тем расчетом, чтобы тепло от умело разложенного костра не рассеивалось, а шло внутрь. Кроме орехов и ягод, Гест набрал сосновых шишек, нашел трав и коренья и искусно поджарил все это в дополнение к хлебу с сыром. Отойти ко сну предстояло относительно сытыми.

Гест присел у костра, обстругивая ножом палочки взамен вертелов. Костер был скромнее, чем разжег бы воин в походе, — слегка постреливающий, источающий дымок с вкусным смолистым запахом. Старкаду пришлось тоже подсесть поближе —

тогда предосенней прохладе было не подобраться. Пламя бросало желто-красные блики на щеки Геста, отражалось в его глазах, играло тенями в седоватой бороде.

— Ловко ты управляешься, — заметил великан. — Мы действительно могли бы путешествовать вместе.

— Мы это еще обсудим, — опять пообещал Гест.

— Что тут обсуждать? Ты же сам сказал, что искал меня.

— Да, искал, — подтвердил Гест со вздохом. — Долгий-долгий срок провел я в дальних краях, пока зов Севера не одолел меня и я не понял, что должен проверить, по-прежнему ли трепещут осины в светлую летнюю ночь. — Он не упомянул о смерти женщины, с которой он прожил тридцать лет в степях Востока, деля все невзгоды, выпадающие на долю пастухов — ее соплеменников. — Я уже утратил надежду, что моим поискам когда-то придет конец, я почти перестал искать — но как побродил по лесам и пустошам Ютланда, как вспомнил язык, за время моего отсутствия не слишком изменившийся, то услышал про Старкада. И сказал себе: я должен разыскать его! Слух о нем привел меня сначала в столицу, где мне поведали, что Старкад переправился через Зунд, дабы присоединиться к королю Харальду в его боевом походе. Я пришел по твоим следам в Бравеллир и поспел туда на закате, когда битва уже завершилась. Но поутру я нашел людей, видевших, куда направился Старкад, последовал их указаниям, и вот мы встретились...

Великан беспокойно пошевелился и прорычал:

— Чего же ты от меня хочешь?

— Прежде всего хочу, чтоб ты поведал мне о своей жизни. Иные рассказы о тебе, какие довелось выслушать, звучали нелепо.

— Ты очень любопытен.

— Я набираюсь знаний по всему белу свету. Ну и... как сказителю расплатиться за постой, откуда скальду брать стихи, достойные слуха вождей, если у него нет ничего за душой?

Старкад уже успел снять меч, однако потянулся к кинжалу.

— Уж не затеваешь ли ты колдовство? Ты опасен, Гест.

Умелец твердо посмотрел воину прямо в глаза и ответил:

— Клянусь, что не прибегаю к чарам. Но то, к чему я стремлюсь, еще более странно.

Старкад подавил невольную дрожь и, словно пускаясь в атаку на собственный страх, стремясь затоптать его, начал поспешно:

— Что я свершил, то хорошо известно, хотя, кроме меня, всей моей жизни не знает никто. Но не спорю, вокруг меня сплели много нелепых, а то и безобразных историй. Я не потомок

йотунов *, это бабьи сплетни. Отец мой был землепашец на севере Зеланда, мать из честного рыбацкого рода. У моих родителей были и другие дети, только те росли, как все, жили, как все, старели, как все, и сходили в могилу от ран, болезней либо тонули на море — тоже как все.

— И как давно их не стало? — тихо справился Гест.

Старкад пренебрег вопросом.

— Я был большой и сильный, как и теперь. Но с самого детства мне не хотелось ковыряться в земле и навозе, как и таскать сети, полные вонючей рыбы. Двенадцати лет от роду я решил стать викингом. У соседей было суденышко, купленное на паях. Вместе с другими такими же корабликами они промышляли набегами по северным побережьям. А когда они заторопились вернуться к сенокосу, я отстал от них и прибился к капитану, намеренному зимовать в шхерах. С тех пор начался мой путь к славе.

Надо ли, — продолжал он, — называть все битвы, какие я провел? Надо ли вспоминать набеги, пожары и морозы, пиршества и голодные дни, сотоварищей и женщин? Надо ли перечислять приношения богам, чтоб они помогли нам бороться со штормами, и поминать несчастливый ее исход, когда они отворачивались от нас? Несть числа королям, кому мы служили, и тем, кого мы свергали. Прошлое перепуталось во мне, и только обломки всплывают, словно после кораблекрушения. Фродхи, датский король, взял меня к себе как раз тогда, когда мое судно пошло ко дну. Он сделал меня главой придворной стражи, а я его — величайшим из властителей тех времен. Однако сын его Ингъялд уродился слабаком, обжорой и лентяем. Я разругался с ним и покинул страну в негодовании, хотя время от времени возвращался и обнажал свой меч за более достойных мужей из дома Скйолдунгов. Харальд был лучшим из всех — первый среди королей Дании, Готланда, да и Швеции. И вот Харальд пал, дело его порушено, а я вновь один...

Он отхаркался и сплюнул. Наверное, это заменяло ему слезы.

— Мне говорили, Харальд был уже стар, — вставил Гест. — В Бравеллир его доставили в повозке, и он почти ничего не видел.

— Все равно он умер как мужчина!

Гест согласно кивнул и замолк, занявшись ужином. Они поели молча, вновь утолили жажду из ручья, потом разошлись в разные стороны по нужде. Когда Старкад вернулся к костру Гест уже сидел у огня на корточках. Ночь вступила в свои пра-

---

* Раса гигантов из скандинавской мифологии.

ва, Колесница Тора * блистала над верхушками деревьев, а выше сияла Северная звезда, будто наконечник копья. Старкад навис над костром, расставив ноги, уперев кулаки в бока, и почти прорычал:

— Слушай, ты! Слишком долго я позволял тебе ловко лезть мне в нутро. Чего ты хочешь? Выкладывай, не то разрублю тебя на куски!

Гест поднял глаза. Отблески пламени играли тенями на его лице.

— Последний вопрос, — произнес он. — Тогда все и узнаешь. Когда ты родился на свет, Старкад?

Великан изрыгнул ругательство:

— Ты спрашиваешь и спрашиваешь, а сам в ответ ничего путного. Что ты за тварь такая? Сидишь на заднице, как финский колдун...

— Сидеть так, — тихо ответил Гест, покачав головой, — я научился много дальше к востоку. И многому другому научился там, только не колдовству.

— Женским повадкам, к примеру. Появился на поле битвы, когда она кончилась, а потом стоял в сторонке, покуда я дрался один против шестерых!

Гест встал, выпрямился, посмотрел на великана сквозь пламя и сказал жестко, словно вытащил сталь из ножен:

— Это была не моя война, и не по душе мне преследовать людей, от которых уже не исходит зла. — При неверном беспокойном свете, под покровом звезд и Зимней Дороги **, вдруг показалось, что он одного роста с воином, если не выше. — Люди говорят про тебя, что хотя ты несравненен в схватке, но обречен вершить дурные дела, а то и подлые, без конца и края. Говорят, что Тор наложил на тебя такое проклятие, потому что невзлюбил тебя. Говорят также, что если ты иногда творишь добро, то по воле Одина, отца черной магии. Правдивы ли такие рассказы?

Великан охнул. Будто съежившись, он всплеснул руками и простонал:

— Пустая болтовня. Ничего более.

Но Гест не выпустил его, а продолжал топтать словами:

— Ты не брезгуешь предательством. Сколько раз ты предавал других, если посчитать за все прожитые тобою годы?

---

* Одно из названий Большой Медведицы.

** Древнее скандинавское название Млечного Пути.

— Придержи язык! — заорал Старкад. — Что можешь ты ведать про то, каково быть нестареющим? Сиди тихо, иначе я раздавлю тебя как мотылька — да ты и есть мотылек...

— Раздавить меня не так просто, — ответствовал Гест тихо, почти нежно. — Я тоже долго живу на земле. Дольше тебя, мой друг.

Старкад, издав невнятный хрип, разинул рот. А Гест продолжал сухо, без выражения:

— В этих краях никто не ведет точный счет годам, как на Юге и на Востоке. Говорят, что ты прожил три жизни. Но это ведь ничего не значит, просто люди помнят, что про тебя рассказывали еще их деды. Скорее всего, тебе ныне лет сто...

— Я... мне кажется... больше чем сто.

И вновь Гест поймал взгляд великана и уже не отпускал. Речь была негромкой, но суровой, — хотя голос, пожалуй, чуть подрагивал, как ночной ветерок.

— Я тоже не знаю, сколько мне лет. Когда я был ребенком, в этих краях не знали металла. Ножи, топоры, наконечники копий и стрел тесали из камня и погребальные склепы складывали из камня. Вовсе не йотуны возвели усыпальницы, что стоят и поныне. Это сделали мы, твои предки, оберегая покой наших мертвых и вознося молитвы богам. Только «мы» теперь уже не скажешь. Я пережил их всех, как и многие поколения после них. Я был один — до нынешнего дня, Старкад.

— Но ты седой, — произнес воин жалостливо, цепляясь за единственное возражение, какое мог придумать.

— Я поседел еще в юности. Так бывает, знаешь ли. Других возрастных перемен не произошло. Я никогда не болел, раны заживают быстро и без шрамов. Когда зубы снашиваются, на их месте вырастают новые. У тебя так же? — Старкад дернулся и кивнул. — Разумеется, ты ведешь такую жизнь, что тебе достается больше увечий, чем мне. Я стараюсь быть миролюбивым, насколько это в человеческих силах, и осмотрительным, насколько дано страннику. Когда в страну, ныне именуемую Данией, вкатились боевые колесницы римлян... — Он помрачнел. — Все это позабыто, их войны, их деяния, самая их речь. Только мудрость сохраняется в веках. Ее-то я и ищу по всему миру.

— Послушай, Гест, — пробормотал Старкад, внезапно вздрогнув, — я вспомнил, в дни моей юности болтали о странствующем сказителе по имени Норнагест. Это не ты? Я думал, это просто побасенки...

— Порой я покидал Север на целые столетия, но рано или поздно меня тянуло домой. Последняя моя побывка здесь завер-

шилась лет сорок назад. Я пробыл в отсутствии меньше, чем ранее, хотя... — Гест не сдержал вздоха. — Чувствую, что устал скитаться по земле под ветрами. Значит, люди помнили меня какое-то время, так?

Старкад выглядел совершенно ошеломленным.

— Только подумать, что я, я уже жил тогда! Должно быть, отлучался куда-нибудь... Правду ли сказывают, что Норна предсказала твоей мамаше, что ты умрешь, когда свеча догорит и погаснет, а ты будешь по-прежнему держать ее в руках?

— А ты веришь, — усмехнулся Гест, — что унаследовал срок жизни от Одина? — Посерьезнел: — Не знаю, почему мы двое стали такими, каковы есть. Загадка темна, не светлее той, почему все остальные обречены на смерть. Каприз Норны, воля богов? Именно ради разгадки добирался я до самых дальних концов земли — и еще в надежде найти других мне подобных. Видеть, как любимая жена сходит в могилу, а следом и дети... Однако нигде не сыскал я других, кого щадит время, и нигде не нашел ответа ни на один вопрос. Вернее, слышал слишком много ответов, встречал слишком многих богов. За рубежом взывают к Христу, но, если двинуться дальше на юг, его сменяет пророк Мухаммед, а на востоке верят в Будду Гаутаму, не считая тех мест, где считают мир выдумкой Брахмы или предлагают сонмище разных богов, призраков и эльфов, как в наших северных краях. И почти всякий, к кому я обращался, уверял, что только его народу открыта истина, а все прочие заблуждаются. Если бы однажды услышать слово, которое я ощутил бы хоть полуправдой...

— Не морочь себе этим голову, — заявил Старкад. Самоуверенность мало-помалу возвращалась к нему. — Жизнь все равно не изменишь и от судьбы не уйдешь. Все, над чем человек властен, — покрыть свое имя славой.

— Я все думал, думал, — продолжал Гест, — один ли я такой? Неужто мое бессмертие — проклятие, наложенное на меня за какую-то ужасную вину, которой я уже и не помню? Тоже вроде бы не отгадка. Странные дети рождаются не так уж редко. Чаще всего они немощные создания или уроды, но не может ли время от времени родиться жизнеспособная странность, как клевер с четырьмя лепестками? Может, мы, бессмертные, именно такой клевер? Нас, вероятно, очень мало. Да и те, что есть, в большинстве своем гибнут в войнах и от несчастных случаев раньше, чем замечают, что отличаются от других. Можно себе представить, что кто-то пал от руки соседей, когда те заподозрили в нем колдуна. Или был вынужден бежать, сменить имя, научиться скрывать свою сущность. Я, как правило, поступал

именно так, редко задерживаясь длительно на одном месте. Правда, доводилось мне встречать людей, готовых принять меня как я есть, — мудрецов на Востоке или, напротив, совсем отсталых селян Крайнего Севера, — но и они не могли избавить меня от печалей, от бремени перегруженной памяти, так что, в конце концов, приходилось расставаться и с ними. А собратьев я не нашел, нигде, ни одного. Многие-многие следы я распутывал, иной раз годами, только все ни к чему. И вот, когда истаяла последняя надежда, повернул свои стопы к дому. По крайней мере, северная весна всегда молода. И тут я услышал о тебе...

Гест обошел вокруг костра и протянул руки к плечам великана.

— Моим поискам суждено кончиться там же, где они начались, — сказал он, не скрывая слез. — Теперь мы больше не одиноки, нас двое. Отсюда следует, что должны быть и другие, женщины в том числе. Будем искать их вместе, помогая друг другу, поддерживая друг друга, пока не найдем. Старкад, брат мой!

Воин долго стоял недвижимо, прежде чем выговорить:

— Все это... очень... неожиданно.

Гест опустил руки.

— Верно. У меня-то было время все обдумать — я же пошел по твоим следам не вчера. Не стану тебя торопить. Времени нам с тобой, в отличие от других, не занимать — ни мне, ни тебе.

Старкад пялился в темноту.

— Думалось мне, — признался он, — что однажды я все же состарюсь и сделаюсь немощным, как Харальд. Если раньше не паду на поле брани, и я бы уж позаботился, чтоб так и случилось. Но ты говоришь, я останусь молодым навсегда. Навсегда!..

— Ноша, которая подчас казалась мне почти невыносимой, — отозвался Гест. — Но нести ее вдвоем станет легче.

Старкад сжал узловатые кулаки.

— И что мы будем с ней делать, если вдвоем?

— Беречь свой дар. В конце концов, не исключено, что он достался нам от высших сил, и его носители отобраны для свершений, призванных изменить мир...

— Что ж... — В голосе Старкада прорезалось торжество. — Слава, которой не дано увянуть, и я сам живой, чтоб упиваться ею. Вокруг меня сплотятся военачальники, а я буду завоевывать королевства, основывать династии...

— Погоди, погоди, — вмешался Гест. — Мы, знаешь ли, все-таки не боги. Нас можно заколоть, утопить, извести голодом — в этом смысле мы не отличаемся ни от кого другого. Я прожил бессчетные годы, но лишь благодаря осмотрительности.

Старкад ответил на возражение надменным взглядом и бросил презрительно:

— Про тебя я все понял. А вот понял ли ты, что честь дороже?

— Я отнюдь не имел в виду, что нам надо прятаться. Удостоверимся в собственной безопасности, соберемся с силами, подготовим укрытие на случай невзгод. Затем постепенно можно и открыться людям, достойным доверия. Будут относиться к нам с почтением и трепетом — хорошо, но одного этого мало: чтобы повести людей за собой, им надо служить, отдавать им себя.

— Что мы можем отдать, пока у нас самих нет ни золота, ни драгоценностей, пока мы не собрали сокровищ, приличествующих бессмертным викингам?

— Мы того и гляди поссоримся, — нахмурился Гест. — Давай отложим разговор до утра, на сегодня хватит. Завтра, на свежую голову, и мысли появятся.

— Ты сможешь заснуть — после того что случилось?

— А ты разве не устал?

— Пожав добрый урожай, — зашелся Старкад смехом, не обратив внимания на то, что Гест поморщился. — Ладно, как скажешь. Спать так спать!

Однако и под навесом великан ворочался, бурчал что-то себе под нос, размахивая руками. Гест выскользнул наружу, нашел сухой бугорок возле самого ручья и решил вместо сна предаться медитации. Принял позу лотоса, привел себя в состояние покоя. Это далось без труда: он давно превзошел своих учителей-гуру из стран далеко на восток от Дании. Они учили дисциплине души и тела, он мог посвятить освоению этой науки не годы — столетия, хотя сомнительно, что без их уроков сумел бы вынести свой тернистый жребий. Как сложилась судьба этих учителей, собратьев по духу? Заслужили ли они, Надхья и Лобсанг, избавление от Колеса бытия?

А он сам — он заслужит? Надежды повязали его, и ему никогда не освободиться от этих уз. Означает ли это, что он предал веру? «Ом мани падме хум»*. Ни разу эти слова и никакие другие не проникли ему в душу — но не потому ли, что он

---

* Одна из самых известных молитвенных формул буддизма. Обычно переводится: «О жемчужина из цветка лотоса», — хотя такая трактовка оспаривается.

сам этого не позволил? Если бы найти Бога, которому он мог бы вверить себя...

Однако по меньшей мере он, подобно философам древности, стал властелином своего тела и своих чувств. Скорее даже в этом он достиг совершенства, к какому они стремились. Сердцебиение и дыхание по его приказу стихли до степени, когда он перестал их замечать. Холод вроде бы уже и не касался его кожи; Гест слился с природой, с ночью — и со строками, которые сложились как бы сами собой:

Неспешно восходит луна,
Острым краем взрезая мрак.
Звезды, мороз, мертвая тишина, —
Значит, еще один год
Тает, как снег...

Шум вернул его к жизни. Очевидно, прошли часы — на востоке над деревьями посветлело. В полусвете поблескивала роса, пар дыхания смешивался с легким туманом. Ясно слышалось бормотание ручья — громче, чем накануне.

Но главным источником шума был Старкад. Выбираясь из-под навеса, он развалил всю постройку. В руках у него были меч в ножнах и сброшенная на ночь кольчуга. Глаза были налиты кровью, под ними темнели мешки. Взгляд блуждал, пока не остановился на Гесте. Тогда великан хмыкнул и двинулся на него, как на противника.

— Доброе утро, — проговорил Гест вставая.

— Ты что, провел всю ночь сидя? — Старкад заметно охрип. — Меня тоже сон не брал.

— Надеюсь, ты все же отдохнул немного. Пойду проверю, не попался ли кто в силки.

— Погоди. Прежде чем я приму что-либо из твоих рук...

У Геста внутри похолодало.

— Что с тобой?

— Со мной ничего, а вот ты! Твой увертливый язык! Я ворочался, как в бреду, все пытался раскусить, к чему ты вчера клонил. Давай-ка выкладывай напрямую...

— По-моему, я выражался ясно. Мы двое бессмертных. Мы оба были одиноки, но ныне одиночеству пришел конец. Должны быть и другие подобные нам, женщины в том числе, — надо найти их и приблизить. Во имя этой цели мы принесем клятвы, станем братьями...

— Какими еще братьями? — проскрежетал Старкад. — Я вождь, позднее король; ты мой скальд и летописец. Но ты же

этого не сказал! Или ты тоже хочешь быть королем? — Внезапно он просветлел. — Изволь! Мы можем поделить мир пополам!

— Мы погибнем, сражаясь со всем миром.

— Зато наша слава никогда не умрет.

— Или еще хуже — мы поссоримся. Можно ли сохранить верность друг другу, если постоянно иметь дело со смертью и предательством?

Гест сразу понял свою ошибку. Он хотел сказать, что такова уж природа власти: удержать ее не легче, чем захватить, и это грязное дело. Однако прежде чем он сумел выговорить что-либо еще, Старкад схватился за рукоять меча, смертельно побледнел и прорычал утробно:

— Ты опять пятнаешь мою честь!

Гест увещевательно поднял руку:

— Да нет же! Позволь объяснить...

Но Старкад придвинулся еще ближе, раздувая ноздри.

— Что тебе наболтали обо мне? Выкладывай!

И не оставалось сомнений, что промолчать нельзя.

— Рассказывают, что ты захватил одного князька и повесил его в приношение Одину, хотя сперва обещал пленному жизнь. Рассказывают, что другого князя ты убил прямо в бане, за плату...

— Мне пришлось! — завопил Старкад. — Я оставался чужим для всех. Другие казались мне слишком молодыми, слишком...

Вопль перешел в громовое мычание, как у матерого зубра.

— И твое одиночество мучило тебя так, что ты наносил ответный удар вслепую, — сказал Гест. — Я все понимаю. Понимаю с тех самых пор, как впервые услышал о тебе. Разве редко я сам чувствовал нечто сходное? Могу припомнить собственные поступки, которые жгут меня изнутри хуже огня. Только я никого не убивал.

Старкад сплюнул на землю.

— Точно. Ты завернулся в свой возраст, как старая карга в одеяло.

— Неужели ты не понимаешь, — вскричал Гест, — что отныне все изменилось для нас обоих? Теперь мы найдем занятие поинтереснее, чем нападать на людей, не причинивших нам никакого зла. Все твоя жажда славы, денег и власти — она и доводила тебя до бесчестья...

Старкад, взвизгнув в ответ, выхватил меч и рубанул сверху вниз. Гест успел отклониться, и все же лезвие задело его по левой руке. Хлынула кровь, промочила одежду, закапала вниз, замутив ручеек. Он тут же отскочил, достал кинжал и замер пригнувшись. Старкад застыл как каменный, тяжело дыша.

— За то, что ты сказал... мне бы... следовало... изрубить тебя на куски. — Переведя дух: — Но ты, наверно, и сам скоро подохнешь от этой раны. — Раздался дребезжащий смешок. — Жаль! Я думал, ты станешь мне другом. Первым настоящим другом за всю жизнь. Что ж, Норне было угодно иначе.

Норна тут ни при чем, подумал Гест. Дело не в ней, а в несходстве наших натур. И еще: как легко было бы убить тебя — ты стоишь совершенно открыто для любого хитрого удара, какие я знаю...

— Я продолжу свой путь как прежде, — заявил Старкад. — Один.

Да будет так, решил Гест. Пальцами правой руки он залез под рассеченную рубаху и с силой сомкнул края раны. Отогнал от себя боль как нечто постороннее и ненужное — так утренний туман расходится под воздействием крепнущего дневного света. Затем он вновь переключил свое внимание на рану и остановил кровотечение.

Старкад пинком окончательно порушил навес, натянул кольчугу поверх нижней рубахи, приладил подшлемник, надел шлем, прицепил меч, подобрал щит. Собрался уходить, но вновь обратил внимание на Геста и воззрился на него не без удивления.

— Как? Ты все еще на ногах? Может, мне лучше прикончить тебя? — Попробуй великан что-нибудь в таком духе, тут бы ему и конец. Но он замер и отвернулся, пробурчав: — Нет. Это бы чересчур. Удаляюсь навстречу своей судьбе, Норнагест.

Он побрел по тропинке и скрылся в лесу, позволив тем самым Гесту наконец сесть и сосредоточиться на своем самочувствии. Рану удалось закрыть без серьезной потери крови, но слабость, конечно, будет ощущаться еще несколько дней. Это неважно — можно оставаться здесь, пока не накопишь сил для дальнейшего пути: лес снабдит всем необходимым. Да и исцеление можно поторопить.

Увы, он не смел и надеяться, что рана в сердце затянется так же бесследно.

3

— Наша встреча со Старкадом оказалась совсем короткой, — продолжал Гест. — Потом до меня время от времени доходили слухи о разных его приключениях, а потом я вновь отправился за границу и, когда вернулся, узнал, что он давно уже мертв, пал на поле брани, как и мечтал.

— А почему ты уезжал столь часто и далеко? — спросил король Олаф. — Чего ты там искал?

— Того, чего так и не нашел, — отвечал Гест. — Покоя.

Нет, добавил он про себя, это не вся правда. Случалось, и не раз, что покой снисходил на меня — в непосредственной близости к красоте либо мудрости, в объятиях женщины, в смехе детей. Но какими же краткими оборачивались эти мгновения! Последняя моя семья на севере Норвегии уже кажется сном, длившимся одну-единственную ночь: счастливая юная Ингрид, новое счастье в колыбели, которую я вырезал собственными руками, ее щедрое сердце, не смущенное тем, что она седеет, а я нет; но потом, увы, годы ее увядания и — похороны, похороны... Где нынче странствует Ингрид? А я не могу последовать ни за ней, ни за другими, кто мерцает на краю памяти, ни даже за той самой первой и самой сладкой, в венке из плюща и с кремневым ножом в руке...

— Покой нам дарует Бог, — заявил придворный священник.

Может быть, может быть. Перезвон колоколов слышен сегодня по всей Норвегии — а в Данию колокола пришли еще раньше и гремят повсюду, в том числе и над усыпальницей матушки, к которой они с девочкой в венке возлагали цветы... Позже довелось видеть, как в страну вторглись колесницы римлян и их грозные боги, видеть бронзу и железо, вереницы повозок, следующие в Рим, и корабли викингов, отплывающие в Англию; довелось лицезреть болезни и голод, засухи и войны, и жизнь, неизменно и терпеливо начинающую все сначала; год за годом уходил в небытие и ждал весеннего солнцеворота, знаменующего возрождение; и он, Гест, он тоже мог бы уйти вслед за всеми, если бы захотел, и унесло бы его ветром, как осенний лист...

Священник короля Олафа полагает, что скоро, совсем скоро жизнь кончится и мертвые восстанут из гроба. Хорошо бы, чтоб это так и случилось. Все больше людей верят в страшный суд. Почему бы не поверить и ему, Гесту?

Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас *.

Через несколько дней Гест заявил:

— Ладно, приму ваше крещение.

Священник заплакал от радости. Олаф издал восторженный вопль.

---

* Новый Завет. От Матфея: 11, 28.

А когда церемония завершилась, Гест, дождавшись вечера, зажег от факела свою свечу и лег на скамью, откуда мог следить за ней. И сказал окружающим:

— Теперь я, наверно, умру.

Потому что теперь я стал как все.

Постепенно пламя свечи заполнило все поле зрения, все его существо. Он слился с пламенем воедино. Свет рос и креп, пока не достиг затерянных в прошлом лиц, пока не вырвал их из тьмы и не пододвинул ближе, еще ближе... Биение сердца направляло его мысли, замедляясь до полного покоя.

Олаф и молодые воины стояли вокруг, онемев от благоговения. Священник отошел в тень, пал на колени и молился, не произнося вслух ни слова.

Пламя затрепетало и погасло. Норнагест не шевелился. Под сводами застонал ветер — предвестник зимы.

Глава 6

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Золото блестело вдали, как звезда, вспыхнувшая при свете дня. Время от времени звезду загораживали деревья — то рощицы, то остатки былых чащоб, — но довольно было двинуться дальше на запад, чтобы заметить ее опять. Яркая точка висела в необъятности неба, по которому плыли редкие облака, над равниной, где жались под ветром деревушки и зазеленевшие по весне поля.

Шли часы. Свобода Володаровна встряхнула головой: солнечные лучи путались у нее в бровях, мешая видеть. А впереди между тем все четче обозначались холмы и на самом высоком из них город. За стенами со сторожевыми башнями поднимались купола и шпили, дымы от тысяч очагов, и над всем этим витал дух величия. Она уже различала перезвон колоколов — не слабый голосок деревенской часовенки, а чуть не десяток звонов попеременно. Какими же могучими должны быть колокола, чтобы голоса их разносились так широко! А уж если они трезвонят хором, то возникает музыка, достойная звучать среди ангелов или в обиталище самого Ярилы.

— Вон та колокольня с позолоченным куполом, — показал Глеб Ильин, — принадлежит собору святой Софии. Это значит «Святая Мудрость». Имя восходит к грекам, принесшим слово Христа на Русь...

Глеб был невысок, толстоват, некрасив: приплюснутый нос, тощая бороденка с первыми следами седины. Задубелая кожа доказывала, что за плечами у него годы странствий, дальних, часто опасных, а добротная одежда свидетельствовала, что в странствиях этих он преуспел.

— Стало быть, все это построено совсем недавно? — удивленно спросила она.

— Собор и некоторые другие здания — да, недавно, — ответил Глеб. — Великий князь Ярослав Владимирович возвел их после того, как эти земли отошли к нему и он перенес сюда свой престол из Новгорода. Но Киев был великим городом и до Ярослава. Он был основан во времена Рюрика — два века назад, не меньше...

Я не могла и мечтать об этом, подумала Свобода. Добраться до Киева казалось куда несбыточнее, чем встретиться с прежними богами, которые, по поверьям, и до сих пор могут невзначай явиться в глухом бору. И не бывать бы мне в Киеве, если бы купцы, подобные Глебу, изредка не проезжали через нашу слободку с товарами, которые мы не могли позволить себе купить, — зато уж заслушиваться россказнями торговых людей не возбранялось никому.

Она причмокнула, подгоняя лошадь, и легонько стукнула ее каблуками. Приречные низины еще хранили влагу вешнего половодья, дорога была грязной, лошадь устала. За Свободой и Глебом тянулись их спутники — полдюжины стражников и двое учеников, ведущих в поводу груженые подводы и вьючную скотину. Здесь, в приречье, где можно было не страшиться ни разбойников, ни печенегов, даже стражники отложили оружие и ехали налегке, в рубахах и портках, отличаясь от простонародья лишь высокими шапками. А Глеб, стремясь с самого прибытия произвести наилучшее впечатление, поутру надел богатое платье — подбитый мехом плащ поверх парчового кафтана.

Свобода, в свою очередь, нарядилась в душегрейку тонкой серой шерсти с вышивкой. Юбки, подобранные на седло, открывали ладные сапожки. Непогоды лишь слегка подкрасили ее кожу бронзой, труд налил мышцы силой, однако не ссутулил спину и не огрубил рук. Ее отличала крепкая кость, но она была достаточно статной, чтоб это не бросалось в глаза. Широко расставленные синие глаза смотрели на мир внимательно и пытливо. Прямой нос, полные губы, волевой подбородок свидетельствовали как о родовитости, так и о достатке. И впрямь, ее отец был в своей округе воеводой, и все ее мужья жили безбеднее большинства соседей — один держал кузницу, другой

промышлял пушного зверя, третий разводил коней и торговал ими. Но прошлое прошлым, а сейчас надо держать себя в руках, сохранять внешнюю невозмутимость, — только сердце в груди никак не желало биться спокойно.

А потом у нее и вовсе захватило дух: ее глазам открылся Днепр. Могучая бурая река достигала в ширину пятисот шагов, не меньше. С обеих сторон в нее впадали ручьи и речки, а справа ее делил надвое низенький, заросший травой островок. Противоположный берег был на удивление лесист, что не мешало домам и прочим строениям взбегать от воды к самым городским стенам, а возле них тесниться, сливаясь в сплошную массу. И сколько хватал глаз, вокруг по холмам располагались усадьбы, курчавились сады, стелились пастбища.

К этому берегу лепилась лишь кучка грязных хижин. Их обитатели, мастеровые и крестьяне, едва удостаивали путников вниманием — зрелище было для них привычным. А вот Свободу провожали взглядами, перешептываясь друг с другом. Немногие женщины отваживались странствовать с торговцами, а уж знатные путешественницы тем более были в редкость.

Паром ждал наготове. Паромщик поспешил навстречу Глебу, пожелал доброго здоровья и, сговорившись о плате, отправился скликать гребцов. Сразу выяснилось, что понадобится три ходки. Глеб и Свобода в числе первых спустились по крутым сходням — причал подняли высоко с учетом половодья — и заняли место на носу, чтобы не упустить ничего примечательного. Хрипло перекликались голоса, скрипело дерево, плескалась забортная волна — и вот наконец суденышко отвалило от берега. Прохладный влажный ветер отдавал илом. Над водой кружили утки, гуси, какие-то мелкие птахи, однажды в вышине проплыл лебединый клин, и все равно птиц было гораздо меньше, чем в родных краях: вероятно, здесь на них больше охотились.

— Мы явились в горячее время, — предупредил Глеб. — Город кишит чужаками. Уличные драки стали обычным делом, а то и кое-что похуже, несмотря на все кары, к каким прибегает великий князь. А ведь мне придется оставлять тебя одну и уходить по делам. Очень прошу, Свобода Володаровна, будь начеку...

Она нетерпеливо кивала, едва разбирая, что он говорит: вся ее душа, все помыслы были устремлены вперед. По мере приближения к западному берегу стало казаться, что число собравшихся там кораблей растет с каждой минутой, их было уже просто не сосчитать. Она попыталась взять себя в руки, сказала себе: корабли, что на якоре, больше не загораживают тех, что у причалов, вот и мерещится, что их сотни, а на самом деле лишь

несколько дюжин. И тем не менее ее не покидало ощущение чуда. Тут не было неуклюжих баркасов, подобных тому, на котором они плыли сейчас, не было гребных ладей и тем более долбленых плоскодонок, привычных для ее родных мест. Эти корабли были вытянутыми, стройными, обшитыми внакрой, окрашенными в яркие тона, и у многих носовые балки оканчивались украшениями — сказочными зверями и птицами. На берегу на подмостях лежали длинные весла, запасные мачты и поперечины. Как же гордо, должно быть, взлетают на этих мачтах паруса, расправляясь вольными крыльями!

— Да, это наш знаменитый торговый флот, — подтвердил Глеб. — Похоже, все сегодня собрались здесь. Наверное, уже завтра пойдут на Константинополь, в Новый Рим...

И опять Свобода почти ничего не слышала. Она пыталась представить себе море, в которое корабли выйдут, миновав устье реки. Море простирается дальше, чем доступно глазу; море бурно, темно, солено на вкус, а морские волны населены огромными змеями и полулюдьми-полурыбами. Так рассказывают. Она попробовала вообразить себе море воочию — и ничего не получилось. А что до города святого патриарха Василия, то может ли быть такое, что Киев, мать городов русских, кажется по сравнению с ним бедным и крошечным?

Надо сплавать туда, надо все выяснить, надо хотя бы побывать там!

Она вздохнула разок и отогнала мечты прочь. До поры довольно и той новизны, что начинается сию минуту. Какие удачи поджидают ее, какие страдания подстерегают — все это непредсказуемо. Даже в небылицах, что плетутся вечерами у камелька, ни одна женщина никогда не отваживалась на то, что предприняла она. Но ни одну и не побуждала к тому нужда столь настоятельная и неотвратимая.

На смену мечтам нахлынули воспоминания, тайные сомнения, какие терзали ее, когда она оставалась в одиночестве, хлопоча по дому или на огороде, собирая ягоды и хворост в лесу, лежа без сна по ночам. Может ли быть, что она — особенная, принцесса, которую выкрали из колыбели, девица, которой, одной из всех, христианские святые или давние божества уготовили неведомую судьбу? Конечно же, любое дитя лелеет грезы такого рода. Потом дитя подрастает, грезы уходят. А только в ее случае они постепенно нахлынули заново...

Не было принца, примчавшегося на резвом коне; не было жар-птицы или лисы, заговорившей человеческим голосом; просто год шел за годом, год за годом, пока однажды она наконец

не вырвалась на волю. Сама вырвалась, никто не помогал. И вот она здесь...

Паром уткнулся в сваи. Команда отдала швартовы. Пассажиры выбрались в шум и толчею пристани. Глеб не без труда проталкивался сквозь толпу работников, коробейников, матросов, солдат, просто праздношатающихся. Свобода старалась держаться к нему поближе. В его присутствии она обычно вела себя дружелюбно, но независимо, подчеркивая, что их связывают деловые интересы, а не влечение, — однако сегодня он знал, что делать, а она была совершенно сбита с толку. Даже в ярмарочный день в ее родном городишке не бывало ничего похожего, да и что, в сущности, представлял собой ее городок — палисад, за которым можно укрыться в случае нападения, не более.

Она наблюдала, вслушивалась, училась. Глеб поговорил с каким-то человеком от портовых властей, затем с кем-то из служивых самого великого князя, отдал распоряжения своим людям, куда следовать дальше, и наконец-то повел ее на холм, в город.

Городские стены были массивными, земляными, но выбеленными. По бокам распахнутых настежь арочных ворот — две башенки, а над аркой — самая настоящая башня. Стражники в кольчугах и шлемах скучали, опершись на пики, не препятствуя никому, кто стремился в город или из города, — ни тем, кто шел пешком и ехал верхом, ни тем, кто вел в поводу осликов, запряженных в тележки, и волов, тянущих тяжелые возы. Попадались стада овец и коров, которых гнали на убой, а однажды встретилось немыслимое, кошмарное чудище — Глеб назвал его верблюдом. Крутые извилистые улочки были обрамлены ярко крашенными домами нередко в два, а то и в три этажа, в большинстве своем деревянными, под крышами из мшистой дранки или сочного дерна. Были и дома, сложенные из кирпича, и оконца в таких домах посверкивали стеклом. А надо всем время от времени проглядывали золотые купола, увенчанные крестами, — обиталища могучих колоколов.

Шумы, запахи, людской водоворот, а то и давка — ничего этого Свобода не предвидела. Глебу то и дело приходилось поднимать голос, чтобы пояснить, кто именно идет навстречу. Священников в черных рясах и с длинными бородами она признала сразу, но вот прошел некто в более грубой одежде, — оказывается, монах из ближних пещер, посланный по поручению; а вот пронесли на носилках старика в богатом облачении — это не кто иной, как епископ. Простой народ — хозяйки на переполненной товарами и людьми рыночной площади, торгующиеся за каждый грош, дородные купцы, мастеровые, рабы, дети, кресть-

яне из пригородов — носили самую разнообразную одежду, но ни на ком не видно было самых близких сердцу уборов из родных мест. Просмоленные моряки, высокорослые русые скандинавы, поляки, венеты, ливонцы, финны — каждый одет по-своему, а уж широкоскулые жители степей тем более. Бросились в глаза двое византийцев, выряженных, презрительно поглядывающих на всяких иных и прочих. Свобода ощущала себя затерянной в толпе, но и в затерянности этой проступали душевный подъем, увлеченность, опьянение чудом.

— Пока что ты будешь жить здесь, — произнес Глеб, останавливаясь у дома близ южной городской стены.

Она ответила кивком. Он рассказывал ей заранее, что дом принадлежит пожилому ткачу, который, выдав дочерей замуж, подрабатывает тем, что пускает заслуживающих доверия постояльцев.

На стук в дверь откликнулась служанка, а вскоре появилась и сама хозяйка. Провожатые Глеба внесли пожитки Свободы. Он уплатил за постой вперед, и они прошли в предназначенную ей комнату. В тесных стенах нашлось место для узенькой кровати, табуретки, цветочного горшка и умывального таза с кувшином. Над кроватью висело изображение мужчины с сиянием над головой, а вокруг шли буквы, обозначавшие имя осиянного. Как заверила хозяйка, его звали святой Георгий.

— Он поразил дракона и спас красну девицу, — разъяснила она. — Да охранит он тебя, моя дорогая. Ты ведь, кажется, приехала сюда ради замужества?

— Надеемся, что так, — ответил Глеб. — Однако ты же понимаешь, Ольга Борисовна, подготовка к помолвке займет несколько дней, а потом еще приготовления к свадьбе. Но прежде всего госпожа устала — путешествие было долгим и трудным...

— Ясно, что устала, Глеб. Как же иначе? И наверняка проголодалась. Пойду погляжу, горяч ли суп. Ступайте на кухню, как только сможете. Я имею в виду — оба.

— Что до меня, я должен уйти не задерживаясь, — сказал он. — Сама знаешь, в такую пору торговец должен стеречь свои товары как коршун, если надеется хоть на какую-то выгоду за все свои труды...

Женщина торопливо вышла, а за ней, по знаку Глеба, и провожатые. На мгновение Свобода осталась с ним наедине. Света в комнатке было мало — единственное оконце затягивал мутный пузырь. И сколько ни напрягалась Свобода, лица Глеба было толком не прочитать.

— Ты не успеешь увидеть Игоря Олеговича сегодня? — тихо спросила она.

— Боюсь, что нет, — ответил он со вздохом. — Он очень занят. Он же не просто важный господин, чей голос весом в народном собрании. Пока здесь весь флот со всеми иноземцами, ему приходится не только доглядывать за поставками, но и лезть в политику, строить долгосрочные планы... — Необычное дело: сегодня Глеб выражался очень неуклюже. — Я передам ему, что мы прибыли, и надеюсь, что завтра он меня примет. Выберем время для вашей встречи, а затем... затем я буду молиться за счастливый ее исход.

— Ты же говорил, что уверен...

— Нет, я говорил лишь, что все как будто складывается благоприятно. Он выразил интерес. Я хорошо знаю его самого и его обстоятельства. Но как можно ждать от меня прямых обещаний?

Она вздохнула в свой черед.

— Все верно. Ты говорил, что в самом крайнем случае сумеешь найти кого-нибудь еще с достатком чуть пониже.

Он потупил глаза, словно вглядываясь в камышовый пол.

— В общем-то, в этом нет особой нужды. Мы же старые друзья, ты и я, правда? Я мог бы... заботиться о тебе гораздо более, чем ты до сих пор разрешала.

— Ты всегда был очень-очень добр ко мне, — ответила она мягко. — Твоей жене повезло, что она нашла такого мужа.

— Я лучше пойду, — пробормотал он. — Соберу всех своих, размещу их на жительство, товары на хранение, ну а потом... Завтра, как только смогу, загляну сюда, поведаю тебе новости. А пока храни тебя Господь, Свобода Володаровна...

Он поспешил прочь. Она постояла еще чуть-чуть, борясь с душевным смятением, однако взяла себя в руки и отправилась на кухню. Ольга налила ей миску наваристого мясного супа с луком и морковкой, предложила черного хлеба и вдоволь масла, а сама опустилась на скамью и принялась пустословить:

— Глеб Ильин так много рассказывал о тебе...

С опаской, какой ее научили годы, Свобода постаралась направить разговор в приемлемое русло. Что именно умудрился Глеб разболтать? Утешительно было узнать, что он и тут оказался осмотрительным, как всегда. Он представил ее вдовой без малолетних детей, которой при всем желании не найти нового мужа в ее дальней дикой округе. Из чистого сострадания, в расчете на будущую благосклонность небес, он-де предложил ее руку портовому посреднику Игорю Олеговичу, который и сам недавно овдовел, оставшись с несколькими ребятишками на руках.

Мысль о повторном браке показалась Игорю заманчивой: если лесная жительница умна, она сумеет приспособиться к жизни в городе, а уж если она не лишена и других достоинств... После чего Глебу, по его словам, не оставалось ничего другого, как помочь Свободе обратить имущество, доставшееся ей по наследству, в деньги и приданое и при следующей поездке в Киев взять ее с собой.

— Ах ты моя малышка, моя бедняжка, — причитала Ольга, утирая слезы. — Ни деток на земле, ни мужчины, согласного взять в жены такую молодую и красивую? Как это могло случиться, не понимаю...

— Ко мне относились недружелюбно, — ответила Свобода, пожав плечами. — Пожалуйста, оставь, не хочу говорить об этом...

— Наверное, деревенские распри? Воистину, если люди всю жизнь варятся в собственном соку, они могут опротиветь друг другу. И к тому же на них давят языческие страхи. Может, оттого что тебе выпало столько печалей, они вообразили себе, что ты родилась под несчастливой звездой или что тебя сглазила какая-то ведьма? Но да пребудет с тобой милость Господня и да продлятся дни твои теперь в благоденствии...

Значит, Глеб не наврал, хоть и не сказал всей правды. Мастерство истинного торговца. Мимолетно Свобода задумалась, вновь оценивая этого человека. Они славно ладили друг с другом, он и она. Они могли бы и не ограничиться дружбой, если планы замужества рухнут. Пусть священники называют такую связь греховной. Купала Радостная с ними не согласилась бы — а ведь не исключается, что прежние боги и ныне не исчезли с лица земли... Но нет! Глеб уже седой. Ему осталось слишком недолго здравствовать, чтобы она могла позволить себе уязвить его жену, которой никогда и не видела. Уж ей-то, Свободе, ведомо, что значит утрата...

После еды Ольга вернулась к своим делам, а Свобода к себе в комнатку. Распаковала немудреные пожитки, определила каждой вещице свое место и задумалась: а дальше что? Прежде у нее всегда находилось какое-нибудь дело, хотя бы просто покрутить веретено. Но домашние дела остались далеко-далеко, как и прежний дом. А предаваться блаженной праздности, радоваться ей она не умела, не умела и засыпать при любом удобном случае, как водится у селян в редкие минуты безделья. Не пристало это дочери воеводы, как и супруге при достойных мужьях.

Ее снедало беспокойство. Она прошлась из угла в угол, бросилась на кровать, снова вскочила, зевнула, нахмурилась, опять принялась ходить. Может, помочь Ольге по хозяйству? Да нет,

она же ведать не ведает, что в Киеве принято, а что нет. И не дай Бог, Игорю Олеговичу покажется, что его невеста уронила тем самым свое достоинство. Если из этого замужества вообще что-нибудь выйдет. На что он похож, ее будущий жених? Глеб заверял, что он хороший малый, но Глебу не дано увидеть мужчину женскими глазами, и то немногое, что он ухитрился выжать из себя, описывая внешность нареченного, для Свободы не значило по сути ничего.

Святой Георгий, тот, что на стене... Хоть бы жених оказался таким же сухопарым и большеглазым! Она опустилась перед картинкой на колени и попыталась испросить у святого благословения. Слова застряли в горле. Она исправно посещала службы, но по-настоящему набожной не была. А уж сегодня должного смирения от себя и вовсе не добиться...

Она ходила, ходила, и мало-помалу пришло решение. Что обязывает ее сидеть безвылазно в этих стенах? Глеб предупреждал, чтоб она была настороже, но ведь ей случалось, и нередко, в одиночку бродить по лесам, не страшась ни волков, ни медведей, и с ней никогда не происходило ничего плохого. Однажды ей довелось остановить сорвавшуюся с привязи лошадь на всем скаку, в другой раз прибить бешеную собаку топором, и уж вовсе не забыть, как удалось вместе с соседями, укрывшись за городским палисадом, отразить набег печенегов. А сейчас она сидит взаперти, позволяя часам уплывать бесцельно, пренебрегая кипящей в Киеве жизнью с ее чудесами и новизной. И колокольнями, блистающими в вышине...

Решено! Церковь Святой Мудрости. Где, как не там, искать настроения для молитвы! Где, как не там, Господь услышит и придет на помощь...

Туда! Вне всякого сомнения, туда!

Накинув плащ, она быстро заколола его булавками, набросила платок и выскользнула из комнатки. Никто не вправе запретить ей поступать как нравится, и все-таки лучше уйти незамеченной. В главной комнате она миновала слугу, скорее всего раба, но тот глянул на нее тусклыми глазами и продолжал скрести и мыть плитки печи. Дверь отворилась и закрылась, улица подхватила и унесла ее.

Поначалу она брела куда глаза глядят, сперва застенчиво, потом преисполненная восторгом. Встречные не позволяли себе ни малейшей грубости. Какие-то молодые люди проводили ее усмешливыми взглядами, подталкивая друг друга, но это было скорее приятно, чем противно. Если кто-нибудь изредка задевал ее, то по чистой случайности и гораздо реже, чем на пути от реки. Народу на улицах поубавилось — солнце катилось к за-

ходу. И наконец она заметила собор совершенно ясно и больше с дороги уже не сбивалась.

А когда Святая София предстала перед ней вблизи, у нее прямо-таки перехватило дух. По самой примерной оценке — шестьдесят шагов в ширину, не менее. Белые и бледно-зеленые стены и ниши, сводчатые входы, высокие стеклянные окна, а наверху десять куполов — шесть увенчаны крестами, четыре усыпаны звездами. Долго-долго она стояла и взирала на это диво не шевелясь, пока не набралась храбрости приблизиться к работникам, которые прилаживали что-то, чистили, украшали. Сердце забилось: а можно ли дальше, не запретно ли? Однако в собор и из собора входили и выходили как духовные лица, так и миряне. И Свобода тоже вошла.

Время будто исчезло, и ее понесло, как русалку под водой. Она и впрямь почти поверила, что сама утонула, обратившись в бесплотный призрак. Полумрак и безмолвие охватили ее, в окнах являлись красочные образы, образы взирали и с украшенных золотом стен... Этот странный суровый лик над головой — не кто иной, как Христос, владыка мира, в кольце апостолов, а за ним, великаншей из мелких камней, — Богоматерь, а еще... И тут из-за резной перегородки донесся глубокий стон, полились скорбные песнопения, а в выси зазвонили колокола во славу Бога-Отца... Она простерлась на каменных плитах.

Сознание мало-помалу вернулось к ней, но много-много позже. К тому времени собор обратился в пещеру, полную мрака, и она была в пещере одна, не считая нескольких священнослужителей и догорающих свечей. Куда подевался день? Осенив себя крестом, она поспешила к выходу.

Солнце закатилось. Небо еще хранило остатки синевы, но быстро темнело, а меж домов уже царили густые сумерки — лишь в окнах трепетали желтые огоньки. Не было видно почти ни души. Стук каблуков по камням, шелест юбок, даже дыхание отдавались в тишине эхом. На этом углу повернуть направо, на следующем налево... Нет, погоди-ка, а откуда взялся дом, где концы стропил заканчиваются резными головами? Такого она вообще никогда не видела... Неужели заблудилась? Она приостановилась, сделала глубокий вдох, выдох, криво усмехнулась: «Дура! В твои-то годы надо бы научиться запоминать дорогу...»

Огляделась: с одной стороны крыши почти сливаются с небом, на котором трепещут три звездочки, с другой занимается бледный свет — там восходит луна. Значит, справа запад, слева восток. Ее временное жилище — близ южной стены, следовательно, если держаться нужного направления, насколько

позволят извитые улочки, рано или поздно к стене она выйдет. А потом можно постучаться в первый попавшийся дом и попросить точных указаний. Хотя, вне сомнения, Ольга поднимет переполох, и завтра Глеб не поскупится на упреки.

Тут Свобода горделиво выпрямилась: дочь воеводы Володара ругать себя не позволит, — и двинулась в путь, вымеряя каждый шаг и подобрав платье к коленям, чтобы не испачкать его в грязи и навозной жиже. Сумерки окончательно сгустились и перешли в ночь. Луна если и помогала, то совсем чуть-чуть, а по большей части по-прежнему пряталась за домами.

Из-за приоткрытой двери вырвался луч света, а вместе с ним чад, запахи кваса и стряпни, громкие голоса, лающий смех. Нахмурившись, она проскользнула мимо, держась как можно дальше от этой двери, — яснее ясного, там постоялый двор, где мужланы напиваются допьяна. Уж она навидалась таких мест, когда сопровождала в город одного из мужей. Ростислав, на беду, пристрастился к выпивке и возвращался к жене качаясь, смердя потом и перегаром...

За спиной загремели сапоги, все громче, все ближе. Она ускорила шаг. Но преследователь тоже поднажал и вскоре поравнялся с ней.

— Ха! — не то проворчал, не то прорычал он. — Мое почтение!..

Она с трудом разбирала, что он говорит. Потом они вышли на пятачок, освещенный луной, и он перестал быть просто назойливой тенью. Она не жаловалась на рост, а он оказался на голову выше ее и затмил собой высыпающие на западе звезды. Голова была выбрита, не считая свисающего справа чуба, под перебитым носом щетинились усы, а волосатую грудь и предплечья покрывали вытатуированные рисунки. Полурасстегнутая рубаха, широкие штаны, короткий плащ — все было заляпано пятнами и торчало колом. Нож на поясе мог потягаться размером с мечом, — иначе говоря, он носил оружие, в черте города запретное для всех, кроме княжеской дружины.

Демон! — мелькнула леденящая догадка, но Свобода тут же осекла себя: нет, варяг. Я слышала о них — скандинавы, да и русичи, что шляются по рекам наперекор ветрам и грозам... Она отвела глаза и попыталась идти своей дорогой, однако он схватил ее за руку и расхохотался:

— Ну-ну, куда торопишься? Вышла на ночь глядя поискать себе развлечений, вот я тебя и развлеку...

— Пусти меня! — вскрикнула она, стараясь вырваться.

В ответ он крутанул плененную руку. Острая боль пронзила плечо, она покачнулась, но он держал ее мертвой хваткой и не отпускал.

— Пошли! Вон в тот переулочек, тебе понравится... — От него разило так, что у нее перехватывало дыхание, и она давилась собственным криком. — Тише, ты! Никто все равно не придет... — Свободной рукой он стукнул ее по затылку. Голова дернулась, взорвалась гулом в ушах. Тем не менее Свобода ухитрилась, упершись каблуками, вскрикнуть опять. — Тише, не то... Ха-а-а!..

Варяг швырнул ее на булыжники. А когда к ней вернулось зрение, он оказался лицом к лицу с двумя другими мужчинами, взявшимися неизвестно откуда. Должно быть, они были на боковой улочке и услышали крик, подумала она, борясь с головокружением. Христос, Дажбог, Ярило, святой Георгий, помогите им помочь мне...

Варяг выхватил нож.

— Идите, куда шли, — прорычал он. — Кто вас звал? Идите, покуда целы...

Она окончательно удостоверилась, что он пьян и оттого вдвойне опасен. Из двух мужчин тот, что был меньше ростом, приблизился крадучись, как кошка, и сказал беззлобно:

— Лучше бы ты, друг, утихомирился малость...

С этими словами мужчина предъявил собственный нож. Не нож, а ножик, годный для того, чтобы поесть или отрезать что-нибудь, а вовсе не для боя, — форменная щепочка по сравнению со страшным клинком варяга. Да и владелец ножика мало походил на воина — стройный, даже хрупкий, в отороченном мехом плаще и штанах, аккуратно заправленных в мягкие ботинки. Свободе не удалось бы разглядеть этого, не держи второй из двух мужчин фонарь, льющий свет лужицей на мостовую и кое-как освещающий их обоих.

Варяг хищно осклабился.

— Благородный пащенок и слуга-калека! — усмехнулся он. — Вы еще будете мне указывать? Ну-ка улепетывайте, пока я не проверил, белые ли у вас кишки...

Второй мужчина опустил фонарь наземь и вытащил левой рукой свой нож, тоже маленький. Правой кисти у него не было, рука заканчивалась кожаным набалдашником, из которого торчал железный крюк. Не считая этого недостатка, он был мускулист, одет просто, но добротно.

— Мы вдвоем, — пригрозил он. — Ты один. Кадок сказал тебе уходить — уходи...

В отличие от стройного, калека говорил по-русски с грехом пополам.

— Два таракана! — завопил варяг. — Разрази меня Перун, слушать вас не желаю!..

Оружие насильника сверкнуло, как молния, он сделал длинный выпад. Стройный — по имени Кадок? — ловко уклонился, подставил варягу ногу, чуть подтолкнул, и тот обрушился на мостовую. Мужчина с крюком разразился хохотом. Варяг, взревев от ярости, поднялся и бросился к нему. Не тут-то было: крюк, заточенный, как стрела, вонзился в руку, вооруженную страшным ножом, пониже плеча, а собственный ножичек калеки ловко рубанул нападающего по запястью. Теперь варяг взвыл от боли, выпустив оружие, которое брякнулось на камни. Чем и воспользовался Кадок — подскочил пританцовывая, почти игриво ухватил противника за чуб, отсек это украшение напрочь и пригрозил осклабясь:

— В следующий раз отхвачу то, что между ног...

Варяг, испуская истошные вопли, бросился наутек. Кадок присел на корточки подле Свободы.

— С тобой ничего не случилось, моя госпожа? Обопрись на меня. — Он помог ей подняться. Спутник Кадока наклонился, хотел подобрать выроненный варягом нож-меч, но услышал приказ: — Не трогай!.. — Кадок по-прежнему говорил по-русски, но это, наверное, ради Свободы. — Ни к чему, чтобы стража нашла у нас такую игрушку. Это будет похуже, чем если бы дурак тут же на месте и помер. Пойдем отсюда. Шум мог привлечь внимание, а уж без этого мы как-нибудь обойдемся. Идем, госпожа, идем...

— Спасибо, я не ранена, — ответила Свобода невпопад.

В горле стоял ком, она была готова разрыдаться, хотя, в сущности, не пострадала, не считая нескольких синяков. В каком-то оцепенении она потащилась за своими спасителями, позволив Кадоку взять себя под локоть. Тот, что с фонарем и крюком вместо кисти, задал вопрос, означающий, вероятно: «Куда?»

— К нам, разумеется, — резко ответил Кадок по-русски. — Повезет встретить стражников — ничего не случилось, просто ходили выпить и поразвлечься. Ты не против, моя госпожа? Согласись, ты кое-чем нам обязана, а нам никак нельзя опоздать, что непременно случится, если люди Ярослава задержат нас для допроса, — тогда корабли отплывут без нас...

— Мне надо домой, — взмолилась она.

— Ты попадешь домой, не сомневайся. Проводим тебя и позаботимся, чтоб тебя больше никто не обидел. Только

сначала... — Позади поднялись крики. — Слышишь? Кто-то нашел нож. А если у них еще и фонарь, тогда заметят кровь и заподозрят, что была потасовка. Сюда!.. — Кадок повел их в темный проулок. — Путь окольный, зато избежим неприятностей. Отсидимся часок-другой, а потом проводим тебя честь по чести, моя госпожа.

Они выбрались на широкую улицу, залитую лунным светом. К Свободе мало-помалу вернулось самообладание, и она задала себе вопрос, можно ли безоговорочно доверять этим двоим. Может, лучше настоять на том, чтобы отправиться к Ольге без промедления? Ответят отказом — тогда ничто не мешает ей пуститься дальше самостоятельно. Хуже, чем было, не будет — хотя, честно сказать, ничего хорошего из ее одиноких странствий не вышло. И — какое-то волнение пополам с теплым чувством: ей никогда не доводилось встречать мужчин, похожих на Кадока. Вполне возможно, что и не доведется. Утром они отправятся в свое плавание, а она — она вновь станет чьей-то невестой и женой...

Тут Кадок потянул своего товарища за рукав и произнес весело:

— Стой, Руфус! Не проскочи мимо... — Перед ними вырос дом. Дверь была не заперта, и оставалось лишь, обтерев ноги, проскользнуть внутрь. При свете ночников она едва различила столы и скамейки, и Кадок шепнул ей на ухо: — Общая комната. А вообще-то здесь гостиница для тех, кто может себе это позволить.

Она всмотрелась пристальнее. Фонарь Руфуса освещал его грубоватое веснушчатое лицо, густые баки и редеющие волосы на макушке — и то и другое яркого желтовато-рыжего оттенка. А Кадок был совершенный чужеземец — узкое лицо, орлиный нос, глаза чуть наискось, как у финнов, но большие и карие, волосы до плеч, цвета воронова крыла, как и заостренная бородка. На пальце золотое кольцо иностранной работы — змея, кусающая себя за хвост. И редко-редко встречала Свобода такую быструю, обезоруживающую улыбку.

— Ну и ну, — проговорил он, — я и представить себе не мог, что женщина, попавшая в беду, может быть столь прекрасна. — Он отвесил ей низкий поклон, словно принцессе. — Повторяю, не бойся. Мы о тебе позаботимся. Жаль, что тебе испортили одеяние...

Только тут она заметила, что к платью пристала какая-то дрянь.

— Скажу, что упала, — сказала она с запинкой. — В конце концов, это правда.

— Придумаем что-нибудь, — пообещал Кадок.

Руфус проводил их наверх, в покои на втором этаже, просторные и уютные, с обшитыми деревом стенами, занавесками на остекленном окне и ковром на полу, с четырьмя кроватями и столом, окруженным табуретками. Вынув свечу из фонаря, он запалил от нее фитили в медной державке на семь огней. Ловкость, с какой он это проделал, подсказала Свободе, что руку он потерял давно и давно научился обходиться без нее.

— Кроме нас, тут сейчас никого, — пояснил Кадок. — Право, такое жилье стоит затраченных денег. А теперь... — Достав из сумки ключ, он присел у сундука и отомкнул замок. — Большая часть добра, конечно, уже на корабле, но кое-что особо ценное я держу при себе. — Он порылся в сундуке. — Есть у меня и заморский товар, и купленный в Киеве. А, вот оно... — Он вытащил наружу переливчатую ткань, сверкнувшую в отблесках свечей. — Жаль, моя госпожа, что в такой час нельзя устроить тебе горячую баню, но вон там ты найдешь умывальник, кувшин с водой, полотенца, мыло и полоскательницу. Не стесняйся искупаться, а потом надень это. Мы с Руфусом, само собой, побудем пока в отсутствии. Если ты приотворишь дверь и просунешь в щелочку свою одежду, он посмотрит, нельзя ли ее отчистить.

Рыжебородый скорчил гримасу и пробурчал что-то на непонятном языке. Кадок ответил и каким-то образом умаслил товарища — тот кивнул. Взяв по свече, оба вышли за дверь. Свобода осталась наедине со своим смятением. Уж не снится ли ей все это? Не занесло ли ее в волшебную страну, не встретила ли она здесь, в твердыне христианства, двух добрых древних богов? Внезапно для себя самой она рассмеялась: что бы ни приключилось далее, покамест все покоряло новизной сродни чуду.

Освободив застежки и распустив шнурки, она стянула платье через голову, а потом, как и предложил Кадок, просунула его ворохом за дверь. Как только ворох приняли из ее рук, она прикрыла дверь поплотнее и принялась мыться. Вода и воздух обвевали ее блаженной прохладой, полотенце ласкало наготу. Она замешкалась, и когда раздался стук, пришлось поспешно откликнуться: «Еще минутку» — и торопливо смахнуть с тела влагу. Новое платье, небрежно брошенное на кровать, вызвало у нее вздох восторга — пошитое из блестящей ткани, гладкой, как кожа младенца, синее, отороченное золотом, на серебряных пуговицах. Правда, ноги остались босыми, и это смущало: кто заметит, что под юбками нет обуви, — удивится. Она жарко зарделась и быстро расчесала локоны, выпавшие

из-под уложенных кос, отдавая себе отчет, что их янтарный цвет сочетается с этим удивительным платьем лучше некуда.

— Кто там? — позвала она, не вполне владея голосом. — Войди!

Появился Кадок с подносом в левой руке. Затворил дверь за собой, опустил поднос на стол. На подносе стояли фляга и две чарки.

— Даже не думал, что шелк может быть столь великолепен, — произнес он.

— Что, что? — не поняла Свобода.

Хоть бы кровь в висках стучала помедленнее!

— Неважно что. Я часто бываю чересчур порывист. Прошу тебя, присядь и вкуси эту чару вместе со мной. Я разбудил служку и приказал достать самое вкусное из хозяйских вин. Отдохни, опомнись после дурного приключения...

Она опустилась на скамеечку. Прежде чем последовать ее примеру, Кадок разлил по чаркам красную жидкость с солнечным запахом.

— Ты очень добр, — прошептала она. Как Глеб, мелькнула мысль, но она сразу поправила себя: нет, Глеб — всегонавсего деревенский торгаш, к тому же стареющий. Правда, он выучился читать и писать, — а что еще он может, что видел и совершил за пределами проторенных узеньких тропок?.. — Как я могу вознаградить тебя, Кадок?

Она тут же пожалела о вырвавшемся вопросе: ну что за глупость сморозила! Однако Кадок лишь улыбнулся, поднял чарку, ответил просто:

— Можешь назвать мне свое имя, госпожа, и рассказать о себе, что сочтешь нужным. Можешь хоть ненадолго осчастливить меня своим обществом. Вот и вся награда. Выпей, прошу тебя.

Она пригубила вино. Небывалый вкус разлился по языку и нёбу. Где там домашним ягодным наливкам — это... это не с чем сравнить.

— Меня зовут... — Она чуть не назвала имя, данное ей при крещении, что, конечно, было бы неразумно. Похоже, Кадоку можно доверять, ну а если он проговорится какому-нибудь колдуну? Тогда она окажется уязвимой для заклятий. Да она и сама нечасто вспоминала то имя — и назвалась так, как привыкла дома: — Свобода Володаровна. Я... я нездешняя. А куда подевался твой друг?

— Руфус? Я дал ему задание отчистить твое платье так тщательно, как только получится. Но он и потом не станет нас

тревожить. У него такая же фляга, она не даст ему соскучиться. Преданный человек, храбрый, но недалекого ума.

— Значит, он твой слуга?

Какая-то тень пробежала по его лицу — или ей почудилось?

— Он мой товарищ с давних-давних времен. Потерял руку в бою, защищая меня со спины, когда шайка саксов набросилась на нас из засады. И все равно он продолжал биться левой рукой, и нам удалось спастись.

— Кто эти саксы? Разбойники? Такая серьезная рана должна бы вывести его из строя, а для большинства была бы смертельной.

— Мы с ним крепкая парочка. Но хватит про нас. Как тебе случилось выйти из дому в темную пору, Свобода Володаровна? Ты явно не из тех, для кого это дело привычное. Чистое везение, что мы с Руфусом оказались неподалеку. Задержались, выпивая с одним русским купцом, с которым познакомились накануне, наконец пожелали ему спокойной ночи, поскольку нам вставать спозаранку, пошли к себе, и вот... Сдается, сам Господь не допустил, чтобы достойную госпожу, как ты, постигло гнусное посягательство.

Вино возбуждало ее, отдаваясь жаром в крови. Она не забыла советов Глеба держаться настороже, но как-то само собой получилось, что рассказала Кадоку не меньше, чем Глеб Ольге Борисовне и, надо полагать, Игорю Олеговичу. Точные негромкие вопросы собеседника делали задачу совсем не сложной.

— Выходит, — вымолвил он наконец, — мы спасли тебя от позора. Пьяный наемник отделал бы тебя так, что тебе нипочем не скрыть бы от других тяжкую правду, а может, он и вовсе замучил бы тебя насмерть. — Кадок помолчал. — А так ты можешь сказать своей хозяйке и повторить тому, кто выступает твоим попечителем, что забылась в молитве и задержалась в церкви допоздна.

Она возмутилась:

— Неужели я должна им лгать? У меня есть понятие о чести!

— Перестань, — усмехнулся он. — Ты ведь не вчера родилась и не в обители выросла. — Она не вполне поняла, какую обитель он имеет в виду, но общий смысл его слов был ясен. — Разве тебе в жизни не случалось убедиться, что ложь, безвредная ложь может служить щитом против непоправимой беды? Зачем же ставить доброго Глеба, который так о тебе печется, в неловкое положение? — И дерзко: — Доставив портовому посреднику замечательную новую жену, Глеб может в дальней-

шем рассчитывать на самые выгодные сделки. Не порти ему песню, Свобода!

Чтобы скрыть смущение, она выпила вино до капли. Кадок без промедления наполнил чарку опять и сказал:

— Я все понимаю. Ты молода, а молодость тяготеет к самообману. Тем не менее, раз ты решилась начать новую жизнь, отличную от прежней, значит, в тебе есть воображение и смелость, каких и среди мужчин поискать. Будь умницей, как тебе и пристало...

В душе вдруг поднялось давнее чувство одиночества. Впрочем, она выучилась искать и находить в этом чувстве отрадную сторону.

— Ты говоришь почти как мой дедушка. Сколько тебе лет?

Он ответил шутливо:

— Еще не совсем сносился...

Ей страстно захотелось выяснить все доподлинно. Она наклонилась к Кадоку, прекрасно сознавая, что открывает ему свою грудь. Вино шумело в голове, как пчелы на цветочном лугу.

— Ты так ничего и не сказал о себе. Кто ты и что ты?

Про себя она подумала: князь, боярин, какого пристало звать по имени-отчеству? Побочный отпрыск лесных богов?

— Просто торговец, — ответил он. — Ходил сюда много лет, пока не сколотил состояние, чтоб обзавестись собственным кораблем. Торгую добрым товаром — янтарем и мехами с севера, платьем и лакомствами с юга, товаром дорогим, но не тяжелым и не обременительным. — Возможно, вино слегка подействовало и на него, и он добавил вроде бы некстати и чуть слышно: — Что позволяет мне встречаться с людьми самого разного звания. Люди занимают меня.

— Из каких ты краев?

— Прибыл сюда через Новгород, как все торговцы из моих мест, — рекой, озером, волоком. Теперь меня ждет великий Днепр с его порогами — там самый трудный из всех волоков, и надобна воинская защита, чтоб отбиваться от степных налетчиков. А потом море и, наконец, Константинополь. Не то чтоб я предпринимал такую дорогу каждый год, — как ни говори, прогулка неблизкая. Обычно я гружу здесь товар на корабли, а сам возвращаюсь в Швецию, Данию, иной раз в Англию. Тем не менее люблю и хочу путешествовать столько, сколько могу. Удовлетворил ли я твое любопытство?

Она отрицательно покачала головой:

— Нет. Я желала знать, к какому ты принадлежишь народу.

Он ответил с заметной осторожностью:

— Мы с Руфусом... наш народ называет себя валлийцами. Это на том же острове, что и Англия. Может, мы — последний осколок прежней Британии, и хорошо уже то, что никто в моих краях не примет меня за англичанина. Руфусу все равно, где жить, да он так привык подчиняться мне и обходиться прозвищем, что и сам уж забыл, как его звали когда-то. А меня, если полностью, зовут Кадок ап Рыс.

— Никогда не слышала о землях, какие ты назвал.

— Понятно, — вздохнул он. — Я и не ожидал, что слышала.

— Подозреваю, что ты странствовал даже больше, чем рассказал мне.

— Верно. Странствовал я много.

— Завидую, — вырвалось у нее. — Как я тебе завидую!

Он приподнял брови.

— Ты серьезно? Странствовать — это тяжкий удел, зачастую опасный и заведомо одинокий.

— Зато ты вольная птица. Сам себе господин. Если б я только могла путешествовать свободно, как ты!..

В глазах защипало. Сглотнув, она постаралась сдержать слезы, не дать им выплеснуться. Он посерьезнел и, в свою очередь, покачал головой.

— Ты не знаешь, Свобода Володаровна, какая участь ждет женщин, увязавшихся за бродягами. Я, к сожалению, знаю.

Внезапно ее осенило.

— Ты не женат, Кадок, — вымолвила она, слегка запнувшись. — Почему?

— Бери от жизни лучшее, что она тебе предлагает, и не жалуйся. — Это прозвучало как совет. — Все мы пленники своей судьбы, только каждый по-своему.

— И ты в том числе...

Силы оставят тебя, подумала она, гордыня поникнет, а еще мгновение — и ляжешь ты в сыру землю, и самое имя твое забудется, унесет его ветер, как пылинку. Он поморщился:

— Похоже на то...

— Я тебя не забуду! — воскликнула она.

— Что?

— Я... Да нет, ничего. Я взволнована, устала и, наверное, чуть-чуть пьяна.

— Не хочешь ли поспать, пока одежда не будет готова? Я тебя не побеспокою... Свобода, ты плачешь?

Кадок обошел стол и, наклонившись, обнял ее за плечи.

— Прости меня. Я слабая и глупая. Сама не своя, пожалуйста, поверь мне, сама не своя.

— Ну конечно, конечно, милая искательница приключений. Я все понимаю.

Его губы коснулись ее волос. Она безрассудно подняла к нему лицо, догадываясь, нет, точно зная, что сейчас он ее поцелует. Поцелуй был нежен. Слезы сделали его соленым, как море.

— Я тоже человек честный, — произнес он у самой ее щеки. Каким теплом веяло его дыхание, каким теплым было тело! — Я тебя ни к чему не принуждаю...

— Меня не придется принуждать, — услышала она свой голос будто со стороны, сквозь раскаты ласкового грома.

— Как рассветет, я уплыву в дальние края, а тебя, Свобода, ждет замужество...

Она удержала его, крепко вцепившись ногтями в кафтан, и шепнула:

— Я уже была замужем трижды, а иногда на весеннем празднике Купалы, на озерном бережку... Да, Кадок, да!..

На миг ей почудилось, что она проболталась. Теперь придется искать какие-то ответы на неизбежные вопросы, а голова идет кругом... Но он просто подал ей руку, словно поднял ее, и пошел рядом с ней к постели.

А потом... потом ей вновь казалось, что она грезит. Желание слиться с ним захлестнуло ее, как волна. Если она вообще предвидела что-нибудь, то лишь утоление жажды. Он не отличается могучим сложением, но, вероятно, силен и выдохнется не сразу, утомив ее довольно, чтоб она провалилась в сон. Однако он долго-долго снимал с нее платье, затем неспешно подсказывал, как помочь снять его собственное одеяние, и каждую минуту его руки и губы знали, что им делать и чего избегать; и когда он возложил ее на кровать, которая могла бы быть и пошире, прикосновения, ласки и поцелуи не кончались, пока она не взмолилась вслух, чтоб он раскрыл небеса и возжег солнце.

А позже они ласкали друг друга, смеялись, шутили, а чтобы было не так тесно, спустили на пол две соломенные подстилки и опять резвились, дурачились, любили друг друга — его голова покоилась меж ее грудей, а она требовала, чтоб он брал ее снова и снова, он клялся, что никогда не встречал такой женщины, как она, и пожар разгорался еще ярче оттого, что она ему верила...

...Оконное стекло начало сереть. Свечи стаяли до огарков, от них исходил горький дымок, и она стала наконец ощущать, что в комнате прохладно.

— Я провожу тебя, — сказал он в ее объятиях.

— Погоди еще немножко, — попросила она.

— Близится час отплытия. А тебя ждет твой собственный мир. И сперва тебе надо отдохнуть, Свобода, милая.

— Я притомилась, будто десять полей вспахала, — призналась она шепотом. Хихикнула: — А ведь пахал-то ты! Негодник, отделал меня так, что я теперь и ходить вряд ли смогу... — Она ткнулась носом в шелковистую бороду. — Спасибо тебе, спасибо...

— Я тоже засну без задних ног, дай только добраться до корабля. Потом проснусь и сразу же вспомню тебя. И буду хотеть тебя снова, Свобода. Но уж такова цена, и ее придется платить...

— Вот если бы...

— Я уже говорил тебе: торговые пути в наши дни негостеприимны для женщины.

— А когда распродашь весь товар, то вернешься к себе домой, да?

Он резко сел, и его лицо посерело под стать рассвету.

— У меня нынче нет дома, и я не смею завести новый. Ты не поймешь. Вставай, надо спешить. И давай не будем омрачать унынием того, что случилось...

Она немо ждала, пока он оденется и сходит к Руфусу за ее платьем. Пусть неохотно, но пришлось признаться себе, что Кадок прав: продолжение невозможно или, по меньшей мере, оно окажется слишком кратким и не принесет ничего, кроме боли. Пусть он не догадывается о причинах своей правоты, это ничего не меняет.

Платье после стирки было влажным и липло к телу. Ладно, если повезет, удастся как-нибудь пробраться к себе в комнатку незамеченной...

— Хотелось бы подарить тебе синее шелковое. Может, ты придумаешь какое-то объяснение? Нет? — Пусть лучше вспомнит о ней, когда отдаст синий шелк другой девице в иных краях... — Позавтракать вместе и то не получится, времени в обрез. Пойдем!

Конечно, она ощущала голод, и утомление, и болезненную истому. И даже, пожалуй, радовалась этому — так легче вернуться душой к привычному укладу.

Улицы застилал густой туман, глушащий шаги. На востоке, там, где остались родные леса Свободы, поднималось солнце. Она шла рядом с Кадоком, рука в руке. Впрочем, на Руси это было в обычае и ничего особенного не означало. Никто со стороны не мог заметить, что руки то и дело сжимаются в ласковом пожатии, — да на улицах в такой час почти никого и не было.

И все же попался прохожий, у которого Кадок выяснил, как выйти к дому Ольги. Еще сотня шагов — они остановились у цели, и он сказал:

— Будь счастлива, Свобода...

— И тебе того же желаю...

— Я буду вспоминать тебя, — он улыбнулся, но улыбка получилась вымученной, — чаще, чем посоветовал бы мудрец...

— Я запомню тебя навсегда, Кадок, — откликнулась она. Он взял обе ее руки, склонился над ними, выпрямился и безмолвно пошел прочь. Не прошло и минуты, как туман поглотил его, и она повторила в пустоту: — Навсегда...

Она не сразу нашла в себе силы двинуться с места. Небо над головой прояснялось, синея. Солнечный луч сверкнул на крыльях сокола, вылетевшего спозаранку на охоту. А может, мелькнула мысль, это к лучшему, что было то, что было, и дальше не будет ничего. Мне выпал вольный миг, позволивший хоть ненадолго сбросить груз прожитых лет...

Троих мужей довелось мне похоронить, размышляла Свобода, и каждый раз, когда гроб опускали в землю, я провожала их с прощальной молитвой — и с облегчением: ведь к тому времени они увядали и становились немощны. Мужчины, некогда гордо стоявшие рядом со мной на свадьбе, обращались в старцев. А Ростислав — тот перед смертью дивился на меня, пялился, обвинял в смертных грехах и бил, как только напьется... Но всего хуже было хоронить детей. Не тех, что умирали в младенчестве, таких было много, но я же их толком и не успевала узнать. И мой первый внук умер, не успев подрасти. А внучка Светлана выросла, стала женщиной и женой, однако мой правнук убил ее при родах...

И это была последняя капля, последняя из скорбей. Односельчане, включая моих детей, больше не могли выносить того, что я, одна я, не ведаю достойной старости. Они страшились меня и, в конце концов, возненавидели. А я, со своей стороны, не могла больше выносить их ненависть. Я бы, наверное, не возражала, если б они заявились ко мне с топорами и дубинами, чтоб оборвать опостылевшую мне жизнь.

И только Глеб Ильин, невзрачный, жадненький Глеб — он один набрался мужества увидеть во мне не чудище, не дитя богов и не исчадие сатаны, а женщину, обиженную судьбой, самую несчастную из всех когда-либо живших на земле. Хотела бы я вознаградить его не одним серебром, искренне хотела бы. Такой уж у меня удел — хотеть того, чего не может быть...

Глеб, именно Глеб указал мне тропку, как жить дальше. Я стану Игорю Олеговичу лучшей женой, чем была ранее. А когда годы возьмут свое, я опять подружусь с кем-нибудь вроде Глеба, и он найдет мне новое поселение, где я начну сначала. Вдова, похоронившая мужа — одного мужа! — вправе снова выйти замуж, и если удалиться далеко от прежних мест, никто не усмотрит во мне ничего необычного и не задаст вопросов, на которые я не смею ответить. Разумеется, я позабочусь, чтобы дети, когда настанет срок их покинуть, жили в достатке. Матерью я тоже буду лучшей, чем была ранее.

На губах блеснула улыбка. Кто знает? Рано или поздно мне может встретиться муж, похожий на Кадока...

Платье липло к телу, с него капало. Свобода почувствовала, что продрогла, встрепенулась и не спеша подошла к двери.

Глава 7

ОДНОГО ПОЛЯ ЯГОДЫ

1

Привычки умирают нехотя, да и потом, случается, восстают из могилы.

— Что ты, в сущности, знаешь об этой шлюхе, Луго?

Руфус задал вопрос на латыни, какой никто не слышал на протяжении многих столетий и какую не поняли бы даже самые просвещенные священники Запада. И на имя «Луго» Кадоку не случалось откликаться давным-давно. Он ответил по-гречески:

— Почаще говори на живых языках. И думай о том, как выражаешься. Ты выбрал словечко, вряд ли подходящее для самой модной и дорогой куртизанки Константинополя...

— Шлюха — она и есть шлюха, — повторил Руфус упрямо, хоть и перешел на современный язык Византии. — Ты занят тем, что расследуешь все с ней связанное, расспрашиваешь людей, выслушиваешь, сопоставляешь, и так с самого нашего приезда сюда. Неделя за неделей. А что остается делать мне? Ковырять в носу? — Он бросил взгляд на культю своей правой руки. — Когда мы займемся, наконец, каким-нибудь делом?

— Может, скоро, — спокойно ответил Кадок. — А может, и нет. Зависит от того, что еще удастся выяснить относительно милой Атенаис. Если удастся. Конечно, есть и другие

«если». Мне давно пора сменить имя и личность, а нам обоим — сменить занятие. Торговля с Русью все быстрее и быстрее катится в пропасть.

— Не повторяйся, ты мне этим уже все уши прожужжал. Да я и сам не слепой. Лучше расскажи мне про эту женщину. Я ведь, в отличие от тебя, почти ничего о ней не знаю.

— Я молчал потому, что ты не наделен терпением и не умеешь сохранять выдержку в случае разочарования...

Подойдя к единственному окошку, Кадок выглянул наружу. С улицы плыл летний зной с запахами дыма, дегтя, навоза и чуть заметной примесью более тонких ароматов, со скрипом колес, цокотом копыт, шарканьем ног, гулом голосов. Отсюда, с третьего этажа постоялого двора, открывался вид поверх крыш на городскую стену с воротами и на гавань Контоскалиона. От причалов к небу тянулись мачты, а дальше сверкало Мраморное море и на его синеве плясали суда и суденышки всех размеров — от неуклюжих лодчонок, напоминающих миски, до солидных грузовозов под парусами и военных галер, вскидывающих весла с парадной четкостью. Было трудно вообразить себе и тем более поверить, что над всем этим великолепием уже нависла тень упадка.

— Но, пожалуй, — продолжал Кадок, сведя руки за спиной, — теперь я могу рассказать тебе, что мне известно. Есть надежда как раз сегодня довести дело до конца или выяснить, что я шел по ложному следу. Как водится, след был до безумия слабым: кто-то когда-то сообщил мне, что еще кто-то рассказал ему, что... А когда я с превеликим трудом разыскивал этого еще кого-то — он ведь тоже не сидел на месте, — то выяснялось, что он сам ничего толком не помнит, рассказывал с чужих слов, а с чьих именно, уже забыл. Ну да ладно... В общем, Атенаис — лишь последнее из ее имен. Удивляться особенно нечему: менять имена — в ее профессии дело обычное. И, конечно, она не заинтересована в том, чтобы сведения о ее прошлом стали общим достоянием. Она ведь не всегда была любимицей всего города. Мне удалось выяснить, что раньше она подвизалась под именем Зои в одном из лучших борделей Галаты, и я почти уверен, что еще раньше она жила на этой стороне Золотого Рога, в квартале Фанар. Тут она звалась Евдоксией и элегантностью не отличалась. Еще более ранняя информация смутна и недостоверна. Те, кто мог бы что-то рассказать, в большинстве своем умерли или испарились каким-либо иным образом.

Линия ее поведения все эти годы оставалась неизменной, — подвел итог Кадок, — внешне доступная, любезная, но на деле скрытная особа, избегающая сутенеров, в худшем случае

готовая откупиться от них и не тратящая на собственные прихоти больше, чем совершенно необходимо. Она не транжирит, а откладывает, — подозреваю, помещает деньги под проценты с расчетом продвинуться еще на ступеньку вверх. Сейчас она независима и даже влиятельна, располагает связями и, вне сомнения, очень много знает. И... — Он не забыл, как долог и скучен был поиск, он прилагал все силы, чтобы голос оставался спокойным, и все же ощутил внутреннюю дрожь, возбуждение, достающее до затылка и кончиков пальцев. — Понимаешь, Руфус, след тянется в прошлое по меньшей мере лет на тридцать, а то и на все пятьдесят. И все это время она оставалась молода и прекрасна...

— Да знаю я, знаю, за чем ты охотишься, — откликнулся рыжебородый, к собственному своему удивлению, сдавленно и тихо, — но, признаюсь, давно потерял надежду, что ты когда-нибудь кого-нибудь найдешь.

— Я тоже почти потерял. Семь столетий с тех пор, как я наткнулся на тебя, и больше ни на кого ни до, ни после, несмотря на все поиски. Воистину надежда стала тоньше волоса. Но, может быть, сегодня, наконец... — Кадок встряхнулся, обернулся к Руфусу, рассмеялся. — Через час мне назначена встреча у нее дома. Страшно признаться, какую сумму пришлось выложить за два-три часа!

— Будь осторожен, — буркнул Руфус. — Шлюха — она и есть шлюха. А я уж пойду поищу себе развлечений подешевле, ладно?

Повинуясь внезапному побуждению, Кадок полез в сумку и вручил Руфусу пригоршню серебра.

— Добавь это к собственным деньгам, и желаю тебе приятно провести время, старина. Жаль, что ипподром сейчас закрыт, но ты наверняка знаешь местечки, где показывают похабщину, не рассчитанную на изысканные вкусы. Только держи язык на привязи.

— Чему-чему, а этому ты меня научил. Развлекайся. Надеюсь, капитан, она действительно окажется той, кого ты ищешь. Обязательно потрачу часть денег на то, чтобы купить тебе достойный талисман...

Право же, большего участия от флегматичного Руфуса ожидать не приходилось. Ну что с него взять, подумал Кадок, у него просто не хватает мозгов сообразить, что значит найти еще одного бессмертного и тем паче бессмертную. Но если это до него не доходит сейчас, — может, дойдет потом? Как будто, перебил себя Кадок, мне самому ясны последствия в полной мере...

Руфу́с отправился восвояси. Кадок снял с вешалки расшитую накидку и надел ее поверх тонкой льняной рубахи и далматинского плаща, усыпанного драгоценными камнями; на ногах у него были туфли с загнутыми носами, сшитые мастерами из дальней Кордовы. Даже на дневное свидание с Атенаис следовало нарядиться как подобает.

Борода была заранее сбрита, волосы коротко острижены. Свободно говорящий по-гречески, вдосталь побродивший по городу и хорошо знакомый со всеми его закоулками, он сошел бы за византийца, просто не хотел рисковать без крайней нужды. Русским купцам — он до сих пор числился среди них — полагалось останавливаться в пригороде святого Мамо, на галатской стороне Рога, днем пересекать залив по мосту Блачерне, а ввечеру возвращаться обратно. Потребовалась крупная взятка, как и долгие уговоры, чтобы добиться разрешения поселиться на постоялом дворе. Да я вовсе не урус, убеждал он чиновников, и вообще намерен уйти от торговли на покой. Оба утверждения соответствовали истине: он уже предпринял шаги — конечно, обманные, но внешне благопристойные — к тому, чтобы затеять здесь, в Константинополе, новое дело, небезвыгодное как для власть имущих, так и для него лично. За прожитые века волей-неволей усвоишь науку увещевания, тем более если имеешь к тому врожденный талант. Заодно он обрел и свободу рук для успешного ведения расследования относительно Атенаис.

Улицы были полны шумным движением. То поднимаясь по ним круто вверх, то спускаясь вниз, он выбрался на Мезе — большую магистраль, пересекающую город из конца в конец. Справа внизу вздымалась колонна, увенчанная конной статуей Юстиниана, а за ней вдали просматривались императорский дворец за высокой оградой, здания суда и сената, ипподром, купола Святой Софии, сады и величественные строения Акрополя — памятники, возведенные трудом бесчисленных быстротечных поколений.

Он свернул с Мезе налево. Блеск города не угас и в боковом проезде, просачивался из-под сводчатых аркад. Люди простого звания — мастеровые, носильщики, извозчики, крестьяне из пригородов, священнослужители низших степеней — были здесь почти не заметны. Даже лоточники и бродячие зазывалы, нахваливающие всяческие забавы, щеголяли в ярких одеждах; даже рабы носили красочные именные ливреи своих хозяев. Пронесли вельможу в паланкине; в винарнях гикали и бесились юные прожигатели жизни; сверкая кольчугами, протопал отряд стражников; вслед за скороходом, покрикивающим на

встречных, а то и расталкивающим их, проследовал офицер на лошади в сопровождении тяжело вооруженных пеших воинов; под порывами морского ветра трепетали стяги, развевались плащи и шарфы. Новый Рим казался нескончаемо молодым. Религия здесь не вступала в спор с коммерцией и дипломатией, и в городе было полно иноземцев — вежливых мусульман-сирийцев, грубоватых католиков-норманнов, посланцев еще более дальних и диковинных земель. Кадоку было в радость затеряться в этом человеческом половодье.

Площадь Феодосия он пересек по диагонали, не обращая внимания ни на торговцев, истошно славящих свой товар, ни на нищих, расписывающих свои несчастья. В том месте, где акведук Валента перекинулся над лощиной, укрытой сплошным ковром крыш, пришлось на мгновение задержаться и перевести дух. Перед Кадоком раскинулась широкая панорама — крепостные валы и укрепления, ворота Друнгари, Золотой Рог, живущий своей кипучей жизнью, а за ним холмы, зеленые от садов, с белыми искрами построек Перы и Галаты. И над всем этим живой метелью носились чайки. Богатую гавань всегда можно отличить по числу чаек, мелькнула мысль. Но долго ли еще суждено таким несметным их стаям кормиться и парить здесь?

Подавив печальные мысли, Кадок двинулся дальше на север, уже под гору, и вскоре нашел желанный дом. Снаружи дом был непритязательным — трехэтажное, стиснутое соседними стенами жилище розоватой окраски. Но для одинокой женщины с прислугой места, конечно, хватает — и для пирушек, где ей неизменно отводится роль царицы, тоже.

Дверной молоток с наковаленкой в форме раковины. Сердце в груди дало чуть заметный сбой: известно ли хозяйке, что раковина, этот христианский символ паломничества, некогда была знаком ассиро-вавилонской богини Астарты? Он взялся за молоток пальцами, влажными от пота.

Дверь отворилась, и Кадок очутился лицом к лицу с привратником-негром, совершенным великаном, одетым в свободную рубаху и штаны на азиатский манер. Прекрасный образчик мужской породы, скорее всего не раб, а наемник, несомненно, способный мгновенно унять всякого, чье присутствие хозяйка сочтет нежелательным.

— Да пребудет с тобой Христос, господин. Разреши узнать, что тебе угодно?

— Мое имя Кадок ап Рыс. Госпожа Атенаис ожидает меня.

С этими словами посетитель предъявил кусочек пергамента, выданный ему посредницей, как только требуемая сумма была

уплачена сполна. Сводня удостоверилась, что претендент располагает деньгами и притом достаточно воспитан, и все равно решила, что не сможет допустить его к госпоже раньше, чем через неделю. Привратнику Кадок сунул золотой византин — жест, пожалуй, несколько расточительный, но долженствующий произвести впечатление.

Что и удалось — почтительное отношение к гостю было обеспечено. Его провели через приемную, украшенную сдержанно эротическими сценами, сквозь толпу хорошеньких щебечущих девчушек и мимо двух евнухов, а затем по широкой лестнице во внешнюю комнату хозяйских покоев. Здесь стены были затянуты красным бархатом над цветистым восточным ковром. На столике, инкрустированном слоновой костью, стояли графин с вином, бокалы узорчатого стекла, вазы со сладостями, хурмой, апельсинами. В маленькие оконца проникал тусклый свет с улицы, но, кроме того, в каждом из множества подсвечников горели свечи. Золотая курильница источала сладкий аромат. В серебряной клетке сидел жаворонок.

И тут же была Атенаис, перебирающая струны арфы. При виде гостя она отложила инструмент и промолвила:

— Приветствую тебя, господин Кадок из дальних стран. — Голос у нее был негромкий, тщательно поставленный, едва ли менее музыкальный, чем только что угасшие звуки струн. — Вдвойне приветствую, если ты принес новости о чудесах света, желанные, как свежий ветер.

Он поклонился:

— Моя госпожа чересчур любезна по отношению к бедному страннику.

В то же время он оценивал ее неотрывно и пристально, как мог бы оценивать врага. Она расположилась на белой с золотом кушетке в платье, которое почти ничего не открывало, зато оттеняло все, что хотело оттенить. Из драгоценностей на ней были браслет, а еще подвеска и три кольца, тонкие, но изящной работы. У нее хватало ума подчеркивать не столько свое богатство, сколько индивидуальность и характер. Формы у нее были великолепными, пышными в восточном вкусе, но за этой пышностью угадывались и гибкость, и сила. А лицо он без колебаний мог бы назвать прекрасным: прямой нос, полные губы, карие глаза под ровными дугами бровей, сине-черные волосы, пышно взбитые вокруг смуглого лба и щек. И все-таки не красота сама по себе привела ее сюда, в эти покои, а знание людей, ловкость, восприимчивость, добытые опытом... очень ли долгим опытом?

Ее смех прозвенел, как колокольчик.

— Бедные сюда не попадают. Подойди, сядь, подкрепись. Давай познакомимся...

Ему доводилось слышать, что она никогда не торопится в спальню, разве что по настойчивому требованию клиента, но у таких торопливых мало шансов попасть сюда снова. Предварительная болтовня и флирт — часть удовольствия, необходимая, чтобы финальная его стадия стала незабываемой.

— Я и впрямь видел немало чудес, — объявил Кадок, — но самое дивное из всех вижу сейчас.

Позволив слуге снять с себя верхнюю одежду, он присел с нею рядом. Появилась девчушка, опустилась на колени, наполнила бокалы. По мановению пальчика Атенаис все прислужники с поклоном удалились. Она прошептала, одарив его легким трепетом ресниц:

— Оказывается, иные гости из Британии бывают более утонченными, чем можно бы ожидать, исходя из общей на их счет молвы. Ты сейчас прямо оттуда?

Он уловил остроту притворно-скромного взгляда, каким она одарила гостя, и понял, что Атенаис, в свою очередь, примеривается к нему. Если ему хотелось когда-нибудь встретить женщину, у которой на уме больше, чем на языке, — вот именно то, что надо. Следовательно...

Сердце снова дало перебой. Только выдержка, накопленная в течение столетий, дала ему возможность спокойно вернуть взгляд, отхлебнуть выдержанного вина и улыбнуться.

— Нет, — произнес он. — Я не бывал в Британии — в Англии и Уэльсе, как они теперь именуются, — уже довольно давно. И я не уроженец этой страны, хоть и назвал ее родиной, когда твоя приспешница спросила меня о том. Но я не родился там, да и ни в одной другой стране из существующих ныне. В мое последнее пребывание в этом городе мне случилось узнать о тебе. Что и заставило меня вернуться сюда при первом же удобном случае...

Она почти собралась что-то ответить, но сдержалась и просто продолжала сидеть, настороженная как кошка. Разумеется, она оказалась слишком умна, чтобы кокетливо воскликнуть: «Льстец!..» Он усмехнулся не сильнее, чем разрешил себе.

— Смею заметить, что твои... посетители... некоторые из них подметили кое-какие странности. Ты даришь им счастье или нет в зависимости от собственного расположения. Чтобы добиться подобной независимости, нужно было выдержать длительную жестокую борьбу. Ну что ж, в таком случае не согласишься ли ты на мой каприз? Каприз совершенно безобидный. Я хочу всего-навсего поговорить с тобой, и то не слишком

долго. Мне хотелось бы поведать тебе одну историю. Возможно, она тебя развлечет. Ты не против?

Она не сумела, вернее, не вполне сумела скрыть, что напряжена.

— Мне, господин, на моем веку довелось выслушать немало историй. Однако послушаю и твою...

Он откинулся назад и позволил словам течь плавно. Смотрел он строго перед собой, наблюдая за Атенаис лишь уголком глаза.

— Давай отнесем это к россказням, какими моряки любят потчевать друг друга на спокойной вахте или в таверне на берегу. История тоже касается морехода, хотя впоследствии он знавал множество разных занятий. Он полагал себя обычным сыном своего народа. Да и другие думали так же. Но капля за каплей, год за годом за ним начали подмечать кое-что странное. Он никогда не болел и, более того, не старел. Жена его состарилась и, в конце концов, умерла, выросли и поседели их дети, у тех завелись свои дети и в свой срок завели собственных детей, и все платили естественную дань времени, кроме него самого. А он не менялся ни на йоту с тех пор, как вступил в свой третий десяток. Ну не удивительно ли это?

Кадок видел, что завладел ее вниманием, и даже испытал что-то очень похожее на торжество: она не сводила с него глаз.

— Сперва казалось, что его особо отметили боги. Однако ему не были дарованы никакие особые силы, и никаких примечательных подвигов он тоже не совершал. Он делал щедрые приношения, а позже, когда впал в отчаяние, советовался с самыми дорогими магами, но на него не снизошло откровение, и не было ему утешения, когда тех, кого он любил, уносила смерть. А окружающие начали мало-помалу испытывать по отношению к нему благоговейный страх, затем этот страх постепенно перешел в зависть, отвращение и, наконец, ненависть. Что такого он сделал, чтобы заслужить подобное проклятие? Разве он продал душу в обмен на такую судьбу? И во что превратился он сам — в колдуна, демона, в живой труп? Он едва избегнул соблазна покончить с собой. В конце концов власти решили предпринять расследование, и он бежал, догадываясь, что его будут подвергать допросам под пыткой, пока не замучают до смерти. Он ведь знал, что его можно ранить, и не сомневался, что, хотя легкие раны заживляются быстро, по-настоящему серьезное увечье окажется для него смертельным точно так же, как для любого другого. Да, он был мучительно одинок,

и все-таки в нем не гасли свойственные молодости жажда жизни и желание наслаждаться ею, несмотря ни на что.

Он выдержал паузу. Она не нарушала молчания.

— Столетие за столетием он скитался по всей земле. Случалось, и часто, что тоска пересиливала осторожность и он оседал где-нибудь, женился, заводил семью, жил, как простые смертные. Но неизменно был обречен потерять все, чем дорожил, и, прожив оседло не дольше, чем отпущено смертному, исчезнуть. А затем приходилось вновь менять занятия, выбирая по преимуществу такие, в которых появление новых лиц — дело обычное. Например, морящкое ремесло, знакомое ему с юности. Бродя по свету, он повсюду искал себе подобных. Неужели он один такой во всем мироздании или есть и другие, но их чрезвычайно мало? Если несчастье или злой умысел не погубили их в расцвете сил, они вынуждены, как он сам, держаться в тени. Но коли так каким образом он может обнаружить их или они его?

Еще минута молчания.

— И если его жизнь тяжка и исполнена риска, насколько же труднее была бы подобная участь для женщины! Чем прикажете ей заниматься? Ясно, что уцелеть сумели бы лишь самые сильные, самые умные. Как выжить вечно молодой женщине, как?.. Но представляется ли эта головоломка занимательной для моей госпожи?

Он отхлебнул еще вина, — может, на дне бокала найдется хоть капля спокойствия. Она смотрела вдаль, поверх его головы. На сей раз молчание тянулось долго. Наконец она вздохнула, вновь встретилась с ним глазами и неспешно сказала:

— Любопытную сказку поведал ты, господин Кадок. Действительно любопытную...

— Сказку, именно сказку, моя госпожа, чтобы позабавить тебя. Мне вовсе не хотелось бы, чтобы меня упрятали в клетку как сумасшедшего.

— Понимаю. — По ее лицу скользнула тень улыбки. — Но умоляю тебя, продолжай. Удалось ли этому неумирающему когда-либо встретить себе подобных?

— Об этом еще пойдет речь, моя госпожа.

Она кивнула:

— Допустим. Тогда расскажи подробнее про него самого. Покамест он остается для меня призраком. Когда он родился и где?

— Представим себе, что это произошло в древнем Тире. Он был мальчиком, когда царь Хирам помогал царю Соломону возвести храм в Иерусалиме.

— О, как давно! — задохнулась она.

— Да, примерно две тысячи лет назад. Он сбился со счета, а когда пытался навести исторические справки, сведения оказывались слишком отрывочны и противоречивы. Но разве это имеет значение?

— А случилось ли ему, — осведомилась она шепотом, — видеть Спасителя?

Он опечаленно покачал головой:

— Нет, в те годы он скитался в иных местах. Однако он видел пришествие и гибель многих богов. И тем более многих королей и народов. Волей-неволей ему приходилось жить с ними и среди них, принимать обычные для них имена, пока они в свой срок не уходили со сцены. Сам он потерял счет собственным именам, как и годам. Он звался Ханно и Итобаал, Снефру и Фаон, Шломо и Рашид, Гобор и Флавиус Луго — и другими именами, каких и не упомнишь.

Она выпрямилась, будто готовясь прыгнуть — то ли к нему, то ли от него. И спросила низким голосом:

— А не было ли среди этих имен имени Кадок?

Он не шевельнулся, остался сидеть откинувшись, но теперь смотрел ей прямо в глаза. И ответил:

— Все может быть. Точно так же, как женщина могла прежде зваться Зоей, а до того Евдоксией, а до того... не исключаю, что можно выяснить и более ранние имена.

Ее сотрясла внезапная дрожь.

— Чего же ты от меня хочешь?

Он бережно опустил бокал на столик, послал ей улыбку, поднял руки ладонями вверх и сказал мягко, как только мог:

— Того, что ты сама выберешь. Может, и вовсе ничего. Даже если предположить, что я хотел бы тебя к чему-то принудить — а это не так, — на что я, в сущности, способен? Раз безвредные безумцы тебе не по нраву, никто и ничто не в силах заставить тебя увидеться со мной или хотя бы услышать обо мне снова.

— Но что... что ты готов мне предложить?

— Разделенную и стойкую преданность. Помощь, совет, защиту, конец одиночества. Я неплохо освоил науку выживания и ухитрялся по большей части преуспевать. Мне удалось приготовить себе убежища и отложить кое-что про запас на случай ненастья. В настоящее время я располагаю скромным состоянием. Еще важнее, что я храню верность друзьям, а для женщины хотел бы быть любовником, а не повелителем. Кто знает, а вдруг дети двух бессмертных, в свою очередь, окажутся обойденными смертью?

Она какое-то время пристально присматривалась к нему.

— Однако ты всегда держишь какие-то козыри про запас, не так ли?

— Давняя финикийская привычка, подкрепленная годами бесприютной жизни. Но от нее можно и отучиться.

— Я бы никогда так не сумела, — прошептала Атенаис, приникая к нему.

2

Они отдыхали, раскинувшись на подушках огромной кровати, и разговор тек все свободнее, распускаясь, как цветок по весне. Если руки, касающиеся другого тела, время от времени как бы теряли жар, то все равно оставались нежными. Томная усталость казалась естественной на фоне слабеющих благовоний и просыпающейся любви. И все же разум пробуждался быстрее, чем плоть. Слова были тихими, тон ласковым.

— Четыреста лет назад я звалась Алият из Пальмиры, — сказала она. — А ты, в своей древней Финикии?

— От рождения меня называли Ханно. Я и потом использовал это имя чаще всего, пока оно не умерло на всех языках.

— Что за приключения тебе, должно быть, пришлось пережить!

— Как и тебе...

Она поморщилась.

— Я предпочла бы умолчать о них.

— Тебе что, стыдно? — Положив палец ей под подбородок, он повернул ее лицом к себе и веско произнес: — Нечего стыдиться. Мы выжили, ты и я, используя те средства, какие были необходимы. Теперь все это позади, и пусть прежняя жизнь канет в Лету, как развалины Вавилона. Надо думать не о прошлом, а о будущем.

— Ты... ты не находишь меня... ужасной грешницей?

Он ответил со смешком:

— Подозреваю, что, если бы мы оба честно открыли друг другу все свое прошлое, потрясена была бы ты, а не я.

— И ты не боишься Божьего гнева?

— На своем двухтысячелетнем веку я усвоил многое, но ни о каких богах не узнал ничего, кроме того, что они, как люди, рождаются, преображаются, а потом стареют и умирают. Кто бы ни был там, за пределами неба, — если там есть вообще кто-нибудь, — не похоже, чтобы мы его очень интересовали.

У нее на ресницах затрепетали слезы.

— Ты сильный. Ты добрый. — Она прижалась к нему теснее. — Расскажи мне о себе.

— Рассказ поневоле получится долгим. А мне хочется пить.

Она потянулась к колокольчику на краю стола и позвонила, молвив с мимолетной улыбкой:

— Вот уж этому горю можно помочь. В сущности, ты прав. У нас впереди вечность, о прошлом успеется. Расскажи мне хотя бы о нынешнем своем «я» — о Кадоке. Мне же надо понять его, чтобы строить какие-то совместные планы.

— Ну что ж, это началось, когда старый Рим отступил из Британии... Нет, погоди, я от радости совсем обеспамятел. Сперва я должен рассказать тебе о Руфусе...

Вошла служанка, потупила взор, хотя вид двух обнаженных тел на постели ее, по-видимому, не слишком смутил. Атенаис приказала принести из внешних покоев вино и закуски. Тем временем Кадок привел свои мысли в порядок и, когда они вновь остались наедине, описал своего собрата.

— Бедный Руфус, — вздохнула она. — Как он будет тебе завидовать!

— Не думаю, — ответил Кадок. — Он привык мне подчиняться. Взамен я беру на себя труд думать за него. Дайте ему вдоволь еды, выпивки и подходящую вертихвостку, и он будет вполне доволен жизнью.

— Тогда, значит, он не мог утешить тебя в твоем одиночестве? — тихо спросила она.

— Если и мог, то не слишком. Но он не раз спасал мне жизнь, стало быть, я обязан ему и величием этого дня.

— Речистый негодяй!..

Она поцеловала его. Он зарылся лицом в ее пахучие волосы, пока она не привлекла его внимание к наполненному бокалу и сладостям и не настояла на продолжении беседы.

— ...западные бритты сохранили остатки цивилизации. Я частенько подумывал, не перебраться ли в Византию, так как знал, что именно здесь продолжилась былая империя. Однако в течение долгих веков шансы добраться сюда, не утратив денег, и вообще добраться живым, представлялись весьма туманными. Да и жить среди бриттов оказалось не так уж плохо. Я постепенно изучил их. В этой стране было легко менять имена, не утрачивая скромного состояния. Можно было бы дождаться, пока англичане, или франки, или скандинавы не предложат более спокойной жизни, пока цивилизация не воссоздаст себя по всей Европе. Потом, как я уже говорил, русский торговый путь позволил мне сколотить значительные средства и познакомиться с

множеством людей как вдоль самого пути, так и здесь, в Средиземноморье. Ты понимаешь, что в знакомствах лежала моя единственная надежда когда-нибудь найти еще кого-нибудь из себе подобных. Не сомневаюсь, что и ты питала такую же надежду, Атенаис-Алият...

Он едва расслышал ее ответ:

— Питала, пока это не стало чересчур больно.

Он поцеловал ее в щеку, она предложила ему свои губы, а потом прошептала-пропела:

— Все позади. Ты разыскал меня. С трудом верится, что это на самом деле...

— На самом деле. И уж мы постараемся, чтоб так и осталось.

С практичностью, свидетельствующей о трезвом уме, она спросила:

— Что ты теперь предлагаешь предпринять?

— Так или иначе, — ответил он, — давно пора покончить с Кадоком. Он оставался на виду дольше, чем мог себе позволить, и кто-нибудь из давних его знакомых может прийти в недоумение. А кроме того, с тех пор как норманнский герцог провозгласил себя королем Англии, все больше и больше недовольных молодых англичан отправляются на юг с целью примкнуть к императорской варяжской гвардии. Среди них могут быть слышавшие о Кадоке, и они сразу сообразят, как это непохоже на правду, чтобы уэльсец сделался торговцем такого пошиба.

Хуже того, — продолжал он, — когда русский властелин Ярослав скончался, его государство было поделено меж его детьми, и теперь они враждуют в надежде одолеть друг друга. Чем и воспользовались жители окрестных степей. Торговые маршруты стали крайне опасными. Можно ожидать новых русских походов на Константинополь, и они осложнят торговлю еще более. Уж я-то помню, какие трудности следовали за предшествующими набегами. В общем, Атенаис и Кадок должны удалиться от дел и уехать отсюда, прекратив всякую связь с прежними знакомыми. Но сначала, конечно, Алият и Ханно должны распорядиться своей нынешней собственностью.

Она нахмурилась:

— Ты что, решил покинуть Константинополь? А стоит ли? Это же всем городам город...

— Увы, Царьград не вечен, — мрачно произнес он. Она взглянула на него удивленно, и он пояснил: — Ну подумай сама. Норманны захватили последний форпост империи в Италии. Сарацины завоевали все, что к югу, — от Испании до Си-

рии. В последнее время они ведут себя относительно мирно, и тем не менее прошлогоднее поражение империи при Манцикерте — не просто военная неудача, повлекшая за собой дворцовый переворот и смену императоров. Не забывай, турки уже отобрали у вас Армению. Значит, им открыта дорога на Анатолию. В высшей степени сомнительно, что империя сумеет отстоять от них ионийское побережье. Балканские провинции ропщут, норманны продвигаются на восток. Да и здесь, в самом Константинополе, дела не блестящи: торговля приходит в упадок, нарастают смута и нищета, продажность придворных соперничает с их ничтожностью. Смею думать, Новый Рим вплотную приблизился к настоящей катастрофе. Так что давай сматывать удочки, пока она не грянула.

— Но куда? Где найти место, которое сулило бы безопасную и достойную жизнь?

— Некоторые мусульманские столицы славятся своим блеском. А еще дальше на восток, так я слышал, лежит мощная империя, обширная, миролюбивая, величественная во всех отношениях. Но это чуждые нам народы, да и путь в ту сторону долог и чреват тревогами. Добраться до Западной Европы было бы легче, но там до сих пор беспокойно и дико. Кроме того, со времен открытого раскола церквей жить там для выходцев из православных стран стало несладко. Нам пришлось бы для виду принять католичество, а таких демонстративных шагов лучше бы избегать. Нет, по зрелом размышлении я предложил бы остаться в пределах Римской империи еще лет на сто—двести. Например, в Греции, где нас никто не знает.

— В Греции? Но разве она не впала в варварство?

— Не совсем. На севере много славянских поселений, в Фессалии — валашских. Правда, в Эгейском море бесчинствуют норманны, но такие города, как Фивы и Коринф, по-прежнему богаты и достаточно защищены. Красивая страна, полная воспоминаний. Мы с тобой можем обрести там счастье. Но разве ты сама, — он приподнял брови, — не задумывалась о перемене мест? Сколько ты могла бы продолжать свою нынешнюю жизнь? Еще лет десять, не больше, а потом пришлось бы волей-неволей отойти в тень, прежде чем мужчины заметят, что ты не стареешь. А поскольку ты привлекала к себе внимание общества, то вряд ли смогла бы остаться в том же городе, где жила.

— Верно, — улыбнулась Атенаис. — Я имела в виду оповестить, что пережила душевный кризис, раскаялась в своих грехах и намерена провести остаток дней в бедности, молитвах и тяжких трудах. Своими накоплениями я распорядилась уже

давно — могу быстро и незаметно забрать их, если возникнет необходимость спасаться бегством. В конце концов, мне не привыкать — всю мою жизнь мне приходилось бросать обжитые места, а потом начинать все заново...

— И всегда так, как сейчас? — поморщился Кадок.

— Нужда заставляла, — грустно ответила она. — По натуре я неспособна быть монахиней, отшельницей, существом не от мира сего. Как правило, я объявляла себя состоятельной вдовой, но рано или поздно деньги кончались, даже если какая-нибудь напасть — война, грабеж, чума, что угодно еще — не разоряла меня раньше срока. У женщины куда меньше возможностей надежно вложить свои средства, чем у мужчины. И какая бы причина ни потянула меня вниз, приходилось начинать заново с самого дна и... работать, копить, потворствуя пороку ради лучшего будущего.

Теперь улыбнулся и он, и тоже печально.

— Не так уж непохоже на мою собственную жизнь.

— У мужчин выбор шире. — Она помолчала. — Я тоже изучала положение вещей. Если все взвесить, то я согласна: лучшим для нас городом будет Коринф.

— Что? — воскликнул он и в изумлении даже сел. — Ты вынудила меня разглагольствовать о том, что тебе прекрасно известно и без меня?

— Мужчине пристало показать свой ум.

Кадок разразился хохотом:

— Прекрасно! Женщина, способная обвести меня — меня! — вокруг пальца подобным образом, достойна того, чтоб остаться со мной навсегда. — И более трезво: — Однако теперь нам надо сниматься как можно скорее. Будь моя воля, мы б уехали, не медля ни минуты. Прочь от всей этой грязи, строить первый настоящий дом, какого ни ты, ни я не ведали с самого...

Она прикоснулась пальцами к его губам, прошептав:

— Помолчи, возлюбленный. Если б только это было возможно! Но мы не можем просто исчезнуть...

— Почему нет?

— Потому что, — она вздохнула, — это вызвало бы слишком много толков. По крайней мере, меня стали бы искать. Есть люди, довольно высокопоставленные, которым я небезразлична и которые заподозрили бы, что меня убили. И если нас выследят... Нет! — Она пристукнула сжатым кулачком. — Придется делать вид, что ничего не случилось. Может быть, еще месяц, пока я не подготовлю почву разговорами. Например,

что собираюсь предпринять паломничество, что-нибудь в таком роде.

Прошло несколько мгновений, прежде чем он сумел выговорить:

— Что такое месяц против многих столетий?..

— Для меня это будет самый долгий месяц во всей моей жизни. Но мы ведь будем видеться, и часто, не правда ли? Скажи, что будем!

— Разумеется.

— Мне противно, что тебе придется платить, но сам понимаешь, иначе нельзя. Впрочем, как только мы вырвемся на свободу, деньги станут общими.

— Хм-м... Нам надо выработать какой-то план, привести в порядок свои дела.

— Планы могут и подождать до следующей встречи. Сегодня у нас так мало времени! Мне же надо еще приготовиться к следующему свиданию.

Он прикусил губу.

— А ты не можешь сказаться больной?

— Лучше не надо. Он из самых влиятельных моих клиентов, одно его слово может провести грань между жизнью и смертью. Бардас Манассес, управляющий всем штабом архистратега.

— Если он так высоко среди военных шишек, то да, я понимаю...

— О дражайший мой, я же вижу, что сердце твое истекает кровью. — Атенаис обняла его. — Хватит. Забудем обо всем, кроме нас двоих. В нашем распоряжении еще целый час в раю...

Воистину Атенаис была столь искусной и изобретательной в ласках, умела так разжечь мужчину, как и уверяла молва.

3

Маленькая процессия пересекла Рог по мосту и приблизилась к воротам Блачерне. Четверо были русскими, двое скандинавами, а те двое, что шли во главе, — ни теми ни другими. Четверка русских несла шесты, к которым был подвешен тяжеленный сундук. Скандинавы в кольчугах и шлемах, с боевыми топорами на плечах, очевидно, принадлежали к варяжской гвардии и решили подзаработать, сопровождая ценный груз. Но не менее очевидно было, что это делалось с официального разрешения, и часовые у ворот просто помахали, пропуская процессию без остановки.

Они двинулись дальше по улочкам под городской стеной. Парапеты с бойницами уходили над головой к небу. Утро только занималось, внизу лежали глубокие тени, и по сравнению с недавним блеском моря здесь, в городе, казалось мрачно и холодно. Миновав жилища богатеев, процессия вступила в пределы более скромного, но и более деловитого квартала Фанар.

— Неостроумно, — проворчал Руфус на латыни. — Ты ведь даже корабль продал, так? И наверняка себе в убыток: уж очень ты торопился избавиться от всякой собственности.

— Обратив ее в золото, камни и прочие ценные мелочи, — весело уточнил Кадок на том же языке. Не доверять провожатым вроде бы не было оснований, но осторожность давно стала частью его натуры. — Или ты забыл, что не позже чем через две недели мы уезжаем?

— Однако до той поры...

— До той поры сундук будет храниться в безопасном месте, откуда мы сможем забрать его в любое время дня и ночи по первому требованию. Ты всегда хандришь, когда не пьешь, старина. Выходит, ты совсем не слушал то, что я тебе говорил. Алият устроила все самым лучшим образом.

— Что она сказала здешним власть имущим, чтобы у нас все прошло как по маслу?

Кадок усмехнулся:

— Что я проговорился ей о блестящей сделке, которую вот-вот заключу с другими власть имущими, и те, кто помогут мне, урвут свою долю. Женщины тоже способны усвоить, как жить в ладу с реальной жизнью.

Руфус только хмыкнул в ответ.

Дом, где жил и держал лавку ювелир Петрос Симонидис, был неказист. Тем не менее Кадоку было давно известно, какие дела проворачиваются за этим невзрачным фасадом, — помимо открытой торговли. И кое-кто из имперского двора имел в этих делах такой интерес, что власти охотно закрывали на все глаза. Ранних гостей Петрос принял очень сердечно. Два бандита, которых он называл племянниками, невзирая на полное отсутствие внешнего сходства, помогли снести сундук в подвал и схоронить его за фальшивой стенкой. Из рук в руки перешла известная сумма. Кадок отклонил гостеприимные предложения под предлогом спешки, вывел своих провожатых обратно на улицу и сказал:

— Ну что ж, Арнольд, Святополк и все остальные, спасибо за помощь. Теперь идите куда хотите, только не забудьте о

своем обещании хранить молчание обо всем, что было. Что не препятствует вам выпить за мое здоровье и благополучие...

С этими словами он передал провожатым кошелек с деньгами. Матросы и солдаты, ликуя, удалились восвояси. Руфус спросил:

— Ты что, заподозрил, что пища и вино у Петроса нехороши?

— Вне сомнения, хороши, — ответил Кадок, — но мне действительно надо спешить. Атенаис предоставила мне сегодня все свое время после полудня, и прежде всего следует подготовиться к визиту в банях.

— Ха! И так с того самого дня, как вы встретились. Никогда прежде не видел тебя влюбленным. Словно тебе от роду пятнадцать лет...

— Я будто родился заново, — признался Кадок вполголоса. Взгляд его устремился куда-то за пределы окружающей суеты и тесноты. — Ты почувствуешь себя точно так же, едва мы отыщем тебе настоящую жену.

— С моим-то счастьем она окажется свинья свиньей.

Кадок расхохотался, похлопал Руфуса по спине и сунул в единственную его ладонь византин.

— Пойди утопи свое уныние в вине. А еще лучше — избавься от него с какой-нибудь хорошенькой девкой.

— Спасибо, — откликнулся Руфус, хотя его настроение внешне не изменилось. — В последнее время ты просто соришь деньгами.

— Я обнаружил странную вещь, — пробормотал Кадок. — Настоящим счастьем хочется поделиться.

Он неспешно двинулся прочь, посвистывая. Руфус остался стоять и, ссутулившись, молча смотрел ему вслед.

4

Округлая луна вместе со звездами давала достаточно света. С улиц уже убрали сор, и они почти опустели. Только патрули время от времени вышагивали по своим маршрутам, и отблеск их фонарей, отражаясь в металле кольчуг, свидетельствовал, что сила не дремлет, город может спать спокойно, а редкие прохожие — двигаться без боязни.

Кадок глубоко вдохнул ночной воздух. Жара спала, сменившись мягким теплом. Дым, пыль, вонь, всякие острые запахи улеглись до утра. На подступах к Контоскалиону ветерок донес до его ноздрей легкий аромат корабельной смолы,

и он улыбнулся. Удивительно, что именно запахи пробуждают яркие воспоминания. Обветренная, просоленная в дальних морях галера готовится к выходу из египетской гавани Сор, и его отец, возвышаясь над сынишкой, на прощание крепко жмет маленькую ручонку... Кадок поднял руку, ту же самую, но давно уже взрослую руку к лицу. Волосы на тыльной стороне ладони щекотнули его по губе. На него сызнова пахнуло жасмином, духами Алият, и — может ли быть такое? — ее прелестью. Прощальный поцелуй был нескончаемо долгим.

Теперь им владела счастливая истома. Оставалось лишь чуть-чуть посмеиваться над собой. Сегодня Алият, едва завидев Кадока, сообщила: могущественный Бардас Манассес прислал депешу, что при всем желании прибыть к ней нынче не сможет, и возлюбленный может воспользоваться дополнительными часами как нечаянным даром Афродиты. А на прощание, прильнув к его груди, промурчала: «Теперь я познала, как вынослив бессмертный...»

Он зевнул. Ох, как хорошо бы поспать, особенно если рядом с ней... Однако ее прислуга уже подметила, как жалует госпожа этого иностранца. Не стоит давать нового повода для пересудов. Слушок может достичь не тех ушей. Хотя осталось недолго ждать — скоро, совсем уже скоро...

Темень вокруг резко сгустилась. Он свернул на улочку, ведущую к порту, а соответственно, и к постоялому двору. С обеих сторон навалились кирпичные стены, лишь узкая полоска неба просвечивала над головой. Кадок замедлил шаг — не приведи Бог споткнуться обо что-нибудь. Но что там в вязкой тишине позади — шаги? Мелькнула мысль, что он трижды или четырежды мельком видел за собой одну и ту же фигуру в плаще с капюшоном. Кто-то другой следует тем же путем по чистой случайности?

Блеснул свет: в ту минуту, когда Кадок миновал боковой тупичок, там приоткрыли фонарь. На мгновение он был ослеплен и тут же услышал: «Это он самый!..» Из переулка выбежали трое. Один из них обнажил меч.

Кадок отскочил назад. Нападающие рассредоточились — один отошел направо, другой налево, третий остался с ним лицом к лицу. Его окружили и приперли к стене.

Он выхватил нож. У двоих тоже были ножи, и только. Возмущаться, звать на помощь было бы напрасной тратой сил: если он не поможет себе сам, его прикончат быстрее некуда. Левая рука расстегнула плащ, сорвав застежку.

Тот, что стоял напротив, занес меч для удара. Фонарь опустили на землю в переулке, но Кадок все же различал силуэт меченосца в кольчуге. Свистнула сталь, Кадок уклонился и швырнул плащ, норовя накрыть им невидимое лицо атакующего. Послышалась ругань — меч запутался в складках. Кадок прыгнул вправо с надеждой обогнуть врага, что стоял там. Но негодяй оказался слишком искусен, закрыл путь собой, замахнулся кинжалом и угодил бы Кадоку точно в живот, не накопи тот за бессмертную жизнь изрядной решительности и ловкости. Он отбил кинжал собственным ножом, отступив на шаг.

Спина уперлась в кирпичи. Выходит, попался? Оскалив зубы, он сделал обманный выпад. Враг с кинжалом отскочил за пределы досягаемости. Зато тот, что с мечом, изготовился к новому удару.

По камням простучали сандалии. Отблеск света скользнул по медной бороде. Крюк, заменивший Руфусу руку, вонзился меченосцу в горло и яростно заворочался, раздирая хрящи. Противник выронил меч, попытался удержать рукоять, но упал на колени и захрипел, истекая кровью.

Кадок приблизился, подобрал меч и отпрыгнул назад, выпрямляясь. Он не считал себя мастером рубиться на мечах, но все-таки считал своим долгом освоить все боевые искусства, с какими познакомился на протяжении столетий. Человек с кинжалом удрал без оглядки. Последний из нападающих попытался насесть на Кадока со спины, но стремительный поворот — и меч рубанул по руке с ножом. Удар оказался тяжелым, по-видимому, удалось перебить кость. Нападающий вскрикнул, пошатнулся и бросился наутек.

Руфус, рыча от ярости, извлек крюк из поверженного тела и кинулся вдогонку, но оба беглеца уже исчезли в ночи. Он остановился, обернулся, хрипло спросил:

— Ты не ранен?

— Нет. — Кадоку не хватало дыхания, сердце бешено стучало. Однако мысли были ясными и холодными, как лед на плаву в морях у побережья Туле. Он бросил взгляд на человека в кольчуге — тот корчился, стонал и харкал кровью. — Пойдем отсюда! Прежде чем явится еще кто-нибудь...

Он отшвырнул меч, теперь уже бесполезный, который мог бы только послужить уликой против них.

— Куда пойдем? На постоялый двор?

— Никоим образом. — Кадок поспешил прочь. Дыхание вернулось к нему, пульс замедлился. — Эти трое поджидали меня, именно меня. Значит, им было известно, как я пойду и где

остановился. Кто бы ни подослал их, он не успокоится и предпримет новую попытку.

— Мне подумалось, что неплохо пойти за тобой и последить, чтоб чего не случилось. Ты ж оставил у этого сукина сына в Фанаре целое состояние.

— Не могу похвастаться своим остроумием, — сказал Кадок мрачно. — Ты сегодня показал куда больше сообразительности, чем я.

— Ха, так ты же влюблен. Хуже, чем пьяный. Куда мы все-таки идем? Думаю, на главных улицах бояться нечего. Может, удастся достучаться в какую-нибудь другую гостиницу. Если ты без денег, то у меня еще кое-что осталось.

Кадок покачал головой. Тем временем они выбрались на главную улицу, хоть сейчас, при лунном свете, она казалась тусклой и безлюдной.

— Нет, не годится. Будем бродить крадучись до рассвета, а там смешаемся с толпой тех, кто выходит из города. Это были не просто разбойники и даже не наемные убийцы. Латы и меч. Значит, по крайней мере один из них был имперским солдатом.

5

Всеволод по кличке Толстяк занимал среди русских торговцев видное положение, и в предместье святого Мамо у него был собственный дом. Дом был невелик, но обставлен с варварской пышностью: Всеволод жил здесь, когда наезжал в Константинополь, холостяком или в обществе одной-двух распутниц. Прислуживали ему молодые соотечественники, на которых можно было положиться как на самого себя. А наверху была еще потайная комнатка, о наличии которой догадаешься не вдруг.

Сегодня Всеволод явился под вечер, сжимая в руке кувшин. Седоватая борода ниспадала на брюхо, выпирающее из-под расшитого кафтана.

— Принес вам вино, — возвестил он. — Дешевое, зато много. Нынче вам и понадобится много, а на тонкий вкус наплевать. Держи...

Он сунул кувшин Кадоку. Тот встал, не обращая внимания на жест хозяина, а кувшин принял Руфус и опрокинул себе в рот. Перед тем Руфус проспал изрядное число часов, в то время как Кадок беспокойно вышагивал меж голых стен или упорно смотрел за окно, на Золотой Рог и бесчисленные городские купола на другой его стороне.

— Ну и что удалось узнать, Всеволод Изяславич? — спросил Кадок без выражения. Как и Всеволод, он говорил по-русски.

Торговец грузно опустился на кровать, отозвавшуюся на это громким скрипом, и оповестил басом:

— Плохие новости. Я ходил к лавке Петроса Симонидиса, и там поставлены стражники. Пришлось потратиться, чтоб они согласились отвечать честно, только им и самим ничего толком не известно. Они знают одно: Петрос арестован, и его допрашивают. — Шумный вздох, как порыв степного ветра. — Если его не отпустят, это, ей-ей, самый ловкий грабеж, какой я когда-либо видел. Милосердные святые, как теперь бедному старику заработать на кусок хлеба для жены и детей!

— А что будет со мной?

— Ты что, не понимаешь, Кадок Рысев? Я не мог давить на них чересчур напористо. Ты молод, а я уже нет. Храбрость уходит вместе с юностью и силой. В лучшие свои дни вспоминай ночаще Господа, пока годы и беды не одолели и тебя. Но я потолковал со знакомым капитаном городской гвардии. Да, все именно так, как ты и опасался, — им нужен не Петрос, а ты сам. Зачем, капитану неведомо, но поговаривают, что неподалеку от твоего обиталища произошла стычка с убийством. Впрочем, это я уже знаю от тебя.

— Так я и думал, — произнес Кадок. — Спасибо тебе.

Руфус, наконец, опустил кувшин и прохрипел:

— Что же нам делать?

— Лучше всего пока не менять убежища и оставаться здесь, — ответил Всеволод. — Вам известно, что я вскоре собираюсь домой в Чернигов. Можете отправиться со мной. Грекам будет невдомек, что вы на моем корабле. Может, даже, я загримирую тебя, Руфус, под юную рабыню-черкешенку. Как тебе это понравится, а?

Он шумно расхохотался.

— У нас нет денег заплатить тебе за проезд, — сказал Кадок.

— Неважно. Ты мой друг, мой брат во Христе. Я доверюсь твоему слову, что ты заплатишь позже. Тридцать процентов сверху, ладно? А еще ты расскажешь мне подробнее, как ты влип в неприятности. Надеюсь, это поможет мне уберечься от них самому.

— Как только отплывем, расскажу.

— Договорились. — Всеволод переводил глаза с Кадока на Руфуса и обратно. — Я думал, мы сегодня повеселимся, выпьем хорошенько, но вижу, что ты, Кадок, не в настроении.

Потерять такие деньги — еще бы не печаль! Я велю прислать вам ужин наверх. Встретимся завтра. Господь да принесет вам утешение во сне.

Тяжело поднявшись, он выбрался из потайной комнаты. Стена за ним замкнулась.

На фоне заката, золотого с розовым, Константинополь нависал синей тенью над золотистым отливом воды. Сумерки наползали на предместье святого Мамо и просачивались в комнату, как дымок. Кадок взял кувшин с вином, сделал глоток и тут же опустил кувшин на прежнее место.

— Ты что, и впрямь намерен выложить ему все как есть? — удивился Руфус.

— Ну уж нет, не все. — Теперь они говорили по-латыни. — Изобрету какую-нибудь историю, которой он поверит и которая не причинит ему зла. Что-нибудь про чиновника, решившего не ждать обещанной ему доли, а завладеть всем моим золотом, избавившись от меня.

— А может, мерзавца еще и донимала ревность, — предположил Руфус. — Даже Всеволод и тот, наверное, слышал, что ты посещаешь эту Атенаис.

— Какую-то историю придумать все равно надо. — Голос Кадока дал трещину. — Честно говоря, я и сам не понимаю, что произошло.

— Ха! Все ясно, как бородавка на заднице. Сучка втянула в дело кого-то из своих завсегдатаев. Решили заткнуть тебе глотку на веки вечные — потом они и до меня добрались бы — и прикарманить твои денежки. Может, она прибрала к рукам какого-нибудь олуха из верхних правителей — знает про него что-нибудь гадкое, например. А может, он был попросту радешенек услужить ей и получить свою долю. Нам повезло, мы живы, но выиграла все равно она. Теперь на нас объявлена охота. Если мы хотим оставаться в живых и дальше, нам нельзя возвращаться сюда лет двадцать, а то и тридцать. — Руфус отхлебнул из кувшина, вино чавкнуло. — Забудь ее.

Кадок стукнул кулаком по стене. Штукатурка треснула и обвалилась пластом.

— Как же она могла? Как?!..

— Проще некуда. Ты сам сплел силок, в который и угодил. — Руфус потрепал Кадока по плечу. — Не отчаивайся. Не пройдет и одного поколения, как наплутуешь золота на новый сундук...

— Но зачем ей это понадобилось?

Кадок оперся рукой на стену, а лицом на руку. Руфус пожал плечами.

— Шлюха — она и есть шлюха.

— Она же бессмертная... И я предложил ей...

Он замолк, не в силах продолжать. Руфус жестко поджал губы, хоть в полумраке этого было не различить.

— Надо было предвидеть. Ты куда проницательнее меня, если только даешь себе труд подумать. Сколько лет она была тем, кем была? Четыреста, так ты мне сказал? Ну и сколько же у нее за это время было мужчин? Тысяча в год? Сейчас, может, ей столько не требуется, зато раньше, вероятно, бывало и больше.

— Она говорила мне, что... Она брала и берет от жизни все, что могла и может...

— Что доказывает, как ей нравится заниматься тем, чем она занимается. Тебе и без меня известно, чего именно хотят мужики от шлюхи. И во все времена таких девиц избивали, грабили, выгоняли на все четыре стороны или оставляли брюхатыми и бросали — выкручивайся как умеешь, выкинь своего выродка хоть на помойку... Так продолжалось четыреста лет, Луго. Как, по-твоему, она может относиться после этого к мужчинам? Останься она с тобой, ей бы никогда не испытать даже удовлетворения оттого, что ты стареешь, а она нет...

Глава 8

ПРОЩАЙ, ПРИДВОРНАЯ СЛУЖБА

Дождь шел весь день — легкий, беззвучный, он будто растворялся в стелющемся над землей тумане, но окружающий мир стал нереальным, как во сне. Камни и карликовые кипарисы в саду — и те были видны еле-еле. Капли падали с навеса над верандой, сливались пленкой на беленой стене. На том видимость и кончалась. Хотя широкие южные ворота стояли настежь, Окура едва различала за ними улицу в лужах и одну-единственную вишню без листвы. Даже дворец, расположенный напротив, — небольшой, но все же дворец, — утонул в тумане, а город Киото словно и не существовал никогда.

Ощутив озноб, она вернулась в жилые комнаты. Слуги, которых она встретила, в подбитых ватой одеяниях казались толстыми и неуклюжими. А на ней были только кимоно в два слоя, — выдержанные в зимней гамме цветов, они отличались дешевой элегантностью, но тепла почти не давали. Изо рта вырывался призрачный пар. Вдобавок к холоду в жилище было еще и

сумрачно. Ставни и шторы задерживали ветер, но не сырость, и даже жаровни не помогали.

Тем не менее жилище обещало известный уют. Масамичи оказался столь великодушен, что выделил ей отдельное спальное возвышение в западном крыле. За раздвижными экранами, отделявшими ее личную комнату от остальных, на полу разместились два сундучка и столик для игры в го. Мелькнула шальная мысль, что в такую погоду они хотели бы забраться под циновку татами, убежавшую от них на возвышение. Поскольку в комнате никого не было, спальные занавески были отдернуты, и за ними, в неверном свете фитилей, призывно темнел матрасик с подушками.

Окура открыла шкаф, где прятала свою цитру-кото. Фамильные ценности еще не выносили; она дала цитре прозвище «Кукушкина песня». В такой день прозвище обретало новый смысл: птица, славящаяся своим непостоянством, посредничающая между живыми и мертвыми, воплощающая собой неотвратимое движение времени. Что, если наиграть мелодию, любимую с ранней юности? Бывало, что и потом она иногда услаждала этой мелодией мужчин — тех двоих из своих любовников, кто был ей по-настоящему дорог... Нет, ничего не выйдет, инструмент сейчас настроен на зимний лад.

В помещение явилась служанка, приблизилась и пропела с поклоном:

— Моя госпожа, прибыл гонец от благородного господина Ясухиры.

По тону служанки чувствовалось, что гонец воспринят как явление заурядное. Связь между Чикузен но Окурой, состоящей при дворе бывшего императора Цучимикадо, и Накахари но Ясухирой, до недавних пор младшим советником самопровозглашенного императора Гото-Ба, продолжалась уже много лет. Она придумала для него прозвище Миюки — «Глубокий снег», — ибо именно такой предлог он выдвинул для того, чтобы впервые остаться с ней на ночь.

— Прими его, — распорядилась Окура, ощущая легкий трепет.

Служанка вышла и вернулась к гонцу, который как раз поднялся на веранду. Поскольку наружный свет падал на него со спины, Окура только и могла высмотреть сквозь прозрачные шторы, что он совсем мальчик. Впрочем, было заметно, что его парчовая курточка суха, да и белые штаны не испачканы. Значит, он, мало того что набросил соломенную накидку, еще и прибыл верхом на лошади. Ее губы тронула мимолетная улыб-

ка: что бы ни случилось, Миюки будет сохранять приличия до самого конца.

Улыбка погасла. Как ни притворяйся, а конец уже наступил. Для них обоих.

Согласно обычаю, гонец вручил то, с чем прибыл, служанке и в ожидании ответа преклонил колено. Служанка передала письмо Окуре, а сама удалилась. Развязав шнурки, Окура развернула бледно-зеленую бумагу, намотанную на ивовый прутик, — обычный выбор Ясухиры. Однако каллиграфия оказалась не столь отточенной, как бывало: он стал впадать в дальнозоркость.

С тревогой узнал, что ты потеряла свое положение при дворе. Питал надежду, что покровительство супруги бывшего императора защитит тебя от гнева, павшего на голову твоего родственника Чикузена но Масамичи. Что станется с тобой без его протекции, когда я ныне тоже почти беспомощен? Воистину это печаль, какую мог бы выразить лишь бессмертный Ду Фу. Смею добавить свои слабые строки в искреннем чаянии, что мы по крайней мере свидимся вскоре снова.

Затухает год,
А мои рукава поверх твоих
Сыры, как сама земля,
Увлажнены соленым дождем
Из моря моей печали.

И впрямь, подумалось Окуре, его стихи и близко не лежат к поэзии великого китайского мастера. Тем удивительнее, что ее вдруг охватило желание увидеть его, и поскорее: какой бы страстью ни пылали они друг к другу когда-то, чувства давно остыли до нежной дружбы, и она уже не помнила, когда в последний раз делила с ним ложе.

Ну что ж, почему бы и не увидеться? Свидание укрепит их обоих, поскольку каждый будет знать, что не одинок в своей беде. Конечно, ее предупреждали, что новый военный губернатор уже конфисковал тысячи имений у тех, кто поддерживал императора; но число примеров со стороны значило для нее не более чем заботы крестьянина, ремесленника или дворового пса. Что из того, что дом заберет кто-нибудь из клана Ходзо? Не лишат же ее жилища — хотя бы из чувства долга по отношению к общим предкам. Так она рассчитывала, и потому отказ от придворной должности был остро болезненным, означая крушение всего привычного мира.

А впрочем, ей так или иначе пришлось бы вскоре оставить Киото. В этом смысле участь Ясухиры была печальнее. Да принесут они друг другу утешение, на какое способны. Однако следует держаться приличий, даже когда отвечаешь на столь явный призыв. Довольно долгое время Окура провела в коленопреклоненном молчании, размышляя и сочиняя, затем пришла к решению, позвала служанку и велела принести веточку сливы: слива украсит ее послание лучше, чем вишня. Из своего письменного набора она выбрала жемчужно-серый лист, и к той минуте, когда развела тушь, ответ сложился в голове до последнего слова, и тоже в стихах:

Соцветия благоухают,
Блекнут и опадают,
Обращаясь в горькие плоды.
Но и плоды опадают, и лишь голые ветки
Взывают друг к другу на зимнем ветру.
Он поймет и не заставит себя ждать.

Она скрутила послание со всем изяществом, какого оно заслуживало, и отдала служанке для передачи гонцу. Надо понимать, он пересечет город в одно мгновение, однако влекомой волами повозке, — а иначе лица благородного происхождения не передвигаются, — на подобный путь потребуется без малого час. Умной женщине хватит времени привести себя в порядок.

Поднеся тонкую свечу поближе, она изучила свое лицо в зеркале. Прекрасным его не назовешь: слишком тощее, скулы чересчур отчетливы, глаза могли бы быть и пуже, а рот поменьше. Тем не менее лицо было надлежащим образом напудрено, брови добросовестно выщипаны, новые наведены дугами выше на лбу, а зубы тщательно зачернены. Фигура тоже оставляла желать лучшего — грудь избыточна, а бедра узковаты, — но одежда сидела на ней хорошо, и когда она двигалась правильной поступью, шелка переливались как подобает. Многие огрехи искупали волосы, водопадом ниспадающие с головы до самого пола.

Затем она приказала принести рисового вина и приготовить сладости. Воистину ее удел — сегодня это касалось и Ясухиры — складывался пока что не так плохо: она была одна, но со служанками. Масамичи, нашедший до лучших времен пристанище у приятеля, забрал с собой жену, двух наложниц и всех детей, да и все свое имущество. Из приличия предлагал Окуре присоединиться к ним, но испытал заметное облегчение, когда

она заявила, что у нее другие планы на будущее. В семье никто не позволял себе высказываться неподобающим образом по поводу того, что ее навещают мужчины, а подчас и остаются на ночь. И все же, оставайся кто-то ей небезразличный дома, это волей-неволей наложило бы отпечаток на сегодняшний разговор, который по самому существу своему будет либо абсолютно искренним, либо попросту ненужным.

Водяные часы Масамичи увез, солнце за облаками — судить о времени дня практически невозможно. Можно лишь предполагать, что Ясухира появится около полудня, в час лошади. Она распорядилась, чтобы служанка развернула ширму для бесед и, заслышав его шаги на веранде, опустилась за ширмой на колени. В общем-то, это не для себя, а для него, подумала она с гримаской. Когда привычный мир рассыпается на части, соблюдение правил хорошего тона может оказаться для Ясухиры важнее, чем когда бы то ни было.

Минут десять они провели в обмене любезностями и болтовне о пустяках, потом она нарушила правила и отставила ширму в сторону. Когда-то он, вне сомнения, воспринял бы подобный жест как приглашение к любви — но сегодня две-три поэтические строчки, ввернутые в разговор, не оставили сомнения, что это не входит в намерения ни одной из сторон. Им хотелось поговорить без помех, только и всего.

Служанки, Кодаю и Юкон, были поражены такой вольностью не менее, чем если бы два тела бесстыдно слились при свете дня. Хотя сумели сохранить должную почтительность и внесли все, что заказано. Славные девчушки, подумала Окура, когда они удалились, — только что теперь с ними станется? Она поймала себя на мысли, слегка ее удивившей: хорошо бы, чтобы новый хозяин сохранил прежнюю прислугу и прилично с ней обращался, — хотя, зная его норов, уповать на подобную снисходительность не приходится.

И она, и ее гость расположились на полу. Покуда Ясухира учтиво созерцал цветочный узор на своей винной чашечке, она заметила, как он резко постарел. Седина тронула его голову годы назад, но округлое лицо, щелевидные глаза, бутон рта и крошечная бородка оставались столь же привлекательными, как в юности. Многие знатные дамы, вздыхая, сравнивали его с Гэндзи, сиятельным принцем из повести Сикибу Мурасаки, написанной еще два столетия назад. Дождь смыл с лица пудру и смазал румяна, открыв взору синеву под глазами, землистые щеки в морщинах, да и плечи у него провисли. Но ни при каких обстоятельствах он не утрачивал придворной

грации и не забыл, как, с должными интервалами, прихлебывать вино.

— Ты, как всегда, знаешь, что мне по вкусу, Асагао. — Так он звал ее наедине — «Утренняя краса». — Вкус, аромат, тепло. «Блистающий свет...»

И раз он начал стихотворную строчку, у нее не было выбора, кроме как завершить, чуть переиначив:

— Но, боюсь, «вечной удачи» нам не видать. — Подумала и добавила: — И «Утренняя краса», опасаюсь, мне уже не по возрасту. Лучше, пожалуй, если впредь ты подберешь мне имя менее возвышенное, например «Сосна»...

— Значит, — улыбнулся он, — я сохранил кое-какое умение вести разговор. Как думаешь, не лучше ли сразу покончить с неприятными темами? Тогда мы сможем повспоминать былые дни и былые радости.

— Если посмеем...

Если ты посмеешь, уточнила она безмолвно. Мне-то давно пришлось воспитать в себе силу духа.

— Я надеялся, что благородный Цучимикадо пожелает сохранить тебя.

— При нынешнем развитии событий отставка — не самое худшее, что могло произойти. — Он не смог утаить, что слегка озадачен ее словами. Она пояснила: — Не будь у моей семьи рисовых полей, я была бы форменной нищенкой, не имеющей даже такого скромного уголка, куда можно удалиться вне службы. Другие презирали бы меня, а потом принялись бы оскорблять.

— Ты в самом деле так думаешь?

— Женщины, Миюки, ничуть не менее жестоки, чем мужчины.

Он отщипнул крошку печенья, и она поняла, что ему надо собраться с мыслями. Наконец он сказал:

— Увы, ситуация, как она складывается, не обещает тебе особых перспектив.

— Почему?

Она и сама прекрасно знала ответ, но знала и то, что необходимость объяснить все подробно пойдет ему на пользу.

— В дни восстания благородный Цучимикадо сохранял выдержку — не выступал против вожаков клана Ходзо, но и не помогал им. А ныне он, смею заметить, вынужден заискивать перед ними: если они будут им довольны, то, когда нынешний властелин умрет или отречется от престола, следующим императором может стать кто-либо из его рода. Согласись, при этих условиях избавиться от семейств, сколько-нибудь замешанных

в мятеже, — жест естественный и для него пустячный. Хотя, конечно, не более чем жест, и Токифуза, нынешний военный губернатор Киото, несомненно, отдает себе в том отчет.

— Диву даюсь, — промолвила Окура, — какие грехи прежней жизни побудили господина Го-Тобу вновь претендовать на трон, от которого он сам же и отказался?

— Это было отнюдь не безумие, а достойная борьба, которой по праву следовало бы увенчаться успехом. Попомни, что его брат, тогдашний император Юнтоку, был с ним заодно, и на их стороне выступили не только наши с тобой семейства, но и солдаты клана Таира, жаждущие отмщения за зверства Минамото против своих отцов; даже монахи и те взялись за оружие...

Мрачная туча наползла на чело Окуры. Она помнила, как монахи с горы Хиэй неоднократно спускались в Киото и повергали горожан в ужас угрозами, избиениями, грабежами, поджогами. Они требовали угодных себе политических решений — но чем они были лучше откровенно преступных банд, державших в повиновении всю западную половину столицы?

— Нет, это наши, а не его прежние грехи повинны в том, что мы проиграли, — продолжал Ясухира. — Как низко мы пали в сравнении с золотой эпохой! А могли бы иметь императора, который стал бы подлинным правителем!

— Как тебя понять? — осведомилась Окура, чувствуя, как важно для него выплеснуть накопившуюся в сердце горечь.

Что и случилось:

— Кем были императоры на протяжении поколений? Куклами в руках знати. Их возводили на трон детьми, а в зрелые годы вынуждали отойти от дел и жить в праздности. А тем временем кланы поили землю кровью, выясняя в схватках, кому быть шогуном. — Переведя дух, он разразился новым потоком слов: — Шогун — военный вождь, действительный владыка империи. По крайней мере, раньше было так. Сегодня Ходзо выиграли войну между кланами, зато их шогун — сам еще мальчик, тоже кукла, повторяющая то, что ему внушили взрослые. — Он взял себя в руки и извинился: — Прошу прощения у милой Асагао. Ты, должно быть, уязвлена моей резкостью — а в ней не было ни малейшей нужды, ибо женщине не дано разбираться в подобных вопросах...

Для Окуры во всем услышанном не было ничего нового — она давно привыкла держать уши и разум открытыми для новостей, казалось бы, не касающихся ее прямо. Тем не менее она скромно ответила:

— Ты прав, подобные вопросы не для женщины. Я понимаю, однако, что ты печалишься об утраченном. Бедный мой Миюки, что с тобой теперь будет?

Ясухира перешел на гораздо более спокойный тон:

— Я оказался в лучшем положении, чем Масамичи да и многие другие, и могу занимать свой особняк в Киото еще какое-то время. Потом придется уехать в имение, которое мне сохранили, — оно далеко на востоке, за полуостровом Идзу. Те, кто обрабатывает мою землю, поддержат меня и моих домочадцев.

— Но жить в бедности! И притом в таком далеке, среди неотесанных крестьян! Для тебя это будет словно выпрыгнуть за край света...

Он кивнул, соглашаясь:

— Часто-часто не удержу я слез, однако... — Она восприняла цитату не полностью: ей почти не выпадало в последние годы случая пользоваться разговорным китайским, — но, насколько она могла судить, поэт писал о поддержании безмятежности духа в любых превратностях судьбы. — Мне говорили, что оттуда открывается вид на священную гору Фудзи. Кроме того, я возьму с собой хотя бы десяток книг и флейту.

— Значит, для тебя это все-таки не полный крах. Хоть одно светлое пятнышко на фоне мрака.

— А ты как? Какая судьба постигла это владение?

— Вчера явился тот, к кому оно перешло. Деревенщина наихудшего толка — лицо не напудрено, обветрено, как у крестьянина, волосы и борода всклокочены. Неопрятен, словно обезьяна, и к тому же говорит на таком наречии, что едва-едва поймешь, чего он хочет. А уж солдаты под его командой — те и вовсе похожи на дикарей с Хоккайдо. Нетрудно представить себе, что тут будет твориться, и это, быть может, смягчит мою тоску о Киото. Новый владелец дал нам на сборы три-четыре дня.

Ясухира колебался несколько мгновений, прежде чем предложить:

— Конечно, мой будущий образ жизни не вполне подходит для дамы из хорошей семьи. Но если у тебя на примете нет ничего лучшего, можешь присоединиться к моему отряду. По крайней мере, будем утешать друг друга до конца наших дней.

— Спасибо, мой дорогой верный друг, — отозвалась она приглушенно, — но меня ждет ныне иная тропа.

Он осушил чашечку до дна. Окура наполнила ее снова.

— Неужели? Считай, что я не разочарован твоим отказом и рад за тебя. Кто же берет тебя в свою свиту?

— Никто. Обращусь в монастырь Хигашияма — именно туда, поскольку я не раз бывала там с супругой бывшего императора и главный служитель знает меня, — останусь там и приму клятвы.

Она не ожидала, что Ясухира способен выказать столь явное замешательство. Он едва не выронил чашечку, расплескав вино и запятнав одежду.

— Что? Ты примешь клятвы? Со всеми последствиями? Ты станешь монахиней?

— Намерена стать.

— Ты обрежешь волосы, свои прекрасные волосы, наденешь лишь грубое черное облачение и будешь жить, как... Как ты будешь жить?

— Самый свирепый разбойник не смеет тронуть монахиню. В самой бедной хибаре ей не откажут в ночлеге и чашке риса. Я намерена пуститься в непрерывное странствие от храма к храму, чтобы наилучшим образом использовать предстоящие годы, сколько бы их ни даровала мне судьба. В течение этих лет, — Окура одарила своего гостя улыбкой, — кто знает, быть может, время от времени мне удастся навещать и тебя. Тогда уж мы повспоминаем всласть...

Он недоверчиво покачал головой. Как большинство придворных, он никогда не уезжал надолго и, как правило, не дальше одного дня пути от Киото. И во всех случаях в экипаже — ради церемоний, к которым люди его круга относились скорее как светским, нежели религиозным: любоваться цветущими сельскими долинами весной или кленовыми листьями осенью, созерцать, слагая стихи, лунный свет на озере Бива...

— А ты хочешь идти пешком, — бормотал он. — По дорогам, которые любой ливень обращает в трясину. Горы, пропасти, бурные реки. Голод, дождь, снег, ветер, палящее солнце. Невежественные жители. Дикие звери. Демоны, призраки. Нет, нет! — Он опустил чашечку, выпрямился, и голос его окреп. — Это не для тебя. Странствовать тяжко даже в юные годы, даже мужчине. А ты женщина, ты постареешь и погибнешь ужасной смертью. Я не допущу этого!

Его озабоченность была искренней и даже трогательной. И чем напоминать ему, что он не имеет над ней, собственно, никакой власти, она предпочла мягко спросить:

— Разве я кажусь тебе слабой?

Он замолк. Только глаза беспокойно бегали, словно сверля платье и разглядывая тело под ним — тело, которое некогда принадлежало ему. Но нет, обрезала она себя, такое ему сейчас и на ум не приходит. Воспитанный человек, он считал наготу

отталкивающей, и в самые пылкие часы они не расставались с одеждой, хотя бы условной. В конце концов он прошептал:

— Не спорю, как ни странно, годы почти не коснулись тебя, если коснулись вообще. Ты свободно сойдешь за двадцатилетнюю. А на деле — сколько тебе? Мы знакомы без малого тридцать лет, и тебе было не меньше двадцати, когда тебя представили ко двору, так что ты не намного моложе меня. А мои силы, увы, уже на исходе.

Молодец, что говоришь честно, подумала Окура. Я не могла не видеть, что ты потихоньку стареешь, держишь книгу все дальше от глаз, все чаще морщишься, не вполне расслышав слова собеседника; половина зубов у тебя уже выпала, тебя трясет озноб, тебя донимает то кашель, то простуда; а кости по утрам, когда надо вставать, не ломит? Уж мне ли не знать эти приметы, я ли не наблюдала их всякий раз, когда немощь уводила у меня тех, кого я любила?

Искушение сказать Ясухире правду возникло сразу, как только до нее долетели дурные вести, и она принялась соображать, чем они могут обернуться для нее лично и как ей поступить. Она сдержала себя, но назойливое искушение не угасло. Ну а если поддаться соблазну — разве это повредит ей? Этот человек достоин доверия. Хотя неясно, поддержит его ее откровенность или повредит ему. Ладно, решила она, буду с ним честной. По крайней мере, у него появится тема для размышлений, помимо собственных потерь и печалей, которая как-то скрасит его одиночество.

— Я старше, чем ты думаешь, мой дорогой, — тихо произнесла она. — Хочешь знать мой истинный возраст? Только предупреждаю, тебе может показаться, что я помешалась.

Он вновь внимательно посмотрел на нее, прежде чем ответить:

— Не покажется. Ты таишь в себе куда больше, чем выносишь для общего сведения. Думаю, я всегда догадывался об этом, пусть смутно. А может, у меня не хватало духу разобраться в тебе до конца.

Выходит, ты мудрее, чем я предполагала, подумалось ей. Решимость исповедаться ему обрела большую четкость.

— Выйдем наружу, — предложила Окура. — То, что я собираюсь тебе поведать, не предназначено ни для кого другого.

Не утруждая себя плащами, они вместе вышли на веранду, обогнули здание и по крытой галерее достигли беседки над прудом. Над его безмятежной гладью на берегу высился камень в человеческий рост; шероховатую его поверхность украшала

эмблема клана, только что потерявшего это поместье. Остановившись, Окура произнесла торжественно:

— Вот подходящее место показать тебе, что мой язык не служит злым духам, погрязшим во лжи.

И в подкрепление своего заверения привела отрывок из «Книги лотоса», выбранный заранее. Ясухира ответил с приличествующей случаю серьезностью:

— Достаточно. Я верю тебе.

Он принадлежал к течению, полагающему, что великий Будда самолично следит за всеми человеческими поступками.

Вокруг была целомудренная красота. Морось заползала в беседку и покрывала мелкими капельками одежду, волосы, ресницы. Холод и тишина ощущались как неземные силы, которым нет до них двоих никакого дела.

— Ты думаешь, мне около пятидесяти, — сказала она. — В действительности я старше. Более чем вдвое старше.

У него перехватило дыхание. Пристально взглянув на нее, он отвел глаза и спросил с подчеркнутым хладнокровием:

— Как это может быть?

— Сама не понимаю. Знаю, что родилась в правление императора Тобы, со времен которого клан Фудзивара правил страной так успешно, что повсюду установился мир. Росла как любая девочка из хорошей семьи — с той разницей, что никогда не болела, а как только стала взрослой, всякие внешние перемены во мне прекратились, и с тех пор я такая, какой ты видишь меня сегодня.

— Какая же судьба тебе уготована?

— Говорю тебе, не ведаю. Я изучала науки, молилась, углублялась в медитацию и самоограничения, но озарение так и не пришло. В конце концов я решила продолжать вести эту долгую жизнь достойно, как только смогу.

— Это, должно быть, нелегко.

— Нелегко.

— Почему же ты не откроешься другим? — Голос Ясухиры дрогнул. — Ты могла бы считаться святой, праведницей, бодхисатвой *...

— Знаю заведомо, что не гожусь в святые. Я мучаюсь тревогами, неуверенностью в себе, меня одолевают желания, страхи, надежды, мне присущи все телесные грехи. По мере того как

---

* По буддистскому учению, идеальное существо, выступающее как наставник и образец для других людей. Одним из бодхисатв считается, например, далай-лама.

мою неподверженность старению стали мало-помалу замечать другие, я столкнулась с завистью и злобой, люди начали страшиться меня. И тем не менее я не могла заставить себя отречься от мира в пользу возвышенной бедности. Так что, Миюки, кто б я ни была, я не праведница.

Он погрузился в раздумье. За садовой оградой кружилось бесформие. Потом он наконец осмелился спросить:

— Как ты все-таки жила? На что были похожи все эти годы?

— Когда мне было четырнадцать, меня присмотрел мужчина много старше меня, — как его имя, теперь неважно. Он был влиятельным человеком, и мои родители поощряли его ухаживания. Никаких чувств я к нему не испытывала, но не знала, как отказать. Кончилось тем, что, проведя со мной три ночи, он сделал меня своей младшей женой. Он же представил меня ко двору Тобы, который к тому времени отрекся от престола. Я родила нескольких детей, двое выжили. Однако Тоба умер, а вслед за тем и мой муж. Вскоре разгорелась война между кланами Таира и Минамото. Я воспользовалась ею, чтобы отказаться от службы при вдовствующей особе и, получив причитающееся вознаграждение, вернуться в семью, где выросла. Обычай, что дамам, не состоящим при дворе, приличествует уединение, был мне на руку. Но это же было пустое существование!

Долго ли, коротко ли, — продолжала Окура, — я завела любовника, которому доверяла. Он тоже был богат и влиятелен, отвез меня в свое сельское имение, и там я провела еще несколько лет. Потом он выдал мою дочь замуж и отправил ее подальше, а меня привез в Киото под ее именем, и благодаря его покровительству меня вновь приняли на придворную службу. Люди, помнившие меня прежнюю, поражались тому, как же сильно дочь похожа на мать. Постепенно я одолела презрение, с каким они относились к провинциалкам, — но когда другие придворные стали замечать, что мой юный облик не меняется...

Тут она испытала что-то очень похожее на скуку и осведомилась:

— Ты и впрямь хочешь выслушать все подробности? Нынешняя моя жизнь при дворе была третьей по счету. И все три были полны уловок и лжи. А дети, которых я вынашивала и от которых приходилось так или иначе избавляться, отдавать на сторону, прежде чем становилось слишком очевидным, что они стареют, а я нет! Это было больнее всего. Не представляю себе, долго ли еще я могла бы терпеть такую жизнь...

— Стало быть, теперь ты хочешь оставить прошлое позади, отречься от него? — произнес он почти беззвучно.

— Давно пора. Я оттягивала решение из противоречивых чувств, из-за неуверенности, какая судьба постигнет мою родню. Ну что ж, все решено без меня и за меня. Я почти благодарна, что освобождена от обязательств.

— Но если ты примешь клятвы и станешь монахиней, ты уже не сможешь вернуться сюда, как бывало.

— Я и не хотела бы возвращаться. Хватит с меня мелочных интриг и бессмысленных развлечений. На небе меньше звезд, чем зевков, что я подавила, и часов, что я провела в тоске, глядя прямо перед собой и ожидая событий — хоть каких-нибудь, каких угодно. — Она мягко коснулась его руки. — Ты тоже был не последней причиной того, что я тянула время. Но теперь ты, в свой черед, должен покинуть меня. Да и сомнительно, что удастся сохранять сколько-нибудь длительно видимость прежней столичной жизни.

— Ты выбрала более тяжкий путь, чем я полагал посильным для тебя.

— Нет, наверное, не более тяжкий, чем большинство путей в грядущие времена. Мы вступаем в жестокий век. А к странствующей монахине относятся с почтением, и никто ни о чем ее не расспрашивает. В один прекрасный день я, может, даже приду к пониманию, зачем мы живем и отчего обречены на страдания.

— Способен ли я на такое же мужество, как она? — осведомился он у дождя.

Окура опять коснулась его руки.

— Я того и боялась, что моя повесть расстроит тебя.

Он по-прежнему смотрел куда-то в непроглядную серебряную даль.

— Возможно, это было необходимо тебе самой. Для меня ничто не изменилось. Покуда я жив, ты останешься для меня Утренней красой. А еще ты помогла мне запомнить, что я, благодарение небесам, смертен. Ты будешь молиться за меня?

— Непременно, — пообещала она.

Они постояли молча, затем вернулись в дом. Там они ворошили прежние дни, вызывали в памяти минуты радости, счастья, наслаждения — минуты, когда безраздельно принадлежали друг другу. Он слегка опьянел. Однако когда настала пора прощаться, расставание прошло церемонно и чинно, как подобает мужчине благородного звания и даме, состоящей при дворе.

Глава 9

ПРИЗРАКИ

Уж не дым ли вернул ее к жизни? Дым горчил в ноздрях, разрывал легкие — вокруг не осталось воздуха, один дым. Она закашлялась. Чудилось, что голова раскололась на черепки и теперь они встают на место с хрустом, трутся друг о друга, как льдины на озере в зимнюю бурю. Еще приступ кашля и еще. И вот сквозь гул в голове и режущую боль она различила потрескивание, нарастающее с каждой минутой.

Глаза сами собой раскрылись. Дым яростно набросился на них, но и сквозь слезы она заметила пламя. Горела вся стена часовни, огонь уже лизал потолок. Она не могла различить ни святых, которые украшали его прежде, ни икон на стенах — не дай Бог, сгорели, — но алтарь пока уцелел. Как только дым чуть приподнимался, она видела над собой его полуосвещенную громаду, и у нее возникло мимолетное дикое опасение, что алтарь вот-вот поднимется, упадет на нее и раздавит или, наоборот, уплывет на облаке дыма навсегда.

Жара нарастала. Она кое-как перевернулась на четвереньки, но приподнять отяжелевшую от боли голову так и не смогла. Однако что-то на самом краю зрения все же заставило ее медленно подползти, привстать и ахнуть, едва она поняла, что, вернее, кого видит.

Сестра Елена. Распростерта на спине и недвижна, недвижнее алтаря. В удивленно распахнутых глазах — огни пожара. Из открытого рта полувывалился сухой язык. На глиняном полу резко белеют обнаженные ноги, монашеская ряса задрана на живот. И поверх белой кожи — яркие пятна крови.

Варвара ощутила, как все внутри сжалось и перевернулось. Тут уж пришлось встать волей-неволей — ее одолела рвота. Приступы повторялись трижды, отдаваясь во всем теле, но, когда они кончились, оставив кислый вкус на языке и жжение в желудке, сознание, как ни странно, прояснилось. И мелькнула мысль: как расценить эти приступы — как окончательное осквернение святых стен или как Божью милость, искупление за то, что совершили с Еленой?

Ты была моей сестрой во Христе, подумала Варвара. Такая юная, о какая же юная! Хотелось бы мне, чтобы ты не питала ко мне столь явного благоговения. Чтобы мы иногда могли просто побыть вместе, вдвоем, пошептаться и похихикать, прежде чем перейти к молитвам. Ну что ж, ты, видимо, заслужила участь мученицы. Ступай домой, в чертоги небесные...

Слова прокладывали себе путь сквозь боль, оглушительный стук сердца, сквозь головокружение. Трещал огонь, жара становилась невыносимой. Откуда-то сыпались искры, несколько искр попало ей на рукава. Хоть они и угасли, но отсюда надо бежать, если она не хочет изжариться заживо.

Она испытала еще мгновение слабости. Почему бы не умереть здесь, заодно с юной Еленой? Подвести черту под столетиями — когда же, как не сейчас, когда весь мир пришел к концу? Если заставить себя дышать глубоко, агония будет недолгой. А затем — покой, вечный покой...

Сквозь марево дыма и копоти прорвался отчетливый медно-желтый солнечный луч. Она предавалась мыслям о смерти — а тело самовольно ползло к дверям. Изумившись этому, она окончательно пришла в себя и осмотрелась. Вокруг ни единой живой души. Монастырские постройки, большей частью деревянные, объяты пламенем. Она встала на ноги и заковыляла прочь, прочь от них. Но сразу за оградой ею овладела животная настороженность, и она осмотрелась снова, прижавшись к стене.

Монастыри, мужской и женский, располагались по обычаю вдали от города: предполагалось, что в крайнем случае послушники и послушницы найдут укрытие за городскими укреплениями. Только на это не хватило времени. Татары налетели чересчур стремительно и отрезали их от безопасного убежища. А потом взяли монастырь вместе с Богородицей, святыми и ангелами в кольцо и ворвались в его пределы, завывая, как собаки.

Теперь-то Варваре было ясно, что и город не стал бы спасением. Переяславль пал. Возможно, татары овладели им даже раньше, чем дали себе труд побеспокоиться насчет Богородицы. Над городскими стенами в чистое вечернее небо поднимались тучи черного дыма, и кое-где из-под дымных мазков просвечивали языки пламени, оттеняя мрачную картину тревожным алым налетом. Ей смутно вспомнилось, как Господь предстал перед израильтянами в виде дымного столпа днем и огненного столпа в ночи. Однако вряд ли глас Его ревел с такой мощью, как погребальный костер, бывший прежде Переяславлем.

По холмистым полям вокруг поднимались дымы помельче — горели деревни, и кое-где были видны темные пятнышки: кто-то спасался бегством. Сами татары вроде бы держались вблизи города. Там и тут отряды конников скакали прямо по посевам. Пешие воины гнали пленных в главное становище, — правда, пленные были наперечет, но и захватчиков, как приметила Варвара, насчитывалось не так-то много. Не несметные орды,

как уверяла молва, а от силы несколько сотен. И никаких железных одежд — на коренастых фигурах кожа да меха, а если где-нибудь и мелькал металлический блик, то скорее от копья, чем от шлема. На одной из повозок было водружено знамя, шест с поперечиной, откуда свисало что-то невнятное, — быть может, бычьи хвосты? А лошадки у них были все как на подбор низкорослые, мохнатые, длинномордые, мышастой окраски.

И все же эти невзрачные всадники прокатились по русской земле пожаром, сметая и вытаптывая все на своем пути. Обитателям монастырей, удалившимся от мира, и тем доводилось слышать, что даже разбойники-печенеги, спасаясь от татар, бежали к русским в поисках защиты. Татарская конница нападала как тысяченогий дракон, а стрелы татарских лучников рушились на противника неудержимой метелью...

Но не считая супостатов, вокруг и в особенности на запад стелились извечные, возмутительно спокойные зеленые просторы. Солнечный свет лился на Трубеж, превращая реку в поток расплавленного золота. Стаи водной дичи поднимались на крыло, устремляясь к приречным болотам.

Там, в болотах, поняла Варвара, мое спасение, моя единственная крошечная надежда.

Только как туда добраться? Тело разламывалось от боли, к ней добавлялись душевные муки, и каждая косточка весила как свинец. И все же, несмотря ни на что, она должна, должна идти, возмещая свою неполноценность разумом. Продвинуться чуть-чуть, замереть, выждать удобную минуту и переместиться еще, пусть на десяток саженей. Путь до цели потребует много времени, но чего-чего, а времени у нее сколько угодно. Она подавила в себе безумный смешок.

Первое укрытие ей дал монастырский сад. Как долго эти деревья радовали ее и сестер по вере удивительной бело-розовой кипенью весной, шуршали зеленью летом, даровали свежие сладкие плоды осенью, а зимой их прекрасная нагота разрушала серое уныние и однообразие. Счет годам, проведенным в монастыре, был утерян, оставив по себе лишь беглую память об отдельных людях. Елена, сварливая Марина, дородная безмятежная Юлиана, настоятель Симеон, прячущий свою степенность за необъятной бородой, — его давно нет в живых, все они призраки, да и она сама, быть может, тоже мертва, хоть и не дано ей успокоения. И вот теперь она, как русалка, ползет обратно к родной реке.

За садом начиналось пастбище. На миг подумалось, что лучше бы затаиться среди деревьев до наступления ночи. Но пере-

житый ужас гнал ее вперед, и она сама не заметила, как двинулась дальше почти ползком — змея, да и только. Навык скрытного движения вернулся легко, что и немудрено: усвоила-то она его еще в детстве. До пришествия Христа на Русь, да и потом, женщины бродили по лесам не хуже мужчин, хоть и предпочитали не забираться в темные чащобы без троп, где таятся хищные твари и демоны, а держаться ближе к солнечным опушкам, богатым ягодами и орехами. Пожалуй, до сих пор лес оставался ей ближе, чем монастырь. Но что случилось там, в монастыре, после того как враг подошел к его стенам? Что? Ни проблеска памяти.

Внезапный глухой звук заставил ее распластаться в траве. Несмотря на усталость, сердце отозвалось на этот звук бешеным стуком, а в висках что-то тоненько засвистело. Хорошо, что она не осталась в саду: среди деревьев замелькали татарские лошадки. Одного из всадников она разглядела отчетливо — широкое смуглое лицо, раскосые щелочки глаз, жидкая бороденка. Сдается, она встречалась с ним. А может, он был среди тех, кто овладел ею там, в часовне?

Они проехали совсем близко, но ее не увидели. В груди поднялась волна благодарности. Только позже, много позже она поняла, что благодарность была обращена не к Господу и его святым, а к Дажбогу, повелителю небесного огня, защитнику слабых. Еще одно давнее воспоминание, еще один призрак.

Ко времени, когда она достигла болот, горизонт уже тронули сумерки. Дымы над Переяславлем по-прежнему были окрашены красными сполохами; окрестные деревни, вероятно, уже выгорели дотла. Кучками мерцали татарские костры, мелкие и кровавые, как и те, кто их запалил.

Прохладная грязь начала просачиваться в обувку, облила пальцы ног, поднялась до щиколоток. Варвара нашла бугорок, поросший сырой травой, и опустилась на него, скрючившись, вцепившись в упругий дерн и рыхлую почву. Земля, матерь всех и вся, прижми меня к себе, не отпускай, утешь свое несчастное дитя!

Проступили первые звезды. Она набралась решимости поплакать. Потом стянула с тела платье, слой за слоем. Ветерок овеял наготу лаской, и, связав одежки узелком, она прошлепала сквозь камыши до чистой воды. Наконец-то она может промыть рот и горло, напиться от души. Течение было медленным, вода не спеша обтекала каждую опаленную клеточку. Варвара яростно мыла и скребла себя, снова, снова и снова. Река миловала, голубила — женщина открыла ей свои чресла, повторяя молитвенно: «Очисти меня...»

Света звезд и Млечного Пути оказалось довольно, чтоб она нашла дорогу назад и постояла на бугорке, пока ветерок не обсушил ее. Обсушил до дрожи, но быстро. Губы тронула усмешка — что было бы, оставайся волосы длинными, однако они были острижены, спасибо монастырю, сегодня это кстати. Натягивая одежду, она ощутила тошноту — теперь стало ясно, что тряпки провоняли потом, кровью, татарами, и надеть их на себя стоило чуть не последних сил. Наверное, можно бы пока обойтись без одежды, но хотелось защититься от назойливого запаха дыма. Еще одно наследие, еще один урок веков — надлежит укрываться от холода ночи. Сколько она себя помнит, болезни обходили ее стороной, но сегодня она ослабла так, что лихорадка может и одолеть ее...

Съежившись на своем бугорке, Варвара погрузилась в полусон. Только призраки не оставляли ее, тараторили без умолку.

Рассвет привел ее в чувство, она чихнула, застонала, вздрогнула. По мере того как на земле креп день, такая же холодная ясность нарастала и в сердце. Осторожно шелохнувшись в своем убежище, она убедилась, что руки и ноги снова начали слушаться, да и боль смягчилась. Конечно, раны еще поноют, но как потеплеет — притихнут и вскорости заживут.

Держалась она скрытно, глубоко в камышах, хотя время от времени дерзала осторожно выглянуть наружу. Видела, как татары водили лошадей на водопой, но река милостиво унесла их запахи прежде, чем вонь достигла Варвары. Видела, как они скачут то туда, то сюда, а нередко и возвращаются, нагруженные добычей. Мельком, когда лагерные толпы чуть раздвигались, видела и пленников под конной охраной — юношей, молодых женщин, кого стоило держать в рабстве. Все остальные лежали мертвыми на пожарищах.

Памяти о последних часах в монастыре по-прежнему не было: наверное, стукнули по голове. В общем-то, нужды все доподлинно вспомнить она не испытывала, происшедшее нетрудно было восполнить в воображении. Как только захватчики вломились в святые стены, монахини, надо думать, бросились врассыпную. Не исключено, что именно она, Варвара, схватила Елену за руку и потащила в часовню святой Евдокии. Маленькая часовня стояла на отшибе, никаких ценностей там не держали, и можно было надеяться, что дьяволы обойдут ее стороной. Увы, не обошли.

А что потом? Как умерла Елена? Сама Варвара — что ж, вероятно, она пыталась сопротивляться, и потребовалось трое или четверо, чтобы держать ее по очереди. Варвара была круп-

ная, сильная, прошла многие испытания, привыкла сама стоять за себя. Кто-то из татар, возможно, после того как она его укусила, грохнул ее затылком об пол. А Елена, напротив, была маленькой, хрупкой, мечтательной тихоней. Елена только и могла, что лежать там, куда ее бросили, пока насильники продолжали свое грязное дело. И, возможно, последний из них по примеру своего дружка, расправившегося с Варварой, усмехнулся и проделал то же самое с Еленой, только ее-то удар убил на месте. Они поди решили, что Варвара умерла тоже, подтянули штаны и ушли, — а скорее, им было просто все равно.

Спасибо, хоть не потянулись за ножами. Ножевой раны Варвара могла бы и не пережить. Череп у нее оказался крепким, но пусти они в ход ножи, она могла бы и не очнуться вовремя и не выползти из часовни — и жизненная сила, позволяющая ей держаться не старея, тут не помогла бы. Следовало бы вознести хвалу Господу, что случилось именно так, а не иначе.

— Нет, — прошептала она, — сначала прими мою благодарность за то, что Елена мертва. Насилие сломило бы ее, воспоминания терзали бы ее днем и ночью, не отпускали бы ни на шаг...

За что еще благодарить, Варвара так и не решила.

Бормотала река, медленно шли часы. Щебетали птицы. Жужжали мухи, привлеченные ее зловонной одеждой. Дал о себе знать голод, — но она припомнила давнюю уловку и легла животом в тину у заводи, среди нанесенных течением веток. Легла и набралась терпения.

Она была не одна — призраки подбирались все ближе. Прикасались к ней, тянули к себе, нашептывали, манили. Первыми явились самые гнусные: пьяные мужья и два негодяя, сумевшие овладеть ею насильно в годы странствий. Был и третий, но того она сумела упредить, всадив в него кинжал.

— Горите на адском костре вместе с татарами, — прорычала она, как волчица. — Я пережила вас — и их тоже переживу...

И даже самая память о них сотрется. И, отогнав прежних призраков, она призовет новых. Быть может, на это уйдут годы — уж лет ей не занимать, — но сила, позволившая ей жить так долго, рано или поздно опять дарует ей счастье.

— Добрые мужики, вернитесь ко мне. Мне вас так не хватает. Мы же были счастливы вместе, разве нет?

Отец. Седобородый дедушка, у которого она умела выпросить что угодно. Старший брат Богдан — они, бывало, дрались, а потом он вырос достойным человеком, пока болезнь не скрутила его и не выела ему нутро. И младший брат, и сестренки —

они иногда дразнились, но все равно она их любила. Соседи. И среди них Дир, застенчиво целовавший ее на медовом лугу; ей было тогда двенадцать, и мир от его поцелуев ходил ходуном. Силач Владимир, первый из ее мужей, — даже когда старость согнула его и опустошила, он оставался с ней нежен. Дальнейшие мужья — ведь кое-кто из них ей нравился! Друзья, которые поддерживали ее, священники, у которых она искала утешения в печали. И не только священники: как памятен, например, уродец Глеб Ильин, однако и неудивительно — ведь он стал первым из тех, кто помогал ей спастись, когда домашний очаг оборачивался ловушкой. И, конечно, ее сыновья, сыновья и внуки, дочери и внучки, а затем и правнуки, — безжалостное время прибрало их одного за другим. Призраки не были безликими, однако их лица с годами менялись, старели, пока в конце концов не скрывались под маской смерти.

Нет, не все, не все. Некоторых она встречала лишь мимолетно — и не странно ли, что они помнятся так живо? Как звали того иноземного купца — Кадок? Вот именно — Кадок. Можно лишь радоваться, что ей не выпало видеть, как он увядает. Сколько лет минуло с той волшебной ночи в Киеве? Сотни две, наверное, не меньше. Конечно, он мог погибнуть, и не дожив, в расцвете молодости.

Другие любовники ушли в туман. А кое в ком из них она вообще не была уверена — то ли они существовали на самом деле, то ли пришли из грез и каким-то образом прилипли к памяти.

Взметая брызги, из камышей выпрыгнула лягушка и бултыхнулась в заводь. И устроилась на коряге, бело-зеленая, жирная, выслеживая зазевавшихся мух. Варвара оставалась недвижимой, пока лягва не перестала обращать на нее внимание. И тогда стремительно выбросила руку. Лягушка брыкалась как могла, она была холодная и скользкая, но Варвара исхитрилась стукнуть ее по голове. Разорвала на части и впилась в нее зубами, сгладывая мясо с костей, а пустую шкурку швырнула в реку, признательная своей удаче. На стремнине качались утки — можно бы раздеться, неслышно нырнуть, подплыть под водой и ухватить какую-нибудь за лапы. Однако не стоит — могут заметить татары. Вместо этого она поискала осоку со съедобными корешками. Да, лесные навыки не пропали, а по сути и не исчезали никогда.

С другой стороны... Что привело ее в монастырь? Крепнущее в душе отчаяние, чувство, что самая душа распадается и покидает ее? Нет, это не вся правда. Просто ей слишком часто случа-

лось говорить другим «прощай». А Божья обитель обещала убежище на длительный срок.

Спору нет, она нашла там покой, если не внутренний, то хотя бы внешний. Однако зов плоти не желал гаснуть, и не в последнюю очередь жажда вновь ощутить у себя на руках крохотный теплый комочек, выкормить его грудью. Она держала себя в узде, однако подчас плоть гневалась над устоями веры и, предпочитая прежних земных богов, рвалась за монастырские стены, за замкнутые ими горизонты. Отсюда и мелкие грешки — она гневалась на сестер, проявляла нетерпение на исповеди и в однообразных повседневных обетах. Тем не менее, в общем и целом, монастырь давал ей покой. В промежутках между молитвами, припадками раздражения и недоуменными поисками никак не дающейся святости выпадали часы, когда она могла капля за каплей, год за годом воссоздавать себя. Научилась владеть воспоминаниями, держать их в повиновении, не позволяя ни уходить бесследно, ни подавлять ее своей бессчетностью. Вроде бы призраки были на время усмирены.

В камышах прошелестел ветер. Ее передернул озноб. Какими бы благими ни были ее намерения — что, если ей суждено потерпеть неудачу? Что, если она на всем свете единственная в своем роде — или, еще того хуже, что, если удел таких, как она, — сойти с ума и погибнуть, не свершив ничего?

Но может, все-таки не ей одной даровано не то благословение, не то проклятие бессмертия? Конечно, в монастыре не нашлось записей о таких людях, не считая Мафусаила, жившего на заре мироздания. Да и она никому ни словом не обмолвилась о своем возрасте, нажитая веками осмотрительность не позволила. Она явилась в монастырь как вдова, решившаяся на постриг, ибо церковь одобрительно относится к вдовам, совершающим такое деяние. Разумеется, когда прошли десятилетия, а она, к изумлению окружающих, сохранила телесную молодость...

На болота обрушился шум — крики, ржание, барабанный бой. Она поспешно выглянула из своего тайника. Татары увязали добычу, кое-как построились и собрались уезжать. Пленников она не разглядела, хоть и догадалась, что их погонят с обозом. Из-за почерневших, порушенных стен Переяславля до сих пор сочился тощий дымок.

Татары двигались на северо-запад, от Трубежа к Днепру и Киеву. Великий город лежал всего-то в одном дне пути отсюда, верхом и того меньше. О Христос, яви милосердие, неужели они вознамерились взять Киев?

Нет, конечно, для этого их слишком мало. Но есть и другие отряды, рыскающие по всей земле Русской. Их хан — или кто там у них? — осуществляет дьявольский замысел. Отряды соберутся вместе, заточат мечи, притупившиеся в кровавых бойнях, и двинутся дальше единой ордой.

В храме Божием я искала вечного спасения, мелькнула мысль. А теперь своими глазами видела, что и храмам может прийти конец.

А мне? Мне тоже?

Да, я могу умереть от клинка, в огне, от голода или наводнения; значит, рано или поздно я все равно умру. Уже сейчас среди тех, по сравнению с которыми я бессмертна, я сама призрак, а то и хуже, чем призрак.

Сперва другие монашки, потом монахи и окрестные попы, а в конце концов, и миряне стали дивиться на сестру Варвару. Лет через пятьдесят монастырской жизни крестьяне завели обычай обращаться к ней за помощью в своих горестях, начали появляться и ходоки из дальних мест. Как она и опасалась с самого пострижения, у нее не осталось выхода, кроме как рассказать исповеднику правду. Едва она ушла с исповеди, тот передал ее рассказ настоятелю Симеону, а Симеон собирался отписать самому митрополиту. Если не думать, что в обители Богородицы завелась собственная святая — а сестра Варвара заверяла, что святой ее считать нельзя, — следовательно, свершилось чудо.

Как сложилась бы ее жизнь дальше? Теперь можно не гадать: настоятель, священнослужители, почитатели — все мертвы, монастырские записи сгорели. И все вокруг разрушено, или скоро будет разрушено, или обречено на забвение: у каждого уцелевшего слишком много личных утрат. Может, память о сестре Варваре и удержится в умах двух-трех человек, но вряд ли распространится дальше и умрет вместе с ними.

Татарское нашествие — гнев Божий? Пришел ли Господь к решению, что она недостойна, или просто освобождает ее от ноши, какой ни один потомок Адама и Евы не в силах снести? Или, осквернённая и поруганная, она все равно призвана исполнить некое предназначение и, как втайне надеется, небезразлична Ему?

Она вцепилась в свой травянистый бугорок. Земля и солнце, луна и звезды, ветер и дождь и любовь, — как ни кинь, а прежние боги ближе и понятнее, чем суровый Христос. Только люди забросили их, они сохранились лишь в танцах и пиршественных обрядах, в сказках и песнях у костра; они обернулись призраками. Но во веки веков в небесах над Россией будут свер-

кать молнии и греметь громы, предвещая возмездие за неправедные поступки, а уж выступит мстителем Перун или святой Георгий — какая разница...

Варвара набиралась сил от земли, как младенец от молока. Едва татары скрылись из виду, она вскочила на ноги и, потрясая им вслед кулаками, воскликнула:

— Нас не сломить! Мы переживем вас и, в конце концов, сокрушим, мы вернем себе все, что было нашим!

Чуть успокоившись, она вновь сбросила одежду, выполоскала в реке, разложила на косогоре для просушки. А сама тем временем вымылась еще раз и подкрепилась корешками, какие нашла.

Под утро она отправилась обследовать развалины — монастырские и городские. Повсюду — только зола, головешки, битые кирпичи, каменное крошево. Две колокольни выстояли, но в прокопченных церквах лежали трупы. Еще больше людей было побито на улицах, и этим выпала худшая участь. Над ними ссорились стервятники, недовольно орали, взлетая при ее приближении. И она не могла тут ничем помочь, разве что помолиться.

Хорошенько порыскав, она обнаружила полезные вещи — одежду, обувь, неповрежденный нож. Подбирая добро, она с улыбкой шептала «спасибо», обращаясь к призраку бывшего владельца. Путь ей предстоит долгий, в лучшем случае трудный, а то и опасный. Она не остановится, пока не отыщет новый дом, каков бы он ни был, — важно лишь, чтоб он ей понравился. Прежде чем тронуться дальше, она обратилась к рассветным небесам:

— Попомните мое имя. Я больше не Варвара. Я опять Свобода...

Глава 10

В ПРЕДГОРЬЯХ

1

На подступах к Тибету, где горы начинают свое долгое восхождение к недосягаемым высотам, гнездилась деревенька. Кручи стискивали приютившую ее долинку с трех сторон, сужая и приподнимая видимые горизонты. С поросшего карликовыми дубами и кипарисами западного склона сбегала бурная речушка, играя на солнце бликами, как водопад; попетляв среди домов, она терялась среди бамбуковых рощ и каменных россыпей

на востоке. В самой долинке и на террасах над ней местные жители выращивали пшеницу, сою, овощи, дыни и даже кое-какие фрукты, из живности — свиней и кур, разводили рыбу в пруду. Два десятка глинобитных домиков с дерновыми крышами стояли здесь испокон веков. Солнце, дождь, снег, ветер и само время давным-давно породнили их с землей, сделали их вместе с жителями неотъемлемой частью ландшафта, подобно фазанам, пандам и распускающимся по весне диким цветам.

К востоку кручи расступались, открывая взору морщинистые холмы, покрытые буро-зелеными лесами, а дальше к горизонту что справа, что слева — парящие в небесах снежные вершины. Среди холмов вилась ведущая в деревню дорога, едва-едва переросшая звание тропы. Пользовались ею редко. Раза четыре в год мужчины на несколько дней уезжали на рынок в ближайший городок. Там же они платили подати, так что посылать к ним кого-то нужды почти не возникало. Когда же такое случалось, инспектор задерживался на одну ночь, расспрашивал старейшин, как идут дела, получал от них традиционные ответы и с облегчением отбывал поутру — деревня пользовалась репутацией жутковатого места.

Но только в глазах чужаков. Для местных она была священной. То ли благодаря окружающему ее благоговейному страху, искреннему или напускному, то ли из-за удаленности от мира войны и грабежи обходили деревню стороной. Она жила своей жизнью, где имели значение лишь обыкновенные горести и беды. Порой ее навещал странствующий паломник, решившийся одолеть все преграды, трудности и опасности пути. За протекшие века несколько странников осело в деревне, и она приняла их с миром. Так уж повелось. А почему, о том могли поведать лишь легенды да Учитель.

Сегодня день был особенный: пастушонок, вереща, прибежал с вестью, что на дороге показался путник.

— Позор тебе! Как же ты оставил вола без присмотра? — упрекнул его дед, хоть и не очень строго.

Мальчик принялся оправдываться тем, что сперва привязал зверя — ведь тигры давно не объявлялись; посему он был прощен. А народ уже пришел в шумное оживление. Вот и послушник в святилище ударил в гонг. Тягучая нота запела в воздухе, эхом прокатилась от склона к склону, мешаясь с говором потока и лепетом ветра.

Осень на высокогорье приходит рано. Леса уже оделись в багрянец и позолоту, трава пожухла, опавшая листва шелестела под ногами, плавала на поверхности оставленных ночным

дождем луж. Небо над головой выгибалось неправдоподобной синью, подвластной только птицам. Стекающий со склонов студеный воздух доносил их негромкие крики. Над очагами вился дымок, и ощущение холода от этого еще более обострялось.

Когда странник одолел последний подъем, жители деревни, к своему изумлению, поняли, что это женщина. Ее потрепанное, залатанное шерстяное платье выцвело до серости, башмаки тоже почти отслужили свой срок, а зажатый в правой руке посох был отполирован временем. На плече путницы висело скатанное одеяло, тоже видавшее виды, а в одеяле нашлось место для деревянной чаши и, вероятно, еще для каких-то мелочей.

Но сама женщина вовсе не была старой нищенкой. Ее стройное тело хранило гордую осанку, поступь оставалась размашистой и легкой. Сбившийся платок открывал взору волосы, черные как вороново крыло, подрезанные вровень с ушами; на лице, обветренном и изможденном, тем не менее не было ни морщинки. Подобных лиц не видели в здешних краях; не походила странница и на обитателей низин, откуда она вроде бы держала путь.

Вперед выступил старейшина Цонг. Не найдя ничего лучшего, он приветствовал ее согласно древнему обычаю, хотя до сих пор все паломники непременно были мужчинами.

— От имени Учителя и народа я говорю: добро пожаловать в деревню Утренней Росы. Да шествуешь ты в Дао с миром, и да сопроводят тебя в пути боги и духи. Да принесет час твоего прихода удачу. Да войдешь ты гостем, а уйдешь другом.

— Нижайшая из низких благодарит тебя, досточтимый господин, — откликнулась она. Такого диковинного выговора еще никто не слышал. Впрочем, само по себе это было не удивительно. — Я пришла в поисках... просветления.

Тут ее голос дал сбой, будто от страстной надежды на просветление у путницы перехватило дыхание.

Цонг обернулся, поклонившись келье и дому Учителя позади нее.

— Вот оно, убежище Дао-пути, — изрек он. Кое-кто в толпе самодовольно улыбнулся: это же и их убежище. — Можем ли мы узнать твое имя, дабы донести его до Учителя?

— Я зову себя Ли, досточтимый господин, — помедлив, отвечала она.

Он неторопливо склонил голову. Ветер трепал его жидкую седую бороду.

— Если ты сама избрала себе имя, то избрала удачно. — В ее произношении «ли» звучало как мера пути. Не обращая

внимания на беспокойное перешептывание людей, он воздержался от дальнейших расспросов. — Войди. Отдохни, освежись. Остановишься у меня.

— А ваш... глава?..

— В свое время, юная госпожа, в свое время. Входи же.

Лицо ее приобрело непостижимое выражение — нечто среднее между смирением и несокрушимой решимостью. Вслух она сказала:

— Еще раз нижайше благодарю...

И последовала за старейшиной. Люди расступились, некоторые с добрыми пожеланиями. На лицах читалось естественное любопытство, но не только — всех, вплоть до детей, объединяла какая-то особая кротость. Схожи они были и обликом — широколицые, курносые, крепко сложенные, одинаковые ватные халаты, натруженные руки. Когда Цонг с семьей и Ли удалились, они еще немного поболтали и умиротворенно вернулись к своим очагам, ручным жерновам, ткацким станкам, орудиям, скоту — ко всему тому, что поддерживало их жизнь, как и жизнь их предков, с незапамятных времен.

Вместе с Цонгом жил его старший сын с женой и отпрыском — но они держались в тени, напоминая о своем присутствии лишь тогда, когда надлежало подать чай, а потом еду. Дом старейшины был одним из самых больших в деревне — четыре комнаты, разделенные стенами из утрамбованной земли; темновато, зато тепло и уютно. Обстановка, конечно, оставалась скудной и грубо слаженной, но это никого не томило, напротив — все были довольны и жизнерадостны. Цонг и Ли уселись на циновках за низеньким столиком и отдали должное похлебке с красным перцем, аромат которого перебивал запахи прочих запасов на зиму, развешенных под кровлей.

— Тебе надо умыться и отдохнуть, прежде чем мы увидимся с остальными старейшинами, — сообщил Цонг.

Ложка в руке Ли задрожала.

— Простите, но когда я смогу повидать наставника? Я прошла долгий, ах, какой долгий и изнурительный путь.

— Твое желание понятно, — нахмурился Цонг. — Но мы совершенно ничего не знаем о тебе, сударыня Ли.

— Простите меня, — опустила она ресницы. — По-моему, то, что я намерена поведать, предназначено лишь для его слуха. И, я думаю... я... я молюсь, чтобы он склонил ко мне слух поскорее. Поскорее!

— Поспешность нам не пристала. Она непристойна, а может и принести беду. Что тебе известно о нем?

— Признаюсь честно, почти ничего, одни слухи. Странствуя по свету, я в разных местах слышала рассказы о нем. Поначалу они смахивали на народные предания. Якобы далеко на западе живет святой человек — настолько святой, что смерть не осмеливается коснуться его... А когда я подошла поближе, то услышала, что обитает он именно здесь. О нем вообще говорили немногие, и без всяких подробностей. Словно они опасались поминать о нем, хотя... Ничего дурного о нем я не слышала.

— Потому что ничего дурного о нем и не скажешь, — откликнулся смягченный ее честностью Цонг. — Должно быть, душа твоя велика, раз ты решилась на подобное странствие — совсем одна, да еще такая молоденькая. Наверняка звезды благоприятствовали тебе, раз никто не причинил тебе никакого вреда. Это добрый знак. — Подслеповатый старейшина не заметил в дымном полумраке, как она поморщилась, и продолжал задумчиво: — Но все-таки наш знахарь должен погадать на костях, а мы обязаны поднести дары предкам и духам, дабы получить очищение. Ибо ты — женщина...

— Чего бояться святому человеку, если ему покорно само время?! — воскликнула она.

Тон ответа несколько успокоил ее:

— Осмелюсь сказать, бояться ему нечего. И он наверняка защитит нас, свой возлюбленный народ, как делал это всегда. Что же ты хочешь услышать о нем?

— Все-все, — шепнула она.

Цонг улыбнулся. В падающем сквозь оконце тусклом свете блеснули остатки его сточенных, поредевших зубов.

— На это потребовались бы годы. Он с нами уже давно-давно, много столетий.

— Когда же он пришел к вам? — вновь насторожилась она.

— Кто знает? — Цонг отхлебнул чаю. — У него есть книги, он умеет читать и писать, но мы-то не умеем. Мы ведем счет месяцам, а не годам. Незачем нам считать годы. Под его добрым покровительством любой из нас проживет свой век одинаково счастливо — насколько позволят звезды и духи. Посторонние нас не тревожат. Войны, голод, чума до нас не доходят. Всякие новости здесь слышны не громче, чем если в рыночном городе запищит комар, — а ведь и в городе мало что знают. Я даже не смогу сказать, кто нынче правит в Нанкине, да и не тревожусь о том.

— Властители династии Мин изгнали иноземцев из рода Юань лет двести назад, и ныне имперская столица в Пекине.

— Так ты ученая? — хмыкнул старик. — Наши праотцы слыхали о завоевателях с севера, и мы знаем, что они ушли. Однако тибетцы к нам куда ближе, а они много поколений не нападали на этот край, не говоря уж о нашей деревне. Благодарение Учителю.

— Значит, он у вас царь?

— Нет-нет, — затряс лысой головой Цонг. — Править нами — ниже его достоинства. Он дает советы старейшинам, когда мы просим, — а мы, разумеется, слушаемся. Он наставляет нас в истинах Дао — с самого детства и до глубокой старости; конечно, мы радостно следуем его наставлениям в меру своего разумения. Если кто-то сбивается с Пути, Учитель накладывает легкое взыскание — чего вполне довольно, ибо истинно злое деяние влечет изгнание и неприкаянность до конца жизни и после нее. — При этих словах Цонг слегка содрогнулся, а затем повел рассказ дальше: — Да, он принимает прохожих странников. Когда приходит время, он набирает учеников из их числа и среди нашей молодежи. Они служат его мирским нуждам, внимают его мудрости, стремясь обрести хоть малую ее толику. Но им не возбраняется со временем зажить своим домом; а зачастую Учитель удостаивает какую-нибудь семью, любую из семей деревни, своим присутствием либо своей кровью.

— Своей кровью?

Услышав ответ Цонга, Ли зарделась.

— Тебе предстоит многому научиться, юная госпожа. Мужское начало — «янь» и женское — «инь» должны соединиться, дабы дать здоровье телу, душе и миру. Я сам — внук Учителя! Две мои дочери принесли ему детей. Одна из них уже была замужем, но муж не прикасался к ней, пока они не убедились, что их дом действительно благословлен ребенком Ду Шаня. Второй, увечной на одну ногу, в приданое затем потребовалась лишь смена постельного белья. Таков Путь — Дао.

— Понимаю...

Голос странницы звучал совсем тихо, в лице не было ни кровинки.

— Если ты не можешь принять этого, — ласково заметил старик, — то все равно сможешь повидать его и получить благословение перед уходом. Он никого ни к чему не принуждает.

Ли сжала ложку в кулаке с таким выражением, словно цеплялась за последнюю опору, чтобы не утратить землю под ногами.

— Нет, я, конечно, подчинюсь его воле, — с запинкой произнесла она. — Ведь я скиталась в поисках столько лет!..

2

Его можно было принять за местного крестьянина; да ведь все они приходились ему отдаленными или даже прямыми родственниками. То же мощное телосложение, такой же ватный халат и штаны, такие же грязные мозолистые ноги — дома он обуви не носил. Лицо украшает жидкая бородка, по-юношески черные волосы собраны на затылке в узел. Дом, где он обитает с учениками, не меньше других, но и не больше, с такими же земляными стенами и полом. Да и обстановка комнаты, куда ввел ее молодой послушник, прежде чем с поклоном удалиться, ничем особенным не выделяется — кровать, достаточно широкая, чтобы уместиться на ней вдвоем; соломенные циновки, табуреты, стол; на стене над каменным алтарем — каллиграфический свиток, пошедший бурыми пятнами и засиженный мухами; деревянный сундук для одежды, бронзовый ларец — несомненно, для книг; полдюжины мисок, чашек, пара тряпок и еще несколько обиходных мелочей. Окно загорожено от неистовства ветра деревянной ставней. Одинокий огонек лампы не в силах разогнать залегший по углам сумрак. Поначалу, войдя с улицы, Ли ощутила в доме запах, не то чтобы неприятный, но тяжелый, застоявшийся дух дыма и сала, навоза, принесенного на подошвах, человеческого тела — и столетий.

Усевшись, он поднял руку в благословении.

— Добро пожаловать. Да сопроводят тебя духи в Пути, — объявил он на диалекте горцев, устремив на прибывшую проницательный взор. — Хочешь ли ты сделать подношение?

— Я бедная странница, — низко поклонилась она.

— Мне говорили, — улыбнулся он. — Не страшись. Большинство приходящих считают, что дары помогут им заслужить благосклонность богов. Что ж, если это помогает им воспрянуть духом, — они правы. Но истинное пожертвование заключается в исканиях души. Садись, госпожа Ли, и давай познакомимся.

Как велели старейшины, она преклонила колени на соломенной циновке у его ног. Он не сводил с нее пристального взгляда.

— Ты сделала это совсем не так, как прочие женщины, каких я знал. Да и говоришь ты по-другому.

— Я совсем недавно в этих краях, Учитель.

— Я хочу сказать, что речь твоя звучит не так, как речь жителя равнин, перешедшего на язык горцев.

— Я думала, что, находясь в Срединном царстве, неплохо изучила разные китайские наречия.

— Я тоже поскитался немало. — Он перешел то ли на говор шэньси, то ли на хунань, хоть и не совсем такой, каким он запомнился ей в тех богатых провинциях; да и употреблял его Учитель не без запинки. — Будет ли тебе покойнее, если мы станем изъясняться так?

— Я изучила этот говор в числе первых, Учитель.

— Давненько я... Но откуда же ты тогда?

Она подняла лицо, чтобы встретиться с ним взглядом. Сердце ее трепетало. С усилием, будто обуздывая дикую лошадь, она заставила голос звучать спокойно.

— Учитель, я рождена за морем, в стране Ниппон.

Глаза его изумленно распахнулись.

— Далекий же путь прошла ты в поисках спасения.

— Не только далекий, но и долгий, Учитель. — Она порывисто вздохнула. Во рту у нее вдруг пересохло. — Я рождена четыреста лет назад.

— Что?!

Он вскочил на ноги. Она тоже встала, приговаривая отчаянно:

— Это правда, правда! Разве осмелюсь я лгать тебе? Просветление, какого я ищу, какого искала, — о, я просто хотела найти кого-то, подобного мне самой, кто не знает старости...

Она больше не могла сдержать слез. Он заключил ее в объятия, и она ощутила, что его тоже бьет дрожь. Отстранившись, они еще раз пристально всмотрелись друг в друга.

На улице завывал ветер. Странное спокойствие снизошло на нее. Она смахнула слезы с ресниц и промолвила:

— Конечно, тебе приходится верить мне на слово. Я давным-давно научилась вести себя так, чтобы люди... не слишком заботились обо мне и чтобы... почти не помнили.

— Я верю тебе, — хрипло отозвался он. — Твой приход, приход чужестранки, женщины, говорит сам за себя. По-моему, я боюсь не верить тебе.

— У тебя будет достаточно времени убедиться воочию, — со всхлипом рассмеялась она.

— Время, — пробормотал он. — Сотни, тысячи лет — и ты, женщина...

Старые страхи пробудились, и она вскинула руки перед собой, потом усилием воли понудила себя остаться на месте.

— Я монахиня! Я принесла обет Амида Бутсу... Будде.

Он кивнул, преодолевая внезапное оцепенение.

— Разве иначе ты смогла бы странствовать свободно?

— Я не всегда пребывала в безопасности, — упало с ее губ нелегкое признание. — Случалось, меня насиловали в диких краях. И не всегда я стояла на пути истинном. Порой я находила приют у мужчины и оставалась с ним до его смерти.

— Я буду добр, — пообещал он.

— Знаю. Я спрашивала... о некоторых здешних женщинах... Но как быть с клятвами? Прежде я думала, что у меня нет выбора, но теперь...

Он хохотнул громче, чем следовало бы:

— Хо! Я освобождаю тебя от них.

— Но уполномочен ли ты?

— Я ведь Учитель, разве не так? Люди не должны мне молиться, но ведь молятся, я знаю — и, быть может, чаще, чем своим божкам. Ничего дурного от этого не случается. Напротив, мы здесь обретаем мир и покой — поколение за поколением.

— А ты... предвидел это?

— Нет, — развел он руками. — Мне самому... наверно, мне полторы тысячи лет. Я уж и не помню, когда пришел сюда.

Им овладели воспоминания. Устремив взгляд в стену перед собой, он говорил, говорил негромко, торопливо:

— Годы сливаются, смешиваются воедино, мертвые кажутся живыми, живые становятся нереальными, как мертвые. На какое-то время, давным-давно, я утратил рассудок и будто грезил наяву. Меня подобрали монахи; мало-помалу, уж и не знаю как, я опять научился ворочать мозгами. Вижу, что нечто схожее случалось и с тобой. И теперь я зачастую с трудом разбираю, какие воспоминания — настоящие. А многое просто забылось. Как и ты, я обнаружил, что безопаснее всего прикинуться странником в поисках веры. Когда меня здесь приютили, я намеревался задержаться самое большее на пару лет. Но годы шли и шли, место оказалось уютным, и враги уже боялись навещать это становище, как только весть обо мне разошлась по округе; а чего ж еще, чего же лучше? Я старался не причинить своему народу зла. Кажется, они считают, что я приношу им добро.

Он встрепенулся, подался вперед, взял ее ладони в свои — большие, сильные, но не такие мозолистые, как у крестьян. Она слыхала, что он живет, в общем, за их счет, хотя порой находит развлечение в прежнем ремесле кузнеца.

— А ты? Кто ты, Ли? Чем живешь?

Она внезапно ощутила безмерную усталость.

— Я носила много имен — Окура, Асагао, Юкико... Но какую роль играют для нас с тобой имена? Имена меняются вместе с переменой положения, можно даже, чтобы каждый из друзей звал тебя по-иному. Я была придворной дамой — сам этот двор давным-давно ушел в небытие. Когда я больше не могла делать вид, что смертна, но убоялась объявить, что бессмертна, я постриглась в монахини и жила подаянием, переходя от святилища к святилищу, от приюта к приюту.

— Мне, наверно, было легче, — откликнулся он, — но я тоже открыл, что лучше не задерживаться на одном месте и держаться подальше от сильных мира сего, ибо те могут пожелать оставить меня при себе. Так и скитался, пока не набрел на этот райский уголок. А почему ты покинула... Ниппон — так, что ли, называется твоя родная земля?

— Я всегда надеялась отыскать кого-нибудь подобного себе, положить конец одиночеству, а точнее — бессмысленности существования. Пыталась обрести смысл жизни в буддизме, но просветление так и не пришло. Потом до нас дошли вести, что монголы — те, что завоевали Китай и пытались вторгнуться к нам, но Божественный Ветер разметал их корабли, — так вот, что они изгнаны. А китайцы в те времена ходили по морю в самые дальние края, в том числе и к нам. Эта страна — наша духовная родина, мать цивилизации. — Заметив его недоумение, она припомнила, что он низкорожденный и удалился от мира еще до ее появления на свет. — Нам были ведомы многие святые места Китая. И мне подумалось, что если где и есть прочие... бессмертные, то непременно там. Вот я и пустилась в паломничество; капитан судна взялся доставить меня из благих побуждений, а на этих берегах я отправилась в пешее странствие... Я тогда просто не представляла, сколь велика эта страна.

— И тебя никогда не тянуло домой?

— Что есть дом? Кроме того, китайцы теперь оставили мореплавание и уничтожили все свои большие корабли. Покидать пределы империи запрещено под страхом смертной казни. Разве ты не слыхал об этом?

— Тут над нами нет правителей. Что ж, добро пожаловать, добро пожаловать! — Голос его обрел силу и звучность. Он выпустил ее руки и вновь положил ладони ей на талию, но на сей раз его объятие окрепло, дыхание стало чуточку терпким. — Ты нашла меня, теперь мы вместе, ты — жена моя! Я ждал и ждал, молился, приносил жертвы, творил заклинания, но, в конце концов, оставил надежду. И тогда пришла ты, Ли!

Его уста отыскивали ее губы. Она подставила щеку, слабо запротестовав, что еще рано, это слишком быстро, так не пристало... Но он не внял ее протестам. Он не пытался надругаться над ней, однако его натиск был неукротим. И она подчинилась его воле, как подчинилась бы урагану или сновидению. Во время близости ее терзали беспокойные мысли. А он на время стал сонным и ласковым, а потом исполнился буйного веселья.

3

Зима началась с яростного, слепящего снежного бурана. Вьюга бушевала среди домов, тянулась снежными пальцами сквозь каждую щелочку в дверях и ставнях. Затем пришло безветрие, пронизанное таким холодом, что тишина будто сомкнулась вокруг деревни плотным кольцом; лишь бессчетные звезды морозно сверкали над отражающим их сияние плотным снежным ковром. Люди выходили на воздух лишь по нужде — накормить скот и набрать топлива. Дома они жались к своим крохотным очагам или подолгу отсыпались под грудами овчинных одеял.

Ли по утрам мучили приступы дурноты, как всегда в начале беременности. Ду Шань часто возлежал с ней, и неудивительно, что она понесла. Она и не сожалела о том. Он хотел лишь добра, а она шаг за шагом, не раскрывая своих намерений, обучала его искусству любви и сама порой забывалась в радостном упоении, чтобы очнуться в счастливой истоме, ощущая рядом его тепло и обоняя пряный аромат его пота. Быть может, их дитя тоже не будет знать старости.

И все же она не радовалась этому так, как он. В лучшем случае она забывала о дурных предчувствиях, и только. Ах, если бы для нее нашлось какое-нибудь дело! В Киото, по крайней мере, были краски, музыка, церемонии, интриги — подчас злобные, но куда чаще приятно будоражащие кровь. В пути была смена ландшафтов, людей, неуверенность в будущем, маленькие победы над трудностями, опасностями или отчаянием. Здесь она могла бы, если пожелает, — хотя работы по дому должны выполнять послушники — ткать одни и те же ткани, готовить одни и те же блюда, мести одни и те же полы, опорожнять те же ведра с нечистотами, вновь и вновь обмениваться одними и теми же словами с женщинами, чьи мысли не простираются дальше огорода на будущий год.

Интересы их мужей были не богаче, лишь отдельные люди поднимались над общей серостью, да и то не намного. Рядом

с ней все они чувствовали себя неловко, признавая в ней избранную Учителем и оказывая ей должное уважение на свой неуклюжий манер. Вскоре Ли превратилась для них в данность, священную, но естественную часть повседневной жизни, как и сам Ду Шань; но при этом она оставалась женщиной — а женщинам на советах мужчин делать нечего.

Впрочем, Ли решила, что потеря не так уж велика.

Но один из зимних дней остался в ее памяти, будто островок посреди пучины, поглотившей все остальное. Дверь распахнулась, и в дом ворвалось ослепительное сияние дня; сугробы сверкали белизной, отбрасывая голубоватые тени. Дохнуло морозом. На пороге, перекрыв свет, выросла темная фигура. Ду Шань вошел и захлопнул дверь. В доме опять воцарился сумрак.

— Хо-ху! — заливался он, притопывая и отряхивая снег. — Такой холодище, что заморозит огонь с наковальней заодно.

Она сто раз слышала эту и еще несколько его любимых поговорок. Ли, преклонившая колени на циновке, подняла лицо. Перед глазами заплясали яркие зайчики — из-за бликов на гранях бронзового сундучка, благоговейно начищенного послушниками до блеска. Какое-то время — час? два? — Ли неподвижно взирала на сундучок, пока не погрузилась в полузабытье, служившее ей убежищем от пустоты долгих будней.

И вдруг ее поразила внезапная мысль. Даже дыхание занялось. Позже она ломала голову, почему же это не пришло ей в голову раньше; вероятно, новизна обстановки заставила ее позабыть обо всем на свете до тех пор, пока жизнь не вошла в неизменное, застойное русло. Итак, она сказала:

— Кузнечик, — наедине она называла Ду Шаня этим ласковым прозвищем, — а почему я ни разу не заглядывала в этот ларец?

Челюсть его отвисла, он хотел что-то сказать, но долго не находил слов.

— А, это, — наконец медленно выговорил он, — там книги. И свитки, ага, свитки. Священные письмена.

— Можно взглянуть? — радостно оживилась она.

— Они не предназначены, ну, для взора простых людей.

— Я тоже бессмертная! — вскочив на ноги, гневно бросила Ли. — Или ты забыл?

— Нет-нет, не забыл! — Он неуверенно взмахнул руками. — Но ты же женщина. Ты не сможешь их прочесть.

В мыслях Ли вернулась на столетия назад. В Киото придворные дамы были поголовно грамотны, хотя в Китае такое в диковинку: дескать, постичь классические иероглифы дано лишь мужчинам. Однако Ли, не считаясь с трудами, изучала китайскую письменность еще дома, да и здесь, в Поднебесной, Ли пользовалась каждой возможностью освежить свои знания в дни отдохновения в каком-нибудь тихом месте. А поскольку тексты в сундучке, скорее всего, буддистские, — эта вера сплелась здесь с даоизмом и примитивным анимизмом, но тексты-то, надо полагать, первозданные, — удастся распознать хотя бы отдельные отрывки.

— Смогу, — заявила Ли.

— Сможешь? — разинул рот Ду Шань и тряхнул головой. — Что ж, боги выделили тебя из прочих... Хорошо, взгляни, если хочешь. Но только осторожно. Они очень старые.

Ли радостно устремилась к сундучку и подняла крышку. Вначале она увидела лишь наполняющую его тьму, подхватила лампу, поднесла поближе. Тусклый мерцающий огонек высветил содержимое ларца, и увы! В чреве его царили гниль, плесень и грибки.

Ли застонала, едва не пролив из лампы горячий жир. Сунув свободную руку внутрь, она нащупала что-то и вытащила на свет серые лохмотья.

— Ну и ну, — склонившись над ларцом, пробормотал Ду Шань. — Должно быть, вода попала. Как жаль!

Ли выронила лохмотья, поставила лампу на место и тихо спросила, повернувшись к Ду Шаню лицом к лицу:

— Когда ты в последний раз заглядывал в ларец?

— Не знаю, — отвел он взгляд. — Не было нужды.

— Ты ни разу не перечитывал священные письмена? Ты знаешь их наизусть?

— Это дары паломников. Что они мне? — бросил он с напускной бравадой. — Мне не нужны письмена. Я Учитель. Этого достаточно.

— Ты не умеешь ни писать, ни читать! — догадалась она.

— Они, ну, все они считают, что умею, и... А что тут плохого?! — взорвался он. — Что плохого, я тебя спрашиваю?! Хватит пилить меня! Ступай! Иди в другие комнаты. Оставь меня в покое...

Ее охватила жалость. В конце концов, он так уязвим — обычный человек, простолюдин, по неведомой причине одаренный вечной молодостью. Кто бы ни отвечал за это — карма, боги, демоны или слепой случай, — выжить ему позволила

крестьянская смекалка. Он заучил звучные фразы, какие следует провозглашать святому. К тому же он не уронил своего положения; он воплощает собой божество, требующее малого и в обмен дающее многое — чувства уверенности, защищенности, единства. Но неизменная череда лет, год за годом, без конца и краю, притупила его разум и даже, поняла вдруг Ли, лишила мужества.

— Прости, — проронила она, положив ладонь ему на руку. — Я не хотела тебя срамить. Разумеется, я никому не скажу. Я тут все почищу и впредь буду заботиться о таких вещах сама. Ради тебя... ради нас.

— Спасибо, — неуверенно ответил он. — И все-таки, ну, я хотел тебе сказать, что ты должна уйти в дальние комнаты и не выходить до вечера.

— К тебе придет женщина, — отчеканила она тяжелым, под стать этой мысли, голосом.

— От меня ждут этого, — голос Ду Шаня окреп. — Так заведено с... с самого начала. А что мне еще остается? Не могу же я ни с того ни с сего отказать им в благословении, как ты думаешь?

— А она молода и хороша собой...

— Ну, когда они немолоды и некрасивы, я ведь все равно добр к ним. — Он изобразил нарочитое возмущение. — Кто ты такая, чтобы обвинять меня в неверии и неверности?! Сколько у тебя самой было мужчин? А еще монашка!

— Я не сказала ни слова против тебя. — Она круто развернулась. — Будь по-твоему, я ухожу.

И спиной ощутила, что он испытал безмерное облегчение.

Четверо послушников сбились в кучку в одной из своих комнат, затеяв игру с рассыпанными по полу палочками; неверный свет лампы превратил их в сумрачные тени. Увидев входящую Ли, они вскочили на ноги и неуклюже поклонились, застыв в сконфуженном молчании. Они прекрасно знали, почему она здесь, но не могли придумать, что бы такое сказать.

Как они молоды, подумала она. И как милы. По крайней мере, Ван. Ей представились его молодое, стройное тело, его жаркие, исступленные объятия.

Быть может, позже. Перед ней расстилается необъятное «позже». Ли улыбнулась послушникам.

— Учитель хочет, чтобы я разучила с вами Алмазную сутру.

4

Деревня хоронила первенца Учителя и Госпожи под дождем. Ждали солнца, но и знахарь, и крохотный трупик подсказывали, что долее ждать неблагоразумно. Весна в этом году запоздала. Сырость и прохлада тянулись до лета — и украдкой просочились в легкие девочки. Несколько дней она, задыхаясь, металась в колыбельке, а потом успокоилась и затихла. Страшно затихла. Не кричала, не чмокала губками и не сопела носиком.

Ду Шань и Ли смотрели, как знахарь опускает гробик в плещущуюся на дне ямы воду. Рядом с ними стояли послушники, остальные жители деревни держались подальше, неровным кольцом. За их спинами Ли еле различала смутную тень горного склона, громаду которого поглотила серая бесформенная муть, увлажнившая ей лицо, капающая со шляпы, пропитавшая волосы. Смердела мокрая шерсть. Налитые молоком груди ныли.

Знахарь встал, вытащил из-за веревочного пояса погремушку и, потрясая ею, с воплями запрыгал вокруг могилы, отгоняя злых духов. Послушники и те немногие, у кого были молитвенные колеса, принялись их крутить, раскачиваясь вправо-влево. В сыром, тяжелом воздухе забился тяжелый напев: «...благословенные предки, великие души, благословенные предки, великие души...» — снова и снова. Ни Дао, ни Будда почти не коснулись этого языческого ритуала.

Ду Шань воздел руки и произнес более подходящие к случаю слова, но монотонно и бездумно: он произносил их слишком много раз. Ли почти не вслушивалась. Она тоже повидала слишком много смертей. Сейчас она даже не могла припомнить, скольких младенцев потеряла. Семерых, восьмерых, дюжину? Куда больнее видеть, как дети стареют. Прощай, доченька. Да не будет тебе одиноко и страшно там, куда ты ушла. Единственное, что Ли ощущала в себе сейчас, — окончательно окрепшую решимость.

Все кончилось. Люди отбормотали что положено и вернулись к своим делам. Знахарь остался — он еще должен засыпать могилу. Сквозь его неумолчные бормочущие причитания Ли слышала, как комья земли колотят по крышке гроба.

Послушники на время вернулись к своим родителям. Ли и Ду Шань ступили в опустевший дом. Уходя, он оставил дверь открытой нараспашку, чтобы впустить в комнату свет. Тлеющие в очаге угли немного согревали воздух. Ду Шань отряхнул куртку и с громким вздохом швырнул ее на кровать.

— Ну, с этим покончено. — Не дождавшись ответа, он снова подал голос: — Бедная малютка. Ничего, бывает.

Может, в следующий раз больше повезет, а? Глядишь, и сын родится.

— Здесь следующего раза не будет, — напряженно отозвалась Ли.

— Что?!

Волоча ноги, он подошел к ней. Руки его безвольно болтались. Она смело встретила его взгляд.

— Я ухожу. Ты должен идти со мной.

— Ты что, рехнулась? — Его обычно невозмутимые черты исказил страх. — Какой демон в тебя вселился?

— Не демон, а рёшимость, копившаяся месяцами. Я окончательно поняла, что такая жизнь нам просто не подходит.

— Но она мирная, счастливая!..

— Ты считаешь ее такой, потому что увяз в ней. Я же вижу в ней лишь застой и убогость. — Она произнесла суровые слова спокойно, с едва уловимой печалью. — Поначалу мне казалось, что странствиям пришел конец, что я нашла священный приют. Ду Шань, — она не назовет его ласковым прозвищем, пока не склонит на свою сторону, если такое возможно, — я постигла то, что тебе следовало заметить столетия назад. На земле нет священного приюта ни для кого и нигде.

От изумления он забыл о гневе.

— Ты хочешь вернуться к своим дворцам и обезьяньим ужимкам при дворе, да?

— Нет. Это тоже западня. Я жажду свободы... я хочу быть, хочу достичь того, на что я способна! На что способны мы.

— Но я нужен здесь!..

Прежде всего подавить в себе презрение. Выказав презрение к этим людям, ведущим полуживотное существование, она лишится Ду Шаня. По правде говоря, любовь Ду Шаня к этим людям, его сочувствие им, забота о них поднимают его над ней. Далее, надо собрать в кулак всю свою волю: если она сдастся, если подчинится, то мало-помалу тоже станет одной из горянок. Возможно, это приблизит ее к самоотвержению, к освобождению от Колеса бытия; но при этом она лишится возможности достичь высот, какие сулит жизнь. Что она до сих пор видела в жизни, кроме жестокости?

— Почти так же они жили и до тебя, — произнесла она. — Так же будут жить и после тебя. Но, с тобой или без тебя, такая жизнь не вечна. Народ хань продвигается на запад. Я своими глазами видела, как они вырубают леса и распахивают землю. Рано или поздно они покорят и этот край.

Ду Шань пришел в замешательство.

— Куда же нам податься? Ты что, пойдешь попрошайничать?

— Если понадобится, пойду, но не надолго. Ду Шань, пойми: за этим горизонтом раскинулся целый мир!

— Мы же ничего не знаем о нем.

— Я знаю кое-что. — Сквозь лед ее решимости сверкнуло пламя. — К берегам Китая пристают иноземные корабли. Варвары наступают. До меня доходили слухи о серьезных беспорядках на юге, по ту сторону гор.

— Но ты говорила, что империю запрещено покидать...

— А нам-то что за дело? Разве поставишь стража на каждую тропу, какую мы отыщем в горах? Говорю тебе, если мы не сумеем ухватить ни одну из возможностей, манящих отовсюду, то не заслуживаем нашей долгой жизни.

— Если мы прославимся... Заметят, что мы не стареем...

— С этим мы как-нибудь справимся. Ветер перемен гуляет, не зная границ. Империя больше не может отгораживаться от мира, как и эта деревня. Мы найдем возможности добиться своего. Например, просто вложим деньги на длительный срок. Посмотрим. Мне пришлось тяжелей, чем тебе. Однако я усвоила, как много в хаосе укромных местечек. Да, мы можем не выдержать испытаний, можем бесследно исчезнуть, зато до того будем жить полной жизнью!

Ду Шань оцепенел. Ли понимала, что ей понадобится не один месяц, прежде чем удастся убедить его — если вообще удастся. Ничего, она может положиться на выработанное веками терпение, было бы ради чего терпеть и трудиться.

Тучи разошлись, в просвет выглянуло солнце, и струи дождя в дверном проеме засверкали, как летящие стрелы.

5

И опять пришла весна, только на этот раз ласковая, ошеломляюще-яркая, полная пахучей зелени и пения вернувшихся птиц. Щедро напитанная таянием снегов речушка вздулась, забурлила белой пеной на склонах, зажурчала в долине, прорезая себе путь сквозь бамбуковые рощи, чтобы в конце концов слиться с большой рекой и окончить свой путь в море.

Вдоль речки по дороге шагали мужчина и женщина в одеждах путников, с посохами в руках. У мужчины за плечами висела котомка с необходимым скарбом, а у женщины — запеленутый мальчонка, который весело лопотал, озираясь по сторонам на окружающие его чудеса.

А позади, у околицы, утирали слезы вышедшие проводить их люди.

Глава 11

КОТЕНОК И КАРДИНАЛ

Арман Жан дю Плесси де Ришелье, кардинал Церкви, первый министр его христианнейшего величества Людовика XIII — король даровал первому министру еще и герцогский титул, — удостоил посетителя долгим внимательным взглядом. В элегантных, голубых с золотом покоях этот человек выглядел совершенно неуместно. Для простолюдина он был одет неплохо и все-таки оставался именно тем, кем представился, — морским бродягой. Среднего роста, по-юношески гибкий, задубелое ястребиное лицо без морщин; но что-то в нем — быть может, внимательный, но твердый ответный взгляд, — выдавало опытность, какую можно приобрести лишь в многолетних странствиях по свету, по самым дальним его уголкам.

Окна были широко распахнуты навстречу летним ароматам полей и лесов графства Пуату. Под стенами родового замка, недавно перестроенного в современный дворец, бормотала речка Мабль. Солнечные блики, отразившись от воды, плясали среди украшающих потолок херувимов и героев древности. На паркете, неподалеку от похожего на трон кресла кардинала, резвился котенок, играя с собственной тенью.

Тонкие пальцы Ришелье поглаживали пергамент, расстеленный на коленях. По сравнению с серо-коричневым от древности документом кардинальская мантия казалась кроваво-красной. Для этой встречи он надел полное церковное облачение, будто защищаясь от злого духа. Но когда он заговорил, голос его сохранял неизменное ледяное спокойствие.

— Если это не подделка, сегодня мне предстоит самая необычная аудиенция из всех, на какие я когда-либо давал согласие...

Жак Лейси поклонился сноровистее, чем можно было ожидать.

— Благодарю ваше высокопреосвященство за согласие и заверяю, что документ подлинный.

Речь посетителя отличалась от говора этих мест, да и от любого наречия Франции. Возможно ли, что в ней до сих пор сказывается отзвук Ирландии, а то и каких-то еще более дальних стран? Видно, что он, если и не получил формального образования, то изрядно начитан. Спрашивается: где мореход, скитающийся между Старым и Новым Светом, взял время на чтение?

— Поблагодарите епископа, который сумел убедить меня, — сухо произнес Ришелье.

— А еще раньше, ваше высокопреосвященство, священник из прихода святого Феликса сумел убедить епископа.

— Вы воистину смелый человек, капитан Лейси. Поберегитесь. Это дело представляется достаточно опасным.

— Нижайше прошу ваше высокопреосвященство простить меня.

Тон ответа не был ни дерзким, ни вызывающим — но и не покаянным.

— Хорошо, не будем отклоняться от обсуждения по существу. — Даже здесь, вдали от Парижа, следовало беречь каждый час, тем более что, вполне возможно, таких часов осталось не слишком много. И все же кардинал раздумывал добрую минуту, теребя бородку, заостряющую его худощавое лицо до клинообразности, прежде чем приказать: — Опишите детально, что именно вы рассказали священнику и какие действия он затем предпринял.

Лейси хорошо владел собой, однако не сдержал удивления:

— Вашему высокопреосвященству все известно и без меня.

— Я хочу сравнить ваше изложение с тем, что слышал ранее, — сказал Ришелье со вздохом. — И можете не прибегать к титулованию. Мы здесь наедине.

— Благодарю вас, ваше... Хорошо, как вам угодно. — Моряк перевел дух. — Я встретился с ним в его церкви в Сен-Назере немедленно после того, как узнал, что... что монсеньор намерен почтить своим присутствием эти места, не столь далекие от Сен-Назера. Я рассказал ему о шкатулке. Или, вернее, напомнил, поскольку он знал о ней и без меня, только подзабыл. Естественно, мой рассказ заинтересовал его — ведь никто другой ни о какой шкатулке и не слышал. Она попросту пылилась в тайнике на протяжении последних четырех веков...

Котенок решил наброситься на ногу Лейси, как на мышь. На губах кардинала мелькнула улыбка. Потом его глаза, большие, лихорадочно блестящие, вернулись от котенка к человеку.

— Вы сообщили священнику, каким образом шкатулка попала в тайник?

— Разумеется, монсеньор. Сообщил в доказательство истинности своих притязаний — ведь я не мог почерпнуть этих сведений из народных поверий...

— Повторите все снова.

— Ах да... В те дни в Сен-Назере поселился бретонский торговец по имени Пьер Плуманаш. Это была тогда просто-напросто деревушка — сегодня это тоже не ахти какой большой

порт, как монсеньору, вне сомнения, известно, — но главное, там можно было недорого купить дом, и расположен Сен-Назер был удобно для малого каботажного плавания, а Пьер был владельцем небольшого суденышка. В те времена люди легче меняли место жительства, да и занятие, чем сегодня. Пьер добился умеренного успеха, женился, завел детей. Спустя годы, овдовев, он отправился добровольцем в крестовый поход, который объявил Людовик Святой и который стал последним из всех походов. К тому времени Пьер состарился, правда, очень хорошо сохранился. Многие полагали, что внешне он просто юноша. Больше его не видели, и люди решили, что он умер.

Прежде чем уехать, он сделал щедрое пожертвование приходской церкви. Это было в порядке вещей, если кто-то отправлялся в долгое путешествие и тем более на войну. Однако данное пожертвование было дано с условием: церковь должна была принять на хранение шкатулку. Он показал священнику содержимое, и тот убедился, что в шкатулке нет ничего, кроме скатанного пергамента. Документ, как объяснил Пьер, важный и конфиденциальный, а потому он опечатал шкатулку и объявил, что в один прекрасный день за ней вернется либо он сам, либо его наследник, и содержание пергамента само по себе послужит подтверждением права на наследство. Что ж, просьбы такого рода не представляли собой ничего исключительного, и священник счел своим долгом сделать соответствующую запись в церковных книгах. Минули поколения. Когда я объявился, то полагал, что буду вынужден сам искать эту запись для нынешнего священника, но тот оказался любителем древностей и обнаружил ее без меня, просматривая книги для собственного удовольствия.

Ришелье поднял пергамент с колен и перечитал его в седьмой раз, время от времени поднимая глаза на Лейси.

— Вот именно, — пробормотал он, — пергамент провозглашает, что законный наследник, какое бы имя он ни носил, будет выглядеть в точности как Пьер де Плуманаш, и описывает Пьера в подробностях. Описание составлено превосходно. — Кардинал воображал себя литератором и лично сочинил несколько драм. — Более того, здесь приведено стихотворение, вроде бы бессмысленное, которое наследник должен знать на память, не заглядывая в текст.

— Прикажете, монсеньор, так и поступить?

— Пока что не вижу нужды. Вы привели текст священнику, а затем и епископу. И доказательство оказалось достаточно веским, чтобы епископ отписал главе епархии, убеждая того уговорить меня принять вас. Ибо документ завершается утверждением,

что этот... наследник имеет сообщить сведения чрезвычайной важности. Почему вы отказались раскрыть суть этих сведений хотя бы намеком обоим прелатам, с которыми общались?

— Потому что они предназначены исключительно для величайшего человека этой страны.

— Значит, для его величества.

Посетитель пожал плечами:

— Каковы шансы, что меня допустили бы пред светлые очи монарха? Куда вероятнее, что меня арестовали бы по подозрению — да почти в чем угодно — и вырвали бы у меня все, что я знаю, под пыткой. Вы, ваше высокопреосвященство, это общеизвестно, отличаетесь большей... м-м... гибкостью. Пытливым умом. Вы опекаете ученых и литераторов, вы учредили национальную академию, перестроили Сорбонну и щедро обеспечиваете ее, а уж что касается ваших политических успехов...

Не найдя подобающих выражений, Лейси лишь развел руками. Но было очевидно, о чем он думает: гугеноты сначала укрощены, а затем умиротворены; могущество знати терпеливо и последовательно сведено на нет, а феодальные замки в большинстве своем разрушены; соперники кардинала при дворе побеждены хитростью или силой, отправлены в ссылку, а то и на плаху; и в долгой войне с империей Габсбургов Франция в союзе с протестантской Швецией наконец-то начала одерживать верх. Кто правил и правит этой страной, как не кардинал?

— Для скромного капитана вы очень хорошо осведомлены, — заметил Ришелье, приподняв брови.

— Я обязан был подготовиться, — спокойно ответил Лейси.

Ришелье кивнул и предложил:

— Можете сесть.

Лейси вновь поклонился, взял кресло поскромнее, поставил его на почтительном расстоянии от кардинальского и сел, откинувшись на спинку. Внешне он был совершенно спокоен, хотя наметанный глаз различил бы за этим спокойствием готовность к мгновенному действию. Не то чтоб он предвидел прямую опасность: стража осталась по другую сторону дверей.

— Что за сведения вы имеете сообщить? — спросил Ришелье.

Лейси нахмурился:

— Я не ожидаю, что ваше высокопреосвященство поверит мне сразу же, по первому слову. Рискую своей жизнью в надежде, что вы терпеливо выслушаете меня и направите доверенных людей привезти вам дополнительные доказательства, на которые я укажу.

Котенок резвился у ног капитана.

— Вы понравились Шарло, — отметил кардинал с теплой ноткой в голосе.

Лейси улыбнулся:

— Рассказывают, что монсеньор любит кошек.

— Только молодых. Продолжайте. Впрочем, скажите, что вы знаете о кошках. Это скажет мне кое-что о вас.

Наклонившись, Лейси пощекотал котенка за ушами. Тот выпустил коготки и вскарабкался наверх по чулкам. Лейси помог котенку устроиться у себя на колене, почесал под подбородком, погладил мягкую шерстку и сказал:

— Я и сам держал кошек. И в плавании, и на берегу. В Древнем Египте их почитали священными. Кошек запрягали в колесницу древней скандинавской богини любви. Их часто называют пособницами ведьм, но это чепуха. Кошки — это кошки, и они никогда не пытаются, как собаки, подделываться под других. Наверное, именно поэтому они представляются людям таинственными, и некоторые боятся их, а то и ненавидят.

— А некоторые жалуют их больше, чем братьев и сестер, да простит им Бог. — Кардинал небрежно перекрестился. — Вы незаурядный человек, капитан Лейси.

— На свой манер, монсеньор. На свой манер, совершенно отличный от вашего.

Ришелье посмотрел на посетителя еще пристальнее, чем прежде.

— Разумеется, я запросил сведения о вас, как только мне стало известно о вашей просьбе, — медленно произнес он. — Но перескажите мне свою жизнь собственными словами.

— Что позволит вам оценить их, а заодно и меня, не так ли, монсеньор? — Взгляд моряка устремился куда-то вдаль, в то время как правая рука продолжала играть с котенком. — Ну хорошо, однако начну я своеобразно. Вы вскоре поймете почему. Причина, в сущности, проста — я не хочу лгать вам...

Сеймас Лейси, — продолжал капитан, — считается выходцем из Северной Ирландии. Он не может назвать точную дату своего рождения, ибо запись о крещении так и осталась там, где была сделана, если ее с тех пор не уничтожили. Судя по всему, ему сейчас около пятидесяти. В 1611 году английский король отобрал у ирландцев большую часть Ольстера и заселил эти земли шотландскими протестантами. Лейси был среди тех, кто покинул страну. У него было немного денег, поскольку он происходил из умеренно зажиточной семьи моряка. В Нанте он нашел убежище у давно осевших там ирландских торговцев, и они помогли ему упорядочить свою жизнь. Он взял французское

имя, принял французское подданство, женился на француженке. Сохранив профессию моряка, он ходил в долгие плавания к берегам Африки, в Вест-Индию, Новую Францию. Постепенно продвинулся до капитана. У него четверо детей в возрасте от тринадцати до пяти лет, однако два года назад он овдовел и больше не женился...

— И вот, когда он услышал, что я проведу несколько недель в Пуату, — произнес Ришелье почти шепотом, — он отправился в Сен-Назер и открыл шкатулку, которую его... его предок оставил на попечение церкви.

Лейси взглянул кардиналу прямо в лицо.

— Точно так, ваше высокопреосвященство.

— Очевидно, вы знали об этой шкатулке всю жизнь.

— Не спорю, знал.

— Знали, хотя вы ирландец? И никто из вашей семьи не предъявлял своих прав на шкатулку в течение четырех столетий. Вы сами прожили близ Нанта почти тридцать лет, прежде чем забрать ее. Почему такая отсрочка?

— Я должен был удостовериться в ситуации. Прямо скажу, решение далось мне нелегко.

— В полученных мною сведениях говорится, что у вас был компаньон, рыжеволосый мужчина без одной руки по имени Макмагон. Не так давно он бесследно исчез. Как это объяснить?

— Не примите за неуважение, ваше высокопреосвященство, но я отослал его, потому что не мог предугадать, чем закончится эта аудиенция, и не считал себя вправе рисковать еще и его жизнью. — Лейси скупо улыбнулся. Котенок знай себе кувыркался вокруг ласкающей его руки. — Кроме того, Макмагон по натуре грубоват. Что, если бы он выкинул что-либо неподобающее? — Помолчав, капитан добавил: — Я позаботился о том, чтобы не ведать, где он сейчас находится. Однако он будет знать, вернулся ли я домой в целости и сохранности.

— Вы проявляете недоверчивость, мало похожую на проявление доброй воли.

— Напротив, монсеньор, я оказываю вам доверие, какого давным-давно не оказывал никому, кроме моего собрата. Я поставил на карту все, что имел, уповая, что вы не посчитаете меня с места в карьер ни сумасшедшим, ни вражеским агентом, ни колдуном.

Ришелье сжал подлокотники кресла что было сил. Даже мантия не могла скрыть, как напряглось его изможденное тело. Но глаза не дрогнули.

— Тогда кто же вы? — осведомился он без всяких эмоций.

— Я Жак Лейси из Ирландии, ваше высокопреосвященство, — ответил посетитель таким же ровным тоном. — Единственная допущенная мной неточность — я не родился там, хоть и прожил в этой стране более ста лет. За пределами земель, захваченных Англией, ирландцы пользуются такой свободой, что там можно довольно легко менять свое имя и личность. Однако боюсь, что ныне они обречены на порабощение. Колонизация Ольстера явилась для меня неоспоримым сигналом, что пора уезжать. Вот я и вернулся туда, где меня некогда знали под именем Пьер де Плуманаш, который также не был бретонцем. До и после него я носил иные имена, жил в иных странах, занимался иными ремеслами. Таков уж был единственный доступный мне способ выжить в течение тысячелетий.

Кардинал выдохнул сквозь зубы, со свистом.

— Не могу сказать, что это для меня полная неожиданность. С той минуты, как я выслушал епископа, я не перестаю размышлять... Вы Вечный жид?

Моряк отрицательно покачал головой. Котенок почуял его напряженное состояние, распластался и замер.

— Я знаю — есть мошенники, выдающие себя за него. Нет, монсеньор, я уже жил, когда на землю являлся Спаситель, хотя мне не выпало счастья видеть его, да и услышал я про него много позднее. Время от времени я выдавал себя за еврея, когда так было безопаснее или проще всего, но я лишь притворялся евреем, не больше, как подчас притворялся и мусульманином. — Рот скривился мрачной усмешкой. — Чтоб успешно играть эти роли, приходилось проходить обрезание. Постепенно кожа восстанавливалась, нарастала обратно. У таких, как я, если рана не очень значительна, например, если рука не оторвана целиком, все заживает, не оставляя шрамов.

— Мне надо обдумать ваш рассказ заново. — Ришелье закрыл глаза, а спустя минуту принялся шевелить губами. Прочел «Отче наш» и «Богородицу», беспрерывно осеняя себя крестом. Но, покончив с молитвами, вновь взглянул на мир, на лежащий на коленях пергамент и продолжил почти буднично: — Я сразу понял, что приведенные здесь стихи — отнюдь не бессмыслица. Похоже на древнееврейские слова, записанные латинскими буквами, но нет, это не древнееврейский язык. А какой?

— Древний финикийский, ваше высокопреосвященство. Я родился в Тире, когда тамошним царем был Хирам. Не уверен, кто тогда правил в Иерусалиме — Давид или Соломон...

Ришелье опять прикрыл глаза.

— Две с половиной тысячи лет назад, — прошептал он. Потом широко распахнул глаза и потребовал: — Прочтите стихи. Хочу услышать, как звучал ваш язык.

Лейси подчинился. Быстрые гортанные слова побежали, перекрывая шум воды и ветра, расщепляя тишину кардинальских покоев. Котенок спрыгнул с колен и убежал в угол. Полминуты в воздухе висело молчание, прежде чем кардинал спросил:

— И что это значит?

— Отрывок из песни. Простонародной, какие поют пьяницы в тавернах или моряки, после долгого плавания разбившие лагерь на берегу. «У моей милой волосы черны как ночь, глаза горят как звезды, груди белы и круглы, как луна, а походка легка, как море Астарты. Чтобы мой взгляд, и руки мои, и весь я возлегли на ее прелести!..» Простите, монсеньор, столь нечестивые выражения. Я записал, что смог припомнить, и мне требовалась уверенность, что я сумею воспроизвести записанное.

Ришелье насмешливо улыбнулся.

— Могу себе представить, что за тысячи лет забывается многое. И надо признать, что во времена Пьера служители церкви... были, скажем, не столь образованны, как теперь. — Резко: — Стало быть, вам казалось, что подобная штучка поможет вам каким-то образом утвердиться в своих правах, поскольку именно такие словечки застревают в памяти, как заноза?

— Я не лгу вашему высокопреосвященству. Ни в одной частности.

— В таком случае вы выступали лжецом в течение многих веков.

Лейси развел руками:

— А что, по мнению монсеньора, мне оставалось делать? Вообразите себе, умоляю вас, что вышло бы, если бы я открылся людям даже в самые просвещенные времена, в самой просвещенной стране! В лучшем случае меня посчитали бы мошенником, и не избежать бы мне плетей, а то могли бы сослать на галеры или повесить. Или того хуже, признали бы колдуном, вступившим в сделку с сатаной, и сожгли бы на костре. Горестно для меня закончилась бы и попытка всего-навсего оставаться на одном месте, даже не признаваясь ни в чем, — похоронили бы моих детей, моих внуков, а я продолжал бы жить и жить, не старея. О, я встречал и людей — многие из таких сегодня перебрались в Новый Свет, — которые с готовностью объявили бы меня святым или даже богом. Но они дикари, а я предпочитаю

цивилизацию. Кроме того, цивилизация рано или поздно одолеет всех дикарей. Нет, я выбрал иное решение — объявляться в новых местах как благонравный иноземец, оседать лет на тридцать—сорок и в конце концов пускаться в дальнейший путь, но обставлять дело так, чтобы никому не пришло в голову усомниться, что я умер.

— Что же навлекло на вас такую судьбу? — задал вопрос Ришелье и снова перекрестился.

— Одному Богу известно, ваше высокопреосвященство. Я не святой, но, по-моему, и не особенно ужасный грешник. И, кстати говоря, я крещеный.

— Когда это произошло?

— Примерно тысячу двести лет назад.

— Кто обратил вас в истинную веру?

— Я был христианином и прежде, но обстоятельства изменились, и... Нижайше прошу разрешить мне временно уклониться от описания того, что случилось потом.

— Это еще почему? — требовательно спросил Ришелье.

— Потому что я должен убедить ваше высокопреосвященство в том, что говорю правду и только правду, а в данном случае правда выглядит как сущая выдумка... — Под испытующим взглядом кардинала Лейси запнулся, вскинул руки, рассмеялся и сказал: — Ладно, раз вы настаиваете... Это было в Британии уже после того, как римляне покинули остров, при дворе великого полководца. Его именовали Риотамусом, верховным королем, но его армию составляли главным образом наемные воины. С их помощью ему удавалось сдерживать захватчиков. В народе его звали король Артур.

Ришелье сидел неподвижно.

— Нет-нет, я не входил в круг рыцарей Круглого Стола, — объявил Лейси. — Не встречал ни Ланселота, ни Гавейна, ни Галаада, не видел блистательного замка Камелот. Зато были еще заметны следы римского владычества. Лично я считаю, что именно римляне заронили основу легенды об Артуре. Однако монсеньор должен понять, отчего я не хотел вообще упоминать об этом. Было искушение изобрести какую-нибудь прозаичную ложь.

— Понимаю, — ответил Ришелье, слегка кивнув. — Если вы продолжаете лгать, то вы самый умелый лжец, какого мне доводилось выслушивать за долгие годы.

Он воздержался от вопроса, не принял ли финикиец Христа точно так же, как принимал бесчисленных других богов, — из практических соображений. В тоне Лейси проскользнула досада.

— Не стану отрицать, монсеньор, что затратил много времени, пытаясь продумать заранее все повороты данной беседы.

Кардинал сбросил пергамент с колен на пол, и тот упал с легким треском, привлекшим внимание котенка. Иных нарочитых жестов Ришелье себе не позволил. Чуть наклонился вперед, свел вместе кончики пальцев — солнце полыхнуло на массивном золотом кольце с изумрудом — и осведомился:

— Ну и чего вы от меня хотите?

— Вашей защиты, монсеньор. Для меня лично и других таких же, как я.

На худых щеках капитана то вспыхивал, то гас румянец. В коротко остриженной бороде не было ни одного седого волоса.

— Кто эти другие?

— Один из них — Макмагон, как ваше высокопреосвященство, вероятно, уже догадались без меня. Мы встретились с ним во Франции в пору, когда она еще была Галлией. Также я кратко встречался с тремя другими, кого мог бы заподозрить в сходстве судеб, — или слышал о них, — но смерть от несчастного случая уносила их прежде, чем я сумел удостовериться. И был... была еще одна особа, которая по всем признакам принадлежала к тому же роду, но она исчезла бесследно. По-видимому, такие люди крайне редки и неохотно выдают себя.

— Исчезающе редки, как выразился бы ученый доктор Декарт, — произнес кардинал с оттенком мрачного юмора.

— Кто-то из них на протяжении веков мог попробовать что-нибудь вроде того, что я делаю сейчас, и навлек на себя беду. И, видимо, о том не осталось никаких записей, да скорее всего их и не вели.

Котенок мелкими шажками подобрался к пергаменту поближе. Ришелье откинулся назад, в то время как Лейси хранил почти полную неподвижность, скрестив руки на скромных штанах до колен, подобающих его званию. Следующий вопрос кардинала прозвучал требовательно:

— Какие еще доказательства вы можете предложить?

— Я обдумывал это многие века, прежде чем предпринять какие-то конкретные шаги. — Голос был спокойным. — Можно наработать привычку обдумывать все наперед, выжидая благоприятного случая. Вероятно, я даже перестарался. Вероятно, такие случаи проскользнули мимо, и сегодня опять слишком поздно. Но довелось усвоить, подчас дорогой ценой, что этот мир опасен и ничто в нем не вечно. Короли и народы, папы и боги — не подразумеваю ни малейшей непочтительности, ваше высокопреосвященство, — все обращаются в пыль или

пламя, и гораздо скорее, чем ожидалось. Да, я откладывал кое-что на будущее — частичку за частичкой на протяжении столетий, там и тут появлялись тайные склады, где копились аксессуары для перемены личности, наборы инструментов для иных профессий, ну и... разные памятные вещи. Далеко не все тайники в храмах, и не обязательно в них укрыты шкатулки с пергаментами. Но по всей Европе, в Северной Африке и в Ближней Азии там и сям хранятся памятные знаки, которые я оставлял при малейшей возможности. Идея заключалась в том, что как только я смогу на что-то надеяться, я отправлюсь к ближайшему тайнику и извлеку на свет содержимое, что даст мне отправную точку для последующих действий.

Теперь, с разрешения вашего высокопреосвященства, — продолжал Лейси, — я мог бы указать несколько мест, до которых ваши доверенные лица доберутся без труда. В каждом случае я опишу, что содержится в тайнике и как его найти. Будет ясно, что по меньшей мере некоторые тайники никто не трогал очень долгое время. И каждый из них своим содержимым подтвердит, что капитан Жак Лейси никак не мог устроить их за те полвека, что люди знают его под этим именем.

Ришелье пригладил бородку и произнес вполголоса:

— А самого капитана тем временем можно подержать под стражей, и он станет заложником собственных слов. Ну что ж... Не сомневаюсь, что тайники существуют, поскольку вы никак не похожи на сумасшедшего. Оказаться самозванцем вы тоже не можете, да и, коль на то пошло, преступником любого известного нам рода. Разве что вы действительно колдун или демон...

Лоб Лейси покрылся потом, но ответил он твердо:

— Ни святая вода, ни изгнание дьявола не причинят мне вреда. Можете отдать меня палачу и убедиться, что я с необыкновенной быстротой залечиваю все, что угодно, кроме смерти и непоправимых увечий. Но я пришел к вам еще и потому, что собранные мною сведения убедили меня в вашей мудрости — не скажу: в вашем милосердии, но в вашей мудрости, просвещенности, интеллигентности — которая отсоветует вам прибегать к подобным проверкам.

— Другие могут вынудить меня к этому.

— Власти вашего высокопреосвященства хватит на то, чтоб одолеть их. Вот еще одна причина, почему я обратился именно к вам. Долгие века мне пришлось ждать встречи с такой личностью на крутом переломе истории...

Котенок подобрался наконец к пергаменту, потянулся к нему лапкой. Пергамент раскрутился, зашелестел, покатился.

Котенок, совершенно очарованный, принялся прыгать вокруг. Глаза Ришелье потеплели.

— У вас никогда прежде не было покровителя?

— Лишь однажды, монсеньор, — признался Лейси со вздохом. — Лет через триста после моего рождения, в Египте.

— Расскажите подробнее.

— Как многие финикийцы — к тому моменту я вернулся в свое первичное отечество, — я нанялся на корабли фараона Псамметиха. Вы, возможно, читали о нем у историка под именем Псамметикус. Ему выпало быть сильным и одновременно мудрым, как и вам, и стать человеком, спасшим свою страну от несчастий и вернувшим людям чувство безопасности. Я не планировал ничего, кроме как исчезнуть обычным порядком, когда придет срок. Но случилось еще и так, что фараон жил долго и правил более пятидесяти лет. А я... что ж, я занимал хорошее положение, а когда моя первая жена-египтянка умерла, я женился во второй раз, и мы были... как сказать... необыкновенно счастливы. И я медлил с исчезновением, пока фараон не разоблачил меня в подделке признаков старения. Убедил меня открыться ему и взял под свое крыло. Для него я стал неприкосновенным избранником богов для неведомой, но, очевидно, высокой цели. Он разослал гонцов во все пределы своего государства и за границу, насколько это было возможно, пытался найти других бессмертных. Ничего не вышло. Как я уже говорил вам, люди, подобные мне, крайне редки.

— Что было потом?

— Псамметих скончался. А его сын Нехо, который унаследовал трон, невзлюбил меня. Не могу сказать, что возненавидел, — зато жрецы и придворные в большинстве своем ненавидели меня люто, видя во мне угрозу своему положению. Становилось ясно, что при дворе я долго не протяну: не помогли бы интриги — подослали бы наемного убийцу. В то же время фараон никак не соглашался отпустить меня на все четыре стороны. Наверное, побаивался: кто знает, на что я способен?.. По счастью, пошли разговоры о том, чтобы собрать финикийский экипаж и попытаться обогнуть Африку. Я использовал остатки своего влияния в поддержку этого начинания и для того, чтобы принять в нем участие. Мол, бессмертный может оказаться незаменимым в плавании по дальним морям и странам. — Лейси пожал плечами. — При первом удобном случае я выпрыгнул за борт и перебрался в Европу. Признаться, мне так и не удалось узнать, добилась ли экспедиция поставленной цели. Геродот утверждал, что да, но ведь сообщаемые им сведения зачастую недостоверны...

— И, разумеется, — произнес Ришелье, — все записи о вашем пребывании в Египте давно обратились в прах, даже если ваши враги не уничтожили их намеренно. Да и читать иероглифы мы все равно не умеем.

— Поймите меня правильно, монсеньор, — подчеркнул Лейси как мог настоятельно, — я редко бывал в присутствии великих. Псамметих, король Артур, ну еще двое-трое, притом мельком, и вот сейчас ваше высокопреосвященство. Издали я, конечно, видел многих, но именно издали, из толпы. Почти всегда получалось, что разумнее оставаться в тени. И кроме того, я же просто старый мореход — что особенного я могу предложить? — Еще энергичнее: — Только свои воспоминания. Подумайте, что они значили бы для ученых. А если с вашей помощью, мой повелитель, я привлеку на нашу сторону других бессмертных — подумайте, какое значение это могло бы иметь для вас... и для Франции.

Вновь воцарилась тишина, если не считать ветра, бормотания реки, тиканья часов и шуршания пергамента, с которым забавлялся котенок. Ришелье размышлял, Лейси ждал. Наконец кардинал нарушил молчание:

— Так чего вы, собственно, от меня хотите?

— Я говорил уже, монсеньор! Вашего покровительства. Какого-нибудь места у вас на службе. Открытого объявления о том, кто я и что я, с обещанием, что и другие подобные мне могут без опаски пристать к той же гавани.

— Сюда же сбегутся жулики со всей Европы!

— Если вашим ученым не по силам разоблачить их, это сделаю я. Я знаю, какие ставить вопросы.

— М-м... надо полагать, знаете.

— Довольно будет примерно наказать нескольких самозванцев, и столпотворение окончится. — Лейси замялся. — Не то чтобы я взялся заранее предсказать, на что похожи другие бессмертные. Я уже упоминал, что мой Макмагон — неотесанный тип. Другая, в ком я вполне убежден, была проституткой — а то и сегодня проститутка, если не погибла. Каждый выживает, как умеет...

— Но могут встретиться и достойные люди, исполненные покаяния. И даже святые в полном смысле слова, — возможно, отшельники?.. — На мгновение тон Ришелье стал мечтательным, затем вновь посуровел. — Значит, вы не искали покровителей со времен того египетского фараона, то есть в течение более чем двух тысяч лет?

— Я говорил вашему высокопреосвященству — столетия научили меня осмотрительности.

— Почему же теперь вы решили ослабить бдительность?

— Отчасти благодаря вам, — ответил Лейси без запинки. — Вашему высокопреосвященству приходится выслушивать много лести. Мне нет нужды детально повторять то, что не лесть, а сущая правда. Впрочем, об этом я тоже уже говорил. Но одних ваших личных достоинств было бы еще мало. Смею также надеяться, что и время сейчас подходящее.

Пергамент подкатился к ножке величественного кресла и застрял, не поддаваясь новым наскокам котенка. Тот обиженно мяукнул. Ришелье посмотрел вниз и слегка потянулся к зверьку. Лейси вскочил на ноги.

— Если монсеньору угодно...

Подхватив котенка, капитан подал его кардиналу. Ришелье принял пушистый комочек обеими руками и положил на колени, туда, где раньше лежал пергамент. Лейси с поклоном вернулся на место.

— Продолжайте, — приказал кардинал, поглаживая своего любимца.

— Я следил за ходом событий со всем вниманием, какое доступно тому, кто находится в их гуще, — заявил Лейси. — Я читал книги и слушал лекции философов. Слушал и простых людей с их природно острым умом. Я много думал. Бессмертие — одинокая участь, монсеньор. Времени на размышления хоть отбавляй... И вот что мне сдается. На протяжении последних двух-трех веков на мир надвигается великая перемена. Не возвышение или падение очередной империи, куда серьезнее. Перемена, сопоставимая с превращением мальчика в мужчину или даже личинки в бабочку. Смертные это тоже чувствуют. И говорят о Возрождении, начавшемся примерно через тысячу четыреста лет после Спасителя. Однако мне дано понять происходящее точнее. Далеко ли мог разослать своих гонцов фараон Псамметих? И много ли было тогда людей, кто хотя бы понял подготовленный мной вопрос, а не просто съежился в невежественном испуге? А ведь Псамметих был самый могущественный властитель своей эпохи. И те, кто являлся после него, — греки, римляне, византийцы, персы, да и все прочие, — сильно ли они отличались от египтян в своих знаниях и своих возможностях? Правда, я не сталкивался больше с правителями, которым мог бы довериться, но и не готовился к такой встрече и не искал ее. Не искал в течение многих, многих веков.

Сегодня, — закончил Лейси, чуть переведя дух, — люди плавают вокруг света. Сегодня они знают, что земля — шар. Открытия Коперника и Галилея... — Кардинал чуть заметно нахмурился. — Так или иначе, люди постигли удивительные

вещи. Европа совершила прорыв в новое полушарие. И здесь, дома, впервые с самого падения Рима, у нас вновь появляются хорошие дороги, и можно быстро и почти без риска преодолеть сотни лиг — можно будет и тысячи, как только кончится война. А важнее всего, пожалуй, то, что у нас теперь есть печатный станок и с каждым годом множится число тех, кто умеет читать и к кому можно обратиться. Теперь наконец у нас есть возможность объединить всех бессмертных!..

Пальцы Ришелье продолжали играть с котенком, от довольства впадающим в дрему, — но брови кардинала опять поползли вниз.

— На это уйдет значительное время... — сказал он.

— Да, конечно, по счету смертных... Простите мою бестактность, ваше высокопреосвященство.

— Это несущественно, — кашлянул Ришелье. — Нас никто не слышит, кроме Шарло. Можно говорить не стесняясь. Вы что, действительно верите, что человечество — хотя бы здесь во Франции — достигло благоденствия, какое на протяжении всей предшествующей истории оставалось, по вашим собственным наблюдениям, несбыточной мечтой?

Лейси запнулся, пораженный.

— Н-нет, монсеньор, разве что... По крайней мере, мне кажется, что в ближайших поколениях Франция останется мощной и стабильной державой. Прежде всего благодаря вашему высокопреосвященству.

Ришелье снова кашлянул, поднес левую руку ко рту, не прекращая ублажать котенка правой.

— Я не отличаюсь крепким здоровьем, капитан, — хрипло произнес он. — И никогда не отличался. Господь может призвать меня в любой момент.

Лицо Лейси приобрело выражение, отдаленно похожее на отзывчивость, и он откликнулся совсем тихо:

— Мне это известно. Надеюсь, Господь смилостивится и оставит вас с нами еще на долгие годы. Хотя...

— Король также не в добром здравии, — перебил Ришелье. — Да, после стольких бездетных лет они с королевой наконец-то дождались сына, однако наследнику нет еще и двух лет. И как раз когда он родился, я потерял отца Жозефа, ближайшего своего советника и самого умелого помощника...

— И это знаю. Зато у вас есть Мазарини. Пусть он итальянец по рождению, но во многом напоминает вас.

— И я готовлю его на роль своего преемника. — Ришелье криво усмехнулся. — Что ж, вы и впрямь изучили нас досконально.

— Должен был изучить. Тем более что за свой век разобрался, как это делать. Но ведь и вы тоже смотрите далеко вперед. — Лейси говорил все быстрее и быстрее. — Умоляю вас, подумайте. Конечно, вам понадобится какое-то время, чтобы переварить мой рассказ, как и на то, чтобы перепроверить его. Я поражен тем, с каким спокойствием вы меня выслушали. Однако... бессмертный, а по прошествии какого-то срока группа бессмертных на службе короля — ныне здравствующего, а затем и его сына, да будет его правление долгим и деятельным... Вы представляете себе, какой ореол добавит это к его славе, а следовательно, к славе и величию Франции?

— Нет, не представляю, — резко бросил Ришелье. — И вы тоже не представляете. Подобно вам, я научился осмотрительности.

— Но повторяю, ваше высокопреосвященство, я могу представить доказательства...

— Молчите, — распорядился Ришелье.

Опершись левой рукой на подлокотник, он опустил подбородок на сжатый кулак и уставился вдаль, за пределы этих стен, графства, королевства. Правая рука продолжала мягко поглаживать котенка. Звереныш заснул, и тогда кардинал убрал руку. Шуршал ветер, шелестела река. Наконец, когда часы с изображением Фаэтона, бешено мчащегося на солнечной колеснице, отмерили почти четверть часа, Ришелье шевельнулся и вновь устремил взгляд на посетителя. Все это время Лейси сидел невозмутимо, как восточный божок. Теперь он как бы ожил и шумно задышал.

— Мне нет нужды возиться с вашими доказательствами, — сказал кардинал, тяжело роняя слова. — По-видимому, вы тот, за кого себя выдаете. Это не составляет разницы.

— Простите, ваше высокопреосвященство, не понял, — произнес Лейси шепотом.

— Скажите мне, перед лицом всего, что вам довелось видеть и пережить, — продолжил Ришелье, и голос его зазвучал почти ласково, — вы в самом деле верите, что мы добились положения вещей, которое можно охарактеризовать как прочное?

— Н-нет, — ответил Лейси скрепя сердце. — Нет, я полагаю, что мы, напротив, вступили в полосу перемен. Меняется все вокруг нас, все без исключения. Перемены будут продолжаться и впредь, и никому не дано предугадать, к чему они приведут. Но — и именно благодаря этому — наша жизнь и жизнь грядущих поколений станет решительно не похожа на жизнь всех, кто жил до нынешней поры. Прежние ставки

сыграны. — Он помолчал. — Я устал от своей бездомности. Не можете представить себе, как устал. Я ухвачусь за любой шанс обрести пристанище...

Ришелье не принял перехода на неформальный язык, а возможно, и не заметил этого. Он кивнул и шепнул-пропел, как мог бы шепнуть, обращаясь к одной из своих кошек:

— Бедняга... Каким же храбрым надо быть, чтобы рискнуть на такое предприятие! Или, по собственному вашему выражению, каким усталым... Но вы рискуете лишь своей жизнью. Я несу ответственность за судьбы миллионов.

Лейси окостенело поднял голову и переспросил:

— Извините?

— Я отвечаю за судьбу королевства, — заявил Ришелье. — Святой отец стар и немощен, да и никогда не питал склонности к делам государственным. Следовательно, я в определенной степени отвечаю за судьбы католической веры, что равносильно судьбам христианства. Многие убеждены, что я продался дьяволу, и я готов признать, что угрызения совести меня не мучают. Но в конечном счете мною движет чувство ответственности.

Небольшая пауза.

— Вы оцениваете нашу эпоху как век беспорядков и перемен, но и век надежд. Не исключено, что вы правы, однако вы смотрите на все глазами бессмертного. Я вижу, вернее, мне дано видеть лишь беспорядки. Война опустошает германские земли. Империя, — да, она наш враг, и тем не менее это Священная Римская империя, — истекает кровью. Одна за другой возникают протестантские секты, каждая со своей доктриной, со своими фанатиками. Англия возвращает себе былую мощь, а Голландия наращивает ее заново, значит, ненасытно и беспощадно. Волнения в России, Индии, Китае. Бог знает что творится в Америках. Мушкеты и пушечные ядра сокрушают древние твердыни и прежние ценности — но что заменит их? Открытия естествоиспытателей, поток книг и брошюр с печатных станков представляются вам чудесами, возвещающими новую эру. Готов согласиться с вами, но с высоты своего положения обязан задаться вопросом: что это будет за эра? Я должен стараться совладать с ней, удержать ее под контролем, притом отдавая себе полный отчет, что умру, не добившись успеха, и что в последнем счете поражение ждет и тех, кто сменит меня.

И резко, как удар бича:

— Да как вы смеете хотя бы допустить, что я когда-либо соглашусь потворствовать или даже покровительствовать молве о людях, не подверженных старению? Там самым я, как сказал

бы доктор Декарт, ввел бы еще один, совершенно неведомый и неуправляемый фактор в уравнение, и без того не имеющее решения. Неуправляемый фактор — вот самое точное определение. Единственное, в чем я уверен, — в том, что эта искра способна запалить тысячи новых религиозных безумств и подорвать покой Европы на целое поколение, если не больше. Нет, капитан Как-бы-вас-ни-звали, — закончил он с тем ледяным выражением, какого привык опасаться весь мир, — не желаю иметь ни малейшего отношения к вам и вашим бессмертным. Это не в интересах Франции.

Лейси сохранил присутствие духа. Ему и прежде доводилось терпеть поражения, и достаточно часто.

— Могу я попробовать переубедить ваше высокопреосвященство в ближайшие дни или годы?

— Нет, не можете. У меня довольно других дел, требующих моего внимания, и слишком мало времени на их осуществление. — Тут он смягчился и добавил с полуулыбкой: — Не тревожьтесь. Вы выйдете отсюда беспрепятственно. Осторожность обязывала бы меня арестовать вас и казнить в течение часа. Либо вы шарлатан и заслуживаете такой участи, либо смертельная угроза — и тогда вас необходимо устранить. Тем не менее вы кажетесь мне разумным человеком, который вернется к прежней безвестности. И я благодарен вам за восхитительную возможность бросить взгляд на... на то, чего лучше не трогать. Если б я руководствовался только своими желаниями, я задержал бы вас на какое-то время, чтобы мы могли побеседовать обстоятельнее. Однако это рискованно для меня и жестоко по отношению к вам. Так что лучше отнесем эту беседу не к разряду наших воспоминаний, а к разряду наших грез...

Лейси помолчал, затем перевел дыхание и откликнулся:

— Ваше высокопреосвященство весьма великодушны. Вы же не можете поручиться, что я не обману вашего доверия и не предприму новую попытку в ином месте?

Ришелье усмехнулся:

— Где? Вы сами сказали, что я единственный в своем роде. Королева Швеции питает слабость к странным личностям, это верно. Однако она еще несовершеннолетняя, а что будет, когда она возьмет на себя всю полноту власти? Искренне советую, исходя из имеющихся у меня сведений, держаться от нее подальше. Что же касается других влиятельных стран, то вы и без меня осведомлены об опасностях, какие вас там подстерегают.

Он свел пальцы вместе и продолжал назидательно:

— В любом случае ваш план изначально никуда не годился, и советую вам отказаться от него навсегда. Вы наблюдали историю, наблюдали долго — но творили ли вы ее когда-нибудь? Подозреваю, что я за отпущенные мне краткие десятилетия усвоил уроки, о которых вы даже не подозреваете... Отправляйтесь домой! А затем, настоятельно вам советую, обеспечьте своих детей всем необходимым и исчезните с глаз долой вместе со своим приятелем. Начните новую жизнь, может быть, в Новом Свете. Избавьте себя и меня от искушения — и не забудьте при том, какое именно искушение испытываю я. Ибо донимающая вас мечта — мечта идиота.

— Но почему? — хрипло простонал Лейси.

— Неужели не догадываетесь? Право, вы меня вот-вот разочаруете. Вы позволили надежде взять верх над опытностью. Обернитесь в прошлое. Вспомните, как короли держали при дворе диких зверей в клетках и всяких уродов. Допустим, я принял бы ваше предложение, и Мазарини вслед за мной придерживался бы моей линии, — а чего ждать от юного Людовика XIV, когда он достигнет совершеннолетия? От любого короля, от любого правительства? Исключения редки и мимолетны. Даже если бы вы, бессмертные, были сплошь мудрецами и поняли бы, как управлять мной, — уж не полагаете ли вы, что верховные правители захотели бы и смогли бы поделиться с вами властью? Вы сами признаете, что вы, кому дана такая продолжительность жизни, — явление исключительное. Кем вы можете стать, кроме как экспонатами в королевском зверинце, живущими под неусыпным наблюдением секретной полиции и подлежащими немедленному устранению, как только вы предъявите себя слишком откровенно. Нет уж, сохраняйте свою свободу, чего бы это ни стоило... Вы просили меня обдумать свое предложение. Я предлагаю вам удалиться и обдумать мой совет.

Тикали часы, дул ветер, текла река. Почти потеряв голос, Лейси спросил гортанно:

— Это последнее слово вашего высокопреосвященства?

— Последнее, — ответил Ришелье.

Лейси поднялся.

— Тогда я позволю себе оставить вас.

— Право же, хотелось бы уделить вам больше времени, — сказал Ришелье, скривив губы. — Вам — и самому себе.

Лейси приблизился, и кардинал протянул ему правую руку. Капитан, склонившись, поцеловал ее и признался, выпрямляясь:

— Вы самый великий человек, какого я встречал.

— Значит, Господь милостив к роду людскому, — ответствовал Ришелье.

— Я вас никогда не забуду.

— Я запомню ваше мнение на весь срок, что мне отпущен. Прощайте, скиталец.

Лейси подошел к двери и постучал. Стражник приотворил ее, и кардинал жестом приказал выпустить посетителя и закрыть дверь снова. Сам Ришелье продолжал сидеть, погрузившись в раздумья. Котенок проснулся, сполз на коготках по мантии и ускакал по своим делам.

Глава 12

ПОСЛЕДНИЙ АМУЛЕТ

С севера мчались всадники. Кони под молодыми седоками неслись ровным галопом, ритм скачки тек плавной волной, под стать колеблемой ветром траве. В лад этой волне величаво покачивались высокие подсолнухи, готовые поспорить своей желтизной с изливающимся на мир солнечным светом. И земля, и небо не признавали границ, на самом пределе видимости зелень сливалась с голубизной, а даль переходила в безбрежность, недоступную даже снам. Высоко-высоко, то пикируя, то взмывая, среди воздушных струй парил одинокий ястреб, и крылья его трепетали и застывали, как языки пламени. Вдали поднялась на крыло огромная стая болотной дичи, затмившая чуть не четверть небосвода.

Первыми всадников заметили гонявшие с поля ворон ребятишки. Старший, чуть не лопаясь от важности, помчался в деревню: еще бы, сам Бессмертный велел сообщить о возвращении охотников немедля. Но едва мальчик вбежал за частокол и очутился среди жилищ, отваги как не бывало. Где уж ему говорить с могущественнейшим из шаманов! А вдруг своим вторжением он помешает заклинаниям или видениям? Его нерешительность подметили даже женщины, казалось бы, занятые своими делами, и одна из них окликнула:

— Оге, Серый Зайка, что у тебя на сердце?

Но женщины — это всего-навсего женщины, и старики, попадающиеся навстречу, — обыкновенные старики... А дело наверняка ужасно важное, раз сам Бессмертный так о нем печется.

Мальчик сглотнул застрявший в горле ком и двинулся к нужному дому. Пройдя под мрачными серо-коричневыми

земляными стенами, он оказался у входа, зияющего, как устье пещеры, — только в глубине теплился красненький костерок. Семьи, населяющие дом, разошлись кто куда — кто по делам, кто просто отдохнуть у реки. Но один человек остался, и как раз тот, на кого и надеялся Серый Зайка: мужчина в женских одеждах перетирал кукурузные зерна. Подняв голову, он спросил тихим, почти нежным голосом:

— Чего тебе, паренек?

— Охотники возвращаются, — сглотнув для храбрости, сообщил мальчик. — Может, ты сходишь сказать шаману, Три Гусыни?

Скрежет каменных жерновов прекратился, и бесполый встал.

— Схожу.

Такие, как он, словно заговорены от невидимых сил — наверное, духи хотят возместить им нехватку мужского начала. И, что ни говори, он — сын Бессмертного. Отряхнув со штанов из оленьей кожи мучную пыль, Три Гусыни распустил косы и удалился полной достоинства поступью. Серый Зайка испытал мгновенное чувство облегчения и поспешил отправиться по своим делам. Ах, какое гордое зрелище будут являть всадники, когда промчатся мимо!

Жилище шамана стояло рядом со священной хижиной посреди деревни и было заметно меньше остальных, потому что предназначалось лишь для одной семьи — семьи шамана. Как раз сейчас он вместе с женами был дома. Яркая Бронза, мать бесполого, сидела на земле под стеной, приглядывая за игравшими на солнцепеке дочурками Перепелиной Шейки. Горбатая, полуослепшая старуха была счастлива уже тем, что может в столь преклонном возрасте приносить хоть какую-то пользу. Сидящая на пороге Вечерняя Изморось, рожденная в одну зиму с бесполым, помогала своей дочери Рассветной Росе отделывать крашеными перьями платье для скорой свадьбы. Вечерняя Изморось поприветствовала новоприбывшего и по его просьбе зашла внутрь позвать мужа. Вскоре вышел и Бессмертный, на ходу поправляя набедренную повязку. Из-за его спины выглядывала Перепелиная Шейка, молодая, растрепанная и счастливая.

— Оге, отец, — произнес Три Гусыни с должным уважением, однако без трепета, присущего Серому Зайке и его сверстникам. В конце концов, этот человек качал его на коленях ребенком, учил узнавать звезды, плести силки и множеству других вещей, полезных или приятных; и когда стало ясно, что юноше не суждено превратиться в мужчину, это не отразилось

на отцовской любви. Бессмертный принял печальное известие со смирением человека, перед глазами которого прошли сотни жизней, зыбких, как пылинки на ветру.

— Заметили отряд Бегущего Волка, — сообщил бесполый. — Они возвращаются.

Бессмертный немного постоял молча. Потом нахмурился, по челу его пробежала одна-единственная морщинка. Под кожей его бугрились мускулы, и капельки пота блестели на ней, как роса на камне; чернота волос делала их похожими на полированный обсидиан.

— А ты уверен, что это они? — спросил шаман.

— Они, кто ж еще? — удивился Три Гусыни.

— Враги...

— При свете дня? Они не решатся напасть столь открыто. Отец, ты же слышал: за племенем паррики такого не водилось.

— Конечно, слышал, — пробормотал шаман, будто это совсем вылетело у него из головы. — Теперь мне нужно спешить: хочу потолковать с охотниками с глазу на глаз.

Он ушел в дом, а Три Гусыни и женщины, томимые дурными предчувствиями, переглянулись. Бессмертный выступал против охоты на бизонов, но Бегущий Волк собрал отряд и уехал слишком стремительно, так что настоящего разговора не получилось. С момента отъезда охотников шаман все время о чем-то раздумывал, а порой толковал со старейшинами наедине, но те держали язык за зубами. Чего же они все-таки боятся?

Вскоре Бессмертный вышел, облачившись в кожаную рубаху с выжженными на ней знаками мощи. Нарисованные на щеках белые завитки подчеркивали его невозмутимость, шапка из белой норки закрывала лоб до самых бровей. В левой руке шаман держал тыквенную погремушку, а в правой — магический жезл, увенчанный черепом ворона. Все расступились, давая ему дорогу, и даже дети притихли: за несколько минут шаман совершенно преобразился. Из хорошо знакомого, доброго и спокойного отца и мужа он обратился в того, кто вмещает в себе дух племени, кто не стареет, кто век за веком наставлял свой народ и сделал его непохожим на все другие.

Пока шаман шагал среди жилищ, ему сопутствовало почтительное молчание, но отнюдь не каждая пара глаз провожала его с положенным по древнему обычаю благоговением. А некоторые из юношей, он сознавал, относились к нему с неприязнью, смахивающей на тлеющую ненависть.

Он миновал ворота, затем кукурузные поля, грядки фасоли и тыкв. Деревня стояла на утесе над широкой мелкой рекой с

тополями по берегам. К северу перекатами вздымались пологие холмы, а здесь куцая травка прерий сменялась буйным разнотравьем, колыхавшимся под ветром, как зеленое море. Охотники были совсем близко — земля уже дрожала от ударов копыт.

Узнав того, кто вышел навстречу, Бегущий Волк дал знак дюжине скакавших следом всадников остановиться и сам натянул поводья. Его мустанг заржал и взбрыкнул, но всадник крепко впился ногами в бока животного, будто сросся с конем воедино. Да и спутники почти не уступали ему в сноровке. Под ярким солнцем люди и кони, казалось, равно радуются жизни. У одних всадников в руках были копья, у других через плечо были перекинуты луки и колчаны со стрелами, и у каждого с пояса свисал великолепный кремневый нож. Лбы были стянуты кожаными лентами, на которых переплетались узоры из молний, громовых птиц и шершней. А у Бегущего Волка лента была вдобавок украшена орлиными и сойкиными перьями — неужели он надеялся, что когда-нибудь сумеет взлететь?

— Оге, великий, — неохотно сказал он. — Какая честь для нас!

— Как поохотились? — осведомился Бессмертный.

Бегущий Волк показал назад, на вьючных лошадей — из тюков торчали шкуры, головы, окорока, куски сала, внутренности. Добыча была так обильна, что даже удерживающие поклажу сыромятные ремни пропитались кровью и жиром, и как только лошади остановились, начали тут же привлекать мух.

— Такой забавы еще не бывало! — с торжеством в голосе сказал юноша. — Да и такой бойни! Мы оставили койотам больше, чем сумели унести. И у народа будет сегодня пир, нет — пиршество!

— Духи отомстят за расточительность, — предупредил Бессмертный.

— А разве бог койотов не порадуется, что мы накормим и его род? — с прищуром спросил Бегущий Волк. — А бизонов в прерии не меньше, чем травы.

— Но если огонь пожрет траву, земля почернеет...

— А после первого же дождя зазеленеет опять.

Молодой вожак осмелился перебить шамана! Охотники невольно затаили дыхание, втянув воздух сквозь зубы, хотя на самом деле никого это не поразило, а двое даже ухмыльнулись. Бессмертный сделал вид, что ничего особенного не случилось, только голос его зазвучал еще строже:

— Когда приходят бизоны, наши люди, прежде чем взять их, совершают должные пляски и жертвоприношения. Потом я

беседую с духами бизонов, объясняю им наши нужды, дабы умиротворить их. Так заведено от века, и мы пребывали в благоденствии. Все зло оттого, что люди забывают старые, проторенные и надежные пути. Я скажу вам, как искупить содеянное, и сам поведу вас, куда надо.

— И снова ждать, пока стадо забредет в наши края, чтобы до него было не больше дня пути? А потом отбить несколько зверей от стада и попытаться зарезать их так, чтобы никого из наших не забодали и не затоптали? А то еще вспугнем все стадо, и оно в паническом бегстве обрушится в пропасть, где большая часть мяса сгниет без малейшей пользы... Наши отцы приносили домой мало мяса лишь потому, что не могли добыть больше, да и собакам на корявых волокушах было больше не увезти...

Бегущий Волк говорил быстро и бегло, без единой запинки. Он явно ожидал этой стычки и заранее подыскал нужные слова.

— Если новые пути так уж дурны, — воскликнул Красный Сокол, — что ж тогда племена, которые их приняли, так процветают? Неужели лучшие куски должны достаться им, а нам — лишь гнилые кости?

Бегущий Волк нахмурился и жестом призвал своего спутника к молчанию. Бессмертный вздохнул и почти кротко сказал:

— Я провидел подобные речи и потому искал встречи там, где нас никто не услышит. Человеку трудно признать свою неправоту. Давай подумаем вместе, как все поправить и не ранить вашу гордость. Пойдем со мной в священную хижину и попытаемся вызвать видение.

Бегущий Волк выпрямился — его силуэт резко выделился на фоне неба — и воскликнул:

— Видение?! У меня, старик, было собственное видение — под высокими звездами, после целого дня скачки наперегонки с ветром. Я видел несметное изобилие, славу и чудесные деяния, какие будут помнить дольше, чем ты прожил и еще проживешь. В наш край пришли новые боги, кудесники из краев Творца. Они скачут на лошадях подобно грому, а всадники разят молниями! И твое дело — добиться, чтобы мы жили с ними в мире!

Бессмертный поднял жезл и затряс погремушкой. На лицах отразилось беспокойство. Кони, почуяв тревогу людей, принялись с фырканьем переступать на месте и бить копытами.

— Я вовсе не хотел оскорбить тебя, о великий! — торопливо сказал Бегущий Волк. — Ведь ты же сам учил нас говорить без похвальбы, но и без страха! Ну, если я вел себя чересчур шумно, то извини меня. — Он вскинул голову. — И все-таки

такой сон снисходил ко мне. Я пересказал сон товарищам, и они верят мне.

Шаман уронил руки с магическими амулетами и какое-то время стоял недвижной темной тенью среди залитой солнечным светом травы, а затем сказал негромко:

— Надо поговорить с тобой еще. Попробуем понять смысл предзнаменования.

— Твоя правда. — Бегущий Волк испытал явное облегчение, и это придало его голосу мягкие интонации. — Завтра поговорим. А сейчас подойди, о великий, и позволь предложить тебе моего лучшего скакуна. Ты въедешь в деревню верхом, а я войду пешком, и ты благословишь нас, как всегда благословляешь вернувшихся охотников.

— Нет, — отрезал Бессмертный и зашагал прочь.

Встревоженные охотники хранили молчание, пока Бегущий Волк не расхохотался, и смех его был подобен рычанию его диких собратьев из восточных лесов.

— Радость нашего народа вполне заменит благословение! И нас ждут женщины, страсть которых жарче их костров!

Большинство охотников подхватили смех не без усилия над собой, но все же немного развеселились. И вслед за вожаком вновь поддали пятками лошадям под ребра и с гиканьем понеслись вперед. Обгоняя шамана, ни один даже не оглянулся.

Когда Бессмертный вернулся в деревню, там царил полный переполох. Вокруг охотников собралась толпа, возбужденная, крикливая, суетливая. Под ногами, тявкая, крутились собаки. Успешная охота означала не только мясо: тут были и жир, и кости, и рога, и кишки, и жилы, — словом, почти все, в чем может возникнуть нужда. И это лишь скромное начало. Одни шкуры станут оболочками вигвамов, другие пойдут на восток в обмен на крепкие шесты, и тогда можно будет пускаться в путь целыми семьями, странствовать без ограничений — охотиться, разделывать добычу, вялить ее и коптить, а потом опять сниматься с места и снова в путь — до новой охоты...

— Но не завтра, — предупредил Бегущий Волк. Голос его звучал веско, покрывая шум толпы. — Лошадей у нас все еще мало. И первым долгом надо позаботиться о тех, что так хорошо послужили нам. — Тут в его голосе зазвенели победные нотки: — Но скоро их будет гораздо больше! У каждого будет целый табун!..

Кто-то истошно завопил, другие подхватили, и вскоре выло все племя, выкрикивая имя Бегущего Волка, признавая его лидерство.

Бессмертный обошел людей стороной, и его почти никто не заметил. А если кто и замечал, то смущенно отводил взгляд и с новым пылом включался в общее ликование.

Жены и младшие дети Бессмертного стояли подле дома как привязанные. Отсюда толпа была не видна, но радостные крики были слышны и на расстоянии. Перепелиная Шейка помимо воли все поглядывала в сторону праздника — что с нее взять, она ведь почти девочка. Шаман остановился лицом к лицу с домочадцами. Те приоткрыли рты, хотели сказать что-нибудь, но подходящих слов никто не нашел.

— Молодцы, что подождали здесь, — сказал он наконец. — А теперь вам лучше присоединиться к остальным — помочь в стряпне, да и попировать со всеми.

— А как же ты? — негромко спросила Вечерняя Изморось.

— Я не запрещал этого, — с горечью отвечал шаман. — Да и что я мог поделать?

— Ты высказывался против лошадей, высказывался против охоты, — зашамкала Яркая Бронза. — Или у них отнялся ум, что они тебя больше не слушаются?

— Они еще узнают, — предрекла Вечерняя Изморось.

— Как я рада, что смерть скоро приберет меня. — Яркая Бронза протянула дряблую руку к Бессмертному. — А тебе, бедному, придется пережить и этот урок.

Перепелиная Шейка оглядела своих детей и слегка поежилась.

— Ступайте, — сказал шаман. — Веселитесь. Так оно будет лучше. Мы не должны дать людям почувствовать, что между нами легла трещина. Это может привести к беде. Я всегда старался сберечь единство народа.

— А сам все-таки останешься в стороне? — внимательно взглянула на него Вечерняя Изморось.

— Я попробую поразмыслить, что еще можно сделать, — ответил он и вошел в священную хижину. Домочадцы помялись еще немного, не в силах справиться с тревогами: необычная для Бессмертного неуверенность в себе, открытое непослушание ему подрывали в их глазах самые основы мироздания.

Хижина, обращенная входом к востоку, уже погружалась во мрак; проникавший в дверной проем и дымовое отверстие свет бесследно рассеивался в затопившем круглое помещение полумраке. Магические предметы смутно вырисовывались неясными контурами, бликами и клубками глубокой тени. Бессмертный подошел к центральному очагу и возложил на него кусочки бизоньего мяса, потом взял кремешок и трут, чтобы добыть огонь трением. Когда трут затлел, он вздул костерок,

набил трубку табаком, привезенным издалека, раскурил ее и глубоко затянулся в надежде, что священное головокружение повергнет его в транс.

Но озарение не давалось, и он даже обрадовался, когда в проеме двери возникла чья-то фигура. Солнце уже склонилось к невидимому горизонту, окрасив облака ароматного дыма от кухонных костров закатной желтизной. Праздничный гвалт казался нереальным и громким одновременно.

— Отец!.. — раздался застенчивый шепот.

— Входи, — отвечал Бессмертный. — Добро пожаловать.

Три Гусыни пригнулся и вошел, устроившись по другую сторону очага. На морщинистом лице бесполого даже в полутьме читалась тревога пополам с озабоченностью — да он их и не стыдился.

— Я надеялся, что ты дашь мне здесь убежище, отец, — признался он.

— От чего? Тебя кто-нибудь обидел?

— Нет-нет. Все веселятся. — Три Гусыни поморщился. — От того-то и больнее всего. По-моему, даже старики отбросили прежние сомнения.

— Но не ты.

— Наверное, есть еще кто-нибудь. Откуда мне знать? Большинство женщин сердцем с нами, но мужчины от них отмахиваются. А добыча у Бегущего Волка со спутниками действительно огромная.

— В будущем он, конечно, сулит еще больший прибыток?

Три Гусыни утвердительно хмыкнул.

— Почему же ты не разделяешь общих надежд? — поинтересовался Бессмертный.

— Ты мой отец, и ты всегда был добр ко мне. Боюсь, что в том грядущем, какое по сердцу Бегущему Волку, людям будет не до милосердия.

— Судя по тому, что слышно о племенах, избравших путь лошади, — это именно так.

— Говорят — иногда я оказывался поблизости от мужских разговоров, и удавалось подслушать, — некоторые племена сделали это не по своей воле.

— Верно. Захватчики, пришедшие с далекого востока, изгнали их из родных лесов в прерии. А тех в свою очередь изгнали захватчики с еще более дальнего востока. И те захватчики, говорят, владеют ужасным оружием, мечущим молнии, — они получили его от бледнолицых иноземцев, слухи о которых докатывались и до нас. Но другие, вроде паррики, доброволь-

но избрали путь лошади и ныне движутся лавиной с западных гор.

И ведь у них, — продолжал Бессмертный, — вовсе не было в том нужды. И у нас нет такой нужды. Я говорил с путниками, с торговцами — с каждым, кто несет весточку о других краях. К северу от нас арикара, хидаца и манданы по-прежнему живут на старый лад. Сила, покой и благосостояние не оставляют их. Хотел бы я, чтоб и у нас так было.

— А я говорил с двумя-тремя юношами из тех, что привели лошадей вопреки твоей воле, отец, — сообщил Три Гусыни. — Один из них сопутствовал Бегущему Волку и в учении, и в охоте на бизонов. Они говорят — он говорит, — что они не хотели ничего дурного. Это вовсе не от нехватки уважения и не от стремления опрокинуть порядок вещей. Они просто хотят принести благо перемен.

— Знаю. А еще я знаю, что выбора уже нет. Перемены — это как связка амулетов: или ты берешь ее всю, или отвергаешь напрочь.

— Отец, — совсем тоненьким от грусти голосом сказал Три Гусыни, — кое-кто сомневается в твоей мудрости, хоть я и не отношусь к их числу. Они не верят, что ты, живущий вне времени, способен принять перемены.

По губам Бессмертного скользнула печальная улыбка.

— Странно, сын мой, странно, что лишь теперь, когда дни твои истекают, мы по-настоящему открылись друг другу. — Он порывисто вздохнул. — В общем, я редко говорю о своей юности. Она покинула меня давным-давно и кажется теперь полузабытым сном. Но еще мальчиком я слыхал от деда, как многолетняя засуха погнала наш народ с плоскогорий сюда в поисках лучшей доли. Когда я уже стал мужем, мы еще только учились жить в прериях. Тогда я еще не догадывался, кто я такой. Нет, я думал, что постарею и упокоюсь в земле вместе с остальными. Но мало-помалу я понял, что этого не произойдет, — можно ли вообразить себе перемену, способную сильнее потрясти душу? Когда стало ясно, что боги меня отметили, мне пришлось обратиться к шаману, дабы тот учил меня, и вот новая перемена — из самостоятельного мужчины в послушники, а потом и еще одна — из отца семейства в шамана. А годы летели быстрей и быстрей. Я выдавал замуж девочек, которых качал на руках, а потом наблюдал, как они стареют, и хоронил их рядом с моими детьми и детьми детей. Я видел, как прерию заполнили новые племена и как между ними вспыхнула война. Ты знаешь, что лишь в годы девичества твоей матери мы надумали поставить частокол? Правда, благоговение предо мной

помогало держать врагов на отдалении, но... Бегущему Волку было видение о новых богах.

Бессмертный устало рассмеялся и продолжал:

— Да, сын мой, я знавал перемены. Я чувствовал, что время мчится, как река в половодье, унося с собой обломки надежд. Теперь ты понимаешь, почему я пытался оградить мой народ от новых перемен?

— Они обязаны тебя послушаться! — простонал Три Гусыни. — Сотвори заклятие, которое откроет им глаза и откупорит уши!

— Кому же под силу сотворить заклятие против времени?

— Если кому и под силу, отец, то только тебе. — Бесполый обнял себя за плечи и задрожал, хотя воздух еще хранил дневное тепло. — У нас тут была добрая, спокойная жизнь. Сбереги ее для нас!

— Попытаюсь. Оставь меня наедине с духами. Но сперва, — Бессмертный протянул руки, — подойди и позволь обнять тебя, сын мой.

Старая остывающая плоть сына ненадолго соприкоснулась с молодым горячим телом отца. Потом Три Гусыни простился и вышел.

Угли понемногу угасли, землю накрыла ночь, а Бессмертный все сидел не шевелясь. Шум вокруг огромного костра не затихал; слышался рокот барабанов, песнопения, топот ног. Дверной проем посветлел: взошла полная луна, и гомон усилился. Луна поднялась выше, залив землю призрачным светом, но сумрак в хижине вновь сгустился. Наконец веселье увяло, и тишина накрыла землю своим покрывалом.

Видение так и не пришло; быть может, придет хоть сон. Доводилось слышать, что шаманы кочевых племен часто истязают себя в надежде на сошествие духов. Ясно одно: с древней ненасильственной гармонией придется расстаться. Подстелив под себя несколько шкур и накрывшись еще одной, Бессмертный уснул.

Звезды скользили по небосводу своей дорогой. Похолодало, на земле заблестела роса. Затихли даже койоты, только река продолжала свой неумолчный лепет. Вода пробиралась под тополями, огибала песчаные плесы и бежала вперед и вперед, словно убегая от заходящей луны.

Но вот восточный горизонт стал понемногу светлеть, гася звезды одну за другой. И в этот час к деревне почти неслышно приблизились всадники. Неподалеку от нее остановились и дальше двинулись пешком.

В общем-то, они намеревались лишь увести топтавшихся у частокола лошадей. Но оставленный за сторожа мальчонка углядел конокрадов и с воплями кинулся к воротам. Он кричал, пока вонзившийся в спину дротик не поверг его на четвереньки. Серый Зайка захлебнулся наполнившей рот кровью, дернулся пару раз и свернулся на земле крохотным комочком.

Рассветную тишину вспорол боевой клич.

— Выходите! — ревел выскочивший на улицу Бегущий Волк. — На нас напали! Спасайте лошадей!

Он первым выбежал за ворота. Соплеменники, похватав подвернувшееся под руку оружие, устремились за ним, многие в чем мать родила. Чужаки набросились на них. Послышались гортанные выкрики, запела тетива луков. Раздались крики раненых, вопивших не столько от боли, сколько от ярости. Бегущий Волк с томагавком в руках вихрем ворвался в гущу врагов и принялся, рыча, разить их направо и налево.

Поселяне численно превосходили чужаков, но их застали врасплох. Вождь паррики выкрикнул команду, призывно подняв над головой копье, и его люди устремились на призыв. Сплоченный отряд расшвырял обороняющихся в стороны и ворвался в распахнутые ворота.

Было уже довольно светло. Женщины, дети и старики врассыпную бросились по домам, будто луговые собачки по норам. Паррики со смехом преследовали их. Бегущему Волку пришлось задержаться, чтобы собрать воедино своих рассеявшихся воинов. Тем временем паррики торопливо мародерствовали, хватая что придется — замешкавшегося ребенка или женщину, кожаные штаны, балахон из шкуры бизона, рубаху с красочным узором из перьев — и снова собирались на улочке, ведущей к воротам.

Один из воинов заглянул в самый маленький домик возле круглой хижины, нашел там трех женщин — молодую красавицу, пожилую матрону и дряблую старуху — и тут же схватил младшую. Та завизжала и попыталась выцарапать ему глаза, но он скрутил ей руки за спиной и погнал вперед, не обращая внимания на наскоки двух старух. Из хижины наперерез выскочил мужчина, вооруженный лишь погремушкой и жезлом. Он затряс ими, но воин лишь оглушительно захохотал и замахнулся томагавком. Шаман отпрянул, а воин, не выпуская добычу, присоединился к своему отряду.

Люди Бегущего Волка запрудили ворота, но тут на них сзади галопом налетели паррики, остававшиеся при лошадях, ведя свободных коней на поводу. Поселяне рассыпались, а мародеры, хватаясь за гривы, одним махом взмывали на конские спины,

прихватывая пленников и награбленное добро. Те, кто уже сидел верхом, помогали взобраться на коней раненым. Не были забыты и трупы трех или четырех убитых.

Бегущий Волк рявкал, подбадривая соплеменников. Стрелы у них иссякли, однако в конце концов они сумели сосредоточиться, так что враги предпочли больше не покушаться на их табун, а устремились на запад, увозя добычу. Охваченные ужасом поселяне и не пытались их преследовать.

Взошло солнце. Пролитая кровь ярко засверкала в его лучах.

Бессмертный оглядел поле битвы. Опомнившиеся жители деревни уже занялись наведением порядка. Несколько человек уродовали трупы двух оставшихся на поле боя врагов, чтобы их призраки до скончания веков блуждали во тьме. Одновременно они желали вслух попавшим в плен погибнуть в муках. Другие заботились о своих погибших. Три Гусыни оказался среди тех, кто пользовал раненых. Руки его приносили облегчение страданиям, кроткие речи помогали сдерживать крики. Бессмертный принялся помогать ему: ведь всякий шаман — еще и лекарь.

— Отец, — произнес бесполый, — по-моему, важнее, чтобы ты сотворил амулет от новой беды.

— Не знаю, остались ли во мне силы для таких амулетов, — ответил Бессмертный.

Три Гусыни аккуратно вгонял древко стрелы в плечо раненого, пока зазубренный наконечник не вышел с противоположной стороны, где его можно было извлечь без особого вреда. Хлынула кровь, налетели мухи, и Три Гусыни забил рану травой, пробормотав:

— Мне стыдно, что я не был в битве...

— Ты давно уже не юноша, — сказал Бессмертный, — да и не создан ты для битвы, но я... Меня застали врасплох, и я не вспомнил даже, что когда-то знал о бое.

Бегущий Волк бродил неподалеку, ведя счет потерям и убыткам. Слова шамана долетели до его ушей.

— Да никто из нас ничего не знал о бое, — вспылил он. — В другой раз будем умнее.

Три Гусыни прикусил губу. Бессмертный хранил бесстрастие.

Чуть позже он вернулся к своим обязанностям. Вместе с учеником, который еще вчера не осмеливался даже стоять с ним рядом, он завершил заупокойные ритуалы, сотворил заклинание о благополучном исцелении ран и сделал приношения духам. Один старик набрался храбрости поинтересоваться, отчего шаман не ищет предзнаменований.

— Грядущее стало чужим для меня, — ответил шаман, повергнув старика в ужас.

Ненадолго заглянув по пути к оставшимся без матери детям Перепелиной Шейки и кое-как утешив их, Бессмертный вновь уединился в священной хижине.

Назавтра хоронили мертвых. Позже люди спляшут в их честь, но сперва все здоровые мужчины собрались на площадке, знававшей более радостные собрания. Так потребовал Бегущий Волк — чтобы встретились не только старейшины, способные спокойно прийти к согласию, а все способные ходить, — и никто не стал ему перечить.

Они собрались перед небольшим холмом на краю обрыва, откуда открывался вид на южный простор, на широкую бурую реку с деревьями по берегам. Дальше в прерии не было ни единого деревца. К востоку от частокола теснились поля, а рядом могильные холмики — и свежие, и почти стертые временем. Под свежим ветром колыхались, переливаясь, травы всех оттенков — от белого до темно-зеленого. По небу мчались облака, отбрасывая на землю резкие тени. С запада надвигались иссиня-черные грозовые тучи. Человеческие жилища с высоты обрыва казались ничтожными, разоренными муравьиными кучами. Ничто не шевелилось, кроме взбрыкивавших стреноженных лошадей, только и мечтающих вырваться на простор.

Бегущий Волк взобрался на холм, простер руку и воскликнул:

— Слушайте, братья мои!

Платье из бизоньей шкуры делало его выше и стройней. Он изрезал себе щеки в знак скорби, расписал лицо черными полосами мести. Степной ветер трепал перья на его лобной ленте.

— Мы знаем, что пережили, — сказал он, глядя людям прямо в глаза, обращаясь ко всем и к каждому в отдельности. — Теперь надлежит подумать, отчего нас постигла беда и как избежать ее в грядущем. Ответ прост, говорю я вам. У нас мало лошадей. У нас почти нет охотников, умеющих ездить верхом, и совсем нет искушенных воинов. Мы бедны и несчастны, ютимся в этих жалких стенах и питаемся от своих скудных посевов. А другие племена тем временем идут вперед, используя сполна богатства прерий. Вскормленные мясом, они набираются сил и могут прокормить множество ртов, и многочисленные их сыновья в свою очередь становятся верховыми охотниками. У них есть и время, и закалка, чтобы научиться воевать. Они могут расселиться по всему свету, и все равно гордое братство, скрепленное клятвами верности, соединяет их воедино. Так разве удивительно, что мы стали для них легкой добычей?

Тут его суровый взгляд упал на Бессмертного, стоящего в первых рядах. Шаман не опустил глаз, ответив ему таким же твердым, но бесстрастным взглядом.

— Многие годы они знали свое место, — продолжал Бегущий Волк. — Они знали, что среди нас есть наделенный могуществом духов. И все-таки в конце концов отряд юнцов решился совершить набег. Я думаю, кому-то из них были даны видения. Видения легко приходят к тем, кто день за днем мчится по бескрайним просторам, а ночует под усыпанным звездами небом. Наверное, они долго подзадоривали друг друга. Осмелюсь сказать, что им нужны были всего лишь наши кони, и битва стала такой кровавой лишь потому, что мы не знали, как держаться в бою. Это тоже горький урок. А теперь паррики узнали — и скоро эта весть долетит до каждого скитальца прерий, — что мы лишились даже остатков боеспособности. Есть ли у нас новые амулеты? — Он скрестил руки. — Вопрошаю тебя, Бессмертный! О великий, какой новый амулет можешь ты сотворить?

Бегущий Волк не спеша отступил в сторону. Грозовые тучи громоздились над головами, накрыв землю сырой прохладой. По рядам собравшихся прошелестел сдавленный вздох. Все обратили взгляды к шаману. Тот постоял какое-то мгновение, затем взобрался на холм и встал лицом к лицу с молодым вожаком. На Бессмертном не было украшений, всю его одежду составляли лишь штаны из оленьей кожи. Рядом с Бегущим Волком он казался каким-то неряшливым и тусклым, будто жизнь покинула его. Но речь его звучала ровно:

— Позволь сперва спросить тебя. Ты, кто принял предводительство от старших, выслушай и ответь. Скажи, если будет по-твоему, — что мы должны делать?

— Я говорил тебе! — провозгласил Бегущий Волк. — Надо добыть больше лошадей. Разводить их, покупать, ловить диких и — да! — красть их самим. Мы должны отвоевать свою долю в богатствах прерий. Мы должны усовершенствоваться в боевых искусствах. Найти дружественные племена, заключить с ними союзы и занять достойное место среди народов, говорящих на языках Дакоты. И все это надо начать немедленно, иначе будет слишком поздно.

— Если так, — негромко сказал Бессмертный, — то кончите вы тем, что покинете родину и могилы предков. У вас не будет иного пристанища, кроме ваших вигвамов. Вы станете скитальцами без крова и родины, как бизоны, как койоты, как ветер.

— Может, и станем, — с той же сдержанностью ответил Бегущий Волк. — И что же в том дурного?

Большинство слушателей невольно охнули, но несколько юношей кивнули в знак согласия, вскинув головы, как норовистые кони.

— Будь почтителен! — прошамкал престарелый внук шамана. — Он же Бессмертный!

— Да, Бессмертный, — подтвердил Бегущий Волк. — Но я высказал, что у меня на сердце. Если я не прав, скажи нам. А затем скажи еще, как нам следует поступить и кем мы станем в конце концов.

Ответные слова слышал он один, но и остальные угадали их смысл. Одни покачнулись в ужасе, другие тяжко задумались, а третьи затрепетали, как псы, почуявшие дичь.

— Не знаю... — Бессмертный отвернулся от Бегущего Волка, встал лицом к собранию. Голос его окреп, и каждое слово падало камнем: — Здесь мне больше делать нечего. У меня больше нет амулетов. Никого из вас еще не было на свете, когда до меня дошли слухи о невиданных существах, которых зовут лошадьми, и о племени загадочных людей, приплывших из-за большой воды и приручивших молнию. Со временем лошади добрались до наших краев, и начало сбываться то, чего я опасался. Сегодня это свершилось. Грядущего не дано предугадать никому. Все, что я знал, утекло, как песок меж пальцев.

К лучшему или к худшему, — продолжал Бессмертный, — но вам, скорей всего, просто придется измениться, ибо вас слишком мало, чтобы постоять за свой поселок. Так или иначе, вы изменитесь, дети мои, народ мой. Вы сами хотите перемен, а тех, кто не хочет, всего горстка, и остальные увлекут их за собой. Моя же сила исчерпана. Время одолело меня. — Он простер руку. — Да будет с вами мое благословение, и позвольте мне уйти.

На этот раз не сдержался Бегущий Волк.

— Как уйти? — вскричал он. — Это невозможно! Ты всегда был с нами.

— Если я что-то и узнал за свой долгий век, — едва заметно усмехнулся Бессмертный, — то лишь то, что никакого «всегда» не существует.

— Но куда ты пойдешь? Зачем?

— Мой ученик вполне заменит меня, пока не завоюет у воинственных племен более могущественный амулет. Об обеих моих престарелых женах и детях позаботятся мои взрослые сыновья. А я... Я в одиночку отправлюсь искать обновления или смерти. И конца стремлений... — Последние слова шамана

были встречены гробовым молчанием. — Я служил вам, чем только мог. А теперь позвольте мне уйти...

Он спустился с холма и зашагал прочь, ни разу не оглянувшись.

Глава 13

СЛЕДУЙ ЗА ПЬЯНОЙ ТЫКВОЙ

Всю ночь бушевала гроза, озаряя землю вспышками молний и сотрясая ее громами, но под утро небо очистилось, и когда взошло солнце, все вокруг так и заиграло красками. Омытая зелень сверкала свежестью. Правда, для полевых работ чересчур сыро, но посевы и так подрастают на славу. Люцерна удалась сочная, только что не звенит, а кукуруза к Четвертому июля наверняка вымахает до колена. Мэттью Эдмондс решил после завтрака заняться плугом. Во-первых, пора уже заточить лемех, а во-вторых, одна из ваг дала трещину. Но если ее хорошенько укрепить, то еще годик она послужит. А потом надо еще лудить и паять прохудившуюся посуду — Джейн набрала ее целую гору.

Закрыв за собой кухонную дверь, он с наслаждением вдохнул полные легкие прохладного свежего воздуха, пропитанного ароматами мокрой земли, скотины и всходов. По правую руку от Мэттью солнце озарило лес, заиграло на мокром петушке-флюгере на шесте, вызолотило грязный двор, и даже лужи казались зеркалами, отражающими бездонное голубое небо. Мэттью перевел взгляд налево — мимо силосной ямы, мимо свинарника и курятника, оглядел свои широко раскинувшиеся поля, сулящие щедрый урожай. Земля изобильна и добра, и разве под силу человеку хоть чем-нибудь отплатить за милосердие Господне?

Тут его внимание привлекло какое-то движение, и Мэттью повернулся налево всем телом. В сотне ярдах от западной границы его владений был виден окружной тракт, по ту сторону тракта лежала земля Джесса Линдона, но дома соседа отсюда было не разглядеть: дом стоял дальше к северу, позади принадлежащего Джессу леска. Да и проселка, ведущего к дому Эдмондса, тоже не видно за яблоневым садом, где на ветвях среди изумрудной зелени листвы уже проглядывали крохотные яблочки. А по саду бежала женщина.

К ней навстречу с лаем бросился фокстерьер Фрэнки. Женщина испуганно шарахнулась в сторону. Хорошо еще, что десятилетний сынишка Джейкоб, выгоняя коров на пастбище, при-

хватил с собой Чифа, полукровку колли. Женщина уклонялась от Фрэнки, загораживаясь руками, но не останавливалась. Но вот она оступилась, обессилев, и едва не рухнула на землю. На ней не было ничего, кроме доходящего до середины икр тоненького платьица — как там его называют дамы, сорочка, что ли? Некогда желтая, но теперь выгоревшая, грязная, изодранная, пропитанная потом сорочка липла к телу, подчеркивая невероятную худобу беглянки, еще более заметную из-за кофейного цвета ее кожи.

Спрыгнув с крыльца, Эдмондс сам бросился бегом, по пути прикрикнув:

— Тихо, Фрэнки, молчать!

Собачонка отскочила в сторону, высунув язык и виляя хвостом. Мужчина и женщина встретились у амбара, остановились, испытующе вгляделись друг в друга. Она была молода — на вид лет двадцать — и по-своему красива, хотя жизнь, очевидно, ее не баловала. Ей бы немного отъесться — и она станет просто высокой, а не костлявой, как теперь. Узкое, совсем не негритянское лицо, правильный нос с тонкими ноздрями, большие глаза с длинными ресницами; только вот губы чуть полнее, чем у большинства белых. Коротко подстриженные густые волосы ничуть не курчавились; стоит им немного отрасти, и они, наверное, будут торчать во все стороны. Эдмондсу с болью в душе подумалось: похоже, что ее мать или бабку изнасиловал рабовладелец.

Дышала она с присвистом и все пыталась выпрямиться, но сотрясавшая тело дрожь опять сгибала ее.

— Мир тебе, — сказал Эдмондс. — Ты у друзей.

Она подняла глаза на мужчину. Он был светловолос, но носил одежду куда темнее, чем принято, а верх широкополой шляпы был совершенно плоским. Наконец она выдохнула:

— Вы будете масса Эдмондс?

— Я самый, — кивнул он и, не повышая голоса, спросил: — А ты, наверное, беглянка?

— Пжалста, сэр, пжалста, — сжала она руки в мольбе, — меня гонют! Вот-вот нагонют!

— Тогда входи.

Взяв девушку за руку, Эдмондс повел ее через двор к дому. Просторная кухня была залита солнечным светом, воздух наполнен ароматами стряпни. Джейн Эдмондс кормила овсянкой с ложечки годовалую Нэлли, а четырехлетний Уильям тем временем забрался на табуретку, вылил кипяток из чайника в таз для мытья посуды и теперь деловито наполнял чайник свежей

водой. Увидев вошедшую в сопровождении отца негритянку, домочадцы прервали свои занятия.

— Эту девушку надо спрятать, и побыстрее, — сказал жене Эдмондс.

Джейн, молодая женщина с тонкими чертами лица и выбивающейся из-под платка рыжей прядью, выронила ложку и охватила кулак одной руки ладонью другой.

— Но, дорогой, мы ведь не успели подготовить никакого укрытия... — И решительным тоном: — Ну ничего. Обойдемся чердаком. В подвале спрятаться просто негде. Может, подойдет старый сундук? Если будет обыск...

Негритянка тяжело оперлась на длинный кухонный стол. Она уже отдышалась и больше не дрожала, но затравленный огонек в ее глазах не угас.

— Ступай с Джейн, — сказал Эдмондс. — Делай, что она скажет. Ты на нашем попечении.

Рука девушки коричневой молнией метнулась к полке и ухватила большой мясницкий нож.

— Живая я им не дамся!

— Положи! — испуганно вскрикнула Джейн.

— Дитя мое, дитя мое, забудь о насилии, — призвал Эдмондс. — Доверься Господу нашему.

Но негритянка отступила назад, выставив сверкающий клинок перед собой, и прохрипела:

— Я никого не хочу поранить, даже ежели меня сыщут. Только пусть попробуют поволочь меня обратно, я порешу себя, но сперва кого-то из них, ежели Бог мне подсобит.

На глазах Джейн сверкнули слезы.

— Да что ж они с тобой сотворили, чтоб довести до такого?

Эдмондс настороженно приподнял голову.

— Фрэнки снова лает. Пусть нож остается у нее, разбираться некогда. Убери ее подальше с глаз, а я с ними поговорю.

Чтоб еще больше не натоптать в доме грязными сапогами, Эдмондс вышел через кухонную дверь, обогнул дом и оказался у выходящего на запад парадного крыльца. От развилки за границей сада, где южная дорога сливалась с трактом, доносился топот копыт. Эдмондс утихомирил пса и присел на ступеньку перед дверью, скрестив руки на груди. Завидев его, двое всадников — дородный блондин и тощий брюнет — рысью приблизились к крыльцу и натянули поводья.

Забрызганные грязью лошади выглядели совсем свежими и нисколько не загнанными. У седел были приторочены чехлы с ружьями, а с пояса у каждого всадника свисал револьвер.

— День добрый, друзья, — поприветствовал их Эдмондс. — Чем могу служить?

— Мы ищем беглую негритоску, — сказал блондин. — Не видал?

— Как тебе такое в голову пришло? — ответил вопросом на вопрос Эдмондс. — Впрочем, Огайо — штат свободный. Кто бы тут ни прошел, белый или цветной, он так же свободен, как ты и я.

— И много тут таких, как ты? — Темноволосый сплюнул на землю. — Да негритосы все до единого — беглецы, и черт тебя подери, ты и сам это знаешь, квакер!

— Откуда мне знать? — отвечал Эдмондс с улыбкой. — Могу назвать тебе хотя бы Джорджа из продовольственной лавки, Цезаря из кузницы, Менди, заправляющую хозяйством у Эбширов...

— Хватит дурить нам голову, — оборвал его блондин. — Слушай, нынче утром мы сами ее видали, только поодаль, а она нырнула в лес и ушла от нас. Но бежать ей больше некуда, кроме как сюда, а на тракте следы босых ног.

— И на твоей дороге тоже! — вклинился его спутник.

— Лето не за горами, — пожал плечами Эдмондс. — Чуть позволишь, и детишки сбрасывают обувку где придется.

— Ну ладно, — с прищуром проворчал блондин. — Раз ты тут вовсе ни при чем, ты ж не станешь нам мешать? Мы просто посмотрим, ладно?

— Она могла сюда проскользнуть без твоего ведома, — уточнил второй с вымученной усмешкой. — Держу пари, тебе, да и жене с детишками это будет совсем не по вкусу. Так что мы за тебя же радеем.

— Ага, — подхватил первый. — Ты ведь не станешь нарушать закон, так? Ты наверняка нам поспособствуешь. Валяй, Аллен.

Он уже хотел спешиться, но Эдмондс остановил его жестом широкой загрубелой ладони и кротким, увещевающим голосом сказал:

— Погодите, друзья. Простите, но не могу пригласить к себе никого из вас.

— Чего? — рыкнул блондин.

— Боится, что жена заругается, ежели мы заляпаем ей полы, Гейб, — хихикнул Аллен. — Не волнуйся, хозяин, мы хорошенечко вытрем ноги.

— Сердце мое разрывается от горя, друзья, — покачал головой Эдмондс, — но позволить вам войти я не могу. Прошу вас удалиться.

— А-а, так ты укрываешь негритоску! — взорвался Гейб.

— Не могу этого сказать, друг. Просто не хочу более беседовать с вами. Прошу покинуть мою землю.

— Слушай, ты! Помогать беглым — это федеральное преступление, и обойдется тебе в тыщу долларов или шесть месяцев тюряги. Закон велит, чтоб ты помогал нам.

— Это порочное установление, столь же противное заповедям Господним, как действия президента Пирса на Кубе. Господь повелел нам...

— А теперь я тебе повелю, — зарычал Аллен, выхватывая пистолет. — Отойди!

Эдмондс не шелохнулся. Голос его был все так же спокоен:

— Конституция гарантировала мне и моей семье право на неприкосновенность жилища.

— Клянусь Богом!.. — Зрачок ствола уставился прямо на Эдмондса. — Тебе что, жить надоело?

— Вовсе нет. Но если убьешь — тебя, знаешь ли, повесят.

— Опусти пистолет, — махнул рукой Гейб и выпрямился. — Ладно, мистер Негролюб! До города рукой подать. Я сей же час двину прямиком туда за ордером и помощником шерифа. А ты, Аллен, пригляди, чтоб никто отсюда не убег, покуда я в отлучке. — Он с прищуром оглядел Эдмондса. — А может, ты передумал, парень? Даю тебе последний шанс.

— Я не передумаю, если только Господь не повелит мне иначе. По моему разумению, я поступаю здраво, а вы, друзья, глубоко заблуждаетесь.

— Ладно! Не хватало только выслушать парочку ветхозаветных цитат. Аллен, глаз с него не спускай!

Гейб развернул лошадь, дал шенкеля и, вздымая брызги, помчался прочь. Стук копыт почти заглушил лай вскинувшегося Фрэнки.

— А теперь, друг, будь добр удалиться, — обратился Эдмондс к Аллену, но охотник за рабами лишь ухмыльнулся.

— Я всего-то маленько покатаюсь тут вокруг! Чудная погода и все такое. Ничего не буду ломать, никуда не буду совать нос.

— Но при том ты без разрешения вторгаешься на мою землю.

— Навряд ли судья так решит, ежели ты нарушитель закона и вообще...

— Друг, наша семья делает все, что в наших скудных силах, дабы не нарушать закон.

— Ну да, как же...

Аллен вытащил дробовик из чехла, положил его поперек седла, чмокнул лошади и трусцой поехал с дозором вокруг двора.

Эдмондс вернулся в дом. Джейн скоблила полы, смывая отпечатки грязных босых ног. При виде мужа она поднялась и молча выслушала рассказ о случившемся, потом спросила:

— И что же нам делать?

— Я подумаю. Господь наверняка наставит меня. — Его взгляд упал на Уильяма. — Сын мой, блажен ты, ибо слишком юн и не познал зла. Однако сегодня ты можешь нам помочь. Храни молчание, а коли у тебя возникнет какая нужда, то спроси у матери. А на стороне не говори никому ни слова, доколе я не разрешу тебе. По силам ли тебе это?

— Да, отец, — тоненьким голоском ответил мальчик, раздуваясь от сознания небывалой ответственности.

— В твои годочки молчать не так-то просто, — хмыкнул отец. — После я поведаю тебе историю одного мальчика, также нареченного Уильямом, сиречь Вильгельмом, — он стал знаменит тем, что хранил молчание. Его и по сей день зовут Вильгельмом Молчаливым. Но лучше держись от посторонних подальше. А сейчас ступай, поиграй с игрушками.

Мальчонка потопал прочь. Джейн в отчаянии сплела пальцы.

— Мэттью, а как же дети? Ведь это опасно!

Муж ласково взял ее ладони в свои.

— Куда опаснее позволить злу и жестокости беспрепятственно шириться на земле... Ну ладно, ступай к Нэлли, а мне надо встретить Джейкоба. Пора каждому заняться своими делами.

Едва Эдмондс снова вышел на крыльцо, как из-за амбара показался его старший сын, белобрысый загорелый мальчишка, и Эдмондс степенно зашагал навстречу сыну. Заметивший их Аллен подъехал поближе. Почуявший опасность Чиф зарычал. Эдмондс утихомирил пса и велел сыну:

— Джейкоб, ступай в дом, помойся.

— Хорошо, отец, — ответил мальчик, не скрыв удивления.

— Но в школу не ходи. Жди меня в доме. У меня есть для тебя поручение.

Мальчик широко распахнул голубые глаза, перевел их на подъезжающего чужака, потом вновь на отца, и во взгляде его вспыхнуло что-то похожее на понимание.

— Есть, сэр!

Джейкоб заспешил прочь. Аллен придержал лошадь и бесцеремонно поинтересовался:

— О чем это вы тут болтали?

— Неужели в наших Соединенных Штатах человеку больше не позволено спокойно побеседовать с собственным сыном? — отозвался Эдмондс, слегка раздражаясь. — Я почти жалею, что моя вера не дозволяет мне выгнать тебя силой. Но хотя бы не вмешивайся в то, что тебя не касается и никому не вредит.

Хоть Аллен и был вооружен, рядом с этим кряжистым человеком ему становилось не по себе. Похоже, того не смутить ничем.

— Мне, как и тебе, надо на что-то жить, — пробормотал охотник за неграми.

— Вокруг сколько угодно достойных занятий. Ты сам откуда будешь?

— Из Кентукки, откуда ж еще? Мы с Гейбом Энси гонимся за этой птичкой уже не первый день.

— Значит, бедняжка давно полумертва от голода и усталости. Огайо — река широкая. Неужто ты думаешь, что ей было под силу переплыть на другой берег?

— Да кто ее знает, эти негритосы на все способны. Вчера ее видели на том берегу, как она собиралась переплыть. Так что мы нынче утром переправились на пароме, и точно — ее вроде как видели уже и тут. А после мы сами на нее наткнулись, только она смоталась в лес. Ежели б у нас была хоть одна псина...

— Храбрецы! Гонитесь за беззащитной женщиной, как за дичью...

— Слушай, — всадник подался вперед, — это тебе не какая-нибудь там старушенция, потерявшая на плантации зубы. Все говорят — эта беглянка диковинная, очень-очень странная. Потому-то мистер Монтгомери и собрался запродать ее на юг. Он готов выложить за ее поимку больше, чем она того стоит. И не забывай, мистер: ежели она удерет, ты будешь должен ему тыщу долларов, не говоря уж о штрафе и тюряге.

— Сперва пусть докажут, что я приложил руку к ее бегству.

— Твои враки тебе не помогут! — вспылил Аллен.

— Ложь противна принципам «Общества друзей» *. А теперь позволь мне вернуться к своим делам.

— А, так ты никогда не врешь?! Может, поклянешься, что не прячешь никаких негритосов?

---

* Официальное наименование секты квакеров.

— Клясться попусту — также против нашей веры. Мы не лжем, и все. Но это не обязывает нас вести беседы с кем попало.

С этими словами Эдмондс развернулся и зашагал прочь. Аллен не решился последовать за ним и, постояв с минуту на месте, снова поехал в обход.

В полутемном сарае Эдмондс начал было возиться с плугом, но мысли его блуждали где-то далеко. Наконец он кивнул, будто соглашаясь с невидимым собеседником, и вернулся в дом, провожаемый пристальным взглядом Аллена.

— Как наша гостья? — спросил он у жены.

— Я отнесла ей поесть. Изголодалась, бедняжка. У нас ее первая станция.

— Неужели она добиралась сюда совсем-совсем сама?

— Вообще-то она, конечно, слыхала о «Тайной железной дороге»*, но ничего определенного. Знала, что такая штука существует, и все. Питалась кореньями, личинками насекомых, пару раз нашла кров и пищу в бараках у рабов. А вчера во время грозы переправилась через реку на бревне.

— Если кто и заслужил свободу, так это она. А как она нашла нас?

— Подошла к какому-то негру и спросила. Судя по всему, это был Томми Бредфорд.

— Надо потолковать с Томми, — нахмурился Эдмондс. — Конечно, парень он надежный, но впредь надо быть осторожнее... Ну, чего там! Мы ведь совсем новички на «Тайной дороге». Наш первый пассажир!

— Очень уж все вдруг, — со страхом ответила жена. — Надо было дождаться, когда ты выроешь и обставишь убежище.

— Дорогая, долг не ждет.

— Да, но... Что нам теперь делать?! А еще эти ужасные соседи, которые терпеть не могут аболиционистов! Они только порадуются, если мы разоримся.

— Не осуждай поспешно. Джесс Линдон — заблудшая душа, но сердце у него доброе. Со временем свет истины забрезжит и для него. Я тут кое-что измыслил, — сообщил Эдмондс и крикнул: — Джейкоб!

Мальчик тотчас вырос на пороге гостиной, обставленной просто, но уютно.

— Слушаю, отец! — он так и приплясывал от возбуждения.

---

* Система организации побегов из южных рабовладельческих штатов, действовавшая с 30-х годов XIX века до гражданской войны.

Возвышаясь над сыном, как скала, Эдмондс положил руку ему на плечо.

— Будь внимателен, сынок! Я даю тебе задание. У нас сегодня гостья. Тебе незачем знать почему, но ей пришлось забраться на чердак. В таком платье, как у нее, не пристало выходить на люди, но другого у нее нет. Мы найдем ей платье поприличнее, а ты возьмешь ее старую грязную одежду, отнесешь подальше и там выбросишь. По силам это тебе?

— Д-да, конечно, но...

— Я велел тебе не пропускать ни слова! Пойдешь без ботинок — я знаю, ты любишь бегать босиком — и возьмешь с собой корзинку. Ну, чтобы по пути домой набрать немного хвороста для растопки, ясно? Платье спрячешь в корзинку — мы не хотим никого оскорбить видом этой одежды. Спешить тебе некуда. Перейди через дорогу и войди в лес Линдонов. Хвороста там, конечно, не бери, это уже будет кража. Просто погуляй маленько, насладись красотой творения Господа нашего. Когда поблизости никого не окажется, повяжи на голову черный платок, который даст тебе матушка, — просто чтобы не напекло голову. Платок, правду сказать, ужасно грязный, потому закатай повыше рукава и брюки и надень поверх то самое платье. Вроде халата, чтобы не испачкать собственную одежду, понимаешь? Но все равно, боюсь, ты перемажешь руки, ноги и лицо до черноты. Ты ведь не упустишь случая вывозиться в грязи — да так, что не останется ни единого белого пятнышка, а? Ну-ну, я ведь помню, как сам любил мазаться в детстве! — Эдмондс хохотнул. — Бывало, приду домой, а матушка такое заведет! Ну ничего, у тебя сегодня вроде как праздник, и подобная небрежность вполне простительна. — Он помолчал. — Если тебя случаем занесет к дому Линдонов и они тебя углядят, тут ты не мешкай и быстро-быстро удирай подальше. Незачем им тебя рассматривать. Ох эти мне Линдоны! Уж они-то не преминут возмутиться, что юный Джейкоб Эдмондс вырядился в какое-то платье, да еще и измарался с головы до ног! Тогда убеги подальше и закопай платье в землю, а потом кругом, кругом через лес возвращайся на наш участок и собирай хворост. Не удивлюсь, если на все про все уйдет часа три. — Он сжал плечо мальчика и улыбнулся: — Ну и как тебе моя идея, а?

Сын слушал отца, затаив дыхание, но в конце концов оживился и просветлел, радостно воскликнув:

— Великолепно! Это я сумею! Разрешите выполнять, сэр?

— Но, дорогой, — запротестовала Джейн, тронув мужа за руку, — ведь он еще ребенок!

Джейкоб покраснел, а Эдмондс успокоительно поднял ладонь.

— Мальчонка он сообразительный, так что опасности никакой. А ты, — сурово взглянул он в лицо сыну, — помни, Иисус хвастунов не жалует. Завтра я дам тебе записку в школу, что сегодня нуждался в твоей помощи по дому. И больше никто никогда не помянет об этом ни словом. Ясно тебе?

— Да, сэр, ясно, — вытянулся в струнку мальчик.

— Хорошо. Ну что ж, мне пора браться за работу, а ты развлекись на славу...

Выходя, Эдмондс мимоходом ласково погладил жену по щеке. Не успел он пересечь двор, как подъехал Аллен.

— Ты чего делал? — выкрикнул всадник.

— Занимался своими делами. Да будет тебе ведомо, на моих плечах целое хозяйство, — отрезал Эдмондс, вошел в сарай и вернулся к починке плуга.

До самого полудня ничего интересного больше не случилось. Эдмондс знай себе трудился в сумраке сарая и уже начал ощущать голод — он даже чуточку позавидовал Джейкобу, которому матушка наверняка дала с собой сандвичи, — когда на улице раздался лай собак и окрик Аллена. Выскочив на двор и щурясь от яркого солнца, Эдмондс увидел Гейба, вернувшегося в компании молодого человека с курчавыми каштановыми волосами. Тот с тревогой глядел на дом. Три всадника въехали во двор и остановились перед хозяином.

— День добрый, друг Питер, — весело поприветствовал новоприбывшего Эдмондс.

— Привет, — помощник шерифа Фрейн не нашел в себе сил ответить как полагается и секунд десять помялся, прежде чем сообщил: — Мэтт, мне страшно жаль, но этот человек побывал у судьи Эбшира, и тот выписал ордер на обыск твоего дома.

— Извини, не могу не сказать, что это не очень-то по-добрососедски с его стороны.

— Он обязан подчиняться закону, Мэтт. Я тоже.

— Все обязаны подчиняться закону, — кивнул Эдмондс, — во всех случаях, когда это возможно.

— Вот видишь ли... Они утверждают, что ты прячешь беглую рабыню. Это нарушение федерального закона, Мэтт. Рабство мне и самому не по нраву, но закон есть закон.

— Я знаю иной Закон, Питер. Иисус Христос говорил в Назарете: «*Дух Господень на Мне; ибо Он помазал меня благовествовать нищим и послал меня исцелять сокрушенных*

сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу».

— Хватит проповедовать, квакер! — вспылил Гейб. Он вспотел, запылился и устал, мотаясь туда-сюда, и теперь едва сдерживался. — Давай, помощник, делай, что положено.

— Как ни ищи, на моей земле ты рабов не найдешь, — провозгласил Эдмондс.

Фрейн воззрился на него с недоумением.

— Клянешься?

— Питер, ты же знаешь, что приносить клятвы я не могу. — Эдмондс на миг задумался, а затем, словно решившись, сообщил: — Но если вы начнете обыскивать дом, жена расстроится, а детишки будут напуганы. Посему сознаюсь — я видел негритянку нынче утром.

— Видел? — взревел Аллен. — И ничего нам не сказал?! Слушай, ты, сукин сын...

— Уймись, приятель! — вмешался Фрейн. — Еще слово в таком духе, и ты у меня ответишь за оскорбление, угрозы и покушение на свободного гражданина. — Он обернулся к Эдмондсу. — Расскажи подробнее, что ты видел.

— На ней было грязнющее изодранное желтое платье. Бежала она прямиком на север. Чем терять тут драгоценное время, спросили бы лучше у тех, кто живет в том направлении.

Фрейн нахмурился, потом недовольно пробормотал:

— М-м... да. В миле отсюда живут Линдоны, и уж эти аболиционистов не любят.

— Может, они и видели чего, — подхватил Эдмондс. — Уж они-то от тебя таиться не станут.

— Следы вели прямиком... — начал было Аллен, но Эдмондс не дал ему договорить, разрубив воздух ладонью:

— Тю! Да у нас тут почитай все босиком ходят. Давайте договоримся: если там вы не сыщете и не услышите ничего, то возвращайтесь сюда и ищите сколько заблагорассудится. Только помните — ферма у меня большая, укромных уголков много, и вы потратите здесь полдня, а беглянки тем временем и след простынет.

Гейб только рот разинул. Фрейн уставился на Эдмондса, потом кивнул:

— Он прав. Поехали.

— Слушай, а если... — замялся Гейб.

---

* Новый Завет. От Луки: 4, 18.

— Вам нужна моя помощь или нет? Меня ради этого оторвали от дел, вытащили из города, и я не намерен терять еще полдня на бесцельные поиски там, где ничего нет.

— Поезжай справься, — махнул Гейб Аллену, — а я тут посторожу. Теперь моя очередь.

— Я с ним! — заявил Фрейн и поскакал следом за Алленом, так и не вытащив ордера из кармана.

Чуть погодя из кухни выглянула Джейн.

— Обедать!..

— Извини, друг, но пригласить тебя за стол я не могу, — сказал Гейбу Эдмондс. — Дело принципа. Тебе вынесут поесть сюда.

— Да иди ты ко всем чертям! — яростно тряхнул головой Гейб, прихлопнул муху и затрусил на пригорок продолжать наблюдение.

Мылся Эдмондс долго и основательно. Когда он наконец уселся за стол и начал молитву, собаки во дворе снова подняли лай, и за окном показался помощник шерифа, въехавший во двор в компании Гейба. Они перекинулись несколькими словами, после чего Гейб пришпорил коня и скрылся за деревьями сада, но вскоре показался снова — конь его летел галопом по северной дороге.

Эдмондс вышел на крыльцо.

— Не отобедаешь ли с нами, друг Питер?

— Спасибо, но, э-э, поеду-ка я в город, — подъехав поближе, ответил тот. — Как-нибудь в другой раз, а? Или вы приезжайте к нам. Молли обрадуется. Давай на будущей неделе!

— Благодарствую. Обязательно свяжусь с тобой. Сказал ли вам Линдон что-либо новое?

— Ага, Джесс заметил ее. Надеюсь, этих двоих мы больше не увидим. — Фрейн помялся, но все-таки выговорил: — Вот уж не думал, что ты способен навести на след.

— Я просто не хотел, чтобы в мой дом вторгались чужие.

— Д-да, я понимаю, но все-таки... — Фрейн потер подбородок. — Ты ведь сказал, что на твоей земле рабов нет.

— Не спорю.

— Значит, ты все-таки не присоединился к «Тайной дороге». Ходили такие слухи.

— Не стоит доверять сплетням.

— Ага. И слишком удивляться тоже ничему не стоит, — рассмеялся Фрейн. — Ладно, я поехал. Передай хозяйке мои наилучшие пожелания. — Тут на лицо его набежала тень. —

И если ты солгал — если ты хоть когда-нибудь солгал, — то наверняка ради правого дела. Господь тебя непременно простит.

— Ты добр ко мне, но лгать мне было вроде как не к чему. На моей совести и без того много грехов, чтобы отягощать ее еще и ложью. До свиданья, друг. Передай Молли наш сердечный привет.

Помощник шерифа приподнял шляпу и отбыл восвояси. Когда он отъехал достаточно далеко, чтобы не слышать слов фермера, Эдмондс проговорил:

— Рабов нет и быть не может. Противно учению Христа обращаться с людьми как с имуществом.

Он вошел в дом, и Джейн с Уильямом выжидательно вскинули на него глаза. Нэлли радостно залепетала. Рот Эдмондса расплылся до ушей.

— Уехали! Попались на крючок. Возблагодарим же Господа!

— А мистер Фрейн? — поинтересовалась жена.

— Поехал домой.

— Это славно. Нет, я не против него — Питер хороший человек, зато теперь Флора может спуститься к столу и отобедать с нами.

— Ах, так ее зовут Флора? Ну и ну, как же я сам не догадался ее позвать!

Джейн вышла из кухни, приставила к стене лестницу, приоткрыла люк и негромко заговорила. Вскоре она вернулась, а по пятам за ней следовала Флора, облаченная в платье, едва доставшее ей до щиколоток. Девушка едва передвигала ноги и беспрестанно осматривалась. Рука по-прежнему вздрагивала, и в руке был по-прежнему зажат нож.

— Можешь спокойно отложить эту штуку, — сказал Эдмондс. — Опасность миновала.

— Вправду? — не поверила она, потом встретилась с ним взглядом и положила нож на стол.

— Никогда не следует обращаться к оружию.

Откуда-то взялись силы, и Флора заявила гордо:

— Я нипочем бы назад не пошла. Лучше помереть. Только б еще кого порешить перед тем.

— Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: «*Мне отмщение, я воздам, говорит Господь*»*.

---

* Новый Завет. Послание к Римлянам: 12, 19.

Страшусь я часа, когда гнев Его падет на эту грешную землю. — Эдмондс печально покачал головой, потом шагнул вперед и взял негритянку за руки. — Впрочем, не время ныне поминать об этом. По здравом размышлении сперва следует отобедать, а после вознести хвалу Господу, когда сердца наши возрадуются.

— А чего потом, господин?

— Сперва мы с Джейн приготовим тебе горячую ванну. Потом тебе надо хорошенько выспаться. Держать тебя здесь слишком рискованно, завтра охотники могут вернуться. Как только стемнеет, мы переправим тебя на следующую станцию. Отныне можешь забыть о страхе — какой-нибудь месяц, и ты доберешься до Канады, Флора.

— Вы страшно добрый, господин, — выдохнула она, и на ресницах у нее сверкающими искрами повисли слезы.

— Мы просто смиренные слуги Господа нашего и стараемся по своему разумению исполнять волю Его. Кстати, никому я не господин, и тебе тем более. А теперь, ради всего святого, приступим к еде, пока не остыло.

Флора застенчиво присела на краешек стула.

— Мне много не надо, гос... спасибо, сэр, спасибо, мэм. Леди уже дала мне малость покушать.

— Чтоб эти спички снова стали руками и ногами, тебе надо хорошенько питаться, — ответила Джейн, накладывая Флоре целую груду всякой всячины: жареной свинины, картофельного пюре, тушеных кабачков, фасоли, пикулей, кукурузного хлеба с маслом и джемом, — а напоследок поставила возле тарелки высокий стакан с принесенным из погреба холодным молоком.

Эдмондс из кожи вон лез, чтобы завязалась непринужденная беседа. И когда он заявил: «Наконец-то у меня появился слушатель, не успевший выучить назубок все мои шутки и прибаутки», — то все-таки сумел добиться от гостьи негромкого смешка.

После кофе с пирогом взрослые вверили Нэлли попечению Уильяма и удалились в гостиную. Эдмондс раскрыл семейную Библию и прочел вслух:

— *И сказал Господь: Я увидел страдание народа Моего в Египте, и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его,*

*И иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед...**

---

* Ветхий Завет. Исход: 3, 7—8.

Флора вздрогнула.

— Отпусти мой народ... — прошептала она.

На глаза у нее навернулись слезы. Джейн обняла ее и тоже всплакнула.

Во время совместной молитвы Эдмондс пригляделся к девушке повнимательнее, и она осмелилась ответить ему таким же прямым взглядом, не потупившись. Пробравшийся сквозь занавески солнечный луч заиграл на ее темной коже, и впервые за весь день Эдмондс словно утратил уверенность в себе. Прокашлявшись, он сказал:

— Флора, тебе до сумерек надо поспать — но, может, твой сон будет крепче, если ты поведаешь нам что-нибудь о себе. Если не хочешь, можешь не говорить, никто тебя не неволит. Просто если тебе, ну, хочется выговориться — перед тобой друзья.

— Да мне не особо есть чего рассказать, сэр, и кое-что вовсе жуткое.

— Ты сядь, — подбодрила ее Джейн. — За меня не беспокойся — мой отец был доктором, я сама хожу за скотом, так что смутить меня не так уж просто.

— Далек ли был твой путь? — поинтересовался Эдмондс.

— Ясное дело, сэр. Не знаю, сколько миль, но дни и ночи я считала. Семнадцать штук. Частенько думала, что помру, а мне бы и ничего, можно и помереть, лишь бы не схватили. Меня хотели запродать ниже по реке.

— Но почему? — Джейн ласково положила ладонь девушке на руку. — Чем ты им не угодила? И вообще чем ты там занималась? Я имею в виду — что делала?

— Служанка, мэм. Я была служанка. Няня у детишек массы Монтгомери, а прежде была его няней, когда он сам был мальчонка.

— Как? Ведь тебе...

— Там было не худо. Только я знала, что ежели продадут, то непременно в поле или что похуже. А кроме того, я долго думала про свободу. Мы, черный народ, внимательно слушаем, а чего услышим, говорим друг другу.

— Погоди минутку, — перебил Эдмондс. — Ты сказала, что была мамкой... своего хозяина, когда он был ребенком? Но тебе не может быть столько лет!..

В ответе Флоры он почувствовал, что она уже ощущает себя свободным человеком и гордится своей свободой — может быть, преувеличенно.

— Да нет, сэр, мне столько, сколько есть. Оттого они и затевали меня продать. Я ничего плохого не сделала. Но год за годом

масса и миссус смотрели на меня странней и странней, и все заодно с ними. А когда она померла, я смекнула, что ему больше держать меня неохота. А вы бы как на его месте? — Эдмондсы не нашлись, что ответить. Повисло гнетущее молчание, мерный ход напольных дедовских часов вдруг напомнил тяжелую поступь рока. Наконец негритянка заговорила опять: — Оно и раньше так бывало. Оттого я и знаю, каково работать на поле. Я не просто глядела со стороны, я по себе знаю, каково оно там. Когда первый старый масса продал меня папаше массы Монгомери, он ничего не сказал, сколько мне лет. Тогда я подумала, что, может, мне что и улыбнулось. — Она помолчала, уставившись в ковер, и сглотнула. — Лучше я не стану говорить, как я сделала, чтоб меня углядели и забрали в большой дом.

Эдмондс ощутил, что у него загораются щеки. Джейн, похлопав по коричневой руке, прошептала:

— И не надо ничего говорить, дорогая. Разве рабыня может выбирать?

— Не-а, мэм, это факт. В первый раз меня запродали, когда мне было четырнадцать, забрали от отца и матери, и тот человек и оба сына его... — Тут взгляд Флоры упал на стоящую на полке Библию. — Мы ведь должны прощать, да? Бедняга Марс Бретт, его порешили в войне. Я видала его папашу, когда пришло известие, и пожалела бы его, да только была жутко усталая с работы.

У Эдмондса побежали мурашки по спине.

— Ты о какой войне говоришь?

— Про рев... про эту... революцию за независимость. Даже мы, рабы, про нее слыхали.

— Но тогда тебе... да нет, Флора, не может этого быть! Выходит, тебе... тебе лет сто!

— Так и есть, — кивнула Флора. — Я схоронила моего мужа, взаправдашнего мужа, и детишек, тех, кого не запродали на сторону, и... — Тут силы изменили ей, и Флора невольно потянулась к Эдмондсу. — Долго, очень долго!

— Ты родилась в Африке? — низким голосом спросила Джейн.

Флора с трудом взяла себя в руки.

— Не-а, мэм, я-то родилась в бараке. Но моего папашу скрали оттуда, и он говорил малышне про все прежнее, про племя, про этот, как его, джунгель... Говорил еще, что он вполовину арап. — Она невидящим взглядом уставилась в пространство. — Помер он. Все померли, а свободы нет и нет... Я поклялась себе, что буду свободная, за всех за них буду

свободная. Так что пошла вдогон за Пьяной Тыквой... И вот я здесь...

Она уткнула лицо в ладони и разрыдалась.

— Надо набраться терпения, дорогой, — сказала Джейн поверх склоненной головы. — Она слишком утомлена.

— Еще бы! Пройдя через такое, любой бы на ее месте свихнулся. Уведи ее, дорогая, устрой ей ванну, уложи в постель, посиди рядом, пока не уснет.

— Ну конечно!..

Они разошлись, и каждый занялся своим делом. Джейкоб явился домой, переполненный торжеством, но ужин прошел тихо: старшие решили дать Флоре отдохнуть подольше и поднять ее лишь перед самым отъездом. Собирая ей на дорогу продукты, Джейн вдруг поинтересовалась:

— Мэттью, она толковала о какой-то пьяной тыкве. Ты не знаешь, о чем речь?

— Знаю. Они так прозвали Большую Медведицу — это такое созвездие, его не спутаешь ни с каким другим. По-моему, у рабов про нее даже песня есть...

И сколько еще песен, продолжил Эдмондс про себя, передают втайне из уст в уста, и сколько еще будет сложено в грядущем? Какие это будут песни — военные марши? О нет, помилосердствуй, Господи, нет! Придержи свой гнев, хоть мы заслужили его стократ. Веди нас к свету, великий Боже!..

С наступлением сумерек он с помощью Джейкоба выкатил из сарая двуколку и запряг в нее верную Си.

— Отец, можно мне с тобой? — спросил мальчишка.

— Нет. Я задержусь почти до рассвета, а тебе завтра в школу и сначала еще работать по дому. Потерпи. Мужские дела не обойдут тебя стороной, ждать осталось недолго. — Эдмондс потрепал сына по светловолосой голове и сказал ласково: — Сегодня ты положил тому доброе начало. Могу лишь смиренно надеяться, что Господь не потребует от тебя жертвы посерьезнее нынешней.

Зато и награда не будет знать границ, добавил он про себя, ибо ею станет Царствие Небесное. Бедная полубезумная Флора! Если только допустить мысль, что человеку может быть дарован такой библейский век — как чудовищна бесконечная жизнь в узилище, в путах, или бесконечное бегство от преследующих тебя гонителей! И что ждет тебя в Канаде?.. Эдмондс содрогнулся. Даст Бог, доброта и дружба тех, кого ты встретишь на «Тайной железной дороге», помогут тебе вернуть здравый рассудок...

Сумерки быстро сгущались, и Эдмондс зажег фонарь. Джейн привела беглянку, помогла ей взобраться в повозку. Эдмондс уселся на козлы, пожелал жене спокойной ночи и легонько тронул лошадь кнутом. Поскрипывая колесами, двуколка покатила в ночь. Воздух еще не остыл, хотя в нем уже ощущалось холодное дыхание наползающей ночи. Разлитый на западном небосклоне пурпур мало-помалу переходил в бархатную черноту на востоке, и в ней одна за другой загорались звезды. Чуть не первой вспыхнула Большая Медведица, а чуть позже проступила и Малая, в хвосте которой мерцала Полярная звезда, указывая путь на север — к свободе.

Глава 14

МИРОТВОРЦЫ

1

Все жилые постройки на ранчо сводились к глинобитному домику с одной-единственной комнатой — зато оборонять его было намного проще. Оба окна изнутри закрывались массивными ставнями, в каждой стене зияло по две бойницы, а вокруг дома в шесть рядов стоял мощный частокол; так жили в те дни скотоводы на западе Техаса — если только они еще жили там, а не сбежали и не полегли от рук индейцев.

— Господи, — вздохнул Том Лэнгфорд, — как я жалею, что мы вовремя не убрались отсюда подобру-поздорову! Хотя бы ты с ребятишками...

— Ладно уж, — ответила ему жена. — Без меня ты бы все равно не справился, а если б мы уехали, то потеряли бы все нажитое такими трудами.

Она перегнулась через стол, заваленный оружием и боеприпасами, и похлопала мужа по руке. Пробившийся через бойницу в восточной стене солнечный луч пронзил полумрак комнаты, и волосы ее вспыхнули рыжим пламенем.

— Всего-то и делов — продержаться, пока Боб не приведет подмогу, если только краснокожие не догадаются убраться раньше.

Лэнгфорд старался не думать о том, удалось ли ковбою проскочить мимо индейцев. Если команчи его заметили и пустились в погоню на свежих лошадях, то Боб уже лежит где-нибудь с голым черепом, а скальп его висит у кого-нибудь на поясе. Ладно, гадай не гадай, все равно не поможешь. Днем видимость

в этих краях довольно приличная, но индейский отряд появился на рассвете, когда люди только-только взялись за работу, и примчался с немыслимой быстротой. Из всех работников до дома успели добраться только Эд Ли, Билл Дэвис и Карлос Падилья, да и то Эда по пути ранили в левое предплечье.

Атака была встречена ружейным огнем и захлебнулась, воины скрылись, и Сьюзи забинтовала Эду рану как могла. Эд держал трехлетнюю Нэнси на коленях. Напуганная шумом и суматохой дочурка льнула к отцу, изо всех сил вцепившись пухлыми кулачками в его куртку. Билл нес наблюдение с северной стороны, Карлос — с южной, а семилетний Джим крейсировал между восточной и западной стенами, гордясь доверенной ему ответственностью. В воздухе висел едкий запах пороха. От амбара тянуло гарью — индейцы подожгли его лишь по той причине, что больше ни одного деревянного строения поблизости не нашлось. Треск полыхающего дерева и рев огня едва-едва доносились в дом, будто из кошмарного сна.

— Возвращаются! — завопил Джим.

Схватив со стола винтовку, Лэнгфорд подскочил к западной стене. За его спиной Ли раздавал распоряжения:

— Билл, помогай миссус перезаряжать. Карлос, будь с Томом. Джим, гляди в оба и говори, где я нужен, — голос его прерывался от боли, но с кольтом Эд вполне управится.

Выглянув в бойницу, Лэнгфорд увидел выжженную солнцем голую землю. Пыль из-под копыт приближающихся мустангов взмывала в воздух и висела над землей ровной рыжеватой пеленой. Наконец Том поймал на мушку смуглого всадника, но тут лошадь развернулась, и всадник скрылся из виду — в поле зрения осталась лишь одна нога. Известное дело, индейские штучки — повис сбоку на стременах. Ничего, команч без лошади — уже не команч. Винтовка Лэнгфорда грохнула, приклад впился в плечо. Мустанг взвился на дыбы, пронзительно заржал и завалился на спину, молотя ногами по воздуху. Седок успел соскочить и скрыться за пеленой пыли. Лэнгфорд понял, что потратил выстрел впустую, и следующую мишень выбрал более тщательно. Патроны надо беречь.

Дом индейцам не взять — это они поняли после первой же атаки. С гиканьем и беспорядочной пальбой они ездили кругами, не останавливаясь ни на миг — но это не спасало их от пуль. Вот в пыль опрокинулся один, за ним другой, третий... Лэнгфорд знал, что его заслуги тут нет, — их уложил Карлос. Карлос настоящий снайпер и отважный человек. Когда начался набег, он был далеко в поле и мог бы уйти, но предпочел остаться со всеми. Наверное, это потому, что Лэнгфорд никогда не

смотрел на него свысока: что с того, что Карлос — мексиканец?

— Сюда! Они крадутся пешком! — крикнул Джим.

Ну да, разумеется! Всадники устроили переполох и отвлекли внимание и огонь на себя, а тем временем одинокие храбрецы пробирались через изгородь. Лэнгфорд на секунду оглянулся: Билл Дэвис отошел от стола и занял позицию рядом с Эдом Ли на северной стороне. Чернокожий пастух был далеко не лучшим стрелком в Соединенных Штатах, зато мишени вертелись у него прямо под носом; ограда задерживала их продвижение, а презирающие смерть индейцы лезли прямо на рожон — и пули Билла ложились в цель. Лэнгфорд обернулся к своей бойнице, прицелился и нажал на спуск, но раздался лишь сухой щелчок — кончились патроны. Сьюзи принесла заряженную винтовку и забрала опустевшую, потом вручила Эду новый пистолет. Шум боя — гиканье, гром копыт, вопли раненых, грохот выстрелов, визг пуль — стал буквально физически ощутимым, а воздух вязким и тягучим. Казалось, этому не будет ни конца, ни краю; страха не было — на него просто не оставалось времени, но в глубине души люди начали сомневаться, было ли в их жизни что-либо иное, кроме этого грохота, да и будет ли когда-нибудь.

И вдруг все прекратилось. Дикари подобрали убитых и раненых и ускакали прочь. В наступившей тишине удары маятника казались громкими, словно... словно удары молотка по крышке гроба. Большие напольные часы являли собой единственное сокровище в этой комнате — Сьюзи забрала их из родительского дома в надежде, что они помогут устроить жизнь на новом месте. Воздух посинел от пороховой гари, и пробивающиеся сквозь бойницы солнечные лучи казались прочными и солидными. Циферблат смутно поблескивал в голубом полумраке. Лэнгфорд, прищурившись — глаза слезились от дыма, — приглядеделся к часам и негромко присвистнул: бой длился минут десять, не больше. Господи, и только-то?!

Испуганная Нэнси сжалась калачиком в углу и тихонько дрожала. Сьюзи поспешила утешить свое дитя как умела.

2

Мятущийся над бескрайними просторами ветер еще напоминал о зиме. В здешних краях природа выглядела не так уныло, как в оставшемся позади Льяно-Эстакадо, но пока что не пролилось ни одного полноценного весеннего дождя, и на покрытой

серой прошлогодней травой равнине лишь кое-где проглядывала свежая зелень. Деревья вздымали голые ветви к бесцветному небу; берега нечастых здесь речушек поросли ивами и осокорью, да изредка встречался одинокий дуб. Зато охота здесь добрая, дичи много. Правда, бизоны успели стать редкостью, об этом позаботились белые охотники — выбеленные солнцем и дождями бизоньи кости попадались на глаза то и дело; зато вилорогие антилопы, дикие свиньи-пекари и зайцы в изобилии водились повсюду, и только волки с кугуарами не давали им расплодиться в прериях сверх всякой меры. Кугуары держались в каньонах, как и олени вапити, и медведи. А вот людских поселений не было.

Стада скота исчезли из виду еще до того, как отряд Джека Тарранта успел покинуть Нью-Мексико. Два раза на пути встречались заброшенные ранчо. Краснокожие опустошали поселения бледнолицых, а правительству было не до того: штаты готовы были вцепиться друг другу в глотку, войска не успевали подавлять очаги сопротивления — семь лет прошло после отправки остальных индейцев в резервацию Аппоматтокс, а ужас перед команчами оставался главной приметой здешнего края.

Восходящее солнце слепило глаза, и Таррант не сразу разглядел, куда показывает Франсиско Герейра Карильо.

— Humo, — говорил торговец. — No proviene de ningun campamento *.

Этот смуглый остролицый человек даже в дороге ухитрялся регулярно бриться, подстригать усы и содержать одежду в порядке — словно стремился напомнить всем окружающим, что ведет свое происхождение от конкистадоров.

Таррант немного походил на Герейру орлиным носом и большими, слегка раскосыми глазами. Спустя мгновение он тоже сумел разглядеть стелющееся над горизонтом марево.

— Да, на дым костров непохоже — костров за горизонтом не заметишь, — по-испански подтвердил он. — Что же тогда? Степной пожар?

— Нет, пожар пошел бы более широкой полосой. Это горит какой-то дом. Кажется, мы нашли ваших индейцев.

Тут к ним сзади подскакал крупный рыжебородый Руфус Баллен. Из правого рукава у него вместо кисти торчал новенький блестящий крюк. Двух передних зубов недоставало, что делало его речь невнятной. Правда, сквозь десны уже проглядыва-

---

* Дым. Но это не лагерные костры (*исп.*).

вали белые кончики новых зубов, но если кто-нибудь, кроме Тарранта, и замечал это, то предпочитал помалкивать.

— Господи! — по-английски выкрикнул Руфус. — Там ранчо подожгли, что ли?

— А что ж еще? — невозмутимо ответил Герейра на родном языке. — Я давненько не бывал в этих краях, но если правильно помню и ничего не перепутал, то это имение Лэнгфорда. По крайней мере, бывшее.

— Так чего ж мы дожидаемся?! Нельзя же им позволить... — и тут Руфус осекся. Понурив голову и ссутулившись, он пробормотал: — Inutilis est *.

— Во-первых, мы почти наверняка опоздали, — на той же латыни напомнил ему Таррант, — а во-вторых, нам не справиться с целым отрядом.

Герейра лишь пожал плечами — он уже привык, что двое янки то и дело переходят на какой-то иной язык. Время от времени его ухо ловило в незнакомых звуках одно-два слова из церковной службы, но и только — тем более что выговор у них был совсем не такой, как у пастора. Просто они сумасшедшие, вот и все — кто ж еще, кроме сумасшедших, примется разыскивать ступивших на тропу войны команчей?

— Так вы хотите говорить с команчами или нет? — вклинился он в разговор. — Если полезете в драку, то навряд ли сумеете столковаться с ними. Так что давайте подкрепимся и двинемся в путь. Если повезет, они не успеют убраться оттуда до нашего появления.

Двое сыновей Герейры, Мигель и Педро, поднялись еще с рассветом и принялись хлопотать у костра. Оба юноши выросли в странствиях и прекрасно знали уклад походной жизни. Над углями исходил паром кипящий кофейник, а рядом шипели сковородки, где плавали в жиру кусочки бизоньего мяса и бобы мескито. Поиски непоседливых индейцев гнали путников вперед и вперед, охотиться они не успевали, а запасы бекона уже вышли, осталось только сало для стряпни — зато вполне хватало кукурузной муки, чтобы печь лепешки тортилья, а два дня назад Герейре-старшему повезло подстрелить пекари, причем с изрядного расстояния. Каждый степной охотник волей-неволей должен был научиться бить без промаха.

Отложив мытье и бритье на потом, путешественники быстро поели, привели в порядок снаряжение, справили нужду, а затем вскочили в седла и поспешили на восток. Герейра иногда

---

* Бесполезно (*лат.*).

срывался с рыси на легкий галоп, но случалось, что и придерживал лошадь до шага. Спутники старательно подлаживались под него, стараясь перенять его манеру верховой езды. Хоть с виду в этом не было ничего хитрого, бережное отношение к лошадям позволяло проскакать за день много миль; да и позволить себе дурно обращаться с животными они не могли — в отряде на каждого было всего по одной запасной лошади, да три вьючных мула на всех.

Солнце поднималось все выше, ветер стих, и воздух начал прогреваться. От разгоряченных лошадей исходил терпкий запах пота. Тишину прерии нарушал лишь топот копыт, поскрипывание ремней да шелест расступающейся сухой травы. Дымок на горизонте сначала стал гуще, потом ветер мало-помалу развеял его — над тем местом, откуда он поднимался, высоко в небе кружили черные точки.

— Лагерь команчей всегда виден издалека, — заметил Герейра. — Стервятники дожидаются подачки.

Казалось, лицо Руфуса вспыхнуло, но наверняка сказать было трудно — чувствительная, как у всех рыжих, кожа давно покраснела от солнца и ветра; не спасала даже широкополая шляпа.

— Трупов, что ли? — прорычал он по-испански. Руфус тоже владел этим языком, хоть и с грехом пополам.

— Ну почему непременно трупов, может быть, костей или требухи. Команчи, знаете ли, живут охотой — когда не воюют. — Помолчав, Герейра добавил: — А ваши охотники на бизонов лишают их пропитания.

— Порой мне кажется, что вы питаете к ним симпатию, — проговорил Таррант.

— Я познакомился с команчами, когда мне было столько же, сколько сейчас Педро, и с той поры веду с ними дела, как до меня — отец и дед. А когда постоянно с ними общаешься, то начинаешь их понимать, хочешь ты того или нет.

Таррант кивнул. Команчеро из Санта-Фе занимаются торговлей с индейцами уже целый век, с тех пор как де Анца серьезно потрепал команчей и заключил с ними мирный договор. Мира никто не нарушал, потому что де Анца завоевал уважение краснокожих, — но договор распространялся только на жителей Нью-Мексико. Всех остальных — испанцев, европейцев, мексиканцев, сменивших их американцев, будь то техасцы, конфедераты или янки — индейцы по-прежнему считали достойной дичью. За годы вражды обеими сторонами было пролито столько крови, совершено столько зверств, что теперь пере-

мирие между команчами и жителями Техаса казалось столь же немыслимым, как между команчами и апачами.

Таррант заставил себя вернуться мыслями к цели этой поездки и к лошади под седлом. Они с Руфусом выучились неплохо держаться верхом, не хуже старожилов, — но черт побери, они же не пастухи, а моряки! Ведь могли же поиски завести их на юг Тихого океана, или к берегам Азии, или еще куда-нибудь — а взамен океанских просторов лишь бескрайние пустоши!

Ну ничего, поиски уже идут к концу. И хотя он часто раздумывал на одну и ту же тему, кровь все равно побежала в жилах быстрее, а вдоль хребта прокатился холодок. О Хирам, Псамметих, Пифеос, Алтея, Атенаис-Алият, кардинал Ришелье, Бенджамин Франклин — как далеко унесла меня от вас река времени! И все прочие, коим несть числа, — вы прошли, исчезли, развеялись в прах, не оставив по себе даже имен; а если и сберегло что-то от вас, то лишь отблеск былого в памяти одного человека, выборочно сохранившей ваши лица согласно каким-то своим неведомым капризам. Вот друг, прослуживший верой и правдой пару десятилетий, а вот случайный собутыльник в таверне; тут верная жена и рожденные ею дети, а тут — блудница, пробывшая рядом лишь одну ночь...

— Alto!* — резкий, как удар бича, гортанный окрик Герейры вернул его к действительности. Руфус положил левую руку на пистолет, но Таррант жестом остановил его. Мальчишки придержали вьючных животных, так и стреляя глазами по сторонам. Для них происходящее было в новинку, а оттого вызывало и любопытство, и тревогу. Даже у Тарранта, не раз глядевшего смерти в лицо, невольно участился пульс.

Из-за поросшего серым кустарником холма на полном скаку вылетели двое всадников — должно быть, часовые. Их потрепанные мустанги буквально стелились над землей, распластав гривы по ветру. Седоки правили скакунами, неуловимо для глаза сжимая их коленями и едва заметно трогая примитивные веревочные поводья; и хотя седлами они не пользовались, сидя прямо на попонах, обняв бока животных ногами — конь и всадник действовали слаженно, как единый организм, подобный мифическому кентавру. Коренастые кривоногие воины были одеты в сорочки из буйволовой кожи, такие же брюки и мокасины. Черные как вороново крыло волосы расчесаны на две стороны, в косицы, обрамляющие смуглые широкие лица, расписанные красными и черными цветами смерти. Ни кожаных

---

* Стой! (*исп.*)

козырьков, ни пышных боевых плюмажей, как у индейцев севера, — только несколько перьев на стягивающей лоб кожаной ленте у одного да мохнатая шапка с бизоньими рогами у другого. Обладатель шапки сжимал в руках магазинную винтовку Генри, грудь его крест-накрест опоясывали патронташи. Второй индеец накладывал на тетиву короткого лука стрелу. Тарранту говорили, что в последнее время лучники стали редкостью; быть может, этот воин беден — или просто предпочитает надежное, проверенное оружие предков. Впрочем, какая разница — зазубренный стальной наконечник легко войдет между ребер и пронзит сердце не хуже пули, а стрел в колчане хватает.

Герейра подал голос. Шапка С Рогами что-то буркнул, лучник ослабил тетиву. Переговорив с индейцами, Герейра повернулся в седле к чудаковатым янки.

— Битва еще не кончилась, но нас примут. Здесь сам вождь Кванах.

Лицо его поблескивало от выступившей испарины, крылья носа чуточку побледнели. Напоследок испанец добавил по-английски, потому что многие команчи понимали его родной язык:

— Будьте очень осторожный. Сильно они сердитый. Легко убивают белый.

3

А вот и ранчо. Чем ближе они подъезжали, тем сильнее охватывало Тарранта чувство, что это одинокий ничтожный островок посреди бескрайнего простора. Глинобитные строения — хозяйский домик, барак для работников и три пристройки поменьше — почти не пострадали, а вот от деревянного амбара остались лишь зола да обугленные обломки. Должно быть, владелец изрядно потратился, добывая доски в этом безлесном краю, а во время постройки тешил себя надеждами на будущее. И вот теперь эти надежды развеялись, как дым от пожарища. Индейцы сожгли еще два стоявших во дворе фургона, а курятник попросту разнесли вдребезги. Саженцы, сулившие в будущем тень и защиту от ветра, были поломаны и измочалены копытами.

Индейцы разбили свой лагерь рядом с ажурным ветряком, качающим из глубокого колодца воду для скота, оказавшись вне досягаемости выстрелов из дома — и, наверное, даже вне поля зрения его защитников. На бывшем пастбище стояло де-

сятка три индейских типи. Их пестро разукрашенные полотнища были сшиты из бизоньих шкур. Посреди лагеря хлопотали у костра женщины в кожаных же платьях, разделывая и поджаривая захваченных на ранчо бычков. Впрочем, женщин было довольно мало, зато воинов — без малого сотня. Одни без дела бродили среди конических шатров, другие отсыпались, играли в кости, чистили оружие или точили ножи. Из некоторых шатров неслись причитания, перед ними сидели мрачные индейцы, оплакивающие убитых родственников. Человек пять-шесть верховых присматривали за пасущимися поодаль лошадьми, такими же неприхотливыми, как и их хозяева. Этим мустангам вполне хватало жесткой прошлогодней травы.

Появление путников вызвало среди индейцев большое волнение, они начали собираться кучками и загомонили. Распространенный среди белых миф об аскетической молчаливости индейцев являл собой не более чем миф. Краснокожий замыкал рот на замок только на ложе смерти или пыток — гордость воина не позволяла ему кричать, какие бы изощренные издевательства ни изобретали его мучители или их женщины. В те дни попасть в плен было поистине страшной участью.

Шапка С Рогами, то и дело крича, пробирался сквозь бедлам, заставляя своего мустанга расталкивать зевак грудью. Герейра обменивался приветствиями со знакомыми. Ему отвечали улыбками, махали руками, и Таррант почувствовал себя намного спокойнее — если не лезть на рожон, есть шансы пережить сегодняшний день. В конце концов, традиции гостеприимства для этого народа святы.

Рядом с ветряком стоял большой вигвам, расписанный знаками, в которых Герейра признал символы власти, о чем и сообщил шепотом попутчикам. Перед входом, гордо сложив руки на груди, стоял рослый метис — чувство собственного достоинства не позволяло ему присоединиться к общему переполоху. Подъехав поближе, путники натянули поводья. Значит, это и есть Кванах, боевой вождь кверхар-регнугов, понял Таррант. Название племени означало «Антилопы». Эти странные американцы почему-то ввели множество новых слов для обозначения старых понятий: называют вилорогов «антилопами», бизонов — «буффало», а маис — «кукурузой». Кверхар-регнуги заслужили славу самого кровожадного племени среди еще не покорившихся Соединенным Штатам команчей.

Не считая украшавших лицо желтых и охряных молний, в одежде вождь ничем не выделялся среди прочих индейцев — на нем была простая набедренная повязка и мокасины, да на поясе висел в ножнах длинный охотничий нож, — но не

признать его было все равно невозможно. Унаследовав от белой матери прямую линию носа и высокий рост, мускулистый Квер-хар возвышался над остальными чуть не на голову; хотя, как ни странно, кожа его была даже темнее, чем у чистокровных индейцев. На пришельцев он взирал невозмутимо, с сознанием собственной силы, будто отдыхающий лев.

Герейра почтительно поздоровался с ним на языке народа нермернугов.

- Bienvenidos *, — кивнув, пророкотал Кванах по-испански. Несмотря на явный акцент, говорил он довольно бегло. — Спешивайтесь и входите.

Таррант вздохнул с облегчением — можно будет говорить с вождем по-человечески. В Санта-Фе он изучил основы языка жестов индейцев прерий, хотя владел им с запинкой, — однако Герейра предупредил, что команчи не склонны к подобному способу общения, попутно поведав, что вождь может снизойти и до общения с американцами по-испански. Английским он тоже в какой-то мере владеет, но не станет прибегать к нему без крайней нужды.

— Muchas gracias, senior **, — ответил за всех Таррант, давая тем самым понять, что главный здесь — он, и одновременно про себя раздумывая, надо ли добавлять уважительное «дон Кванах».

Герейра оставил лошадей на попечение одному из сыновей, а сам вместе с Таррантом и Руфусом вошел в типи вождя. Обстановка жилища роскошью не отличалась — кроме спальных принадлежностей, почти ничего и не было: воину не до излишеств. После ослепительного солнца царивший внутри полумрак был приятен для глаза; пахло кожами и дымом. Мужчины уселись в круг, скрестив ноги, а обе жены вождя встали у входа на случай, если мужу что-нибудь понадобится.

Возжечь трубку мира Кванах не собирался, но Герейра говорил, что вождь не откажется от сигарет, и, пока шло официальное знакомство, Таррант предложил ему закурить. Руфус проворно вынул из кармана коробок, ухитрившись единственной левой рукой извлечь спичку и чиркнуть ею, поднеся огонь вождю и Тарранту. Обоим высокородным мужам польстило, что им прислуживает столь внушительный человек.

— Чтобы отыскать вас, — представившись, добавил Таррант, — нам пришлось проделать долгий изнурительный путь.

---

* Добрый день (*исп.*).

** Большое спасибо, сеньор (*исп.*).

Мы надеялись встретить вас на земле ваших предков, но вы успели покинуть ее, и нам пришлось не только расспрашивать о вас каждого встречного, но и читать следы на земле.

— Значит, вы приехали не торговать?

Кванах посмотрел на Герейру. Тот ответил:

— Сеньор Таррант нанял меня в Санта-Фе, когда узнал, что я могу отвести его к вам. Но я взял с собой патроны и ружья. Одно я привез вам в дар, а остальные... Вы наверняка захватили много скота.

Не удержавшись, Руфус от досады зашипел сквозь зубы. Скотоводы Нью-Мексико славились тем, что скупали скот в любых количествах, не интересуясь его происхождением, и команчеро в обмен на оружие получали от индейцев угнанные из Техаса стада. Заметив гнев рыжеволосого друга, Таррант сжал рукой его колено и сказал по-латыни:

— Держи себя в руках. Ты знал об этом заранее.

— Ставьте свои шатры к нам, — пригласил Кванах. — Наверно, мы задержимся здесь до завтра.

— Так вы пощадите тех, что в доме? — оживился Руфус.

— Нет, — грозно сдвинул брови Кванах, — они отняли у нас товарищей. Враг не сумеет похвастать, что противостоял нам и остался жить. — Вождь помолчал, пожал плечами и добавил: — А еще нам нужно передохнуть от лишений пути, чтобы крепче потом бить солдат.

Да, подумалось Тарранту, это не одиночная вылазка, это начало самой настоящей военной кампании. Проведя осторожную разведку загодя, он выяснил, что шаман племени киова по имени Пророчащий Филин призвал индейцев объединить усилия и вышвырнуть бледнолицых из прерий; за прошедший год этот край превратился в пылающий ад, и все попытки Вашингтона добиться мира потерпели крах. А осенью сюда пришел Рэналд Маккензи с чернокожими кавалеристами Четвертой бригады и повел их против Антилоп. Кванах отступил в непрерывных летучих боях. Силы оказались равными, сам Маккензи был ранен стрелой. Отступление загнало краснокожих чуть не на Льяно-Эстакадо, но зима погнала американцев прочь. И вот теперь Антилопы двигались обратно.

— И что тебе от нас нужно?

Вождь сурово глянул на Тарранта.

— Я тоже принес дары, сеньор.

Одежду, одеяла, украшения, алкоголь. Как ни безразличен был Тарранту исход этого конфликта, он не смог бы заставить себя подлить масла в огонь и привезти оружие, тем более что Руфус этого ни в коем случае не одобрил бы.

— Я и мой друг пришли из дальней земли Калифорнии, что у западных вод. Ты, конечно, слыхал о ней. Мы ни с кем тут не ссорились, — тут же торопливо проговорил он, ведь упомянутый край принадлежал врагам индейцев, — и наши народы вовсе не приговорены к кровной мести. Ведь твоя мать принадлежала к нашему племени, — отправляясь в путь, я узнал о ней все, что мог. Если у тебя есть вопросы, я готов ответить на них...

Что и говорить, попытка рискованная, но может окупиться. Наступило напряженное молчание. Гомон за стенами казался далеким и каким-то нереальным. Герейра беспокойно стрелял глазами по сторонам. Кванах продолжал невозмутимо курить. Уже казалось, что молчание не кончится никогда, когда вождь сказал, роняя слова, будто камни:

— Теханос украли ее вместе с моей младшей сестрой. Мой отец, боевой вождь Пета Наукони, оплакивал ее, пока полученная в боях рана не воспалилась и не убила его. Я слышал, что и она, и девочка мертвы.

— Твоя сестра умерла восемь лет назад, — тихо отвечал Таррант. — Мать вскоре последовала за ней. Она тоже была больна от горя и тоски. Но теперь, Кванах, они покоятся в мире.

Узнать подробности оказалось нетрудно: история наделала много шума, и ее помнили по сей день. В 1836 году индейский отряд напал на Форт-Паркерс, поселение в долине Брасос. Захватив его, они убили пятерых мужчин, предварительно зверски их изувечив, а бабушку Паркер пригвоздили копьем к земле и устроили групповое изнасилование. Примерно та же участь постигла еще двух женщин, а еще двух женщин и трех детей индейцы увезли с собой. В числе детей была девятилетняя Синтия Энн Паркер.

Женщин и мальчиков вскоре выкупили. Разумеется, команчи далеко не в первый раз захватывали женщин, превращая их в рабынь, но рассказ этих двух несчастных о пережитых лишениях всколыхнул техасцев — и рейнджеры двинулись в рейд с мыслью отомстить за всех.

Синтии Энн относительно повезло. По какой-то неведомой прихоти индейцы приняли ее как родную дочь и растили в традициях племени. Со временем она забыла и родной английский, и предыдущую жизнь, став настоящей Антилопой во всем, кроме крови, а потом и матерью индейца. В замужестве она во всех отношениях была счастлива — Пета Навкони любил свою жену и, когда ее отняли, не захотел сойтись ни с какой другой женщиной. Случилось это в 1860 году, когда предводительству-

емый Сэлом Россом отряд рейнджеров наткнулся на лагерь команчей. Мужчины были на охоте, так что техасцы перестреляли всех нерасторопных женщин и детей, не успевших найти укрытие, а заодно ухлопали раба-мексиканца, которого Росс посчитал за самого вождя. Только чудом один из рейнджеров, прежде чем нажать на курок, разглядел, что грязные, сальные волосы одной из индианок отсвечивают золотом.

Род Паркеров и правительство Техаса старались ублажить ее, чем только могли, но все втуне. Она оставалась скво Надуа, мечтавшей лишь о просторах прерий и о том, чтобы вернуться к своему народу. Неоднократные попытки бежать вынудили ее родственников в конце концов приставить к ней охрану. Когда же болезнь унесла ее дочь, Синтия-Надуа встретила известие воем и самоистязаниями, а потом замкнулась в молчании и отказалась принимать пищу. Скончалась она от истощения.

Ее младший сын, оставшийся на свободе, зачах от недугов — болезни всегда свирепствовали среди индейцев. Туберкулез, артрит, аскаридоз, катаракта, завезенная европейцами черная оспа и бесчисленное множество других хворей взимали с них обильную дань. Зато старший сын вырос крепким и сильным, собрал боевой отряд и стал верховным предводителем Антилоп. Подписать договор Шаманской Хижины, согласно которому индейцы уходили в резервации, он отказался наотрез, а вместо того скрылся в прериях — и с тех пор бушевал на их просторах, как ураган, сеющий смерть и разрушение налево и направо. Звали этого вождя Кванах.

— Ты видел их могилы? — совершенно ровным голосом спросил он.

— Нет, — отвечал Таррант, — но если ты пожелаешь, я навещу их и поведаю им о твоей любви.

Кванах продолжал молча курить. По крайней мере, у него нет повода обвинить бледнолицего во лжи. Наконец вождь решил уйти от горькой темы:

— Зачем ты искал меня?

Сердце Тарранта забилось сильнее.

— Не тебя я искал, о вождь, хоть и велика твоя слава! Но долетела до меня весть об одном из тех, кто следует за тобой. Если слухи верны, он выходец с севера, и путь его был далек и долог — так долог, что никто не в силах исчислить. И все-таки он ничуть не старится. Он наделен странным могуществом. На родине твоих предков оставшийся там... э-э... нермернуг поведал нам, что этот странник двинулся вслед за тобой. Меня привело сюда желание поговорить с ним.

— Зачем? — без недомолвок спросил вождь, и несвойственная индейцу прямолинейность выдала напряжение, таящееся за маской невозмутимости.

— Я уверен, что беседа со мной доставит ему удовольствие.

Руфус курил, глубоко затягиваясь и с пыхтением выпуская дым сквозь сжатые зубы. Лежащая на колене культя с крюком заметно дрожала.

Кванах что-то крикнул своим женам, одна из них вышла, а вождь обратился к гостю:

— Я послал за Дертсахнавьегом. Перегрино, — перевел он на испанский слово из языка команчей, означающее «Странник». — Надеешься обучиться его колдовству?

— Я пришел узнать, в чем его секрет.

— Сомневаюсь, что он может поделиться им с тобой, даже если бы захотел. Но вряд ли захочет.

— А мне вы говорили, что хотите только узнать, что кроется за этими слухами, — с удивлением воззрился на Тарранта торговец. — Путаться в дела воинов опасно.

— Я считаю себя ученым, — отрезал Таррант и обернулся к вождю: — То есть человеком, отыскивающим истину, скрытую за внешним обликом вещей. Отчего светят солнце и звезды? Как возникла жизнь на земле? Что было до нашего появления на свет?

— Знаю, — кивнул Кванах. — Вы, бледнолицые, получаете знание, а потом обращаете его в дело, творите много ужасных вещей, и железная дорога ложится там, где паслись буффало. — Воцарилась тишина, прежде чем вождь опять подал голос: — Однако, пожалуй, Дертсахнавьег может сам о себе позаботиться. — И напоследок резко бросил: — Мне надлежит думать, как захватить вон тот дом.

Все слова были сказаны. Больше никто не проронил ни звука.

Треугольник входа потемнел. Вошедший индеец был одет так же, как и остальные, но на лице его не было боевой раскраски. Высокий рост, стройная фигура и более светлый оттенок кожи выдавали в нем уроженца нездешних мест. Увидев гостей Кванаха, он тихо заговорил по-английски:

— Зачем я вам понадобился?

4

Они втроем шагали по прерии — Таррант и Перегрино впереди, Руфус поотстав на шаг-другой. Бескрайний небосвод источал мягкий свет, от почвы струилось тепло, сухая выгоревшая

трава шелестела под ногами. Лагерь индейцев и ранчо давным-давно затерялись вдали, среди рыжих просторов, и лишь дым костров отвесно возносился к небесам, достигая круживших там стервятников.

Откровенность далась им как-то удивительно безболезненно. А может статься, в этом и не было ничего удивительного — ведь ожидание этой встречи длилось так долго! Надежды Таррантa и Руфуса обратились в уверенность еще во время поисков. А Перегрино сумел взлелеять в душе такой покой, что любое удивление проносилось в ней, как легкое дуновение ветра, — иначе он не смог бы перенести своей обособленности и дожить до этого дня, когда одиночеству пришел конец.

— Я был рожден почти три тысячи лет назад, — говорил Таррант, — а мой друг вполовину моложе.

— До недавнего времени я не вел счета годам, — отвечал Перегрино. Это имя подходило ему ничуть не меньше множества других, прежних. — Но мне кажется, что от роду мне лет пятьсот—шестьсот.

— Значит, ты родился еще до Колумба. Какие же перемены прошли перед твоими глазами!

Улыбка Перегрино была натянутой, словно на похоронах.

— Ты видел больше моего. И удалось тебе найти кого-нибудь из наших, кроме мистера Буллена?

— Это как посмотреть. Однажды мы нашли женщину, но она исчезла, и мы даже не знаем, жива ли она. Но кроме нее и Руфуса, ты первый. А ты никого не встречал?

— Нет. Пытался, но потом бросил. По всему выходило, что я единственный в своем роде. Как же вы напали на мой след?

— Это долгий рассказ.

— Времени у нас достаточно.

— Ну ладно... — Таррант достал из кармана брюк кисет, а из рубашки — вересковую трубку, курить которую при Кванахе счел неблагоразумным. — Начну с того, что мы с Руфусом прибыли в Калифорнию в сорок девятом. Ты слыхал о золотой лихорадке? Мы разбогатели, но не в роли старателей. Мы торговали.

— Это ты торговал, Ханно, — подал сзади голос рыжебородый, — а я только болтался поблизости.

— И был мне чертовски полезен. Ты вытаскивал меня из стольких передряг, что и не сосчитать. Потом я лет на пять пропал из виду и вновь объявился в Сан-Франциско уже под нынешним именем. Купил судно — я всегда обожал море. Сегодня у меня уже несколько кораблей. Фирма преуспевает.

Набив трубку, он неторопливо раскурил ее и продолжал:

— Когда у меня водились деньги, я нанимал людей для поиска бессмертных. Естественно, они толком не знали, что именно ищут. Ведь по большей части те из нас, кто выжил, должны держаться в тени. Так что меня считают тронутым миллионером, помешанным на родословных. Мои агенты полагают, что я бывший мормон. Они должны найти нечто вроде... ну, скажем, людей, весьма похожих на других, исчезнувших много лет назад, за что тотчас же получат солидное вознаграждение. Теперь наши поиски существенно облегчились — благодаря пароходам и поездам я могу раскинуть сеть по всему миру. Разумеется, пока она не так уж обширна, к тому же частой ее не назовешь, скорее наоборот — потому-то в нее и попались лишь считанные единицы, да и эти ниточки в конечном счете оказались ложными.

— До нынешнего дня, — заметил Перегрино.

— До моего человека в Санта-Фе дошли слухи о шамане команчей, который сам не принадлежит к их роду-племени. По описанию, он больше походил на сиука, пауни или еще когонибудь из тех мест — но команчи чрезвычайно его уважают, и... в общем, слухи о нем приходили и раньше, в разное время и из разных мест. Правда, никому из образованных господ и в голову не пришло сопоставить эти факты — разве можно принимать дикарские выдумки всерьез? Прошу прощения, я вовсе не хотел вас обидеть — это просто фигура речи. Вы же знаете склад мыслей бледнолицых. Мой агент тоже не считал эти слухи достойными внимания и просто упомянул о них парой строк в отчете, чтобы продемонстрировать свое усердие.

Случилось это в прошлом году, — продолжал Таррант. — Я решил пуститься на поиски самостоятельно. Мне посчастливилось встретить двух стариков, индейца и мексиканца, которые помнили... Впрочем, это неважно. Важнее, что его существование вроде бы подтверждалось — и если он есть на самом деле, то сейчас присоединился к отряду Кванаха. Я надеялся застать вас на зимних квартирах, но вы уже снялись, и нам пришлось гоняться за вами по всей прерии, — Таррант ласково положил ладонь на плечо индейца. — И вот мы здесь, брат мой.

Перегрино внезапно остановился, а вслед за ним и Таррант. Встретившись взглядами, они замерли и долго вглядывались в глаза друг другу. Смущенный Руфус, потупившись, застыл поодаль. Наконец Таррант с кривой усмешкой пробормотал:

— Гадаешь, правду ли я сказал, так ведь?

— А с чего ты взял, что я ни в чем не солгал тебе? — в тон ему отвечал индеец.

— Да уж, ты учтив, как я погляжу. Ничего, я заранее подготовился к подобному повороту событий — время от времени я устраивал тайники с доказательствами, а заодно и золотом на черный день. Пойдем со мной, и в свидетельствах подлинности моих слов недостатка не будет. А можешь просто пожить на полном моем обеспечении лет двадцать—тридцать и последить за мной. Да и потом — с какой стати мне городить подобные россказни?

— Верю, — кивнул Перегрино. — Но почему ты решил, что я не вожу тебя за нос?

— Во-первых, я приехал для тебя неожиданно, предвидеть мое появление ты не мог. Во-вторых, ты оставил следы, они простираются на десятилетия. Следы не намеренные. Никто из белых ничего не заподозрит, если только не будет знать, что именно ищет. А вот индейцы... Кстати, они-то как к тебе относятся?

— По-разному.

Взгляд Перегрино был устремлен вдаль, поверх рыжеватой травы, колышущейся над выбеленными черепами бизонов, к едва различимому в неясном сером мареве горизонту. И когда он заговорил — медленно, часто останавливаясь, чтобы подыскать точную фразу, его английский изменился, от него вдруг повеяло архаикой:

— Да будет тебе ведомо, каждый живущий обитает в своем собственном мире, и миры эти меняются день ото дня... Поначалу я был шаманом у своего родного народа. Но появились лошади, и это изменило порядок вещей — и для меня, и для них. Тогда я покинул их и пустился в странствия. Вольный как ветер, я провел в пути много зим и много лет. Мне хотелось понять, в чем смысл моего несходства с другими, открыть свое предназначение. Порой я оседал где-нибудь на время, но ненадолго — очень уж больно было видеть, что происходит. Я даже пожил с бледнолицыми — пристал к миссии, где меня окрестили, научили испанскому и английскому, чтению и письму. Потом я изрядно побродил и по мексиканской стороне, и по английской. Перепробовал множество ремесел — был охотником, следопытом, плотником, ковбоем, садовником... Я толковал со всеми, кто был не прочь со мной потолковать, я читал всякое печатное слово, попадавшее ко мне в руки. Но тоже ничего не добился. Так и оставался чужим для всех. Тем временем племена исчезали одно за другим — кого уносили болезни и войны, а кто оказался сломлен и заточен в резервации. А там уж, стоило бледнолицым решить, что эти земли им тоже

нужны, — краснокожим ничего не оставалось, как уходить снова. Я видел, как племя чероки завершает свой путь по Тропе слез...

Негромкий, почти бесстрастный его голос упал до шепота и оборвался. Руфус, прокашлявшись, хрипло бросил:

— Так уж устроен свет. Мне довелось видеть саксонцев, викингов, крестоносцев, турок, религиозные войны, сожжение ведьм... — Голос его окреп: — Ну и что индиане творят, когда сила на их стороне, тоже видел.

Таррант хмурым взглядом велел ему замолчать и обратился к Перегрино:

— Так что же привело тебя сюда?

Тот вздохнул.

— Я наконец пришел к решению — уж поверьте, оно далось мне отнюдь не сразу, — что моя жизнь, которая все идет, идет и никак не кончится, не принося мне ничего, кроме все новых и новых могил, — так вот, что в ней есть какая-то цель, какой-то смысл. Быть может, они сводятся всего-навсего к тому, что я смог накопить огромный опыт, да еще и не старею, и потому люди прислушиваются к моим словам. Быть может, мне удастся помочь своему народу, всей своей расе, пока она не ушла в небытие, помочь сберечь хоть что-то — и тем самым дать шанс на возрождение... И вот, лет тридцать назад, я вернулся к своим. Свободные племена юго-запада продержались дольше всех. Нермернугов — кстати, вы знаете, что слово «команчи» принесли испанцы? — нермернугов вытеснили с Апачей, и они на равных сражались здесь с племенем киова, заключили с ним военный союз, а потом в течение трех веков успешно противостояли испанцам, французам, мексиканцам, техасцам — и даже ухитрялись переносить военные действия на территорию захватчиков. Но теперь американцы решили во что бы то ни стало выбить нас с земли предков, хоть индейцы заслуживают лучшей доли. Разве не так?

— А что здесь делаешь ты? — в вопросе Тарранта было что-то от терпеливой уверенности круживших над головой чернокрылых птиц.

— Правду говоря, поначалу я был среди киова — их разум более открыт для всего необычного, в том числе и для долгожительства, нежели у нермернугов. Команчи уверены, что настоящий мужчина должен умирать молодым и сильным, в бою или на охоте. Старикам они не доверяют и относятся к ним свысока. Вот у моего родного народа, давным-давно... получалось так, что я... что почтение ко мне с каждым годом росло. Мое умение пользовать раненых и больных помогало мне. Я никогда не стремился выбиться в пророки. Кликуши-проповедники

уже погнали на смерть многие тысячи — а ведь это еще не конец. Нет, я просто переходил от племени к племени, от отряда к отряду, и мало-помалу они начали считать меня святым. Я помогал им чем только мог, я был для них и лекарем, и советником. И в первую очередь советовал жить в мире. Наконец, после долгих блужданий, я присоединился к Кванаху, ибо он оказался последним великим вождем. Теперь все зависит от него.

— Ты говорил ему о мире?

— И о том, что мы могли бы сберечь во имя наших детей. У команчей от предков не осталось ровным счетом ничего, им даже не во что по-настоящему верить. Это безверие подтачивает их изнутри, делая легкой добычей для всяких там пророчествующих филинов. Среди киова я узнал новую веру и принес ее нермернугам. Вам знаком кактус пейот? Он открывает взору Путь, он приносит покой в сердце... — Перегрино умолк на полуслове, и в горле его заклокотал смешок. — Впрочем, я вовсе не хотел выступать в роли миссионера.

— Я с удовольствием выслушаю тебя позднее, — сказал Таррант, про себя подумав: перед моим взором прошло столько богов, что еще один вреда не принесет... — А также вникну в твои воззрения по поводу достижения мира. Я же тебе говорил, что ворочаю деньгами, и немалыми. Кроме того, я всегда старался держать в руках все нужные нити. Смекаешь? Кое-кто из политиков в долгу передо мной, других я могу купить — так что нам с тобой вполне по силам выработать план. Но сперва надо забрать тебя отсюда. Ты должен уехать с нами в Сан-Франциско, пока не получил пулю в лоб. И вообще, какого черта ты двинулся с ними в набег?

— Я же сказал, что должен заставить их выслушать меня, — усталым голосом пояснил Перегрино. — А это все равно, что плыть против течения. Прежде всего, они испытывают подозрительность ко всем старикам. Сейчас, когда их привычный мир рушится прямо на глазах, мое чудесное долголетие не может не пугать их. Я должен доказать им, что я мужественный человек, а вовсе не тряпка, что я на их стороне. Так что покинуть их сейчас я просто не могу.

— Эй, погодите! — рявкнул Руфус. Они оглянулись. Рыжий здоровяк застыл на месте, прочно упершись в землю широко расставленными ногами, сдвинув шляпу на затылок и открыв свое обветренное лицо. Среди этих бескрайних просторов грозный крюк, не раз пронзавший врагов, вдруг показался тонюсенькой тростинкой. А Руфус повторил, только уже с запинкой: — Погодите! Босс, ну о чем вы думаете?! Ведь перво-наперво надо спасти этих фермеров.

Таррант нервно облизнул губы, прежде чем ответить:

— Это невозможно. Нас двое против сотни. Вот разве что... — он бросил взгляд на Перегрино.

— Заикнись я об этом, меня и слушать не станут, — покачал тот головой. Голос его звучал едва слышно. — Я только потеряю все, чего добился с таким трудом.

— Да нет, я о другом: может, мы их выкупим? Как я слышал, команчи часто продают пленных, а у меня с собой много всякого товара, не считая подарков. Да и Герейра отдаст свой груз мне, если я пообещаю уплатить ему золотой монетой.

— Что ж, может быть, может быть...

Индеец впал в задумчивость.

— Дать этим дьяволам оружие, чтоб они перестреляли еще кучу белых?! — возмутился Руфус.

— Вы же говорили, что на свете такое не в новинку, — с горечью бросил Перегрино.

— Н-но... но варвары в Европе тоже были белыми. Даже турки... Для вас-то, может, это без разницы. Раз уж связались с этими зверями...

— Хватит, Руфус! — оборвал его компаньон. — Вспомни, зачем мы здесь. Не наше дело — спасать пару-тройку смертных, которые не протянут и века. Если удастся, я их выручу, но, по сути, мы приехали из-за Перегрино. Это он наш кровный брат. Так что утихомирься...

Ни слова не говоря, однорукий круто развернулся и заковылял прочь. Проводив его взглядом, Таррант заметил:

— Вспыльчив и не слишком умен, но верен мне со времен великой Римской империи.

— Тогда отчего же он так печется... о бабочках-однодневках? — удивился шаман.

Таррант раскурил угасшую трубку и выпустил несколько клубов синеватого дыма, глядя, как они растворяются на фоне синевы небес. Помолчав, он вздохнул.

— Бессмертные тоже подвержены влиянию окружения. Последние лет двести мы с Руфусом провели по преимуществу в Новом Свете — сперва в Канаде, тогда еще французской, потом перебрались в английские колонии. Здесь открывались более широкие возможности, здесь человек мог дышать свободнее, — разумеется, если он был англичанином. Естественно, мы выдавали себя за англичан. Потом стали американцами, но по сути ничего не изменилось. Должен сказать, что на Руфусе здешняя жизнь сказалась сильнее. Я-то время от времени становился рабовладельцем, на паях владел парочкой плантаций, хотя особого значения этому не придавал. Мне было все равно,

есть у меня рабы или нет. Просто я испокон века привык считать рабство естественным явлением, подобное несчастье могло свалиться на любой народ, независимо от цвета кожи и вероисповедания. Когда гражданская война положила рабству конец — а заодно с ним и многому другому — я просто пожал плечами: колесо истории совершило еще один оборот. В конце концов, судовладельцу из Сан-Франциско рабы не нужны.

А Руфус, простая душа, — продолжал Таррант, — не может жить так же, как я. Он ищет опору вовне — ему обязательно нужно за что-то цепляться. Но разве может бессмертный найти нечто неизменное вне себя? Руфус прошел через дюжину христианских сект. В последний раз он примкнул к баптистской церкви возрождения — и все еще не может отделаться от ее догматов. Еще до гражданской войны, и после нее тоже, он очень серьезно относился к трескотне насчет превосходства белой расы над прочими и ниспосланной ей свыше обязанности править цветными. — Таррант угрюмо хмыкнул. — Кроме того, с самого отъезда из Санта-Фе у него не было женщины. На Льяно-Эстакадо он был просто поражен известием, что женщины команчей вовсе не так доступны для чужаков, как на севере. А в той хибаре отсиживаются одна-две белые женщины. Ему самому даже в голову не приходит, что он мучится вожделением — доведись ему оказаться в их компании, Руфус будет само уважение и галантность, самое большее — будет бросать на них пылкие взгляды. Но мысль о том, что десятки краснокожих, один за другим, совершат надругательство над белыми женщинами, — для него просто непереносима.

— Не исключено, что ему придется это пережить.

— Твоя правда, не исключено, — поморщился Таррант. — Должен признаться, что я тоже не в восторге от этой перспективы — как, впрочем, и от перспективы выкупа их ценой винтовок. Я не так уж заматерел, как... как должно бы.

— По-моему, в ближайшие часы ничего не случится.

— Это хорошо. Надо преподнести Кванаху дары, пройти через какие-то формальности... Кстати, ты подскажешь мне, что и как предпринять, а? Только не сию же секунду. Пойдем. Нам с тобой есть о чем потолковать. Я ждал этого часа целых три тысячелетия.

5

Воины выстроились вокруг вождя и пришельцев, держась на приличествующем расстоянии. Теперь они хранили полное достоинства молчание и неподвижность, ибо собрались для

определенного ритуала. Их обсидиановые волосы и кожа цвета красного дерева горели в лучах заходящего солнца алыми искрами. У тех, кто стоял лицом к западу, в глазах пылало пламя.

Стоя между шеренгами воинов перед своим типи, Кванах принял дары от Тарранта, а затем произнес пространную речь на языке своего отца — вне сомнения, весьма цветистую, в духе предков. Когда он кончил, стоявший рядом с гостем Перегрино сказал по-английски:

— Он благодарит тебя, нарекает другом, а завтра утром ты выберешь из табуна любую понравившуюся тебе лошадь. Для того, кто стоит на тропе войны, это весьма щедрый дар.

— Знаю, — отозвался Таррант и по-испански обратился к Кванаху: — Благодарю тебя, о великий вождь! Могу ли я просить о милости — во имя дружбы, которой ты великодушно даришь нас?

Герейра держался чуть позади, хотя все-таки в первом ряду. При этих словах он заметно вздрогнул и напряженно вытянулся, прищурившись. После прогулки с шаманом Таррант не подходил к нему, а собрал все, что нужно, и направился прямо сюда. Однако весть о церемонии быстро разнеслась по лагерю, и когда торговец увидел, что воины собираются вместе, то пришел тоже — этого требовали и вежливость, и осмотрительность.

— Можешь просить, — бесстрастно отвечал вождь.

— Я хочу купить осажденным свободу. Они тебе все равно не принесут никакой пользы — так зачем без толку терять из-за них время и людей? Мы заберем их с собой. И дадим тебе за них хорошую цену.

По рядам команчей прокатился ропот. Воины зашевелились и загудели. Те, кто расслышал просьбу, повторяли ее остальным. Лица потемнели, руки сжались на рукоятках копий и томагавков. Самые горячие взялись за ружья.

Стоявший рядом с вождем изможденный, покрытый шрамами человек разразился хриплой тирадой. Лицо его покрывали глубокие морщины, редко встречающиеся даже у пожилых индейцев. Окружающие его воины одобрительно загудели. Кванах поднял руку, призывая к вниманию, и сообщил Тарранту:

— Вахаумау говорит, что павшие ждут отмщения.

— Но они пали... э-э... с честью.

— Он говорит обо всех павших. За многие годы, годы жизни и годы смерти, мы потеряли многих и многих.

— Не думал, что твой народ придерживается таких воззрений.

— Вахаумау мальчишкой был в том лагере, откуда теханос похитили мать Кванаха, — пояснил Перегрино. — Сам он нашел укрытие и уцелел, но его мать, брат и две младшие сестренки были убиты. А после он потерял жену и малолетнего сына, когда войска обстреляли наш лагерь из гаубиц. Многие из присутствующих прошли через то же — в разное время и в разных местах.

— Искренне соболезную, — сказал Таррант всем, кто его слышал. — Но люди с этого ранчо тут совершенно ни при чем, а кроме того... В общем, у меня множество замечательных вещей вроде тех, что я дал вашему вождю. Неужели несколько вонючих скальпов лучше этих богатств?

Вахаумау вновь потребовал слова. Он говорил долго, сопровождая свою речь рычанием, шипением, заламыванием рук и обращенными к небесам громогласными воплями. Суть речи была ясна и без перевода Перегрино:

— Он называет твое предложение оскорбительным. Неужели нермернуги продадут победу за одеяла и выпивку? У теханос они возьмут столько добычи, что не унести, да к тому же скальпы.

Поскольку Перегрино предупреждал Тарранта о возможности такого поворота событий, тот взглянул Кванаху в глаза и произнес:

— У меня есть предложение еще лучше. Мы привезли винтовки, целые ящики патронов и другую амуницию — без них вам не одержать победу, как без лошадей. Сколько за жизни этих несчастных?

— Эй, постойте, — шагнул вперед Герейра, но Кванах его опередил:

— Они в твоем багаже? Если да — хорошо. Если нет — ты опоздал. Твой компаньон уже согласился отдать их за скот.

Таррант окаменел. Вахаумау, ухвативший суть, закричал что-то скрипучим голосом.

— Меня надо было спросить, — перекрывая нарастающий шум толпы, сказал Герейра.

Пока Кванах призывал всех к молчанию, Перегрино выдохнул Тарранту на ухо:

— Попытаюсь убедить их переиграть сделку. Но особых иллюзий питать не стоит.

И шаман принялся ораторствовать. Его примеру последовали немногочисленные союзники. По большей части они выступали сдержанно — ведь для того и созывались подобные собрания, чтобы достичь согласия. Правительства у индейцев не

было, гражданские их вожди выступали лишь как судьи и посредники, и даже боевые вожди получали неограниченную власть только в битвах. Кванах выжидал окончания дебатов. Под конец даже Герейра что-то сказал, а вслед за тем Кванах провозгласил окончательный вердикт, вызвавший волну одобрения и утихомиривший воинов, как отлив. Солнце коснулось горизонта. Вахаумау смерил Тарранта взглядом победителя.

— Ты уже догадался? — Перегрино приуныл настолько, что даже его выговор стал нечетким. — Ничего не получилось. Они жаждут крови. Вахаумау твердил, что бросать начатое — дурная примета, и многие охотно поверили ему. Им нетрудно выделить полдюжины людей и отогнать это стадо в Нью-Мексико на продажу. Они предвкушают поездку как развлечение. А команчеро сказал, что он не из тех, кто может пойти на попятный, когда сделка уже заключена, — так что поневоле затронул их представления о собственной чести. Кроме того... Кванах не высказывался ни за тех, ни за других, но они знают, что у него есть план захвата дома, и им интересно, что он затеял. — Перегрино помолчал. — Я сделал все, что мог.

— Понимаю, — кивнул Таррант. — Спасибо.

— Но знай — мне тоже не по вкусу то, что должно произойти. Давай уедем в прерию и не вернемся до завтра — ты да я. И Руфус, если захочет.

— У меня такое чувство, что лучше оставаться здесь поблизости, — покачал головой Таррант. — Не волнуйся за меня, я на своем веку повидал всякого.

— Догадываюсь...

Воины понемногу расходились. Таррант выразил Кванаху свое почтение и зашагал к стоянке Герейры, расположенной всего-то в десятке ярдах от крайних типи. Индейцы, толпившиеся небольшими группками, провожали его взглядами, в которых читались самые разные чувства — от угрюмого недоверия до беспечной радости. Команчеро же поспешил вступить в разговор с кем попало, лишь бы отсрочить объяснение с Таррантом.

Сыновья торговца развели огонь и теперь хлопотали у костра, торопясь приготовить ужин, пока над прерией не сгустились быстротечные сумерки. Солнце еще не село, но его лучи пронизывали поднимающийся к небу дым горизонтально, и свернутые постели уже дожидались своего часа. Руфус сидел в одиночестве, ссутулив плечи и сжимая в единственном кулаке бутылку. Подняв глаза на подошедшего Тарранта, он понял все с первого взгляда, однако не удержался от вопроса:

— Как там?

— Пустой номер. — Таррант опустился на истоптанную траву и протянул руку. — Дай мне тоже хлебнуть. Чуть-чуть, но и ты не увлекайся. — Он поднес бутылку к губам и с благодарностью ощутил, как по гортани прокатился огненный клубок. — Побили меня по всем статьям: Перегрино не хочет бросить команчей, а команчи не хотят принять выкуп.

Таррант вкратце обрисовал ситуацию. Руфус откликнулся:

— Вот же сукин сын!

— Кто, Кванах? Он хоть и враг, но честный человек.

— Нет, Герейра. Он мог бы...

Герейра будто только и ждал этого, чтобы появиться.

— Я слышал свое имя?

— Ага, — Руфус вскочил, зажав бутылку в кулаке. И продолжал по-английски, бросив на родном языке торговца лишь два слова: — Vipera es. Змей подколодный. Чернозадый. Ты мог... мог... сторговать Ханно... сторговать боссу эти ружья и...

Герейра потянулся к кольту. Сыновья вскочили и встали по обе стороны отца, хотя за ножи хвататься не спешили.

— Я не мог расторгнуть заключенную сделку. — Мягкая испанская речь не могла передать холодное самообладание торговца. — По обоюдному согласию — дело другое, но они отказались. Пострадала бы не только моя репутация, но и деловые интересы.

— Ну да, ваш брат завсегда готов продать белого человека, белую женщину, продать их за... за тридцать сребреников! Ваши деньги пахнут кровью!

Руфус плюнул Герейре под ноги. А тот отвечал с нарочитым спокойствием:

— Не будем говорить о крови. Я знаю, кем был мой отец. Я видел, как он рыдал, когда янки захватили нашу страну. А теперь я должен уступать им дорогу на улицах Санта-Фе. Священник говорит, что не следует впускать в свое сердце ненависть — но это не значит, что я обязан тревожиться о них.

Руфус, застонав, взмахнул культей. Крюк со свистом рассек воздух. Герейра едва-едва успел увернуться, выставив перед собой пистолет. Таррант вскочил и схватил Руфуса за руки, пока тот не рванулся вперед. Мальчишки вытащили ножи, но тут же вложили их в ножны.

— Уймись! — пропыхтел Таррант. — Сядь!

— Рядом с этим подонком не сяду! — прохрипел Руфус на латыни и стряхнул руку товарища. — А ты, Ханно, неужели ты забыл, как мы тогда спасли женщину в России? А ведь там

был лишь один насильник! И он не стал бы вспарывать ей живот и не отдал бы своим самцам, вооруженным ножами и факелами...

Руфус заковылял прочь, по-прежнему изо всех сил сжимая горлышко бутылки. Остальные молча проводили его взглядами, потом Таррант обратился к Герейре:

— Пусть себе идет. Он скоро опомнится. Спасибо за твою сдержанность.

Но тон его был далек от сердечности.

6

За день Том Лэнгфорд дважды предпринимал короткие вылазки наружу. Увидев, что индейцы разбили лагерь, он торопливо вернулся в дом и задвинул засов. А под вечер сказал:

— Думаю, они попробуют атаковать ночью. А то чего ж им болтаться тут так долго? Потом опять двинут на рассвете, но вообще-то могут в любое время. Надо быть начеку. Ежели опять удастся выстоять, то им придется уйти. Индейцы не умеют держать осаду.

— Да не стоим мы того!

Билл Дэвис густо, сочно хохотнул.

— Los vecinos vendran indudablemente a ayudarnos... * Помощь придет, — вставил Карлос Падилья.

— Не знаю, скоро ли, да и придет ли вообще, — вздохнул Лэнгфорд. — Допустим, Боб таки прорвался, так все одно соседи нынче больно далеко друг от друга. Разве что кавалерийский эскадрон где поблизости встретится...

— Все мы в руках Господа, — провозгласила Сьюзи и улыбнулась мужу. — И в твоих тоже, дорогой, а это крепкие руки.

Эд Ли с невнятными стонами метался по кровати Лэнгфордов — воспалившаяся рана вызвала горячку. Разбуженные утренним набегом, не смежившие с той поры глаз и уставшие за день дети готовы были уснуть стоя.

На ужин была лишь холодная фасоль, хлеб и остатки молока. Дров осталось столько, что и упоминать не стоило, вода тоже подходила к концу. Лэнгфорд попросил жену произнести молитву перед едой, и никого не удивило, что Карлос перекрестился. Потом все, ужасно смущаясь, один за другим побывали за занавесочкой, которую Сьюзи натянула в углу. Там пряталось ведро общего пользования — Лэнгфорд опорожнял его во время сво-

---

* Соседи, несомненно, придут на помощь (*исп.*).

их вылазок. Оставалось надеяться, что до ухода индейцев никому не захочется воспользоваться ведром всерьез, а то в тесной комнатушке будет совсем не продохнуть. Нужник глинобитный, должен выстоять. Да если и нет — вокруг полно высокой травы, и участок велик. Участок, ради которого Лэнгфорд столько надрывался, откладывал каждую монетку, а теперь вынужден защищать его с оружием в руках.

Закат угас, сумерки вскоре перешли в ночь. На столе среди ружей горела одна-единственная свеча. Лэнгфорды и работники дежурили попарно: двое вели наблюдение, двое других отсыпались — один на полу, другой на кровати рядом с бедолагой Эдом. Клочок неба, видимый сквозь бойницу, был густо усыпан звездами, однако прерию все равно укрывала черно-серая мгла. Незадолго перед рассветом взошел месяц, но его узенький серпик почти не помогал обзору, хоть и разогнал чуть-чуть окружающий холод и одиночество.

Тишину нарушил шепот Сьюзи.

— Том! — подала она голос со своего поста в другом конце комнаты.

— А? — Он позволил себе быстро глянуть в ее сторону. В призрачном свете не были заметны ни грязь, ни усталость, ни ввалившиеся глаза и запавшие щеки. Она снова была той девчушкой, от крыльца которой он летел домой как на крыльях. — Том, а если... если они ворвутся, а ты сумеешь... — Ей пришлось перевести дух. — Ты меня застрелишь? Чтобы они не успели...

— О Боже, нет!..

Лэнгфорда захлестнуло таким ужасом, что он задохнулся.

— Ну пожалуйста! Я благословляю тебя на это.

— Милая, ты же можешь остаться в живых. Они продают пленников нашим.

Она потупилась, потом вспомнила о своих обязанностях часового и подняла голову, устремив взгляд в бойницу.

— После того, как... Я не захочу жить.

— Неужто ты думаешь, что я отвернусь от тебя? Да ни в жизнь! Выходит, ты знаешь меня куда хуже, чем я думал.

— Нет, но ты... Мне будет одиноко на земле без тебя. Почему бы не оказаться на небесах сразу вместе?

Лэнгфорд знал заведомо, что уж его-то краснокожие не пощадят. Если очень повезет, он умрет мужчиной. Если же нет — вряд ли ему будет дело до чего бы то ни было после пыток ножами и факелами. А то еще краснокожие любят вырезать пленникам веки и привязывать их у столба лицом к ослепительному солнцу.

— Зато ты сможешь поставить детей на ноги.

— Да, — она понурила голову, — да, прости. Забыла начисто. Да, я думала лишь о себе.

— Да не робей ты так, голубушка, — собрав волю в кулак, как мог весело сказал он. — Ничего с нами дурного не случится. Через неделю мы будем тревожиться разве что о том, чтобы не похваляться собой во все горло.

— Спасибо на добром слове, дорогой, — и Сьюзи снова устремила все внимание наружу.

Ночь близилась к концу. Они разделили ее на четыре вахты, чтобы перед рассветом, когда атака наиболее вероятна, все были уже на ногах. В три часа утра Лэнгфорды закончили свое второе дежурство, разбудили работников и легли — муж на полу, а Сьюзи рядом с Эдом. Если раненый пробудится от своего тяжкого забытья, она тут же почувствует это и сможет позаботиться о нем. А мужчинам надо отдохнуть. Чем лучше они выспятся, тем лучше будут стрелять.

Проснулся Лэнгфорд от грохота, отразившегося от тесных стен оглушительным эхом. Билл врезался грудью в стену и упал — пуля ударила ему в спину. При мерцающем огоньке свечи, среди пляшущих по стенам чудовищных теней, бьющая из раны кровь казалась темнее кожи убитого.

Карлос сидел на корточках у северной стены, вскинув ружье на изготовку, но стрелять было не в кого — из западных бойниц торчало два безликих винтовочных дула. Одно еще дымилось. Второе изрыгнуло свинец, а первое тем временем исчезло. Его место тотчас же заняло новое дуло.

Лэнгфорд подскочил к кровати, загородив собой Сьюзи. Понимание озарило его болезненной пороховой вспышкой: неприятели, всего три-четыре человека, подкрались к самому дому. Под покровом тьмы беззвучные тени проскользнули за частокол и продвигались вперед ползком, то и дело замирая на месте, пока не оказались под стенами, вне поля зрения обороняющихся. Приподняв винтовки и просунув в бойницы, они, верно, надеялись угодить кому-нибудь прямо в глаз. Тут они просчитались, но это ничего не меняло. Поворачивая стволы туда-сюда и паля внутрь вслепую, индейцы делали оборону просто невозможной.

Послышалось приближающееся улюлюканье. Затем раздались громовые удары в дверь. Лэнгфорд сразу же понял, что это не томагавки, а обычный топор дровосека, — видимо, его же собственный. Кусок доски с хрустом выломился, посыпалась мелкая щепа. Порыв сквозняка задул свечу. Лэнгфорд все стре-

лял и стрелял во тьму наугад — и вдруг боек сухо щелкнул по пустоте. Черт побери, где же заряженное ружье? Сьюзи завизжала. Наверное, надо было все-таки приберечь патрон для нее. Слишком поздно. Дверь упала, и комнату заполонили орды индейцев.

7

Грохот боя заставил Тарранта и Герейру выскочить из постелей и схватиться за оружие. Оба были полностью одеты — в таких поездках спят не раздеваясь. В лагере индейцев царила суматоха.

— El ataque *, — едва слышно среди выстрелов и боевых кличей произнес торговец.

— Они что, с ума посходили? — скрипучим спросонья голосом буркнул Таррант. — Лезть напролом среди ночи — полная глупость!

— Не уверен, — отозвался испанец.

Шум быстро нарастал и вскоре достиг апогея. Герейра осклабился, его белые зубы блеснули в свете звезд.

— Победа. Они берут дом. — Таррант тем временем натягивал сапоги. — Куда вас несет? Оставайтесь лучше здесь. Вас ведь тоже могут убить под горячую руку.

— Погляжу, не сумею ли чем помочь.

— Не сумеете. Лично я остаюсь, и не из страха. Просто не хочу видеть, что сейчас последует.

— Вы же утверждали, что вам все равно, — с болью в голосе заметил Таррант.

— Почти все равно, — согласился тот, — но восхищаться насилием — увольте! Не охотник я до таких зрелищ. Лучше мы с сыновьями помолимся об их душах. Оставайтесь с нами! — Герейра даже потянул собеседника за рукав. — Вы мне все-таки чем-то нравитесь.

— Я буду осторожен, — пообещал Таррант и решительно зашагал прочь.

Лагерь команчей он обогнул по широкой дуге. Там зажигали все новые факелы. Издали казалось, что над землей носятся, подпрыгивают, зависают трескучие огни, рассыпая вокруг искры. От их красноватых отблесков звезды словно померкли — и все-таки мириады холодных ярких точек на небосводе давали достаточно света, чтобы можно было кое-как различать дорогу.

---

* Атака (*исп.*).

Куда, к дьяволу, запропастился Руфус? Надо думать, храпит где-нибудь в прерии рядом с пустой бутылкой. Оно и к лучшему. Любой белый, даже владеющий собой получше Руфуса, появившись среди жаждущих крови индейцев, рискует жизнью.

Так с какой же стати он сам — Ханно, Луго, Кадок, Жак Лейси, Уильям Сойер, Джек Таррант, человек тысячи имен — ведет себя столь неосмотрительно? Яснее ясного, что спасти фермеров не удастся, нечего и пытаться. Все равно они уйдут в небытие, как бесконечное множество других до них и бесконечное множество после них, так было и так будет во веки веков. История размелет их в пыль и выплюнет прочь, и не останется от них ни малейшего следа, словно их и вовсе на свете не было — лишь считанные единицы оставят по себе хоть какую-то память. Быть может, христиане правы, и человечество не стоит лучшего — а может, такова изначальная природа вещей.

Намерения Тарранта были вполне практичны. Он не сумел бы прожить так долго, если бы при малейшей опасности прятал голову под подушку. Наоборот, столетия выучили его быть всегда начеку, чтобы знать, в какую сторону отскочить, когда упадет меч. Сегодня он собирался лишь понаблюдать с безопасного расстояния: если вдруг у индейцев вспыхнет жажда вырезать за компанию и его отряд — можно попытаться отговорить их, пока ситуация не вышла из-под контроля, заручившись поддержкой Перегрино, а то и самого Кванаха. А завтра же утром надо пускаться в обратный путь в Санта-Фе.

Вождь грозно возвышался у домика, держа на плече боевой топор с длинной рукояткой. Кровавый свет факелов играл на его рельефном от боевой раскраски лице, на бугристых мускулах, на рогатом головном уборе, то вспыхивая, то угасая, будто Кванах был порождением ада. Воины были видны менее отчетливо и казались просто сгущениями тьмы: они роились, сталкивались друг с другом, что-то визгливо выкрикивали, размахивая головнями, будто боевыми флагами. Скво выплясывали вместе с ними, сжимая в руках ножи и заостренные палки.

Пространство перед дырой на месте двери оставалось свободным. Индейцы выволокли из дома и бросили на пороге трупы трех мужчин. У одного, по виду янки, рука была в лубках; кто-то в боевом запале перерезал ему горло, прежде чем подумал о развлечениях. У негра из рваной дыры в спине торчали обломки ребер. Третий вроде был мексиканцем, хотя в бою его так искромсали, что наверняка сказать было невозможно; этот явно погиб сражаясь.

Мертвым еще повезло. Две скво крепко держали мальчонку и совсем маленькую девочку, потерявшую голову от страха и

визжащую изо всех сил. У стены оцепенело и потерянно, словно из него вынули все кости, сидел рослый мужчина. Голова у него была разбита, кровь пропитала волосы и капала на землю. Двое воинов вцепились в руки молодой женщины, а та извивалась, пиналась, осыпала их проклятиями и взывала к своему богу.

Из толпы выбрался человек. Факел на мгновение озарил его лицо, и Таррант узнал Вахаумау. Чтобы освободить руки, команч перекинул винтовку на ремне через плечо. В правой руке он сжимал нож, а левой с громким смехом ухватил женщину за ворот и вспорол платье одним движением сверху вниз. Ткань разошлась, забелело тело, сверкнули яркие бусины капель крови. Двое державших женщину индейцев повалили ее на спину, а Вахаумау начал возиться со своими кожаными брюками. Белый пленник, будто очнувшись от забытья, с хриплым криком попытался вскочить, но краснокожий двинул его прикладом в живот, и мужчина согнулся пополам, сотрясаемый рвотными спазмами.

Эхом ему откликнулся львиный рык — из-за дома вихрем вылетел Руфус, размахивая кольтом. Крюк со свистом разил направо и налево. Двое индейцев отлетели в стороны с искромсанными лицами. Вот он уже рядом с женщиной; державшие ее воины вскочили — он уложил одного выстрелом в лоб, второму крюком вырвал глаз, и тот, обезумев от боли, с воплем отпрянул. Вахаумау получил ботинком в пах и рухнул, скорчившись, у ног белого гиганта. Попытался не выдать боли, но это оказалось свыше его сил, и с губ поневоле сорвался стон.

При свете факелов борода Руфуса полыхала, будто и сама была чистым огнем. Поставив ноги по обе стороны от женщины, подавшись вперед и чуточку покачиваясь, гигант выставил перед собой оружие. Он был пьян до синевы, но кольт в руке был незыблем, как скала.

— Ладно, — проревел Руфус, — но только кто из вас, грязные свиньи, шелохнется, я его мигом уложу. Значит, сейчас вы ее отпустите, и...

Вахаумау наконец-то смог разогнуться и перекатиться на живот. Руфус не видел его — слишком уж много противников было впереди и по бокам.

— Берегись! — словно со стороны услышал Таррант собственный вопль.

Увы, предупреждение потонуло в криках индейцев. Вахаумау сорвал винтовку с плеча и выстрелил лежа. Руфус дернулся и качнулся назад, револьвер упал наземь. Вахаумау выстрелил снова — Руфус начал крениться и вдруг рухнул, всем весом навалившись на женщину и прижав ее к земле.

Обезумевший Таррант рвался к другу, прокладывая дорогу локтями, расшвыривая индейцев в стороны. Выскочив на открытое место, он упал возле Руфуса на колени.

— O sodalis, amice perennis...*

Изо рта Руфуса вырвалась струйка крови и затерялась в рыжей бороде. Гигант всхлипнул. На мгновение показалось, что он усмехается, — но может быть, это был лишь мимолетный отблеск света факелов или даже звезд. Таррант прижал друга к груди — и ощутил, как жизнь быстро покидает могучее тело.

И лишь тогда расслышал, какая наступила звенящая тишина. Подняв голову, Таррант увидел, что Кванах высится над ним, выставив перед собой топор, словно ограждение или щит из бизоньей шкуры. Значит, это он одним зычным возгласом велел всем замереть? Воины маячили во тьме неясной массой, держась подальше от Тарранта — а вместе с ним от мертвого, раненого и пленного. И лишь порой мерцающий свет выхватывал из мрака отдельное лицо или только глаза.

Таррант стащил тело Руфуса с женщины. Та зашевелилась, огляделась и захныкала, но Таррант вполголоса бросил:

— Тихо!

Женщина приподнялась и поползла в сторону мужа. Скво отпустили детей, и те уже были рядом с отцом. Он тоже вроде бы опомнился, во всяком случае он мог сидеть прямо, обняв всех троих.

Те, кого Руфус ранил, уже слились с толпой, на месте остались лишь убитый и Вахаумау. Последний кое-как встал, но всем весом опирался на винтовку, трясясь и прижимая ладонью очаг боли.

Таррант тоже встал, Кванах опустил топор, и они внимательно вгляделись друг в друга.

— Скверное дело, — наконец сказал вождь. — Очень скверное.

Финикийские мореходы усвоили науку, что надо пытаться извлечь выгоду из любой ситуации, как бы призрачны ни были шансы на успех.

— Да, — отвечал Таррант. — Ваш человек убил вашего гостя.

— Он, твой человек, ворвался в наши ряды, как убийца.

— Он имел право говорить и быть услышанным на совете. Когда ваш нермернуг преградил ему путь и хотел напасть на него, он просто оборонялся. Ведь он был под твоей защитой,

---

* О товарищ, друг навеки. . (*лат.*)

Кванах. В крайнем случае вы могли захватить его сзади — людей на это у тебя хватило бы. Уверен, что ты так и поступил бы, если бы успел, ибо славишься человеком чести, — но эта тварь прежде выстрелила ему в спину.

Вахаумау в ярости зарычал. Откуда было Тарранту знать, многое ли он понял из разговора. Аргументы несомненно слабы, даже нелепы, Кванах мог бы отмести их без труда, и все же...

Вперед выступил Перегрино. Он был даже немного выше вождя, а главное, принес с собой связку амулетов и магический жезл с тремя хвостами буффало, — должно быть, заходил к себе в типи. В толпе послышалось шиканье и перешептывание, факелы заколебались в руках. Дертсахнавьег, неумирающий, мог внушить благоговение даже самым строптивым.

— Стой, где стоишь, Джек Таррант, пока мы будем говорить с Кванахом, — голос шамана звучал совершенно ровно.

Вождь кивнул, отдал какие-то распоряжения. Вахаумау заворчал, но ослушаться не посмел и заковылял в толпу. Полдюжины воинов с винтовками вышли вперед, чтобы охранять бледнолицых, а Кванах и Перегрино удалились во тьму. Таррант присел на корточки рядом с пленниками.

— Послушайте, — вполголоса сказал он, — возможно, нам удастся выторговать вам свободу. Храните спокойствие, не подымайте шума. Эта банда испытала такое потрясение, что немного поостыла, но постарайтесь ничем не напомнить им о том, что они намеревались вас уничтожить.

— Понял, — внятно, хоть и не очень уверенно ответил мужчина. — Чем бы дело ни кончилось, мы будем молиться за вас и вашего товарища.

— Он явился, как рыцарь Круглого Стола, — шепнула женщина.

Он явился, как в стельку упившийся идиот, подумал Таррант. А я ведь мог его удержать, если б только знал. Я должен был знать! О Руфус, старый дружище, ты всегда ненавидел одиночество — и вот породнился с ним...

— Том Лэнгфорд, — протягивая руку, представился мужчина. — Моя жена Сьюзен. Нэнси. Джимми... в смысле, Джеймс.

Мальчишка, на перепачканном лице которого остались дорожки от подсыхающих слез, а под глазом наливался синяк, бросил на отца такой укоризненный взгляд, что Таррант едва не расхохотался. Однако сдержался, пожал всем руки, представился, а под конец бросил:

— Будет лучше, если мы пока помолчим. Кроме того, индейцы ждут от меня, что я позабочусь о мертвом друге.

До Руфуса было каких-то десять футов — но он был дальше, чем за десять тысяч миль. Омыть его Таррант не мог, но расправил коченеющее тело, скрестил руки на груди, закрыл глаза и подвязал челюсть шейным платком. Потом вынул карманный нож и изрезал себе лицо, руки и обнаженную грудь. Кровь заструилась ручейками, закапала на одежду; раны пустяковые, но они произвели на зрителей впечатление. Так оплакивают мертвых индейцы, а не белые; значит, покойник был страшно важный человек, за которого будут мстить пушки и сабли — если только не умиротворить его друзей. С другой стороны, бледнолицый не причитал над покойником, а это уж совсем зловещий признак. Нермернуги понемногу — по одному, по двое, по трое — стали исчезать во тьме, торопясь найти успокоение в уюте собственной стоянки.

Ладно, Руфус, в твоем распоряжении было целых полторы тысячи лет, и ты взял от каждого дня все, что мог. Ты блудил, дрался, пел, объедался, пьянствовал, нарывался на приключения — но ты же был замечательным работником в годину нужды, и лучше любой брони прикрывал мне спину в лихую минуту, и был хоть и грубоватым, но ласковым мужем и отцом, когда мы временно оседали на месте. Я прекрасно прожил бы без твоих глупых розыгрышей и ужасно длинных разговоров, когда мы оставались наедине, таких скучных, признаться, что подчас они доставляли мне физические мучения. Случалось, ты спасал мне жизнь, хоть и я не меньше рисковал собой, чтобы вызволить тебя из переделок, в которые ты то и дело ввязывался. Сегодня ночью, Руфус, жизнь моя стала куда более пресной, лишившись вносимой тобой особой прелести. И... и огромной любви.

Восток уже начал сереть. Силуэты Кванаха и Перегрино смутно виднелись во тьме, пока оба предводителя не вернулись к дому. Таррант встал им навстречу. Охранники почтительно расступились. До предела измотанные Лэнгфорды смотрели на эту сцену с земли пустыми глазами. Дети их беспокойно спали.

Таррант стоял, молча ожидая приговора.

— Решено, — провозгласил Кванах. Его низкий голос рокотал в холодном воздухе, как перекатывающийся над прерией конский топот. Изо рта вождя вырывались белые облачка пара. — Да знают все: нермернуги великодушны. В этом деле они последуют моей воле. Ты, торговец и его сыновья можете отправляться домой. Можете взять этих пленников с собой. Они идут в обмен на твоего товарища. Он сам навлек на себя смерть, но он был гостем — пусть же будет такова его цена, ибо нермернуги дорого ценят свою честь. Его телу не будет причинено никакого

вреда. Мы достойно похороним его, дабы его дух отыскал дорогу в долину мертвых. Я сказал.

По коже Тарранта продрал мороз — он был почти готов к худшему, но все-таки ухитрился это скрыть и отвечал:

— Весьма благодарен, сеньор, и передам своему народу, что душа Кванаха полна величия.

В этот момент он и впрямь верил собственным словам. Вождь на миг позволил себе сбросить оковы царственного поведения.

— Благодари Перегрино. Он убедил меня. Покиньте нас до рассвета.

Кванах поманил охранников, и те последовали за ним к стоянке. Сверхъестественное напряжение, сковывавшее Тарранта, внезапно спало; любой смертный на его месте повалился бы в истерике на землю, роняя слюну и закатывая глаза, а то и просто лишился бы чувств. Бессмертные куда сдержаннее, у них не в пример больше самообладания — и все-таки голос Тарранта дрогнул:

— Перегрино, как тебе это удалось?

— Я развил твои аргументы, как мог, — индеец снова говорил не торопясь, старательно подбирая точные слова. — Он, в общем-то, и не очень противился. Склонить его на свою сторону удалось довольно легко — ведь он не изверг, он просто борется за жизнь своего народа. Но ему надо еще и убедить соплеменников. Мне пришлось призвать всю свою изворотливость, всю силу духа, а под конец даже сказать, что если он не отпустит тебя, то я покину его. А он ценит мои советы не меньше, чем... чем мое колдовство. После этого убедить его отпустить несчастную семью фермеров было совсем нетрудно. Я помогу ему растолковать воинам, что это хорошая мысль.

— Он был прав, когда сказал, что следует благодарить тебя. Я в долгу перед тобой на все века, которые мне еще предстоит прожить.

Улыбка Перегрино была под стать блеклой заре на востоке.

— Ты мне ничего не должен. У меня были основания защитить тебя, и я намерен получить с тебя все, что причитается.

— Что именно? — Таррант сглотнул.

— Честно говоря, я не мог не спасти тебя. — Тон Перегрино смягчился. — Быть может, мы с тобой теперь единственные бессмертные на свете, и рано или поздно наши пути должны сойтись. Но пока... — Схватив Тарранта за руку, он заговорил горячо, торопливо: — Пока что я остаюсь со своим народом. Пусть я рожден не среди них, но они чуть не последние свободные люди на этой земле. И им уже недолго оставаться свободными. Скоро они будут сломлены.

Как были сломлены, подумалось Тарранту, Тир и Карфаген, Галлия и Британия, Рим и Византия, альбигойцы и гуситы, баски и ирландцы, Квебек и Конфедерация...

— Я говорил тебе вчера в прериях, — продолжал Перегрино, — что должен остаться с ними до конца, пытаясь убедить их, пытаясь подарить им новую веру и надежду. Иначе они в запале помчатся прямо навстречу гибели, как стадо буффало, ураганом несущееся к пропасти. И потому я обязан склонить их к миру. От тебя я хочу того же. Я и Кванаху говорил, что, отпустив этих несчастных, мы проявим добрую волю. Еще многим предстоит пасть ужасной смертью — но теперь ты сможешь говорить не на пустом месте. Ты утверждаешь, что богат, и слух могущественных людей склоняется к тебе — ну так вот моя цена за эти жизни: ты должен добиться мира со своей стороны, мира, не унизительного для моего народа.

— Я буду стараться изо всех сил, — совершенно искренне кивнул Таррант. Он и сам всем сердцем желал того же — хотя бы потому, что рано или поздно Перегрино призовет его к ответу.

Они обменялись рукопожатием, и индеец широкими шагами пошел прочь. Ложная заря угасла, и шаман быстро растворился во тьме.

— Идем со мной, — позвал Таррант Лэнгфордов. — Надо отправляться в путь немедленно.

Сколько же лет Руфус выкупил ценой бессмертия для этих четверых? Лет двести на всех?

8

Выходцу с Дальнего Запада горы Вичита показались бы всего-навсего холмами-переростками, хотя их безлесные склоны возносились весьма круто. Зато после весенних ливней они покрывались сочной зеленью, среди которой там и тут пестрели дикие цветы. А среди гор была веселая долина, и над ней царил большой дом, окруженный многочисленными пристройками, полями, пастбищами и загонами. Мокрая после недавно прошумевшего ливня трава сверкала в лучах солнца, ветер гонял по небу белые облака. На пастбищах нагуливал бока крупный и мелкий рогатый скот — и огромные табуны лошадей.

По дороге, ведущей к центральной усадьбе, катила повозка. Работник, что верхом на низкорослой лошадке осматривал загородки между выгонами, заметил ее, поехал навстречу и сообщил: мистера Паркера дома нет. Кучер, тоже индеец, объяснил,

что у пассажира дело не к мистеру Паркеру, а к мистеру Перегрино. Пораженный работник указал дорогу и долго еще смотрел вслед повозке. Желание незнакомца повидаться с названным человеком показалось ему таким же диковинным, как изредка заезжающие сюда авто.

Узкий проселок привел повозку к небольшому щитовому домику, со всех сторон окруженному цветочными клумбами. Позади домика был разбит огород. На крыльце с книжкой в руках сидел человек, одетый в брезентовые рабочие брюки и сандалии. Его черные, как вороново крыло, волосы были заплетены в косы, но все же он был слишком высок и строен, чтобы принадлежать к племени команчей. Заметив приближающуюся повозку, он отложил книгу, соскочил с крыльца и стал спокойно дожидаться ее посреди двора.

Из повозки выбрался белый; по дорогой, изящно скроенной одежде можно было догадаться, что он богат. Какое-то мгновение приезжий и обитатель домика разглядывали друг друга, потом бросились друг другу в объятия.

— Наконец-то, — непослушным от волнения голосом сказал Перегрино. — Bienvenido, amigo *.

— Извини, что задержался. Так уж получилось, что когда твое письмо пришло в Сан-Франциско, то не застало меня — пришлось по делам уехать на Восток. А когда я вернулся и прочел письмо, то побоялся, что ответная телеграмма может привлечь ненужное внимание. Ты писал мне много лет назад, когда я выслал тебе свой адрес, но даже эта скудная переписка повлекла кривотолки. Так что я сел на первый же попутный поезд и примчался собственной персоной.

— Ничего страшного. Ну, входи же, входи! — Благодаря долгой практике бывший шаман стал говорить по-английски довольно бегло, речь текла легко и плавно. — Если твой возница захочет, то может отправиться в большой дом, там о нем позаботятся. Он мог бы отвезти нас в город, скажем... Послезавтра тебя устроит? Мне надо уладить кое-какие дела, в том числе уложить вещи, которые я хотел бы забрать с собой. Если ты не против, конечно.

— Ни в малейшей степени, Перегрино! Делай, что только в голову взбредет.

Переговорив с кучером, Таррант вытащил из повозки саквояж и в сопровождении хозяина вошел в дом. Четыре опрятные, чистые и солнечные комнаты были обставлены довольно

---

* Здравствуй, друг (*исп.*).

аскетично, если не считать огромного числа книг, граммофона с коллекцией пластинок — в основном классическая музыка, а в спальне был еще и набор культовых предметов.

— Будешь спать здесь, — сказал Перегрино. — А я переночую, завернувшись в одеяла, на заднем дворе. Нет-нет, и не вздумай возражать! Во-первых, ты мой гость. Во-вторых, это напоминает мне прежние деньки. А в-третьих... По правде говоря, я частенько так поступаю.

— Значит, живешь один? — оглядевшись, поинтересовался Таррант.

— Да. Мне казалось нечестным заводить семью и детей, заранее зная, что потом придется изобретать способ улизнуть от них. Тут жизнь совсем не та, что среди свободных племен. А твои дела как?

Таррант сжал губы, потом вытянул их трубочкой.

— Моя последняя жена умерла молодой. В прошлом году. Скоротечная чахотка. Чего мы только ни перепробовали, даже перебрались в пустыню, но... Ну ничего, детей у нас не было, да и жить под нынешним именем скоро станет небезопасно. Так что готовлюсь сменить личину.

Они устроились на деревянных стульях в передней комнате. Над головой Перегрино висела хромолитография, с которой на Тарранта глядело мужское лицо. Приглядевшись, он узнал автопортрет кисти Рубенса. Как ни плоха была репродукция, она передавала тоску, застывшую в глазах обреченного на смерть существа. Таррант достал из саквояжа привезенную с собой, в обход закона, бутылку виски и наполнил стаканы, предложив хозяину еще и гаванскую сигару. Удовольствия остаются удовольствиями, даже низменные.

— А в остальном как? — не унимался Перегрино.

— Да занят очень. Даже не знаю толком, насколько я богат — по банковским и налоговым документам я прохожу под несколькими именами, — но состояние у меня порядочное и с каждым днем растет. Кстати, это к вопросу, почему ты мне нужен — не только ради себя, хоть это в первую голову; я хочу, чтобы ты помог мне решить, на что лучше потратить денежки. Ты-то сам чем жил?

— У меня, в общем, все тихо-мирно. Возделываю свой клочок земли, столярничаю помаленьку, руковожу своей паствой — но только у нас тут вера отцов, так что на бледнолицых проповедников я не похож; а еще преподаю в школе. Мне будет жаль все это бросить. Ну и еще много читаю, пытаюсь познать мир.

— Наверно, ты советник Кванаха?

— Вообще-то да. Но знаешь, я вовсе не кукловод, дергающий за ниточки и управляющий марионеточным туземным царьком. Он всего добился самостоятельно. Это выдающаяся личность, среди белых он был бы... ну, скажем, Линкольном или Наполеоном. Я могу претендовать разве на то, что навел его на кое-какие мысли, а то и просто облегчил его труд. Все, от начала и до конца, его заслуга.

Таррант кивнул, вспоминая, как это было... Союз команчей, киова, чиеннов и арапахо, и Кванах — верховный вождь. Кровавое столкновение в Адоб Уоллс, год последовавших за тем очаговых боев там и тут, охота на людей — и наконец, последние из уцелевших, измученные, изнуренные войной под предводительством Кванаха отправляются в резервации. А еще три года спустя движимый благими побуждениями представитель индейцев организовывает для команчей последнюю охоту. Те отправляются на равнины Техаса под военным конвоем — и не находят ни одного уцелевшего бизона. И все-таки, все-таки...

— А где он сейчас? — осведомился Таррант.

— В Вашингтоне. — Заметив удивленный взгляд гостя, Перегрино пояснил: — Он там бывает довольно часто. Он ведь наш делегат, от всех племен разом. Н-да... С Мак-Кинли вышла скверная история, зато благодаря этому в Белом доме оказался Теодор Рузвельт, а они с Кванахом знакомы, даже дружат.

Некоторое время они курили, сохраняя молчание — не знающим старости редко приходится торопиться. Наконец Перегрино продолжил рассказ:

— Для нас Кванах не просто богатый фермер. Он правитель и судья, вся жизнь общины сосредоточена на нем. Белым не по нраву ни его пейот, ни выводок его жен; но им приходится мириться, ведь он не дает нам скатываться вниз, снимая с их душ тяжкий груз угрызений совести. Хотя степенным его не назовешь — он скорее добродушный весельчак, любит рассказывать анекдоты и изъясняться языком, от которого бросает в краску даже бывалых моряков. Но он, как лучше сказать... он воплощает собой примирение. Называет себя Кванахом Паркером, в память о матери, и даже начал поговаривать о перевозке праха матери и сестры сюда, чтобы его потом похоронили рядом. Да нет, не думай, я вовсе не самообольщаюсь. Перед нами, индейцами, лежит крутая тернистая тропа, и пройти ее суждено немногим — но Кванах положил доброе начало пути.

— К которому подвел его ты.

— Пожалуй. Я просто противопоставил влиянию всяких никчемных пророков собственный авторитет и прилагал все

усилия, чтобы посеять в умах народа ростки миролюбия. А ты со своей стороны тоже сдержал обещание.

Таррант криво усмехнулся. Его часть работы обошлась в кругленькую сумму. К политикам так просто не подъедешь — сперва надо подкупить или продвинуть людей, которые потом вступают в сделку с якобы неподкупными. Зато Кванах не попал ни в тюрьму, ни на виселицу.

— По-моему, ты скромничаешь, — заметил Таррант. — Впрочем, оставим это — наша работа сделана. Быть может, мы просто оправдали свое долгожительство. Значит, ты готов к путешествию?

— Мои ученики могут вполне заменить меня здесь — я передал им все, что знаю сам. А в этой резервации я провел уже четверть века. Кванах прикрывал меня, как мог, держал подальше от глаз людских и удерживал тех, кто знает меня с давних времен, от разговоров обо мне с чужаками. Но тут все-таки не прерии, и окрестные жители удивляются мне. А если хоть слово просочится в печать... впрочем, неважно, об этих страхах теперь можно забыть. Кванаху я оставлю письмо и свое благословение.

Он выглянул в окно, обращенное на восток, и рука его поднесла к губам стакан с янтарным напитком. Придумавший этот напиток народ в свое время тоже состоял из варваров, которые то совершали набеги на юг, то вновь отступали на север, год за годом сражаясь за свою свободу... Проводив взглядом уплывающие к горизонту облака, Перегрино кивнул, будто подводя итог мыслям, и сказал:

— Пора и мне начать новую жизнь.

Глава 15

СОШЛИСЬ ДОРОЖКИ...

1

На город низвергался ливень, смывая смрад и грязь. Холодные струи больно жалили кожу, воздух обратился в серую муть — и лишь на мгновение загорался бриллиантовыми искрами недвижных капель, когда вспышка молнии высвечивала все подряд, а рокот грома перекрывал тарахтение моторов, вой клаксонов и шелест шин по залитому грязью асфальту. Одна из молний попала прямиком в Эмпайр-Стейт-билдинг, но тут же увязла в насквозь пронизавшей здание стальной паутине и

ушла в землю, не причинив беды. Было едва-едва за полдень, но стояла такая темень, что машинам и автобусам пришлось включить фары. Даже в центре города тротуары опустели, а несчастные одиночки, кого нужда погнала по улице пешком, или горбились под зонтами, или прятались под навесами и карнизами, короткими перебежками проскакивая от укрытия к укрытию. Поймать такси было просто невозможно.

А уж на окраине, где стоял старый особняк, подновленный благодаря усилиям Лорейс Макендел, на улицах не было ни души. Обычно жизнь здесь не затихала ни на миг, а с наступлением сумерек становилась яркой и суматошной. Среди здешних лачуг и магазинчиков завелось несколько ночных клубов. Какие бы ни настали трудные времена, белые никогда не бросят посещать Гарлем — ради джаза, танцев, комедий, словом, чтобы хоть чуть-чуть отдохнуть от забот. Они почему-то вбили себе в голову и старательно поддерживают друг друга в убеждении, что уж неграм-то живется совсем беззаботно. Но сегодня все сидели по домам, пережидая непогоду.

Поглядев на часы, Лорейс поманила одну из горничных:

— Слушай меня внимательно, Синди! Ты служишь совсем недавно, а сегодня должно случиться нечто значительное. Я не хочу, чтоб ты наделала ошибок.

— Да, мама-ло, — голос девушки был преисполнен почтения.

— Вот и пожалуйста! — покачала головой Лорейс. — Я тебе сколько раз говорила, что называть меня «мамой-ло» можно только по особым случаям!

— Я, я... Извиняйте, мэм. У меня это вовсе вылетело.

На глаза девушки навернулись слезы. Женщина, стоящая перед ней, была высокой, стройной, несомненно молодой — и в то же время казалась почему-то старой. Строгое элегантное бордовое платье, серебряный браслет-змейка на левом запястье, а у горла золотая брошь — рубин в центре сплетенных треугольника и круга. Будь ее кожа еще чуть светлее, женщину можно было бы назвать просто смуглой; сходство с белой ей придавали узкий овал лица, нос с горбинкой, прямые жесткие волосы.

Лорейс, улыбнувшись, слегка похлопала девушку по руке.

— Не бойся, дорогая! — От нее можно бы ожидать голоса звучного, как труба, а он звучал нежно, как скрипка. — Ты очень молода, и тебе предстоит многому научиться. Главное, я хочу, чтобы ты усвоила: сегодняшняя посетительница — особенная. В доме не будет мужчин, кроме Джозефа, да и тот будет сидеть в машине. А ты будешь помогать по кухне. Никуда не

выходи. Нет-нет, ты чудесно подаешь на стол, ты симпатичнее Кончиты — но она занимает в доме более высокое положение, чем ты. А это завоевывают не только услужением, но и верой, и учебой. Уверена, твой час еще придет, так что не переживай. Главное, Синди, — никому ни слова. Понимаешь, никому ни слова о моей гостье, что бы ни пришлось тебе увидеть или услышать. Поняла?

— Да, мэм.

— Хорошо. А теперь ступай, детка. Да, и вот что: тебе надо поусерднее заняться английским. Ты никуда не пробьешься в жизни, если не научишься говорить, как образованная. Значит, надо стать образованной. Томас говорит, что по арифметике ты тоже не успеваешь. Если тебе нужны дополнительные занятия, попроси его — ведь он учитель не по профессии, а в душе.

— Д-да, мэм.

Лорейс чуть склонила голову и прикрыла глаза, будто вслушиваясь во что-то, слышное только ей.

— Твой добрый ангел парит над тобой. Ступай с миром.

Девушка заспешила прочь, шурша крахмальными юбками и буквально сияя от радости: не так-то много перепадало ей добрых слов. Оставшись одна, Лорейс принялась бесцельно бродить из угла в угол, подхватывая то одну, то другую безделушку и почти тотчас же возвращая ее на прежнее место. Эта комната была обставлена в викторианском стиле — дубовые стенные панели, тяжеловесная мебель, толстый ковер на полу и плотные гардины на окнах, застекленные шифоньеры с коллекцией тщательно подобранных диковинок, еще более тщательно подобранная библиотека, а на верху книжной полки — бюст чернокожего, выполненный, как ни странно, из белого гипса. Свет электрических лампочек в хрустальной люстре был не в силах разогнать затаившийся по углам сумрак; эффект был впечатляющим.

Но вот к тротуару подъехала машина. Заметив ее сквозь стрельчатое окно, Лорейс подавила свое беспокойное состояние и выпрямилась: от нынешней встречи зависит очень и очень многое. Шофер выбрался из-за руля, раскрыл широкий зонт и, обойдя машину кругом, раскрыл заднюю дверцу для пассажирки. Затем он позвонил у входной двери — этого Лорейс уже не видела, но знала, как он поступит, и слышала звонок. Знала она и то, что в холле посетительницу встретят служанки, возьмут у нее плащ и укажут дорогу.

Как только гостья вошла в комнату, Лорейс протянула ей обе руки для сердечного приветствия:

— Добро пожаловать!

И ответное пожатие Клары Росарио, и ее ответная улыбка были едва заметны. Она казалась в этой комнате чужой. Излишне броская бижутерия. Волосы черны, как безлунная ночь, смуглая кожа, полные губы; однако светло-карие глаза, прямой нос и широкие скулы доказывали ее принадлежность к белой расе. Лорейс возвышалась над гостьей на добрых три дюйма, но Клара держалась независимо, не уступая осанкой хозяйке дома — с поправкой на более пышные формы.

— Спасибо, — отрывисто бросила она и принялась озираться. — А ты тут, гляжу, неплохо устроилась!

— Пойдем ко мне в кабинет, там нас никто не побеспокоит. Бар там тоже есть. А может, ты предпочтешь чаю или кофе? Я прикажу подать.

— Спасибо, только лучше я хлебну чего-нибудь покрепче, — ответила Клара с истеричным смешком.

— Надеюсь, ты останешься на обед? Кухня, можешь мне поверить, угодит любому гурману. К тому времени мы уже покончим с нашим... делом и сможем от души отдохнуть.

— Ладно, только чтоб не очень поздно. Меня ведь ждут. Я должна их веселить и... И потом, для меня самой спокойнее пока не выходить из дела. Мужчина нынче, знаешь ли, очень нервный пошел: никто не знает, откуда ждать подвоха.

— Кроме того, не в наших интересах, чтобы кто-нибудь заподозрил, что мы что-то затеваем. Не волнуйся, тебя отвезут домой загодя, у тебя будет масса времени в запасе, — Лорейс взяла Клару за руку. — Сюда, пожалуйста.

Едва переступив порог кабинета, Клара напряженно замерла. Небольшая комната с плотно зашторенными окнами была совершенно необычной. Пол застлан соломенными циновками, кресла диковинной формы укрыты леопардовыми шкурами. На одной стене — две африканские маски, а с полочки между ними пялит пустые глазницы человеческий череп. На противоположной стене растянута шкура восьмифутового питона. В дальнем углу — мраморный алтарь, крытый белой тканью с красной каймой. На алтаре лежит нож, стоит хрустальный кубок с водой и бронзовый витиеватый канделябр на семь свечей. В свете одинокой лампы под темным абажуром на столе поблескивают серебряный портсигар с такой же спичечницей и курильница, источающая дымок благовоний — воздух наполнен острым ароматом. В этой диковинной обстановке замерший подле двери обыкновенный комод с радиоприемником и кофейный столик посреди комнаты совершенно терялись, казались неуместными. На столике были расставлены стаканы, ведерко со

льдом, бутылка сельтерской, графин, пепельницы и тарелочки с деликатесами.

— Не смущайся, — подбодрила гостью Лорейс. — Тебе же наверняка не впервой очутиться в логове колдуна.

— Приходилось, — кивнув, Клара шумно сглотнула. — Выходит, ты...

— В общем, и да, и нет. Эти предметы здесь не для употребления; они призваны создать атмосферу загадки, таинства и могущества. Кроме того, — тоном равнодушной констатации добавила Лорейс, — никто и ни при каких обстоятельствах не решится не то что войти сюда, а даже приоткрыть дверь этой комнаты без моего разрешения. Так что можно говорить о чем угодно без опаски.

Клара взяла себя в руки. Не обладай она отвагой, ей бы не выжить на протяжении стольких веков; а хозяйка не представляла никакой угрозы и предлагала лишь своеобразную дружбу — если таковая окажется возможной.

— Наверно, мы шли с тобой совсем разными дорожками.

— Настало время им сойтись в одну. Хочешь послушать музыку? Радио принимает две хорошие станции.

— Нет, лучше просто поговорим, — поморщилась Клара. — Я ведь могу обойтись и без музыки, знаешь ли. У меня фешенебельное заведение.

— Бедняжка, — голос хозяйки был ласков и исполнен сочувствия. — Тебе пришлось нелегко, правда ведь? Тебе хоть когда-нибудь было легко?

— Ничего, я привычная, — вскинула голову Клара. — Так как насчет выпить?

Она остановила выбор на слегка разбавленном бурбоне, взяла сигарету и устроилась на софе за столиком. Лорейс налила себе бокал бордо и села на стул напротив гостьи. В наступившей тишине стал отчетливо слышен приглушенный шторами шум грозы.

Потом Клара с наигранной небрежностью сказала:

— Ну так что? О чем будем говорить?

— Начинай ты, — все так же вкрадчиво и благожелательно отвечала Лорейс. — Спрашивай все, что захочешь. Ведь это наша первая настоящая встреча, а придется встретиться еще не раз и не два. Только когда узнаем друг друга по-настоящему, тогда и сможем прийти к решению, как нам быть.

Клара втянула воздух и торопливо бросила:

— Ладно. Прежде всего — как ты меня нашла? Когда ты заявилась ко мне на квартиру и сказала, что тоже бессмертная... — До истерики тогда не дошло, но Лорейс поняла, что

лучше убираться подобру-поздорову. Потом состоялись три осторожных телефонных разговора, и наконец сегодняшняя встреча. А Клара продолжала: — Сперва я сочла тебя чокнутой, знаешь ли. Но ты вела себя вроде как нормально, и откуда бы чокнутой узнать такое? Потом я ломала голову, не собираешься ли ты меня шантажировать, но в этом вроде тоже не было смысла. Вот только... ну ладно, как же ты выяснила, кто я на самом деле, и откуда мне знать, что ты та, за кого себя выдаешь? — Она порывисто поднесла стакан к губам и сделала большой глоток. — Не обижайся, только мне нужна полная уверенность.

— Твоя осмотрительность вполне естественна. Неужели ты думаешь, что я веду себя иначе? Если бы мы обе не осторожничали, нам бы не остаться в живых. Но погляди вокруг! Разве хоть один мошенник обставил бы свою жизнь подобным образом?

— Н-нет... Разве что глава какой-нибудь секты... Но я ни разу не слышала о тебе, а ты так богата, что мне непременно рассказали бы про тебя.

— Вовсе я не богата, да и организация, которую я возглавляю, тоже. Я нужна ей, чтобы придавать вид... солидности, что ли. Но вернемся к тому, что тебя интересует... — Лорейс отхлебнула вина и, полуприкрыв глаза, начала тихо, почти мечтательно: — Когда я родилась, не знаю: если и была запись, то никому неведомо, где ее искать, тем более что она вряд ли уцелела до сегодняшнего дня. Кому было дело до маленькой негритянки? Но, сопоставляя свои ранние воспоминания и то, что узнала позже, когда начала учиться, — могу заключить, что мне сейчас лет двести. По сравнению с твоим возрастом — сущий пустяк. Говоришь, четырнадцать веков? Но я уже давно начала размышлять, все более и более отчаянно, одна ли я такая на свете.

Разумеется, я понимала, — продолжала Лорейс, — что если подобные мне существуют, то наверняка вынуждены скрывать свой возраст, как и я. Мужчинам довольно легко менять профессии, стиль жизни, а вот женщинам труднее. У них не такой большой выбор. И когда у меня появились средства, чтобы организовать поиски, мне первым делом пришло в голову, что начать надо с профессии, которой женщина, скорей всего, будет вынуждена заняться.

— С проституток, — напрямую выпалила Клара.

— Я уже говорила тебе, что не сужу других. Каждый выживает, как умеет. Однако ты не могла не оставить следа — пусть он часто прерывался, но если запастись временем и терпением,

проследить его можно. Времени и терпения мне не занимать, да ты и не очень-то старалась замести следы. Насколько понимаю, тебе и в голову не приходило, что кто-нибудь попытается тебя выследить. Твой путь прослеживался через подшивки газет, полицейские и судебные протоколы, налоговые декларации, регистрационные документы во времена, когда проституция была легальной, старые фотографии и тому подобное — надо было только собрать их, рассортировать и сопоставить. Среди моих агентов были частные детективы, были и просто мои последователи. Должна сказать, никто из них и понятия не имел, для чего мне понадобилась подобная информация. И вот мало-помалу из бесчисленного множества разрозненных фактиков сложилось несколько более-менее цельных кусков. Выходило, что в девяностых годах в Чикаго жила женщина, в конце концов попавшая в беду, до смешного напоминающую более поздние события в Нью-Йорке, затем в Новом Орлеане, снова в Нью-Йорке...

Клара решительным жестом оборвала рассказ, резко бросив:

— Достаточно! Поняла. Собственно говоря, мне следовало помнить о такой возможности. Это уже случилось однажды.

— Что?!

— Еще в Константинополе, то есть Стамбуле. О Господи, это же было лет девятьсот назад! Меня примерно так же выследил мужчина.

Лорейс приподнялась со стула, тут же села и подалась вперед, вскрикнув:

— Тоже бессмертный?! Мужчина? И что с ним стало?

— Понятия не имею, — отмахнулась Клара. И тут же, с вызовом: — Думаешь, я обрадовалась, что меня нашли? Не уверена, что рада этому и теперь. Ты женщина, и тут есть разница, но, знаешь ли, тебе все равно еще предстоит меня убедить, что наша встреча на пользу.

— Мужчина, — прошептала Лорейс. — Кто он был? Как выглядел?

— Их было двое. У него был партнер. Оба русские купцы. Я не захотела уехать с ними и отшила их, и с той поры о них ни слуху ни духу. Наверно, оба уже мертвы. Давай пока не будем об этом, ладно?

Вновь воцарилось молчание, нарушаемое лишь шумом дождя.

— Какие ужасы тебе пришлось пережить, — наконец проронила Лорейс.

Клара усмехнулась уголком рта.

— Ничего, я крепкая. Время от времени я бросала работу и жила на сбережения — ну иногда еще и выходила за-

муж за деньги — и жила, в общем, не так уж плохо. Короче, жизнь мне пока не осточертела.

— Я вот подумала... Ты говорила, что с момента приезда в Америку чаще всего была содержательницей публичного дома. Это, наверное, все-таки лучше, чем... раньше?

— Не всегда.

2

Она не любила ночевать там же, где работает. Помнится, в Чикаго до квартиры было всего пять кварталов. Обычно она освобождалась часа в два-три ночи, и день оставался в полном ее распоряжении — в это время дело шло ни шатко ни валко, и Сэди вполне справлялась одна. Она ходила по магазинам, наслаждалась цветами и теплым солнышком в Джексон-парке, заходила в какой-нибудь музей или выезжала на трамвае — иногда одна, иногда с парочкой девиц, — словом, вела себя как приличная дама.

Фонари тогда были газовыми, и мостовая казалась пепельно-серой, бесприютной и пустынной, как лунный пейзаж. При всей легкости ее походки шаги отдавались эхом в ушах. А вышедшие из переулка двое казались лишь тенями, пока не взяли ее в клещи, пристроившись по сторонам.

Ее охватил пронзительный леденящий ужас, но она проглотила испуганный вскрик. Рослый небритый громила справа вонял потом. Тот, что слева, был почти мальчишкой. В лице его не было ни кровинки, лишь иногда оно становилось гнилостно-желтым, как свет фонарей. Время от времени он хихикал.

— Приветик, миссис Росс, — подал надтреснутый голос громила. — Чудный вечерок, а?

Оставалось мысленно попрекать себя: дура я, дура! Надо было остерегаться, надо было потратиться на телохранителя — так нет же, не потрудилась! А все потому, что тряслась над каждым центом, приближающим грядущие годы свободы... Но тут же привычка столетий искоренила в ней безрассудный страх — сейчас это непозволительная роскошь.

— Оставьте меня, я вас не знаю!

— У-у, зато мы вас знаем. Сам мистер Сантони показал нам вас на улице, когда вы проходили мимо. И просил нас чуток с вами потолковать.

— Уходите, пока я не позвала полицию.

Мальчишка вновь захихикал.

— Заткнись, Лью, ты слишком психуешь! — оборвал его громила и снова вкрадчиво заговорил с ней. — Ну-ну, миссис Росс, не надо так! Мы только и хотим, что потолковать маленько. Так что ступайте с нами, и без фокусов.

— Я поговорю с вашим боссом, мистером Сантони. Я еще раз с ним побеседую, если он настаивает. — Надо во что бы то ни стало выиграть время. — Да-да, сегодня же и поговорю...

— Нет-нет, сегодня вы его не увидите. Он говорит, в прошлый раз вы были очень неблагоразумны.

Чего хочет Сантони? Яснее ясного: хочет добавить мое дело к своему списку, хочет ликвидировать все независимые заведения в городе, чтобы все плясали под его дудку и платили ему дань. Боже, пошли нам человека с обрезом, пока не поздно!..

Но лично для нее уже поздно, слишком поздно.

— Он только и хочет, чтоб мы с Лью чуток с вами потолковали. Он не может терять время на пустые препирательства, понятно? Так что идите тихонько, и все будет в порядке. Лью, да уйми же наконец свою трясучку!

Она рванулась было прочь, но рослый тут же пресек попытку бегства. Скрутили ее так умело, что всякое сопротивление стало бесполезным: новые рывки привели бы только к вывиху плеча. За углом стоял кабриолет с кучером. Путь оказался совсем близким, и...

Громиле пришлось несколько раз сдерживать мальчишку — тот слишком разошелся. В перерывах между побоями громила обтирал ей лицо, приговаривая утешительные слова, давал покурить, а затем все начиналось сызнова. Многовековой опыт помогал ей избегать непоправимых увечий — непоправимых даже для нее, не то что для смертной. Кончилось тем, что похитители высадили ее из кабриолета прямо перед домом врача.

В больнице все не уставали изумляться, что на ней все заживает как на собаке, без единой отметины. Расспрашивать ее никто ни о чем не стал, но понять, что случилось, было нетрудно. Предполагали, что к выписке она подойдет кротким, застенчивым существом, улыбчивым без нужды. Но персонал заблуждался: несгибаемый организм не мог не породить столь же несгибаемый характер.

И все равно Карлотта Росс подбила итоги, распродала, что сумела, и пропала без вести. Она так и не узнала, кто из соперников прихлопнул Сантони, — она редко утруждала себя местью: с этой работой вполне справлялось за нее время. А она начала все заново, на новом месте — не забыв, однако, полученного урока.

— В общем, кручусь. Я приспособилась к жизни. По правде сказать, неплохо приспособилась, — рассмеялась Клара. — За такой-то срок вроде положено...

— Ты, наверно, ненавидишь мужчин?

— Да не жалей ты меня!.. Извини, я сперва вспылила не по делу, ты ведь ко мне по-хорошему, я понимаю. Нет, знаешь ли, я встречала довольно приличных типов — разумеется, не на работе. Те мне вовсе не нужны. Вернее, нужны их деньги, а не они сами. Все равно завести кого-нибудь всерьез и надолго мне не дано. Не могу я этого! А ты можешь?

— Навсегда? Естественно, нет. Вот разве что найдем кого-нибудь из наших... — Заметив выражение лица Клары, Лорейс быстро добавила: — ...кто придется нам по нраву.

— Ты не против, если я еще выпью? Ничего, я сама налью. — Наполнив свой стакан, Клара достала из сумочки сигарету, а затем, оставив агрессивный тон, спросила чуть ли не застенчиво: — А как ты, Лорейс? Тебе-то каково? Ты говорила, что была рабыней. Должно быть, тебе пришлось несладко — наверно, похуже моего. Бог весть, сколько я перевидала рабов на своем веку!

— Порой бывало действительно туго. А иной раз я чувствовала себя в подобном положении... скажем, удобно. Но свободы я не знала — и в конце концов решилась бежать. Белые противники рабства помогли мне добраться до Канады. Там я нашла место прислуги.

Клара смерила Лорейс взглядом с головы до пят, вгляделась в ее лицо и пробормотала:

— Вот уж не подумала бы! Служанки так не держатся, да и говорят по-другому.

— Просто я переменилась. Хозяева помогли мне. Семейство Дюфур из Монреаля жило в достатке. Они были добрые люди, и когда заметили, что я изо всех сил стараюсь подняться над собой, то организовали для меня занятия. Разумеется, учеба шла после работы, а в те дни работали допоздна, так что на образование у меня ушли многие годы, но я буду благодарна Дюфурам до конца дней своих. Меня научили правильно говорить по-английски, читать, писать, считать. Общаясь с местными, сама так-сяк освоила французский. Когда позволяли обстоятельства, превращалась в настоящего книжного червя. Естественно, образование получилось лоскутное, нахваталась по верхушкам, но с течением лет сумела заполнить пробелы. Первым делом пришлось развить память, потому что в беспорядочной свалке,

в какую превратился мой рассудок, становилось все трудней и трудней отыскать нужные сведения. Стало трудно даже просто думать не отвлекаясь. Надо было что-то предпринимать. Да ты, вероятно, и сама сталкивалась с такой же проблемой.

— Лет пятьдесят было жуть что такое! — кивнула Клара. — Я не соображала, где я, что я, а если что и помнила, то очень смутно и путано. Все могло бы кончиться очень скверно — пожалуй, я бы просто погибла, если бы... В общем, я попала в руки сводника, так что за меня думал он, а после — его сын. Они были по-своему неплохие ребята, а тут еще я не старею, какая-то необычная, может, заколдованная, — вот они и не осмеливались обращаться со мной дурно, были даже добры ко мне. Конечно, по меркам, принятым в восьмом веке на Ближнем Востоке. По-моему, они ни разу никому не проболтались о том, что я особенная, и каждые лет пять меняли город. А я тем временем мало-помалу разобралась с собой, и когда младший сводник умер, уже была готова опять жить своим умом. Если бессмертных много, то интересно, многим ли так повезло. Везде и во все времена помешанные и недоумки, лишенные опеки, обречены на гибель. Так ведь?

— Я тоже задумывалась об этом. Но мне повезло больше, чем тебе: начало двадцатого века подарило нам науку психологию. Пусть она пока еще неуклюже, на ощупь отыскивает дорогу — но идея, что разум можно изучить и поправить, сама по себе многое изменила. Мне довелось выяснить, что самогипноз... Впрочем, об этом можно и после. Нам еще столько нужно сказать друг другу!

— Значит, ты не впадала в такое помешательство, как я?

— Нет, мне удалось сохранить контроль над собой. Естественно, мне то и дело приходилось переезжать с места на место. Покидать Дюфуров было больно, но народ в округе уже начал поговаривать о моей удивительно затянувшейся молодости. Кроме того, захотелось добиться независимости, полной независимости от кого бы то ни было. Я меняла работу, осваивала новые профессии, а заодно копила деньги. В тысяча девятисотом перебралась обратно в Штаты — тут цветные все-таки менее заметны, чем в Канаде. А уж в Нью-Йорке на тебя вообще не обратят внимания, только держись как все. Для начала я открыла маленькое кафе. Дело сразу пошло неплохо, я ведь хорошая стряпуха, и со временем удалось скопить на заведение побольше, с музыкой и дансингом. С началом войны заработки пошли в гору, а сухой закон увеличил их еще больше. Мое заведение посещали только белые; для черных я завела забегаловку ран-

гом пониже. Один из белых завсегдатаев стал моим другом. Он все уладил в мэрии, чтобы мне не приходилось ни платить лишнего, ни бояться гангстеров...

Клара окинула обстановку оценивающим взглядом:

— И ты будешь меня уверять, что купила это все на доход от двух забегаловок?!

— В проницательности тебе не откажешь, — улыбнулась Лорейс. — Ладно, если хочешь знать — недавно я приняла под крыло одного крупного контрабандиста. Он белый, и тем не менее...

4

Доналд О'Брайен обожал воду и ветер. Дом его был полон книг о мореплавании, по стенам развешены изображения кораблей, а на полках красовались модели судов, сделанные им собственноручно — хотя казалось просто невероятным, что эти хрупкие творения вышли из-под его грубых рук. Помимо мощного моторного катера, столь нужного в его бизнесе, на Лонг-Айленде у него была прогулочная яхта. И когда он начал брать свою черную «домоправительницу» на море, никто из членов яхт-клуба не стал возражать. Дона все любили, да и связываться с ним умные люди не рисковали.

Выплыв на широкий простор, яхта понеслась во весь дух, с шелестом рассекая волны и выбрасывая вверх веера искрящихся капель. Дон весело швырял в кильватерную струю оставшиеся от ленча объедки, и белые чайки то стремительно ныряли вниз, то парили над клином пены, расходящимся за кормой. Когда идешь под парусами по ветру, его свист спадает до вкрадчивости колыбельной, а соленый воздух кажется ласковым и нежным.

Переходя с галса на галс, рулевой должен быть осторожен. И хотя Дон прибрал шкот, чтобы избежать случайной переброски гика, точно управлять яхтой все равно оставалось непростой задачей. А Дон справлялся с ней без малейших усилий, тело выполняло привычные движения само, без контроля со стороны сознания. Он был облачен в зюйдвестку, но мыслями был сейчас далек от моря, и от прежней веселости на лице не осталось и следа.

— Ну почему? — настойчиво вопрошал он. — Почему ты отказываешься выйти за меня замуж? Я хочу сделать наши отношения честными, клянусь тебе!

— Они достаточно честны для меня, — рассмеялась она.

— Флора, я люблю тебя. Дело не только в том, что ты великолепна в постели — а ты великолепна, точно. Дело — как сказать? — в твоей душе, наверно. Ты отважна, мила и в тысячу раз умней меня. Я буду гордиться, если ты станешь матерью моих детей.

Смех погас. Она покачала головой:

— Мы слишком разные...

— Разве царь Соломон и царица Савская были слишком разными?

— Если бы жили в этой стране — да.

— Так тебя тревожит, как на это взглянет закон? Но ведь не все штаты запрещают смешанные браки, и в остальных вынуждены признавать эти браки, если церемония прошла там, где разрешено. Так записано в конституции!

И в той же конституции, подумалось ей, записано, что человеку после жаркого трудового дня нельзя выпить пива...

— Нет, меня тревожит то, с чем нам придется жить. Наши народы разделяет взаимная ненависть, стремление не иметь друг с другом ничего общего. Я не могу обречь на это наших детей.

— Но ведь есть и другие страны! — не уступал он. — Послушай — я уже говорил тебе, но все равно послушай! Не вечно же мне заниматься этим ремеслом. Еще несколько лет, и у меня будет столько денег, что и за сто лет не потратишь. Я человек осторожный и экономный, хоть и люблю покутить. Увезу тебя в Ирландию, во Францию. Ты ведь сама говорила, что всю жизнь мечтала повидать Францию, а мне там так понравилось, хоть и была война, что хочется вернуться. Мы сможем осесть, где пожелаем. Поселимся в каком-нибудь прелестном местечке, где никому не будет дела до цвета нашей кожи, были бы мы хорошими людьми.

— Вот подождем до твоей отставки, тогда и поговорим, — отрезала она.

А про себя добавила: быть может, к тому времени я сумею подготовить себя к мысли, что неумолимое время пожирает его изнутри. Может, я еще обрету уверенность, что, узнав обо мне всю правду, он не ожесточится — ведь обманывать его, по крайней мере в серьезных делах, я просто не сумею. Может, он еще будет рад, что я, по-прежнему полная сил, смогу держать его холодеющую руку до самого конца...

— Нет, сейчас! Если хочешь, можем сохранить это в тайне.

— Нет, дорогой, и не проси. — Взгляд ее был устремлен на пляску волн. — Не соглашусь ни открыто, ни тайно.

— А может, ты боишься стать женой уголовника? Клянусь Господом, живым они меня не возьмут! Да меня вообще не поймают, вот и все.

Она через плечо оглянулась на него — прядь каштановых волос выбилась из-под зюйдвестки на лоб, и сейчас Дон очень походил на мальчишку, охваченного искренней любовью. Флора вспомнила своих давно похороненных сыновей.

— Что толку от десятка слов, которые пробормочет мировой судья, если мы даже не сможем вместе показаться на людях?

— Я хочу принести тебе клятву верности.

— Ты уже приносил мне такую клятву неоднократно, самый дорогой ты мой человек! Я готова была разреветься от радости.

— Тогда еще одно, — сказал он грубовато. — Помирать я пока не собираюсь, но мало ли что — вот я и хочу обеспечить тебя на будущее. Пока наши отношения не узаконены, у меня сердце не на месте.

— Я не нуждаюсь в наследстве. Спасибо тебе, спасибо от всей души! Только, — она скорчила гримаску, — я не хочу иметь дела ни с адвокатами, ни с правительством.

— Вот оно как... — Дон с минуту молча покусывал нижнюю губу. Потом лицо его озарилось улыбкой, будто солнце выглянуло из-за туч. — Ну что ж, это я понимаю. Ладно. Только учти: я вовсе не отказался от мысли сделать тебя миссис О'Брайен. Я возьму тебя измором. А пока что приму свои меры. Все равно я не очень-то верю всяким банкирам, и сейчас самое время сбыть с рук всякую недвижимость. Мы переведем денежки в золото, и ты будешь знать, где запрятан клад.

— О Дон!

Деньги — мусор, а вот его намерения стоят всего мира и половины звезд небесных в придачу. Спустившись в кубрик, она стала перед ним на колени и прижалась к нему всем телом. Он наклонился, обнял ее за плечи и принялся искать ее губы своими, хрипло повторяя:

— Флора, моя прекрасная загадочная Флора!..

5

— Мы любили друг друга. Я никогда не боялась любить, Клара. Тебе бы не грех научиться этому.

Та раздавила сигарету в пепельнице и потянулась за новой.

— И чем кончилось?

— Таможенный катер перехватил его в 1924 году. — Голос Лорейс осел, с лица пропало всякое выражение. — Когда выяснилось, что он вот-вот оторвется, они открыли огонь. Он был убит.

— Ох, извини.

— Что ж, нам с тобой не привыкать к смертям. — Лорейс встряхнулась и взяла себя в руки. — Он оставил мне четверть миллиона в векселях на предъявителя. Мне пришлось уехать — я продала свои ночные клубы и четыре года провела, путешествуя по белу свету. Сначала Ирландия, Англия, Франция. Во Франции усовершенствовала свой французский, немного изучила Африку, потом поехала туда — сперва в Либерию, потом в колонии на побережье — надеялась узнать что-нибудь про своих предков. Завела много друзей в буше, ближе познакомилась с обычаями, о которых прежде читала в книгах, узнала, чем живут племена, их веру, ритуалы, тайные общества, традиции... Это заставило меня на обратном пути заглянуть на Гаити, где я тоже пожила немного.

— Воду? — распахнула глаза Клара.

— Вуду, — поправила Лорейс. — Черная магия тут ни при чем, это религия. Она позволила людям остаться людьми в дни событий, едва ли не самых жестоких в истории, — да и теперь еще спасает тех, кто пребывает в омерзительных тисках нищеты и анархии. Там я вспомнила о собратьях, оставшихся дома, и вернулась в Гарлем.

— Ясно, — выдохнула Клара. — Ты основала культ.

На лицо Лорейс на мгновение набежала мрачная тень.

— Ты думаешь, дескать, какой классный способ надувательства! Уверяю тебя, дело обстоит отнюдь не так.

— Нет-нет, я вовсе не то имела в виду...

— То самое, — Лорейс вздохнула. — Впрочем, ладно. Мысль вполне естественная, и винить тебя не за что. Но на деле мне нет нужды наживаться на суевериях — перед отъездом за рубеж я вложила свои средства, и очень удачно. Позже мне не понравилась ситуация на фондовом рынке, и я вовремя вышла из игры. О, я прекрасно прожила бы сама по себе. — Она посерьезнела. — Но здесь живет мой народ. И надо решить проблему моего собственного выживания на длительный срок — а теперь еще и твоего.

Клара не знала, как продолжать.

— А чем бы ты занялась, не организуй ты секты?

— Секты и их главы чересчур бросаются в глаза, особенно когда добиваются успеха, — быстро, бесстрастно ответила Лорейс. — То же и со всякими революционными движениями. Да

и не хочу я революций — мне прекрасно известно, что кровопролитие ни к чему хорошему не ведет. Тебе-то это должно быть известно не хуже моего.

— Я об этом как-то не задумывалась, — скромно ответила Клара, совсем забыв о сигарете, дымящейся меж пальцев.

— Я организовала не секту, а... назовем это «обществом» в африканско-гаитянском смысле. Имей в виду, это не преступная организация и не компания бездельников; это часть некоего единого целого — культуры, нерасторжимое единство плоти, крови и духа. В моем обществе религия и магия тесно сплетены между собой. Сама я еще в Канаде перешла в католицизм, который, по-моему, стал одним из истоков вудуизма. Я не предписываю никому, какую церковь посещать, — просто открываю человеку глаза на то, что он не только христианин, а неотъемлемый элемент вечно живой Вселенной. Я не налагаю проклятий и не раздаю благословений, но говорю слова и свершаю ритуалы, в которых выступаю не как богиня и не как мессия, и даже не как святая, — просто как та, кому было дано ближе подойти к пониманию высших сил.

Мы не чураемся практической деятельности. Гаитянин понял бы, что стоит за принятым мной званием «мама-ло». Но я вовсе не пытаюсь добиться власти — ни голосованием, как республиканцы и демократы, ни насилием, как коммунисты, ни убеждением, как социалисты. Нет, моя политика заключается в том, что отдельные личности тихо-мирно объединяются под руководством добровольно признанного лидера — и в обстановке взаимовыручки строят будущее для себя самих.

— Извини, — покачала головой Клара, — но я как-то не улавливаю, о чем ты толкуешь.

— Не волнуйся, — ласково отозвалась Лорейс. — Пока что можешь рассматривать духовную сторону вопроса совсем просто: я предлагаю моим последователям что-то получше выпивки и кокаина. Что же до материальной стороны — теперь, когда очереди на биржах труда становятся все длиннее, слух о нас ширится, к нам приходит все больше и больше людей — черных, белых, пуэрториканцев, людей всех цветов кожи. Официально мы всего-навсего одна из многих сот добровольческих благотворительных групп. Потихоньку-помаленьку новичков проверяют, и если они достойны доверия, то проходят все ступени посвящения. Тогда мы принимаем их в общину, где они начинают жить, работать и верить — жизнь скромная, но с надеждой на будущее. А взамен они оказывают мне кое-какую помощь, если попрошу.

Она помолчала пару секунд и продолжала:

— Пока что не могу посвятить тебя во все подробности. Ты будешь учиться. Правду сказать, я и сама еще учусь. Я вовсе не строила грандиозных планов, а отыскивала дорогу на ощупь и отыскиваю до сих пор. Быть может, в конце нас ждет крах или медленное увядание. Но может статься... впрочем, я не пророк. Когда во главе организации стоит бессмертная, дело получает существенно иной оборот, но я пока толком не знаю, как воспользоваться этим преимуществом. В одном я уверена абсолютно: мы должны держаться в тени.

— А это возможно?

— Попытаемся. Надеюсь, что, говоря «мы», могу подразумевать и тебя. — Лорейс приподняла бокал. — За завтрашний день!

Клара присоединилась к тосту, хотя тревога не покидала ее.

— А каковы твои планы... на ближайшее будущее?

— Мои планы обширны, и тебе в них отводится значительная роль. Ведь ты кое-что скопила, верно? Ну вот — мы, то есть общество, ныне весьма рассредоточены и остро нуждаемся в оборотных средствах. Перед сообразительными людьми сейчас открываются широкие возможности. Например, из-за биржевого краха цены на акции упали почти до нуля.

— Это все депрессия. Но ты же вроде говорила, что не играешь на бирже.

— Если бы я могла точно предвидеть случившееся два года назад, в октябре, — рассмеялась Лорейс, — то вовремя распродала бы все без остатка и теперь держала бы Уолл-стрит в кулаке. Но я не волшебница и никогда на это не претендовала, а потому привыкла играть наверняка. Что вовсе не означает робости или недомыслия. Послушай, никакие депрессии не вечны. Людям всегда нужно будет нечто солидное — дома, машины, тысячи разнообразных товаров; рано или поздно у них опять появится возможность купить все это. Быть может, настоящие прибыли пойдут лет через пятьдесят, но бессмертным торопиться некуда.

— Ясно. — Клара просветлела: ей показалось, что она в чем-то разобралась. — Ладненько. Имея перед собой перспективу, как-нибудь перетерплю еще полсотни лет.

— Тебе не придется терпеть. Времена меняются.

— То, что нужно мужчинам, измениться не может.

— Верно. Зато могут измениться законы. Впрочем, не в этом суть. Клара, выбирайся из грязи, как только сможешь.

— Чего это ради? Чем же мне еще заняться? Я не умею ничего, кроме... — Не договорив, Клара с оттенком наивной

отчаянности заявила: — Не хочу становиться твоей иждивенкой. Не хочу и не буду.

— Нет-нет, захребетников среди нас нет и не может быть! Помимо денежного взноса, ты должна будешь отрабатывать свое содержание. Пусть ты не хочешь этого признать, но у тебя за плечами опыт четырнадцати веков — а вместе с ним и приобретаемая опытом проницательность и интуиция. Мудрость досталась тебе горькой ценой, но она нужна нам.

— На кой черт?

— Чтоб укрепить нашу мощь.

— А? Погоди, ты же сказала...

— Я сказала, что не намерена свергать правительство, захватывать страну или совершать еще что-либо столь же глупое и эфемерное, — провозгласила Лорейс. — Я хочу прямо противоположного: наша организация должна обрести такую силу, чтобы мы могли сказать решительное «нет» любым поработителям, беснующимся толпам, правящим господам. Они силой захватили моего отца, заковали в цепи, увезли прочь от дома и продали. Когда я бежала, они гнались за мной, как за дичью, — и не попадись мне на пути нарушители их закона, меня непременно поймали бы. Несколько лет назад они застрелили моего любимого всего лишь за то, что он хотел доставить людям удовольствие, которое правители поставили под запрет. А ведь ему еще повезло! Он мог погибнуть и раньше, в этой чертовой бесполезной войне. Я могла бы и продолжать — но есть ли смысл? Ты могла бы рассказать в семь раз больше, ведь жила куда дольше моего.

И что было причиной этой бесконечной цепи унижений и смертей, как не то, что одним дана власть над другими? Пойми меня правильно, я не анархистка. Так уж устроен человек, что массой должна править горстка избранных. Иной раз правители даже хотят блага для всех — что бы там ни говорили, я уверена, что отцы-основатели Соединенных Штатов действовали с наилучшими намерениями, — но их благие стремления умерли вместе с ними.

Так что добиться хотя бы относительной безопасности, — завершила Лорейс свой монолог, — добиться права распоряжаться собственной жизнью можно лишь своими силами. Единство и несокрушимая решимость — вот способ стать независимыми от вершителей судеб мира. И мы, бессмертные, сможем завоевать независимость для себя, только если будем разумно направлять бедных и обездоленных к этой высокой цели.

Пойдешь ли ты со мной?

Глава 16

УКРОМНАЯ НИША

Отель построили совсем недавно, и сверкающие свежестью стены еще не успели обрести душу. Зато отсюда рукой подать до Старого города, а с высоты десятого этажа открывается великолепный вид на бесчисленные крыши и улочки, трудолюбиво карабкающиеся к камням Цитадели — вон она мрачным силуэтом темнеет на фоне звезд, хотя их свет приглушен сиянием фонарей и окон. А из угловых покоев на западной стороне можно обозреть всю современную Анкару — залитую огнями площадь Улус и бульвар, роскошные витрины, толпы на тротуарах, торопливо снующие автомобили. Лето близилось к концу, но дневная жара еще подолгу держалась в вечернем воздухе, и окна были распахнуты настежь: хотелось впустить хоть капельку наползающей с реки и дальних гор прохлады. Уличный шум долетал на верхние этажи приглушенно, даже вопли клаксонов едва пробивались сквозь жужжание большого вентилятора в углу.

Персонал гостиницы постарался на совесть, накрыв для американского клиента и приглашенного им гостя роскошный стол. За время обеда они не перемолвились ни словом. Как выяснилось, самым понятным для обоих языком оказался греческий. Теперь большая часть обеда осталась позади; наступила пора сыра, кофе и ликеров.

Октай Сайгун откинулся на спинку стула, рассмотрел бокал на свет, потом отхлебнул чуть-чуть и изобразил на лице улыбку. Единственной примечательной чертой этого коренастого толстяка был его нос. Костюм, хоть и не слишком поношенный, явно служил хозяину не первый год, да и в день покупки не отличался дороговизной.

— О, — пробормотал гость, — очень вкусно. Как я погляжу, господин Маккриди, вы редкий знаток.

— Рад, что вам понравилось. Надеюсь, теперь вы чувствуете себя со мной не так скованно.

Сайгун по-птичьи склонил голову к плечу — хотя птица, чтобы походить на него, должна была бы быть филином или раскормленным попугаем. Дэвид Маккриди, куда более стройный и гибкий, был на два-три сантиметра выше турка. Впрочем, для обладателя подобной фамилии он был слишком смугл и горбонос, да и глаза американца казались какими-то левантийскими. Они излучали сердечность и вместе с тем пристально вопрошали о чем-то.

— Разве я произвел на вас такое впечатление? — деланно удивился Сайгун. — Тогда извините. Какая черная неблагодарность за столь радушный прием! Уверяю вас, я вовсе не желал этого.

— Что вы, я вас не виню. Вас вполне можно понять: звонит совершенно незнакомый человек, приглашает вас... Может, я хочу впутать вас в свои преступные замыслы. Или вдруг я агент иностранной державы и хочу вас завербовать — в наши дни шпионов в любой столице полным-полно.

— Кому же придет в голову вербовать мелкого канцеляриста в чисто гражданском архиве? — Сайгун хмыкнул. — Если кому из нас двоих грозят неприятности, так это вам. Сами знаете, вам уже пришлось иметь дело с нашей бюрократией, избежать ее внимания никак нельзя, особенно иностранцу. Поверьте слову знающего человека: если мы захотим, то сумеем запутать, умаять и остановить на полном скаку стадо взбесившихся слонов.

— Так или иначе, времена нынче неспокойные.

Сайгун помрачнел. Отвернувшись к окну, он устремил взгляд в ночь и негромко сказал:

— Действительно, время зловещее. Герр Гитлер не ограничится захватом Австрии, так ведь? Боюсь, мистер Чемберлен и мсье Даладье позволят ему распространить свои притязания и на Чехословакию. Да и Красная Россия не утратила былых царистских амбиций, а она совсем близко. — Вернувшись взглядом к американцу, он утер свой низкий лоб носовым платком и пригладил черные волосы. — Извините меня. Вы, американцы, предпочитаете оптимистические прогнозы, разве нет? Ну что ж, что бы ни случилось, цивилизация уцелеет. До сих пор ей всегда это удавалось, независимо от того, какой внешний облик она обретала.

— А вы неплохо информированы, господин Сайгун, — растягивая слова, проговорил Маккриди. — Похоже, у вас философский склад ума.

— От газет никуда не денешься, — пожал плечами турок. — И от радио тоже. Нынче что ни кофейня, то вавилонское столпотворение, и все толкуют исключительно о политике. Я лично ищу утешения в чтении старинных книг, они помогают мне отличить вечное от преходящего.

Сайгун залпом осушил бокал. Маккриди вновь наполнил его и предложил:

— Сигару?

— Почему бы и нет, спасибо большое. Вид вашего портсигара сулит нечто необыкновенное.

Маккриди извлек две гаванские сигары, гильотинку для их обрезки, которую тут же предложил гостю, и зажигалку. Когда он уселся обратно, голос американца чуть заметно дрогнул:

— Могу я теперь перейти к делу?

— Несомненно. Вы вольны начать, когда вам заблагорассудится. Я просто полагал, что вы хотите приглядеться ко мне поближе. Или, если можно так выразиться, прощупать меня.

— Пожалуй, вы справились с этой задачей лучше, чем я, — криво усмехнулся Маккриди.

— Разве? Я просто наслаждался интересной беседой с приятным человеком. Ваша удивительная страна у всех на устах, и ваша собственная карьера в бизнесе — не пустяк...

Маккриди дал гостю прикурить, потом занялся собственной сигарой.

— Разговор все время либо перекидывается на меня, либо сворачивает на банальные темы. А в результате о вас не было сказано почти ни слова.

— А что там обо мне говорить? Я самый заурядный и незначительный человек. Даже не представляю, что вас могло заинтересовать в моей ничтожной персоне. — Сайгун глубоко, со смаком затянулся, не торопясь выдохнул, довершил впечатление глотком ликера. — Однако я рад встрече. Подобные удовольствия нечасто выпадают на долю мелкого служащего среди рутины повседневных дел в заштатной конторе. Турция — страна бедная, и взятками не побалуешься — президент Ататюрк искореняет коррупцию беспощадно.

Маккриди никак не удавалось раскурить сигару как следует.

— Друг мой, вас можно считать кем угодно, только не заурядным. Вы уже продемонстрировали изрядное хитроумие и умение уклоняться от нежелательных для вас тем. И ничего удивительного. Люди в нашем с вами положении, не обладающие этими качествами и не умеющие воспитать их в себе, скорее всего обречены.

— В нашем положении? Это в каком же?

Сайгун распахнул круглые блестящие глазки.

— Осторожничаете? Вполне понятно. Если вы тот, за кого я вас принимаю, то это давняя-предавняя привычка. Если же нет — вы ломаете голову, самонадеянный ли я дурак или сумасшедший.

— Нет-нет, зачем же так! Ваше прошлогоднее газетное объявление привлекло мое внимание. Загадочное, и все же... подлинное. В самом деле, замечательно сформулировано.

— Спасибо. Хоть это в изрядной мере заслуга не моя, а моего партнера. У него дар слова.

— Насколько я понимаю, вы поместили подобные объявления во многих газетах по всему миру? — Дождавшись утвердительного кивка Маккриди, Сайгун продолжал: — Полагаю, в зависимости от региона варьировался не только язык, но и текст сообщения. Как там было? «Вниманию тех, кто прожил столь долго, что праотцы наши — для них братья и друзья...» Да, пожалуй, таким и должен быть призыв к обитателям Ближнего Востока, гражданам древней земли. А средний человек, на глаза которому попадет это объявление, непременно подумает, что какой-то ученый разыскивает стариков, интересующихся историей и размышлявших над ней, с целью поднабраться у них мудрости. И много было откликов?

— Нет. Большинство откликнувшихся были или слегка не в своем уме, или надеялись выудить у меня денег. Вы были единственным во всей стране, кого мой агент счел достойным того, чтобы я рассмотрел ваш случай собственной персоной.

— Прошло немало времени. Я уж начал было подумывать, что это не серьезное дело, а какой-то розыгрыш.

— Мне пришлось рассмотреть изрядное количество рапортов. По большей части я отправил их в корзину. Потом двинулся в турне по миру. Сегодня — моя третья встреча.

— Зато ваши люди, видимо, встречались с каждым, кто откликнулся на объявление, где бы тот ни находился. Выходит, вы тратите на это порядочные средства, господин Маккриди. Вот только цели свои вы мне пока не раскрыли. Осмелюсь предположить, что и агентам своим тоже.

— Я подсказал им определенные критерии соответствия, но и только, — кивнул американец и сквозь сигарный дым пристально вгляделся в собеседника. — Самое важное, чтобы кандидат выглядел молодым и здоровым, хотя с виду призыв обращен к старикам. Я объяснил агентам, что не хочу афишировать этот факт, но ищу гениев-самородков, обладающих проницательностью и интуицией, развитыми не по возрасту, особенно в области истории. Мол, если свести вместе подобных гениев, представителей различных культур, мы могли бы выработать новые воззрения на предмет, создать новую науку, превосходящую самые смелые надежды самых знаменитых историков вроде Шпенглера и Тойнби. Агенты наверняка считают, что я просто свихнулся на истории. Впрочем, плачу я чистоганом, и довольно щедро.

— Ясно. Ну и как, довольны вы итогами знакомства с первыми двумя?

— Вы же прекрасно понимаете, кого я на самом деле ищу.

— В таком случае, — рассмеялся Сайгун, — вы и сейчас не попали в цель. Никакой я не гений — напротив, абсолютная посредственность. И меня это вполне устраивает, что служит еще одним подтверждением моей серости. — Он помолчал. — Так что там эти двое?

Маккриди стремительно пронзил воздух сигарой и раздраженно воскликнул:

— Проклятье! Неужто мы всю ночь будем ходить вокруг да около?

Сайгун вновь откинулся на спинку стула. Невыразительная улыбка на широком лице могла скрывать что угодно — и опаску, и радость.

— Бог не позволит мне отплатить за вашу щедрость неучтивостью. Наверно, будет лучше, если вы возьмете инициативу в свои руки и скажете все напрямую.

— Хорошо! — Маккриди резко подался вперед. — Если я заблуждаюсь на ваш счет, вы сочтете меня не просто эксцентричным, а буйным безумцем. В таком случае вам будет лучше отправиться домой и никогда никому не рассказывать о нашем разговоре, потому что я буду все отрицать, и в дурацком положении окажетесь вы, а не я. — И тут же торопливо уточнил: — Это не угроза. Я прошу вас о молчании лишь для нашего взаимного блага.

Сайгун приподнял бокал.

— Со своей точки зрения вы идете на риск. Понимаю и обещаю молчать.

И выпил, будто скрепляя договор. Маккриди встал и произнес совсем тихо:

— Что бы вы сказали, если бы я заявил, что по рождению я вовсе не американец, а родился в здешних краях примерно три тысячи лет назад?

Сайгун молча уставился в бокал. Из-за окон смутно долетал шум города. Штора едва заметно колыхалась, отзываясь на легкое дуновение ветерка с Анатолийских холмов. Когда турок вновь поднял глаза, в них впервые блеснул огонек человеческих чувств.

— Я бы назвал ваше заявление весьма необычным.

— Тут не замешаны ни чудеса, ни волшебство, но такое бывает — раз на десять миллионов рождений, а может, на сто миллионов или на миллиард. Одиночество... Да, я финикиец из Тира — из древнего Тира времен расцвета. — Он принялся нервно вышагивать по ковру из угла в угол. — Сколько себя помню, я только и делал, что искал других подобных мне, хоть кого-нибудь...

— И нашли?

Голос Маккриди внезапно охрип.

— В троих я совершенно уверен, и один из них жив по сей день — мой партнер, о котором я уже упоминал. Недавно он обнаружил еще два потенциальных случая. Что же до двух остальных — мы не старимся, но это не может уберечь нас от насильственной смерти, как и всех прочих. — Он яростно раздавил сигару в пепельнице. — Вот так.

— Отсюда я заключаю, что те двое, кого вы проверяли по пути сюда, вас разочаровали?

Маккриди кивнул и стукнул кулаком правой руки по левой ладони.

— Они оказались именно теми, кого я якобы разыскиваю — высокоразвитыми и глубокомысленными... молодыми людьми. Быть может, мне удастся подыскать им место, у меня есть свои предприятия, но... — Остановившись посреди комнаты, он широко расставил ноги и воззрился на толстяка. — Но вы отнеслись к моему рассказу совершенно спокойно, не так ли?

— Я же говорил, что я — серая личность. Флегматик.

— Что дает мне основание считать, что вы отличаетесь от тех двоих. Кроме того, мой агент провел негласное расследование. Вы могли бы сойти за двадцатилетнего, не проработай вы на нынешнем месте уже тридцать лет.

— Мои друзья тоже удивляются. Обходится без зависти, ведь я не Адонис. Ничего особенного, просто морщины и седина иногда приходят с запозданием.

— Какие друзья? Вас нельзя назвать ни общительным, ни необщительным. Вы приветливы, но ни с кем не сходитесь. Хороший работник, достойный повышения в порядке очередности, но не карьерист. Делаете все строго по инструкции. Холостяк. Это необычно для турка, но изредка бывает. Никому нет до вас дела, и потому никто всерьез вами не интересовался.

— Ваше суждение лестным не назовешь, — отозвался Сайгун, но вовсе не выглядел обиженным. — Зато обрисовали картину вы довольно точно. Я же говорил, что мне по вкусу оставаться таким, каков я есть.

— Бессмертным? — тут же бросил Маккриди.

Сайгун как бы загородился ладонью с зажатой меж пальцев сигарой.

— Мой дорогой сэр, вы торопитесь с выводами...

— Все сходится! Послушайте, со мной вы можете быть откровенны! По крайней мере, не упрямьтесь. Я могу предъявить вам доказательства своих слов, доказательства, которые убеждали людей поумнее нас с вами. Только бы вы согласились

чуточку мне посодействовать. И еще... Как вы можете спокойно сидеть в такой миг?

Сайгун лишь пожал плечами.

— Даже если я в вас ошибся, даже если так, и вы считаете меня сумасшедшим, то должны проявить хоть какое-то волнение, — взорвался Маккриди. — Или желание побыстрей удрать. Или... Но, сдается мне, вы тоже не знаете старости и могли бы присоединиться к нам, а вместе мы сможем... Кстати, сколько вам лет?

Наступило молчание, и когда наконец Сайгун нарушил его, в голосе турка вдруг прорезалась сталь:

— Пожалуйста, не считайте меня полным тупицей. Я же говорил, что люблю читать. Кроме того, у меня был целый год на размышления. Я размышлял, что прячется за вашими странными уклончивыми подходами, да и задолго до того задумывался над вопросами такого рода. Не будете ли вы добры снова сесть? Я предпочитаю беседовать, как принято у цивилизованных людей.

— Прошу прощения. — Но прежде чем сесть, Маккриди подошел к столу и смешал себе порядочную порцию виски с содовой. — Хотите?

— Нет, благодарю вас. Если можно, еще рюмочку ликера. Знаете, до сегодняшнего дня мне ни разу не приходилось пробовать ничего подобного. Но, в сущности, Турция только-только стала современным светским государством. Замечательный напиток! Надо припасти малую толику, пока не разыгралась война, которая сделает его непозволительной роскошью.

Преодолев внутреннее смятение, Маккриди вернулся на прежнее место.

— И что же вы мне скажете?

— Ну-у, — легонько усмехнулся Сайгун, — меня бросает то в жар, то в холод. Да и чего еще ждать после столь экстраординарных заявлений! Я вовсе не собираюсь их оспаривать, господин. Я ведь не ученый, и не мне решать, возможно то, что вы рассказали, или нет. Но я и не такой невежа, чтобы назвать гостеприимного хозяина впавшим в самообман, а тем более — лжецом. И все же прошу вас успокоиться. Можно рассказать вам историю?

— Несомненно, — выдохнул Маккриди, одним глотком осушив полстакана.

— Наверно, стоило бы назвать мой рассказ досужим вымыслом, полетом фантазии, вроде сочинений мистера Герберта Уэллса. Что, если бы то-то и то-то случилось на самом деле? К чему бы это привело?

— Слушаю.

Сайгун устроился поудобнее, затянулся сигарой, отхлебнул из бокала и помаленьку повел рассказ:

— Итак, давайте представим себе человека, родившегося на свет давным-давно. Например, в Италии времен заката республики, той, которая предшествовала Римской империи. Он был сыном людей из сословия всадников, ничем не примечательных, не интересующихся ни войной, ни политикой, не слишком преуспевших в коммерции, а потому обреченных корпеть на государственной службе. А государство быстро росло, завоевывая все новые провинции, и, как результат, остро нуждалось в конторских служащих, регистраторах, летописцах, архиварисах и прочих работниках, воплощающих в себе память правителей. Как только к власти пришел Август, делопроизводство быстро наладилось, система государственных структур устоялась, деятельность их стала упорядоченной и предсказуемой. Для миролюбивого, тихого человека пребывание на государственной службе, на средних должностях, сделалось очень удобным.

Маккриди втянул воздух сквозь зубы, но Сайгун, не обратив на это внимания, вел свое:

— Затем мне хотелось бы позаимствовать вашу концепцию о человеке, не знающем старости. Поскольку вы тщательно и в деталях продумали этот вопрос, я не стану углубляться в описание трудностей, угрожающих такому человеку с течением лет. Достигнув возраста, когда пора удалиться от дел, он волей-неволей вынужден перебраться куда-то, объяснив знакомым, что по состоянию здоровья нуждается в более мягком климате, к тому же поищет мест, где жизнь подешевле. Если ему назначена пенсия, то он не осмелится получать ее вечно; а если пенсии не в обычае, то на сбережения долго не протянешь, даже если пустить деньги в оборот. Так что волей-неволей надо снова идти работать.

Итак, с виду он молод, однако обладает опытом в делах. Он опять поступает на службу — в другом городе, под иным именем — и быстро проявляет себя способным работником. Его повышают, он поднимается до середины иерархической лестницы, не выделяясь среди конторских служащих ни в ту, ни в другую сторону. Приходит день, когда ему опять пора удалиться от дел — но к тому времени он отсутствовал уже достаточно долго, чтобы вернуться, скажем, в Рим, и начать все сначала.

Так и идет. Не стану докучать вам излишними подробностями, которые вы легко домыслите сами. К примеру, время от времени он женится и заводит детей, что доставляет ему

удовольствие, — а если и нет, надо лишь потерпеть, время само расторгнет брак. Правда, женитьба осложняет его обычные уловки, и потому он по большей части ведет покойную жизнь холостяка, разнообразя ее маленькими радостями. Опасность быть обнаруженным ему не грозит — работа в архивах позволяет осуществлять небольшие поправки, подчистки и дописки. Он ни за что не позволит себе злоупотребить своим положением во вред государству или ради личного обогащения — ни-ни, ни в коем случае! Разве что уклоняется от воинской службы, а в основном заметает следы. — Сайгун хмыкнул. — Ну, порой напишет рекомендательное письмо для юного соискателя на должность, которым сам же и собирается стать. Однако прошу помнить, что служит он на благо общества. Пишет ли он стилом на восковой дощечке, водит ли пером по бумаге или, как в нынешние дни, печатает на машинке и диктует стенографистке — он помогает хранить память государства.

— Понимаю, — шепнул Маккриди. — Но государства приходят и уходят.

— Зато цивилизация остается. — Сайгун был невозмутим. — Принципат разрастается до империи, потом империя начинает трещать по швам, как лоскутное одеяло, а люди все так же рождаются и умирают, женятся и заботятся о хлебе насущном — и кто бы ни стоял у кормила власти, без чиновников и бумаг ему не обойтись, ибо без них он будет не властен над подданными. Узурпатор или завоеватель может снести головы стоящим у вершины, но скромных конторских тружеников никто трогать не станет — ведь это все равно что отрубить собственные пальцы.

— Бывает и такое, — мрачно заметил Маккриди.

— Верно, — кивнул Сайгун. — Коррупция вознаграждает своих фаворитов должностями. Однако определенные должности не назовешь привлекательными, и в то же время без них не обойдешься. Порой варвары, фанатики или мегаломаньяки норовят убрать всех подчистую и производят полнейшее опустошение. Но чаще всего определенная стабильность сохраняется. Рим пал, но церковь сберегла, что сумела.

— Мне кажется, — медленно, слово за словом выговорил Маккриди, — что этот человек... плод вашей фантазии... затем перебрался в Константинополь.

— Конечно, — снова кивнул Сайгун. — Вместе с самим Константином Великим — ведь тому пришлось расширять чиновничий аппарат в новой столице, и он поощрял всех желающих перебраться сюда служащих. В своем византийском воплощении Римская империя просуществовала еще тысячу лет.

— После чего...

— Бывали трудные времена, но выкрутиться всегда можно. Когда османы захватили Анатолию, мой герой как раз там и находился и не стал возвращаться в Константинополь, пока тот, в свою очередь, не был завоеван и переименован в Стамбул. Тем временем он без особого труда приспособился к новому порядку вещей. Пришлось сменить религию, но вы наверняка поддержали бы его в этом решении, — правда, периодически возникала нужда в повторной операции, неизбежной для бессмертного мусульманина или иудея. Интересно, как там у бессмертных женщин, если они есть? Повторное целомудрие?

Сайгун изобразил что-то вроде ухмылки. И вновь перешел на лекторский тон с оттенком легкой иронии:

— Внешность нашего героя подозрений не вызывает. Настоящие турки не очень отличались от местного населения, а вскоре и совсем растворились в нем вслед за хеттами, галлами, греками, римлянами и иными нациями, которым несть числа. Султаны правили до конца мировой войны — во всяком случае, номинально. Для нашего героя это почти не составляло разницы — он просто помогал поддерживать порядок в бумагах. То же и с республикой. Должен сознаться, я... мой герой предпочитает Стамбул и предвкушает тот день, когда настанет пора опять перебраться туда. Этот город интересен и полон воспоминаний — да вы и сами это знаете. Однако теперь и Анкара стала вполне пригодной для жизни.

— Неужели ему больше ничего не нужно? — удивился Маккриди. — Он хочет до скончания веков ворошить бумаги?

— Он привык. И ведь не исключено, что его занятия имеют большее общественное значение, нежели высокие стремления и опасные приключения. Естественно, мне хотелось узнать, что вы намерены сообщить, но, простите, жизнь, какую вы описали, не подходит для человека моего склада характера. Позвольте пожелать вам всяческих успехов. Нельзя ли получить вашу карточку? Вот вам моя.

Он полез в карман, Маккриди последовал его примеру, и они обменялись визитными карточками.

— Благодарю вас, — продолжал Сайгун. — Если пожелаете, мы могли бы от случая к случаю обмениваться новыми карточками — ведь может прийти день, когда нам понадобится связаться друг с другом. А пока будем хранить обоюдное молчание. Договорились?

— Но послушайте...

— Пожалуйста, не надо! Терпеть не могу диспутов. — Сайгун бросил взгляд на часы. — Ох, как летит время! Мне действительно пора. Благодарю за незабываемый вечер.

Он встал. Маккриди поступил так же и, чувствуя свою полную беспомощность, пожал гостю руку. Пожелав хозяину доброй ночи, чиновник удалился, все еще смакуя сигару. Маккриди стоял в дверном проеме до тех пор, пока лифт не унес гостя вниз и тот, покинув гостиницу, не затерялся в безликой городской толпе.

Глава 17

ГОРОД СТАЛИ

Ничто здесь не напоминало о густых дубравах ее молодости, зато удобных уголков для охотничьей засады хоть отбавляй, а уж дичи больше чем надо. Но сперва надо пересечь открытое пространство. Катя по-пластунски выползла из-за груд битого кирпича на месте химкомбината. Три месяца непрерывных боев превратили гладкую мостовую в полосу препятствий, к тому же обжигающую руки холодом. Резкий ветер в лицо казался даже теплее земли, словно облака и редкий снежок чуть-чуть согрели ноябрьский воздух.

Одним рывком она проползала немного — когда метр, когда полтора, — замирала, озиралась и лишь затем начинала новый рывок. Солнце пряталось за плотной серой пеленой, тяжелое небо порой принималось скупо сеять белыми хлопьями. Ветер тянул поземку, завивая снег острыми язычками, разметая по истерзанной земле тонким саваном. Слева лежал пологий спуск к Волге. Серо-стальную поверхность воды покрывали льдины. Сталкиваясь, кружась, наползая друг на друга, они неторопливо плыли в сторону Каспия. Налаживать переправу на такой воде равносильно самоубийству, и ждать помощи с востока до конца ледостава нечего. Противоположный берег казался совершенно пустынным. Выбеленная степь тянулась, не признавая фронтов и границ, вдаль и вдаль до самого сердца Азии.

Справа, за железной дорогой, возносился к низкому небу Мамаев курган. Склоны его оставались черными: снаряды и сапоги упорно месили землю, быстро превращая снежок в обыкновенную грязь. Катя разглядела две-три огневые точки, но сейчас они молчали, — должно быть, солдатам, державшим высоту уже не первую неделю, выпала короткая передышка. Обнявшись по-братски, чтобы сберечь крохи тепла, уравненные

общей бедой и бескрайней усталостью, бойцы и командиры спешили поспать хоть десяток минут, пока снова не вспыхнул бой.

Но тишина затянулась и будила дурные предчувствия — слишком уж долго не слышно ни одного выстрела. Война будто затаилась, и казалось — именно на нее, на Катю, направлены взгляды всех вражеских снайперов, все пушечные и винтовочные прицелы...

Чепуха, сказала она себе, и двинулась вперед — и все-таки, когда оказалась под защитой стен, с удивлением обнаружила, что в груди саднит от долго сдерживаемого дыхания.

Привстала, огляделась. Пожалуй, «под защитой стен» — сказано чересчур смело. После пронесшегося здесь огненного шквала от стен мало что осталось; дверные и оконные проемы зияли пустотой. Улицы были усеяны грудами искрошенного в щебень кирпича и бетона.

Треснул винтовочный выстрел, следом затарахтела автоматная очередь. Разорвалась граната, другая, третья — и в воздухе забился крик. Нельзя было различить ни слова, один лишь нечеловеческий вопль боли. И не успело отзвучать эхо первого выстрела, как Катя уже сорвала винтовку с плеча и нырнула за стену, в укрытие.

Топот сапог. Ноги не слушались бегущего, он то и дело оступался, запинался о камни — скорее плелся, чем бежал. Катя рискнула выглянуть из укрытия. Он появился из-за развалин метрах в двадцати к югу — в красноармейской шинели и каске, но без оружия. Правый рукав был разодран и окровавлен, кровь капала на сапоги. Вот он остановился и принялся, тяжело дыша, озираться по сторонам. Катя едва не окликнула его, но сдержалась. Постояв секунд пять, он опять побежал в прежнем направлении, все так же заплетаясь, и скрылся за углом.

Катя вскинула винтовку. И вовремя: из-за развалин выбежали еще двое. Эти топали ровно и часто. Квадратные каски, серо-зеленая форма — немцы! Любой из них мог бы пристрелить беглеца, но они продолжали преследование, — значит, им приказано взять его живым. Что, наверное, представлялось не слишком сложно — просто легкая безопасная пробежка по обезлюдевшему району.

Ну и что дальше? Пусть будет, что будет? Нельзя же ставить под удар ее собственное задание! Но Катя слишком хорошо знала, что ждет этого красноармейца, попадись он в руки врага. А может, он располагает сведениями, ценнее любых ее наблюдений...

Решение пришло мгновенно. Порой она годами взвешивала все за и против, прежде чем решиться на что-нибудь; порой

было достаточно просто выждать несколько десятилетий, и проблема снималась сама собой. Но если бы Катя всю жизнь проявляла нерешительность, она не дожила бы до нынешнего дня. В минуту острой нужды она бросалась вперед с неукротимой энергией юности.

Катя выстрелила. Один немец развернулся на пятке и мешком рухнул вниз. Его спутник вскрикнул и упал ничком, одновременно выстрелив. Скорее всего, он ее не видел, но примерно догадывался, откуда пришла угроза. Быстро соображает. И в который уж раз у нее в голове мелькнула беспокойная мысль: что, если среди захватчиков есть кто-то ей подобный, столь же истерзанный столетиями одиночества?

Но она сама едва заметила эту мыслишку, проскользнувшую в глубине сознания. Мгновенно отскочить назад, переместиться к оконному проему. Прикрыв глаза, представить себе окружающее пространство. Враг должен быть вот тут. Быстрее, пока он не сменил позицию. Она шагнула к окну, прицелившись и нажав на курок почти одновременно.

Приклад твердо, но по-дружески ударил в плечо. Солдат завопил, выронил ружье и попытался приподняться на побелевших руках, беспомощно раскинутых по асфальту. Выстрел угодил ему в спину. Надо заставить его замолчать, а то сбежится подмога. Катя еще раз прицелилась, теперь тщательно, — лицо фрица взорвалось кровавым месивом.

Великолепная меткость. Чаще всего пули во время боя летят наугад в белый свет. Товарищ Зайцев непременно похвалил бы ее и назвал ворошиловским стрелком. Хорошо бы, фриц затих сразу, а не дергался. Вроде получилось — он не шевелится. Но времени на осторожничанье у нее по-прежнему нет: другие фашисты наверняка поняли, что эти двое попали в беду. С какой бы опаской ни приближались враги, они появятся здесь через несколько минут.

Катя бросилась вперед, по битому кирпичу, вдоль по улице, мимо подстреленных. Ужасно, что приходится охотиться на людей, — но ведь они тоже охотники, и тут уж кому больше повезет. На перекрестке она свернула налево.

Красноармеец не успел уйти далеко. Катя действовала в засаде молниеносно, а он двигался все медленнее и медленнее. Сейчас он шаркал вдоль разбитого трамвая, опираясь плечом о ржавый борт. В голове у Кати пронеслось, что боец может оказаться в тягость, и тогда его все равно придется бросить. Тем не менее она прибавила шагу, крикнув:

— Стой! Я тебе помогу!..

Человеческий голос казался слабым и немощным среди руин, под навалившимся на них свинцовым небом.

Боец послушался, повернулся, опершись спиной о металл, и медленно сполз на землю. Она приблизилась. Солдат оказался совсем юношей — он давно не брился, но на подбородке проступил лишь темный пушок. Если бы не это, его можно было бы принять за старика — так изможденно и обветрено было его бледное лицо, почти в цвет с припорошившим плечи снегом. Глаза смотрели в одну точку, челюсть отвисла. Шок, поняла Катя. Рука сильно изувечена — должно быть, гранатой.

— Можешь идти? — спросила она. — Отсюда надо уходить, и поскорее.

Он поднял левую руку и принялся выписывать пальцем в воздухе кривую, повторяющую контуры ее тела, пробормотав:

— Ты боец. Как я. Только баба.

— Так что с того? — отрубила Катя, схватила его за запястье и встряхнула. — Слушай, нельзя здесь торчать. Это верная смерть. Идем со мной, если можешь. Понял? Жить хочешь? Пошли!

Он вздрогнул и ответил хрипло:

— Я... по... пробую...

— Хорошо! За мной!

Катя рывком подняла его на ноги, подтолкнув в нужном направлении. За углом направо, на следующем углу налево — ну-ка, фрицы, сыщите нас в лабиринте улиц! Район разбомбили дотла, как и центр города, куда лежал ее путь. Кругом развалины, груды металла и камня, обломки, перегородившие улицы, почерневшая в огне кладка — не хуже дикого леса, где легко оторваться от преследователей. Не было ни солнца, ни тени, но чувство направления ей не изменяло. Послышался нарастающий гул.

— В укрытие! — приказала Катя, ныряя под ржавый лист кровельного железа, торчащий из груды обломков, как козырек.

В ноздри ударил тяжелый удушливый запах, силу которого не умерил даже мороз. Должно быть, прямое попадание бомбы похоронило под этой кашей из кирпича, балок, битого стекла всех, кто был в доме. Детей с матерями, старушек-бабушек? Нет, вряд ли — всех, кто не может взять в руки оружие, эвакуировали гораздо раньше. Вероятнее всего, дом стал братской могилой для оборонявших его солдат — в разыгравшихся здесь уличных боях каждый дом становился крепостью. Кто же здесь полег? А впрочем, какая разница? Им-то самим теперь все равно...

Катиного подопечного стошнило; должно быть, понял, чем тут пахнет. Это по-своему благоприятный признак — значит, начал выходить из отупения, вызванного шоком.

Над самыми верхушками стен, чуть выше снесенных крыш, пронесся самолет. Катя только и успела заметить промелькнувший силуэт со свастикой на хвосте, как тот уже умчался прочь. Воздушная разведка, что ли? Наверно, пилот их не заметил, а если и заметил, то не потрудился возвращаться. Однако с фрицами ни в чем нельзя быть уверенным: если они расстреливали даже безоружные толпы эвакуированных, ожидающих переправы, то двое красноармейцев могут привлечь их тем более.

Воющий гул стих, других самолетов слышно не было.

— Пошли, — распорядилась Катя.

Молодой солдатик молча прошел несколько шагов, потом удивленно воскликнул слабым голосом:

— Товарищ, а мы куда идем? По-моему, на юг.

— Ты не ошибся.

— Да, но... Это же вражеская территория. Наши на северной окраине.

— Знаю, — она ухватила его за локоть и потащила вперед. — Я на задании. Если хочешь, возвращайся сам. Сомневаюсь, что тебе удастся уйти далеко. А хочешь, пошли со мной. Только учти: не сможешь идти, придется тебя бросить. Будешь шуметь или мешать — придется тебя убить. Но, по-моему, это твой единственный шанс остаться в живых.

— Постараюсь не мешать, — сжав здоровый кулак, прошептал боец. — Спасибо, товарищ.

Зайцев меня вряд ли поблагодарит за это, подумала она. От успеха задания зависит много жизней, и спасение одного калеки не окупит провала. Ничего, снайперу частенько приходится полагаться лишь на собственные суждения. Если ей удастся довести этого рядового до его воинской части, ее начальство ни о чем и не узнает. А вдруг он действительно может сообщить нечто важное?..

Улица вывела их к Крутому яру и оборвалась. Здания по ту сторону оврага пострадали от налетов не меньше, чем здесь, но там, ближе к центру города, застройка была когда-то гораздо плотнее.

— Надо перебраться на ту сторону, — сказала Катя. — Моста, как видишь, нет. Скатимся вниз, потом придется ползти наверх. Пойдешь первым.

Боец кивнул. Голова его тряслась, но все-таки это был кивок. Пригнувшись, он метнулся через открытый участок, упал на живот у края оврага и скрылся из виду. Катя ждала, что по

нему вот-вот откроют огонь. Нужды в живом щите она не испытывала, но раз уж он здесь, так пусть докажет, что не слишком неуклюж: во всяком случае, подставляться под огонь за компанию она не имеет права. Но боец держался не так уж плохо — значит, шок был нетяжелым, и жизненная энергия юности помогает ему прийти в себя.

Взяв винтовку наперевес, насторожив все чувства, она последовала за раненым. Промерзшая земля похрустывала, лишенные листьев кусты царапали кожу. Спуск оказался нетруден, но когда они начали взбираться наверх, силы изменили солдату. Он немного вскарабкался по склону, сорвался, соскользнул и свернулся калачиком, отчаянно впивая воздух хрипящими легкими. Пришлось закинуть винтовку на плечо и подобраться к нему на четвереньках. Боец поднял на нее полный отчаяния взгляд.

— Не могу, — просипел он. — Прости. Иди одна.

— Мы уже почти на месте, — она подхватила его левой рукой под мышку. — Ну же, давай, черт тебя побери, давай!

И, не отпуская его, принялась взбираться по крутому склону задом наперед, изо всех сил упираясь в землю, как лошадь на раскисшем проселке, когда пытается выволочь увязшее в грязи орудие. Юноша сцепил зубы и старался, как мог. Вдвоем они все-таки одолели подъем. Добравшись до верха, укрылись за грудой кирпичной крошки. Катина гимнастерка потемнела от пота, холодный ветер пробирал ее до костей.

— Куда... мы... дальше? — прокашлял раненый.

— Туда!

Катя направляла каждый его шаг. Они держались у самых стен, останавливаясь у́ каждого дверного проема, на каждом углу, чтобы прислушаться и осмотреться. В высоте пролетело два дозорных истребителя. До опустошенного города их гул донесся не громче комариного писка. Потом земля задрожала от иного, более низкого гула — артиллерийская канонада. Наверное, где-нибудь в степи идет бой. Мамаев курган хранил молчание. Весь город погрузился в тишину, будто исполинское кладбище, затаившееся в ожидании громов Судного дня.

До намеченного сектора уже недалеко. Идея отправить ее так глубоко во вражеский тыл была бы чистейшим безумием, не докажи Катя на практике, и не раз, что умеет двигаться невидимо и неслышимо, как лучшие разведчики-диверсанты; а еще она догадывалась, что жизни этих профессиональных истребителей фрицев ценятся куда дороже, чем ее собственная. Если рекомендованный район окажется слишком опасным и не удастся быстро подыскать более подходящее место, ну что ж,

тогда придется отказаться от выполнения задания и вернуться на химкомбинат.

Спрятавшись за одним из немногих уцелевших деревьев, она внимательно оглядела бомбовую воронку, две разбитые автомашины и здания на противоположной стороне улицы. Намеченный дом казался вполне безопасным — один из типовых многоквартирных домов, сильно смахивающих на бараки. Тоже изрядно пострадавший от бомбежек, этот дом, однако, возвышался среди развалин на полных шесть этажей, пялясь на улицу пустыми глазницами окон.

— Туда, — указала Катя солдатику. — По моей команде быстро внутрь!

Вынув из висящего на шее футляра бинокль, она осмотрела дом: нет ли признаков наличия противника? Но в поле зрения виднелись лишь выбитые окна, копоть да выщербленная кладка. Порывистый ветер со свистом взвивал сухую снежную крупу. Решительно разрубив ладонью воздух, Катя первой бросилась вперед. Нырнула в дверной проем, тут же развернулась, пригнувшись, держа оружие наперевес, готовая выстрелить при первом же подозрительном шорохе или движении. Снег прекратился. Ветер гнал по земле лишь смятый листок бумаги.

Вверх круто уходили бетонные ступени. Лестничные клетки тонули во мраке. На нижних этажах двери были сорваны с петель и валялись под ногами. Известковая пыль припорошила и ступени, и валяющиеся на них предметы; повсюду царил полнейший хаос, нельзя было и шагу сделать, не наступив на что-нибудь. Выше все двери были закрыты. Одолев последний пролет, Катя потянула за ручку. Если надо, она бы не колеблясь прострелила замок. Но дверь с тихим скрипом распахнулась.

Тут царил не такой сумрак, как на лестнице, — разбитые окна впускали в комнаты свет, а заодно и мороз. Квартира оказалась почти роскошной — две комнаты и тесная кухонька. От ударной волны штукатурка осыпалась, местами обнажив дранку, кусками валялась на мебели и истоптанной ковровой дорожке. Те куски, что валялись у окон, от дождей расплылись в жидкое месиво, но теперь затвердели неряшливыми кляксами. Стены покрывала плесень. На занавесках, одеялах, обивке дивана темнели потеки. Взрывная волна, как обычно, прошлась по квартире с капризной избирательностью: три-четыре фотографии в рамках разбились, зато крикливо-яркий агитплакат со стахановцем остался на месте, а еще два фото даже не покосились. На первом из них фотограф запечатлел молодую пару в день свадьбы, со второго строго взирал седобородый дедок — наверно, родня кому-то из молодых. Сброшенные на пол книж-

ки и журналы сопрели и от прикосновения рассыпались в прах. Рядом валялся маленький радиоприемник и часы, которые давно остановились. Из цветочных горшков торчали бурые поникшие стебли.

Помимо этого, никакого личного скарба не попадалось. Скорее всего пожитков было не так уж много, и хозяева сумели при эвакуации забрать их с собой. Обыскивать квартиру по-настоящему тщательно Кате не захотелось: еще наткнешься на куклу или медвежонка. Но авось жители этой квартиры успели уехать вовремя.

Тем не менее по комнатам она прошлась; было очевидно, что обе служили спальнями. В одной окно выходило примерно на север, во второй — на восток, так что при открытой двери, если перебегать от окна к окну, можно было охватить взглядом сразу полгоризонта, дюжину идущих в обе стороны улиц: ведь большинство окрестных домов лежало в развалинах. И все-таки враги не догадались ни занять, ни подорвать так удачно расположенный наблюдательный пункт. Что ж поделаешь, все время от времени совершают глупости, особенно на войне. На этот раз советской разведке повезло воспользоваться упущением фрицев.

Вернувшись в прихожую, Катя обнаружила, что боец расположился на диване, сняв каску и шинель. Волосы его слегка кудрявились, а к щекам уже вернулся слабый румянец. От гимнастерки разило прокисшим потом. Ну-ну, подумала Катя, я и сама не розовая клумба. Когда я в последний раз толком мылась? Целую вечность назад, ночью в лесу, когда укрылась, как в норе, в крестьянской избе...

— Не простудись, товарищ, мы тут надолго, — предупредила она, поставив винтовку прикладом на пол и снимая с пояса фляжку. — Тебе вода нужна больше, чем мне, так что давай первый, но не жадничай. Перед тем как глотнуть, немного прополощи рот, а то надолго не хватит... — Присела на корточки, осторожно приподняла раненую руку и, осмотрев, огорченно поцокала языком. — Скверно. Кости искрошены. Ну хоть крупные сосуды не задеты, и то ладно. Я обработаю рану, но ты потерпи, будет больно.

Пока она чистила рану, он то и дело со всхлипом втягивал воздух, сдерживая крик боли. Покончив с перевязкой, Катя протянула юноше шоколадку, пообещав:

— Паек мы тоже поделим. У меня тут немного, но голод — это еще не главная наша трудность...

Перекусив, он немного оправился, сумел выдавить из себя бледную улыбку и произнес неуверенно:

— Ангел небесный, имя открой...

Катя проверила оба окна — ничего, только дальняя канонада.

— Я ангел? — ухмыльнулась она. — Да какой же ты после этого коммунист?

— А я не член партии, — скромно ответил он. — Хотел вступить, отец уговаривал, но... Ничего, после войны вступлю.

Катя поставила стул и села. Нет смысла все время торчать у окна: случись что-нибудь значительное, оно тотчас даст о себе знать на слух, настолько здесь тихо. А для страховки довольно выглядывать разок-другой каждые пять минут.

— Кто ты есть-то?

— Рядовой Петр Сергеевич Куликов. Шестьдесят вторая армия, — слабым голосом, но четко отрапортовал он.

Катя негромко присвистнула.

— Куликов? Замечательное предзнаменование!

— А? Ты о чем? Ах да, Куликово поле. Где Дмитрий Донской разнес татар вдребезги. — Он вздохнул. — Но то ж когда было! Почти шестьсот лет назад...

Ей припомнилось, какое всех охватило ликование, когда эта весть дошла до ее деревни.

— Да, давненько. А в приметы верить нам теперь не положено, так ведь? — Она подалась вперед, с интересом вглядываясь в лицо юноши. Этот израненный, измученный, быть может, обреченный на смерть человек способен мыслить о чем-то еще, кроме собственных страданий! — Значит, ты помнишь дату битвы? Наверно, десять классов закончил?

— Я москвич. После войны хочу стать учителем, — он попытался выпрямиться, и голос приобрел даже некоторую звучность. — А ты кто такая, моя спасительница?

— Екатерина Борисовна Тазурина.

Последнее из моих имен, последняя из освоенных мною личностей...

— Не место женщине на войне.

— Война не спрашивает. — Катя кое-как сдержала досаду. — Прежде чем попасть сюда, я партизанила. Потом мне дали форму, — впрочем, если я попадусь фрицам, это не составит никакой разницы, — а когда меня определили к лейтенанту Зайцеву, то произвели в сержанты. Сам понимаешь, снайперу нужна свобода действий.

Петр посмотрел на нее округлившимися от удивления глазами. Молва о Зайцеве шла по стране от края до края.

— Значит, ты на спецзадании, а не просто в засаде?

Катя кивнула:

— Из дома Павлова пришла весточка. Понял, о чем я?

— Понял, конечно. Этот дом где-то тут неподалеку, в тылу у фрицев, а сержант Павлов и еще человек шесть держатся там с... кажется, с конца сентября, да?

Катя пропустила общеизвестные сведения мимо ушей; пусть себе выговорится, ведь он ранен, растерян и — ох, как он юн!

— Они поддерживают с нами связь, — пояснила она. — По их наблюдениям получается, что фашисты вроде как собираются двинуться в наступление. Мне не говорили, по каким приметам так решили, да и не к чему мне это знать, а просто послали сюда вести наблюдение и доложить обо всем, что замечу.

— И ты как раз проходила мимо, когда... Мне невероятно повезло. — Он чуть не заплакал. — Бедные ребята...

— Что с вами случилось?

— Мы были в дозоре. Наша часть сейчас стоит у частных домиков южнее Мамаева. Все было тихо, мы и не подозревали ни о чем... — Петр порывисто вздохнул. — Вдруг стрельба, крики, как-то все сразу... Ребята попадали — справа, слева... По-моему, я один остался... живой... через пару минут. И рука вот... Что мне еще оставалось, кроме как бежать?

— Сколько было немцев? Откуда появились? Как вооружены?

— Не знаю... Все было так быстро, — он прикрыл лицо ладонью, — так ужасно!

Катя сердито прикусила губу.

— Если ты в шестьдесят второй, то уже не первый месяц в бою. Вы отступали... от Острова, что ли? Пол-России прошли, пока оказались здесь, — а ты до сих пор не научился видеть, что творится вокруг!

— Я могу, могу попытаться вспомнить, — он взял себя в руки.

— Так-то лучше! Не торопись, подумай. Спешить нам некуда. Если нас отсюда не выбьют, будем сидеть, пока не увидим то, что нужно штабу, — уж и не ведаю, что именно.

Она опять обошла окна, вернулась и взяла Петра за здоровую руку. Теперь, когда прямая опасность миновала, организм юноши требовал только сна, сна и сна — но сон пока что оставался непозволительной роскошью. Да, его покалечило, но рана не свалит его с ног, он достаточно молод и силен, выдюжит. К тому же Катя заметила, что ее женственность помогает Петру собраться с силами.

Крупица за крупицей, удалось составить более или менее связный рассказ. Похоже, фашисты были в разведке — отряд небольшой, но по силам превосходящий отделение Петра, — и не упустили возможности напасть на ребят из засады.

Совершенно очевидно, что им нужен был «язык». Оставалось угрюмо надеяться, что этот мальчик оказался действительно единственным оставшимся в живых.

Глубокая разведка однозначно свидетельствует о подготовке крупной наступательной операции. Отсюда вопрос: нельзя ли считать задание выполненным и как можно скорее вернуться с полученными сведениями обратно? Разумеется, когда отделение не вернется, выславший его в дозор командир догадается, что стряслась беда, — но это еще когда будет! Так или иначе, рассказ Петра не перевесит информации, какую можно собрать на этом наблюдательном пункте.

Может, послать самого Петра? Если не доберется, Красная Армия почти ничего не потеряет — разве что юноша попадет в плен. Сможет ли он вынести пытки, или надломленное тело предаст его и заставит предать ее? Не стоит искушать судьбу — да и нечестно это по отношению к раненому.

Помогая ему восстановить пережитое, которое он бессознательно стремился загнать подальше, Катя вдруг ощутила странную близость к этому мальчику. А позже, когда они ужинали хлебом и водой, Петр застенчиво поинтересовался:

— Ты здешняя, Катерина Борисовна?

— Нет. Мои родные края далеко отсюда.

— Я так и подумал. Говор у тебя какой-то такой... вроде украинского, но, по-моему, не совсем.

— У тебя острый слух, — заметила она, ощутив неожиданное поползновение сказать правду. А почему бы и нет? И нечего делать тайну из пустяка... — Я казачка.

От удивления Петр расплескал воду. Неуклюже утершись ладонью, переспросил:

— Казачка?! Но... но ты кончила школу, я же слышу по разговору...

— Ну полно! — рассмеялась она. — Ты что, в самом деле? Думал, что мы племя диких наездников?

— Я не о том...

— Пожалуй, у нас в школах учат даже немножко лучше, чем везде. То есть так было до сорок первого... — Выглянувший на мгновение светлый проблеск вновь затянули свинцовые тучи войны. — До революции большинство наших были землепашцами, рыбаками, купцами, освоителями Сибири. У нас были свои установления, обычаи... — И чуть слышно добавила: — А еще воля.

Потому-то я и пристала к ним, когда бросила учить послушниц вышивке в киевской монастырской школе, мысленно продолжила Катя нечаянную исповедь. Потому-то и оставалась с

ними, и была одной из них чуть не с самых первых их поселений четыреста лет назад. Пестрые компании уроженцев Европы и Азии продвигались вдоль великих рек в бескрайние степи на юге, с оружием в руках противостояли татарам и туркам, а со временем научились и бить этих древних врагов русского народа на их же землях. Но чаще казаки были справными мелкими хозяевами — да просто вольными людьми. Да, и женщины тоже; пусть и не столь вольными, как мужчины, но куда вольнее, чем в иных местах. А я всегда жила своим умом, и когда слишком засиживалась на одном месте, не составляло труда начать новую жизнь в новой станице...

— Так-то оно так, — выпалил Петр. — Извини меня. Ты в нашей армии, ты патриотка. А я слыхал, ну, что казаки всем скопом подались к фашистам.

— Есть такие, — помертвевшим голосом сказала Катя. — Но их мало, уж поверь мне. После того, что нам довелось пережить...

Сперва-то мы не знали, добавила она про себя. Комиссары твердили нам, что надо бежать, а мы не трогались с места. Они умоляли, они расписывали ужасы и разрушения, которые несут бесчинствующие орды гитлеровцев. «Новые коммунистические враки», — щерились мы. А потом из-за горизонта выкатили немецкие танки, и мы убедились, что на сей раз комиссары говорили правду. Бесчинства коснулись не только нас. Та же участь постигла народ Украины — не казаков, их там не осталось, а простых малороссов, — люди были доведены до такого отчаяния, что пошли биться рука об руку с коммунистами. И все же, все же — да, многие и многие тысячи пошли работать к немцам или даже служить в их войсках. Потому что видели в немцах освободителей.

— Не забывай, — торопливо произнесла она, — у казаков издавна повелось бороться с захватчиками и восставать против тиранов.

Литовские князья были далеко и не трогали нас, их устраивало положение номинальных правителей. А вот польские короли пытались закабалить нас, то и дело подталкивая к бунтам. Потом Хмельницкий заключил союз с Россией, а когда гетманом стал Мазепа, то вскоре пошел на поводу у шведов, понадеявшись, что они принесут Украине освобождение от русских царей. В конце концов казаки помирились с царем, он уже не пытался загнать нас в ярмо, но тут власть перешла к большевикам *...

---

* Читателю должно быть ясно, что роман — не учебник истории, и к тому же представления автора о русской истории весьма приблизительны. *(Примеч. изд-ва.)*

— Я читал о казацких бунтах, — нахмурился Петр.

Катя поморщилась. Трех столетий как не бывало; она снова мысленным взором увидела себя на сельской улице, когда мужчины — соседи, друзья, оба ее сына — примчались домой после рейда с Хмельницким, во все горло выхваляясь друг перед другом: каждого попавшегося католического или униатского попа они вешали перед их алтарями между свиньей и евреем.

— Но были времена варварства, — сказала она. — У нынешних фашистов нет даже такого оправдания.

— А у предателей — и вовсе никакого.

Предателей?! Кроткий кузнец Василий, смешливый Степан, белокурый Федор, ее собственный внук, правда, не ведающий об этом родстве... Сколько миллионов убитых вопиют об отмщении! Забытые, стертые с лица земли и из памяти людской, — но она-то помнит их всех до единого. До сих пор стоят у нее перед глазами жуткие картины голода, она помнит, как ее собственные дети умирали у нее на руках. Сталинские соколы расстреляли ее мужа Михаила, которого она любила — насколько бессмертная способна любить смертного; а они застрелили его как собаку, когда он пытался стащить немного хлеба для своей семьи из переполненного пшеницей эшелона. Но ему еще повезло: он не попал в иной эшелон, тоже переполненный, но уже людьми, — такие эшелоны шли в Сибирь. Катя встречала нескольких — их были считанные единицы, — кто сумел вернуться. Даже самые молодые из них выглядели беззубыми стариками, говорили очень скупо и работали как машины. Угроза новой ссылки висела над каждым от мала до велика. Не сдержавшись, она выкрикнула:

— У них, кого ты считаешь предателями, были на то причины!

— Что?! — разинул рот Петр. Потом сообразил: — Ах да, кулаки!

— Вольные землепашцы, которым земля досталась от дедов и прадедов, — а ее у них отняли и силой погнали в колхоз, как бессловесный скот! — возразила Катя и тут же добавила: — То есть пойми, они восприняли это именно так.

— Я ведь не о простых крестьянах. Я о кулаках и богатеях.

— Мне такие не попадались, а уж я немало попутешествовала на своем веку. Да, зажиточных хозяев я встречала, но они заработали достаток в поте лица своего.

— Я... я не хочу никого обидеть, а уж тебя всего меньше, Катюша. Но, наверно, ты путешествовала не так много, как думаешь. Тем более, все это было еще до твоего рождения, — тряхнул головой Петр. — Наверняка многие никому зла не

желали, только капиталистическая пропаганда застила им глаза, и они нарушили закон.

— За что их уморили голодом.

— Да, я слышал, был голод. Неурожай. Трагическое совпадение. — И с вымученной улыбкой: — Не думаешь же ты, что это было возмездие Господне...

— Я думаю... Ладно, неважно!

Я думаю — это про себя, — что их нарочно уморили голодом. Никаких неурожаев не было — просто государство отняло у нас все до крошки, в конце концов вынудив подчиниться.

— Я лишь хотела сказать, что многие казаки чувствуют себя кровно обиженными.

Они никогда не сдавались. В сердце своем они еще противостоят режиму.

— Дурачье! — с негодованием воскликнул Петр.

— Да, те, кто ушел к фрицам, жестоко просчитались, — вздохнула Катя.

Упаси Боже, я и сама чуть было не пошла к ним! Если бы Гитлер пожелал — нет, если бы он был способен отнестись к нам по-людски, — мы встали бы за него горой, и сегодня ему принадлежали бы и Москва, и Ленинград, и даже Новосибирск; а Сталину пришлось бы укрываться там, где он понастроил лагерей, в каком-нибудь дальнем уголке Сибири, а может, и удрать к американцам. Но вместо этого фашисты жгли, насиловали, убивали, пытали, вышибали мозги у грудных младенцев, со смехом косили из пулеметов безоружных детей, женщин и стариков, просто для развлечения кололи людей штыками, снимали с пленных живьем кожу, обливали их бензином и устраивали из них живые факелы. А что они натворили в святом Киеве — от одной мысли становится дурно!..

— Ты нашла свою правду и пошла ее защищать, — тихо сказал Петр. — Ты куда мужественней меня.

Уж не страх ли перед НКВД удержал его в строю? — подумала Катя. Ей довелось насмотреться на трупы дезертиров, которые зеленые фуражки выкладывали вдоль дорог для предостережения остальным.

— Что заставило тебя пойти в партизаны? — спросил он.

— Село заняли немцы и пытались забрать к себе на службу наших мужчин. Всех отказавшихся расстреливали. Мой муж отказался.

— Катя, Катенька!..

— Хорошо еще, мы только-только поженились и не успели завести детей.

Я и приехала туда под новой фамилией незадолго до войны. При коммунистах стало трудновато менять имена, приходилось искать чиновников-ротозеев. Слава Богу, в таких недостатка нет. Бедный Илюшка! Так радовался, так гордился своей невестой. Мы могли бы быть счастливы вместе, пока позволит природа...

— Хорошо?! — Петр кулаком смахнул набежавшую слезу. — Я же и говорю, что ты очень мужественная.

— Я давно привыкла полагаться только на себя.

— Но ты ведь еще такая молоденькая!.. — удивился он.

— Я старше, чем выгляжу, — не удержалась она от улыбки и встала. — Пора осмотреться.

— А давай возьмем каждый по окну! — предложил он. — Тогда можно будет наблюдать непрерывно. Мне уже намного лучше. Благодаря тебе, — он одарил ее восторженным взглядом.

— Да, можно... — Она не договорила: на улице загрохотало. — Стоп! Артобстрел! Оставайся на месте!

Катя бросилась в северную комнату. Уже опускались ранние зимние сумерки, развалины стали едва различимы, но Мамаев курган пока отчетливо вырисовывался на фоне неба, озаренный огненными сполохами. По всему городу свирепели разрывы.

— Вот и кончилась наша мирная передышка, — пробормотала Катя, переходя к восточному окну. — Пушки снова взялись за дело.

Петр стоял посреди комнаты. Лица его в быстро сгущавшемся сумраке было не разглядеть, но голос звучал как-то неуверенно:

— Фрицы уже начали?

— По-моему, да, — кивнула Катя. — Взялись за свое. Надеюсь, сейчас мы отработаем свой паек.

— Это как понять?

— Если сможем разобраться, что тут затевается. Дорого бы я дала, чтобы ночь нынче была лунной! Впрочем, немцам не с руки поджидать подходящей для нас погоды. А теперь цыц!

Она принялась курсировать между окнами. Тьма сгущалась. Усыпавший улицы снежок помогал взгляду даже больше, чем ночной бинокль. Канонада усиливалась. И вдруг Катя со свистом втянула воздух и даже рискнула высунуться наружу, чтобы рассмотреть все получше. Мороз сразу охватил ее будто клещами.

— Что там? — шепнул Петр.

— Цыц, я сказала!

Она напрягала зрение. В одном квартале от них направлением на север тянулись какие-то черные пятна... Опыт охотницы помог ей разобраться, что к чему. Около сотни человек, немото-

ризованные, — значит, пехота; тащат на повозках штук пять поблескивающих продолговатых предметов, — должно быть, минометы...

Наконец они прошли. Катя опустила бинокль и принялась шарить по квартире, пока не наткнулась на Петра. Он сидел; должно быть, уснул от слабости, но довольно было легкого прикосновения, чтобы он сразу подскочил.

— Немцы направились в Крутой яр, не иначе, — шепнула она ему на ухо. — Этой дорогой только туда и попадешь. Если бы они хотели завязать бой у кургана, то повернули бы на восток, и я бы их прозевала.

— Что же они затевают?

— Не знаю, могу лишь догадываться. Это наверняка какая-то часть общего наступления. Обстрел, а может, даже танковая атака с фланга должны отвлечь внимание на себя. Тем временем это подразделение закрепляется в овраге, на выгодной огневой позиции. Наш штаб раньше был дальше к югу, возле устья Царицы, пока немцы ценой больших потерь не захватили его. Если теперь они сумеют взять и удержать Крутой яр, — что ж, тогда им открыта дорога дальше, а то еще их саперы наведут новый мост.

— То есть ты хочешь сказать, что нас выбьют из города?

— Ну нет, одного Крутого яра для этого мало. — Есть же прямой приказ Сталина. Здесь, в городе, который он переименовал в свою честь, мы должны выстоять. Если надо будет, то умереть, но не отступить ни на пядь. Так она подумала, а вслух произнесла: — Но мелочей на войне нет. Если пропустим их в Крутой яр, то заплатим потом сотнями жизней. Ради этого меня сюда и послали. Надо вернуться и доложить.

Она почувствовала, как он вздрогнул. Но ответил бодро:

— Что ж, идем!

Кате померещилось, что ей на горло легла ледяная рука покойника. Пришлось дважды сглотнуть, прежде чем удалось выговорить:

— Вместе нельзя. Сведения чересчур важны. Тут скоро фрицы будут кишмя кишеть. Я-то одна проберусь незаметно, опыта мне не занимать. А ты уж сам как-нибудь. Выжди здесь до... скажем, до завтрашнего вечера, пока не станет чуточку поспокойнее.

— Нет! — напряженно выпрямившись, отозвался он. — Мои товарищи бьют врага, а я буду прятаться за их спины? Однажды я удрал с поля боя. Больше ни за что.

— Да какой от тебя прок с такой раной?

— Могу подносить патроны. Или... Катюша, а вдруг ты не дойдешь? А мне, к примеру, невероятно повезет, я дойду и сообщу куда надо. — Он то ли рассмеялся, то ли всхлипнул. — Пусть у меня лишь самый крошечный шансик, но мало ли что, никто ведь наверняка не знает...

— Боже! Что за ерунду ты несешь!

— Ты же сама сказала, что на войне мелочей нет.

Воистину — брось в печь самую никчемную железку, и она сплавится с другими в несокрушимую сталь.

— Петенька, я ни минуты медлить не могу. Дай мне, скажем, полчаса, чтоб я успела уйти подальше, а уж потом ступай сам. Сосчитай, например, до...

— Я знаю старинные песни, и сколько они длятся. Буду мысленно их распевать. И думать о тебе, Катенька.

— Теперь вот что, — она швырнула на диван что-то неразличимое во тьме. — Тут еда и вода. Тебе нужны силы. Не спорь, и слушать не стану — я-то не ранена! Храни тебя Господь, паренек.

— Мы еще встретимся. Ведь встретимся? Ну скажи, что встретимся!

Вместо ответа она охватила руками его шею и прижалась ртом к его горячечным губам — на короткое мгновение, на долгую память. Потом отступила назад, а он продолжал стоять остолбенев. Его дыхание во тьме овевало ее порывами теплого ветерка — дуновение весны среди грохота орудий.

— Береги себя, — сказала она, подхватила винтовку и ощупью двинулась к выходу.

Вниз по лестнице.

На улицу.

Где-то слева ревели танки. Решатся ли немцы на ночную атаку? Нет, скорее притворятся, что атакуют, — но судить трудно: она же не тактик, а простой снайпер. Красные всполохи прорисовывали скелеты зданий, сотрясающая землю дрожь ощущалась даже сквозь подошвы сапог. Ее задача ясна — доставить сведения, и все.

Или выжить? С какой стати она впутывается в жестокие бессмысленные игры смертных? Зачем она здесь?!

Скверик впереди, кусочек открытого пространства среди изубренных стен, тускло светился белизной нетронутого снега. По левую руку высилось одинокое дерево, а от остальных сохранились лишь пни да щепки вокруг большой воронки. Катя обогнула сквер по периметру, стараясь держаться в тени. Точно так же придется огибать овраг, затем с предельной осторожностью

перебраться через железную дорогу на пути к химкомбинату. Весть непременно должна дойти до командования.

Петр вряд ли доберется до своих. Что ж, если ему не суждено дойти, то он хоть остановит собой одну-две пули, которые иначе могли бы достаться боеспособному воину. Но если он каким-то чудом и уцелеет — Богородица милосердная, спаси его и сохрани! — все равно встретиться им больше не суждено. Как две снежинки во время вьюги, мятущейся по степи, они столкнулись на миг — но сведет ли их вьюга снова?

По ее инициативе — нет, никогда. Скоро ей опять менять имя и документы. Когда по миру гуляют Четыре Всадника Апокалипсиса *, поменять биографию не составит большого труда. Все равно с казаками Кате больше не по пути.

Но сперва...

Орудия грохотали все громче. Когда Катя доставит сведения, фронтовая артиллерия поведет огонь по Крутому яру и выбьет оттуда немцев, не дав им окопаться. Как же иначе, пока идет война?

Так не умолкайте же, пушки! Обрушьте на голову врага гнев Дажбога и Перуна, святого Георгия-победоносца и святого Александра Невского. Мы выстоим. Злу, прошагавшему через всю Европу, дальше не пройти. Пусть нас ведет в бой имя чудовищного тирана — сейчас это неважно. Тем более что на самом деле мы защищаем вовсе не его. Некогда Сталинград был Царицыном. В будущем он получит еще какое-нибудь новое имя. Но сейчас лучше всего думать, что мы стоим стеной в Городе Стали.

Стоим — и выстоим, и победим, и дождемся дня подлинного освобождения!

Глава 18

СУДНЫЙ ДЕНЬ

1

На первый взгляд здесь все осталось по-прежнему, будто полстолетия пролетели как один день. Вечный лед вершин сверкал белизной на фоне бездонного голубого неба; воздух был настолько прозрачен, что казалось — можно прикоснуться к белоснежным пикам рукой, хотя до гор было никак не менее

* Чума, война, голод и смерть.

пятидесяти миль. Проселочная дорога, по сути тропа, шла то в гору, то под гору, причудливо петляя в сумраке леса среди могучих кедров и растопырившихся узловатые сучья диких фруктовых деревьев, в ветвях которых беспечно резвились макаки. И вдруг тропа вынырнула на простор долины, ярко зеленеющей после недавних дождей. Там и тут в беспорядке были разбросаны валуны и даже целые каменные площадки; среди них мирно паслись овцы и прочий скот. На крохотных террасных полях росли кукуруза, щирица, гречиха, ячмень, картофель. Солнце, склоняющееся к закату, набросило на окрестные горы пурпурный флер; от вершин потянулись тени, четко прорисовывая каждую складку почвы. Воздух был терпким, ароматы зелени смешались со свежестью близких снегов.

Мул неторопливо трусил по дороге, и чем ближе подъезжал Странник к деревне, тем явственнее бросались в глаза перемены, не миновавшие и этот мирный край. Деревня заметно разрослась; дома теперь строили по-новому — раньше стены из дикого камня венчали дерновой кровлей. Нынешние деревянные дома возносились на два-три этажа, опоясанные резными раскрашенными галереями; странно было видеть в преддверии Гималаев некое подобие швейцарских шале. От одной из старых построек расходились провода — должно быть, теперь там стоял генератор; рядом разместились цистерны с топливом и потрепанный грузовичок. Над крышами поднялась тарелка спутниковой антенны, обслуживающая общинный телевизор, — и этот телеприемник был наверняка не единственным. Населяли край все те же бхотия, народ тибетского происхождения; мужчины по-прежнему ходили в традиционных длинных шерстяных халатах, а женщины — в накидках с широкими рукавами, но время от времени взгляд натыкался на синие джинсы и кроссовки. Странник даже мысленно задался вопросом: многие ли сегодня хранят веру предков — своеобразный сплав буддизма, индуизма и анимизма?

Собралась толпа: пастухи и те, кто работали в поле, поспешили навстречу приезжему, а вскоре к ним присоединились и сидевшие по домам. Все гомонили, возбужденно размахивали руками: всякий гость в этих краях был редкостью, а уж такой — тем более. Оба его спутника были простыми гуркхами, что в этих краях не диво — просто проводники и слуги; а вот он не мог не вызвать любопытства — одет, как белый, но широколиц, бронзовокож, с орлиным носом; однако и чернотой волос, и разрезом глаз, и широкими скулами схож с коренными обитателями здешних мест.

Стоявшая среди односельчан сморщенная, беззубая старуха вдруг сделала знак, ограждающий от злых сил, и заковыляла к дому. Зато старец, явно не уступавший ей возрастом, удивленно охнул и склонился в глубоком поклоне. Странник понял, что обоим еще памятен его предыдущий визит сюда — только тогда они были малыми детьми, а он с той поры ничуть не переменился.

Старший из его проводников заговорил с рослой крепкой женщиной, наверное, старостой, а уж она обратилась к остальным. Толпа более или менее угомонилась и вместе с приезжими чуть суматошно двинулась проулками к дому на северной околице.

Дом остался почти неизменным: по-прежнему самый большой из всех, выстроенный из камня и дерева, он поражал чужеземным изяществом линий. В окнах блестели стекла, гравийные дорожки вились среди кустов, карликовых деревьев, бамбуковых рощиц и камней изысканного садика в заднем дворе. Снующие по двору слуги принадлежали к новому поколению, а вот вышедшие на веранду встретить гостя мужчина и женщина нисколько не изменились.

Странник спешился, толпа окончательно умолкла. Сопровождаемый благоговейными взорами, он неторопливо поднялся по ступенькам и низко склонился перед хозяевами. Те со степенной торжественностью тоже ответили ему поклоном.

— Милости просим! — произнес мужчина на непали, а женщина подхватила:

— О, нижайше милости просим!

Мужчина, китаец с мощным торсом и невыразительными чертами лица, выглядел несколько простодушным, зато женщина — миниатюрная, изящно сложенная японочка — за маской невозмутимости таила готовность по-кошачьи быстро отреагировать на любую неожиданность. Оба были в халатах, просто скроенных, хоть и сшитых из дорогого материала.

Странник едва мог связать по-непальски несколько слов и потому ответил на китайском наречии минь:

— Благодарю вас. Я вернулся, как обещал. — Он улыбнулся. — На сей раз я потрудился освоить понятный вам язык.

— Пятьдесят лет! — выдохнула женщина на том же наречии. — Мы же ни в чем толком не были уверены, нам оставалось лишь ждать и гадать...

— Наконец-то, наконец! — в тон ей воскликнул мужчина, потом что-то крикнул на местном диалекте и пояснил: — Я сказал им, что завтра будет пир в честь вашего прибытия. Слуги позаботятся о ваших людях. Прошу вас зайти в дом — там мы

будем одни и сможем воздать вам соответствующие почести, сэр... м-м...

— Джон Странник, — подсказал американец.

— Как?! Ведь вы и в прошлый раз приезжали под этим именем! — удивилась женщина.

— Какая разница, — пожал плечами Странник. — Я ведь давным-давно не был в этой стране. А это имя мне нравится, я принимаю его снова и снова, или какую-нибудь вариацию на ту же тему. А кем сегодня числитесь вы?

— Какая теперь разница?! — басовито воскликнул мужчина. — Мы те, кто мы есть, неразлучные навеки.

К тому времени беседа уже переместилась в уставленную китайской мебелью элегантную комнату, где на полках стояло множество самых разнообразных безделушек. Хозяева немало поскитались по свету, прежде чем осели здесь. Судя по сохранившемуся у них календарю, Странник заключил, что это произошло примерно в 1810 году. Впоследствии они время от времени уезжали, чтобы присмотреть за делами, позволяющими им жить в достатке, и всякий раз привозили с собой сувениры, в том числе книги; Ду Шань привык отводить душу в ремесленных поделках, а Асагао читала запоем.

В присутствии такого же бессмертного, как они сами, супруги предпочли вернуться к своим древним именам — будто отчаянно искали, за что бы уцепиться, когда их уютный мирок опять начал рушиться на глазах. И все же радость одолевала затлевший в душах огонек беспокойства.

— Мы так надеялись, так надеялись, что вы действительно тот, за кого себя выдаете, — призналась Асагао. — Как же горячо мы надеялись! Это не просто конец одиночеству. Существование других таких же, как мы, придает новый смысл и нашим собственным жизням. Разве не так?

— Вот уж не знаю, — отвечал Странник. — Кроме вас, меня и моего друга, наверняка жив еще один такой, но он наотрез отказывается иметь с нами что-либо общее. Может, мы просто-напросто уроды.

Взяв с приставленного к креслу столика чашку, он отхлебнул глоток местного пикантного пива чанг, тут же запив его изрядной порцией чая. Вместе напитки сочетались довольно-таки недурно.

— Но ведь мы наверняка пришли на землю с какой-то целью, — стояла на своем Асагао. — По крайней мере, мы с Ду Шанем старались не только выжить, но и сделать что-нибудь полезное.

— Как вам удалось найти нас пятьдесят лет назад? — вставил свой вопрос более практичный мужчина.

Тогда настоящий разговор был невозможен, поскольку приходилось беседовать через переводчика, которому не следовало знать, что стоит за пересказываемыми словами. Странник тогда мог изъясняться лишь обиняками. Только теперь он убедился, что они все-таки поняли друг друга. Тогда хозяева ясно заявили, что уезжать не желают, равно как не желают, чтобы он задерживался здесь; при этом они были подчеркнуто любезны, а когда Странник, к величайшему изумлению переводчика, рискнул заявить, что вернется через полвека, хозяева вроде бы преисполнились энтузиазма. Однако сегодня сомнениям не осталось места: все трое не просто догадывались, а знали наверняка, с кем имеют дело.

— Я никогда не мог усидеть на месте и был легок на подъем. Городов не люблю, потому что начал жизнь вольным кочевником, — повел рассказ Странник. — После первой мировой войны отправился повидать мир. Мой друг Ханно — он живет под множеством имен, но для меня он Ханно — в Америке порядком нажился и не ограничивал меня в расходах, в надежде, что я выслежу кого-нибудь подобного нам. В те дни добраться до Непала было нелегко, не говоря уж о том, чтобы въехать в страну, но я решил, что именно по этой самой причине Непал привлекателен для нужных нам людей. В Катманду мне удалось подхватить слух о некой супружеской паре, живущей этакими горными князьками — учителями и благодетелями целого народца. Пара ни в чем себе не отказывала, но окружающие считали их святыми. Кроме того, мне рассказали, что в старости они пустились в паломничество, а чуть позже на том же месте объявился их сын с женой. Только представьте, как меня заинтересовал подобный рассказ.

— Конечно, не всегда и не все шло так просто, — рассмеялась Асагао. — Наш народ вовсе не глуп. Они поддерживают эту байку о нас, потому что знают, что мы так хотим, — но при том не хуже нашего понимают, что из странствий вернулись в точности те же люди, что и ушли. Они не испытывают к нам ни страха, ни зависти, ибо по натуре своей принимают жизнь во всех ее проявлениях, как она есть. Да, для них мы действительно священны и могущественны — но мы же их друзья! Этот дом нам удалось отыскать лишь после долгих и дальних странствий.

— Никто не жаждет, — хмыкнул Ду Шань, — чтобы сюда понаехали паломники, любопытные, всякие чиновники и налоговые инспектора. Пока что у нас бывало по нескольку посетителей

в год, но в последнее время они что-то зачастили. Слухи малопомалу расползаются. Если бы не удаленность, началось бы нашествие посторонних, да и удаленность — защита призрачная.

— Я бы пропустил эти слухи мимо ушей, — кивнул Странник, — если бы не знал, что именно ищу. Но все равно, как погляжу, современность пустила корни и здесь.

— Не можем же мы запретить доброе и полезное, — проговорила Асагао. — Грамота, медицина, самосознание облегчают людям их тяжелую жизнь, но не слишком портят их нравы и души.

Лицо Странника внезапно омрачилось.

— Рано или поздно случится и это. Вы теряете контроль над ситуацией, разве не так?

— Я же сказал, тут все больше и больше чужаков, — резко бросил Ду Шань. — Да еще эти королевские инспектора! Уж эти-то раньше никогда не забирались в такую глушь. И не задавали столько вопросов.

— Мы знаем, что обновляется не только наша страна, весь мир переменился до неузнаваемости, — вздохнула Асагао. — Как ни дорог нам этот край, мы сознаем, что скоро придется расстаться с ним навсегда.

— Или объявить людям открыто, кто вы на самом деле, — негромко подсказал Странник. — Хотите вы этого? Если да — только молвите, и я завтра же уеду, а в Америке немедленно сменю имя.

Осталось за скобками, что он так и не назвал ни одного современного имени Ханно.

— Мы раздумывали на эту тему. Ведь в прошлом бывали времена, когда мы признавали свой возраст открыто. — Ду Шань помолчал. — Но тогда мы имели дело с простыми крестьянами, а в час опасности всегда могли покинуть их и на время скрыться. По-моему, теперь нам такое не удастся.

— Не удастся никакой ценой. Стоит лишь раз дать о себе знать — и от преследователей вам уже не избавиться. Все равно выследят, сейчас появилось множество способов охоты на людей. И вы попадете в рабство. Без сомнения, жить вы будете в роскоши и сытости, но уже никогда не вырветесь на свободу — станете просто объектами изучения, лабораторными крысами.

— Неужели все настолько скверно?

— Боюсь, он прав, — сказала Асагао и вновь обернулась к Страннику. — Мы с Ду Шанем много рассуждали об этом. Король Непала может обласкать нас, сделать кем-то вроде домаш-

них любимцев — ну а если вмешается Красный Китай или русским взбредет в голову заявить свои права на наши персоны?

— Лучше уж поберегите собственную свободу, — посоветовал Странник. — Возможность заявить о себе от вас не уйдет, стоит лишь дождаться более благоприятного момента. На мой взгляд, времена сейчас не очень подходящие, а стоит нарушить молчание, как взять свои слова обратно не удастся.

— Вы предлагаете нам уехать с вами?

— Надеюсь, что вы поступите именно так. Или хотя бы вскоре последуете за мной. Ханно обеспечит вам... все, что понадобится, если это только в его власти — а власть у него велика.

— Наверно, поедем, — медленно произнесла Асагао. — Я уже говорила: нам известно, насколько нынче быстро стали передвигаться люди, а новости в мгновение ока летят за тысячи миль. Мы уже встречали заезжих иностранцев и видели, что они строят догадки на наш счет. Да и давление со стороны правительства ощущается все сильнее и сильнее. Так что мы уже несколько десятилетий готовимся к уходу, как уже делали много-много раз в прошлом. Мы позаботились о том, чтобы за это время у нас не было ни одного ребенка. Самые юные из наших пока еще живых детей где-то поселились — мы всегда воспитывали их подальше от себя — и считают нас почившими. Ни один из них не знает правды о нас. — Она поморщилась. — Узнать правду им было бы слишком горько.

— Значит, дети бессмертных родителей все равно смертны? — шепнул Странник. Она кивнула. Он горестно покачал головой, вспомнив о своей давней боли. — Мы с Ханно часто ломали над этим голову...

— Ужасно не хочется уезжать, — сдавленным голосом заявил Ду Шань.

— Рано или поздно все равно пришлось бы уехать, — откликнулась Асагао увещевающе. — Мы ведь знали это с самого начала. Теперь наконец-то у нас есть возможность перебраться прямо на готовое место, где нас ждет кров, дружба и помощь. Чем раньше, тем лучше.

— Я еще не все закончил здесь, — заерзал Ду Шань на стуле. — Наши односельчане будут грустить о нас, мы будем грустить о них.

— Нам всегда приходилось уступать любимых смерти. Уж лучше давай запомним их живыми — такими, каковы они сегодня. А их память о нас постепенно сотрется и станет преданием, какому никто на стороне не поверит.

За окнами сгущались фиолетовые сумерки.

2

Коринна Макендел, мама-ло общества «Единство», якобы приходящаяся дочерью его основательнице Лорейс, нервно вышагивала из угла в угол, но застыла на месте, как только вошла Роза Донау. Какое-то мгновение женщины стояли неподвижно, будто мерились взглядами. Задернутые шторы почти не пропускали света, и в викторианской комнате царил сумрак. Глаза сверкали ярче серебра и хрусталя. В воздухе повисло тяжелое молчание — приглушенный шум уличного движения лишь подчеркивал его.

Наконец Роза неуверенно проронила:

— Извини, что так поздно. Меня не было несколько часов. Я что, не вовремя? Ты передала на автоответчик, что надо прийти тотчас же, без звонка.

— Нет-нет, ты все сделала правильно.

— Что стряслось? Ты вся на нервах...

— Так и есть. Пошли.

Белая женщина проследовала за черной в соседнее помещение, куда никто не решился бы зайти без приглашения. Не обращая внимания на заполнившие комнату колдовские атрибуты, негритянка прошла прямо к кофейному столику. Роза же, как обычно, обратилась к алтарю и последовательно коснулась пальцами лба, губ и груди; слишком уж много веков она молилась святым и старалась умилостивить демонов, чтобы на сей раз пренебрежительно обойтись со священными символами — не может же быть, чтобы они совсем не обладали никакой мощью.

Коринна подхватила со стола открытый журнал — какое-то солидное научно-популярное издание типа «Попьюлар микэникс» или «Нэшнл джиогрэфик» — и протянула подруге, ткнув пальцем в нужное место:

— Прочти-ка!

Здесь было ничуть не светлее, чем в соседней комнате. Палец Коринны упирался в заголовок рекламного объявления в конце журнала: «ИССЛЕДОВАНИЯ ДОЛГОЖИТЕЛЬСТВА». Далее следовал пространный текст на четыре колонки, сформулированный с большой осторожностью. Большинство читателей сочли бы этот текст нудным, сухим, представляющим интерес лишь для специалистов. Но Роза так и подскочила, пробежав глазами по строчкам: «...пребывающие в идеальном здравии долгожители... молодые, но потенциально долгоживущие индивидуумы также представляют интерес... научные исследова-

ния... воспоминания о лично пережитых исторических событиях...» Руки ее задрожали, а из груди невольно вырвалось:

— Неужели опять?!

Коринна вышла из задумчивости и окинула Розу пристальным взглядом. Но сказала лишь:

— И что ты об этом думаешь?

— Может, тут и нет ничего особенного, — промямлила Роза. — То есть кому-то хочется... м-м... осмотреть и расспросить людей то ли очень старых, то ли собирающихся стать таковыми.

— Что значит очень старых?

Роза вскинула глаза на нее и сорвалась в крик:

— Да говорю тебе, мы тут вовсе ни при чем! Есть такие ученые, которые хотят совладать со старостью, понятно тебе?!

— Формулировки в объявлении как-то не очень соответствуют такому объяснению, — покачав головой, проговорила Коринна. — Как же еще бессмертные могли бы дать весточку себе подобным?

— Может, это мошенничество. Или ловушка, — отчаянно затараторила Роза. — Не пиши на этот номер, Лорейс, не надо! Мы рискуем слишком многим.

— Кто не рискует, тот не выигрывает. Чего ты боишься?

— Того, что может с нами произойти. И с нашей работой, с выпестованным нами детищем. — Роза судорожно ткнула рукой в сторону зашторенного окна. — Без нас «Единство» развалится. Что будет с теми, кто верит нам больше, чем себе?

Взгляд Коринны устремился в том же направлении, словно способен был пронзить стены и обозреть болото нищеты, в котором этот дом высился одиноко, как остров.

— А я вовсе не так уж уверена, что мы сегодня делаем нечто ощутимо полезное.

— Делаем, делаем. Хоть немногих, но спасаем. А если мы... скажем хоть кому-нибудь, кто мы такие... Это конец всему. Обратно ничего не вернешь.

Коринна вновь обратила взор на подругу, как-то вся подобралась и ринулась в наступление:

— Ведь ты уже видела подобное объявление, да?

— Нет! — Сирийка вскинула руки перед собой, будто защищаясь от удара. — То есть в смысле...

— Да у тебя это на лбу написано. Даже против твоей воли. Ни мне, ни тебе не удалось бы дожить до нынешнего дня, если бы мы не научились понимать язык других без слов. Признавайся,

или, клянусь Господом, я... я свяжусь с этим Уиллоком немедленно.

Роза вздрогнула и, прекратив сопротивление, смахнула слезу.

— Извини. Верно, видела. Едва не запамятовала, так давно это было. Потом ничего не последовало, так что я решила, дескать, все это глупости. До нынешней минуты...

— Где видела? Когда?

— Вроде бы в газете. Год не помню, но это было незадолго до войны, до второй мировой, то есть.

— Лет пятьдесят назад. Может, ровно пятьдесят? Продолжай.

— Ну, там была объявляшка вроде нынешней. Не такая же точно, но... В общем, я призадумалась.

— И промолчала! Мне и словом не обмолвилась...

— Я испугалась! — вскрикнула Роза. — И сейчас боюсь!

На ощупь найдя обитое шкурой зебры кресло, она рухнула в него и разрыдалась. Чуть позже Коринна подошла к ней и обняла за плечи. Прижавшись щекой к щеке подруги, она горячо зашептала:

— Понимаю, милая Алият! Ты и знала-то меня тогда лишь несколько лет. Ты тогда едва-едва обрела в жизни нечто хорошее, какую-то надежду на будущее. После стольких ужасных столетий... Конечно, как же иначе — ты пугалась любых перемен, тем более непредсказуемых. Мне ли тебя не простить! Может ведь статься, что твои опасения небезосновательны. — Тут она выпрямилась и продолжала негромко, очень вкрадчиво: — И все-таки... Этот пятидесятилетний перерыв — мощный аргумент в пользу существования других бессмертных, так ведь? Они, или он, или она не рискнет затевать продолжительную кампанию, а то короткоживущие, чего доброго, что-то заподозрят. Терпения нашему племени не занимать, а уж времени у нас хоть отбавляй...

— Да откуда тебе знать, что они за люди? — с мольбой твердила Роза. — Они могут оказаться мерзавцами. Я же тебе рассказывала, как повстречала двоих, а они... В общем, мы не поладили. Если они еще живы, а затея эта — их рук дело, то надо сидеть тише воды, ниже травы.

— Из чего я заключаю, что ты сделала их своими врагами. — Голос Коринны заскрипел, как наждачная бумага. — Лучше соберись с духом и поведай мне раз и навсегда, что там между вами вышло. Нет, нет, можешь не сегодня, а то ты вся дрожишь. И... да, надо определенно подойти к этому объявлению с осто-

рожностью. Я сперва разузнаю о мистере Уиллоке побольше, а уж потом буду решать, связываться ли с ним, и если да, то как. — Более мягким тоном: — И не волнуйся ты так, дорогая. У нас есть средства, хоть я тебе о них не упоминала. Скрытность вошла у нас в привычку, так ведь? Кроме того, такие вещи не по твоей части. Но за эти годы я навела собственные мостики, в числе моих друзей есть несколько человек, занимающих ключевые посты в администрации. — Голос вновь изменился. — Мы не будем ждать сложа руки! Мы больше не одиноки? Прекрасно! Так потребуем у них свою долю благ земных — или приготовимся защищать то, чего достигли сами.

3

Налоговый инспектор пошелестел бумагами на столе, нахмурился и буркнул:

— Вашему клиенту следовало бы явиться сюда собственной персоной.

— По-моему, я уже сообщил вам, что мистер Томек отдыхает за границей, — с тщательно отмеренной долей раздражения ответил Ханно, — и предъявил документы, удостоверяющие, что я являюсь его полномочным представителем.

— Да, однако... Естественно, мистер Левин, что, если ему нужен совет адвоката, вы могли бы его сопровождать.

— Как это понять?! У вас что, есть основания предполагать злоупотребления с нашей стороны? Уверяю вас, все предприятия в полнейшем порядке, вплоть до мельчайших деталей. Разве я за эти два часа не ответил на все ваши вопросы до единого?

— Мы едва приступили, мистер Левин. Мне еще никогда не доводилось видеть столь замысловатых трансакций и перекрестных платежей.

— Вот и проследите их! Если там обнаружится нечто противозаконное, буду искренне удивлен, и тем не менее я всегда к вашим услугам. — Ханно глубоко вздохнул. — Мистер Томек — старый, больной человек. Он заслужил отдых и те крохи удовольствий, которые еще доступны в его возрасте. Не думаю, что вам удастся найти повод для того, чтобы вызвать его повесткой, но если вдруг вы на это решитесь, я непременно подам официальный протест и в случае необходимости дойду до самого верха.

Тем самым Ханно давал понять, что начальство не поблагодарит инспектора за чрезмерное усердие.

«Ох уж эти юные беспринципные корыстолюбцы!» — взглядом сказал проверяющий, потом ссутулился и склонил седую голову над бумагами. Ханно даже мимоходом пожалел его — потратить несколько жалких десятилетий, отпущенных природой, на то, чтобы путаться в чужие дела, всю жизнь возиться с бумажками, не испытывая даже злорадного удовлетворения, какое движет деревенским сплетником, инквизитором или соглядатаем тайной полиции... Но мимолетная жалость как пришла, так и ушла: этот крючкотвор уже заставил его потерять полдня, а ведь наверняка самое противное еще впереди. Надо попытаться как-то завершить дело миром.

— Я на вас не в обиде. Вы выполняете свой долг, и мы всегда готовы оказать вам всяческое содействие. Но, — тут Ханно издал легкий смешок, — гарантирую, что в нашем случае вы не сможете даже отработать свое жалованье.

— Признаю, что вы предоставили все материалы для предварительной проверки, — кисло усмехнулся аудитор. — Вы ведь понимаете, правда, что мы никого не обвиняем? Просто в этом... э-э... хитросплетении сам черт ногу сломит, а уж ошибиться тем более может каждый.

— Персонал мистера Томека исполняет свои обязанности с самым пристальным вниманием. А теперь, если я вам больше не нужен, позвольте откланяться. Не буду мешать вашей работе.

Уходя, Ханно думал, что надо хранить не только внешнее, но и внутреннее спокойствие. Нет ничего хуже, чем терзаться по поводу досадных помех: дела Чарлза Томека в полнейшем порядке. Каждый шаг многоходовых комбинаций, благодаря которым из миллионных доходов налогом облагались лишь несколько сот тысяч, был совершенно законным. Пусть налоговое управление из кожи вон лезет — компьютерами умеет пользоваться не только правительство, но и рядовые граждане.

А в штате Вашингтон подоходный налог в местную казну пока не взимается; это послужило довольно веским доводом в пользу переезда в Сиэтл. Так что время потрачено не так уж напрасно. Но на всякий случай Ханно не стал назначать из-за этого визита никаких других дел, и потому теперь можно распорядиться остатком этого долгого летнего дня к своей пользе и удовольствию.

И все-таки он чувствовал себя после посещения налогового управления прескверно, и прекрасно понимал отчего. Я просто избаловался, упрекнул он себя. Некогда эта страна слыла свободной. Разумеется, было ясно, что рано или поздно все скатится к искони заведенному порядку, и снова будут рабы и господа,

как бы их ни окрестили. И все же здесь до сих пор жилось намного вольготнее, чем где бы то ни было за всю мировую историю. Черт побери, современная демократия владеет столь мощными рычагами правления, что никакому Цезарю, Торквемаде, Сулейману или Людовику XIV такое и в самых смелых снах не снилось...

Прислонившись к стенке лифта, он вздохнул, подавляя желание закурить. Хоть в лифте больше никого, лучше пока воздержаться — и дело тут вовсе не в законах, что плодятся вокруг, как плесень; стоит пожалеть легкие несчастных смертных — они и без того крайне уязвимы. Если смотреть по сути, то от налогов можно бы сберечь еще большую часть доходов — но всякий гражданин обязан добровольно вносить свой вклад на государственные расходы и оборону; а уж остальные поборы — скрытое вымогательство.

Вот Джон Странник с этим не согласен, мелькнула мысль. Джон говорит о людских нуждах, об угрозе биосфере, о загадках науки и твердит, что пытаться решить эти проблемы частным образом — чистейшая утопия. Несомненно, в какой-то степени он прав. Но вот где провести черту?

Быть может, я жил слишком долго и набрался предрассудков. Но взять, к примеру, величественные замыслы, какими осчастливливало народ правительство Египта век за веком — пирамиды, статуи Рамсеса II, хлебная дань Риму, Асуанская плотина: правители разные, а результат один — народ заблагодетельствован до смерти. Мне ли не помнить мастерские, которые приходилось закрывать, выбрасывая людей на улицу, потому что правила и установленный законом порядок превращали их в обузу.

По мере приближения к центру крепкий холодный ветер все явственнее доносил соленый запах моря, перекрывающий автомобильную вонь. Ярко светило солнце. По тротуарам суетливо текли толпы прохожих. Уличный музыкант наигрывал на скрипке залихватский мотивчик, и, судя по выражению его лица, это нравилось ему самому. Порыв ветра задрал юбку весьма аппетитной девчонке, открыв взору зрелище не менее смелое, чем венчающая шпиль соседнего здания статуя Славы. Жизнелюбие взяло свое, без следа развеяв мрачные мысли.

И через мгновение они легли в колею практичности. Надо всерьез подумать, как списать в расход Чарлза Томека, и побыстрее. Смерть и кремация тела за границей; что особенного, если старый бездетный вдовец завещает свои средства различным гражданам и организациям?.. Доверенный адвокат Томека также потихоньку исчезнет со сцены и скроется в неизвестности —

это уладить будет не в пример легче; в Соединенных Штатах сотни, если не тысячи человек носят имя «Джозеф Левин»... Да, и не забыть еще о дюжине прочих имен и легенд в разных странах — от издателя журнала до рабочего-поденщика. Одни, созданные лишь для прикрытия, как страховочный трос на случай непредвиденной нужды, наверняка в безопасности. Зато другие, послужившие для активных действий и капиталовложений, стоит перетряхнуть, потому что некоторые, вроде Таннахилла, становятся не в меру заметными. Долго ли еще удастся крутиться юлой под разными именами?

А долго ли, спросил он себя, у меня сохранится желание участвовать в этой гонке? Ханно прекрасно понимал, что его отвращение к современной Америке пошло от новых условий жизни, сделавших уединение почти невозможным; а ведь право на уединение, как и свобода личности, — штука хрупкая, едва-едва оформившаяся. Боги мои, да ведь я моряк, а не кабинетная крыса! Мне бы снова ощутить под ногами палубу! Но нет, в двадцатом веке можно сохранять свой секрет, лишь затаившись в тиши кабинетов, общаясь только с бумагами, телеграммами, телефонами и компьютерами да время от времени подсчитывая доходы. В сущности, я живу ничуть не лучше — не считая яхт, женщин, пиршеств, комфорта, путешествий и охоты, — чем этот ничтожный политик, записавшийся в мои враги.

А ради чего я живу? Ради богатства? Это финикийский способ обрести силу — но какую долю этой силы мне удастся потратить и на что? Атомную бомбу в падении не остановишь никакими деньгами; разве что купить себе убежище — себе и своим близким, чтобы начать все с нуля, когда осядет пепел. Но для этого хватит за глаза одного-двух миллионов долларов. Так почему бы не прикрыть лавочку лет за десять—двенадцать и не взять отпуск, пока нынешняя цивилизация остается более или менее цельной? Разве я этого не заслужил?

Но разве мои собратья этого захотят? Все трое проявляют весьма похвальное усердие, хоть каждый по-своему. Опять же, что ни день, возобновленные поиски могут выявить еще кого-нибудь... Да мало ли что может случиться!..

Внезапно Ханно расхохотался вслух под завывание ветра, не обращая внимания на удивленные взгляды прохожих. Быть может, пережив такой долгий кусок истории, он стал чуточку параноиком — но прекрасно усвоил, что каждым часом свободы надо наслаждаться как драгоценным даром, выпить его до капли, смакуя, как выдержанное вино, и укрыть в памяти, где до него не доберутся никакие взломщики. А тут целых полдня да еще вечер сами в руки легли... Как же ими распорядиться?

Может, позволить себе выпивку в крутящемся баре на верхушке Космической Иглы? Оттуда бесподобный вид на реку и горы, и Бог ведает, когда еще выдастся ясный денек. Нет. Последний разговор заставил Ханно чересчур углубиться в себя, и теперь он нуждался в компании. Наталия все еще на работе; гордыня, да и жизненная мудрость не позволяют ей пойти к нему на содержание. Ду Шань и Асагао далеко в Айдахо, Джон Странник подался в очередной поход — на сей раз на Олимпийские игры. Можно, скажем, забежать к Эметту Уотсону; там ждет пиво, устрицы и полное дружелюбие — но нет, там слишком велик риск наткнуться на какого-нибудь самодеятельного поэта. А если без шуток, Ханно был просто не в настроении общаться сейчас с незнакомцами, которых не встретит больше никогда в жизни.

Значит, остается одно — посетить лабораторию Джианотти; давненько он туда не наведывался. Конечно, они там вряд ли значительно продвинулись, иначе непременно уведомили бы его, но получить отчет из первых рук всегда интересно.

Это решение Ханно принял уже на подходе к стоянке, где оставил «бьюик», зарегистрированный на имя Джо Левина. Остаток пути он прикидывал, стоит ли ехать к месту назначения прямиком. Никакой слежки наверняка нет — но кто ж застрахован от какой-нибудь непредвиденной случайности? Осторожность стала для бессмертных второй натурой — тем более что завершить сегодняшние передвижения он рассчитывал у Наталии. Поэтому он пробился через сутолоку уличного движения к дому Левина, где была собственная стоянка. В квартире он открыл потайной сейф и сменил полный комплект документов и кредитных карточек Левина на другие, выданные Роберту Колдуэллу. Потом на такси доехал до гаража общего пользования, где Колдуэлл снимал место для парковки, и, сев в ожидавший там «мицубиси», опять выехал на улицу. Эта мягко мурлыкающая машина была ему куда милее «бьюика». Проклятье, а ведь вроде бы только вчера Детройт делал лучшие в мире автомобили!

Путь Ханно лежал к простому кирпичному зданию, явно перестроенному из склада, в фабричном районе между Зеленым озером и университетским городком. Бронзовая дощечка на двери гласила: «МЕМОРИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ РУФУСА». Любопытствующим говорили, что мистер Руфус приходился другом мистеру Колдуэллу — судовладельцу, оплачивающему ведущиеся в лаборатории исследования в области фундаментальной биологии. Ответ казался исчерпывающим, потому что посетителей гораздо больше интересовали сами исследования,

направленные на разгадку механизмов старения методами молекулярной цитологии.

Для Колдуэлла институт явился благовидным предлогом избавиться от лишней собственности и скрыться из виду. Теперь, когда правительство начало совать нос во все без исключения, Ханно уже не мог ворочать крупными делами под двумя именами сразу. После ухода с арены Колдуэлла деньги поступали от Томека, к тому же Томек оставлял меньше следов. Ну и нельзя же сбросить со счетов давнюю-давнюю надежду...

Директор Сэмуэль Джианотти хлопотал у своего лабораторного стола. Персонал был немногочисленным, зато весьма квалифицированным, и директор не утруждал себя бумажной работой без лишней надобности, оставаясь ученым-практиком. Когда приехал Ханно, Джианотти не стал бросать начатый эксперимент и спокойно довел его до конца, а уж потом провел основателя института в свой кабинет. Эта уставленная книгами комната выглядела удобной и обжитой, как старая одежда, под стать самому ее хозяину — полнеющему добродушному лысому здоровяку. Кроме книжных полок и письменного стола, из мебели здесь были только вертящиеся кресла. Пока Ханно набивал трубку, Джианотти достал из бара шотландское виски, из холодильника — лед и содовую и приготовил слабенькую смесь.

— Бросили бы вы эту дурную привычку, — доброжелательно прогудел ученый, усаживаясь на свое место. Кресло жалобно скрипнуло. — Кстати, где вы ее подцепили? При дворе Тутанхамона?

— Я родился много позже, — протянул Ханно. — А вы что, против? Я знал, что вы бросили, но не думал, что и вас, как многих бывших курильщиков, охватит проповеднический зуд.

— Нет, при моей работе привыкаешь ко всяким запахам.

— Ну и хорошо. Как там у Честертона?..

— «Если есть на свете что-нибудь похуже повсеместного падения моральных устоев — так это повсеместное морализаторство», — процитировал Джианотти, искренний поклонник этого писателя. — Или вот, в том же эссе, но чуть пониже: «Величайшая беда нашего общества, что механизм его становится все более стабильным, когда дух его становится все более переменчивым». Правда, я как-то не замечал, чтобы вы тревожились насчет морали и духа.

— О содержании кислорода в воздухе я тоже вслух не тревожусь...

— Естественно.

— ...равно как и о других необходимых для жизни вещах. Меня куда меньше беспокоила бы надвигающаяся пуританская эра, если бы пуританство касалось вещей действительно важных.

С этими словами Ханно чиркнул спичкой и принялся раскуривать трубку.

— Вообще-то я просто беспокоюсь за вас. Ладно, ваше тело восстанавливается после таких травм, какие загнали бы в гроб любого из нас, заурядных людей, — но это вовсе не означает, что вы абсолютно бессмертны. Пуля или капля цианидов прикончат вас с той же легкостью, что и меня. Я вовсе не так уж уверен, что ваши клетки до скончания веков смогут противостоять такому химическому раздражителю, как табак.

— Любители трубок не затягиваются, а сигареты для меня — faute de mieux *. — Тем не менее брови его сдвинулись к переносице. — И все равно... У вас есть веские научные доказательства подобного утверждения?

— Нет, — признался Джианотти. — Пока нет.

— А что вам удалось узнать за последнее время?

Джианотти неторопливо отхлебнул из своего стакана.

— Нам удалось узнать об одной весьма любопытной публикации в Англии. Фэйруэзер из Оксфорда считает, что темп утраты метиловых групп клеточной ДНК коррелирует с длительностью жизни; по крайней мере, на лабораторных животных это подтверждается. Джайм Эскобар готовится продолжить исследования в этом направлении у нас в лаборатории. Я лично проведу повторное исследование ваших клеток, уделив особое внимание гликолизу протеинов. На квантовом уровне, разумеется. Мне понадобится свежий материал от всех четверых — кровь, кожа, срезы мышечных волокон, чтобы посеять новую культуру тканей.

— Как только пожелаете, Сэм. Но что именно это означает?

— Вы хотите сказать — «Что это может предположительно означать»? Пока что мы толком ничего не знаем. Ладно, попробую набросать вам в общих чертах, но придется сначала повторить то, что я уже рассказывал.

— Ничего страшного. Я ведь полнейший профан, мое мировоззрение формировалось в начале железного века. Когда дело доходит до науки, мне приходится повторять по десять раз.

Джианотти подался вперед. Глаза его оживленно блестели — настолько занимала ученого стоящая перед ним проблема.

---

* Только за неимением лучшего (*фр.*).

— Англичане и сами ни в чем не уверены. Может, деметилирование связано с кумулятивным повреждением самой ДНК, или фермент метилаза со временем теряет активность, а может, что-нибудь еще. В любом случае это может означать — на нынешнем этапе исследований, поймите, это не более чем предположение, — что повреждаются механизмы, не дающие проявляться некоторым генам. Быть может, у этих генов появляется возможность производить белки, оказывающие отравляющий эффект на другие внутриклеточные процессы.

— Пассив расходится с активом, — глухо проговорил Ханно сквозь облако синеватого дыма.

— Может, оно и так, но все эти предположения весьма расплывчаты и неконкретны. Практически сплошная тавтология, и она ни о чем не говорит, — вздохнул Джианотти. — И не думайте, что у нас есть что-либо еще, кроме этого кусочка головоломки — да и тот не полностью. А головоломка даже не плоскостная, а трехмерная, или четырех-, или *n*-мерная, и притом в неэвклидовом пространстве. К примеру, регенерация столь сложных органов, как зубы, означает, что тут скрыто нечто большее, чем отсутствие старения. Это указывает на поддержание некоторых детских, а то и зародышевых черт, причем не на анатомическом, а на молекулярном уровне. А уж ваша фантастическая иммунная система замешана тут непременно.

— Ага, — кивнул Ханно, — старость нельзя свести к одной простой причине. Это целый букет разных... болезней, и притом симптомы у больных очень сходные. Старость — вроде гриппа или рака.

— По-моему, не совсем так, — ответил Джианотти. Они уже не в первый раз обсуждали этот вопрос, но финикийцу действительно все нужно повторять по многу раз. Порой Джианотти думал, что тому нужно непременно добиться исчерпывающего познания самого себя. — Похоже, для всех смертных многоклеточных организмов — а может статься, и для одноклеточных тоже, вплоть до прокариотов и вирусов — действует один и тот же фактор. Вот если бы только найти его!.. Не исключено, что феномен деметилирования дает нам ключ к разгадке. Впрочем, это мое личное мнение. Я полагаю, что держусь более или менее философских позиций. Нечто столь фундаментальное, как смерть, должно быть вплетено в ткань эволюции, более того, должно служить ее основой.

— Угу. Смерть обеспечивает возможность выживания вида — точнее, потомственной линии. Убрать старшие поколения с дороги, дать место для генетического кругооборота, позволить

развиться более приспособленным. Не будь смерти, мы до сих пор болтались бы в океане в виде студня.

— В этом что-то есть, — покачал головой Джианотти, — но это далеко не все. Это никоим образом не объясняет, например, почему человек живет значительно дольше, чем мышь. Или почему некоторые виды, вроде болотного кипариса, живут бесконечно. — В его улыбке проскользнула усталость. — Нет, скорее всего жизнь просто адаптировалась к тому, что раньше или позже, так или иначе, но энтропия опустит занавес театра, где жизнь творит свое удивительное действо. Не знаю, может, вы и ваши товарищи просто являетесь следующей эволюционной ступенью — носителями мутаций, которые повлекли за собой образование безотказных организмов, защищенных от привнесенных дефектов.

— Но вы ведь так не думаете, а? Мы же не способны передать эти черты потомству.

— Да, верно, — Джианотти едва уловимо поморщился. — Но со временем такое качество может развиться. Эволюция идет методом проб и ошибок — если позволительно прибегать к подобному антропоморфизму. Чаще всего от него трудно удержаться.

Ханно поцокал языком:

— Знаете, когда вы делаете подобные заявления, мне трудно поверить, что вы верующий католик.

— Наука и вера никак между собой не связаны, спросите у любого знающего теолога. Право, вам и самому такая беседа не повредила бы, бедный вы атеист-одиночка, — ответил Джианотти и торопливо добавил: — Дело в том, что материальный мир и мир духовный не идентичны.

«И мы переживем звезды — вы, я и остальные, все до единого, — сказал ученый как-то раз на рассвете, когда бутылка уже почти опустела. — Можно прожить во плоти десять тысяч лет, миллион или миллиард — но это будет такой же пустяк, как три дня для новорожденного, или даже меньше — дитя-то умерло невинным... Но проблема захватывающая, и если удастся ее разрешить — она таит в себе безграничные перспективы для всего мира. Ваше появление на свет не может быть тривиальной игрой случая...»

Ханно не спорил, хотя предпочел бы философствованию обычную болтовню или прямолинейный разговор о работе. Спустя годы после знакомства с Джианотти он обнаружил, что это один из тех редких людей, которым можно доверить свой секрет; а может статься, именно этот человек положит конец необходимости секретничать. Если Сэм Джианотти в состоянии

знать о людях, проживших тысячелетия, и не проговориться даже жене, и все благодаря религии, с начатками которой Ханно познакомился еще в Тире времен Хирама, и уже тогда они были седой древностью, — что ж, быть по сему.

— Ладно, дело не в религии, — продолжал ученый. — Больше всего на свете я сейчас, как и всегда, хотел бы одного: чтобы вы освободили меня от клятвы и позволили оповестить мир — а лучше бы сами оповестили — о вас и ваших собратьях.

— Увы, нет. Мне что, снова изложить доводы в пользу отказа?

— Никак не можете отбросить свою подозрительность, да? Я уж счет потерял, сколько раз говорил вам, что времена средневековья больше не вернутся. Никто не станет сжигать вас, как ведьм и колдунов. Покажите миру доказательства, какие предъявляли мне.

— Жизнь научила меня не совершать опрометчивых необратимых поступков.

— Ну почему вы не хотите меня понять? Я повязан по рукам и ногам — не могу сказать правду даже собственному персоналу. Мы топчемся вокруг да около, и... Боб, если вы выберетесь на свет Божий, исследование механизмов бессмертия станет для человечества проблемой номер один, на нее будут брошены все ресурсы. Узнать о том, что бессмертие возможно, — все равно что полдела сделать, клянусь вам. Загадку раскусят лет за десять. А когда перед каждым замаячит подобная перспектива — разве вы не понимаете, что войны, гонка вооружений, терроризм, деспотизм и все такое прочее отомрут сами по себе? Сколько еще ненужных смертей способна вынести ваша совесть?

— А отвечал вам не раз, что столь радужные перспективы вызывают у меня серьезные сомнения, — отрубил Ханно. — Опыт трех тысячелетий — ну, может, чуть меньше, но несущественно — подсказывает мне обратное. Скоропалительное заявление такого сорта разрушит много судеб.

Повторять, что он может следить за выполнением наложенного вето, Ханно не пришлось. В случае нужды он просто избавился бы от вещей, с помощью которых убеждал Джианотти. Джон Странник, Ду Шань и Асагао привыкли во всем слушаться его, признавая старшим. Если кто-нибудь из них взбунтуется и решит обнародовать свою сущность, то не будет располагать доказательствами, собранными Ханно за истекшие века. Для подтверждения серьезности заявления потребовались бы наблюдения продолжительностью лет сорок—пятьдесят — но кто

из бессмертных согласится провести столько лет в заключении? Или, в лучшем случае, под пристальным контролем? Ришелье триста пятьдесят лет назад сказал правду: риск чересчур велик. Вечно молодое тело хранит горячее стремление молодого животного к свободе.

Джианотти снова опустился в кресло, пробормотав:

— О черт, давайте перестанем размахивать все теми же протухшими аргументами. — Он повысил голос. — Я лишь прошу вас отложить на время свой пессимизм и цинизм и подумать еще разок. Когда все до единого будут жить столько же, сколько вы, нужда прятаться для вас отпадет.

— Разумеется, — с готовностью согласился Ханно. — В противном случае я не стал бы открывать этот институт. Но только не подгоняйте события, пусть все идет помаленьку, как бы само собой. Дайте нам — мне, моим друзьям, всему миру, наконец, — время слегка свыкнуться с этой мыслью! Кроме того, вы же сами говорите, что аргументы давным-давно заплесневели.

Джианотти с облегчением рассмеялся, будто у него камень с души свалился.

— Ладно! Хватит сотрясать воздух пустой болтовней. А у вас что новенького?..

...В приятной компании время летит незаметно. Когда Ханно подъехал к дому Колдуэлла, стрелки часов уже перевалили за шесть.

Из этого непритязательного дома на холме Королевы Анны открывался замечательный вид, и Ханно немного постоял, наслаждаясь зрелищем: склоняющееся к западу солнце зажгло дальние горы призрачным сиянием, сделало их легкими и бесплотными, будто сновидение или отражение волшебной страны эльфов. Южнее, за стройным силуэтом Космической Иглы, играла бликами бухта Эллиота, обратившись в расплавленное серебро, а вершины деревьев тронуло закатное золото. Еще дальше подпирал небеса вулкан Рейнир — каменистые склоны казались темно-синими, контрастно подчеркивая белоснежный конус вершины. Прохладный воздух остужал разгоряченное лицо. Уличное движение упало до негромкого шепота, сквозь который прорывались обрывки незамысловатого посвиста малиновки. Да, подумал Ханно, у нас замечательная планета, настоящая пещера Аладдина. Очень жаль, что люди ее так изгадили... Но это ничуть не ослабляло его желания пожить здесь еще.

Он неохотно оторвался от пейзажа и вошел в дом. Пришедшая раньше его Наталия Терлоу оставила дверь незапертой; сама она сидела в гостиной перед телевизором. Передавали

новости, экран заполняла брылястая физиономия с крючковатым носом. Обладатель физиономии вещал хорошо поставленным голосом:

— ...включиться в наше благородное дело. Оно касается всех людей доброй воли, всей мировой общественности. Пора положить конец расточительству, растрате невероятных богатств на производство оружия массового уничтожения, когда столько людей каждый день оказываются на улице без средств к существованию, без крова и пищи. Я торжественно клянусь...

Камера отъехала назад, показав Эдмунда Мориарти, сидящего на сцене в обрамлении американского и советского флагов. За его спиной красовался флаг Организации Объединенных Наций, а сверху тянулся транспарант с надписью: «КОМИТЕТ НЕРАВНОДУШНЫХ ГРАЖДАН В БОРЬБЕ ЗА МИР».

— Вот же Иуда! — застонал Ханно. — Ты что, хочешь, чтоб я заблевал наш чудесный новенький ковер?

Наталия, стройная блондинка, разменявшая четвертый десяток, выключила телевизор и встала ему навстречу с объятиями и поцелуем. Она прекрасно знала, как сделать Ханно приятное, и ее независимость играла тут не последнюю роль. Он ответил на поцелуй с пылкостью молодого влюбленного, взъерошив ей волосы. Наталия, освободившись от объятий, пригладила прическу ладонью и рассмеялась:

— Ну-ну, парень, что-то ты чересчур быстро забыл свои дурные предчувствия! Если можно, поумерь свой пыл. Обед тебя уже заждался. Отложить его можно разве что еще на минутку, ради пары глотков чего-нибудь крепкого. Я думала, ты придешь пораньше. Конечно, потом...

Обычно готовила она — Ханно тоже неплохо управлялся у плиты, но Наталия, программист по профессии, считала стряпню наилучшим способом отвлечься от компьютеров.

— Мне только пива. Мы с Сэмом в лаборатории пропустили по рюмочке.

— Что?! А мне казалось, тебя ждали какие-то безрадостные перспективы...

— Так оно и было, но удалось вырваться от налоговых обдирал раньше, чем я думал.

Накануне он упоминал о предстоящем визите, хоть и не сказал, под каким именем и ради чего. Она уже налила себе бокал шерри, и Ханно направился на кухню сам. Вернувшись с кружкой портера и присев рядом с ней на диван, он с удивлением обнаружил, что ее хорошее настроение как рукой сняло.

— Боб, — сердито бросила она, — хватит отпускать эти грязные шуточки про правительство. Да, у него есть свои недо-

статки, в том числе деспотические замашки, но это ведь наше правительство!

— «Правительство народа, из народа и для народа». Ага. Вся беда в том, что это три разные категории людей.

— К твоему сведению, мне уже доводилось слышать, что ты думаешь на эту тему. Если ты прав и такова природа всех правительств, — так чего ж ты катишь бочку именно на это? Ведь оно — единственная преграда на пути куда худшего зла.

— Если сенатор Мориарти не пробьется к кормилу.

— Погоди секундочку, — оборвала она его. — Можно еще сказать, что он заблуждается, но называть его предателем!.. А ведь ты именно это имел в виду. Он говорит от имени миллионов весьма достойных американцев.

— Это они так считают. Настоящие его избиратели — это алчные промышленники, выступающие за налоговые льготы и субсидии, бестолковые попрошайки, голосующие за свои милостыни, и комплексующие интеллектуалы, голосующие за свои лозунги. А этот его свежевылупившийся пацифизм — просто дань моде. До сей поры его племя из кожи вон лезло, чтобы втянуть нас в иноземные войны, якобы с целью не дать коммунизму захлестнуть мир. А сегодня он набирает лишние голоса — не исключено, что они дотянут его до самого Белого дома, — на том, что твердит: дескать, насилием ничего не добьешься. Ах, если бы он мог потолковать с карфагенскими отцами города!

Забыв о раздражении, она с улыбкой парировала:

— Что, плагиатом занимаешься? Утащил у Хайнлайна, так?

Ханно не мог не восхититься ее способностью мгновенно разрядить накалившуюся обстановку. Они и так в последнее время слишком много ссорятся. Хмыкнув, он расслабился.

— Ты права. Какой же я дурак, что трачу время на политику, когда у меня в руках бокал доброго пива, а под боком — пылкая женщина!..

Но в мыслях пронеслось: кажется, он сам отдал себя в мои руки. Завтра надо раздобыть запись; если заседание шло, как я предполагаю, — что ж, следующий номер «Штурманской рубки» почти готов к печати. У меня едва-едва хватит времени снять передовицу Таннахилла и заверстать другую, написание которой доставит мне искреннюю Schadenfreude *...

— Тебе и самому в пылкости не откажешь. — Наталия положила ладонь на запястье Ханно. — Ты ужасный реакционер

---

* Злобная радость (*нем.*).

и старый ретроград, но если станет известно, каков ты в постели, мне придется отгонять женщин дубинкой. — Ее улыбка померкла. Посидев немного молча, она тихонько добавила:

— Нет, пожалуй, насчет того, что вначале — беру свои слова назад. По-моему, ты так обрушиваешься на правительства из-за того, что видел жертвы их идиотских ошибок — и жестокости. Лучше бы делами заправлял ты. Под черствой коркой таится милый и заботливый человек.

— А также слишком умный, чтобы жаждать власти, — подхватил он.

— И еще — вовсе ты не старый. Во всяком случае, по тебе возраст никак не заметен.

— Когда я в последний раз смотрел в зеркало, то видел шестидесятисемилетнего человека. — Согласно метрике Роберта Колдуэлла, добавил он мысленно. — Я мог бы быть твоим отцом или даже дедом, если б мы с сыном немного поторопились.

Я мог быть твоим пра-стократ-прадедом, — это про себя. Может, так оно и есть... Он ощутил на себе взгляд Наталии, но не решился встретиться с ней глазами.

— А когда на тебя смотрю я, то вижу человека моложе себя. Даже жутковато как-то.

— Я же говорил, у меня в роду все были долгожителями. — Пузырек краски для волос на полочке в ванной должен бы подкрепить такое тщеславное заявление. — Я уже сколько раз предлагал, чтобы ты начала подыскивать себе модель более позднего выпуска. Честное слово, мне не хочется, чтобы ты упустила свою пору.

— Поживем — увидим.

Однажды за три года совместной жизни она предложила ему пожениться. Будь у него иная, более молодая личина, можно было бы пройти и через брак. Но при существующем положении вещей он даже не мог объяснить, насколько скверной шуткой был бы такой союз по отношению к ней.

В голове у Ханно промелькнула мысль, что если бы он дал миру знать о себе, да плюс Джианотти не заблуждается, и исследования действительно будут продвигаться с высокой скоростью, то Наталия может успеть дождаться бессмертия, а то и омоложения. Если биохимии организма можно отдавать команды, такая задача окажется совсем несложной. Ханно испытывал к Наталии искреннюю привязанность, однако влюбиться по-настоящему он не позволял себе уже не первое столетие. Кроме того, он пока просто не готов обрушить в мир весть, последствия которой просто непредсказуемы. Может быть, когда-нибудь после — но только не сейчас.

Наталия решила опять внести в разговор нотку веселья:

— А с кем это ты переписываешься в Дании?

— Что? — удивленно заморгал он.

— В сегодняшней почте письмо из Дании. А больше ничего особенного... Эй, оно что, важное?

— Сейчас гляну. Извини, я на минуточку.

Сердце его грохотало; о почте-то он и не подумал. Она лежала на угловом столике. Беря в руки конверт со штампом Копенгагена, Ханно заметил напечатанные на нем название отеля и обратный адрес, а поверх — приписку от руки: «Гельмут Беккер».

Письмо от франкфуртского агента, который принимал ответы на рекламные объявления, публикуемые в Северной Европе. Беккер должен был проверить все письма от людей, соответствующих требованиям Ханно. Разумеется, агент и понятия не имел, о чем речь, — ему сказали всего-навсего, что Институт Руфуса хочет завязать отношения с членами семей долгожителей; а если последние окажутся молодыми, но интеллигентными, да к тому же продемонстрируют интерес к истории, — это будет просто идеально...

Усилием воли Ханно прекратил бешеную пляску мыслей и дрожь в руках, потом распечатал конверт. Письмо было написано по-английски, довольно невнятно, но в нем не содержалось ничего такого, чтобы Наталии нельзя было его прочесть; она знала о проекте, считала подход вопиюще антинаучным, но относилась к нему с терпимостью, как и к прочим эксцентричным выходкам сожителя. Надо поддержать иллюзию, что ему нечего скрывать, — именно для того, чтобы скрыть безмерное волнение.

— Похоже, мне предстоит небольшая поездка...

4

В краю Потерянной реки жил дружелюбный народ; китайские крестьяне всегда преуспевали в Айдахо — так что когда мистер и миссис Ду стали арендаторами земли, принадлежащей «Томек энтерпрайзиз», соседи устроили им пышную встречу. Историю этой пары стоило послушать: он-де был мелким землевладельцем на Тайване, она — дочерью японского торгпреда в тех же местах. Подобные браки в Азии всегда сталкивались с невероятным сопротивлением, даже после войны. Кроме того, у них были нелады с гоминдановским режимом — ничего серьезного, но вполне достаточно, чтобы молодая пара ощутила себя

в тисках и начала испытывать тревогу за свою судьбу. Через посредство ее отца они смогли встретиться с мистером Томеком, и тот уладил вопрос с их переездом в Америку. Первое время они изъяснялись на ломаном английском, но очень скоро усовершенствовались в языке и стали говорить довольно чисто.

И все-таки оба были какими-то не от мира сего. Они чудесно управлялись со своими посевами и скотом, в доме все блестело и сверкало — но чего еще и ждать: если совесть неспокойна, всегда поддерживают внешний порядок и уют. Вели себя скромно, вежливо, готовы были прийти на помощь каждому — но держались вдали от общественной жизни, не посещали ни церковь, ни клуб; в компании веселились со всеми наравне, но до конца не раскрывались; за гостеприимство платили щедрым столом и приятной беседой, но ни к кому не навязывались в друзья и чужую дружбу принимали как-то не очень охотно. Впрочем, люди восточные всегда с большим пиететом относились к детям, и если взглянуть на дело с этой стороны, замкнутость бездетных супругов становилась понятной.

А шесть лет спустя они стали настоящим предметом пересудов и пробудили в людях тревогу. Время от времени чета Ду, как и остальные, уезжала отдыхать — вот только они ни разу и словом не обмолвились, куда ездили и чем занимались. А в этот раз они вернулись из Чикаго с парой юных оборвышей, явно бедствующих, а мальчик к тому же был черным. «Мы их вовсе не усыновляли, — пояснили супруги Ду. — Просто решили посмотреть, что может сделать с человеком семейная жизнь в здоровом окружении». И показали бумаги, подтверждающие, что все сделано по закону.

Соседи начали побаиваться, что приезжие начнут хулиганить, сбивая с пути истинного их собственных детей, а то еще приучат к наркотикам. Эдит Хармони, дама весьма решительная и уверенная в собственных силах, воспользовалась отлучкой Шана, чтобы переговорить с Асагао с глазу на глаз.

— Понимаю твои чувства, дорогуша, ты очень добра к ним — но слишком уж много в наши дни развелось доброхотов.

— А что, злохоты лучше? — с улыбкой спросила Асагао и тут же сменила тон. — Клянусь, все будет в порядке. Нам с мужем уже не впервой наставлять заблудших.

— В самом деле?

— Это не дает нам самим сбиться с пути, наполняет нашу жизнь смыслом. Может, тебе доводилось слышать буддистскую концепцию развития добродетелей. Погоди-ка, я согрею тебе кофе.

И действительно, они добились успеха. Поначалу возникли небольшие трения, особенно в школе. Мальчишка пару раз подрался, девочку поймали, когда она пыталась стащить из магазина какую-то мелочь. Но наставники быстро и весьма основательно изменили их нравы. Пусть Шана нельзя было назвать умнейшим из людей, но и болваном его тоже не назовешь; а еще он умел добиваться от людей желаемого, не прибегая к своей недюжинной физической силе. Асагао — тихая, вежливая женщина — на поверку оказалась обладательницей ума острого, как бритва. Детишки старательно трудились на ранчо, а вскоре начали проявлять прилежание и в школе, постепенно став всеобщими любимцами. Спустя четыре года, когда возраст и полученная квалификация уже позволяли им найти работу, они уехали искать счастья. Окрестные жители скучали по ним, и когда приехали новые сироты, никто не стал возражать — более того, община даже ощутила гордость.

Супруги Ду сами детей не разыскивали. В свое время, рассказывали они соседям, они были просто потрясены судьбами детей, о которых узнавали из газет и телепередач, а со временем кое с кем познакомились и лично. Порасспросив знающих людей, они нашли благотворительную организацию, пытающуюся пристроить детей-сирот в семьи, — небольшую, но имеющую филиалы в ряде больших городов. Со временем обоюдное доверие возрастало; первый опыт показал, в чем супруги сильны и каким детям будет больше пользы от знакомства с ними — и с того момента организации оставалось лишь подбирать детей и отправлять их по месту назначения.

Шан и Асагао постановили, что могут обеспечить должной заботой лишь троих за раз, да и то, если их будут присылать по очереди. Так что третий член второй группы появился два года спустя — это была четырнадцатилетняя девочка-подросток из Нью-Йорка. Воспитатели встретили ее в аэропорту Покателло и отвезли к себе.

Поначалу Хуанита являла собой сущее наказание Божье — взвинченная, как угодившая в ловушку рысь, вечно угрюмая, но порой впадающая в шумные истерики и разражающаяся такими проклятьями, что даже мужчинам становилось не по себе. Но они уже научились твердости и терпению. Двое приехавших раньше подростков успели перерасти бунтарство и оказались серьезным подспорьем, поддерживая и успокаивая ее. А первостепенную роль играли дружные супруги, да еще красота природы, свежий воздух, честный труд и хорошее питание. Помогло и то, что стояло лето, и Хуаните не приходилось терзаться из-за школы. Скоро она стала настоящей маленькой леди.

Однажды Асагао пригласила ее вдвоем съездить по ягоды в укромное местечко среди холмов, в часе с небольшим верховой езды от ранчо. Прихватив с собой корзинку со снедью, они не торопясь двинулись в путь. На обратной дороге девочка застенчиво начала изливать душу, поведав Асагао свои мечты, а та ненавязчиво поддерживала беседу, давая Хуаните выговориться.

Вчерашняя гроза приглушила летний зной, воздух был напоен ароматами, ветерок легонько заигрывал с волосами собеседниц. С запада уже наползали тени, хотя высота была еще полна того непередаваемого сияния, от которого кажется, что до гор рукой подать, но не пропадает ощущение воли и простора. Белоснежные тучи пышными клубами дыбились в пронзительной синеве небес. Долина пестрела всеми оттенками зелени, перемежавшимися с проблесками каналов. Сады и дома были где-то далеко, у самого горизонта. Над пастбищами с криками носились краснокрылые дрозды, а пасшийся у изгородей скот поднимал головы и провожал шагающих лошадей взглядами больших, влажно поблескивающих глаз. Поскрипывала кожа седел, копыта мягко шлепали по влажной земле, всадницы и лошади будто слились воедино в ленивом, баюкающем ритме неторопливого аллюра.

— Я в самом деле хотела бы познакомиться с вашей религией поближе, миссис Ду, — говорила Хуанита, темноволосая худенькая девчушка, прихрамывающая при ходьбе. Отец часто бил ее, да и мать не отставала — пока Хуанита не воткнула отцу кухонный нож в плечо и не удрала. В седле она уже держалась уверенно, будто родилась наездницей, и супруги Ду запланировали ближе к концу года отправить ее на корректирующую хирургическую операцию. А пока что она выполняла свою долю работ с поправкой на увечье.

— Должно быть, ваша вера просто чудесна, раз... — Хуанита зарделась, отвела взгляд и закончила чуть ли не шепотом, — раз к ней принадлежат такие люди, как вы с мистером Ду.

— Спасибо, милая, — улыбнулась Асагао, — но, знаешь ли, мы самые обыкновенные люди. По-моему, тебе лучше вернуться в лоно твоей собственной церкви. Конечно, мы с радостью объясним, что сумеем, все наши дети этим интересуются. Но то, чем мы живем, на самом деле в словах не выразишь. Наши принципы в этой стране кажутся слишком чуждыми. По вашим понятиям это даже не религия, это скорее стиль жизни, попытка пребывать в гармонии с Вселенной.

Хуанита быстро вскинула на нее полный любопытства взгляд:

— Как в «Единстве»?

— Где?

— В «Единстве». Это в моих местах. Вот только... Они не могли меня принять. Я спрашивала у одного их парня, но тот сказал, что... спасательная шлюпка полна под завязку, едва не тонет. — Девочка вздохнула. — А потом мне повезло, и меня подобрали в... для вас. Пожалуй, оно и лучше. С вашей выучкой я где угодно пристроюсь. А если ты попал в «Единство», так и оставайся в нем... По-моему. Только я толком-то не знаю. Они не болтают языком, члены-то.

— Раз ты слыхала, то твой друг все-таки болтал.

— А-а, слухи-то ходят. А наркодельцы, эти вот его ненавидят будь здоров! Но мне кажется, оно только в Нью-Йорке. А как я уже сказала, там чем выше поднимешься, тем меньше болтаешь. Мануэль, он-то еще маленький. Он вырос в «Единстве», как и его родители, но они говорят, что он еще не готов. Он почти ничего и не знает, кроме работы по дому, и учебы, и... В общем, члены «Единства» помогают друг другу.

— Это хорошо. Мне доводилось слышать о подобных организациях.

— Ну, это не совсем взаимопомощь, как, скажем, у этих... у ангелов-хранителей, если не считать, как они говорят, звания стража и... Это вроде как церковь, только по-другому. Члены могут верить, кому во что заблагорассудится, но у них проводятся эти... службы, или молельные собрания, что ли... Потому-то я подумала, что у вас что-то вроде «Единства».

— Нет-нет, никоим образом. Мы просто семья, и даже не представляем, как справиться с большим количеством народа.

— Пожалуй, потому-то «Единство» и перестало расти, — задумчиво произнесла Хуанита. — Мама-ло просто не сможет уследить за остальными.

— Какая мама-ло?

— Так ее называют. Она вроде как... высшая жрица, что ли. Только это не храм. Говорят, она обладает настоящим могуществом. Они, которые в «Единстве», делают, что она скажет.

— Хм! И давно это пошло?

— Не знаю. Давно. Я слыхала, первая мама-ло была то ли матерью нынешней, то ли бабкой. Она черная, хотя я слыхала, что с ней бок о бок работает белая женщина, и всегда так было.

— Любопытно, — вставила Асагао. — Ты рассказывай, рассказывай!

...По вечерам, после обеда, воспитатели и приемные дети обычно собирались вместе — беседовали, играли, читали книги. Порой вместе сидели у единственного в доме телевизора, но только по взаимному согласию, и последнее слово всегда

оставалось за взрослыми. Желающие побыть наедине с собой могли уйти с книжкой в свою комнату или заняться любимым делом в небольшой мастерской. Поэтому когда Асагао с Ду Шанем вышли прогуляться, час был уже поздним. Они ушли далеко в поле и долго не возвращались, но все равно говорили лишь по-китайски, для полной уверенности, потому что по-прежнему лучше всего понимали друг друга на этом языке, хоть за века совместной жизни усвоили множество языков и наречий.

Тихая ночь овевала уснувшие поля прохладой. Земля тонула в тени, и кроны деревьев вырисовывались темными контурами на фоне обильных звездных россыпей высокогорий Запада. Где-то невдалеке раскатисто заухала сова, а потом сорвалась в воздух и бесшумным призраком скрылась в ночи.

— Быть может, они тоже подобны нам, — дрожащим голосом говорила Асагао. — Их организация росла мало-помалу, на протяжении нескольких поколений, но при том строилась вокруг одной-двух личностей. Якобы мать и дочь, они, однако, держатся в тени и работают в одном и том же стиле. Мы и сами с тобой были главами разных деревень то под одним прозванием, то под другим, а наше знакомство с городами оказывалось лишь мимолетным. Ханно обратил свои деловые качества в свою мощь, защиту и прикрытие. А тут открывается возможность третьего пути — к бедным, несчастным и обездоленным. Протяни им руку помощи, помоги наставлением, дай руководство, цель в жизни и надежду — и они водворят тебя на твой крохотный престол, где ты в тиши и тайне переживешь не одно поколение смертных.

— Быть может, — врастяжку отвечал Ду Шань, что было признаком напряженных раздумий. — А может, и нет. Напишем Ханно — он разберется.

— А надо ли?

— Что?! — он вздрогнул и остановился на полушаге. — Он знает в этом толк. А мы с тобой из деревни и носу не кажем.

— Он ведь тут же упрячет этих бессмертных подальше от глаз людских, как упрятал Странника, тебя, меня, как упрятал бы этого турка, если б тот сам от нас не отмежевался?

— Ну, он ведь объяснил причину...

— А откуда нам знать, что он не заблуждается? — настойчиво спросила Асагао. — Ты знаешь, что навело меня на этот вопрос. Я потолковала с тем ученым мужем по имени Джианотти, когда он повторно обследовал нас. Так ли уж надо нам прятаться под этими личинами? В Азии нам не всегда приходилось прибегать к ним, а Страннику среди своих диких индейцев во-

обще не требовалось таить свою сущность. Быть может, и в сегодняшней Америке это уж не нужно? Времена меняются. Если мы откроемся миру, уже через несколько лет бессмертие смогут получить все.

— А может, и нет. И что тогда сделают с нами?

— Знаю я, знаю! И все-таки... Почему мы ни на миг не усомнились в правоте Ханно? Надо разобраться, является ли он, как старейший, и мудрейшим из нас, или закоснел в своих привычках и теперь совершает ужасную ошибку — из-за излишней трусости и... крайнего эгоизма!

— М-м-м...

— В худшем случае нам придется умереть, — Асагао подняла лицо к звездам. — Умереть, как все — с одним лишь отличием: мы прожили много-много, очень много лет. Я вовсе не боюсь. А ты?

Ду Шань издал короткий смешок:

— Нет. Но признаюсь, мне эта мысль не по нраву, — и тут же снова набрался серьезности. — Надо сообщить ему про это самое «Единство». У него есть и средства и познания, чтобы разобраться, а у нас нет.

— Верно, — кивнула Асагао, но чуть помолчав, добавила: — Но когда мы узнаем, похожи ли они на нас...

— Мы многим обязаны Ханно.

Переезд в эту страну благодаря влиянию Томека на какого-то конгрессмена. Помощь в знакомстве с новыми условиями жизни. Устройство с поселением в этих краях, когда стало окончательно ясно, что американские города — не по ним.

— Согласна. Но и человечеству, думаю, мы задолжали немало. И себе самим. И свободы выбора у нас никто не отнимал.

Некоторое время они шагали молча. На западе взошла яркая быстрая звезда и начала свой стремительный путь по низкому небу.

— Погляди-ка, — оживился Ду Шань, — спутник! Настал век настоящих чудес.

— Я полагаю, это «Мир», — медленно проговорила она.

— Что?.. Ах да! Русский.

— Это космическая станция, единственная на планете. Соединенные Штаты со времен «Челленджера»*...

---

* Если начало XVIII главы, по хронологии, приведенной в конце книги, относится к 1975 г., то этот диалог не мог состояться ранее чем через одиннадцать лет: как запуск станции «Мир», так и несчастье с «Челленджером» случились в 1986-м.

Асагао могла не договаривать; они столько веков прожили вместе, что частенько проникали в мысли друг друга. Династии расцветают и увядают, и низвергаются в бездну — равно как империи, нации, народы и судьбы.

5

— Да пребудут ваши добрые ангелы во благости. Да зажжет Огонь силу, да принесет Радуга покой. А ныне ступайте к Богу. Доброго пути.

Роза Донау воздела руки в благословении, поднесла их к груди и склонилась перед крестом на алтаре, в обрамлении алой и черной свечей в подсвечниках-лилиях. Стоявшие перед Розой коллеги-священнослужители тоже склонились пред алтарем. Их было ровно два десятка — мужчины и женщины, большей частью темнокожие и седовласые — старейшины семей, которые поселятся здесь. Служба шла около часу и состояла из простых слов, речитативных распевов под барабанный бой, священных танцев, гипнотизирующих уже самой своей сдержанностью и мягкостью. Расходились без единого слова, хотя некоторые дарили Розу широкими улыбками, а многие осеняли себя священным знамением.

Роза задержалась — сейчас ей не помешало бы посидеть и успокоиться. Пока молитвенный покой был обставлен скудно. За алтарем висела икона Христа, более изможденного и сурового, нежели принято, хотя десница его была поднята в благословении. Написанная прямо по штукатурке, его окружала Змея Жизни, а к ней примыкали символы, которые обозначали то ли ло, то ли святых — как кому видится. Символы слева и справа призывали удачу, волшебные чары, святость... Или просто служили для ободрения, как понимала Роза; укрепитесь сердцем, смятенные, с отвагой чествуйте жизнь, наполняющую вас.

Это не догма, но святое почитание творений, ибо и сам Творец воплощен в них; не заповедь, но святая преданность братьям по духу. Лишь анимистическое, пантеистическое воображение могло постигнуть смысл и суть учения, а ритуалы только поддерживали его и скрепляли братство. Каждый мог верить, во что хотел, что считал более истинным... И все-таки Алият со времен юности, отдалившейся в прошлое на целых четырнадцать веков, не ощущала такой концентрированной духовной мощи, какая скопилась здесь.

По крайней мере, внутри нее самой, если не в алтаре или воздухе. Надежда, очищение, смысл существования, возмож-

ность давать, а не брать или расточать, как раньше. Не потому ли Коринна просила ее возглавить освящение здания?

Или Коринна просто чересчур углубилась в выяснение, кто притаился за невинным с виду воззванием к долгожителям? В последнее время она явно набрала в рот воды и рассказала Алият очень немногое. Коринна быстро выяснила, что некий Уиллок — всего-навсего агент, якобы работающий на научную организацию. (Может, и это сплошная липа?) Наверное, для выяснения дела Коринна задействовала свои связи в правительстве, полиции, ФБР — или где там еще. Хотя нет, пожалуй, нет — слишком опасно; это может заставить их заподозрить, что мама-ло Макендел — не та, за кого себя выдает...

Обойдется, повторяла Коринна, не волнуйся, тяжелая жизнь учит сосредоточиваться лишь на том, что под носом... Алият со вздохом встала, задула свечи, выключила свет и вышла. Молельня находилась на третьем этаже. Строители не только починили разваливающуюся лестницу, но и перестроили лестничную клетку в небольшую прихожую; больше пока ничего сделано не было. Болтающаяся на проводах голая лампочка резко высвечивала поблекшую, отслаивающуюся целыми пластами штукатурку. Дом стоял в скверном районе — чуть ли не на самой западной окраине. Зато здесь «Единство» смогло задешево приобрести брошенный жилой дом, где члены общества заживут приличной жизнью. Алият не могла удержаться от раздумий, будут ли открываться еще такие же филиалы — если «Единство» разрастется, то будет чересчур бросаться в глаза, да вдобавок выйдет из-под контроля двоицы, которой оно служило защитой и покровительством. Но, как ни крути, входящие в «Единство» люди будут взрослеть, жениться и рожать детей.

Роза спустилась к груде беспорядочно сваленных в вестибюле строительных материалов и инструментов. Ночной сторож встал поприветствовать ее. Вслед за ним поднялся еще один человек — молодой, рослый, с кожей цвета эбенового дерева. Алият с первого взгляда узнала Рэндолфа Касла.

— Вечер добрый, миссус-ло Роза, — пророкотал он. — Покой и сила.

— А, привет, — удивленно отозвалась она. — Покой и сила. Ты чего здесь так поздно?

— Думал, дай-ка вас провожу. Решил, вы задержитесь, когда остальные ушли.

— Ты очень добр.

— Просто осторожный, — мрачно уточнил он. — Нам не хотелось вас терять.

Они пожелали сторожу спокойной ночи и вышли. Уличного освещения в этом районе почти не было, и погруженные во мрак улицы казались совершенно безлюдными — но разве угадаешь, что или кто таится в тени, а таксисты в этот район заезжать не рискуют. До дома Розы, небольшой меблированной комнаты в Гринвич-виллидж, отсюда было недалеко, но все равно она обрадовалась столь внушительному провожатому.

— Все одно хотел с вами говорить, — сказал он по пути. — Если вы не против.

— Нет, конечно нет! Ведь я главным образом здесь именно для этого, не правда ли?

— Нет, на этот раз не личные проблемы, — слова давались ему не без усилия. — Это за всех. Только не знаю, как сможем сказать маме-ло.

Алият потерла пальцами правой руки стиснутую в кулак левую и мягко подбодрила спутника:

— Продолжай. Что бы ты ни сказал, я и словом не обмолвлюсь.

— Знаю, ох, как знаю! — в свое время она выслушала его исповедь в проступках и помогла ему вернуться на путь истинный. Рэндолф молчал, топот его шагов гулко отдавался от близких стен. Наконец он заговорил: — Слушайте, мама-ло не понимает, какой тут плохой район. Никто из наших не знал, а то б мы, наверно, не стали ничего тут покупать. А я вот выяснил.

— Что ж — преступность, наркобизнес? Нам уже приходилось с ними справляться. Что еще?

— Ничего. Но эти деляги, они подлые и коварные. Они про нас знают и не хотят, чтоб мы тут закрепились, то есть вообще.

Сердце Розы стиснуло холодом — она столетие за столетием встречала абсолютное зло в самых разных проявлениях и знала его мощь.

...Некогда она со смехом отмахнулась от тревог по поводу такого соседства.

— Да что ж такого, были бы наши люди чисты! Пусть другие губят себя, если хотят. Ты тоже жила за счет контрабанды спиртного и забегаловок во время «сухого закона»! Да и я занималась примерно тем же. Какая разница?

— Меня удивляет, что ты настолько недальновидна и спрашиваешь о подобных вещах, — ответила тогда Коринна и немного помолчала. — Итак, ты старалась держаться подальше от всего пагубного. Послушай же, дорогая, — зелье в наши дни изменилось. Мы в «Единстве» не чураемся крепких напитков и даже используем вино в некоторых церемониях — но учим своих членов не напиваться пьяными. От зелья вроде крэ-

ка нельзя не утратить разум. А еще... Гангстеры прежних дней порой проливали немало крови, и я вовсе не собираюсь отпускать им грехи, но по сравнению с нынешними дельцами наркобизнеса они — сущие агнцы Божии. — Она крепко сцепила пальцы. — Словно времена работорговли вернулись.

Этот разговор случился много лет назад, когда зло только-только проклевывалось, и с той поры Алият переменила мнение на сей счет. А «Единство» перешло к действиям во всех своих общинах. Когда крепкие гражданские дружины «Единства» добывали достоверную информацию, то вызывали полицию, подавали местным жителям добрый пример, помогали заблудшим вернуть человеческий облик и неукоснительно хранили полувоенный порядок; «Единство» было в состоянии лишить наркоторговцев доходов и даже сделать округу опасной для них.

— Мне и самому грозили, — сказал Касл. — Другим вот парням тоже. Думаю, мы вправду думаем, что если не смотаемся, то они ордой попытаются ворваться и вышибить нас отсюда.

— Мы не можем бросить это место, — возразила она. — Мы слишком поиздержались при покупке и не можем позволить себе такой расточительности. «Единство» не так уж богато, знаешь ли.

— Ага, знаю. И что ж нам делать? — Он вскинул голову. — Драться, вот оно как, только и остается.

— Людям в Нью-Йорке не позволяют защищать себя, — отрубила Роза.

— Угу... Только... Ну, верное дело, говорить маме-ло никак нельзя. Нельзя, чтоб она узнала. Она не сможет не запретить, хоть бы какие потери, так ведь оно? Но если кое-кто из наших смогут дать отпор и весть об этом разнесется между них — глядишь, оно и не придется уходить. Как насчет этого? Вы ведь знаете толк. Что вы думаете?

— Мне надо узнать об этом побольше. И подумать, да-да, крепко подумать. — Но Алият уже догадывалась, какое примет решение.

— Непременно. Поговорим, когда у вас найдется время, миссус-ло Роза. Надеемся на вас.

На меня! — мысленно воскликнула она, ощутив трепет гордости. Остаток пути они прошагали молча. У входа в дом Роза протянула руку.

— Спасибо за честность, Рэнди.

— Вам спасибо, миссус-ло. — В ярком свете здешних фонарей его зубы в улыбке слепили белизной. — Когда мы снова сможем встретиться?

Роза ощутила искушение: почему бы не сейчас, сразу? Он силен и красив на свой грубоватый манер, а она уже давным-давно не... Интересно, а сможет ли она отдаться мужчине чистосердечно, не испытывая ни ненависти, ни презрения, ни даже малейшей тени подозрения?

Нет, нельзя. Он, наверное, будет ошарашен, а уж большинство членов «Единства» — наверняка, если только узнают. Лучше не испытывать судьбу.

— Скоро, — пообещала она. — А сейчас мне надо покончить с кой-какой бумажной работой. Правду сказать, придется урвать пару часов у сна. Но все равно скоро увидимся.

6

Со своего места в углу фойе, небрежно перелистывая английский журнал, в котором ни одна строчка не привлекала его внимания, Ханно исподволь следил за входом. Дважды с улицы входили женщины, и сердце его подскакивало, но те направлялись прямо к лифту. А вот третья оправдала его ожидания: поговорив с дежурным клерком, она неуверенно двинулась в сторону Ханно. Он тотчас же покинул свое кожаное кресло, мимоходом подумав, что даже долгая жизнь в этой стране не приучила эту русскую женщину к принятой в Европе пунктуальности; ведь ей наверняка исполнилась не одна сотня лет...

Подойдя к Ханно, она резко остановилась. Он окинул ее взглядом. Описание, данное Беккером, было довольно схематичным; но немцу было отдано указание не просить фотографий, чтобы не всполошить собеседницу. Ростом она была примерно с Ханно, то есть коротышкой среди жителей севера Европы, хотя среди соплеменников ростом не выделялась. Чуточку полноватая, гибкая и стройная, она казалась даже выше своего роста. Широкое лицо с мягкими чертами делало ее довольно симпатичной. Светло-русые волосы собраны в узел на немецкий манер, обрамляя розовое лицо. Неброская одежда, туфли на низком каблуке, переброшенная через плечо сумка на длинном ремне.

Приподняв брови, она провела кончиком языка по губам. Со вполне естественным волнением она справлялась шутя.

— Мистер... Колдуэлл?

Отчего ее хрипловатый голос кажется давно знакомым? Конечно же, это всего-навсего déjà vu *.

---

* Ложное воспоминание (*фр.*).

— К вашим услугам, э-э, доктор Расмуссен, — поклонился Ханно. — Спасибо, что пришли.

— Мисс Расмуссен, если вам угодно, — поправила она, выдавив улыбку. — Не забывайте, я ветеринар, а не врач. — Английским она владела свободно, хоть и с явным славянским акцентом. — Извините, что опоздала. Экстренный вызов.

— Ничего страшного. Нельзя же позволить животному страдать, — Ханно сообразил, что они так и не пожали друг другу рук, и протянул открытую ладонь. — Я рад, что вы вообще смогли и захотели прийти.

Пожатие ее оказалось крепким, а взгляд голубых глаз был уже не застенчивым, а пристальным — но читался в нем не вызов, а бдительность, сразу же наведшая Ханно на мысль об охотнице. Да, вот именно — охотница; и притом озадаченная куда более, нежели обстоятельства знакомства диктовали сами по себе.

— Судя по словам вашего посредника, встреча обещает быть... интересной. Но пока я не услышу подробностей, ничего не могу вам гарантировать.

— Конечно. Нам надо не спеша потолковать. А потом, надеюсь (позвольте уж мне забежать вперед), вы доставите мне удовольствие отобедать со мной. — Или пан, или пропал. Но почему она так его тревожит?! — Разговор сугубо конфиденциальный. Бара в этом отеле нет, но мы можем найти подходящий где-нибудь поблизости. А если хотите — кафе или что вам по вкусу, только бы нам никто не мешал и не подслушивал.

Ее подход к делу оказался куда прямолинейнее, чем он смел надеяться.

— Я уверена, мистер Колдуэлл, что вы джентльмен. Давайте воспользуемся вашим номером.

— Блестяще!

На старомодный манер он предложил ей руку, и женщина приняла ее с природной грацией, хоть делать это ей, очевидно, приходилось нечасто. В лифте они молчали и почти не глядели друг на друга. Черт возьми, думал он, отчего она меня так растревожила? Может, мы уже виделись? Вряд ли. Ну да, я время от времени посещал Данию, а она и видна собой, и все-таки среди здешних женщин не выделяется ничем особенным...

Номер он снял на верхнем этаже. Отель был довольно старый и не самый высокий среди зданий Копенгагена, но из окон номера открывался прекрасный вид на городскую суету и сутолоку, на радующие глаз шпили. Удобная, чуточку вылинявшая мебель напоминала об элегантности, ныне почти утраченной. Здесь русская улыбнулась немного спокойнее и тихо проговорила:

— У вас хороший вкус в выборе мест для постоя.

— Это мой любимый отель с давних-предавних времен.

— Вы много путешествуете?

— Мотаюсь по земле туда-сюда, то поднимаюсь вверх, то падаю вниз. Садитесь, пожалуйста! Что предпочтете выпить? У меня тут небольшой холодильничек. Есть пиво, водка, шотландское виски, содовая... А если хотите, закажу что-нибудь другое.

— Спасибо, только кофе.

Осторожный выбор. Ханно позвонил коридорному и, обернувшись, мысленно отметил, что она не вынула из сумочки сигарет — вероятно, не курит, в отличие от большинства датчан. Ему хотелось закурить трубку, чтобы утихомирить разыгравшиеся нервы, но вместо этого он просто уселся напротив гостьи.

— Не знаю толком, много ли вам дал понять Беккер, — начал он.

— Очень мало. Буду откровенна: он говорил об... институте Руфуса, что ли?.. в Америке. Якобы им нужны люди... намеренные прожить очень долго. Предполагается интерес к истории и множество иных требований к интеллекту. Я ушла от него в большом замешательстве. А когда вы позвонили из-за океана, я даже сомневалась, стоит ли соглашаться на эту встречу. Но я все-таки готова выслушать вас, мистер Колдуэлл.

— Основатель этого института — я.

— Должно быть, вы богаты, — она пристально посмотрела на собеседника.

— Да, — кивнул он и продолжал, следя за ней не менее пристально, чтобы не пропустить нужный намек с ее стороны: — Я куда старше, чем выгляжу.

Она напряженно втянула воздух сквозь зубы — или это только показалось?

— С виду вы довольно молоды.

— Как и вы. Можно ли поинтересоваться вашим возрастом?

— Я говорила мистеру Беккеру. Я не сомневаюсь, что он, или вы, или ваши агенты проверили регистрационные записи.

В голосе прозвучал неприкрытый вызов.

— Погодите! — умоляюще поднял он ладонь. — Пожалуйста! Нам обоим нужна откровенность, но давайте не будем давить друг на друга. Позвольте задать вам несколько вопросов. Вы по рождению русская?

— Украинка. В Данию перебралась в 1950 году. На сегодня натурализована.

Он беззвучно присвистнул:

— Почти сорок лет назад, а ведь вы были тогда уже взрослой!..

— Но вы ведь разыскиваете людей, к которым старость не торопится, разве нет? — натянуто улыбнулась она. — А самому-то вам сколько лет, мистер Колдуэлл?

— Нельзя ли отложить этот вопрос на некоторое время? — осторожно ответил он.

— Наверно... даже... следует.

Оба дрожали, как натянутые струны.

— Не хочу принуждать вас к ответу, но все-таки должен расспросить. Вы замужем? Я в данный момент холост.

— Нет, — покачала она золотоволосой головой. — В этой стране я не выходила замуж, а получила официальное разрешение переменить фамилию. Имя Ольга достаточно распространено в Дании, но фамилию никто не мог ни выговорить, ни записать.

— А Расмуссен здесь все равно что Смит в Америке. Вы не хотите без надобности бросаться людям в глаза, не правда ли?

— Поначалу да. Но с той поры многое переменилось, — она вздохнула. — Последнее время я даже ломаю голову, не вернуться ли мне обратно. Говорят, теперь с красным террором покончено. Не было и дня, чтобы меня не терзала тоска по родине.

— Вам пришлось бы держать серьезный ответ перед властями.

— Вероятно. Я ведь бежала оттуда в поисках убежища. Я была поставлена там вне закона.

Я говорил не совсем об этом, мысленно возразил Ханно. Думается, она и сама сознает, что не об этом... А она продолжала:

— Датскому правительству все известно. В архивах есть соответствующие записи. Правда, мистеру Беккеру я рассказала очень немногое, но вы вправе узнать. Во время войны я была бойцом Красной Армии. Многие из моих соотечественников мечтали об избавлении — и от Сталина, и от советской власти. Тем более, я исконно русская; я родом из-под Киева, а ведь Киев был корнем всей русской нации. Москва возникла позже. Многие из нас приветствовали немцев как освободителей. Это была ужасная ошибка, но откуда нам было знать, когда нам больше двадцати лет лгали, в лучшем случае умалчивали о том, что происходит в мире? Кое-кто присоединился к Гитлеру, но скажу прямо, я к их числу не принадлежала. Люди противостоят захватчикам, кем бы те ни были. Но когда гитлеровцы отступили, значительная часть Украины восстала. Сталину

понадобился не один год, чтобы подавить мятежи. Вы слышали об этом?

— Кое-что, — тусклым голосом ответил он. — Насколько помню, штаб сил сопротивления находился в Копенгагене. И все равно почти ни слова о событиях на Украине не просочилось в либераль... — Нет, не так: в Европе слово «либерал» сохранило свое исконное значение. — В консервативную западную печать.

— Я сама ни в чем не участвовала, но среди повстанцев у меня были друзья, близкие и родственники. Одни сражались открыто, другие только сочувствовали и помогали, когда и чем могли. Я знала, что нахожусь под подозрением. Мне оставалось или выдать кого-нибудь сталинским ищейкам, или самой дожидаться их прихода — тогда дело кончилось бы лагерями, пулей в лоб или чем-нибудь похуже. — Голос ее зазвенел отчаянием. — Но не могла я, не могла и присоединиться к повстанцам. Разве сумела бы я стрелять в русских солдат, своих друзей военной поры?! И я бежала. Перебралась через границу и подалась на Запад.

— Поступок, достойный восхищения, — от всей души сказал Ханно.

Значит, она пошла на голод и лишения, вынуждена была бежать и скрываться, пробираться мимо сторожевых постов, отказаться от постоянного пристанища, одолеть тысячи миль...

— Я сильная. И не забыла боевую выучку снайпера, да и готовилась как следует. — Она цепко сжала подлокотники кресла. — Для меня подобное не впервой.

Будто гром небесный прогрохотал в голове Ханно.

— Я и сам... попадал в переделки... в прошлом...

Раздался стук в дверь. Ханно встал и впустил коридорного. Тот внес поднос с кофейником, чашками, сахаром, сливками и датскими крендельками. Осматривая заказ и вручая лакею чаевые, Ханно проронил — надо было разрядить обстановку, и промолчать было невозможно:

— Зато с тех пор, насколько понимаю, вы ведете спокойную жизнь.

Ханно чувствовал, что и собеседница осознает: главный разговор еще впереди.

— Мне предоставили в Дании убежище. — Интересно, спросил он себя, какие власти и каким образом? Впрочем, это неважно — кто пожил на свете достаточно долго, тот знает и прямые, и обходные пути. — Я просила убежища из-за украинских событий, но потом полюбила эту страну. Здесь замечательный народ и дивная природа. Я работала на ферме, потом

решила стать ветеринаром, пошла в школу, выучила английский и немецкий заодно — чтобы объясняться с иностранцами, которые приводят ко мне своих питомцев. Теперь у меня практика в Конгенс Лингби, чудесном уютном пригороде.

Коридорный наконец ушел. Ханно приблизился к гостье, остановился над ней.

— Но по возрасту вам уже пора — или почти пора — на пенсию. Ваши друзья удивляются вашей неувядающей молодости, слегка подтрунивают над вами — однако уже не могут скрыть удивления, что вы не удаляетесь от дел. Да и власти тоже. Куда вы намерены податься, Ольга?

Она ответила ему твердым взглядом.

— Да, здесь в Дании великолепно умеют держать бумаги в порядке. А куда порекомендуете податься мне вы? И как вас зовут на самом деле?

— Ладно, — сердце его отчаянно колотилось, — хватит ходить вокруг да около. Я просто не хотел вас отпугнуть. Однако, полагаю, пора в конце концов открыть истину. — Он снова сел, чтобы не вызвать у нее ощущения, будто он представляет опасность или пытается главенствовать над ней. Пожалуй, эта женщина отреагирует на подобную угрозу весьма болезненно. — То, что я собираюсь сообщить, может показаться вам бредом безумца или замысловатым мошенничеством — если вы не та, за кого я вас принимаю. Не пугайтесь. Выслушайте меня. Если хотите, распахните двери и слушайте меня, стоя на пороге.

Она лишь молча качнула головой. Грудь ее порывисто вздымалась и опадала.

— Не буду прибегать к точным цифрам, потому что незначительная ошибка роли не играет... Словом, мне три тысячи лет. Не будете ли добры поведать... Что?!

Она побелела, как полотно, и вжалась в кресло. Ханно приподнялся, чтобы помочь ей, как-то успокоить ее, но тут она выпрямилась и прошептала:

— Кадок!..

— А?

— Кадок. Ты. Теперь вспомнила. Заморский купец в Киеве... Когда ж это было? По-моему, лет тысячу назад.

Воспоминание ослепило его, как взгляд на полуденное солнце.

— Ты... Тебя зовут...

— Тогда звали Свободой. В душе я всегда ею оставалась. Но кто ты на самом деле?

Чувства его пребывали в смятении; никто из бессмертных не запоминает мимолетных встреч с мириадами рассыпавшихся в

прах смертных — но и не забывает ничего. Ханно устремил свою память на призрачный след мгновения, хранившийся там многие столетия.

— Д-да, С-свобода, — заикаясь, пробормотал он. — Мы спасли тебя.

— И затем последовала волшебная ночь. А ведь у нас их столько могло быть!..

Они вскочили и бросились друг другу в объятия.

7

За окнами плавился летний день округа Колумбия, кондиционер обдавал кабинет ледяным дыханием, но у сенатора Мориарти в груди бушевал темный пожар. Отшвырнув журнал, он припечатал его ладонью.

— Ублюдок! Злобная зараза!..

Поток эпитетов был прерван сигналом интеркома.

— Сенатор, вас хочет видеть мистер Стоддард, — послышался голос секретарши.

Мориарти на миг задержал воздух в легких и выпустил его со смешком, воскликнув:

— Как на заказ! Великолепное чувство момента! Впустите его!

Вошедший был невысок ростом, обладал невыразительной внешностью и был полон холодной невозмутимости компетентного работника. Его потное после прогулки по улице лицо влажно поблескивало. В руках он держал портфель.

— Добрый день, сэр! — Взгляд его пропутешествовал с лица сенатора на стол, затем обратно. — Я вижу, вы читали свежий выпуск.

— Конечно, — буркнул Мориарти. — Садитесь. Вы это видели?

— Пока нет, — Стоддард подвинул себе стул. — Я ведь, знаете ли, был занят изучением ответственной за это личности.

Одутловатый хозяин кабинета снова взял журнал и нацелил на него стекла очков в фасонистой оправе.

— Вот послушайте. Передовица. Относительно моей речи в поддержку СССР. Беру выдержку более или менее наугад.

Привычным ораторским приемом он подавил ноту возмущения в голосе и начал методично излагать:

— Представила сенатора активистка движения за мир и разоружение доктор Фульвия Борн. Он мастерски справился со щекотливой ситуацией и не стал цитировать ее речи на состояв-

шемся за вечер до того банкете, не опровергая и не поддерживая цветистых фраз-вроде «Пентагон — пещера, забитая демонами ядерного безумия» или «ЦРУ — Цитадель Растленных Уродов». Он попросту свел все к нулю, назвав ее современной Жанной д'Арк. Упомянутая святая Жанна вооружилась до зубов, чтобы добиться мира. Затем уж было проще простого плавно перейти к необходимости искусно управлять государством, дабы «быть терпимым к делам внешним, но нетерпимым к делам внутренним». Очевидно, терпимость нужна по отношению к сеньорам Кастро и Ортеге. В довершение всего благородный собрат сенатора по партии, преподобный Натаниэл Янг, назвал обоих вышеупомянутых джентльменов «дорогими товарищами». Нам должно не проявлять терпимости, скажем, в Южной Африке; зато во внутренней политике мы должны быть нетерпимы и довершить разрушение производительных сил Америки... Гр-р-м! — терпение покинуло сенатора. — К чему продолжать?! Читайте сами, если вытерпите.

— Сенатор, можно задать вопрос? — промямлил Стоддард.

— Разумеется. Я всегда выступал за открытое и свободное высказывание мнений.

— Почему этот Таннахилл так берет вас за живое? — Стоддард смерил Мориарти взглядом. — Его писанина ничем не выделяется из писанины остальных ваших оппонентов.

— Его мерзопакостность не знает границ, — широкая физиономия сенатора побурела. — Оппозиция вовсе не то же самое, что экзекуция. Вы же знаете, что он не только пытается взбаламутить всю нацию, но и вбить клин между мной и избирателями.

— Мм-да, он пользуется влиянием в Новой Англии и завязал много региональных контактов, но он не в вашем штате, сенатор. А главное — тираж «Штурманской рубки» достаточно мал.

— Нужна минимальная доза вируса, впрыснутая правильно выбранным людям, чтобы заразить всю нацию. Таннахилл пользуется благосклонностью не только старорежимных консерваторов и неофашистов, но и в студенческих городках, среди молодежи, — Мориарти вздохнул. — Ну да, первая поправка гарантирует этому змею кое-какие права; признаюсь, меня его уколы ранят куда больнее, чем следует. Пора бы мне привыкнуть к людской жестокости.

— Позволю себе заметить, вы зачастую сами подставляете себя под удары подобных типов. Я ведь не советовал вам обращаться с речью к этому сборищу.

— В политике приходится искать союзников где попало и стараться им угодить.

— Как с Южной Африкой? Ох, извините...

В голосе Стоддарда не прозвучало и тени раскаяния. Мориарти нахмурился, но продолжал:

— В комитет входят кое-какие экстремисты, но, будь оно неладно, они экстремисты во благо. Нам нужны их энергия и увлеченность, — он прокашлялся. — Впрочем, оставим это и перейдем к делу. К выяснению, что за тип этот Таннахилл и кто за ним стоит. Что вы можете мне поведать?

— Боюсь, немногое. Насколько удалось дознаться моим людям — а они знают свое дело, — он чист. Но, правду сказать, до самого дна им докопаться не удалось.

Мориарти подался вперед.

— Да-а?! Он умудряется оставаться человеком-загадкой, затворником в своем поместье? — Следующая реплика вырвалась сама собой: — Недаром он поселился в Нью-Хемпшире, а? «Живи свободным или умри» — такой там девиз? Должно быть, он даже верит в эту белиберду.

— Он вовсе не затворник под стать Говарду Хьюзу *, если вы об этом, сенатор. Правду сказать, собрать о нем сведения трудно именно потому, что он редко сидит дома. Он порядком ездит — наверно, по всему свету, хотя чаще всего моим людям не удается выяснить, куда он подался. От его домашних слуг и работников журнала тоже не удалось добиться особого толку. Это горстка тщательно отобранных личностей, давно работающих с ним, преданных ему и держащих рот на замке — хотя им и не приходится хранить какие-то позорные тайны, — Стоддард хмыкнул. — На такое везение не рассчитывайте. Они просто не знают, чем босс занимается вдали от них, и придерживаются принципа янки, мол, нечего совать нос в чужие дела.

Мориарти вгляделся в лицо помощника пронзительным взглядом. Порой он ломал голову, не работает ли тот на него только ради денег. Однако он достаточно хорош на своем месте, чтобы позволить ему не соблюдать субординацию.

— Так что же вы узнали? Ничего, если придется повторить уже известные мне факты.

— Боюсь, именно этим мне и придется заниматься изрядную часть времени, — Стоддард вынул из портфеля лист бумаги и сверился с записями. — Кеннет Александр Таннахилл

---

* Американский миллиардер, который в старости удалился от людей, не стригся и не брился.

родился 25 августа 1933 года в Трое, штат Вермонт — небольшом городке у канадской границы. Вскоре после того его родители переехали. Прежний сосед, которому они написали пару писем, сказал, что они перебрались в Миннесоту, но не помнил, куда именно. В деревушку Северная Чаща. Все смутно, неясно; никаких официальных материалов, помимо необходимого минимума и нескольких старых публикаций в местной газетке.

— Вы хотите сказать, что это не настоящее его имя? — Мориарти так и задрожал от волнения. — Предположим, настоящие Таннахиллы все до единого умерли — скажем, погибли в автокатастрофе. Человек с деньгами, желающий замести следы, мог нанять сыскное агентство, чтобы то подобрало пропавшую семью, подходящую под его нужды.

— Не исключено, — Стоддард не скрывал своего скептицизма. — Доказать это чертовски трудно.

— А словесный портрет в призывном свидетельстве времен воинской повинности?

— Я бы предпочел не вытаскивать на свет ничего подобного, сенатор.

— Да, пожалуй, не стоит — если только не наткнемся на какие-то зацепки, которые позволят передать дело в ведение соответствующих властей.

— Похоже, Таннахилл и не служил вовсе, нам пока известно лишь это. Но по различным причинам многие его ровесники не служили, несмотря на Корею и Вьетнам. Он не распространяется о причинах своего отсутствия на воинской службе, но вовсе не оттого, что ведет себя уклончиво или замкнуто. Коллеги описывают его как остроумного человека, который за словом в карман не полезет, у него всегда под рукой подходящая шутка или колкость. Однако требует от своих работников высокой компетенции — и получает ее. Просто у него манера переводить разговор подальше от собственной персоны.

— Еще бы! Продолжайте. Я полагаю, ни разу не женился?

— Нет. Не гомосексуалист и не импотент. За эти годы у него было несколько женщин, личности которых мы установили. Ничего особо серьезного, и ни одна не затаила на него злобы.

— Очень жаль. А какой след он оставил на Западном побережье?

— Практически нулевой. Сперва всплыл на поверхность в Нью-Хемпшире, купил дом с землей, учредил журнал, и все это в качестве... отчасти работника «Томек энтерпрайзиз». Точнее было бы сказать, «компаньона» или «посредника». Как бы то ни было, Томек финансирует его. Я полагаю, что многие его поездки

вызваны именно необходимостью докладывать старику, что и как.

— А тот и сам — довольно темная личность, разве нет? — Мориарти ухватился за подбородок, и его пальцы глубоко ушли в рыхлую кожу. — Я все более и более уверен, что за эту ниточку стоит уцепиться.

— Сенатор, мой вам совет: бросьте вы это дело. Обходится оно чертовски дорого, да вдобавок отнимает у персонала массу столь ценного в предвыборный год времени, и я на девяносто девять процентов убежден, что оно не выдаст на-гора ничего политически ценного.

— Хэнк, вы думаете, что я только политик?

— Я уже слышал, как вы излагаете свои идеалы.

— Вы правы, — Мориарти наконец пришел к решению, — не стоит и дальше гоняться за призраками. Но в то же время я нутром чую, что какие-то факты его биографии не выносят дневного света. Не спорю, у меня с ним личные счеты — но вытащив его темные секрсты на обозрение, мы заработаем политические дивиденды; к тому же я сыт по горло затеянной Таннахиллом травлей и хочу дать ему сдачи. Пожалуй, пора прекратить сбор косвенной информации, но я не намерен бросать это дело, — он сплел пальцы перед лицом и поверх них глянул на помощника. — Где он сейчас?

— Где-то на поверхности Земли... наверно, — пожал плечами тот.

Мориарти прикусил губу. По поводу упадка американской космической программы «Штурманская рубка» злословила особенно яростно.

— Ничего, рано или поздно ему придется вернуться домой. Организуйте наблюдение за его домом и редакцией. Когда он покажется, устройте ему сопровождение на двадцать четыре часа. Ясно?

Стоддард начал было подыскивать ответ, но вовремя прикусил язык и кивнул:

— Устроим, если вы готовы покрыть затраты.

— Деньги у меня есть, — отрезал Мориарти. — Если понадобится, я выложу из своего кармана.

8

— Да что стряслось-то?

Вопрос Наталии Терлоу резал уши — или колол — как шпага в начале поединка, и Ханно понял, что от прямого разго-

вора больше не уйти. И все-таки еще немного постоял, глазея в окно гостиной Роберта Колдуэлла. На землю опускались воздушные летние сумерки. В оконном стекле отражалась ярко освещенная комната, но его собственный силуэт прорисовывался на стекле темным контуром, который заполняли тысячи огней — по склонам холма сбегавших в город, и дальше, к могучей, но спокойной ныне водной глади. Точно так же богатые Сиракузы наслаждались мирным счастьем, укрепив свою оборону величайшими механизмами своего времени; а тем временем аскетичные римляне готовились к походу.

— Ты пришел вчера, будто во сне, — вела свое Наталия у него за спиной. — Сегодня ушел едва ли не с рассветом и вернулся лишь сейчас, но по-прежнему погруженный в себя.

— Я же тебе объяснял. Пока я отсутствовал, скопились дела.

— В каком это смысле? Помимо интереса к лаборатории Руфуса — чем ты еще здесь занимаешься?

Прозвучавший в ее голосе вызов заставил его обернуться. Она стояла, напряженно выпрямившись, уткнув в бока стиснутые кулачки. Написанная на ее лице боль заставила его сердце облиться кровью, но одновременно ноты разгорающегося в ее голосе гнева пролились бальзамом на рану.

— Ты же знаешь, у меня есть дела и в другом месте, — напомнил он. Наталия видела скромную контору в городе — вот только Ханно ни разу не сказал ей, чем там занимается.

— Вот уж действительно! Я звонила туда, да только общалась лишь с автоответчиком.

— Мне надо было уйти. Чего ты от меня хочешь? Я звонил сюда и надиктовал на автоответчик, что не смогу с тобой пообедать.

Фактически говоря, большую часть дня он пробыл Джо Левином, просвещавшим двух других полномочных представителей-бухгалтеров на предмет налогового аудита Чарльза Томека, чтобы они могли справиться сами во время отлучки Левина на неопределенное время по неизвестной причине. Конечно, они уже знали общую ситуацию и массу деталей — ни один посредник не в состоянии в одиночку справиться с Дядей Сэмом. (А какие такие ценности произвели на свет орды этих бумагомарак — разве осчастливили они хоть одну живую душу?) Однако надо было ввести их в курс дела по поводу некоторых тонких моментов.

Мысль оставить их управляться на свой страх и риск может обойтись дорого; и дело вовсе не в том, что они могут обнаружить что-нибудь противозаконное — такого просто не существует. Ханно не мог позволить себе оставлять такую брешь в

обороне против государства. А вся штука заключалась в невозможности объяснить, почему нельзя найти путешествующего мистера Томека и вызвать его сюда, чтобы справиться с проблемами.

«Перед тобой — бабочка-однодневка, — твердил он себе. — Ее можно сбросить со счетов. Скоро приедет Свобода, чтобы войти в содружество пятым членом. А сверх того...»

Но вопреки его воле сердце билось неровно, дыхание спирало.

— Я-то думала, мы могли бы вместе пообедать в ресторане, — говорила Наталия.

— Извини, ничего не вышло. Я перекусил сандвичем, — соврал Ханно. Он просто не смог бы сохранить присутствие духа в ее компании. Оказывается, он вовсе не такой уж хороший карточный игрок, как думал. Может, Свобода заставила растаять державший его стержень — а может, потрясла так, что тот дал трещину.

— И не можешь объяснить мне, почему затеял такую гонку, так ведь? — вздохнула Наталия. — Какой ты все-таки лукавый! До меня лишь сейчас начало доходить, что ты ни разу не проговорился при мне, чем занимаешься, не проронил о себе всерьез ни слова, только какие-то второстепенные пустяки.

— Слушай, давай не будем затевать скандал, — попросил он. — Ты же знаешь, что по натуре я... э-э... человек необщительный.

— Нет, как раз наоборот, в том-то и беда! Ты говоришь без умолку, ты речист и говорлив, слушать тебя интересно — но кроме своей неандертальской политики, ты ни в чем не бываешь серьезен. — Ханно хотел было ответить, но Наталия жестом заставила его умолкнуть и продолжала. — Несмотря на это, я узнала, как интерпретировать кое-какие признаки. Человек, с которым ты виделся в Дании, вовсе не был «любопытным субъектом», как ты расплывчато выразился. А когда ты вернулся из аэропорта домой и просмотрел почту, одно письмо заставило тебя отшатнуться... Тебе не удалось до конца скрыть свою реакцию. Но я заранее знаю, что ты не станешь мне его показывать и не проронишь о нем ни звука.

«Определенно», — подумал Ханно. Хотя бы потому, что наивная девчушка Асагао выложила все на бумагу открытым текстом.

— Это чисто личное и конфиденциальное письмо.

— Не только в Дании, но и в Айдахо?

Проклятье! Она видела обратный адрес. Надо было предупредить супругов-азиатов, как связываться в случае экстренной

надобности. Но они знали имя Колдуэлла в связи с институтом, а в организацию Томека писать по незнанию побоялись: кто знает, наверно, там перехватит корреспонденцию кто-нибудь чужой? А у Ханно ни разу даже тени мысли не было, что из всех людей Земли именно эти двое наткнутся на неостывший след.

Хорошо, что Наталия — человек честный и не стала расклеивать конверт над паром. Впрочем, он специально выяснял характер Наталии, прежде чем сойтись с ней более тесно.

Но понимает ли он ее по-настоящему? Наталия — личность яркая и сложная, этим-то и привлекла Ханно. Узнай он ее получше, и арсенал обрушивающихся как снег на голову сюрпризов был бы не так обширен.

Ханно подумал, что теперь уже слишком поздно. Охватившая его тоска мешалась с изнеможением. Сегодняшний день выдался утомительным, даже для человека с его запасом жизненных сил.

— Не садись мне на шею, поняла? — намеренно грубо бросил он. — Мы ничем друг другу не обязаны.

Она совсем оцепенела.

— Нет, это ты не хотел никаких взаимных обязательств, не так ли? Да что я для тебя, кроме партнерши в постели?

— О, ради всего святого, хватит нести чушь! — он шагнул к ней. — Между нами все было так чудесно! Не порти хоть напоследок!

Она замерла совершенно недвижно, только широко-широко распахнула глаза.

— Напоследок? — шепнула.

Он собирался подать это мягче, исподволь. Может, так оно и лучше.

— Мне опять придется уехать. Даже не знаю, когда вернусь.

Надо лететь на восток. В качестве Таннахилла нанять частного детектива — пусть тот соберет основную информацию об этих людях из «Единства», исподтишка пару раз сфотографирует, — словом, обеспечит сведениями, а уж тогда можно будет решить, подступаться ли к ним напрямую или окольными путями. Тем временем Свобода свернет свои дела в Европе, получит визу, возьмет билет и сядет на самолет до Нью-Йорка. Уединенное расположение дома Таннахилла сулит возможность познакомиться с ней поближе и наверстать упущенное за последнее тысячелетие.

— Ну, мне ты, конечно, не скажешь, зачем едешь, — бесцветным голосом прошелестела Наталия.

— Очень жаль, но я правда не могу, — он давным-давно понял, что лучше избегать замысловатых выдумок.

Наталия смотрела то ли сквозь, то ли мимо него.

— У тебя другая женщина? Наверное, но не только. Иначе бы ты просто бросил меня.

— Послушай, нет!.. Слушай, Нат, ты можешь жить здесь сколько угодно, более того, я надеюсь, что ты останешься тут и...

— У меня тоже есть гордость, — покачала она головой, потом взгляд ее обрел твердость. — Какой тайный умысел тобой движет, куда и с кем?

— Могу лишь повторить, что дело чисто личное.

— Может быть, так и есть. Но учитывая неоднократно высказанные тобой позиции — вряд ли, — она снова остановила его жестом ладони. — Ой, только не надо расписывать мне красивые байки! Тем более, ты не давал мне никакого повода для подозрений. Но надо же мне прикрыть свою задницу, ты ведь понимаешь это, правда? Если легавые станут выспрашивать меня, я выложу им те крохи, которые знаю. Я ведь больше не обязана хранить верность тебе.

— Эй, погоди-ка! — Ханно хотел взять ее за руки, но Наталия не далась. — Давай-ка сядем, выпьем чуток и потолкуем.

Она смерила его взглядом с головы до пят.

— А разве тебе есть что сказать?

— Я... ну-у, ты мне дорога и...

— Выбрось это из головы. Можешь играть в прятки с самим собой. Свои вещи я заберу завтра.

И она пошла прочь.

Оплакивать ее уход Ханно не мог себе позволить.

«Мне так и так пришлось бы скоро уйти от нее; правда, тогда расставание могло бы пройти немного легче, — но по крайней мере, я не стану больше отнимать от той горстки лет, что отведена тебе...»

Заплачет ли она ночью, оставшись в полном одиночестве?

9

Недвижный, безветренный воздух был полон мельчайшей измороси. Повсюду, куда ни кинь взор, висела влажная мутная пелена цвета тусклого серебра. Сквозь ее завесу не видны были нелепые, похожие на коробки здания, не прорывался даже шум. Будто на свете осталась лишь мокрая трава вдоль тротуара, срывающиеся с листвы капли и подернувшая асфальт блестящая водяная пленка. В этот будний день посреди недели на улицах Копенгагена было практически безлюдно. Покинув

квартиру и пройдя короткий путь до парка, Петер Аструп и Ольга Расмуссен могли бы представить себе, что остались на свете одни-одинешеньки.

Капли дождя, срывающиеся с козырька фуражки на круглое молодое лицо, поблескивали, как слезы.

— Но не можешь же ты вот так, ни с того ни с сего, взять и уехать! — с мольбой в голосе твердил он.

Ольга смотрела прямо перед собой. Как только Петер отпустил ее руки, она тут же сунула их в карманы плаща.

— Да, пожалуй, это несколько внезапно.

— Ошеломляюще внезапно!

— Потому-то я и попросила тебя взять отгул и повидаться со мной. Времени в обрез, а мне надо еще столько успеть!

— И это после того, как ты не давала о себе знать с... — Он в запале схватил ее за руку. — Что ты делала? С кем была?

Ольга слегка отстранилась, и Петер, уловив безмолвный приказ, выпустил ее запястье. Он всегда был так заботлив, подумалось ей, и так мил! Быть может, он самый пылкий и нежный возлюбленный из всех, какие у меня были и еще будут...

— Петер, я бы не хотела ранить тебя больнее, чем надо, — негромко сказала она. — Так будет лучше.

— Но как быть с запланированной поездкой в Финляндию? — он шумно сглотнул. — Прости, пожалуйста, это идиотский вопрос... теперь.

— Вовсе нет, — она заставила себя обратить свои мысли к спутнику. — Я тоже ждала ее с нетерпением, но сейчас мне предоставляется слишком уж большой шанс.

— Полно, так ли это? — с отчаянием попробовал он наугад. — Несешься, позабыв обо всем, в Америку — и что? Ты ведь даже ничего толком не выяснила.

— Это сугубо конфиденциальное дело. Научные исследования. Я обещала не разглашать их сути. Но ты же знаешь, как я в них заинтересована.

— Да. Мне кажется, ты меня привлекла не столько своей красотой, сколько умом и широтой мышления.

— Ой, да брось ты! — попыталась рассмеяться она. — Я ведь понимаю, какая я простушка!

Петер остановился, вынудив остановиться и ее. Оказавшись с Ольгой лицом к лицу посреди серой холодной мути, он по-юношески бездумно выпалил:

— Ты загадочная женщина, ты что-то скрываешь, я знаю, но ты, ты... не знаешь себе равных!

Как и Ханно, подумала она. Он тоже учился этому искусству не один век...

— Я люблю тебя, Ольга, — запинаясь, твердил Петер, — я уже не раз это говорил, но повторю снова. Выходи за меня замуж! С официальной регистрацией и всем прочим.

— Ах ты, мой милый, — полушепотом произнесла она. — Я ведь гожусь тебе... — Что-то мешало ей произнести «в матери», и вместо того Ольга сказала: — Я уже стара для тебя. С виду, может, и не скажешь, но я же тебе говорила. Эти два года были для нас истинной радостью.

Ведь были же, были! А Ханно — что я о нем по-настоящему знаю? Чего от него можно ждать? И он, и я слишком долго привыкали жить тайком; это наверняка искалечило наши души, хотя сами мы этого не замечаем. Он кружил по всему свету троекратно долее, нежели я прожила на Руси-матушке. Он обаятелен, привлекателен и забавен, пожалуй; но я уже узрела в нем жестокость. А может, это лишь глубоко запрятанное одиночество? Насколько он может посвятить себя кому-нибудь или чему-нибудь помимо голой необходимости выжить?..

В замешательстве Ольга будто со стороны услышала свои последние слова:

— Мы с самого начала знали, что наша близость не вечна. Давай покончим сейчас, пока между нами не легла мрачная тень.

Петер поник и ссутулился.

— Мне плевать на твой возраст. Я люблю тебя!

Ольгу начало охватывать раздражение; она едва удержалась, чтобы не обозвать его младенцем. Впрочем, чего же и ждать от человека, которому еще нет и тридцати? Он весь как на ладони.

— Прости, — бросила она.

Надо было порвать с тобой давным-давно, но плоть требовала своего, а любовные связи здесь обычно рвутся так же легко, как и завязываются. А вот как будет с Ханно и остальными?.. Возможен ли вечный брак? Сомневаюсь, что я уже влюбилась в Ханно, да и он не воспылал ко мне страстью; может, этого никогда и не произойдет. Да и любовь сама по себе — не гарантия прочного союза, для него нужно что-то еще. Ладно, поживем — увидим.

Поживем. Увидим...

— Не терзайся ты так, — посоветовала она. — Переболеешь, найдешь девушку себе под стать.

И остепенишься, добавила она про себя, и будешь растить детей, и те вырастут такими же уютно ограниченными, и так же обратятся во прах, — если мы только не стоим на пороге оче-

редного темного века, грядущего к нам во пламени и грозящего реками крови. Ханно считает, что такое возможно...

— А пока что, — спокойно улыбнулась Петеру Свобода, — мы могли бы пойти к тебе на квартиру и устроить грандиозный прощальный вечер.

В конце концов, это ведь только до завтра.

10

Коринна Макендел приняла посетителя в викторианской комнате.

— Добрый день, — она протянула ладонь. Энергичные, неожиданно жесткие пальцы пожали ее руку легко, но крепко и решительно. Он с архаичной куртуазностью склонился в полупоклоне. — Садитесь, пожалуйста. Хотите кофе или чаю?

Но Кеннет Таннахилл остался стоять.

— Благодарю вас, но не можем ли мы поговорить наедине, где бы никто не сумел нас подслушать?

Она с удивлением пригляделась к нему, тут же подумав: кстати, а сколько ему лет? Черные волосы, гладкая кожа и гибкое тело говорили о молодости, но, судя по осанке и манере держаться, этот человек повидал свет и немало пожил. Признаки едва уловимы, но все-таки не являются игрой воображения.

— В самом деле? А мне казалось, вы хотели получить интервью для своего журнала!

— В записке я просил вас не совсем об этом, — в его улыбке было что-то хищное, — хотя у вас создалось такое впечатление, не правда ли?

— И что же вам нужно? — Она насторожилась. — Должна честно признаться, что незнакома с вашей... м-м... «Штурманской рубкой».

— Издание у нас небольшое, да и не сенсационное, хочу уточнить. По большей части дает статьи или очерки о текущих событиях. Мы частенько углубляемся в историю и антропологию, пытаемся обрисовать перспективы на будущее.

— На слух довольно любопытно. — Макендел порывисто вздохнула. — Однако, боюсь, мне лучше уклониться от интервью и всяческих расспросов. Я не хочу огласки — лично у меня к ней антипатия, а «Единству» она может повредить.

— Неужели? А я-то думал, что, если бы ваши труды — характерные весьма оригинальным подходом — стали известны широкой общественности, вы получили бы всяческую поддержку, сотрудничество и все, в чем нуждаетесь. Опять

же, ваш пример может вдохновить на благое дело кого-нибудь еще.

— Сомневаюсь, что кому-либо удастся с успехом воспользоваться нашим опытом. Мы просто уникальны. И одним из условий, обеспечивающих наше выживание, являются малые масштабы деятельности и отсутствие огласки. Стоит нам оказаться в центре внимания, и все разлетится вдребезги.

Большие, чуточку раскосые глаза Таннахилла настойчиво искали ее взгляда. Когда ему наконец удалось заглянуть на дно ее зрачков, он не смутился и не потупился.

— Я полагаю, сами вы, миледи, куда важнее, — вполголоса сказал он. — Как и ваша компаньонка мисс Донау.

Острое чувство опасности пронзило ее. Коринна вскочила, повысив голос:

— Что вам надо?! Не будете ли добры перейти к сути дела?

— Приношу нижайшие извинения. Я вовсе не намерен был вас оскорбить, как раз напротив! Но, полагаю, нам следует говорить в строго конфиденциальной обстановке.

Коринна молниеносно пришла к решению.

— Очень хорошо. Погодите минуточку, мне надо отдать кое-какие распоряжения.

Выйдя в холл и отыскав служанку, она прошептала:

— Я и этот джентльмен будем в кабинете. Вели Бойду и Джерри держаться на подхвате, и если позвоню, явиться незамедлительно.

— Беда, мэм, что ли? — испуганно уставилась на нее девушка.

— Нет-нет, — поспешила успокоить ее Макендел. — Просто на всякий случай.

Пренебрегая осторожностью, бессмертным не станешь.

Вернувшись в гостиную, она ввела Таннахилла в комнату, заполненную затейливыми атрибутами. Пока Коринна открывала дверь, он успел их внимательно оглядеть.

— Ну садитесь же! — отрывисто сказала она — куда грубее, чем намеревалась.

Он послушался, и Коринна тоже уселась, оставив между собой и гостем преграду в виде кофейного столика.

— Итак, я была бы весьма признательна, если бы вы изложили цель своего визита как можно быстрее.

— Простите, это невозможно. — Таннахилл тоже был не в силах скрыть охватившее его напряжение. — Слишком уж ошеломительную весть я принес. Мне надо кое в чем убедиться, прежде чем я решусь выложить все начистоту. Позвольте мне начать с обещания, что я не стану вам угрожать, предъявлять

требования или склонять вас к пагубным деяниям. Я не принадлежу к числу обычных людей и, есть основания полагать, вы с мисс Донау — тоже. Если так, мы приглашаем вас присоединиться к нам в целях взаимопомощи и будущей дружбы.

Неужели он тоже?.. Внезапно сумрак часовни заволокло на миг красной пеленой, в ушах запела кровь — и сквозь звон она расслышала:

— Буду откровенен. Надеюсь, вы не поставите этого мне в упрек. Предварительно я нанял сыскное агентство, чтобы оно подготовило доклад о вас двоих и вашей организации. Они вовсе не шпионили, а просто походили недельку кругами, болтая с желающими поболтать, сделали тройку-пятерку снимков. Кроме того, они просмотрели подшивки старых газет и соответствующие архивные записи. Это делалось лишь с целью подготовки к беседе, чтобы я сегодня мог говорить разумно, не тратя вашего времени попусту. — Таннахилл мимолетно улыбнулся. — Лично вы были и остались загадочной личностью. Я не знаю о вас практически ничего; согласно газетам и воспоминаниям двух-трех престарелых членов «Единства», это общество организовано вашей матерью, а вы очень на нее похожи. С другой стороны, если не ошибаюсь, о Розе Донау я располагаю несколько более обширной информацией.

Макендел с усилием взяла себя в руки. Сердце не могло унять торопливого бега, но разум работал ясно, все чувства были обострены до предела. Если он и впрямь бессмертный — какая ж может быть в том угроза, что несет эта встреча, кроме радости? Конечно, если он не тот... Разумеется, бросаться очертя голову ему навстречу тоже не следует.

— Тогда почему вы первым делом не обратились к ней?

— Ей это могло бы не понравиться. Разве вы не видите, что я стараюсь не пугать вас. — Таннахилл подался вперед, положив руки ладонями на колени. — Можно поведать вам одну историю? Если хотите, назовите ее плодом фантазии. Или же притчей — судя по всему, вы весьма начитанны.

Она лишь молча кивнула.

— Было это в давние-предавние времена, — неспешно повел он рассказ, — в городе, что зовется ныне Стамбулом. Тогда этот город звался Константинополем и был столицей великой империи. И там жила-была женщина. Родилась на свет она вовсе не там, а в Сирии. Жизнь ее не баловала, заставила поскитаться по миру и получить немало ударов и шишек, из чего она вынесла много жестоких уроков. И была она куда старше, чем выглядела, — однако и не так стара, как ее профессия, в которой ее молодое тело было первым подспорьем. Она неплохо

справлялась, хотя время от времени приходилось собирать пожитки и перебираться на новое место, где начинать все заново под иным именем. И вот наконец однажды к ней пришел человек, который тоже был гораздо старше, нежели выглядел. Он со своим товарищем странствовал по всему белу свету. На сей раз они прибыли купцами с русским речным караваном из варяг в греки.

Рассказывая, Таннахилл пристально следил за собеседницей. На этом месте она не могла более сдерживаться и воскликнула:

— Стойте! — Порывистый вздох. — Мистер... Таннахилл, вы, часом, не имеете отношения к... джентльмену по имени Уиллок?

Костяшки сжимающих колени пальцев побелели.

— Да. То есть мне о нем известно, хотя он, быть может, ни разу обо мне не слыхал. Научно-исследовательский институт нанял его для поиска людей, являющихся носителями... генов долголетия. Крайнего долголетия.

— Понимаю. — Ее внезапно охватило беспредельное спокойствие, даже какая-то отстраненность. Будто кто-то посторонний говорил вместо нее. — Мы с Розой видели вашу рекламу и нашли ее весьма любопытной.

— Но не отозвались.

— Нет. Нам приходится проявлять осторожность. «Единство» работает среди заблудших, в окружении скверных типов, которым мы перебежали дорогу. У нас хватает врагов, не слишком разборчивых в средствах.

— Именно так я и понял. Торжественно клянусь вам, мисс Макендел, что я представляю весьма достойное общество. Более того, о вашем существовании мы узнали лишь благодаря тому, что двое из нас тоже заняты наставлением заблудших. Нас мало, ох, как мало! — закончил он.

— И все-таки вы должны мне дать время на размышление. Вы собирали информацию о нас. А что нам известно о вас?

Таннахилл добрую минуту сидел молча, потом кивнул:

— Разумно. Спрашивайте, о чем пожелаете.

— Вы обещаете дать откровенный и полный ответ на любой заданный мной вопрос? — приподняла она брови.

Запрокинув голову, журналист рассмеялся.

— Вот так славно! Нет, конечно. — Переходя на серьезный лад: — Я смогу быть откровенным, лишь когда мы окончательно проникнемся взаимным доверием. Позвольте мне сделать все, что в моих силах, дабы приблизить этот час.

— В данный момент вы ничем не можете мне помочь. Я хочу провести независимое расследование со своей стороны. Прочту несколько номеров вашего журнала, узнаю, как вы живете, что думают о вас соседи, и тому подобное, — как вы поступили по отношению к нам. Много времени это не займет. А уж тогда мы с Розой решим, как поступить дальше.

Он улыбнулся, ощутив явное облегчение:

— Ваши слова надо понимать в смысле: «Не звоните, пока мы сами не позвоним». Ладно. Времени и терпения у нас хоть отбавляй. Мы умеем ждать. Мы не будем предпринимать никаких шагов, пока вы сами того не захотите. — Сунув руку в карман, он извлек визитную карточку. — Вот мой адрес в Нью-Хемпшире. Мы с другом — я здесь не один — завтра же вернемся туда. Звоните в любое время суток, или пишите, если пожелаете. Если мы будем в отъезде, я уведомлю персонал, как со мной связаться, и смогу подъехать сюда на следующий же день.

— Спасибо.

И тут он едва не покорил ее, тотчас же встав со словами:

— Нет, это вам спасибо! Надеюсь на скорую встречу в удобное для вас время. — Он помолчал. — Пожалуйста, перескажите мою притчу мисс Донау и присовокупите счастливый конец. Герой моего рассказа давным-давно не сердится на ту женщину. И надеется на радостную встречу.

— Передам, — кивнула Макендел.

Они еще раз пожали друг другу руки, на сей раз чуть продлив контакт — но не проронили больше ни слова.

Расставшись с ним у дверей, Коринна взглядом проводила Таннахилла, легко и бесстрашно шагавшего по опасной для прохожих улице. Уж этот-то сумеет о себе позаботиться, думала она, он явно бывал в местах куда более страшных, чем Гарлем при свете дня... Но какой он все-таки, черт его побери, чаровник!

Или я сама ему это приписала? Быть может, Алият права, и бессмертный человек вовсе не обязан быть хорошим? И если он — хотя нет, если они... Она ведь так и не объяснила толком, что против него имеет...

А чего, собственно, я дожидаюсь? Почему медлю? Бог мой, он же мужчина! Там, должно быть, есть и другие!..

Эй, девочка, поостынь!..

Переполнявшая ее радость понемногу иссякла. Коринна ощутила противную внутреннюю дрожь, но уже могла посмеяться над собой, и это принесло очищение. Обет безбрачия — вот цена, которой приходится платить за свое положение; мама-ло

не может принимать бесконечную череду любовников, а завести себе мужа она не осмелилась.

Я гордилась своим самообладанием, пронеслось у нее в голове, и проглядела, что все более сосредоточиваюсь на самой себе. А между тем в глубине, милая, ты остаешься все той же вульгарной, ограниченной, ранимой женщиной. Но при том наделенной чувством долга перед другими.

Она вошла в дом и поднялась в комнату, служившую ей кабинетом. Привычная обстановка окончательно вернула ее с небес на землю. Нечего мечтать, дела ждут.

Устроившись за столом, Коринна взялась за телефон. Среди набранных ею номеров были три, принадлежавших полицейским чинам, и один — среднего ранга агенту ФБР; «Единство» спасло всех четверых, когда те были еще детьми. Не в силах усидеть на месте, они покинули «Единство», но к тому времени оно уже подготовило их к самостоятельной жизни, — а они не забыли добра. Нет, ни один из них не пошел бы на предательство, ни на йоту не отклонился бы от служебного долга; но этого от них никто и не требовал. Однако они не раз проводили небольшие расследования, выполняя просьбу мамы-ло и принимая на веру ее слова, что она преследует лишь благие цели. Благодаря им она быстро выяснила о Кеннете Таннахилле очень многое, — наверное, даже такое, чего он сам о себе не знал.

11

Услышав названный Алият адрес, водитель такси помрачнел. Прибыв на место, он с откровенной радостью выпустил пассажирку — и был таков. На мгновение она почувствовала себя брошенной.

В небе еще плескался последний вечерний свет, но облупившиеся стены ущельем высились вокруг, пропуская лишь отдельные лучи, и на улицу уже навалилась темнота. Тусклый свет фонарей высвечивал пустынную мостовую, потрескавшийся тротуар, обрывки бумаги и пластика, осколки стекла, пустые банки, окурки и прочие, совсем уж неописуемые отбросы. Ярко сияло пяток не заколоченных досками окон, но никто не выглядывал из них наружу. Казалось, в неостывшем душном воздухе висит запах страха, перебивающий привычный здесь смрад.

Алият заспешила к дому «Единства». Фасад его ждал своей очереди на ремонт, ничем не выделяясь среди потрепанных соседей, но внутри работы заметно продвинулись. Жаль, строители давным-давно разошлись по домам; хотелось бы знать, подает

ли округа признаки жизни, когда над улицей разносятся веселый стук молотков, визг пил и шорох мастерков?

Дверь оказалась заперта. Во время предыдущего визита она стояла нараспашку. Вдавив кнопку звонка, Алият искоса оглянулась через плечо, изо всех сил прижимая сумочку к груди.

В укрепленном стальной сеткой стекле замаячил темный силуэт, и мужчина принялся разглядывать посетительницу сквозь глазок. Казалось, прошла целая вечность, пока он впустил ее внутрь. Его-то Алият узнала, но второй, стоявший рядом, показался незнакомым, хотя у обоих мужчин на груди красовались значки добровольной охраны. Ничего страшного, просто общество так разрослось, что уже невозможно упомнить каждого. Вот только ни один из них не был тем, кого она ожидала встретить.

— Миссус-ло! — воскликнул первый. — Чего вы пришли в такую поздноту?

— Мне надо видеть Рэнди Касла, — быстро ответила она. — Мне сказали, что он сейчас здесь.

— Ага, тут он, — говоривший поцокал языком. — Не следовало бы вам тут появляться, миссус-ло, особо в одиночку.

Она и сама поняла это сразу же по приезде, только не хотела признаваться. Вместо этого:

— Рэнди работает весь день, притом в транспортной компании, все время на колесах, так что его не застанешь. Я думала, он в «Цветке надежды». — Так назывался филиал «Единства» в более безопасном районе, где у Касла была своя комната. — Только телефон у него не отвечал несколько часов подряд. Тогда я позвонила его родителям, а уж они сказали, где он. Он нам нужен по делу, а тут у него нет телефона.

— Теперь есть. — Охранник указал на стол, где посреди оставленного столярами беспорядка стоял аппарат. — Я его раздобыл.

— Нет-нет, вопрос сугубо личный.

— Понял, — его доверие к ней было безграничным и безоговорочным. — В общем, Рэнди справа по коридору, номер третий. — Указывая направление, страж даже вымучил улыбку. — Не надо волноваться, миссус-ло. Доставим вас домой в лучшем виде.

— Что-нибудь сообразим, — подхватил его напарник.

Коридор за вестибюлем был уже отремонтирован, оставалось лишь покрасить его и положить ковер. Алият постучала в новехонькую дверь. Дверь распахнулась, на пороге с рычанием вырос крупный мужчина.

— Чего еще там?! — но тут же разглядел пришедшую. — Эгей, что стряслось-то?

— Мне надо с тобой поговорить.

С трогательной, неуклюжей почтительностью он ввел ее в комнату и закрыл дверь. Ремонт был окончен, комната выглядела опрятно, но была меблирована весьма скудно — жильцов здесь пока не ждали. Рядом с электроплиткой на столе лежала стопка книжек и несколько исписанных блокнотных листков. Подобно большинству молодых членов «Единства», Рэнди совершенствовал свое образование — мечтал стать инженером.

— Чувствуйте себя как дома, — запинаясь, пророкотал он. — Рад вас видеть, но лучше б вы не приходили. Понимаете, о чем я? Чем могу служить?

Уступая его настойчивым просьбам, Алият заняла единственный в комнате стул. Рэнди предложил сделать кофе, но она отрицательно покачала головой, и он устроился на полу у ее ног.

— Что тут творится? — требовательно поинтересовалась Алият. — Почему ты перебрался сюда? Где Гас?

Гас — так звали предыдущего ночного дежурного.

— Уложили его, миссус-ло, — напрямик заявил Рэнди. — Ночью... э-э... четыре дня назад ворвалась банда хулиганья и сильно его отделала.

— Мама-ло знает?

Печальная новость потрясла ее до глубины души.

— Н-нет пока. Мы решили, может, лучше сперва сказать вам и узнать, чего вы скажете.

Послушники пытаются оградить святую, подумала Алият. Коринна может, несмотря ни на что, запретить противостояние насилию и велеть бросить начатое дело. А люди, научившиеся высоко держать голову, отступают не так-то просто.

— Только вас в городе не было, — закончил Рэнди.

— Да, две недели не было. Виновата, надо было бы поддерживать с вами связь, но мне и в голову не приходило, что может возникнуть какая-то экстренная ситуация.

— Ясное дело, — совершенно искренне согласился он. — Откуда ж вам знать! Вам сильно нужно было отдохнуть, уж это непременно. Мы видели, какая вы усталая.

Не так уж я и устала, сказала она себе, — во всяком случае, телом. И все-таки это правда — административные обязанности, финансы, учет, консультации и миллион других дел, потому что позволить себе наем квалифицированных работников нам не по средствам, — все держится на мне одной, и это изматывает. Как бы много «Единство» ни значило для меня,

заменить всю полноту жизни оно не в состоянии; у меня не хватит для этого ни мужества, ни душевной широты. Время от времени я должна вырываться на свободу, захватив с собой скромные сбережения, отправляться куда глаза глядят под другим именем и наслаждаться роскошью, блеском, развлечениями на всю катушку, а если встречу кого-нибудь привлекательного — то и поддаться увлечению. (В последние годы — чаще с мужчинами, а не с женщинами: «Единство» избавило меня от горечи и залечило многие раны.) А собственно, с какой стати я себя уговариваю? Чтоб избавиться от чувства вины за отлучку?..

— Как Гас себя чувствует? — вслух поинтересовалась она.

— Он в порядке. Лекарь Джайлс собрал его не хуже настоящего доктора, а дома за ним приглядывают.

— Значит, вы не оповестили полицию?

— Без толку. Неприятностей не оберемся, и только.

— Слушай, — резко бросила Алият, — сколько мы с мамой-ло должны вдалбливать вам в головы, что полиция нам не враг? Это преступники наши враги.

Я лицемерю лишь наполовину, отметила она про себя. Пожалуй, фараоны действительно стараются действовать чаще всего во благо, но они по рукам и по ногам повязаны законами, плодящими преступников почище, чем в свое время «сухой закон»...

— Ну, их просто на все не хватает, — извиняющимся тоном возразил Рэнди. — Они ж не могут поставить у нас круглосуточный пост, так ведь? А Гас говорил, что эти мерзопакостники обещали чего похуже, если мы не смотаем удочки. Может, даже подожгут. Вот мы и порешили усилить ночную команду. Это их должно отпугнуть. Потому-то я и остался тут с остальными ребятами.

У Алият побежали по спине мурашки. Улица возле дома была совершенно пустынной и тихой. Слишком уж тихой. Неужели весть о том, что здесь затевается потасовка, уже разнеслась по округе?

Что тут можно поделать? Ничего. Разве что позднее.

— Будь осторожен, — с мольбой сказала она. — Это дело не стоит ни одной человеческой жизни.

Рэнди, милый, добавила она безмолвно, у тебя в запасе еще лет пятьдесят—шестьдесят...

— Гм, вы тоже, миссус-ло. Не стоило вам рисковать, приходя сюда после сумерков, пока мы тут не очистили местечко, — охваченный энтузиазмом, он снова выпрямился. — А чего вы хотели-то? Чем мы можем вам помочь?

Ее опять охватил тот же трепет, что и при сегодняшнем разговоре с Коринной. Окружающее убожество будто бы озарилось огнем. Не в силах усидеть на месте, она вскочила.

— Надо совершить довольно длительную поездку на машине — в Нью-Хемпшир. Мне потребуется водитель и — будем надеяться, что обойдется без этого — телохранитель. Человек сильный и абсолютно надежный, в том числе умеющий держать язык за зубами. Я сразу же подумала о тебе. Ты не против?

От восторга он тоже вскочил, возвышаясь над ней, как скала.

— К вашим услугам, миссус-ло, и огромное вам спасибо!

— Наверно, тебе не стоит отпрашиваться с работы. Теперь, когда я знаю, что могу на тебя рассчитывать, я заранее напишу, чтобы меня ждали. — Вряд ли корреспонденцию перехватывают, но для надежности можно послать письмо заказным с доставкой лично в руки, и уж Алият позаботится, чтобы оно пришло с первой утренней почтой. Таннахилл может ответить тем же манером. — Мы отправимся в субботу рано утром. Если все пойдет хорошо, то успеем вернуться в воскресенье к вечеру. А может, я задержусь, и ты вернешься один.

Это в том случае, добавила она про себя, если я решу, что им можно доверять.

— Ясное дело! — лицо его приняло встревоженное выражение. — Вы говорили про телохранителя. Это может быть опасно? Мне будет не по себе везти вас к опасности.

— Нет, мне никто не угрожает расправой. — Она тут же усомнилась, так ли это на самом деле. Потом усмехнулась. — Если за моей спиной будет маячить внушительный мужчина, моя миссия пройдет более успешно. Я должна передать сообщение, а потом, думаю, посовещаться.

Коринне стало известно, что за Кеннетом Таннахиллом установлена активная слежка, очевидно, по поручению сенатора Соединенных Штатов. Она как раз собиралась послать ему предупреждение почтой, когда явилась я. Я тут же заявила, что, если доставлю сообщение лично, он будет настолько ошеломлен, что я смогу захватить инициативу в свои руки... И что? Постигну его нрав?

Это наверняка Кадок, Ханно — тот самый, кого я ограбила и пыталась убить. Он сказал, что простил мне, а девятьсот лет — срок достаточный, чтобы позабыть любые обиды, если только он все это время не растравлял себя. Надо решить, присоединяться ли к нему со товарищи; поглядеть, что они за люди, обсудить, на каких условиях мы к ним войдем, если решимся. По-моему, я распознаю мошенника или чудовище быстрее и точнее, чем мама-ло...

— Однако задача будет не из легких, Рэнди, — продолжала она. — Мне надо войти и выйти, не дав о себе знать... в общем, тем, кто следит за домом. Найду какую-нибудь маскировку. Скажем, коротко подстригусь, загримирую лицо, оденусь в мужское платье и возьму сумку с инструментами, чтобы походить на водопроводчика или электрика. Поедем на старой, простенькой машине, да еще я раздобыла нью-хемпширские номера. — Хоть «Единство» чуралось преступного мира, приходилось быть в курсе, кто, что и почем в городе. — По дороге сменим.

Почти забытое волнение взыграло в крови, заставив Алият отбросить опасения. Колоду на стол, и гори все прахом! Плевать на власти! Неужели она до сих пор в глубине души — нарушительница закона? Но стоящий перед ней парнишка будет сбит всем этим с толку.

— Извини, — завершила она. — Мы не можем позволить тебе присутствовать при переговорах, и посвятить тебя в их суть я не могу. Но я готова присягнуть, что дело это благородное.

— Не сомневался ни секунды, миссус-ло!

Ее пальцы охватили коричневую ладонь собеседника.

— Ты милый.

Сквозь дверь донесся грохот и крики.

— Эгей! Они?! Не высовывайтесь, миссус-ло! — рявкнул Касл и бросился в дальний угол. Тарарам нарастал. Выхватив из картонной коробки на полу темный металлический предмет, Касл рванулся к двери. — Держитесь, братья! Я иду!

— Нет, погоди, брось это, не надо, Рэнди...

Времени на раздумья у Алият не было. Она устремилась следом за человеком, сжимавшим в руке пистолет — оружие, запретное для простых людей.

Вдоль по коридору. Через вестибюль. Защитное стекло входной двери выбито, воздух помутнел от дыма. В вестибюле полдюжины бесчинствующих юнцов. Охранники... Двое налетчиков крепко прижали одного сторожа к стене. Где его напарник? За Алият по пятам на помощь товарищам мчались члены «Единства».

— Стоять, ублюдки! — взревел Касл, и его пистолет грохнул — предупредительный выстрел в воздух.

Один из нападавших ответил выстрелом в упор.

Касл покачнулся, заваливаясь назад, каким-то чудом ухитрился выстрелить прицельно — и рухнул. Кровь хлынула у него горлом — последнее, что заметила Алият.

Затем ее потряс удар грома.

12

Когда Стоддард позвонил, Мориарти как раз завтракал. В столовой у сенатора тоже был телефон — даже в летней резиденции, в уютном родном штате, надо быть всегда наготове; к тому же этого номера нет в телефонных книгах, что весьма помогает отделаться от нежелательных звонков.

Голос в трубке мгновенно и безоговорочно завладел его вниманием. Сенатор присвистнул, потом охнул: «Боже мой!» Наконец бросил:

— Садитесь на первый же попутный самолет, от аэропорта хватайте такси, сколько бы это ни стоило. Привезите все материалы, какие у вас есть на данный момент. Мне нужна полная картина. Речь на суде, знаете ли, предвыборные митинги... Ладно. Кажется, неплохо, а?.. Поторопитесь. Пока!

И положил трубку на рычаг.

— Что там еще? — поинтересовалась жена.

— Прости, это совершенно секретно. Гм, ты не позаботишься об отмене моих визитов на сегодня?

— Что, отказаться от приема у Гаррисонов тоже? Вспомни, кто туда придет!

— Увы, но это весьма важно. Ступай одна. Передашь мои сожаления и будешь кружить головы этим шишкам.

— Буду из кожи вон лезть.

— Ты потрясающе мила, любовь моя! — Ах, какая из нее выйдет первая леди! Но это после, после — когда судьба повернется к нему лицом. Тогда другие женщины не будут слишком уж волновать ее. — Извини, я доем и побегу. Мне надо провернуть кучу дел, а времени осталось куда меньше, чем я рассчитывал.

Правду сказать, так оно и было. Конгресс распущен на парламентские каникулы, но проблемы избирателей отдыха не знают, — а повредить своим ключевым интересам сенатор не имел права. И так уж собрание оставило ему вагон и маленькую тележку проблем, которые надо решить до выборов. Да и над послезавтрашней речью еще работать и работать. Пусть это всего лишь посвящение в студенты, но если удастся сказать нечто важное, облачив в яркие доходчивые слова, средства массовой информации могут подхватить их. Кровь из носу, надо найти крылатые слова, вроде рузвельтовского: «...единственное, перед чем мы должны испытывать страх, — это сам страх». А еще лучше, как у Джона Кеннеди: «Не спрашивай, права ли твоя страна...»

Несколько часов спустя он принял Стоддарда в своем кабинете — просторной, светлой комнате с видом на океан. На соленых волнах выплясывали солнечные блики и скользили белокрылые яхты. В отличие от вашингтонского кабинета сенатора, стены которого плотно увешаны его портретами в компании знаменитостей с их автографами, здесь имелось лишь несколько семейных портретов, написанный дочерью пейзаж да приз за верховую езду времен начальной школы. У стены стоял книжный шкаф — исключительно справочная и развлекательная литература, подобранная не на показ, а для собственных нужд.

Подняв голову от стола, он бросил:

— Привет! Садитесь, — но тут же сообразил, что держит себя чересчур бесцеремонно. — Извините. Полагаю, я нервничаю куда сильней, чем думал.

Стоддард сел в вертящееся кресло и откинулся на спинку, положив портфель на колени.

— Я тоже, сенатор. Не возражаете, если я закурю?

— Нет, — Мориарти изобразил жалобную улыбку. — Жаль, я сам не осмелюсь.

— Мы тут одни. — Стоддард протянул ему пачку.

— Нет, спасибо, — покачал головой Мориарти. — Слишком трудно было бросить. Интересно, что сказал бы Черчилль об обществе, в котором, если надеешься на высокий пост, уж и курить нельзя.

— Можно, если ты из табаководческого штата. — Стоддард чиркнул спичкой. — В противном случае приходится голосовать за щадящие цены, субсидии и экспортные льготы для табачной промышленности и одновременно призывать к борьбе с опасными наркотическими веществами.

Проклятый сукин сын! Жаль, что он так полезен. Ничего, за ерничество обойдется без выпивки.

— Давайте перейдем к деловому разговору. Много ли вам известно подробностей?

— А вам, сэр?

— После вашего звонка я прочел заметку в «Таймсе», но она оказалась не очень информативной.

— Еще бы, ничего удивительного. С виду тут ничего такого — всего лишь очередная мелкая перестрелка между обездоленными в Нью-Йорке.

— Но она имеет отношение к Таннахиллу! — вспыхнул от радости сенатор.

— Возможно, — осмотрительно поправил его Стоддард. — Мы уверены лишь в том, что в дело вовлечены члены «Единства».

Таннахилл в прошлом месяце навещал его руководительницу, а общество это довольно-таки странное. Не подпольное, а... уклончивое, что ли? Мы потратили массу времени, раскапывая информацию, а в результате может выясниться, что мы сломя голову неслись по ложному следу. Быть может, Таннахилл виделся с руководительницей по какому-то совершенно независимому поводу — скажем, с намерением написать статью. Во время инцидента он из дому и носа не показывал. Насколько мне известно, он и сейчас дома.

Мориарти усилием воли восстановил самообладание. И подумал: неужели это в самом деле нелепость? Почему я разворачиваю тяжелую артиллерию против жалкого овода?

Да потому, что инстинкт, отточенный моим призванием, подсказывает, что за этим стоит нечто большое, очень, очень большое! Распутать это дело — значит не просто заткнуть рот разбушевавшемуся реакционеришке. Оно может поднять меня до заоблачных высот. Спустя четыре года, восемь от силы, я смогу пробудить новый рассвет, так пугающий Таннахилла и его призрачных соратничков!

Он откинулся на спинку своего годами насиженного, уютного, скрипучего кожаного кресла и направил часть сознания на то, чтобы велеть мускулам одному за другим расслабиться.

— Послушайте, вы же знаете, что у меня не было времени идти в ногу с вашим расследованием. Просветите меня вкратце. Начните с самого начала. Не страшно, если я уже слышал то или другое. Я хочу, чтобы факты были выстроены в строгом порядке для последующего рассмотрения.

— Да, сэр. — Стоддард открыл портфель и вынул плотную коричневую папку. — Как вы посмотрите, если я сначала дам сжатый обзор, а уж потом перейду к частностям?

— Чудесно.

— Если помните, — сверился с записями Стоддард, — я говорил вам, что Таннахилл вновь показался в Нью-Хемпшире. С того момента за ним установлена слежка. Согласно вашей инструкции, я уведомил об этом ФБР. Агент, с которым я беседовал, был слегка озадачен.

— Он наверняка счел, что я сую нос не в свои дела, — рассмеялся Мориарти. — Но это лучше, чем заслужить упрек в скрытности. Вдобавок этим мы пустили им пчелу за шиворот. Продолжайте.

— Вскоре после возвращения — вам нужны даты, или пока нет? — вскоре после того Таннахилл отправился в Нью-Йорк, снял комнату в отеле и встретил в аэропорту Кеннеди самолет из Копенгагена. Едва пройдя таможню, молодая дама,

м-м... ринулась к нему в объятия, и они дней пять просидели в отеле. Ситуация напоминала медовый месяц — прогулки, фешенебельные рестораны и прочее в том же духе. Конечно, мы ее проверили. Ее зовут Ольга Расмуссен. Гражданка Дании, но на самом деле русская беженка. В ее биографии есть нечто загадочное, но провести детальную проверку в международных масштабах затруднительно и весьма недешево. Следует ли ее проводить, решать вам. В тот же период Таннахилл посетил штаб-квартиру «Единства». Пробыл там недолго и больше с ними не общался, разве что у них имеется секретный канал связи...

Стоддард ни словом не обмолвился о том, оформлено ли прослушивание телефонных переговоров по закону, а Мориарти не стал затрагивать этот вопрос, давая ему продолжить:

— Затем они с Расмуссен отправились на север, к нему домой. С той поры находятся там. Выходят редко и не делают на людях ничего особенного. Вот только... Недавно съездили в ближайший аэропорт и привезли с собой мужчину. Сейчас он находится, видимо, на положении гостя. О нем ничего установить не удалось, помимо того, что он откуда-то с Западного побережья. Судя по виду, коренной американец.

— Какого племени? — уточнил Мориарти. — Они ведь не все на одно лицо?

— А? Ну, рослый, с орлиным носом. Таннахилл представил его бакалейщику и прочим в деревне Джоном Странником.

— Гм. Западное побережье... А что там о вчерашнем инциденте?

— Очевидно, местный наркобарон этого сектора Нью-Йорка послал своих головорезов устроить налет на жилой дом, который «Единство» ремонтирует для проживания своих членов. Похоже, наркомафия пыталась изгнать «Единство», пока оно не укоренилось на их территории. Оно для их бизнеса — как кость в горле.

Мориарти порылся в памяти.

— Может, я и слышал об этом «Единстве» до сегодняшней истории, но не уверен. Расскажите-ка мне.

— Они держатся в тени. Насколько я понимаю, по собственному желанию. Общество остается компактным, легко управляемым; стараются не высовываться. Это своеобразная организация взаимопомощи среди бедных, однако ничуть не похожая на прочие. Это не религиозная секта, хотя ей присущи элементы религии — уж церемонии во всяком случае. Это не группа самообороны, хотя члены держатся вместе, в том числе в патрулях, выходящих за рамки простого присмотра за округой. Однако,

насколько всем известно, до сей поры они уклонялись от нарушения любых законов. Президент общества, верховная жрица — или как там ее титулуют — весьма таинственная женщина. Черная, по имени Коринна Макендел: У нее есть белая компаньонка Роза Донау — она-то и замешана в перестрелке. Это практически все, что нам известно о «Единстве» на данный момент.

— Расскажите о стычке, — попросил Мориарти. — В газете изложено весьма схематично.

— Боюсь, мое изложение окажется таким же. Донау занималась этим проектом, когда ворвались бандиты. У одного из «Единства» имелось огнестрельное оружие. Стороны обменялись выстрелами. Он был убит, но прежде успел уложить врага. Донау тяжело ранена.

— Субботний вечерний спецвыпуск, — кивнул Мориарти. — Пули свищут там и тут. И все-таки эти мужланы вякают про вторую поправку к конституции... Продолжайте. Были еще жертвы?

— Двое невооруженных ночных охранников были изувечены. Там же находилось еще несколько мужчин из «Единства», но у них были лишь дубинки — ну и пара ножей разрешенного типа.

— Скверно. Никто из них не ранен?

— Нет, их даже не зацепило. После нескольких выстрелов атакующие разбежались. Очевидно, они не ожидали встретить такое сопротивление. Я полагаю, их прицел был на вандализм и разрушение. Люди «Единства» вызвали полицию. Покойников отвезли в морг, Донау — в госпиталь. Ранена в грудь навылет. Состояние серьезное, но опасений не внушает.

— М-м-м... — Мориарти подергал себя за подбородок и с прищуром поглядел на сверкающую под солнцем воду. — Осмелюсь предположить, что главная начальница — Макендел, так вы сказали? — сделает заявление, где особо подчеркнет, что потрясена случившимся и открестится от этих горе-охранников.

— У меня сложилось впечатление, что они клятвенно утверждают, будто идея подежурить принадлежала лишь им.

— И не исключено, что они правы. Донау поведает больше, если выживет. По крайней мере, очевидец событий... Нет, я не считаю это заурядной трущобной потасовкой! — В голосе Мориарти звучало ликование. — Я уверен, что можно отыскать основания, чтобы потребовать федерального расследования «Единства» и всех, кто имеет к нему отношение.

13

— На самом деле индейские мужчины по большей части трудились никак не меньше женщин, — заметил Странник. — Просто разделение труда у нас было выражено более четко, чем у белых, и гости лагеря видели лишь женскую часть работы.

— Но ведь мужская доля была веселее? — спросила Свобода. — Например, охота.

Она взирала на Странника с восхищением — ведь этот человек принадлежал к тем самым легендарным племенам, воочию видел освоение Дикого Запада.

Ханно раздумывал, не закурить ли трубку. Нет, лучше не стоит — Свободе дым не нравится, и по этой причине Ханно сильно урезал дневную норму; наверно, скоро она заставит его совсем бросить. Сама собой явилась брюзгливая мыслишка: почему бы ей не адресовать пару вопросиков и мне? Я ведь тоже американский пионер. Приехал на этот материк, когда здесь была сплошная дичь и глушь...

Его взгляд был устремлен за окно гостиной. Траву заливали лучи клонящегося к западу солнца. Дальше, у края газона, пестрела красными, лиловыми и золотыми красками клумба; за ней высилась сетчатая металлическая ограда, снабженная охранной сигнализацией. Где-то там, незаметный отсюда, пролег подъездной путь, по дуге отходящий от окружной дороги и ведущий к особняку сквозь березовую аллею, минуя ворота с дистанционным управлением. Зато прекрасно видна была лесная поросль, лепетавшая на ветру молодой листвой.

Очаровательное местечко, идеальное убежище от городского шума Нью-Йорка, мирное и тихое. Здесь они со Свободой смогут поглубже изучить друг друга, здесь она получше познакомится со Странником. Ханно должен вернуться в Сиэтл, к заброшенным делам. Свобода поедет вместе с ним; город ей наверняка понравится, а пригородные пейзажи приведут в восторг. Страннику придется задержаться на случай, если придет весточка от Макендел... Перестанут эти женщины когда-нибудь трястись от страха или от чего там еще?.. Свободе не терпится повидаться с Асагао и Ду Шанем... Ему, Ханно, не стоило бы даже думать о том, чтобы отпугнуть ее от Странника. В конце концов, она никому не принадлежит, и нечего ревновать — тем более между ними пока ничего серьезного...

Зазвонил телефон, и Странник умолк на полуслове.

— Продолжай, — подбодрил его Ханно. — Может, трубку и не стоит снимать.

Автоответчик громко изложил свои инструкции и подал гудок. В динамике торопливо зазвучал сбивчивый женский голос:

— Мадам Алият должна непременно переговорить с мистером Таннахиллом. Срочно! Не звоните напрямую...

Алият?! Ханно в два прыжка пересек комнату и сорвал трубку с рычага стоящего на антикварном столике аппарата.

— Алло, Таннахилл слушает! Это ты?!

Но нет, в трубке зазвучал голос Макендел:

— Parlez-vous français?*

Что?! Сердце его упало.

— Oui**.

Он поддерживал свой французский если не на блестящем, то на приемлемом уровне, подновляя его по мере развития языка: зачастую владение языком оказывалось весьма на руку.

— Désirez-vous parler comme-ci? Pourquoi, s'il vous plaît?***

Она в последние десятилетия почти не практиковалась в разговорной речи и говорила медленно, запинаясь; порой Ханно приходилось помогать ей внятно изложить свою мысль. Притихшие Странник со Свободой заметили, как в его голосе прорезалась сталь, как окаменело его лицо.

— Bien. Bonne chance. Au revoir, espérons-nous****.

Положив трубку, он обернулся к друзьям. На мгновение в комнате повисло молчание, нарушаемое лишь посвистыванием ветра на улице. Затем Ханно бросил:

— Сперва проверю, не услышат ли нас...

И вышел.

Прислуга в доме не совала нос куда не следует и не вторгалась в комнаты без надобности, но общим языком для всех троих был лишь английский. Вернувшись, он встал перед двумя другими, положа руки на пояс, встретившись с ними глаза в глаза.

— Звонила Коринна Макендел. Наконец-то. Но с дурными известиями. Жаль, мне не доставляют сюда «Нью-Йорк таймс», — и он бесстрастно пересказал события позавчерашней ночи.

— Ох, ужас какой!

---

* Вы говорите по-французски? (*фр.*)

** Да (*фр.*).

*** Вы что, хотите говорить по-французски? Простите, но почему? (*фр.*)

**** Хорошо. Желаю удачи. До свидания, не теряйте надежды (*фр.*).

Свобода встала и потянулась к нему. Ханно не обратил на это внимания. Странник стоял настороженно, подобравшись, как рысь.

— Худшее впереди, — продолжал Ханно. — У Макендел есть друзья в правительственных службах, особенно в полиции. — Прочитав во взгляде Свободы невысказанный вопрос, он сухо усмехнулся. — Нет-нет, никакие не подсадные утки. Просто дают ей информацию или заранее предупреждают о чем-то, по ее же просьбе, что случается довольно редко. Все это без злого умысла, только лишь для того, чтобы не застали врасплох. Вполне естественная для бессмертных мера предосторожности. Я и сам к ней прибегал, пока не занял положения, при котором лучше держаться от правительства как можно дальше.

Итак, после встречи со мной она хотела узнать обо мне побольше, а уж потом избрать определенный курс действий — или бездействия, опираясь на сведения, которые я не захотел дать. Так что она поинтересовалась у своих информаторов и обнаружила, что вскоре после нашей встречи я попал под негласное наблюдение, согласно указанию сенатора Эдмунда Дж. Мориарти. Да-да, по приказу Нэдди, сенатора и моего bête noire *. Похоже, он меня зачислил в ту же категорию. — Ханно вздохнул. — Надо было оставить его в покое. Я-то воображал, что, разоблачая Мориарти, служу обществу, что обязан оказать Соединенным Штатам эту пустяковую услугу, ибо искренне сомневаюсь, что смогу пережить его президентство. Ошибся я. Надо было сосредоточиться только на собственном выживании. Теперь уже слишком поздно.

Свобода побелела как полотно и спросила:

— Выходит, здесь тоже есть тайная полиция?

— Нет-нет! — утешительно похлопал ее по плечу Ханно. — Ты столько лет прожила на Западе, пора бы уж усвоить, что такого у нас нет; или ты наслушалась европейских леваков? Республика еще не настолько разложилась. Осмелюсь предположить, что Мориарти закинул крючок наугад, в надежде выудить что-нибудь дискредитирующее или подставить Кеннета Таннахилла под удар. Макендел же восприняла все иначе. Пожалуй, она даже восторгается им, потому что Мориарти, по идее, старается на благо обездоленных. Она была чересчур занята, чтобы толком изучать историю. Открытие, что сенатор настроен против меня, заставило ее воздержаться от дальнейших контактов со мной — а вдруг я действительно воплощение зла?

---

* Черный зверь, *здесь*: заклятый враг (*фр.*).

Она ведь чертовски много теряет — не только деньги, а труд всей своей жизни.

— Не обращай внимания, — вклинился Странник. — Видно невооруженным взглядом, что назревающий кризис заставил ее предупредить тебя вопреки всему.

— Более того! — ответил Ханно. — Мы говорили обиняками, весьма окольно. Большая часть того, что я сейчас сказал, — результат логических умозаключений на основании ее уклончивых намеков и известного мне ранее. Макендел справилась в Вашингтоне еще раз, и теперь оказалось, что под наблюдение взяли и ее. После той перестрелки Мориарти наверняка удалось вовлечь в дело ФБР. Это федеральное бюро расследований, Свобода, нечто вроде национальной полиции. Приплел наркотики или еще что-нибудь. Хотя «Единство» ставит заслон циркуляции наркотиков куда эффективнее, чем любая правительственная организация — ну а вдруг да Таннахилл стоит за этим? А глядишь, даже был идейным руководителем нападения? Кроме того, к несчастью, убитый член «Единства» был вооружен пистолетом и применил его на деле. В Нью-Йорке это куда большее преступление, нежели измордовать родную бабушку. Либералы жаждут крови. Макендел сумеет доказать собственную невиновность, но сначала ее адски изведут и... Во время расследования на поверхность может всплыть все что угодно.

— Не говоря уж о той другой женщине, Алият, которая угодила в больницу.

— Точно. Ее не допрашивали из-за тяжелого состояния, но когда за нее возьмутся, это лишь подольет масла в огонь. За время работы в публичных домах она неоднократно подвергалась арестам. Сами знаете, как заведено: всплеск моральной нетерпимости, девиц быстренько распихивают по камерам, чтобы продемонстрировать рвение, и тут же выпускают обратно. У нее много раз, год за годом, брали отпечатки пальцев, а коллекция отпечатков в ФБР — самая большая в мире.

Странник зарычал, будто ему дали под дых. Свобода прикусила нижнюю губу.

— В общем, Макендел еще до того решила покончить с колебаниями и связаться со мной, чтобы попытаться лично выяснить, что я за тип, — продолжал Ханно. — Алият должна была явиться сюда на этот уик-энд в качестве ее представителя и, пожалуй, разведчика. Учитывая, что ранее произошло между нами, испытание весьма серьезное.

Сперва они хотели послать письмо с просьбой о встрече, а я должен был ответить подобным же манером. Но перестрелка

поставила на этом крест. Теперь она поняла, что лучше забыть о подозрениях и откровенно поговорить. Письменное общение чересчур медлительно и обременительно. Но личный визит выдал бы слишком многое, а устроить впопыхах тайную встречу мы бы не сумели. Наши телефоны скорее всего прослушиваются: учитывая новые обстоятельства, Мориарти наверняка сумел убедить какого-нибудь судью из своих политических единомышленников дать санкцию. Но ничего, кроме телефона, не оставалось. Как только полиция уехала, а пресса схлынула, Макендел покинула свой дом и позвонила мне из квартиры одного из своих подопечных. Если повезет, никто из подслушивающих не знает французского. На расшифровку и перевод записи уйдет какое-то время, да вдобавок мы пускались в сплошные околичности. По-моему, мы ни разу не дали прямого повода заподозрить, кто был моим собеседником. И тем не менее она наверняка опорочила себя в той или иной степени. Отважный поступок.

— И все-таки вынужденный, — заметила Свобода. — Наша тайна, как никогда, близка к разоблачению.

— Она главным образом хотела дать мне и остальным бессмертным возможность ускользнуть и стать невидимками, если мы захотим. — Ханно погрозил кому-то кулаком. — Клянусь Господом, сердце у нее открытое! Жаль, что я не питаю такой же уверенности на предмет ее рассудка. В данный момент она прекращает маскарад и прячет концы в воду.

— Неужели она до такой степени доверяет правительству? — удивилась Свобода.

— Я склонен считать, что для нее лично разоблачение не опасно, — задумчиво заметил Странник. — Во всяком случае, поначалу. А вот нам может прийтись трудновато. Особенно тебе, Ханно.

— Да я охрипну, если примусь вслух перечислять свои преступления, — рассмеялся финикиец. — Для начала взять хотя бы обширный список фальшивых имен с полным комплектом документов, вплоть до карточек социального страхования и ежегодных налоговых выплат, не говоря уж о разнообразных лицензиях, свидетельствах о рождении и смерти, паспортах — да уж, я скользкий тип, что и говорить!

— Тебе могут позволить отделаться малой кровью или даже простят. Да и нам, остальным, простят наши мелочные грешки. Мы станем сенсацией! — Странник скривился. — В худшем случае несколько лет в тюрьме ничего для нас не значат.

Хотя тон его противоречил смыслу сказанного: все поневоле вспомнили о безбрежных небесах и бескрайних просторах.

— Напротив, это адски опасно! — возразил Ханно. — Это может привести даже к летальному исходу и для нас, и для многих окружающих. По телефону я не мог объяснить, почему так, особенно учитывая спешку, потенциальных слушателей и ее скверный французский, но убедил Макендел, что не стоит выпускать тигра из клетки, не взвесив предварительно возможные последствия; что судить поспешно — совершенно безнравственно.

— Судя по тому, что ты рассказывал о ней, — сухо бросил Странник, — именно этим аргументом ты и сломил ее сопротивление.

— Она знает от Алият, что я уже давненько болтаюсь по свету. Для первого раза она решила поверить, что я знаю свет получше, чем она. Так что она исчезнет и ляжет на дно, пока ситуация не прояснится.

— И как же она собирается сняться с места?

— Ну уж с этим-то проблем не будет, если ее организация лояльна по отношению к Макендел, — вмешалась Свобода. — Мне приходит в голову целый ряд уловок. К примеру, в дом войдет похожая на нее женщина. Затем они обменяются одеждой, после чего Макендел уйдет. В сумерках этот прием сработает. Люди «Единства» укроют свою руководительницу, а там уж она доберется до убежища, наверняка подготовленного заранее.

— Гм, а как же тогда нам с ней связаться, если ни мы, ни она не будем знать новых имен или местопребывания друг друга? — задумался Странник.

— Она наверняка выложила своей подружке Алият все имеющиеся возможности.

— А как Алият скажет нам? Собственно, что толку тут попусту сотрясать воздух, когда она в плену, и фараоны скоро получат в руки сведения, раскроющие им глаза на ее особенности? Не об этом ли предупреждала тебя Макендел, Ханно?

— Нет. Ей это даже не пришло в голову. Она в полном замешательстве, тревоге, беспокойстве, огорчении, а может даже, в изнеможении. Поскольку я хотел лишь добиться, чтобы она скрылась, то и не стал поднимать этот вопрос. Кроме того, случай Алият тоже далеко не безнадежен.

— Что?! — воскликнула Свобода по-русски. Снова по-английски: — В каком это смысле?

— Сегодня ночью правда не всплывет, — напомнил Ханно. — А может, вообще никогда. Я не уверен, что отпечатки из полузабытых полицейских картотек полувековой давности попали в Вашингтон. А если и попали, если вдобавок следовате-

лям придет в голову устроить проверку, на это уйдет время. Но и тогда, если будут найдены ее данные, — в общем, Томас Джефферсон, умнейший человек из живших на свете, однажды заявил, что куда охотнее поверит в лживость профессоров-янки, нежели в падающие с неба камни. Предположение, что в архивах случилась путаница, кажется куда более достоверным, нежели возможность, что человек остается юным в течение пятидесяти, а то и ста лет.

— По-моему, раз Алият у них в руках, это станет убедительным, — нахмурилась Свобода. — А она может решить, что откровенность пойдет ей на пользу.

— Да уж, с нее станется, — согласился Ханно, вспомнив прошлое знакомство. — М-да, с нашей точки зрения, могут возникнуть тысячи разных осложнений. Давайте прикинем, нельзя ли прибегнуть к каким-либо мерам, которые поправят дело. А для этого, более чем очевидно, нам придется нынче ночью сняться с места.

— Ты же говорил, что ворота под наблюдением, — мрачно возразила Свобода. — Правда, не представляю как. Я не заметила на обочине ни стоящей машины, ни прогуливающегося человека.

— С какой это стати? Миниатюрная батарейная телекамера в кустах справится с задачей куда лучше. Дорога тупиковая, упирается в озеро. Чтобы попасть отсюда куда угодно, надо ехать в противоположном направлении, минуя по пути «Ивовую хижину». Ничуть не сомневаюсь, что не так давно там поселились два-три человека, проводящие в своем коттедже куда больше времени, чем принято у отпускников.

— Можешь восхвалять современную технику, сколько тебе угодно, — буркнул Странник. — Но лично я чувствую, как стены душат меня, сдвигаясь все сильней и сильней.

— Как же нам их обойти? — спросила Свобода. Страх и отчаяние сменились у нее жаждой действия.

— У всякой лисы в норе два выхода, — ухмыльнулся Ханно. — Уложите все самое необходимое. У меня на руках масса наличных плюс аккредитивы, кредитные карточки и разнообразнейшие удостоверения личности, не имеющие к Таннахиллу никакого отношения. Я состряпаю для прислуги какую-нибудь красивую липовую историю. А нынче ночью... В заборе позади дома одна секция поворачивается без включения сигнализации, если только все сделать правильно. Оттуда можно нырнуть прямиком в лес и добраться до деревни в трех милях отсюда. Там живет этакий старый брюзгливый холостяк, которому нравится мой журнал; он только ворчит, что журнал слишком левацкий.

Если я собираюсь осесть на одном месте на длительное время, то всегда стараюсь завести человека, на которого могу положиться, чтобы, оказав мне услугу, он не обмолвился никому ни словом. Он довезет нас туда, где можно сесть на автобус или на поезд. Я думаю, будет мудрее по пути пересесть на другой рейс, но так и так мы будем в Нью-Йорке уже завтра.

14

Зданию больницы было лет сто, никак не меньше — кирпичи потемнели от копоти, окна давно не мыты. Внутри оно тоже подверглось лишь поверхностной модернизации — больница предназначалась для бедных, нуждающихся, для жертв несчастных случаев и насилия. Окружали ее такие же неряшливые, невзрачные дома. По прилегающим улицам проносились практически лишь грузовики с товарами и индустриальным сырьем. Воздух казался мутным от заводского дыма.

Такси подъехало к обочине, и Ханно, протянув водителю двадцатидолларовый банкнот, распорядился:

— Ждите нас здесь. Мы приехали за подругой. Она еще довольно слаба и должна тотчас же ехать домой.

— Если чересчур задержитесь, я должен буду объехать вокруг квартала, — предупредил водитель.

— Ладно, объезжайте поскорей и при первой же возможности снова остановитесь. При расчете не обидим.

Шофер посмотрел на них с сомнением, вполне понятным, если учесть вид этой больницы. Свобода нарочито явно записала его имя и номер. Ханно вышел вслед за ней и захлопнул дверцу. У него был сверток, у нее — сумка через плечо.

— Теперь не забывай, что дело выгорит, только если мы будем держаться, словно у нас тут самые важные кабинеты, — вполголоса пробормотал Ханно.

— А ты не забывай, что я была снайпером и проскользнула через «железный занавес», — бросила она свысока.

— Извини, действительно сморозил глупость. Просто сейчас у меня мысли работают в ином направлении. Ага, вон он!

Ханно кивком указал на Странника. Индеец в отрепьях и низко надвинутой на лоб шляпе брел вдоль тротуара, будто ему больше нечем было заняться.

Ханно и Свобода вошли в сумрачный вестибюль. Охранник в форме окинул их безразличным взглядом. Даже у этих пациентов бывают посетители. Устроив вчера рекогносцировку, Ханно убедился, что никто не потрудился выставить возле Розы Донау

полицейский пост. Сюда ее доставили исходя из того, где подобрали, а когда выяснилось, что лечение могут оплатить, было решено, что перевозка в лучшую больницу связана с риском для пациентки. Так или иначе, другой охраны, кроме местной, тут нет.

Он направился в мужской туалет. Там никого не было, но для вящей безопасности он зашел в кабинку. Распаковав сверток, извлек врачебный халат и надел его. Купить халат, а заодно всякое другое медицинское снаряжение, было несложно — в фирме, поставляющей подобные товары. Халат несколько отличался от одежды местного персонала, но если никто не станет приглядываться, то сойдет. Запятнанная и застиранная одежда здесь была правилом, а не исключением. Сунув упаковку в урну, Ханно вышел в коридор, к дожидавшейся там Свободе, и вместе с ней поднялся на лифте наверх.

Еще вчера они выяснили, что Розу Донау поместили на седьмом этаже. В регистратуре сказали, что посетителей допускают лишь на короткое время, и еще подивились, как много людей тревожится о здоровье больной.

Когда Ханно и Свобода вошли в палату, у постели Алият находились две добровольные сиделки, принесшие цветы, на которые наверняка истратили последние деньги. Ханно улыбнулся им и, подойдя поближе, склонился над раненой. Алият была бледна как мел, щеки ввалились, неглубокое дыхание вырывалось из груди короткими частыми рывками. Ханно и не узнал бы ее, если бы не видел сделанные детективами по его заказу снимки. Да что там, ее и по снимкам было бы не узнать, не догадывайся он заранее, кто это. Прежняя встреча произошла в незапамятные времена.

Ханно мысленно молился, чтобы она помнила новогреческий не хуже, чем он. Ведь можно было надеяться, что она жила в странах Средиземноморья вплоть до переезда в Америку.

— Алият, друг мой, мы рассчитываем, что сможем вытащить тебя контрабандой. Хочешь ли ты этого? Иначе, ты сама знаешь, тебе предстоит распроститься со свободой навеки. У меня есть деньги. Хочешь ли ты бежать?

Бесконечно долгое мгновение она лежала неподвижно, потом едва заметно кивнула.

— Ладно. Как ты думаешь, ты сумеешь пройти небольшое расстояние и выглядеть при этом естественно? Немного, метров сто. Мы тебе поможем, но если упадешь, нам придется бежать, бросив тебя.

Ее щеки тронул едва уловимый румянец.

— Да, — не подумав, по-английски шепнула она.

— Тогда жди нас завтра днем. Сделай так, чтобы у тебя не было посетителей. Скажи этим людям, что тебе хуже и ты просишь несколько дней не беспокоить визитами. Попроси оповестить всех. Береги свои силы.

Он выпрямился и встретился взглядом с женщинами из «Единства».

— Я и не догадывался, что состояние ее столь серьезно. В противном случае я непременно заранее уведомил бы ее о нашем с женой приходе.

— Вы не городские? — поинтересовалась женщина.

— Да. Мы давненько с ней не виделись, но прочли об... хм, инциденте, и вот, раз мы с ней земляки, а у нас все равно дела в Нью-Йорке... В общем, прошу прощения. Нам лучше уйти, Ольга. Роза, увидимся в другой раз, когда тебе станет получше. Ты уж постарайся.

Они со Свободой ласково похлопали Алият по безвольно лежащим на одеяле рукам и ушли.

Сейчас, пройдя по коридорам седьмого этажа и на мгновение заглянув в палату, они не заметили никаких признаков ловушки. Если бы Алият не хотела бежать, пройдя через сопутствующие бегству муки и опасности, она вполне могла бы выложить правду и подставить Ханно под удар. Он делал ставку на то, что недоверие к властям после стольких веков борьбы с ними у Алият в крови; или, по крайней мере, что она достаточно сообразительна, чтобы предвидеть необратимость последствий рокового признания, которое отрежет все пути к отступлению.

Вообще вся эта затея — чистейшей воды азартная игра. Если она провалится, да если Ханно и Свобода не сумеют ускользнуть... Не стоит думать об этом, иначе тревога помрачит разум и отнимет силы.

— Проклятье, — бросил Ханно. — Ни одной инвалидной коляски. Глянем-ка этажом ниже.

Там им повезло больше — в коридорах без присмотра стояли коляски, каталки и тому подобное. Выбрав, что надо, Ханно стремительно покатил кресло к лифту. Встречная медсестра бросила на него взгляд, открыла было рот, но тут же пожала плечами и заспешила по своим делам. Здешнему перегруженному персоналу недоплачивали, так что в больнице наверняка большая текучесть кадров. Свобода следовала на безопасном удалении, делая вид, что ищет нужный номер палаты.

Вернувшись на седьмой этаж, они направились прямиком к Алият. Теперь все зависело лишь от скорости. Свобода вошла первой. Если бы внутри оказался врач или медсестра, пришлось

бы бродить поблизости, выжидая подходящего момента. Выглянув за дверь, Свобода жестом поманила Ханно. Ощутив, как подпрыгнуло сердце, он прошел внутрь.

В сумрачной неопрятной комнате в два ряда стояли койки; свободных почти не было. Одни пациентки смотрели висевшие над каждым рядом телевизоры, другие дремали, третьи лежали без памяти; три-четыре пары глаз поднялись на пришельцев, но в мутных взглядах не отразилось никакого интереса. Никто ни о чем не спросил; Ханно и не опасался такого оборота — в подобном мертвенном окружении человек быстро тупеет и теряет чувство реальности. Алият тоже спала, но едва он коснулся ее плеча, как она, моргая, уставилась на него. И тут он внезапно узнал ее — во взгляде читалась та самая настороженность приготовившегося к броску хорька, которую Алият тогда скрывала, пока для Ханно не стало слишком поздно спохватываться.

— Ну вот, мисс Донау, — расплылся он в улыбке, — съездим-ка на анализы, а?

Она кивнула и собралась с силами. Да уж, она знает, как мучительно больно будет все дальнейшее. Ханно сохранил старые моряцкие навыки — в частности, умение аккуратно носить тяжести, и хотя сложением ему было далеко до Геракла, его жилистое тело никогда не подводило. Подсев, он подхватил Алият и перенес ее с койки в кресло. Она закинула руки ему на шею. Ханно ощутил на затылке мимолетную проказливую ласку ее пальцев, но услышал и тяжелый всхлип дыхания.

Свобода посторонилась и держалась поодаль, пока Ханно катил Алият до лифта, но вошла туда вместе с ними. Вчера, старательно выбирая кратчайший для Алият пеший маршрут, они с Ханно нашли нужное помещение на втором этаже. Они снова шли ва-банк, в надежде, что гидротерапевтическая ванная будет свободна; хотя в это время дня риск не так уж велик. Ханно ввез Алият туда, коротко объяснил, что будет дальше, и вышел. По коридору кто-то приближался — Ханно двинулся в противоположном направлении с озабоченным выражением лица. Свобода слонялась по коридору, пока не улучила момент незаметно проскользнуть в ванную вместе с сумкой.

Ханно снова укрылся в мужском туалете и, как договорились, десять минут по своим часам провел, изучая настенные росписи. Они были неизменно вульгарными и полуграмотными. Надо поднять общий уровень галереи, решил Ханно. От терзаний ожидания все средства хороши. Вытащив авторучку, он выбрал свободное местечко и аккуратно написал печатными буквами: «Уравнение $x^2 + y^2 = z^2$ не имеет решения в целых

числах для любого значения *n* больше двух. Я нашел чудесное доказательство этой теоремы, но здесь в кабинке не хватает места, чтобы его записать».

Пора! Оставив халат в кабинке, он направился в ванную. Свобода как раз показалась в дверях; умница, девочка! Алият опиралась на нее, но одета была уже не в больничный халат, а в платье, чулки и туфли; тонкий плащ прикрывал бугрящиеся бинты. Свобода несла сумку. Ханно подошел к Алият с другой стороны, чтобы тоже помочь.

— Как дела? — по-английски спросил он.

— Справлюсь, — пропыхтела Алият, булькая воздухом (или кровью?). — Но... ох, мать их... нет, ничего...

Она всем весом навалилась на плечо спутника, семеня неровными шажками вперед, время от времени спотыкаясь. Лицо ее влажно лоснилось, пот мелкими капельками срывался с носа. Ханно ни разу не видел, чтобы кожа живого человека обретала такой мертвенно-голубоватый оттенок. И все-таки она двигалась вперед, словно мало-помалу набиралась сил; вот уже посторонний наблюдатель мог бы сказать, что она не тащится, а шагает.

Это и есть мой туз в рукаве, подумал Ханно. Жизненная энергия бессмертных. Ни один нормальный человек не смог бы так быстро оправиться после подобной раны... Но и ей бы не справиться, если б она не мобилизовала все свои внутренние ресурсы.

Когда лифт пошел вниз, Алият начала сползать по стенке, но Ханно и Свобода силой удержали ее на ногах.

— Крепись! — сказала русская. — Ты должна стоять и идти прямо. Тут совсем рядом. Потом ты свободна.

Алият мучительно ощерила зубы в подобии улыбки.

— Осталось... пожилой мадам... еще сплясать... но после...

Когда они вышли в вестибюль, Алият шагала хоть и не размашисто, но со стороны никто бы не догадался, что она нуждается в помощи. Ханно стрелял глазами туда-сюда. Где, черт побери... Ага, вон сидит индеец — на покореженной, ободранной кушетке, небрежно листая разваливающийся по листочку замусоленный журнал. Заметив друзей, Странник неловко поднялся на ноги, задев проходящего мимо мужчину.

— Эй! — заорал индеец как ужаленный. — Глядеть надо, куда тебя несет!

И добавил солидную порцию непристойностей.

— К главному входу, — прошептал Ханно на ухо Алият. — Раз-два, три-четыре!..

Справа от них Странник орал благим матом, и все взоры обратились в ту сторону. Пара охранников начала проталкиваться к ссорящимся. Ханно очень надеялся, что индеец не переборщит. Задача проста — на две-три минуты отвлечь внимание, но не подвергнуться аресту; в самом крайнем случае пусть спустят с лестницы... Беда в том, что Странник — прирожденный джентльмен, и воинственного алкаша играет совершенно бездарно. Зато наделен ясным умом и тактом.

Даже притушенное висящей в воздухе пылью и копотью солнце на мгновение ослепило их. Такси стояло у бровки. Гермес, бог путешественников, купцов и воров, спасибо тебе от всей души!

Ханно помог Алият сесть в машину. Она рухнула на сиденье как подкошенная, отчаянно ловя воздух хрипящими легкими. Свобода села по другую сторону от нее, Ханно назвал адрес, и такси тронулось. Пока оно под скрип тормозов продиралось сквозь дорожные пробки, Алият мотало вправо-влево. Свобода пощупала у нее за пазухой, кивнула, поджав губы, вынула из сумки полотенце и более-менее незаметно прижала его, куда надо. Чтобы впитать кровь, понял Ханно; рана все еще не закрылась и продолжала кровоточить.

— Эгей, а эта мадама в порядке или как? — поинтересовался шофер. — Смахивает, будто ее выписали не по делу.

— Синдром Шартца-Меттерклюма, — пояснил Ханно. — Ее нужно отвезти домой и уложить в постель как можно быстрее.

— Ага, — хрипло подхватила Алият. — Заезжай завтра в гости, красавчик!

Водитель выкатил глаза и раздвинул углы рта, но продолжал путь. У места назначения Ханно щедро исполнил обещание отблагодарить водителя. Это купит его молчание, если только полиция заподозрит, что в деле участвовало такси. Хотя к тому времени рассказ шофера вряд ли так уж поможет полицейским.

— За угол, — сказала Свобода раненой. — Еще полквартала.

На тротуар падали красные капли. Их, кажется, никто не замечал, а если и замечал — предпочитал не впутываться не в свое дело. На это Ханно тоже рассчитывал.

В платном гараже стоял небольшой фургон; Ханно вчера арендовал его с условием вернуть машину в Покателло, Айдахо. Борт фургона скрыл от случайных взглядов, как друзья поднимали Алият внутрь. Там уже ждали ее чистые простыни и толстый поролоновый матрас, а также кое-какое медицинское

снаряжение, приобретение которого не составляло особых проблем. Ханно и Свобода стащили с Алият одежду, обмыли ее, ввели антибиотики, перебинтовали рану и устроили поудобнее, как могли.

— По-моему, она оправится, — заметила Свобода.

— Будь я проклята, если не оклемаюсь, — пробормотала Алият.

— Оставь нас, — приказала Свобода Ханно. — Я о ней позабочусь.

Финикиец послушно выполнил распоряжение. Русская была солдатом, а значит, умела оказывать первую помощь; но еще она была и ветеринаром, а люди не так уж и отличаются от братьев меньших. Захлопнув задние дверцы, он уселся в кабине. По крайней мере, тут можно побаловаться трубочкой и наконец-то унять противную внутреннюю дрожь.

Вскоре явился и Странник. Ханно редко видел его в столь приподнятом настроении.

— Упи ти-йи-йо! — пропел индеец, забираясь в кабину.

— Пожалуй, лучше я первым сяду за руль, — констатировал Ханно. Мотор фургона с ворчанием пробудился к жизни. Уплатив за стоянку, Ханно вывел его на улицу и повернул на запад.

15

В том, что мистер и миссис Ду решили устроить для своих гостей пикник, не было ничего необычного; с этими людьми они познакомились где-то в городах. Ребятишек огорчило лишь то, что их не взяли с собой. Гости наверняка очень интересные люди, хоть и не любят распространяться о себе. Во-первых, выздоравливающая мисс Адлер, которую чета Ду встретила в Покателло и привезла сюда; она выздоравливает очень быстро — значит, болезнь ее не так уж и страшна. Остальные живут в поселковом отеле, но время проводят на ранчо; мистер и миссис Тазурин, далее, мистер Лэнгфорд, признавшийся, что он индеец, и, наконец, чернокожая мисс Эдмондс — в каждом есть что-то особенное, отличающее их друг от друга и от остальных людей.

Ничего, наверно, они просто задумали остаться наедине, чтобы потолковать о своих планах; должно быть, хотят увеличить дом, чтобы принять новых питомцев. Ведут они себя весьма и весьма солидно, очень мило, но совсем не так, как обыкновенные люди на отдыхе. Чаще всего они, в том числе и

супруги Ду, уходят в поля по двое — по трое и гуляют часа по три.

Ду Шань уже давно установил стол и скамьи красного дерева на уступе главенствующего над местностью холма, с которого открывался бесподобный вид. Приехавшие на пикник поставили свои машины неподалеку и вышли. Некоторое время никто не двигался — все любовались пейзажем. Склоняющееся к западному горизонту солнце зажгло ослепительным сиянием скользящие облака, уподобив их западным снеговым пикам. До самых гор раскинулись зеленеющие поля и луга, сады и пажити, рощицы и отдельные деревья, лениво текла поблескивающая голубизной река. В вышине кружили два ястреба; солнце оправило их крылья золотой каймой. Легкое дыхание говорливого ветерка овевало прохладой и доносило запахи дозревающих полей.

— Давайте поговорим, пока не накрыли на стол, — подал голос Ханно. Предложение было излишним, поскольку это подразумевалось как бы само собой, но зато призвало всех к внутренней готовности поговорить. Люди охотно откладывают трудные решения, а уж бессмертные и подавно. — Надеюсь, мы скоро закончим и успеем отдохнуть и повеселиться, но если надо, будем пререкаться до заката. Но на закате закругляемся, договорились?

Он сел. Свобода заняла место по правую руку от него, Странник — по левую. Напротив устроились Ду Шань, Асагао, Алият и та, которую они по-прежнему звали между собой Коринной Макендел.

«Да, — подумал Ханно, — как мы ни старались познакомиться и завязать дружбу, наш тесный кружок по-прежнему разделен на два лагеря».

Председателя не выбирали, но должен же был кто-то взять инициативу в свои руки, а Ханно все-таки старший из всех.

— Позвольте изложить повестку дня. Не могу поведать вам ничего нового или недосказанного. Однако, надеюсь, это позволит нам не повторяться в дальнейшем.

Основной вопрос состоит в том, сдаваться ли нам на милость правительства, открыв миру, кто мы, или продолжать маскарад под новыми личинами?

На поверхностный взгляд не слышно ни шума погони, ни сожалений о нашей пропаже. Роза Донау похищена из больницы. Коринна Макендел пропала из виду. Равным образом исчезли Кеннет Таннахилл и пара его гостей, но это было в другом месте, а он часто уезжает и в разъездах проводит больше времени, чем дома. В новостях ничего сенсационного, несмотря даже

на кражу Розы Донау. Она мало кому известна, до больничных пациентов почти никому нет дела, никто не подавал заявления о ее похищении или о каком-либо ином беззаконии. Фактически ни одно из вышеперечисленных лиц не обвиняется ни в чем предосудительном.

Однако я считаю, что все это слишком хорошо, чтобы оказаться правдой, а Коринна определенно утверждает, что наши перспективы далеко не столь радужны. Она посылала из подполья запрос своим доверенным лицам — дважды, не так ли? — Нэд Мориарти ничуть не утратил к нам интереса. ФБР тоже считает, что в деле стоит покопаться; а вдруг тут замешаны наркотики, шпионаж или менее явные, но не менее противозаконные шалости? Коринна, свежая информация не поступала?

— Нет, — покачав головой, негромко отвечала та. — А сама я к ним обращаться не стану. Я и так заставила их верность чувству долга растянуться до невероятных размеров. Больше я их терзать не буду.

— У меня в Сиэтле есть собственные каналы, — подхватил Ханно, — но с каждым днем их использование становится все более рискованным. Таннахилл ассоциируется с «Томек энтерпрайзиз», так что хотя бы сюда ФБР нос сунет. Дальше оно может решить, что фирма здесь ни при чем, что друзья Томека понятия не имеют, почему Таннахилл смотал удочки. Но если оно вынюхает, что эти друзья ориентировались в ситуации гораздо раньше, то нипочем не отступится. Я бы предпочел обойтись без риска, мы и так хлебнули его выше головы.

Он подался вперед, поставив локти на стол, и закончил:

— Короче говоря, если мы не собираемся высовываться, то надо поработать на совесть. Бросить все, не теряя ни секунды, раз и навсегда. В том числе и ранчо. Асагао и Шаня привез и поселил здесь Томек. Кто-нибудь непременно заявится выпытывать, что да как. Пожалуй, подхватит и слухи о таинственных гостях сразу после событий. А уж если получит описание их внешности, дело конченое.

— Тогда убегать нельзя. — Голос Алият слегка подрагивал. Она уже могла ходить, хоть и не слишком много, и румянец вернулся к ее щекам, но до полного выздоровления, и физического, и духовного, оставалось еще пару месяцев. — Надо сдаться. Или... жить без средств... без приюта... Нет!

— Ты что, забыла мои слова — или не поверила? — улыбнулся Ханно. — Я зарыл чуть не по всему миру множество кубышек в прямом и переносном смысле — деньги и все про-

чее, лет на сто. Есть жилье, есть прекрасные легенды прикрытия, не упущена из виду ни одна деталь. Да, конечно, я их периодически проверял и подновлял. Мы можем разделиться, а можем жить вместе, кто как пожелает, но комфорт и довольство на ближайшие лет пятьдесят нам гарантированы, если только цивилизация продержится до той поры, или успеем подготовиться, если ей суждено рухнуть. А тем временем можно спокойно заложить фундамент новых биографий.

— А ты уверен?

— За это могу поручиться и я, — вклинился Странник. — Абсолютно уверен. А если вы боитесь, Алият, то зачем позволили нам вытащить себя из койки?

— Я была не в себе, — сверкнула она глазами, — не соображала, что творю, едва ли вообще что-либо соображала. Просто хотела выиграть время.

— И я был того же мнения, — обратился Странник ко всем сразу. — Держал рот на замке, как и она, но сегодня мы должны быть совершенно откровенны.

Подобное заявление из уст друга потрясло Ханно, как гром среди ясного неба.

— А? — воскликнул он. — Мы что же, должны сами им в руки сдаться? Зачем?!

— Хотя бы затем, что я слышал мнение Джианотти на сей счет, — угрюмо отозвался индеец. — Как только мир узнает о принципиальной возможности бессмертия, его можно будет достигнуть лет за десять—двадцать. Молекулярная биология уже дозрела для этого. Имеем ли мы право прятать знание? Сколько еще миллионов или миллиардов жизней обрекаем мы на бессмысленную смерть?

Различив в его голосе нотки сомнения, Ханно ринулся в контратаку:

— Как-то ты не очень в этом уверен, а?

— Не уверен, — поморщился Странник, как от боли. — Я должен был высказать сомнение, но... Выживет ли Земля? — Он широким жестом обвел жизнерадостный пейзаж. — Сколько понадобится времени, чтобы загнать этот край под бетонный панцирь или превратить его в сточную канаву? Люди и так сидят друг у друга на головах. Даже не представляю, можно ли избежать и смертности, и вымирания. Мы рискуем только приблизить окончательную развязку.

— Если для продолжения рода дети будут не нужны, можно прибегнуть к контролю над рождаемостью! — возразила Макендел.

— А многие ли на это пойдут? — с вызовом спросила Свобода. — Да и это... средство не сразу дойдет до всех. Я предвижу бунты, революции, террор...

— Неужели это неизбежно? — вставил Ду Шань. — Люди будут знать, чего опасаться, пока это не произошло, и подготовятся. Я бы не хотел уезжать из этих краев.

— И бросать детей на произвол судьбы, — подхватила Асагао.

— А что станет с «Единством»? — вставила Макендел и повернулась к Алият. — Ты сама знаешь, как много оно для тебя значит. Подумай же обо всем обществе, о своих братьях и сестрах.

Прежде чем ответить, сирийка пару секунд молча покусывала губу.

— Мы его потеряли так и так, Коринна. Если мы объявимся на публике, то уже никогда не будем для наших людей прежними. Да и времени у нас на них не останется. А весь мир будет глазеть... Нет, для «Единства» есть лишь один-единственный способ выжить, сохранить хоть какое-то подобие прежних отношений — чтобы мы исчезли. Если оно отвечает нашим надеждам, то уже вполне окрепло и найдет новых лидеров. А если нет — выходит, идея была не столь уж и хороша.

— Значит, теперь ты хочешь спрятаться, раз это вполне безопасно?

— Этого я не говорила. Э-э, я не жду особых проблем с законниками. Наверно, даже Ханно после уплаты всех штрафов сможет заработать вдвое больше лекциями, книгами, фильмами и прочими поступлениями... Это ведь величайшее событие всех времен и народов, чуть ли не второе пришествие! Нам наверняка вынесут все прямо на блюдечке!

— Все, кроме покоя, — в голосе Асагао прорезалась тревога. — Нет, боюсь... Ду Шань, муж мой, боюсь, у нас уже никогда не будет духовной свободы. Давай пристроим детей по-хорошему, а потом уйдем от дел, отступим в тень, отыщем спокойствие и добродетель.

— Я не хочу терять эту землю, — возразил Ду Шань.

— Алият права, тебя с нее сгонят, — предупредил Ханно. — Или возьмут под охрану. Вы жили затворниками и не знаете, сколько на свете разнообразнейших убийц — шизики, фанатики, полоумные завистники, просто сопляки, убивающие знаменитостей, чтобы прославиться. Пока бессмертие не станет повсеместным, нам не один десяток лет круглосуточно будет нужен целый взвод телохранителей. Нет, уж лучше давайте я вам покажу новые деревенские пейзажи. — Он повернулся к Али-

ят. — Тебе, моя дорогая, такая жизнь может показаться привлекательной — богачи, сливки общества, слава, развлечения. Быть может, тебе будет даже наплевать на опасности и необходимость в телохранителях, — он хмыкнул, — если они молоды, симпатичны и мужественны, а? Но вдумайся поглубже, будь добра: много ли тебе оставят настоящей свободы, много ли у тебя будет реальных возможностей?

— Вы говорили о поисках смысла и цели бытия в своем «Единстве», — кротко обратилась Свобода к Алият и Макендел одновременно. — А разве мы не можем заняться этим вместе, всемером? Разве мы не можем тихо, тайком работать на благо, разве не лучше это, чем закружиться в сверкании прожекторов и шквале звуков?

Руки Алият бессильно лежали на столе. Макендел успокоительно взяла ее руку в свои ладони.

— Разумеется, если кто-то из нас хочет пойти и открыться, остальные не могут этому помешать, — сказал Ханно. — Мы можем лишь просить об отсрочке, чтобы успеть получше спрятаться. Лично я именно так и намерен поступить; однако ни я, ни присоединившиеся ко мне не оставим никаких указаний, где нас искать. Хотя бы потому, что я не хочу болтаться на виду у всех, когда эта страна превратится в Народную Республику Америку.

— Я не считаю, что это так уж неизбежно, — возразила Макендел. — Быть может, этот период истории уже позади.

— Не исключено. Я не догматик.

— В результате чего всякий, пожелавший раскрыться, тут же столкнется с проблемой, — заметил Странник. — Ты скопил доказательства своего бессмертия, но вот как нам-то доказать, что мы не лжецы и не безумцы?

— Я полагаю, мы можем привести достаточно косвенных доказательств, чтобы власти захотели подождать и посмотреть, — как бы издалека повела Макендел.

Ханно кивнул и признался:

— Кроме того, в этом случае Сэм Джианотти, о котором я вам рассказывал, вне всякого сомнения, почувствовал бы себя освобожденным от обета молчания, а он человек уважаемый.

— А если мы просто исчезнем — не решит ли он заговорить? — заинтересовалась Свобода.

— Нет, в этом случае ему нечем будет подкрепить свое невероятное заявление, а он достаточно умен, чтобы не лезть напропалую. Сердце этого несчастного и весьма достойного человека будет разбито, но он с головой уйдет в исследования. Постараюсь

организовать непрерывное финансирование лабораторий института Руфуса — главным образом ради Сэма.

— Вы в самом деле хотите ликвидировать свои компании? — спросила Макендел. — Вы потеряете... что? Сотни миллионов долларов?

— Я порядком скопил, и в состоянии заработать куда больше, — уверил ее Ханно. — Свертывание деятельности будет проведено по возможности плавно, но не в ущерб скорости. Томек умрет и, согласно завещанию, будет кремирован за рубежом. Роберт Колдуэлл... м-м, с этим случится нечто аналогичное, потому что, к несчастью, он немного наследил. Джо Левин получит предложение поработать на иностранную фирму... Да уж, до конца года мне придется изрядно похлопотать, но у меня на подхвате ряд заранее продуманных путей отступления, и по-моему, удастся придать всему вполне естественный вид. Белые нитки неизбежно останутся, но в обычной жизни их тоже хватает, и как только следователи обнаружат, что они никуда не ведут, то оставят их болтаться дальше. Полицейские, знаете ли, на недостаток занятости не жалуются. Счастливчиками их не назовешь.

— Но с такими деньгами можно столько всего сделать! — с мольбой в голосе сказала Коринна. — Да-да, при вашем могуществе вы — мы — могли бы воспользоваться нашей славой и влиянием, несмотря ни на какие минусы своего положения.

— У вас складывается впечатление, что наше желание остаться в неизвестности пробуждено эгоистическими мотивами? — спросила Свобода.

— Ну-у... Значит, вы хотите скрыться?

— Да. И не только сама. Я хочу, чтобы скрылись мы все. Я боюсь людей.

Странник кивнул. Свобода улыбнулась ему — тепло, но безрадостно, и сказала, обращаясь только к нему:

— Ты не совсем понял. Ты думаешь о разрушении природы и окружающей среды. А я думаю о человечестве. За тысячу лет я повидала революции, войны, распад и разруху. Мы, русские, научились больше всего бояться анархии — уж лучше терпеть тиранию. Ханно, ты заблуждаешься, отождествляя народные республики и другие сильные режимы с извечным злом. Наверно, свобода приятна — но хаос куда хуже. Раскрыв свой секрет, мы выпустим джинна из бутылки. Религия, политика, экономика — кстати, как бессмертные управятся с экономикой? — миллионы противоречивых стремлений и страхов, из-за которых по всему миру разыграются войны. Сможет ли выстоять цивилизация? Уцелеет ли хотя бы планета?

— Мухаммед пришел из безвестности, — шепнула Алият.

— И многие другие пророки, революционеры и завоеватели, — подхватила Свобода. — С самыми благородными намерениями. Но кто мог предвидеть, что демократические идеи во Франции приведут к режиму директории, Наполеону и многолетней войне? Кто мог предсказать, что Маркс и Ленин породят Сталина — да и Гитлера заодно? Мировой вулкан уже содрогается и курится. Подкиньте в него этот новый предмет, мысль о котором никому не приходила в голову, и мне останется лишь надеяться, что тирания предотвратит окончательный взрыв — вот только не представляю, возможен ли такой режим.

— Недостатка в желающих утвердить его не будет, — проворчал до крайности помрачневший Ханно. — Самое малое, свою заявку сделает каждый продажный политик и жирный кот на Западе, каждый тоталитарный диктатор за рубежом, каждый военный царек, прозябающий ныне в безвестности — как же, такая возможность выскочить и добиться безграничной власти на веки вечные! Да, смерть отнимает у нас любимых, в конце концов и нас самих — но еще она избавляет нас от человеческих отбросов. Осмелимся ли мы переменить установившийся порядок? Друзья мои, вечная юность отнюдь не делает нас ровней богам, а уж претендовать на лавры Господа мы не можем и подавно!..

16

Почти полная луна заливала землю ледяным светом и кутала ее в уютные тени. Воздух был недвижен, но час за часом дыхание осени стекало с горных склонов в долину. Где-то в ночи раскатился утробный хохот вылетевшей на охоту совы. Окна разбросанных на многие мили домиков сияли теплой желтизной. Казалось, до них не ближе, чем до звезд.

Ханно и Свобода уехали на приволье подальше от поселка, чтобы пройтись в одиночестве — об этом попросила Свобода.

— Завтра вечером всему, что казалось нашим, придет конец, — говорила она. — Можем же мы похитить последние часы мира и покоя? Этот просторный, уединенный край очень похож на мою родину.

Теперь же тишину нарушал лишь шорох шагов по проселку. Наконец Ханно прервал затянувшееся молчание.

— Ты говорила о мире и покое, — голос его среди простора казался совсем слабым. — Дорогая, мы снова их обретем. Да, поначалу нам придется пройти через всяческие передряги,

словом, натерпеться, но после... Полагаю, новое место придется по вкусу всем семерым.

— Я просто уверена, что оно очаровательно и беспокойный мир не доберется туда. Мы будем от него в безопасности, сколько пожелаем.

— Но только не навсегда, не забывай об этом. Правда, это не поможет. Мы лишь выигрываем еще один смертный век, как и множество раз до этого. А затем придется начинать с чистого листа под новыми масками.

— Знаю. Но лишь до тех пор, пока ученые сами не откроют механизм бессмертия. Наверно, уже скоро. Тогда-то и мы сможем выйти из тени.

— Когда-то тогда-то, — без энтузиазма, скептически подхватил он.

— Но я думала не о том, — продолжала Свобода. — Сейчас надо подумать о себе. О нас семерых. Мы так несхожи! А еще... трое мужчин, четыре женщины.

— Как-нибудь устроимся.

— На все времена? И уже никогда ничего не переменится?

— Ну-у... — с явной неохотой протянул он. — Конечно, никто из нас ничем не связан с остальными. Каждый может свободно уехать, как только пожелает. Надеюсь, мы будем поддерживать связь и готовы протянуть руку помощи. Разве мы не пытаемся уберечь свободу для всех и каждого?

— Нет, мне кажется, этого мало, — угрюмо возразила она. — Должно же быть еще что-то важное. Не знаю, что именно, но должно. Что-то, кроме выживания, иначе зачем было жить? Будущее готовит нам потрясающие сюрпризы.

— Оно никогда без них не обходилось, — ответил он с высоты своих трех тысячелетий.

— На сей раз грядущее куда удивительней, чем раньше. — Свобода подняла взгляд к небесам. Лунный свет не в силах был затмить сияющих звезд: золотисто-красного Арктура, голубовато-белого Альтаира, Полярной, путеводной звезды мореплавателей, Веги, возле которой недавно обнаружили планеты... — И в Одиссее, и в Гамлете, и в Анне Карениной мы узнаем себя самих. Но человек завтрашнего дня — поймет ли он их, поймет ли нас? Постигнем ли мы своих детей?

Свобода ухватила его за левую руку, и Ханно накрыл ее кисть правой ладонью, чтобы хоть чем-то согреть посреди бескрайней ночи.

Они уже немного говорили об этом прежде. Однажды, во время дневной передышки в долгом пути с востока, она помогла ему представить, что может случиться...

Глава 19

ТУЛЕ

1

Второе, машинное «я» Ханно вырвалось из темных бездн и вернулось к нему. И вместе с ним внезапно вернулось человеческое зрение, он вновь увидел мир — но какой!

Тучи громоздились горами, пещеры их подножий были полны ночной мглы и молний. Склоны, сотрясаемые ветрами крепче тысячи ураганов, бурлили и клубились, переливаясь диковинными кирпичными и охряными оттенками. Их ослепительно белые грозовые пики сияли в свете солнца на фоне величественной синевы.

Робот с каждой секундой поднимался выше и выше, атмосфера разрежалась, а связь с человеком крепла, пока не достигла полной устойчивости. Ханно ощущал ускорение собственным хребтом, ракетный двигатель уподобился его крови и мышцам. Это он, лично он, полыхал огнем, ревел и выкрикивал проклятья швырявшему его шторму, одолевая чудовищную гравитацию планеты. Цвет неба становился все насыщеннее — через пурпурный к черному, появились звезды. Сейчас он видел их взором, открытым для всех цветовых оттенков, от радиоволн до гамма-частот; радиация усиливалась. Он, лично он, на запах и на вкус исследовал изменяющийся химсостав атмосферы, постепенно угасающий до абсолютно пресного вакуума. Звуки тоже угасали; когда включился ионный двигатель, рокот показался негромким мурлыканьем, занимавшим в сознании куда меньше места, чем поток математических формул, при помощи которых робот прокладывал обратный путь к исторгнувшему его кораблю.

Но в то же самое время Ханно оставался и парящим в безмолвии человеком, наделенным собственным зрением. Со стационарной орбиты невозможно оглядеть Юпитер от горизонта до горизонта, не повернув головы хотя бы малость. Сейчас король планет наполовину таился в ночи. По границам поясов и зон вились замысловатые узоры, создавая обманчивое впечатление мертвенного покоя. Очень обманчивое. Ханно знал это по опыту — он же побывал там.

Побывал — в определенном смысле. Из нижних слоев атмосферы наладить пристойную связь просто невозможно, так что напрямую познакомиться с планетой-океаном ему не удастся,

и придется удовольствоваться реконструкцией и воспроизведением того, что робот испытал своими электронными чувствами — или приказать перекачать данные прямо в мозг; но это будет уже не исследование, а всего-навсего позаимствованная у машины память.

На Земле удивлялись, с какой стати он пускается во все тяжкие, подвергает свою жизнь опасности ради столь малозначительных научных результатов. Ханно уклонился от спора, просто сказав, что так уж ему захотелось. Приняв соответствующие предосторожности — ибо неправильное обращение с факельным двигателем может натворить больше бед, чем древние войны, — власти отпустили его. В конце концов, он самый старый человек на свете; вполне понятно, что его обуревают первобытные инстинкты.

Он ни разу не слышал слов «пробный полет».

Робот приближался. Ханно разорвал связь и отключился от нейроиндуктивного блока. Маневр захода на посадку для человеческого интеллекта скучен, утомителен и запутан. Расчет движущихся масс дается легко, но необходимо еще согласование фаз, чтобы не потревожить пляску электромагнитных полей вокруг корабля. А стоит им отказать лишь на секунду, и окружающая радиация прикончит жизнь, рожденную еще на заре железного века.

Как всегда, на мгновение он ощутил себя ослепшим и оглохшим; восприятие робота куда шире, чем дано любому существу из плоти и крови. А взаимодействие с компьютером, пусть и весьма мимолетное, только усиливает эффект. Лишившись связи с компьютером, Ханно чувствовал себя поглупевшим.

Но чувство потери померкло; он снова был человеком по имени Ханно, а значит, играл отведенную человеку уникальную роль. Теперь на Земле это дано понять очень немногим. Они думают, что понимают, и по-своему они правы, но они не умеют мыслить, как Ханно.

Он занялся приготовлениями к новой фазе полета, и когда корабль доложил, что все в порядке, был уже готов. Послушный его приказам, корабль рассчитал векторы оптимального курса к следующей цели. В далеких кормовых дюзах материя встретилась с антиматерией, породив энергию. Вес вернулся. Юпитер медленно выплыл из поля зрения, и вот на экране остались одни лишь звезды.

При ускорении в одно g путь от планеты к планете занимает всего несколько дней. Полной свободы передвижения у него не было; определенные области смертельно опасны даже для корабля с подобной защитой, — скажем, окрестности Солнца. Неко-

торые области запретны, и справедливо. Можно бы пройти достаточно близко от Паутины, чтобы сквозь оптические приборы полюбоваться ее изящными тенетами, но приближение может помешать ее работе, исказив информацию, вливаемую из Вселенной. Паутину будто окружал едва уловимый загадочный аромат иных существ из глубин Галактики.

Ничего страшного. Ханно не пассивный пассажир; корабль выполнит все, что он пожелает — в широких пределах общих правил и собственных возможностей. Сплетая молекулы в проверенные и испытанные комбинации или выстраивая их в совершенно новые узоры, корабль обеспечит все нужды, большинство удобств и многое из того, что относится к роскоши. Достижения почти всей человеческой культуры хранятся в его базе данных и в любой момент могут быть вызваны для дела или для удовольствия; на борту были даже разумы, которые можно призвать для беседы.

А вот живые тела, не считая его собственного, остались за кормой. Полет-то ведь пробный, и все на корабле сведено к самому минимуму. Ханно предполагал, что путешествие по Солнечной системе займет год-два, а то и три, если окажется настолько уж интересным, — но для него это лишь ничтожный миг жизни.

И все-таки беспокойство гнало и гнало его вперед.

2

С высоты склона, где стояла мастерская, взгляду открывалась вся Великая долина Аппалачей. Землю покрывали переливающиеся тысячами оттенков зелени леса; ветер заставлял их волноваться, будто море. Среди деревьев высились сотни стройных шпилей, каждый высотой в сотни метров, а вершины их венчали своеобразные короны. Глубоко внизу, теряясь в дальней туманной голубизне, на смену лесам приходили луга. Там стояли разделенные огромными пространствами здания — и башни небоскребов, и другие, поменьше; их причудливые фантастические силуэты радужно переливались.

Ду Шань знал, что страна эльфов — всего-навсего иллюзия. Ему довелось видеть разнообразные, но всегда очень точные формы этих деревьев вблизи. Они росли, не давая ни листьев, ни цветов, ни плодов; их предназначением было выращивать такие материалы, какие не может породить ни одно нормальное растение. Парк был заводом, но не инженерным сооружением, а биокомплексом, в котором под управлением гигантских молекул атом за атомом росла необычная поросль, возделанная

компьютером и взлелеянная машинами. В их чреве вызревали моторы, корпуса и прочие вещи, которые раньше делали вручную. Шпили служили приемными антеннами, поглощающими энергию солнца, в виде микроволновых пучков посылаемую с лунных накопительных станций. Бледный полумесяц Луны, почти затерявшийся среди голубизны, находился как раз над головой; и тут Шань сообразил, что «над головой» — тоже иллюзия.

Некогда люди искали просветления, бегства от миража бытия. Сегодня же они не признавали ничего, кроме иллюзий.

Ду Шань спустился со скалистого холмика, где аэротакси нашло место для приземления. Мастерская радовала взор — дом в старинном стиле с деревянными стенами и волнистой кровлей. Позади дома росло несколько сосен, и ветерок доносил свежий аромат растопившейся на солнце смолы.

На самом-то деле этот дом можно было назвать мастерской лишь условно — Бардон подготавливал здесь свои электронные интерьеры, потому что жил в этом доме чаще, чем в прочих местах. А Экспресс-сервис доставлял их разбросанным по всему миру заказчикам.

Бардон видел садящееся такси и поджидал гостя на крыльце.

— Ну, здравствуй! Давненько не слыхал о тебе, — издали окликнул он Ду Шаня. Помолчал, подсчитывая. — Батюшки, лет пять, а то и поболее, клянусь! Время-то как летит, а?

Приближающийся Ду Шань хранил молчание — ему хотелось получше рассмотреть Бардона. Тот переменился. Остался все таким же долговязым и стройным, но отказался от брюк и рубашки в пользу модной искрящейся сорочки; волосы уложены в витиеватые бараньи рога; при улыбке рот сверкает. Значит, и он решил, что неэстетично выращивать новые зубы каждые лет сто, и модифицировал клетки челюстей таким образом, что они начали производить алмазы.

Рукопожатие Бардона осталось прежним.

— Что поделывал, друг? — тягучий акцент горца все еще сохранялся в его выговоре. Должно быть, Бардон специально его культивировал. Прошлое еще хранило некоторое очарование.

Но почтения не вызывало. Да и с какой стати уважать стариков, если все до единого вечно молоды?

— Пытался крестьянствовать, — сказал Ду Шань.

— Что?.. Эй, да входи же, входи, сейчас чего-нибудь выпьем. Боже, как приятно опять с тобой свидеться!

Ду Шань заметил, что Бардон старательно избегает взглядом принесенного гостем ящичка.

Обстановка дома мало в чем переменилась, только стала более суровой — ни одной безделушки, словно в доме нет женщины. Сколько Ду Шань знал Анса и Джун Бардон, они всегда были вместе, но расспрашивать он постеснялся. Сев на стул, он посмотрел на хозяина. Тот плеснул виски в бокалы — хорошо, хоть это не меняется, — и сел напротив.

— Так говоришь, крестьянствовал? И в каком же это смысле?

— Я искал... независимости. — Ду Шань мучительно нащупывал слова. Еще не хватало начать себя жалеть! — Я както не на месте в этом современном мире. Так что я взял свою основную долю плюс кое-какие накопления плюс часть пришлось взять под залог — словом, купил землю в Юньнани, которая больше никому вроде бы не требовалась. Да, еще скотину и...

— Ты что, полностью перешел на натуральное хозяйство? — с недоверием уставился на него Бардон.

— Не совсем, — косо усмехнулся Ду Шань. — Я знал, что это невозможно. Собирался продавать излишки, чтобы взамен получать все необходимое, чего сам не могу сделать. Думал, доморощенные продукты покажутся любопытной новинкой. Так нет. Мне пришлось вести тяжелую, мучительную борьбу за существование. А мир все равно ко мне вторгался. В конце концов им потребовалась моя земля для санатория. Я не стал спрашивать, какого именно, и с радостью продал ее почти без прибыли.

— Тебе еще повезло, — покачал головой Бардон. — Надо было сперва потолковать со мной. Я бы тебя предупредил. Если бы твоя затея насчет продуктов удалась, нанотех в точности бы их воспроизвел и отбил бы всех покупателей. Но штука-то в том, что ты и не мог преуспеть. Компьютеры изобретают новинки всяческого рода куда быстрее, чем люди успевают потреблять, или даже услыхать о них.

— Что ж, я провел большую часть жизни в куда более простом мире, чем ваш, — вздохнул Ду Шань. — Я сделал ошибку, и теперь научен горьким опытом. Теперь я сделал для тебя еще кое-что, — он похлопал по стоящему на коленях ящичку. — Слон, лотосовый узор и Восемь Бессмертных, вырезанные из слоновой кости.

Слоновая кость была выращена в резервуаре, но обработка делалась вручную, традиционными инструментами.

Бардон поморщился, залпом проглотил полбокала виски и обнял себя за плечи.

— Извини. Не надо было пропадать из виду. Я закрыл это дело три года назад.

Ду Шань не проронил ни слова.

— И вообще, не думаю, чтобы кто-нибудь еще торговал чем-то вроде этого, — резал напрямую Бардон. — Нет ни смысла, ни ценности. Хм, это не из-за того, что можно вырастить идеальные копии. Конечно же, можно. А вот документальное подтверждение, что это оригинал в историческом стиле, составляло разницу. Пока людям не стало все равно. — Не в силах вынести молчания, он торопливо продолжал: — Они не придурки. Мы вовсе не обратились в племя вертопрахов, что б ты там ни думал. Просто, ну, когда ты купил несколько таких штучек, что делать дальше? До скончания вечности покупать новые? Особенно теперь, когда компьютеры генерируют совершенно новые концепции искусства.

— Понимаю. — Голос Ду Шаня звучал как-то приглушенно. — Мы, Реликты, сказали и сделали все, на что были способны... Ладно, ты-то чем сейчас занят, Анс?

— Разным, — с видимым облегчением ответил Бардон. — Тебе с друзьями стоило бы последовать моему примеру.

— А именно?

— М-м, ну, приглядываюсь да присматриваюсь. Пока не нашел ничего многообещающего, но... надо же нам развиваться, не так ли? Лично я подумываю, не податься ли на время в Край Пионеров? — Лицо его просветлело. — Ты тоже должен попробовать что-нибудь вроде того, скажем, Азиатскую сеть. С твоей-то биографией ты привнесешь много нового.

— Спасибо, нет, — покачал головой Ду Шань.

— Нет, в самом деле, это не просто электронный сон. Ты даешь информацию сети, а через нее — всем остальным, соединенным с тобой. Пробуждаешься с такими яркими воспоминаниями, будто пережил все во плоти.

«Иллюзия в иллюзии», — подумал Ду Шань.

— Или ты боишься, что тем временем не будешь ничего зарабатывать? — не унимался Бардон. — Не волнуйся. Ты же сам говорил, что при продаже участка покрыл убытки. Пока ты будешь не у дел, основной доли хватит за глаза. Зато ты вернешься освеженным, полным идей по поводу новых развлечений.

— Ты — может быть, — пробормотал Ду Шань, — а я — нет.

Взгляд его был устремлен на лежащие поверх ящичка собственные руки — большие, бесполезные руки.

3

Фира, прежде бывшая Рафаэлем, вкрадчиво улыбнулась и промурлыкала:

— О да, мне нравится быть женщиной!

— Надолго ли? — спросила Алият, мысленно продолжив: он что, всегда этого хотел в глубине души? Даже когда мы занимались любовью? Ты был таким чудесным любовником, Рей! — безмолвно выкрикнула она в душе. Сильным, ласковым, знающим. Ты даже не представляешь, какую боль мне причинил, когда сказал, что собираешься перестроиться!

Собеседница тряхнула красивой головой, и волнистые волосы, фиолетовые от природы, рассыпались по плечам.

— Вряд ли. Сперва надо получше изучить новое тело, сколько бы времени на это ни ушло. А дальше... Там посмотрим. Наверно, к тому времени отработают нечеловеческие модификации. — Фира провела ладонями вдоль бедер. — Полувыдра, дельфин или змея... Но это позже, много позже. Сперва я, пожалуй, опять стану каким-нибудь мужчиной.

— Каким-нибудь! — не сдержалась Алият.

— Ты огорчена, не так ли? — приподняла брови Фира. — Бедняжечка, потому-то от тебя за все это время не было ни слуху ни духу?

— Нет, я, в общем... — Алият отвела взгляд от изображения, казавшегося вполне реальным и ощутимым. — Я была... — Она заставила себя встретиться со взглядом золотистых глаз. — Я думала, тебе до меня больше нет дела.

— Но я же тебе говорил... говорила, что это не так. Поверь, я была совершенно искренней. Я до сих пор не могу тебя забыть. Потому-то и взяла в конце концов инициативу в свои руки, — она раскрыла объятия. — Алият, дорогая, приди ко мне. Или позволь мне прийти к тебе.

— Ради чего... Теперь?

Фира на мгновение опешила. Тон ее стал чуть менее сердечным.

— Мы найдем, ради чего, разве нет? Только не говори мне, что ты шокирована. Или я заблуждалась? Я-то думала, что у тебя самое широкое мышление из всех Реликтов.

— Не в том дело, — Алият сглотнула. — Я не испытываю предубеждения. Просто... Нет, не «просто». Ты все изменила. Между нами уже никогда и ничего не пойдет по-прежнему.

— Разумеется! Ради этого-то все и затевалось, — рассмеялась Фира. — Допустим, ты станешь мужчиной. Мы найдем

в этом своеобразие. Пусть ничего необычного, но все-таки нечто специфическое, этакую пикантность.

— Нет!

Какое-то время Фира сидела молча, а когда заговорила, то решила быть откровенной до конца.

— В конце концов, ты такая же, как и все ваши, или даже хуже. Как я понимаю, большинство из них еще стараются как-то подладиться, а ты, ты... просто принимаешь. Я вдруг поняла, чем ты меня одурачила. Ты никогда не возмущалась миром, соглашалась, что он должен развиваться. Но под этой видимостью ты всегда оставалась все тем же примитивным пережитком века смертности.

Поддерживавшее Алият пренебрежение покинуло ее, и она осунулась в кресле. Услужливые механизмы тут же подогнали форму сиденья под новую позу, но все понапрасну.

— Вне всякого сомнения, ты права.

— Но ты ведь не обречена на это, знаешь ли, — ласково улыбнулась Фира. — Перестройке поддается весь организм, вплоть до мозга. Ты могла бы поменять свою психику.

— Слишком долго и дорого. На самом деле я не могу себе позволить даже простой перемены пола.

Простой! — пронеслось у Алият в мозгу. — Я-то еще помню, как перемену пола грубо имитировали при помощи хирургии и гормональных препаратов. Сегодня могут заставить органы, железы, мышцы, кости — да что угодно! — преобразиться в нечто совершенно иное. Интересно, а если я стану настоящим мужчиной, как я буду мыслить?..

— Ты что, до сих пор не понимаешь современной экономики? Все товары и большинство услуг — все машинные услуги — имеются в таком же изобилии, как воздух для дыхания. Ну, могли бы иметься, если бы в том был хоть какой-то смысл. Делить недостающее — самый легкий способ отследить и скоординировать, чем люди заняты. А еще приходится распределять ограниченные ресурсы — землю, скажем. Если ты по-настоящему хочешь избавиться от своих невзгод, это можно уладить. Я помогу тебе решить этот вопрос, — изображение снова простерло руки. — Дражайшая, позволь мне помочь!

Алият выпрямилась. Проглоченные слезы жгли ей горло.

— Ты говоришь «дражайшая». И что же ты имеешь в виду?

Ошарашенная Фира не сразу нашлась с ответом, потом медленно проговорила:

— Ты мне нравишься. Я хочу иметь возможность бывать в твоем обществе, я хочу тебе блага.

— Вот и все, что считается нынче любовью, — кивнула Алият. — Привязанность ради наслаждения.

— Вот-вот, — прикусила губу Фира, — в этом ты вся. Погрязла в своем прошлом. Когда-то семья была ячейкой общества для размножения, производства и защиты, и ее членам приходилось изобретать способы, как не чувствовать себя загнанными в ловушку. Ты не в силах вообразить себе современного диапазона эмоций и отказываешься даже попытаться, — она пожала плечами. — Странно, если учесть, какую жизнь ты вела. Наверно, ты пестовала бессознательное стремление к надежности — к тому, что могло сойти за надежность в тех кошмарных обществах.

Алият тут же вспомнила, как объясняла Рафаэлю, что такое кошмар.

— Насколько эгоистичны были твои чувства по отношению ко мне? — настойчиво поинтересовалась Фира.

Гнев воспламенил Алият.

— Не обольщайся, — резко бросила она. — Признаюсь, я была от тебя без ума, но знала, что этому придет конец. Я лишь надеялась, что чувство будет прочным — не каким-нибудь там исключительным, но более или менее настоящим. Ладно, впредь буду умнее!

— Я тоже надеялась! — выкрикнула Фира, осунувшись в своем кресле и снова погрузившись в молчаливое раздумье.

Алият, будто в поисках убежища, отвела взгляд в сторону. Она занимала однокомнатный покой на четвертом подуровне «Фонтанов»: даже самая совершенная техника не в силах сотворить свободное пространство. Однако чувство замкнутости в четырех стенах почти не возникает, если стены по первому требованию создают любые удобства, а в остальное время демонстрируют любые заказанные картины. Сегодня с утра Алият пробудила видение средневекового Константинополя, оказав ему предпочтение перед современными пейзажами. Может, тому виной была совершенно неоправданная ностальгия, может — попытка вернуть себе чувство собственного достоинства; при разработке симулятора она была главным консультантом. Над роящейся, толкущейся людской толпой гордо высилась Святая София. Воздух был напоен запахами дыма, пота, помета вьючных животных, жареного мяса, смолы и морской свежести, доносимой ветром со стороны Золотого Рога. Когда появилось видео Фиры, Алият выключила звук, но оставила изображение, и сейчас почти осязаемо слышала скрип колес, стук копыт, топот ног, хриплые выкрики, доносящуюся временами протяжную музыку.

Эти призраки хранили в себе ничуть не меньше жизни, чем женский призрак напротив.

Наконец Фира сказала:

— Кажется, я знаю, что тянуло тебя ко мне, что удержало тебя после первой мимолетной страсти. Я испытывала к тебе интерес и не считала, что ты вполне заурядная женщина. Ваша восьмерка сделала настоящую сенсацию, когда дала о себе знать миру, но большинство современных людей родились уже после того. Так что вы просто здесь, влачите свое существование как умеете, да изредка вам подворачивается какая-то специфическая работенка, которая кому-то вдруг понадобилась. Но таких работ все меньше и меньше, не так ли? А вот я... Для меня ты всегда была чуточку загадочной, даже не знаю толком почему. — Алият показалось, что она расслышала нотку подавляемой боли. — Буду откровенна, я исчерпала тебя. Я обнаружила, что больше ничего не могу в тебе открыть. Но к тому моменту я исчерпала и себя. Я должна была измениться. Таким способом я бежала от скуки и праздности. Теперь мы заново можем открыть друг друга, если ты пожелаешь. Но только на время, на короткое время, пока я не свыкнусь с восприятием тебя женским умом и чувствами. Если только ты тоже не переменишься. Как именно, я тебе сказать не могу — в лучшем случае дам один-два совета, но выбор за тобой.

Если ты откажешься, если продолжишь сидеть в жестких рамках привычного, вцепившись в свою ископаемую душу, то с течением времени окажешься во все более жесткой изоляции, не будешь находить смысла ни в чем и в конце концов изберешь смерть, только бы не чувствовать себя так одиноко.

Алият набрала полные легкие античного воздуха и сказала:

— Я прошла долгий путь и не собираюсь сдаваться теперь.

— Рада слышать. Я ждала этого от тебя. Но подумай, дорогая, хорошенько подумай. А пока я лучше уйду.

— Да, — согласилась Алият, и изображение исчезло.

Просидев минут пять без движения, Алият встала и начала мерить комнату шагами. Пол мягко, ласково подавался под ногами. Вокруг жила своей суетливой жизнью Византия.

— Отключить эту сцену, — резко бросила Алият, и стены залила пастельная голубизна. — Сервис доставки.

Появилась панель, готовая по первому приказу распахнуть дверцу.

Чего я хочу? Пилюлю счастья? Совершенно безвредное средство, составленное в точности под меня? Радость придет мгновенно, голова останется абсолютно ясной, может, даже яснее, чем сейчас. В прошлом в скверные дни мы пили или курили

наркотики, отягощая свои мозги и тела. Но теперь наука в тончайших деталях постигла механизм чувств, и всякий может хранить абсолютно здравый рассудок на протяжении всех двадцати четырех часов.

Всякий, кто сам избрал это для себя.

Ханно, Странник, Шань, Патульсий, где вы? Или — плевать на секс, это ведь архаичный способ утешения, не так ли? Коринна, Асагао, Свобода, как бы вы ни звали себя, — менять имена стало легче, чем одежду, — где вы? Кто из вас может прийти ко мне, или к кому из вас могу прийти я? Встретившись, мы сдружились, мы были единственными бессмертными и центром Вселенной друг для друга, пока время ветром пролетало над нашими головами, но стоило нам открыться миру, как мы разбрелись кто куда. Встречаемся редко и лишь случайно, обмениваемся приветами, пытаемся завязать непринужденную беседу и испытываем облегчение, когда она кончается. Где вы, мои братья, мои сестры, мои любимые?

4

На подлете автоматические устройства связи убедились, что Странник действительно тот, за кого себя выдает, и имеет разрешение на посещение контрольного заповедника. Его машина приземлилась, где указано, на стоянке за городком, и Странник выбрался из нее с чемоданом в руках. Многие повседневные вещи — например одежда — здесь не производились. Он добрался до особого поселения; здесь жили не совсем отшельники или эксцентричные типы, пытающиеся воссоздать прошлое, которого никогда и не было; просто эти люди пытались идти собственной дорогой и держать остальной мир на дистанции.

Стоянка располагалась у самого берега. Сервис погоды сохранял здесь настоящий климат северо-запада Тихоокеанского побережья, насколько это являлось возможным. Низко над землей висели тяжкие тучи. Над берегом клубился туман, придавая смутно вырисовывающимся среди волн скалам таинственный дух китайской гравюры. Позади селения высился могучий хвойный лес, темную массу которого едва-едва подсвечивали яркие пятна зарослей папоротника-орляка на опушке. И все-таки окрашенный в серебристо-серые, белые, черные и зеленые тона пейзаж был полон жизни и сверкал повисшими на листве и хвое дождевыми каплями. Прибой то с грохотом обрушивался на берег, то с тихим шелестом откатывался обратно. Котики хрипло взревывали, паривших над головой с пронзительными

вскриками чайки то взмывали, то стрелой бросались вниз. Воздух пропитывали холод, влага и терпкий запах моря, заставляя трепетать ноздри и быстрей бежать кровь по жилам.

Его уже поджидал коренастый, бронзовокожий мужчина, одетый в простую сорочку и рабочие брюки. Среди его предков не так уж много белых, решил Странник. Кем же они были? Макао, квинольты? Впрочем, какая разница? Теперь от этих племен не осталось даже названий.

— Добрый день, мистер Странник, — анахронизм, будто специально для него. Мужчина протянул руку. Приняв ее, Странник ощутил пожатие мозолистой крепкой ладони. — Добро пожаловать. Меня зовут Чарли Дэвисон.

Перед вылетом из Джалиско Странник сознательно практиковался в староамериканском английском.

— Рад встрече. Признаться, не ожидал. Думал, придется знакомиться самому.

— В общем, мы обсудили это на совете и решили, что так оно будет лучше. Вы ведь не какой-нибудь там яко. — Должно быть, на местном жаргоне это означает тех несколько сот чужаков, которым в течение года разрешается попробовать жизни на природе. Звучит, во всяком случае, презрительно. — Вы ведь не ученый и не представляете никого официально?

— Н-нет.

— Пойдемте, я проведу вас в отель, а после познакомлю с соседями. — Они двинулись в путь и вскоре вышли на поблескивающий лужами проселок. — Вы ведь Реликт.

— Я бы не хотел афишировать этот факт, — виновато усмехнулся Странник.

— Перед тем как дать согласие на ваш приезд, мы провели обычную проверку, как для каждого. Может, ваша восьмерка и не бросается в глаза, но когда-то вы были по-настоящему знамениты. Ваша биография просто выскочила на дисплей. Весть разлетелась. Мне неприятно говорить, не примите это в свой адрес, но кое-кто настроен здесь против вас.

Вот уж действительно скверный сюрприз!

— В самом деле? Почему?!

— Вы, Реликты, можете завести детей, когда пожелаете.

— А-а... Понимаю. — Странник задумался, как на это отреагировать. Под ногами похрустывал гравий. — Все равно завидовать бессмысленно. Мы в каком-то смысле рождены калеками. Безумное сочетание генов, в том числе несколько крайне маловероятных мутаций, так что мы не можем оставить настоящего потомства. Нормальные люди, не желающие стареть, должны подвергнуться процессу... В общем, нельзя позволить

им размножаться бесконтрольно. Вспомните свою историю — демографический взрыв, Великая Смерть и прочее, что было до атанатиков *.

— Знаю, — с легким раздражением отозвался Дэвисон. — Кто ж этого не знает?

— Извините, но мне попадались и такие, кто не знал. Считали, что история — слишком мрачный предмет, и потому не стали ее изучать. Но хочу указать, что у них тоже есть шанс стать родителями. Во-первых, необходимо восполнять утраты по несчастным случаям, во-вторых, еще могут быть основаны инопланетные колонии.

— Хм. В последний раз, как я справлялся, список ожидающих очереди на ребенка был в несколько столетий длиной.

— Угу. Но что касается Реликтов, вы когда-нибудь слыхали о так называемых дедовских договоренностях? Открывшись миру, мы предоставили ученым золотую жилу. Любезность за любезность. Но правду сказать, мы вряд ли когда-нибудь еще станем родителями.

Нам почти не встречались желанные партнеры, подумал Странник. А все отпрыски со временем становились чересчур чужими.

— Я все понимаю, — заметил Дэвисон. — Лично я не имею ничего против. Я только говорю, что вам лучше держаться... ну, потактичнее, что ли. Потому-то я вас и встретил.

— Спасибо за заботу, — Странник попытался вернуть разговор к сути. — Вы можете напомнить моим завистникам, что они по закону могут завести столько детей, сколько им заблагорассудится.

— Ценой увядания и смерти лет за сто, а то и менее.

— Таков уговор. Они могут отказаться от него, как только пожелают, — тогда им вернут утраченную молодость и бессмертие. Просто такова небольшая цена, которую приходится платить.

— Ну да, ну да! А то мы не слыхали! — вспылил Дэвисон, но через пять шагов поостыл. — Теперь моя очередь просить прощения. Я вовсе не хотел срывать на вас злость. Большинство наших примет вас с распростертыми объятиями. Вы, наверно, столько всего можете порассказать!

— Боюсь, ничего такого, что не содержится в базе данных. Нас выспросили, выпотрошили до самого донышка много-много лет назад.

---

* *Здесь*: средства, предотвращающие старение и смерть.

За много поколений до твоего рождения, Чарли, добавил он про себя. Ведь ты, надо думать, смертный. Сколько тебе лет? Сорок? Пятьдесят? Твои волосы подернуты сединой, а у глаз лучатся морщинки...

— Это не одно и то же, — ответил Дэвисон. — Боже милосердный, да ведь рядом со мной человек, знавший Сидящего Быка! — На самом деле Странник его не знал, но не стал заострять на этом внимания. — Услышать это от вас лично значит для нас так много! Не забывайте, мы ведь для того и отделились, чтобы жить естественной жизнью, как повелел Господь.

— Потому-то я и приехал.

Дэвисон сбился с шага и в недоумении уставился на Странника.

— Что?! Мы думали, вы... любопытствуете, вроде остальных посетителей.

— Конечно. Так и есть. Но не только. Я думаю, сразу об этом лучше не упоминать. Однако, быть может, я здесь поселюсь, если народ меня примет.

— Вы?..

Дэвисон не скрыл изумления.

— Я возвращаюсь, знаете ли. К племенам, братствам, ритуалам, верованиям и традициям, к умению жить своим умом и своими руками, на земле и за счет земли. О нет, это вовсе не от романтизма; я слишком ясно помню недостатки такой жизни и наверняка не хотел бы возродить, скажем, времена конного варварства. Все-таки, черт возьми, мы жили в таком единении с миром, какое ныне не ведомо никому — разве что, быть может, кроме вас.

Они уже вошли в селение. У причала покачивались лодки — люди рыбачили, а потом продавали рыбу на местном рынке. Вокруг аккуратных деревянных домиков распускались яблони, зеленели огороды. Странник напомнил себе, что и это, и ремесленные поделки составляют лишь дополнение к обычным продуктам и товарам. Местные жители, как и все остальное человечество, заказывают доставку всего необходимого. За дополнительную плату одни из них заботятся о лесах и водах, другие обслуживают туристов, третьи занимаются дома интеллектуальной деятельностью через компьютерные сети. Они вовсе не отреклись от современного мира.

Странник отбросил воспоминания о том, что довелось ему повидать на планете; о смерти, постигшей отжившие общины и культуры — порой быстрой, порой медленной, но всегда мучительной; о призраках городов, об опустевших стоянках,

о покинутых могилах. Нет, сейчас он искал разгадку лишь одного секрета, хотел проверить этот народ на прочность.

Попадавшиеся навстречу люди были самыми разными — всех родов и племен, объединенные своей верой, стремлениями и страхами. Церковь, самое высокое из зданий, возносила колокольню под самые тучи; крест на шпиле провозглашал, что жизнь вечная принадлежит не плоти, но духу. Дети здесь — желанная награда. Когда и где он в последний раз видел крохотную ручку, вцепившуюся в руку матери, круглое личико, широко распахнутые навстречу чудесам мира глазенки? Спокойные седины стариков внушали утешение: человечность еще не превратилась в пустой звук.

Они узнавали приезжего — весть о нем действительно разлетелась по округе. Никто не толпился вокруг; с Дэвисоном здоровались мимоходом, а Странник лишь ощущал на себе взгляды и слышал за спиной ропот голосов. Нет, атмосфера вовсе не враждебна. Лишь меньшинство ставит ему в упрек его почти бессмысленную привилегию. Большинство людей с нетерпением ждут знакомства, просто они слишком вежливы, чтобы тотчас же представиться. (А может, раз у них такой тесный круг, заранее договорились, что не станут навязываться?) При виде Странника подростки мгновенно избавлялись от одолевающей их мрачности.

Это сперва показалось ему необычным, а потом — тревожным признаком, и он пригляделся попристальнее. Зрелых людей здесь можно было перечесть по пальцам. Закрытые ставни и заброшенные дворы говорили, что многие дома пустуют.

— Ну, лучше вам для начала отдохнуть и развеяться, — посоветовал Дэвисон. — Поглядите округу, познакомьтесь с яко. Они в полном порядке, мы отгородили их будь здоров! Как насчет завтра отобедать у меня в гостях? Жене не терпится с вами познакомиться, у ребятишек глазенки так и горят. Пригласим еще две-три супружеские пары, — по-моему, они вам понравятся.

— Вы чрезвычайно любезны.

— Да мне это только в радость, и Марте, и... — Впереди показалась гостиница. Судя по виду, она несколько раз хаотично перестраивалась. Древняя веранда была обращена в сторону моря. — Послушайте, мы не только хотим услышать ваши рассказы. Мы хотим расспросить вас... о подробностях такого рода, что из базы данных не извлечешь, и каких мы сами не разглядим, если отправимся в большой мир, потому что не знаем, что высматривать.

Странник ощутил, как внутри у него все леденеет.

— То есть вы хотите, чтобы я объяснил, каково мне там жить — человеку, выросшему при ином укладе жизни?

— Да, вот именно, будьте так добры. Я понимаю, что прошу не по чину, но...

— Попытаюсь.

Ты всерьез подумываешь о том, чтобы перебраться отсюда, Чарли, про себя добавил Странник, подумываешь об отречении от такого существования, от местных убеждений и смысла жизни.

Я знал, что этот анклав распадается, что здешние дети уезжают, как только достигают совершеннолетия, что добровольных поселенцев уже не сыщешь днем с огнем. Я знал, что эта община обречена, как в свое время шейкеры *. Но вы, люди зрелые, тоже уезжаете, да так тихо, что, разузнавая о вас, я даже не слыхал об этом. Я надеялся обрести покой на один-два века, покой и чувство родины. Оставь надежду, Странник...

Гости отеля толпились на крыльце, указывая в море пальцами и оживленно щебеча. Странник остановился и обернулся. Мимо устья залива, едва различимые сквозь туман, проплывали три гигантских силуэта.

— Киты, — пояснил Дэвисон. — Прекрасно плодятся. С каждым годом их все больше.

— Знаю, — кивнул Странник. — Это настоящие киты. Я помню, как их объявили вымершими.

Я тогда, помнится, плакал. Их воссоздали в лабораториях и вернули на лоно природы, а она приняла их обратно. Этот край лишь зовется диким. Это контрольный заповедник, стандарт сравнения для Экологического сервиса. Нигде на Земле не осталось настоящей дикой природы — разве что в человеческом сердце, но разум простер свое влияние и на сердечную сферу...

Мне не следовало сюда приезжать. Теперь придется задержаться здесь на недельку, из вежливости, да еще ради этого человека и его родни; но я должен был догадаться заранее, что приезжать не стоит. Печальное открытие — но надо быть сильнее и не расстраиваться по этому поводу так откровенно...

5

Наедине со звездами Юкико никогда не чувствовала себя одиноко.

Зато отсутствие других людей ей было вполне по нраву. Власти — а главное, просто люди — очень милостивы к Релик-

---

* Религиозная секта.

там. Она частенько думала, что милосердие стало самой распространенной, самой главной добродетелью человечества, а оно ведет к бескорыстной доброте. Свободное пространство — единственное, в чем ощущается острая нехватка; и все-таки, когда она изложила свое желание, этот атолл отдали ей. Как он ни миниатюрен, это поистине королевский дар.

Но все же звезды оставались недоступны настоящему наблюдению. Несколько светил бледно проступали после сумерек — Сириус, Канопус, альфа Центавра, порой и другие, в компании с Венерой, Марсом, Юпитером и Сатурном. Но очертания созвездий терялись в перламутровом сиянии, так что Юкико редко бывала уверена в том, что именно наблюдает. По небосводу мерцающими искрами проносились спутники. Смутно сияла Луна, на темной ее стороне можно было разглядеть огоньки технокомплексов и Тройного города. Мелькнул аэрокар, будто окруженный роем светлячков. Изредка пролетал космический корабль, рассекая небосвод величественным метеором, и гром прокатывался от горизонта до горизонта; но такое случалось редко, ведь большинство внеземных работ проводились под надзором роботов.

Юкико уже смирилась с поражением. И погодный контроль, и регуляция атмосферы, и мощные потоки энергии — вещи необходимые; но они вызывают свечение воздуха, тут уж ничего не попишешь. Она могла вызвать на стены и потолок своего жилища звездные пейзажи, не менее величественные, чем над Аризонской пустыней в доколумбовой Америке, а могла бы пойти в сенсориум и познать открытый космос. И все-таки, хоть это и неблагодарность, но, выходя из своего убежища под открытое небо, она жалела, что вынуждена призывать вид звезд из памяти.

Океан лепетал у ног, ярко сверкая в тех местах, где воду не покрывала аквакультура. Блистающая гладь простиралась до горизонта, вдали проплывали катера и корабли, неторопливо дрейфовал плавучий город. Прибой вздымался белой пеной вокруг островка, а воды лагуны хранили покой, вобрав в себя сияние небес. Звуки казались приглушенными, куда менее выразительными, чем хруст кораллового песка под ногами. Юкико глубоко вдохнула прохладный, чистый воздух. Каждый день она в мыслях неустанно благодарила неисчислимые гигамиллиарды микроорганизмов, сохраняющих чистоту планеты. И совершенно неважно, созданы ли они людьми или компьютерами, ибо карма их замечательна.

Она миновала свой садик — карликовые деревца, бамбук, камни, замысловато петляющие тропки. В саду беззвучно трудилась машина. Вернувшись из Австралии, где довелось пережить

один из нынешних мимолетных романов, Юкико никак не могла собраться взять уход за садом в свои руки.

В общем-то у нее и нет особого дара к такой работе. Вот если бы Ду Шань... Но ему не по вкусу это место.

Ее домик прорисовывался на фоне неба изящным силуэтом. Мой мирок, мысленно называла его Юкико. Он обеспечивал ее всем необходимым, и даже сверх того — сам себя ремонтировал, проводил все работы и мог бы стоять вечно, только бы поступала энергия. Время от времени Юкико жалела, что нет нужды даже взять в руки тряпку, чтобы протереть пыль.

А ведь некогда я была придворной дамой, подумала она и невольно скривилась.

Надо отбросить эти чувства. Она выходила к морю посидеть и очистить мысли, открыть душу, подготовить свой разум к познанию. Но завоеванная гармония оказалась столь хрупкой!

Стена перед нею раскрылась, и внутри дома мягко загорелся свет. Обставлена комната была в аскетичном старинном стиле. Преклонив колени на соломенной циновке перед терминалом компьютера, Юкико вызвала к жизни электронный дух. Обращенная к ней часть его безмерного разума опознала ее и заговорила рассчитанным именно на Юкико певучим голосом, подбирая подходящие для нее фразы:

— Что пожелает моя госпожа?

Нет, не совсем подходящие. Желание — это западня. Она даже отвергла свое давнее-предавнее имя Утренняя Звезда и стала — снова, спустя тысячу лет — Снежинкой, будто в знак самоотречения. Но и эта попытка не удалась.

— Я поразмыслила над тем, что ты рассказал мне о жизни и разуме среди звезд, и решила изучить этот предмет, насколько способна. Научи меня.

— Предмет этот сложен и хаотичен, моя госпожа. Насколько известно из сообщений роботов-исследователей, жизнь — явление редкое, и нам известны лишь три несомненно мыслящие расы; все они пребывают на уровне людей каменного века. Еще три вида существ под вопросом. Их поведение может являться следствием сложных инстинктов, а может быть, порождением разума, столь чуждого земному, что ни о каком понимании и речи быть не может. Как бы то ни было, и эти существа владеют лишь простейшими орудиями. С другой стороны, Паутина обнаружила аномальные источники излучений на значительном удалении, и они могут означать наличие высокоразвитых цивилизаций по типу нашей. В зависимости от способа интерпретации данных число таких источников колеблется, но не превышает семисот пятидесяти двух. Удаление ближайшего ис-

точника — четыреста семьдесят пять парсеков. Кроме того, Паутина принимает сигналы, которые почти наверняка являются информационными, от двадцати трех иных источников, отождествляемых с астрофизически аномальными телами или регионами. Мы сомневаемся, что эти сигналы направлены именно нам. Неизвестно, находятся ли передатчики в прямом контакте между собой. По ряду признаков ясно, что они используют определенные коды. Данных пока недостаточно, чтобы выявить что-либо, кроме весьма фрагментарных и предположительных догадок относительно возможного значения этих сигналов.

— Да знаю я! Это всем известно. Ты уже говорил мне об этом — значит, повторять не требовалось.

Юкико совладала с охватившим ее раздражением. Машина в своем могуществе подобна божеству, она за день может перемыслить столько, сколько человеку не удастся и за миллион лет, но это не дает ей права держаться покровительственно... Постой, постой, таких намерений у машины не было и быть не могло! Просто она, по своему обычаю, все повторяет для человека, ибо многие люди нуждаются в повторении. Юкико расслабилась, позволив эмоциям накатить и схлынуть, как прибойной волне.

— Как я понимаю, — уже спокойно сказала она, — сигналы не касаются ни математики, ни физики.

— Судя по их типу, нет. Представляется, что цивилизации не стали бы тратить время и энергию, передавая знания, которыми все располагают и без того. Возможно, передачи касаются иных наук, скажем, биологии. Однако отсюда следует, что наши физические знания неполны и что мы до сих пор не выяснили всех биохимических процессов, возможных во Вселенной. У нас нет для этого материала.

— Знаю, — повторила Юкико, на сей раз спокойно. — Кроме того, я слышала утверждения, что, если передача продолжается не один век, это не политика или что-либо ей подобное. Не занимаются ли они сопоставлением историй, искусств, философий?..

— Разумное предположение.

— Я верю, что это именно так. Это имело бы смысл.

— Да, имело бы — если только органическая жизнь не обречена на угасание. Но разве машины интересуются запредельными таинствами?

— Я хочу принять участие в твоем... анализе. Я понимаю, что не смогу внести никакого вклада, не создам ни одной оригинальной гипотезы. Однако позволь мне следовать за тобой. Дай мне средства поразмыслить над узнанным и узнаваемым.

— Это можно осуществить, в определенных пределах, — сказал ласковый голос. — От вас потребуется немало времени и усилий. Не хотите ли объяснить, к чему это вам?

— Они, эти существа, — голос Юкико дрожал, она ничего не могла с собой поделать, — должно быть, продвинулись куда дальше нас...

— Маловероятно, моя госпожа. Насколько можно заключить из современных познаний, а они пока что представляются безупречными, природа положила предел техническим возможностям развития, и мы исчислили этот предел.

— Я имею в виду не технику, а другое... Понимание, просветление. — Внутренний покой покинул Юкико. Сердце отчаянно билось. — Ты не понимаешь, о чем я говорю.

Понимает ли это кто-нибудь в наши дни, хоть один человек? Не считая Ду Шаня и, пожалуй, остальных членов содружества — если только они как следует постараются. Мы же вышли из тех времен, когда люди сознавали, что эти вопросы насущны...

— Ваши цели ясны, — мягко отозвалась электроника. — Ваша концепция отнюдь не абсурдна. На подобных уровнях сложности квантовая механика бессильна. Говоря математическим языком, воцаряется хаос, и возникает потребность в эмпирических наблюдениях.

— Вот именно! Мы должны изучить язык и послушать их!

— Моя госпожа, имеющаяся у нас информация совершенно неадекватна. — Неужели в бесстрастном тоне проскользнули нотки сожаления? Система могла оптимизировать свою реакцию ради Юкико. — Математика не оставляет сомнений. Если только характер принимаемых нами сигналов не изменится фундаментальным образом, мы никогда не сумеем интерпретировать подобных тонкостей. Предупреждаю, если вас интересует именно это, то изучение материалов будет бесполезной тратой времени.

Юкико и так не позволяла надежде окрылить себя, но это низринуло ее в бездну отчаяния.

— Вместо того лучше подождите, — посоветовала система. — Не забывайте, наши роботы-исследователи путешествуют практически со скоростью света. К ближайшим источникам излучения они доберутся, чтобы наблюдать и взаимодействовать, примерно через тысячелетие. Вероятно, полторы тысячи лет спустя мы начнем принимать их сообщения, и тогда начнется настоящее познание. Вы бессмертны, моя госпожа. Ждите.

Юкико смахнула слезы со щек.

Я не святая, призналась она себе. Я не смогу пережить такое долгое бесцельное существование.

6

Внезапно, без всякого предупреждения, скала под ногами Терстена подалась. Мгновение казалось, что он окаменел, широко раскинув руки на фоне бесчисленных немигающих звезд. А затем исчез из виду.

Свобода, шедшая второй в связке, успела вогнать альпеншток в скалу и нажать на кнопку. Из сопел вырвались белые облачка газа, стальной крюк впился в камень. Дуло располагалось в верхней части рукоятки. Свобода изо всех сил вцепилась в нее, страховка натянулась. Даже при лунном притяжении сила рывка была сокрушительна. Ступни заскользили по предательскому ковру пыли. Впившись в альпеншток, Свобода кое-как удержалась на ногах.

И тут все кончилось — внезапно, как и началось. В тишине в наушниках отдалось едва уловимое шипение космоса. Ее проволокло вперед метра на два. Страховка уходила еще дальше вверх, скрываясь за только что появившимся обрывом. Вес Терстена должен был натянуть ее, но Свобода с ужасом убедилась, что она провисла. Неужели оборвалась?! Нет, не может этого быть.

— Терстен! — крикнула Свобода. — Ты цел?

Дифракция должна позволить радиоволнам обогнуть обрыв. Если Терстен повис там, то не далее метра от края.

Ответа не было. Шуршащее молчание пространства будто насмехалось над людьми.

Она обернулась, стараясь не делать резких движений, к шедшему позади Мсвати. Луч поясного фонаря в безвоздушном пространстве совершенно не был виден, но у ног Мсвати вспыхнул ослепительный круг. Стекло шлема было слишком прозрачным, и свет мешал глазам. Она видела спутника неясным силуэтом на фоне озаренной звездами серой скалы.

— Иди сюда, — распорядилась Свобода. — Осторожно-осторожно. Хватайся за мой альпеншток.

— Понял.

Хоть Свобода и не руководила восхождением, капитаном команды была именно она. Идея организовать экспедицию принадлежала ей. Более того, она принадлежала к легендарным Реликтам. Остальным было лет по двадцать—тридцать, и, несмотря на неформальные, дружеские отношения, они все-таки немного благоговели перед ней.

— Стой тут, — велела она, когда Мсвати подошел. — А я схожу вперед, гляну. Если снова начнется обвал, попытаюсь

отскочить. Могу свалиться с гребня. Будь готов затормозить меня и вытащить.

— Лучше пойду я! — попытался возразить он, но Свобода пресекла спор резким взмахом ладони и опустилась на четвереньки.

Ползти было недалеко, однако дорогу приходилось выбирать ощупью, и время тянулось нескончаемо. Справа скала почти отвесно обрывалась в пропасть. Даже гибкий, как кожа, но твердостью не уступающий броне скафандр не спасет от последствий падения. Она пристально осматривала каждую пядь пути; датчики перчаток делали осязание более острым, чем у голых ладоней. Краешком сознания Свобода огорчалась, что вынуждена ощущать сухость во рту и запах собственного пота. Хоть скафандр очищает воздух и поглощает влагу, сейчас ни термостат, ни система очистки не справлялись с нагрузкой.

Скала держала, новых подвижек вроде бы не намечалось. За трехметровым провалом гребень продолжался. Свобода разглядела у его края выбоины и подумала, что оплакивать Терстена пока рано. Некогда по этому месту пулеметной очередью пробарабанил микрометеоритный дождь. Наверное, впоследствии радиация еще более ослабила структуру камня, превратив отрезок гребня в невидимую волчью яму.

Вообще-то все в один голос твердили, что это предприятие — чистейшей воды безумие. Первая лунная кругосветка? Пешком обойти всю Луну? Да зачем?! Вам придется трудиться изо всех сил, переносить трудности и опасности, а ради чего? Вы не проведете никаких наблюдений, с которыми робот не справился бы лучше вас. Не заслужите ничего, помимо мимолетной известности — да и то, за вопиющую глупость. Никто не станет повторять ваш фокус. В сенсориуме, высочайшем достижении компьютерной техники, можно пережить более яркие и острые впечатления.

— Потому что у нас будут настоящие впечатления, — единственный ответ, который неустанно приходилось повторять Свободе.

Оказавшись у обрыва, она заглянула за край. На горизонте над кратером показалась ослепительная солнечная кайма, обратив пустынный пейзаж в хитросплетение света и бездонных теней. Шлем отреагировал, мгновенно приглушив сияние до тускло-золотой желтизны. В остальных местах стекло сохранило прозрачность. Сердце Свободы грохотало, кровь пела в ушах. Терстен безвольно болтался прямо под ней. Увеличив громкость радиоприемника, Свобода расслышала хриплое дыхание.

— Он без сознания, — сообщила она Мсвати. Вглядевшись, добавила: — Вижу, в чем проблема. Его страховка застряла в расщелине, застряла плотно. — Поднявшись на колени, она подергала веревку. — Не поддается. Иди сюда.

Юноша приблизился, и Свобода встала.

— Мы не знаем, насколько он пострадал. Надо обращаться с ним поаккуратнее. Закрепи мой конец страховки и спусти меня вниз. Я подхвачу его, и ты вытащишь нас обоих. Я буду снизу, чтобы смягчить рывки и удары.

Дело пошло хорошо. Оба они были сильны, а человек, даже вместе со скафандром и ранцем, вмещавшим целый химический завод в миниатюре, весил на Луне каких-нибудь двадцать килограммов. Оказавшись у нее в руках, Терстен открыл глаза и застонал.

Благополучно подняв, его положили на гребне. Дожидаясь, пока Терстен будет в состоянии говорить, Свобода устремила взор на запад. От освещенных вершин склон круто уходил вниз, к бездонной тьме Моря Кризисов. Неизъяснимо прекрасная Земля висела низко над горизонтом, ее дневная сторона была похожа на голубой мрамор с белыми прожилками. Память о том, какой она была раньше, ранила душу, как нож. Проклятье, ну почему для людей подходит лишь одна-единственная планета?!

Ну да, в лунных городах и на орбитальных станциях жить приятно, там доступны уникальные развлечения. И там Свобода чувствовала себя почти как дома, в то время как на Земле это чувство уже покинуло ее; точнее, в искусственных городах не так сильно ощущаешь себя изгоем. Современные люди, вроде нынешних ее товарищей, иногда думают и воспринимают мир так же, как люди прошлого. Хотя и этому приходит конец. Потому-то и умолкли разговоры о перекраивании Венеры и Марса на земной лад. Теперь, когда это осуществимо, почти никому уже нет до того дела.

Ничего, ни Свободе, ни семерым ей подобным к переменам не привыкать. Торговые князьки и разгульные вояки были столь же далеки от мелкой буржуазии и крепостных крестьян в царские времена, как те стали далеки от инженеров и космонавтов двадцатого века... И все-таки у них было много общего, роднившего их между собой и делавшего близкими Свободе. Многие ли из этих общих качеств уцелели?

Терстен вырвал ее из воспоминаний, охнув:

— Я пришел в себя.

И попытался сесть. Она опустилась на колени, призвав Терстена к осторожности, и помогла ему, заботливо поддерживая за плечи.

— Воды, — сказал он; скафандр услужливо повернул к его губам трубку. Терстен жадно принялся глотать воду. — О-о-ох, хорошо!

Шоколадный лоб Мсвати был озабоченно нахмурен.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он. — Что случилось?

— Да откуда мне знать? — голос Терстена мало-помалу становился более внятным и оживленным. — Саднит в животе, острая боль слева в нижней части груди, особенно когда наклоняюсь или делаю глубокий вдох. Да, и ухо болит.

— Похоже, трещина или перелом ребра, может, двух, — резюмировала Свобода, чувствуя ошеломляющее облегчение. Он мог погибнуть, мог получить такую травму мозга, что реанимация потеряла бы всякий смысл. — По-моему, падающий валун ударил тебя с такой силой, что скафандр не выдержал. Вот видите! — Она провела пальцем вдоль подобия шрама — самовосстанавливающаяся ткань скафандра порвалась, но тут же сомкнулась снова. Через час от разрыва не останется и следа. — Похоже, будто все силы природы в сговоре против нас, а? Мы не станем покорять эту вершину. Ничего страшного. Это и так была всего-навсего прихоть. Надо спускаться в лагерь.

Терстен настаивал, что в состоянии идти сам, и даже ухитрился изобразить нечто среднее между бодрой поступью и шарканьем ног.

— Мы вызовем за тобой катер, — сказал Мсвати. Будто в подтверждение его слов, среди созвездий проскользнула звездочка спутника связи. — А сами сможем завершить путь. Тут идти гораздо легче, чем было на обратной стороне.

— Нет, не сможете! — вспылил Терстен. — Не имеете права так легко отделаться от меня!

— Не волнуйся, — улыбнувшись, успокоила его Свобода. — Я уверена, что тебе потребуется всего один-два укола сращивателя тканей, и тебя вернут к нам часов через пятьдесят. Мы подождем на месте. Честно говоря, я вовсе не против такой задержки.

Мое племя еще не перевелось на свете! — мысленно просияла она. И тут же радость как рукой сняло: сколько еще лет ты останешься таким, Терстен? У тебя совершенно нет для этого повода. Остаюсь ли я в душе юной — или просто незрелой? Неужели судьба обрекла нас, Реликтов, болтаться в хвосте, пока наши потомки растут до недостижимых для нас высот?..

Вот и равнина. Показался расположенный на ней лагерь. Гения выбежала навстречу отряду — кто-то ведь должен был

остаться позади на случай беды. Она уже успела развернуть укрытие — не просто палатку, а целый заботливый организм, пристроившийся под защитными силовыми полями, которые загибались от верхушки грузовоза, как крылья.

— Терстен, Терстен! — причитала она. — Я была так напугана, услышав ваши разговоры. Если бы я тебя потеряла...

Она потянулась к нему, и все четверо обнялись. И наконец-то Свобода хоть на мгновение оказалась в кругу близких друзей, под щедро усыпанным звездами небосводом.

7

— Видите ли, — старательно пытался объяснить Патульсий, — о том, что я сделал, в древней Америке сказали бы: «сам себя подсидел».

Куратор Оксфорда, по каким-то причинам не пожелавшая разъяснить свое нынешнее имя «Тета-Эннеа», вопросительно приподняла брови. Она была по-своему миловидна на этакий долговязый манер, но не позволяла усомниться, что под пушком, покрывающим ее череп, скрывается внушительный мозг.

— Судя по вашему личному делу, служили вы хорошо, — то ли сказала, то ли пропела она. — Однако с чего вы взяли, что тут для вас найдется дело?

Патульсий устремил взгляд в сторону, за окно ее почти старомодного кабинета. На улице ветер гнал по небу тучи, и тени их наперегонки бежали по залитой солнечным светом Хайстрит. Напротив тихо дремали прекрасные здания колледжа святой Магдалины. Там бродили три человека, разглядывая и изредка трогая древние строения. Видимо, они молоды, но разве теперь угадаешь наверняка?

— Здесь у вас не просто музей, — помолчав, ответил он. — В городе живут люди. Сохранение порядка вещей вовлекает их в особые отношения между собой и с вами. Я полагаю, вместе они образуют нечто вроде общины. Мой опыт... У них должны возникать проблемы — пусть не слишком серьезные, но проблемы, какие-то вопросы по поводу вступающих в конфликт прав, обязанностей и стремлений. Вы должны располагать процедурой улаживания таких проблем. В процедурных вопросах я как раз силен.

— Не можете ли вы изложить подробнее?

Патульсий обернулся к ней.

— Вначале мне надо изучить ситуацию, природу общины, обычаи и надежды, а также правила и установления, —

признался он и улыбнулся. — Но узнаю я все быстро и тщательно. У меня за плечами более чем двухтысячелетний опыт.

— Ах да! — Тета-Эннеа ответила улыбкой на улыбку. — Естественно, когда вы попросили о встрече, я запросила о вас банк данных. Замечательно! От Рима кесарей, через Византийскую и Оттоманскую империи, Турецкую республику, новые династии... Ваша жизнь столь же увлекательна, как и длинна. Потому-то я и попросила вас прибыть лично. Я ведь тоже обладаю архаической склонностью к конкретности и обязательности, — жалобно сообщила она и вздохнула. — В силу этого и нахожусь на этом посту. Честно скажу, моя должность — отнюдь не синекура. У меня даже не хватило времени усвоить всю возможную информацию о вас.

Патульсий изобразил смешок:

— Откровенно говоря, я даже рад. Мне пришелся не по вкусу шквал славы, обрушившийся на Реликтов, когда мы объявили о себе. И постепенный уход обратно в тень был... пожалуй, приятен.

Тета-Эннеа откинулась на спинку кресла. Поверхность ее деревянного — должно быть, антикварного — стола была совершенно свободна, не считая небольшого универсального терминала.

— Если я правильно припоминаю, вы присоединились к остальной семерке довольно поздно.

Патульсий кивнул:

— Когда административная структура в конце концов необратимо рухнула у меня на глазах. Разумеется, мы поддерживали связь, они приняли меня с распростертыми объятиями, но я никогда не был... по-настоящему близок с ними.

— Потому-то вы делаете больше попыток, чем они, найти свое место в современном мире?

— Наверное, — пожал он плечами. — Я не привык копаться в себе. А может, мне просто подвернулась возможность, которой не было ни у одного из них. У меня ведь талант к... Нет, «руководство» звучит чересчур претенциозно... Назовем это «процессуальным обслуживанием». У меня дар к этому смиренному, но необходимому труду, заставляющему работать общественный механизм без сбоев. То есть так было раньше.

Тета-Эннеа пристально поглядела на собеседника из-под полуприкрытых век, прежде чем сказать:

— Лет пятьдесят или сто назад вы свершили нечто куда более весомое.

— Просто сложились уникальные условия. Впервые за долгое время совладать с ними мог лишь человек моей квалифика-

ции. В этом нет моей заслуги. Стечение исторических обстоятельств. Не хочу кривить перед вами душой. Но опыта я набрался.

И снова она поразмыслила.

— Не будете ли добры пояснить? Я хотела бы услышать вашу интерпретацию этих условий.

Он удивленно заморгал и неуверенно проронил:

— Мне нечего сказать, кроме банальностей... Ну ладно, если вы настаиваете. Развитые страны... Нет, пожалуй, следует сказать «страны технической цивилизации» — они очень быстро продвинулись далеко вперед. Они и не принявшие научную революцию общества настолько отдалились друг от друга, что стали как бы разными биологическими видами. А революция должна была поглотить всех, альтернативы этому были ужасны, однако пропасть между стилями жизни, мышления, мировоззрениями достигла невероятной ширины. Я относился к числу немногих, кто был в состоянии... общаться, функционировать, что ли... более или менее эффективно по обе стороны пропасти. Я оказал этим несчастным всяческую помощь, на какую был способен, разработав приемлемую организацию их подготовки к переходу — когда у ваших людей уже не осталось старомодной, чисто человеческой администрации бумагомарак, и они не знали, как ее создать. Вот это я и сделал. Нет-нет, ни в коем случае не я один! Простите, что прочел целую лекцию об очевидных вещах...

— Не так уж они и очевидны. Вы рассматриваете это под таким ракурсом, который никому не приходил в голову. Я бы хотела услышать об этом побольше. Это позволит мне лучше понять и ощутить десятки поколений, сделавшие этот город таким, каков он есть. Видите ли, мне это никогда толком не удавалось. При всей любознательности и, пожалуй, при всей любви к ближнему я никогда не могла до конца постигнуть, что они чувствовали. — Положив ладони на стол, она продолжала с состраданием в голосе: — Но и вам, Гней Корнелий Патульсий, обладатель множества иных имен — несмотря на имена, несмотря на недавнюю работу, вам тоже надо кое-что понять. Нет у меня для вас работы! Вам следовало понять это самому. Но если вы не поняли — разве по силам мне объяснить?

Вы подразумевали, что у нас тут некая община, по образу и подобию известных вам; то есть жители обладают некими общими интересами и чувством принадлежности к единому коллективу. Позвольте вам сказать... Это непросто, этого никто даже не формулировал; вряд ли кто-нибудь осознает, что именно

сейчас происходит, как никто не осознавал происходящего во времена Августа или Галилея... Но я потратила всю свою жизнь на попытки исчислить тенденции истории... — Она потерянно засмеялась. — Простите, позвольте мне вернуться к началу и пойти заново. Не считая нескольких вымирающих анклавов, община как таковая прекратила свое существование. Мы по-прежнему употребляем это слово и соблюдаем некоторые формальности, но они так же бессмысленны, как обряд плодородия или выборы. Мы лояльны — если слово «лояльность» еще не утратило смысл — лишь по отношению к разным, постоянно изменяющимся сочетаниям личностей. Неужели этот факт совершенно ускользнул от вашего внимания?

— Ну, в общем, нет, — забарахтался Патульсий, — но...

— Я не могу предложить вам ничего похожего на работу, — подвела черту Тета-Эннеа. — Сомневаюсь, что хоть кто-нибудь на свете может вам ее предложить. Если вы потрудитесь задержаться в Оксфорде, мы можем продолжить беседу. По-моему, нам есть чему поучиться друг у друга.

Слова: «Если это хоть чем-нибудь поможет вам в будущем» — остались недосказанными.

8

Мир ждет! Я по-прежнему остаюсь собой — существом из плоти и крови, знающим, что нахожусь в индукционном аппарате; но еще я осознаю и стены, и находящееся за ними пространство, вижу серебристый дерн, фонтан, рассыпающийся мелкими брызгами, исполинскую бриллиантовую раковину, внутри которой зреет, как я слышала, новый тип метеоритного горнодобывающего корабля, наблюдаю вспышки в небесах, когда модуль погодного контроля рассеивает энергию, воспринимаю все, что вне меня. В комнате так тихо, что я слышу собственное дыхание, пульс, шорох волос, когда голова поворачивается на подушке. Но происходящее со мной мало-помалу гасит самовосприятие, и вот уже мое «я» оказывается посторонним призраком.

Я нисхожу в себя. Моему взору открывается все мое прошлое. Я снова раба, беглянка, служанка, предводительница, спутница; я снова люблю и теряю любимых, рожаю и погребаю. Я лежу на залитом солнцем склоне холма рядом со своим мужем; замечательно пахнет цветущий клевер, жужжат пчелы; я слежу взглядом за пролетающей бабочкой; все это ушло в невозвратную даль пятьсот лет назад.

В этой сцене есть неясности и разрывы. Я не уверена, рос ли на том валуне лишайник. Да, квантовая неопределенность взимает свою дань — но дань неторопливую, и я могу возродить все существенное, как тело мое возрождает себя. Нейропептид поступает в рецептор нервной клетки...

Пойдем. Эта мысль не принадлежит мне, но становится моей. Меня ведут, я веду себя, вовне и вовнутрь.

До сей поры на этом этапе мое обучение заканчивалось. Сегодня я готова к единству.

Я не вхожу в сеть. Ничто не движется, помимо полей, математических функций, которые мир воспринимает как силы, частицы, свет, как свое естество. В каком-то смысле сеть входит в меня. А может, раскрывается передо мной, как я — перед ней.

Мой провожатый обретает форму. Нет, рядом со мной не появляется шагающая фигура, его рука не держит мою. И все-таки я осознаю наличие тела, хотя оно может лежать по ту сторону Земли, — точно так же, как осознаю собственное. Обличьем он высок, строен и голубоглаз. Личность его жизнерадостна и чувственна. Некогда ты была Флорой (я узнал о тебе), думает он мне. Значит, я буду Фавном. Он хотел бы встретиться со мной позже, чтобы мы могли изучить друг друга получше. Но это лишь мимолетная пульсация в разуме, который рожден безупречным. А еще он наделен даром симпатии, и потому может помочь неофиту вроде меня войти в общность.

Сперва робко, потом осторожно и наконец страстно я вплетаюсь в потоки его личности. Теперь я все более и более постигаю суть взаимообъединения. Я изучала абстракцию. Сегодня я одновременно в бытии и вне его. Потоки вздымаются валами, гребнями, затем ниспадают, и каждая волна, сталкиваясь с другой, порождает новые волны. Они сплетаются в сложнейшие, правильные кристаллические формы, будто снежинки, блистание которых распространяется сквозь множество измерений — мерцает, вспыхивает, пляшет, безостановочно видоизменяясь; таковы язык и музыка, которые говорят со мной. Где-то далеко существует исполинский компьютер, одновременно вечное ядро и оболочка, сохраняющая матрицы нашего бытия; компьютер вдыхает в них жизнь, посылает их на орбиты и призывает обратно. Но все это по нашей собственной воле. Мы суть то, что происходит, мы единство, мы Бог.

Мы. Сознания раскидываются вширь, соприкасаются, соединяются. Вот Филлис, моя учительница, человек, впервые сопровождавший меня по околице этого бытия. Я перенимаю ее самовосприятие — невысокая, с длинными темными волосами; но все это смутно, ибо она совершенно не думает о своем

теле. Я распознаю ее мягкосердечие, спокойствие и несгибаемость. И внезапно начинаю разделять ее интерес к тактильной гармонизации и микрогравитационному лазерному полю. Тепло ее охватывает меня.

А вот Нильс. Даже без имени и образа я узнала бы этот смех. Мы были добрыми друзьями, а порой и любовниками. Неужели ты никогда не мечтал подняться над этим, Нильс? Неужели бессмертие и неуязвимость порождают страх перед постоянством?

Ты принадлежишь веку мертвых, дорогая моя. Ты должна избавиться от этого. Мы направим тебя.

Как я могу ощущать холод там, где пространство — фикция, а время непостоянно? Нет, ты не настоящий, Нильс! Я не ощущала твоих мыслей прежде, но они наверняка не могут быть настолько лишены чувств.

Ты права. Самого меня в сети нет, это мой дубль, загруженная в машину конфигурация моего сознания. Воссоединившись с ним, я обогащусь опытом, постигнутым в мое отсутствие. (Малопомалу я решил, что ты скучна и неглубока. Я не решился сказать тебе об этом, но теперь нечего скрывать.)

По эмоциям я распознаю, что Фавн подключен физически, как и я — вместе с железами, нервами и прочим животным наследством.

Выше голову, Флора! Выбор перед тобой безграничен. Ступай вперед вместе с нами.

Предо мной предстает еще одно сознание. Оно тоже лишено тела, но уже навеки. Однако в нем еще теплится какая-то доброта (не оттого ли, что память утраты и печали не угасла — оно их уже не ощущает, но понимает на некий призрачный манер?), заставляющая его попросить: «Постой».

Он был физиком, мечтавшим об открытиях. Но теория единого поля уже была построена, великое уравнение написано. Не желая покориться, он тешил себя надеждами. Он прекрасно понимал, что вряд ли какой-нибудь закон остался неизвестен, что уже ни один эксперимент не выдаст результата, не согласующегося с предсказанным теоретически. Однако абсолютная уверенность в абсолютном знании недостижима. И если он никогда не наткнется на некий фундаментальный феномен, то игра квантов должна таить в себе сюрпризы, которые оправдают его поиски.

Но компьютерная система совершенствовалась. Ни одна из его находок, сделанных посредством тончайшей и мощнейшей аппаратуры, не выходила за рамки теории. Все, что он мог от-

крыть в своих лабораториях, было предсказано заранее, и притом в мельчайших деталях. Искания его науки подошли к концу.

Праздный гедонизм казался ему отвратительным, и он построил прибор, угасивший его тело и переписавший конфигурацию его сознания в систему.

Ты счастлив?

Твой вопрос лишен смысла. Я занят делом. Я участвую в работе, я един со свершениями. Я располагаю временем по собственному выбору. Ибо запланировать земную погоду на год вперед, внеся потребную меру хаоса, можно всего за час; день может уйти на расчет расширения Паутины или судьбы галактики, находящейся в десяти миллиардах световых лет отсюда, если о ней собрано достаточно данных; но каждый бит обрабатываемой информации — событие, и для меня эти часы стоят миллиона лет, а то и поболее. После я могу снизойти до черепашьего шага человеческой мысли и узнать, что произошло, пока я был преображен. Над этим я размышляю. Пища для размышлений скудная, но интересная. Врасти в дополнение системы, Флора, и тогда наконец познаешь истинное великолепие, — обещает тень.

От Филлис я знаю, что такая участь по душе немногим. Они остаются органическими существами, хоть и изменчивыми. Взаимообъединение — это удовольствие, просветление, вызов. Объединившись, мы понимаем такое, что не под силу понять поодиночке — друг о друге и о Вселенной. Мы забираем эти откровения с собой и переиначиваем их каждый на свой лад. Появляются новые искусства, ремесла, философии, радости, возникает нечто новое, для чего даже не существует названий. Так мы растем над собой и воплощаем себя.

Приблизься. Попытайся. Подчинись тому, что ты есть, чтобы познать себя.

Я сливаюсь с Филлис, с Фавном, с фантомом Нильса. Мы являем собой новую сущность, какой никогда прежде не существовало. Я раба, завоевавшая свободу, я же учительница и спортсменка, фотоскульптор и сибарит, математик-дилетант и настоящий спортсмен. Нам нужно много воссоединений, чтобы снять конфликты и стать единым существом...

Вихрь, кружение, мерный танец. С нами были и другие. Я отступаю и вливаюсь в единство вновь. Я служанка, вознесшаяся на подобие королевского трона, я же наделенный жабрами обитатель моря, профессиональный фантазер, искусственная личность, целиком созданная с помощью компьютера...

Они парят вместе, они утрачивают себя, разум-улей блистает и грохочет...

Нет!

Выпустите меня!.. И я бросаюсь в бегство по бесконечным коридорам, слыша перекатывающееся вокруг эхо. Воющий страх преследует меня по пятам. Это я гонюсь за собой.

Она снова была одна, не считая медицинского агрегата, надзиравшего за ней. Первое время она лишь дрожала. Дыхание рвалось в ее груди режущей болью. Разило пóтом.

Ужас угас. Чувство ошеломительной утраты, последовавшее за ним, было острее и длилось дольше. И лишь когда ушло и оно, она нашла в себе силы расплакаться.

Простите меня, Филлис, Фавн, Нильс, все-все, взывала она к пустоте комнаты. Вы желали мне лишь добра. Я хотела стать своей. Хотела найти смысл своего бытия в вашем мире. Не могу. Для меня стать той, кем я должна быть, — значит разрушить все, что я есть, все столетия и людей, забытых всеми, кроме меня, и сформировавшую меня тайную дружбу. Я родилась чересчур рано для вас. Мне уже поздно меняться. Поймете ли вы, простите ли?

9

Они встретились во плоти. Изображениям не дано обняться. Судьба была благосклонна к ним — удалось снять гостевой домик в контрольном заповеднике озера Мапурика на Южном острове, который Ханно до сих пор мысленно называл Новой Зеландией.

Погода будто хотела поспорить очарованием с окрестностями. Они собрались вокруг стола для пикника. Ханно вспомнил такую же встречу в ином краю, давным-давно в прошлом. Здесь зеленый травяной ковер сбегал по пологому склону к спокойным водам озера, где отражались леса и снеговые вершины. По мере того как солнце поднималось по небосклону, ароматы зелени усиливались. В вышине звенела птичья песнь.

Восьмерка собравшихся была спокойна под стать утренней природе. Вчерашние страсти отбушевали и улеглись. Сидевший во главе стола Ханно сказал:

— Пожалуй, мне и незачем говорить. Похоже, мы прекрасно сходимся во мнениях. И все равно будет мудрее спокойно обсудить все заранее, прежде чем принять окончательное решение.

Для нас более нет пристанища на Земле. Мы испробовали множество разных способов найти свое место, и люди охотно старались помочь нам; но в конце концов мы предстали перед

фактом, что это нам никогда не удастся. Мы динозавры, пережитки в век млекопитающих.

Алият покачала головой и с горечью возразила:

— Нет, мы пережитки человечества. Последние уцелевшие люди.

— Я бы так не сказала, — отозвалась Макендел. — Они меняются, быстрее и сильнее нас, мы просто не поспеваем за ними. Но я бы не взяла на себя смелость определить, что есть человек.

— Какая ирония! — вздохнула Свобода. — Разве нельзя было этого предвидеть? Мир, в котором мы могли открыться без страха, и должен был быть совершенно непохожим на прежние.

— Самодовольным, — вставил Странник. — Обращенным внутрь себя.

— Ты тоже несправедлив, — сказала ему Макендел. — Происходят грандиозные события. Просто они не по нам. Дух творчества, открытий переместился в... Куда? Во внутренний простор.

— Пожалуй, — шепнула Юкико. — Но что он там нашел? Пустоту. Бесцельность.

— С твоей точки зрения, — подал голос Патульсий. — Признаюсь, я тоже несчастен, но по своим собственным причинам. И все-таки, когда китайцы покончили с мореплаванием при династии Мин, они не перестали быть художниками.

— Но больше не выходили в море, — бросил Ду Шань. — Роботы сообщают нам о неисчислимых новых мирах среди звезд, и никому нет до этого дела.

— Земля весьма специфична, как того и следовало ожидать, — без всякой нужды напомнил Ханно. — Судя по сообщениям, ближайшая из планет, где люди могли бы жить в природном окружении, находится почти в пятидесяти пяти световых годах от нас. К чему городить огород, затрачивать грандиозные усилия лишь для того, чтобы выслать в этакую даль горстку колонистов, да еще, может быть, навстречу собственной гибели, когда и дома всем неплохо живется?

— Чтобы они могли прожить свою... чтобы мы могли жить, как нам нравится, на нашей собственной земле, — высказался Ду Шань.

— Общиной, — эхом отозвался Патульсий.

— А если нам это не удастся, можно двинуться дальше, — голос Свободы звенел от волнения. — По крайней мере, мы будем передовым отрядом человечества — вершителями, полагающимися лишь на себя.

Она с вызовом взглянула на Ханно. Остальные взоры тоже обратились к нему. И хотя до сей поры он даже намеком не выдал своих намерений, слова его никого не удивили. И все-таки они пронзили воздух, как внезапно обнаженный клинок:

— По-моему, я могу достать корабль.

10

Совещание ничем не походило на встречу людей или хотя бы изображений. Точнее, пока образ Ханно обегал земной шар, перед глазами его мелькал калейдоскоп лиц; но они были лишь дополнением, вернее, краткосрочным дополнительным вводом данных. Некоторые из этих лиц принадлежали подключенным к компьютеру людям, находившимся в прямом контакте между собой — от случая к случаю или постоянно. Иные являлись порождением электроники. Он различал их не по именам, хотя и знал имена, а по функциям; и зачастую одна и та же функция говорила разными голосами.

Сегодня Ханно предстал перед... а точнее, оказался внутри правящих сознаний мира. Мы далеко ушли от вас, монсеньор Ришелье, подумалось ему. Как мне хотелось бы, чтоб этого не произошло...

— Да, нам по силам построить такой космический корабль, — сказал Инженер. — В самом деле, предварительные разработки были проведены более столетия назад, они же и показали, насколько грандиозным окажется подобное предприятие. В этом и заключается главная причина, почему оно так и не было осуществлено.

— Он не может настолько превосходить тот корабль, на котором я облетел Солнечную систему! — возразил Ханно. — А корабли-роботы уже почти достигают скорости света.

— Вам следовало изучить предмет более тщательно, прежде чем подавать свое предложение.

Ханно прикусил губу.

— Я пытался.

— Корабль сверхчеловечески сложен, — согласился Психолог. — Мы и сами располагаем лишь упрощенным описанием.

— Фундаментальные принципы должны быть очевидны, — продолжал Инженер. — Роботы не нуждаются в системах жизнеобеспечения, в число которых входят и удобства, призванные сохранить человеку здравый рассудок. Кроме того, им требуется лишь минимум защиты. Для них межзвездный носитель может иметь весьма малую массу, поскольку вес полезного гру-

за мал. Тем не менее каждый из таких кораблей требует вложения значительных средств, прежде всего в антивещество.

— Под «вложениями» понимаются средства, отвлекаемые от прочих нужд, — заметил Экономист. — Да, современное общество высокопроизводительно, богато — но ведь не беспредельно богато! Имеются проекты предприятий, более близких к дому, осуществления которых требует усиливающееся общественное мнение.

— Мы обречены на поражение одним лишь размером Вселенной, — вздохнул Астроном. — Вот прикиньте. Мы только-только получили первые сигналы от роботов, посланных за сто пятьдесят световых лет. Пройдет еще немало времени, прежде чем до нас дойдут вести от посланных дальше. Нынешняя зона связи охватывает около сорока тысяч звезд; слишком много, чтобы мы могли отправить корабль к каждой из них, тем более что большинство из них — тусклые красные карлики или остывающие субкарлики. Светила, подобные Солнцу, как правило, оказываются не слишком привлекательными. Правда, поток научных открытий уже достиг ошеломляющего уровня, мы едва-едва справляемся с их усвоением; но общественность не находит их столь уж увлекательными. И не было открыто ничего такого, что можно было бы назвать революционным переворотом в науке.

— Мне все это известно, конечно, я... — начал было Ханно, но Инженер перебил его:

— Вы просите о корабле с человеческим экипажем, способном достичь тех же скоростей. Уверяем вас, как бы вы ни были долговечны, иные способы путешествовать среди звезд практически лишены смысла. Даже для горстки людей, особенно если вы надеетесь основать колонию, корпус должен быть просторен, следовательно — массивен; а масса всего необходимого для их выживания увеличивает это число на несколько порядков. В число необходимого снаряжения входят лазерная и магнитогидродинамическая системы, способные оградить вас от радиации, а также сосредоточить достаточное количество межзвездного газа, чтобы обеспечить работу двигателей. Сами двигатели в свою очередь поглотят такое количество антивещества, что истощат ресурсы Солнечной системы на многие годы вперед. Как вы знаете, антивещество вырабатывается не быстро и не легко.

Более того, корабли-роботы стандартизованы. Масштабы, о которых вы думаете, требуют кардинальных, фундаментальных изменений в конструкции. Хранящиеся в базе данных результаты предварительных разработок показывают, каких компьютерных ресурсов это потребует — достаточно сказать, что

все остальные работы отчасти будут обескровлены. Далее, при производстве невозможно воспользоваться готовыми частями или оборудованием. Потребуется создать целые новые заводы, и нанотехнические, и механические, разработать совершенно новые технологии. От начала производства до отлета корабля пройдет не менее десяти лет, на протяжении которых все элементы общественного механизма будут испытывать заметную нагрузку.

Короче говоря, вы хотите взвалить на человечество огромную ношу лишь для того, чтобы выслать нескольких индивидуумов к далекой планете, которая, кажется, может оказаться пригодной для их обитания.

Да, подумалось Ханно, эта работенка заткнет за пояс постройку пирамид. А ведь фараоны вскоре перестали строить пирамиды — слишком дорого. Никому больше они уже были не нужны... Но вслух он произнес с застывшей на лице улыбкой:

— Я догадывался, хотя бы в общих чертах, обо всем тут изложенном. Кроме того, я догадываюсь, что нынешний мир может справиться с этой задачей, не обрекая никого на лишения. Пожалуйста, не пытайтесь заговорить мне зубы. Вы наверняка видите в моей идее какие-то достоинства, иначе нынешняя встреча не состоялась бы.

— Вы, Реликты, просто уникальны, — пробормотал Художник. — Вы и по сей день в чем-то привлекательны, любопытны всякому, кто питает особый интерес к вопросу, откуда мы пришли.

— И куда идем! — воскликнул Ханно. — Я говорю о будущем всего человечества. Земля и Солнце не вечны. Мы можем сделать свою расу бессмертной.

— Человечество займется геологическими проблемами, когда они возникнут, — сказал Астроном. — А до этого еще несколько миллиардов лет.

По-моему, все, что можно назвать человеческим, здесь вымрет гораздо раньше, подумал Ханно, но удержался и не стал произносить этого вслух. Будет ли то смерть или преображение, кто знает. Но для меня между ними нет никакой разницы...

— Всякая идея широкомасштабной колонизации звезд расточительна, — провозгласил Экономист.

— Если бы она была осуществима, — подхватил Астроном, — то была бы уже реализована и мы бы знали об этом.

Да, я слышал эти измусоленные аргументы, неустанно повторявшиеся с двадцатого столетия и далее. Если Иные существуют, то где же они? Почему Землю ни разу не посещали хотя

бы исследовательские роботы? Мы ведь сами были настолько заинтересованы, что выслали к найденным примитивным сапиенсам дополнительные экспедиции. Как ни мало мы узнали, но это сказалось, пусть едва уловимо, на нашем мышлении, искусстве, душе — хотя бы так, как сказалась на Европе Африка, когда белые открыли ее. Ах, если бы жизнь и разум не были такой редкостью, случайностью или исключением из правил! Но, не заледени нас своим дыханием добравшееся до сердца одиночество, нам сегодня следовало бы находиться в космосе, отыскивая их искры.

И все-таки, все-таки — Они существуют!

— Мы должны проявлять спокойствие, — вел свое Астроном. — Теперь ясно, что Иные существуют. В свое время роботы доберутся до них; а может, мы еще до того установим прямую связь.

Через пространства сотен световых лет. И дважды столько же от вопроса до ответа.

— Мы не знаем, каковы они, — заметил Ханно. — Не знаем, насколько они отличаются от нас. Вы читали поданное мной письменное предложение, не так ли? Я рассмотрел все старые аргументы, и они сводятся к одному: что мы ничего этого не знаем. Мы знаем только то, на что способны сами.

— Правдоподобное лежит в пределах возможного, — заявил Экономист.

— Да, мы изучили ваш доклад, — взял слово Социолог. — Причины, которыми вы пытаетесь обосновать необходимость этого предприятия, логически неадекватны. Верно, несколько тысяч индивидуумов полагают, что с радостью отправились бы в экспедицию. Они чувствуют себя бесполезными, сбитыми с толку, находящимися не у дел, лишенными свободы действий или еще каким-либо способом ущемленными. Мечтают начать все заново в новом мире. Большинство из них просто незрелы и со временем остепенятся. Изрядная часть остальных — беспочвенные мечтатели; они в ужасе отшатнутся, если им на самом деле предоставят подобную возможность. В результате вместе с вами останется десятков пять-шесть — и за их-то эмоциональное равновесие все общество должно платить столь высокую цену?!

— Но важны именно конкретные люди, а не абстрактное общество!

— Так ли это? Ведь эти люди настолько эгоистичны, что готовы подвергнуть своих потомков опасностям и лишениям, — а если они выживут, то начнут плодить потомство.

На лице Ханно застыла вымученная улыбка.

— Всем родителям во все времена приходилось принимать подобное решение. Такова природа вещей. Неужели вы откажете человечеству в тех возможностях, открытиях, совершенно новых стилях мышления, работы и жизни, которые данная цивилизация почему-либо просмотрела?

— Вполне уместное замечание, — отозвался Психолог. — И все-таки вы должны согласиться, что успех не гарантирован. Даже напротив — вы предпринимаете весьма и весьма рискованную попытку. До сих пор не доказано, что какая-либо из полудюжины обнаруженных планет земного типа по природным условиям и биохимии не является смертельной западней замедленного действия.

— Мы можем продолжить поиски, если потребуется. Время у нас есть. Нам нужна лишь цель, чтобы тратить его с толком.

— Возможно, вы действительно сумеете найти чудесные вещи, — сказал Художник. — И, наверное, сможете понять их и передать нам так, как не под силу ни одному роботу.

Ханно кивнул.

— На мой взгляд, разумные существа могут полноценно общаться лишь с такими же разумными существами. Быть может, я и заблуждаюсь, но разве можно сказать, не испробовав? Ведь мы встроили собственную ограниченность и ограниченность наших знаний в свои машины и их программы. Да, конечно, они обучаются, адаптируются и модифицируют себя согласно накопленному опыту; лучшие образцы даже способны мыслить — но всегда машинными категориями. Что нам известно о ситуациях, непостижимых для них? Быть может, теоретическая наука достигла предела познания, а может, и нет; но как бы то ни было, вокруг нас раскинулась огромная Вселенная. Слишком огромная и разнообразная, чтобы быть предсказуемой. Чтобы познакомиться с ней, потребуется не одно поколение исследователей.

— Значит, вы не отказываетесь от своего прошения, — нахмурился Инженер. — Неужели вы думаете, что в нем содержится что-то новое? Подобные аргументы поднимались снова и снова, но всякий раз были отвергнуты, как несущественные. Вероятность успеха и ценность его, если он будет достигнут, слишком ничтожны в сравнении с затратами.

Ханно заметил, что подался вперед — странный поступок в бестелесном общении.

— Я не поднимал еще один аргумент, ибо надеялся, что не придется к нему прибегать. Но... ситуация изменилась. Теперь вы имеете дело с нами, Реликтами. Как вы сами сказали, мы уникальны. Нас по-прежнему окружают особое уважение, мис-

тический ореол, последователи — не в таких уж значительных масштабах, но тем не менее; а мы знаем, как этим воспользоваться. В частности, лично мне известны способы устроить любым властям адскую жизнь. В древние времена я был большим специалистом по этой части.

Да-да, я был сущим оводом. Вы можете сделать вид, что не обращаете на нас внимания. В случае нужды можете уничтожить нас. Но даром это вам не пройдет. После нас в умах останутся тревожные вопросы. И они не забудутся, ибо вы упразднили смерть, а базы данных не способны к забвению. Ваше управление миром так долго шло без сучка, без задоринки, что вы могли решить, будто система стабильна. Это не так. Всему человеческому стабильность чужда. Почитайте собственную историю.

Полную буйства и насилия, добавил он про себя, — подводных рифов, потопивших не одну империю вместе с ее гордыней, мечтами и божествами.

— Это верно — социодинамика с точки зрения математики хаотична, — с несокрушимой невозмутимостью подтвердил Психолог.

— Я вовсе не хочу угрожать, — торопливо вставил Ханно. — Правду сказать, я и сам боюсь последствий. Они могут оказаться ничтожными, но могут достигнуть чудовищных размеров. Вместе с тем, — он выдавил из себя смешок, — смутьяны всегда были любимой статьей экспорта для любых правительств. Да еще затея полна духа приключений и романтики — в эпоху, когда приключения и романтика почти исчезли, не считая призрачных электронных театров. Люди обрадуются, будут поддерживать ее... достаточно долго, чтобы корабль успел отбыть. Доставшаяся вам слава окажется вполне полезной в любых последующих ваших предприятиях. А после того... — Он развел руками. — Кто знает? Быть может, полный провал. Но не исключено — открытый путь к чему угодно.

Наступила звенящая тишина.

Спокойствие Администратора потрясло Ханно сильнее, чем любой физический удар.

— Этого мы от вас тоже ждали. Факторы взвешены. Решение положительное. Корабль будет отправлен.

Вот так вот просто?! Один миг — и победа?! Впрочем, пока я говорил, компьютер мог передумать столько, сколько человек за миллион лет. О Колумб!..

— Но с одной оговоркой, — звенел голос в ушах Ханно. — Даже в условиях приостановленной жизнедеятельности масса пятидесяти или более колонистов, вместе со снаряжением

и оборудованием, является чрезмерной, при ничтожных шансах на успех. Вы, восьмерка Реликтов, должны отправиться одни. Разумеется, вам будет обеспечена команда роботов, вплоть до разумных и приспособляемых, но рабски ограниченных, не обладающих личностью, которая могла бы вызвать у вас враждебность. Вы также получите все необходимое. Если ваше рискованное предприятие увенчается успехом, когда-нибудь за вами в более тихоходных кораблях могут последовать новые колонисты. Мы полагаем, вы согласитесь, что это разумно.

— Да, разумно... — И крайне, хм-хм, символично — это не вслух. Боже мой, с какой радостью я вырвусь из-под контроля системы, не упускающей из виду ни малейшей детали! Но мне не следует проявлять неблагодарность, не так ли?.. — Вы весьма щедры. Вы всегда были весьма щедры к нам. Спасибо, от всей души спасибо!

— Благодарите общество. Вы мыслите категориями монархов, но единоличная человеческая власть ушла в небытие.

Пожалуй, это правда, откликнулся Ханно про себя. Ушла в небытие, как и человеческая душа...

— Далее, — продолжал Администратор, — вы отправитесь не к той планете, о которой говорится в вашем докладе. Избранная планета лежит примерно в пятидесяти световых годах отсюда, но разница в расстояниях сравнительно несущественна при возможности путешествия с субсветовыми скоростями. Данная планета больше всех известных соответствует земному типу, следовательно, является наиболее подходящей для поселения, но в рассмотрение вошли и иные соображения. Вы говорите об исследованиях. Очень хорошо, вам будет предоставлена такая возможность.

Избранные светило и планета находятся в созвездии Пегаса, у предела нынешней зоны связи. Если вы помните, далее в этом направлении находится ближайший источник излучения, вероятно, посланного высокоразвитой цивилизацией.

Нам неизвестно, так ли это на самом деле, ведь аномалии весьма многочисленны. Нам также неведомо, приблизит ли ваше присутствие дату предполагаемого контакта. Вероятно, нет поскольку роботы, пролетая там, не сообщили ни о каких феноменах, не являющихся природными. Отправка на эту планету означает, что вы столкнетесь с неведомым, а следовательно, более опасным окружением — хотя за время постройки корабля мы успеем собрать дополнительную информацию. Но даже с поправкой на различные неопределенности и неясности мы пришли к выводу, что, в общем и целом, будет лучше всего,

если ваша экспедиция отправится в сторону ближайшего из наших предполагаемых соседей.

Это не лишено смысла. Я и сам мог бы додуматься до этого, упрекнул себя Ханно. Но я всего-навсего человек. Нас всего восемь, мы всего-навсего люди — ранимая плоть и текучая кровь...

— Примете ли вы с вашими товарищами эти условия?

— Да!

Да, безоговорочно — да.

11

Прощай, Земля!

Что-то от прежней Земли еще уцелело — анклавы, заказники, заповедники, мелкие твари по щелям, простые люди, архаизмы, воспоминания... Большинство людей великодушны. Они стремятся угодить, они устраняются, чтобы предоставить уединение, или приходят с изъявлениями дружбы, они стараются дать все, что в их силах, за эти несколько последних дней на Земле.

Океан ревет, вздымая валы и низвергая их снова и снова. Волны переливаются тысячей оттенков — от серого до зеленого, бока их покрыты морщинками, а на хребтах дыбятся белопенные гривы. Яхта подстраивается под их рывки и броски, снасти поют, парус звенит. Свежий пронзительный ветер пропитан солью.

Хлеба зазолотились, предвещая скорую жатву. Стоит шелохнуться ветерку, и по ним с шелестом много ли подряд бежит плавная волна. Пчелы жужжат на лугу, где жаркое солнце пробудило клевер, источающий медовый аромат. Неподалеку прилегли под ореховым деревом огненно-рыжие коровы; листва играет со светом, бросая сочные зеленоватые отблески. Теплая почва крошится в ладони, лаская ее прикосновением.

Мерцающие свечи бросают на лица теплые отсветы, наполняя их той же нежностью, что и негромко звучащая переливчатая мелодия. Серебро, фарфор, белоснежные скатерти сияют. В высоких бокалах пенится шампанское, пощипывающее гортань. Смех рассыпается с той же легкостью, что и лопающиеся пузырьки. Густой, как сметана, суп дразнит нёбо луковой пряностью. Ароматы блюд клубятся в воздухе, будто залог веселья, которое продлится до рассвета.

Кирпично-красные стены каньона вздымаются к сиреневым небесам. Целые эпохи связывают их между собой. Ветры

источили камень, и в склонах зияют глубокие расщелины; но сегодня настолько тихо, что даже карканье ворона раскатывается в знойном воздухе эхом выстрела. Чернокрылый силуэт мелькает над клубящейся зеленью кустиков можжевельника и шалфея, цепко впивающихся корнями в малейший клочок почвы. У дна, где поблескивает журчащий ручеек, зелени больше.

Хотя паломники больше не приходят к святыне на поклон, нечто вроде благочестия нынешних людей бережет ее, и воспоминаниям нет числа. У самой двери крепко держится за гребень древний кипарис, скрюченные сучья которого воплощают некую аскетическую строгость. Дальше взор устремляется вниз по склону горы, от источенной водопадом скалы, мимо рощиц, террас, изогнутых кровель — к полной рассветного тумана долине и голубым высотам над ней. Воздух холодит ноздри. И вдруг заводит свою песнь кукушка.

Ливень отшумел. Березняк искрится каплями, блестящими шариками повисшими на листве деревьев, на перистых ветках папоротников и на мягком ковре мха. Стройные стволы — будто девушки в расписанных солнечными узорами сорочках. А чуть дальше, впереди, березняк сменяется окруженным камышами озерком; вспугнутый олень грациозно несется прочь. Даже ветер пахнет травами и листвой.

Ко всему этому — и к вещам, и к знакомым местам в будущем можно вернуться; но то будет лишь иллюзия, призрачная пляска электронов, фотонов и нейтронов. Здесь же все это ощутимо-реально. Эта фотография на стене была давным-давно приобретена в ларьке у реки, в те времена, когда люди еще пользовались фотоаппаратами. Стол не уступит ей возрастом — время оставило на его деревянной поверхности свой след в виде царапин и выщербин; в двух местах обугленные пятна, оставленные зажженными сигарами. Вся мебель уютна, словно старая изношенная одежда. Книга радует руки своей тяжестью; пожелтевшие страницы похрустывают под пальцами; на титульном листе надпись, чернила поблекли, но имя не стерлось из памяти.

Кладбищ больше нет. Смерть стала слишком редкой, земля — чересчур ценной. Правда, списки изредка случающихся несчастий ведутся все равно. Остается лишь догадываться, где искать могилы — в городе ли, ставшем совсем чужим, в остатках ли сельской местности, где травы и полевые цветы отвоевали бывшие пашни — постоять немного, чувствуя себя не совсем одинокой, а потом тихо-тихо проронить: «До свиданья, и спасибо за все».

12

Ветер, подгонявший «Пифеос» вперед, был рожден огнем. За кормой убывало Солнце, сперва мало-помалу, из-за низкого ускорения, но теперь, когда корабль добрался до Юпитера, оно успело стать всего лишь ярчайшей из бесчисленных звезд.

Звезды наполняли всеохватную ночь ярким, ровным сиянием — белые, серебристо-голубоватые, янтарно-желтые, рубиново-красные. Млечный Путь пересекал небосвод, будто осыпанная светящимся инеем река. Туманности полыхали; где-то в их недрах рождались и умирали светила. На юге сияли Магеллановы Облака. Изящная спираль далекой галактики, сестра Млечного Пути, так и манила к себе.

Ханно и Свобода стояли на капитанском мостике, глядя в это необычайное ясное небо, какого на Земле даже не может быть. Они часто здесь бывали.

— О чем ты думаешь? — наконец спросил он.

— О неизбежном, — негромко ответила она.

— О чем?!

— О предстоящем нам маневре. Ну да, он не является абсолютно необратимым. Мы по-прежнему можем повернуть, у нас изрядный запас времени для этого, разве нет? Но то, что должно скоро произойти, это вроде... Ну, не знаю. Не рождение, не женитьба и не смерть, но нечто не менее странное.

— По-моему, я понимаю, о чем ты, — кивнул Ханно. — А ведь я неисправимый прагматик. Странник наверняка тебя поймет. Он мне говорил, что они с Коринной запланировали церемонию. Наверно, нам всем следует присутствовать на ней.

— Ритуал перехода, — с улыбкой пробормотала она. — Я должна была понять, что Странник понял бы мои чувства. Надеюсь, он может отвести мне в церемонии какую-нибудь роль.

Ханно пристально взглянул на нее. Они все разбились на пары, неформально, по более-менее молчаливому взаимному согласию — он со Свободой, Странник с Макендел, Патульсий с Алият, Ду Шань и Юкико возобновили свой союз. Не то чтобы им не приходилось никогда меняться партнерами. Такая смена спутника от случая к случаю во время их долгого маскарада была просто неизбежна. Но с той поры они чаще бывали порознь, чем вместе. Насколько они осмелятся пускаться в путешествии на эмоциональный риск? Пятнадцать лет в пути, и Бог ведает, что ждет в конце...

Порознь, вместе ли, но совместные столетия выработали у этой пары изрядное взаимопонимание. Свобода ухватила Ханно за руку.

— Не волнуйся, — сказала она на американском английском, ставшем для них самым любимым из мертвых языков. — У меня на уме только... только торжественность события. Нам нужно что-то такое, чтобы подняться над собой. Нельзя нести свое ничтожество к звездам.

— И все-таки понесем, — отозвался он. — Тут уж ничего не поделаешь. Как можно ухитриться не быть самими собой?

13

Когда «Пифеос» огибал Юпитер, силовые поля ограждали его от корпускулярного излучения. Планета наложила на корабль свою могучую гравитационную длань и вышвырнула его из плоскости эклиптики к северу, в направлении Пегаса. А на борту рокотал барабан, топали ноги, песнопение призывало духов.

Когда Юпитер остался на безопасном удалении за кормой, роботы вышли наружу. Летая вокруг корпуса, они развернули тонкие проволочные тенета звездного ковша и камеры сгорания. К тому моменту тихоходный ускоритель под факельным двигателем успел придать кораблю значительную скорость, и взаимодействие с межзвездным веществом стало ощутимо. По земным стандартам, здесь царил глубокий вакуум — в среднем один атом на кубический сантиметр; практически только водород. И все-таки направленный по ходу движения широкий раструб сумеет собрать немало вещества. Когда роботы вернулись внутрь, «Пифеос» напоминал тупую торпеду, запутавшуюся в сетях рыболова-великана.

Члены экипажа направили на Землю последний лазерный луч, произнесли свои маленькие речи, приняли традиционные добрые пожелания. Окружающие их ионы и энергетические поля сделают электромагнитную связь невозможной. Модулированный поток нейтрино легко прошьет их, на «Пифеосе» имеется аппаратура для их приема, но пучок, который он в состоянии послать, рассеется чересчур быстро. Огромное оборудование, необходимое для пересылки разборчивых сообщений на сотни и тысячи световых лет, закреплено на месте и сфокусировано на дальних целях, которые могут вдруг отозваться.

И теперь, в сети и на тысячи километров за ее пределами, проснулись силовые поля, и пространство обратилось в плодо-

родную ниву. Их силы сплетались в сложнейшие, филигранно-точные, непрерывно меняющиеся могучие формы, управляемые компьютерами на основе получаемой датчиками информации. Корабль зажег новые лазерные лучи, и те, как клинки, отсекли электроны от ядер. Поля захватили плазму и швырнули ее далеко назад, подальше от корпуса; ее столкновение с металлом породило бы убийственное рентгеновское излучение. Газ устремился в камеру сгорания, являвшую собой магнитогидродинамическую воронку, где он закружился вихрем.

Еще один нематериальный двигатель освободил немного антивещества, удерживая его в подвешенном состоянии, ионизировал его и погнал его в водоворот, навстречу межзвездному газу. Частицы встретились, аннигилировали, обратившись в чистую энергию — предельное преобразование, порождающее девять на десять в двадцатой эрг на грамм. Ее ярость разожгла реакцию слияния среди уцелевших протонов, поддерживая ее и не давая затухнуть. Позади огражденной мощной защитой кормы «Пифеоса» вспыхнуло крохотное солнце.

Питаемые им поля швырнули плазму назад, и сила реакции помчала корабль вперед. Ускорение сравнялось с ускорением свободного падения на Земле — девятьсот восемьдесят сантиметров в секунду за секунду; находившиеся на борту снова ощутили нормальный вес.

При таком темпе прироста скорости путешественники менее чем за год одолеют расстояние в половину светового года, а их скорость приблизится к скорости света.

14

Ни одно существо из плоти и крови не могло бы управлять кораблем. Он справлялся с этим сам, являясь комплексом систем, не уступающим сложностью живому организму, поддерживающему движение и существование вовне и условия для жизни — внутри. Люди превратились в пассажиров, старательно занимавших свое время кто как умел.

Жилые отсеки были строго функциональны — восемь отдельных кают, гимнастический зал, мастерская, камбуз, трапезная, кают-компания и еще кое-какие помещения, вроде ванных и палаты сновидений. Те, кто обладал хоть какими-то дарованиями по части художественных ремесел, нашли себе и занятие, и развлечение сразу — в том, чтобы сделать помещения более уютными. Юкико предложила начать с кают-компании.

— Ведь там мы чаще всего будем бывать вместе, и не только ради отдыха или компании, но и в час беды, решения или благоговения.

— Это наша рыночная площадь, — кивнул Ханно. — А площади начинались с храмов.

— Что ж, — предупредил Ду Шань, — надо все хорошенько продумать и устроить так, чтобы украшения не мешали.

Однажды вечером все трое остались в кают-компании одни. Корабль поддерживал извечный земной цикл смены дня и ночи — часов, под мерный такт которых возникала и развивалась жизнь. Прибыв на планету назначения, люди постепенно подстроятся под новый ритм. Обед уже прошел, и остальные разошлись — кто отдыхать, кто развлекаться; и так уж получилось, что больше никого здесь не осталось. В коридоре полусвет постепенно сгущался до сумрака. Скоро его будут освещать лишь разделенные большими расстояниями дежурные светильники.

Ду Шань прикрепил ящичек к собственноручно выкованным стенным консолям в виде виноградных лоз.

— А я думал, ты сперва украсишь его резьбой, — заметил Ханно.

— Я хочу побыстрее заполнить его землей и начать выращивать цветы, — пояснил Ду Шань. — А уж после сделаю декоративные накладки и прикреплю к нему.

Юкико одарила его улыбкой.

— Конечно, тебе без цветов не обойтись, — согласилась она. — Ведь это живые творения.

Под ее руками на стене появлялась роспись — холмы, деревенька, бамбуковая рощица, а на переднем плане цветущая вишневая ветвь.

— Я вырежу накладки в виде звериных фигурок. — Ду Шань вздохнул. — Ах, если бы нам можно было держать на борту животных!

Коды их ДНК хранились в базе данных. Когда-нибудь, если все пойдет хорошо, последует синтез, выращивание в специальных резервуарах — и животные выйдут на свободу.

— Да, мне не хватает моих корабельных котов, — признался Ханно. — Но моряк привыкает обходиться без многого. Зато когда сходишь на берег, это только усиливает радость возвращения. — Его пальцы проворно и ловко вязали веревочные кружева; их можно кое-где развесить по стенам. Финикийский узор не будет противоречить азиатским мотивам. — А получается очень мило.

Юкико поклонилась в его сторону:

— Благодарю. Боюсь, это лишь бледная копия картины, виденной мной в здании, разрушенном много веков назад. — Прежде чем начали записывать все подряд; нынешние изображения можно воспринимать всеми органами чувств сразу.

— Тебе следовало сделать это на Земле.

— Никто не проявлял к этому интереса.

— А может, ты просто упала духом? Ничего страшного. Я передам ее с нашей планеты по лучу. Она ничуть не уступает значением любой нашей тамошней находке.

К тому моменту картина давно прекратит свое физическое существование, уйдя в банк данных; материалы пойдут в нанотехнические процессоры и будут преобразованы в нечто иное, чтобы обеспечить очередную задумку.

Алият настаивала, что вся эта идея глупа с самого начала. Да кто же захочет пятнадцать лет пялиться на неизменную картину? Какой смысл создавать ее, чтобы потом уничтожать и заменять новой, когда проекционные панели могут в мгновение ока воссоздать любое из тысяч электронных подобий?

— Теперь, я думаю, наши друзья согласятся, что этим стоило заняться, — добавил Ханно.

— Они милостиво позволили мне занять свой досуг, — отозвалась Юкико.

— Нет, я имел в виду, что они не останутся равнодушны. Это не просто заполнение досуга. Мы могли бы изобрести массу развлечений, и, несомненно, так и поступим. Если потребуется, можем просто ждать. Годы летят быстро, когда за плечами уже века и тысячелетия.

— Если нет ярких событий, — подсказал Ду Шань.

— Верно, — кивнул Ханно. — Я не претендую на понимание того, что физики подразумевают под временем, но для человека это отнюдь не столько-то мерных единиц; время — это события, это опыт. Человек, умерший молодым, но успевший до предела заполнить жизнь событиями, жил дольше, чем старик, до седин просидевший в унылой пассивности.

— Наверно, старик искал свой путь к мудрости, — вклинилась Юкико и опустила кисть. В голосе ее зазвучало огорчение. — Лично я никогда не могла этого добиться. Годы покоя рано или поздно неизбежно становились мне в тягость. Это расплата за вечную молодость. Тело не ослабляет хватки, с которой вцепилось в душу.

— Умирать нам предназначено самой природой, чтобы очистить дорогу будущим поколениям, оставляя им то, чего мы достигли, — тяжеловесно проронил Ду Шань. — И та же природа породила наше бессмертное племя. Может, мы чудовища,

уроды? Сегодня нас любят все. Но должно ли так быть? Не заплатит ли человечество, в конце концов, своей душой?

— Не знаю, — не оставляя плетения, отозвался Ханно. — Не знаю даже, не лишен ли смысла твой вопрос. Мы уникальны, мы Реликты. Мы рождены для старости и смерти. Мы росли, ожидая их для себя. Затем переживали их снова и снова, без конца, с каждым из любимых нами — пока не встретили друг друга. Но и на этом список утрат не завершился. Мы сформированы примитивным миром. Поглядите-ка, чем мы тут заняты. Быть может, потому-то мы и отправились к звездам. Старейшие из живущих — мы, быть может, еще и последние из детей.

15

В каюте места хватало только-только на гардероб, преобразующийся в письменный стол с терминалом, одно сиденье и койку. Патульсий развесил по стенам репродукции с картин, изображавших городские сценки, каких в действительности уже не увидишь. Из динамика приглушенно звучал джаз начала двадцатого столетия — это был единственный род музыки, на котором они с Алият сошлись. Более поздние стили казались ей чересчур абстрактными, а старинные мотивы Ближнего Востока будили дурные воспоминания.

Они лежали бок о бок, ощущая взаимное тепло и легкий аромат пота. Но его страсть всегда угасала довольно быстро. После того он любил понежиться, предаваясь грезам или болтая, после чего погружался в сон или отправлялся освежиться.

Но вот Алият зашевелилась, лягнула воздух, села, обняв колени, и зевнула.

— Интересно, что нынче творится дома?

— Насколько я понимаю, слово «нынче» почти ничего не значит для нас... нынче, — лениво ворочая языком, ответил он. — И чем быстрей и дальше мы улетаем, тем меньше и меньше оно значит.

— Ах, оставь! Почему они не поддерживают с нами связь?

— Сама знаешь. Наш двигатель экранирует их передачи.

Она посмотрела на Патульсия — он лежал, закинув руки за голову и устремив взгляд в потолок.

— Ну да, но есть еще эти... как их... нейтрино!

— Эта аппаратура занята.

— Да, — с горечью отозвалась она. — Мы не стоим того, чтобы строить новую. А вот направить на какую-нибудь звезду в миллионе световых лет...

— Ну, не настолько далеко, — улыбнулся он. — Хотя действительно, расстояние довольно устрашающее.

— Плевать! Я в том смысле, что в результате они получат какую-нибудь чушь, которую ввек не разберут. У них ведь и мысли не было, что она предназначена для нас, так ведь?

— И да и нет. Довольно разумно допустить, что сообщения направлены «всем, кого заинтересуют». Всем, кто слушает. Но с какой стати мы решили, что авторы посланий должны мыслить похоже на нас, чтобы мы легко могли расшифровать их коды? Кроме того, они почти наверняка роботы. Весьма возможно, что обнаруженные нами сигналы — маяки, которые призваны лишь приманить туда новых роботов вроде тех, что выслали мы.

— Неужто там никого-никого живого? — поежилась она.

— Сомнительно. Ты разве забыла? Это ведь странные точки Галактики. Черные дыры, сгущающиеся туманности, свободные матрицы — так это называется, что ли? Признаться, современная космология меня тоже ставит в тупик. Словом, условия в тех местах опасные, где-то даже смертельные. В то же время каждый из объектов уникален. Нет никаких сомнений, что все звездоплавающие цивилизации вышлют роботов для их исследования. Вероятно, там-то посланцы всех цивилизаций и встретятся. Следовательно, будет разумно, если оказавшиеся там начнут передавать сообщения, в надежде, что на них откликнется кто-то новенький. Так что в тех местах вероятность встретить следы разума наиболее высока, и лучше всего сфокусировать аппаратуру именно на них.

— Да знаю я, знаю! — вспылила Алият.

— Что же до того, почему мы не принимаем ничего внятного от выславших роботов цивилизаций...

— Да оставь ты! Я хотела получить глоток свежего воздуха, а не лекцию!

Патульсий обернулся к ней. Его одутловатое лицо даже осунулось.

— Прости, моя дорогая. Просто предмет увлек меня.

— И меня бы увлек, не слышь я это в сотый раз. Ты раз за разом твердишь одно и то же. Хоть бы словцо свеженькое услышать!

— И от кого-нибудь свеженького. Правильно? — печально спросил он. — Я тебе наскучил, не так ли?

Алият прикусила губу.

— Я просто немного не в себе.

Он не стал напоминать, что она уклонилась от ответа, но голос его зазвучал более резко:

— Ты же знала, что покидаешь круговорот светской жизни.

Она резко кивнула и отрывисто бросила:

— Разумеется. Неужто ты вообразил, будто я не научилась ожиданию еще в Пальмире? Но я вовсе не обязана им наслаждаться. — Спустив ноги с кровати, она встала и взяла висевшую на крючке сорочку. — Что-то не хочется спать. Схожу в камеру снов, расслаблюсь.

Подразумевалось, что он не доставил ей удовлетворения, хоть она и притворялась.

— Ты ходишь туда слишком часто, — садясь, бессильно запротестовал Патульсий.

— Это мое личное дело. — Она натянула сорочку, встретилась с ним глазами и тут же отвела взгляд. — Извини, Гней. Я вела себя как последняя сука. Пожелай мне более доброго настроения завтра, а?

Она наклонилась, потрепав его по заросшей густыми волосами груди и вышла — босиком, как и пришла. Палуба была покрыта мягким, упругим ковром, чем-то напоминавшим траву.

Тускло освещенный в этот час коридор зиял пустотой. Из вентиляционных отверстий доносились ласковые дуновения и шелест. Завернув за угол, она застыла. Странник тоже.

— А, привет! — на американском английском сказала Алият. — Давненько я тебя не видала. — Она улыбнулась. — И куда же ты направляешься?

16

Чем ближе подбирался «Пифеос» к скорости света, тем более чуждой становилась для него окружающая Вселенная. Больше никто и никогда не разглядывал экраны внешнего обзора. Внутренность корабля будто обратилась в пещерный город — ряд ярко освещенных теплых убежищ. Спастись от ощущения скученности можно было лишь в деле, какое каждый себе находил: в спорте, играх, ремеслах, чтении, музыке, зрелищах, традиционных развлечениях; в псевдожизнях всякого рода, которыми компьютер снабжал каждого, кто к нему подключался.

Назвать условия жизни плохими нельзя было даже с большой натяжкой. Большинство людей на протяжении всей истории человечества сочли бы их просто райскими. И все же, как Ханно однажды заметил, бессмертному год может показаться не дольше месяца. Но это верно — или почти верно — лишь для Реликтов. В самом деле, разве кто-нибудь из современных людей жил достаточно долго? Разве они познали, как выстоять в несладкие времена, особенно во времена, несладкие для

души? Не это ли подсознательное сомнение и было сокровенной причиной того, что никто не решился на подобное странствие?

Неудивительно, что любое разнообразие лишь приветствовалось.

Финиция — название предложил Ханно — отнюдь не была точной копией Земли. Роботы-исследователи докладывали об огромном числе схожих черт: почти одинаковые светила, орбиты, массы, химический состав, скорость вращения, спутники — бесчисленное множество факторов, без которых не могла бы зародиться жизнь, подобная земной. Такие планеты действительно можно перечесть по пальцам (правда, в масштабах Галактики для этого потребовались бы сотни рук). И все-таки полного сходства не было ни в чем, а многие черты — пожалуй, даже большинство — были крайне далеки. Отсутствие разумной жизни — лишь наиболее очевидная разница и, пожалуй, наименее важная.

Далее, Финиция была куда менее изучена, чем планета, первоначально намеченная Ханно. Она находилась в ста пятидесяти пяти световых годах от Земли, у края сферы связи. До сих пор туда добрался лишь один посланец, и когда «Пифеос» отправлялся, были приняты данные, собранные за добрую дюжину лет. Финиция была целым миром, не менее разнообразным и загадочным, чем Земля в доисторические времена.

Роботы продолжали исследования. В пути «Пифеос» был не в состоянии принять их сообщения, но, прибыв на место, примет все накопленные сведения. Несомненно, там ждут потрясающие открытия. Наверное, путешественникам придется не меньше года кружиться по орбите, усваивая сведения о планете, прежде чем они впервые спустятся на шлюпке на ее поверхность.

Но почему бы пока не попрактиковаться? Элементарная осмотрительность требует предварительного ознакомления с материалом, пусть и фрагментарным, и зачастую ошибочным. Лучше заранее обрести опыт, хотя бы иллюзорный.

Органы чувств больше не воспринимали гимнастического зала. Над головой раскинулось девственно-голубое небо, и лишь несколько облачков плыли в вышине, как посланцы от проступающих на горизонте заснеженных вершин. Под ногами зеленели стебли, смутно напоминающие траву; ветер качал деревья, донося запахи их смолы и солнца; в воздухе хлопали крылья, а вдали быстро и грациозно скакало стадо каких-то зверей. Страннику вспомнился былой Джексон Хоул; сердце его болезненно сжалось.

Совладав с собой, он наклонился поднять камень из лепетавшего у ног ручья. Камень поблескивал, как кварц, приятно оттягивая и холодя руку. Мелькнула мысль, что надо бы подновить свои познания в геологии.

— Нарубите леса, — приказал роботам Ду Шань, указывая в сторону деревьев. — Вон там. Поглядим, сумеете ли вы сделать доски.

— Есть, — отозвался бригадир и повел свою команду, вооруженную проекторами энергии, жидкими реагентами и нормальными металлическими инструментами.

Странник резко обернулся к спутнику. Вес индукционного шлема напомнил ему, что дело происходит не в камере снов. Здесь он тренировал весь организм, хотя места, где он стоит, никогда не существовало. Ничего, он верил, что подобное местечко непременно отыщется в новом мире.

— Что ты затеял? — настоятельно спросил он.

— Как только мы решим осесть на месте, нам понадобится строительный лес, — пояснил Ду Шань. — Не хочешь же ты зависеть от несчастных синтезаторов? Разве не для этого мы покинули Землю? — Он улыбнулся, прищурившись от ослепительного света, раздул ноздри и глубоко вздохнул. — Да, мне здесь нравится!

— Но нельзя же возделывать подобный край! — выкрикнул Странник.

— Почему это? — воззрился на него Ду Шань.

— Будет масса других. А тут это было бы... неправильно.

— И какую же часть планеты ты хочешь на веки вечные удержать для своих личных охотничьих угодий? — нахмурился Ду Шань.

Эта мысль потрясла Странника. Неужели, спросил он себя, мы пронесли вражду наших праотцев сквозь все эти столетия, а теперь еще и через световые годы?

17

Нанопроцессоры берут любое вещество и преображают его атом за атомом в нечто иное, как прикажет программа. Они поставляют воздух, воду и пищу. Они могут произвести готовую, замечательную трапезу, и зачастую — по индивидуальным заказам. Однако, как правило, Макендел брала у них лишь основные ингредиенты и готовила обед на всех; кроме напитков, конечно. Она всегда была стряпухой от Бога, наслаждалась этим занятием и воспринимала его как некое служение, вносившее смысл в ее существование. И она ничуть не задавалась:

машинам не хватает выдумки и индивидуальности, а этому архаичному экипажу они необходимы.

И уж тем более по праздникам. В корабельный календарь внесли множество пиршеств, святых дней и национальных торжеств, по большей части позабытых на Земле, а также личных юбилеев и особых дат путешествия. Сюда же входили и годовщины со дня старта — естественно, по бортовому времени. И чем быстрее летел «Пифеос», тем короче становился этот промежуток времени по отношению к потоку времени Вселенной.

— Это смахивает на попойку, — заметила Юкико во время третьей такой годовщины.

Отобедав, все перешли из трапезной в просторную кают-компанию. Симуляционные панели были подняты, укрыв настенную роспись, но ландшафтов родины им не показывали; очень скоро обнаружилось, что подобные сцены быстро заставляют празднующих протрезветь. В сине-фиолетовом сумраке кружили, сплетаясь, вспыхивая и рассыпаясь искрами, цветовые узоры. И все-таки Ханно и Патульсий сидели с бокалами в руках, предаваясь воспоминаниям о двадцатом веке — о двух отдельных двадцатых веках, какими их узнал каждый из мужчин. Странник и Свобода возродили вальс, кружа в обнимку по кают-компании, поглощенные волнами музыки Штрауса, звучащей в наушниках лишь для них двоих, и друг другом, будто окружающего мира и не существовало. Ду Шань и Алият, хлопая в ладоши и гикая, плясали под какую-то более оживленную мелодию.

Преклонив колени, как заведено с давних времен, Юкико отхлебнула чуточку саке, единственного алкогольного напитка, который себе позволяла.

— Приятно взирать на радость, — улыбнулась она.

— Да, я чуяла сгущающееся напряжение, — отозвалась Макендел. — Нельзя сказать, чтоб оно уже совсем рассеялось.

— ...бедолага Сэм Джианотти, он так старался вдолбить в мою башку хоть чуток современной физики, — не очень внятно вещал Ханно. — Черт, я и так-то едва-едва разобрался с классической. В общем, в конце концов я сложил песню, вот оно как...

От пота туника Ду Шаня потемнела под мышками, а обнаженные плечи и спина Алият маслянисто заблестели.

— Ты бы пошла, присоединилась к веселью, — обратилась Макендел к Юкико.

Абсолютная черная штука,

не в лад запел Ханно,

Непрерывно должна излучать.
Только Планк доказал по науке:
С непрерывностью надо кончать!
Верните, ах, верните
Былую непрерывность!
Для мира воскресите
Максвеллову наивность!..

Юкико улыбнулась:

— Я и так наслаждаюсь. А вот ты почему не идешь? Ты никогда не была пассивной, как я.

— Не води меня за нос! На свой особый лад ты не менее активна, ты человек действия, каких редко встретишь.

И де Бройль, помудривши изрядно,
В кавардак свою лепту вложил:
К делу лихо приплел вероятность
И по волнам частицы пустил.
Верните, ах, верните...

Алият и Ду Шань расхохотались в лицо друг другу. Странник и Свобода кружили, будто во сне.

Гейзенберг поспешил на подмогу,
Но, слегка заплутав по пути,
Все запутал в конечном итоге.
Ах, прощай, однозначность, прости!
Верните, ах, верните...

Алият оставила своего партнера, подошла к женщинам и поманила Юкико. Макендел отошла в сторонку. Оставшись вдвоем, сирийка и японка принялись шушукаться.

Поль Дирак, как фигляр на арене,
Колдовал в электронном нутре.
И теперь, по его озаренью,
Вся Вселенная — в черной дыре!
Верните, ах, верните...

Алият вернулась к Ду Шаню, и они рука об руку покинули комнату.

— Она спрашивала, не против ли ты, не так ли? — поинтересовалась Макендел.

Юкико кивнула:

— Я не против. Действительно, не против. Она наверняка помнит об этом. Но была настолько любезна, что спросила.

— Такова и его природа, не правда ли? — вздохнула Макендел. — Я вот гадала — это камешек и в мой огород — не обижайся, пожалуйста, но я ломала голову, по-настоящему ли ты его любишь?

— Что есть любовь? У моего народа, у большинства народов, в расчет шло лишь взаимное уважение. Как правило, чувство вырастает из уважения.

— Ага.

Взгляд Макендел был по-прежнему прикован к кружащейся паре.

— Тебя что-то терзает, Коринна? — поморщилась Юкико.

— Нет-нет! Между этими двумя ничего не будет. Хотя, как ты сказала, если б что-то и было — это не играет никакой роли, ведь так? — Макендел с усилием рассмеялась. — Джонни — джентльмен. Он пригласит меня на следующий танец. Я могу и подождать.

Верните, ах, верните
Былую непрерывность!..

18

Все более и более странным становился окружающий корабль космос. Аберрация света заставила звезды расползтись по сторонам; влияние эффекта Доплера заставляло те, что были впереди, все больше синеть, а те, что позади, — краснеть, и вот уж длины их волн покинули диапазон видимого света: перед носом корабля и за его кормой зияли черные провалы, окруженные цветной каймой. Масса собираемых ковшом атомов возрастала вместе со скоростью; расстояния сокращались, будто пространство сжималось от напора; время текло все быстрей, все меньше его проходило от одного биения атомного пульса до другого. «Пифеос» никогда не достигнет скорости света, но чем ближе он подбирался к этому порогу, тем более чуждо становилось ему все вокруг.

Единственная из восьмерых, Юкико пыталась причаститься к космосу. Расположившись на капитанском мостике, не имеющем иного применения почти до конца путешествия, она просила включить экраны наружного обзора. Окружающее ее звенящей тишиной пространство было полно бескрайнего, жутковатого великолепия — чернота, огненные кольца, сияющие

потоки. Прежде чем дух достигнет таинств Вселенной, их следует постигнуть разумом. Юкико изучала тензорные уравнения, как некогда изучала сутры, медитировала над научными парадоксами и наконец, начав ощущать единство со всем сущим, нашла в том покой.

Однако уйти в него целиком она себе не позволяла. Будь она даже способна на это, такое поведение было бы равноценно решению покинуть друзей и пренебречь долгом. Она надеялась, что как только сама достигнет высот понимания, могла бы помочь Ду Шаню и другим, если они того пожелают. Не в роли бодхисатвы, нет-нет, и не в качестве гуру, а лишь как друг, обладающий сокровищем, которым хочется поделиться. Это могло бы так помочь им в грядущие века!

Ведь им потребуется вся сила, какой они обладают. Трудности и опасности не в счет, а зачастую доставляют даже радость как дар от реальности, ускользнувшей от них на Земле, подобно песку меж пальцев. Но вот одиночество... Триста лет от вопроса до ответа. А насколько дальше уйдет Земля за триста лет?

Никогда доселе восемь бессмертных так долго не были изолированы от всех; и это еще далеко не конец. О, эта изоляция немногим хуже той, в которую они попали дома. (А если прибудут корабли с поселенцами, когда окажется, что Финиция пригодна для обитания — если окажется, что так, и если поселенцы прибудут, — много ли у вновь прибывших окажется общего с Реликтами?) Тем не менее эта изоляция сказалась на них сильнее, чем можно было предвидеть. Предоставленные сами себе, они открыли друг в друге гораздо меньше, чем надеялись.

Горизонты и свершения еще распахнутся для них. И все-таки их будет преследовать сознание, что они не настоящие пионеры, хоть и неукротимо осуществляют ими же самими задуманное. Они, как сказать... не совсем отщепенцы, но неудачники, что ли, пережитки истории, которая уже никого не волнует, высланные в путь чуть ли не между делом, будто благодаря бесстрастной благотворительности.

Другое дело — их дети: это будущее, которого Земля лишилась. Юкико провела ладонями по животу. Мать народов! Это тело избегло участи, на которую обречены все женщины, даже теперь. Наука может сохранить тебе молодость, но не прибавит ни одной яйцеклетки к тем, с которыми ты родилась. (Впрочем, наука несомненно способна на это, если бы люди пожелали, но они не желают.) Ее же тело производит яйцеклетки, как новые зубы — на протяжении всей ее безграничной жизни. (Не стоит презирать машины. Они спасут от необходимости наблюдать,

как стареют рожденные ею дети. Они же создадут генетическое разнообразие, которое позволит четырем парам населить всю планету.)

Да, надежда еще не угасла! И пусть ее голос не смолкнет никогда.

— Корабль, как идет полет? — спросила Юкико.

— Скорость девятьсот шестьдесят четыре тысячных световой, — пропел голос. — Средняя объемная плотность эквивалента вещества одна целая четыре сотых протона. Все экспедиционные параметры в пределах погрешности три десятых процента. Ориентация осуществляется по скоплению галактик в созвездии Девы и семи квазарам у пределов наблюдаемой Вселенной.

Звезды в прозрачной ночи,
Плывет одуванчика пух —
Ужели вернулась весна?

19

Спустя семь с половиной лет по собственному времени и десятикратно столько же — по небесному, «Пифеос» достиг срединной точки пути. Наступил короткий период невесомости, когда корабль перешел в свободный полет, убрав лазеры и силовые поля — кроме тех, которые охраняли жизнь в его недрах. Ровно, величественно корпус развернулся кормой вперед. Защищенные могучей броней роботы вышли наружу, чтобы перестроить сеть генератора. Когда они вернулись на борт, «Пифеос» ориентировал ловушку и затеплил двигатель. Пламя вернулось к жизни. Замедляясь с ускорением в одно g, корабль продолжал путь к цели кормой вперед. В воздухе будто звенел победный глас фанфар.

У путешественников появился особый повод устроить празднество. Макендел готовилась к банкету целых три дня. Она как раз находилась на камбузе, хлопоча у плиты и разделочного стола, когда туда заглянул Патульсий.

— Привет, — поздоровалась она с ним по-английски, отдавая этому языку предпочтение перед другими. — Чем могу служить?

— На сей раз услужить могу я, — вяло усмехнулся он. — По-моему, я вспомнил, какие компоненты входили в закуску, о которой я упоминал.

— Хм? — Она положила мясницкий нож и прижала палец к подбородку. — А-а!.. А, да-да. Какое-то тахини. Судя по

твоим словам, что-то вкусное, но никто не смог припомнить, что такое тахини.

— Сколько еще всего угасло в нашей памяти? — пробормотал он. Потом расправил плечи и оживленно сообщил: — Я припомнил, по крайней мере, частично. Это что-то вроде теста из кунжутного ореха. В рецепт, о котором я рассказывал, входил еще чеснок, лимонный сок, тмин и петрушка.

— Блестяще! Нано наверняка способен сделать кунжут, мельничка у меня есть, но придется поэкспериментировать. Будешь подсказывать, сильно ли я промахнулась. Я думаю, тахини будет хорошо гармонировать с другими закусками, которые я затеяла. Не стоит чересчур наедаться перед основным блюдом.

— А что это будет, если не секрет?

Макендел смерила его взглядом с головы до ног.

— Секрет, но если ты ни-ни, я тебя посвящу. Фаршированный гусь под соусом кэрри. Соус — пальчики оближешь!

— Наверняка очень вкусно, — сказал он апатично.

— И это все, что ты хочешь сказать — ты, едок из едоков?!

Он повернулся, чтобы уйти, но Коринна коснулась его плеча, негромко проронив:

— Погоди! Ты чувствуешь себя хуже некуда, не так ли? Я могу тебе помочь?

Патульсий старательно спрятал глаза.

— Сомневаюсь. Разве что... — он сглотнул и скривился. — Ладно, не стоит об этом.

— Давай, Гней! Мы ведь друзья с давних-предавних времен.

— Да, нам с тобой было друг с другом куда спокойнее, чем... Ладно, чего уж там! — Он сплюнул. — Ты не могла бы поговорить с Алият? Нет, конечно же, нет. А если и да, то что толку?

— Я так и думала, — тихонько отозвалась Макендел. — Это из-за того, что она гуляет направо и налево. Ну, не могу сказать, что пляшу от радости, когда Джонни проводит с ней ночь, но ей без этого не обойтись. По-моему, Ханно не прав, что игнорирует ее притязания.

— Ее нимфоманию.

— Нет, не то. Она отчаянно ищет любви, уверенности в себе. И... какого-нибудь занятия. Она и так проводит в камере снов слишком много времени.

Он стукнул кулаком о ладонь.

— А я для нее не занятие, да?

— Уже нет? Я так и подозревала. Бедняжка Гней! — Она взяла его за руку. — Послушай. Я прекрасно ее знаю, лучше,

чем кто бы то ни было. Не верю, что она намеренно хочет причинить тебе боль. Если она от тебя уклоняется, то потому, что чувствует... стыд, что ли? Нет, скорее боится причинить тебе еще большую боль. — Коринна помолчала. — Я отведу ее в сторонку и пожурю ее.

Он зарделся.

— Только не говори про меня, будь добра! Мне не нужна жалость.

— Ну конечно! Но ты заслуживаешь больше внимания, чем получаешь.

— В конце концов, секс — отнюдь не главное в жизни.

— Здравая сентенция, но следовать ей на практике не очень легко, если ты не святой, а тело твое не стареет. Ах, мне ли этого не знать! Но мы не можем позволить тебе истерзать себя до полусмерти, Гней. Если бы я... — Она осеклась, потом улыбнулась. — У нас с тобой в прошлом бывали неплохие денечки, правда? Это было давненько, но я все помню.

Он вытаращил глаза и добрую минуту не мог сказать ни слова. Наконец пролепетал, запинаясь:

— Т-ты это всерьез? Эт-то очень мило, конечно, но нет, не надо, в самом деле, не надо.

На Макендел снизошло спокойствие.

— Только не считай это подачкой на бедность. Ты мне нравишься. Ладно, спешить некуда. Лучше подождём и посмотрим, как будут развиваться события. Видит Бог, времени нам не занимать, и если бы мы до сих пор не научились терпению, то давно бы повыскакивали в открытый космос. Я имею в виду всех, кто есть на борту. — Помолчав, она продолжала: — Очень скверно, не так ли, что наша грандиозная цель не вознесла нас до своего уровня. Мы по-прежнему ограниченные, бестолковые, запутавшиеся, неуклюжие дикари, какими были всегда. Люди сегодняшней Земли не знают наших проблем. Но это мы, а не они, отправились к звездам.

«Пифеос» летел вперед и вперед. Прошло еще три с половиной года, прежде чем Вселенная ворвалась в его замкнутый мирок, как штормовая волна, перехлестывающая борт греческой галеры.

20

Все разыгралось внезапно. Прозвучал мелодичный электронный голос:

— Внимание! Внимание! Приборы обнаружили аномальный нейтринный поток. Похоже, поток кодирован.

Ханно издал вопль, выкрикнув матросское ругательство, последний раз прозвучавшее на Земле три тысячелетия назад, и сорвался с койки, приказав:

— Свет!

Заливший комнату свет заиграл в волосах Свободы теплой медовой желтизной, согревающей все вокруг.

— С Земли? — пропыхтел Ханно, садясь прямо. — Они что, построили передатчик? — Он никак не мог унять дрожь. — Я-то думал, «Пифеос» способен распознать...

Корабль не дал ему договорить.

— Направление на источник проясняется. Он находится несколько впереди нас. Сигнал не ориентирован, распространяется всенаправленно. Промодулирован по амплитуде, частоте и спину. Я все еще занят наблюдением и расчетами, чтобы определить скорость источника и скомпенсировать эффект Доплера, а равно лоренцево сокращение времени. В настоящее время структура сигнала представляется математически несложной.

— Ага, корабль дает понять, что поток искусственный. — Ханно ткнул пальцем в наборный диск интеркома. — Все слышали? Встречаемся в трапезной. Я доложу вам обо всем, как только смогу. — Он потянулся за одеждой, хоть в том и не было никакой необходимости. Или все-таки была? — Свобода, хочешь со мной?

Она ответила ему охотничьей усмешкой:

— Попробуй-ка меня не пустить!

Наверное, бежать на мостик тоже не требовалось. Быть может, сидеть в ожидании среди жуткого великолепия на обзорных экранах было даже глупо: слишком легко оно может устрашить дух и парализовать рассудок. Но, сидя рука об руку, следя за демонстрируемыми на дисплеях цифрами и графиками, они будто нащупывали реальность, которая в противном случае обрушилась бы в пустоту.

— Ты что-нибудь узнал? — не могла не спросить Свобода.

— Дай ты компьютеру отдышаться! — рассмеялся Ханно. — Прошло всего-то минуты три.

— Каждая минута для нас... Это сколько же будет снаружи? Час? Сколько миллионов километров остается позади?

— Я засек аналогичный поток, значительно более слабый, но усиливающийся, — сообщил корабль. — Он находится на противоположной стороне от проекции нашего курса.

Ханно некоторое время смотрел в искаженные небеса, прежде чем сказать:

— Да, по-моему, я понял. Они примерно знают, куда мы направляемся, и послали... вестников, что ли... чтобы те нас

перехватили. Однако, разумеется, они не могут быть совершенно уверены — по их предположениям, мы могли направляться к одной из нескольких целей; кроме того, они не могли предвидеть нашего ускорения — вот и послали несколько вестников, разнеся их пошире, чтобы перекрыть всю зону, или зоны, через которые предположительно проходит наш курс.

— Кто — они?

— Иные. Инопланетяне, уж и не знаю, что они или кто. Мы наконец-то нашли звездоплавающую цивилизацию. То есть она нашла нас.

Свобода тоже устремила взгляд в небо, и глаза вспыхнули восторгом.

— Они встретят нас?

— Я бы сказал, вряд ли, — покачал он головой. — Учитывая всяческие неопределенности, расстояния и непредсказуемо долгое время ожидания, когда же мы сюда прибудем, они вряд ли выслали сюда экипаж живых существ. Скорее всего тут находятся легковесные, быстроходные корабли-роботы, быть может, выстроенные с одной лишь этой целью.

Она хранила молчание добрых полминуты, и когда заговорила, в голосе прозвучало нечто похожее на досаду:

— С чего это ты так уверен?

— Ну, вывод напрашивается сам собой, — ответил Ханно, удивленный ее непонятливостью. — Излучение наших силовых установок далеко обгоняло корабль лишь во время первого года пути, пока мы не подобрались близко к скорости света. Если они вознамерились встретить нас, когда приняли сигнал, то у них почти не осталось времени на подготовку. Они не могут жить по соседству, иначе мы обнаружили бы их из Солнечной системы.

— Напрашивается ли вывод, или его навязывает твоя самоуверенность? — с вызовом откликнулась Свобода. — Многое ли нам известно? Мы едва-едва предприняли робкую попытку выбраться в космос. А сколько лет потратили на исследования они? Тысячу? Миллионы? Что они открыли, что умеют?

Он криво усмехнулся.

— Прости. Не стоило омрачать эту минуту, — он вздохнул. — Но за века я перевидал немало всяческих мечтаний, и большинство из них разбились о грубую реальность. Наши физики уже давно решили, что открыли все законы природы, все ее возможности и невозможности. — Он упреждающим жестом поднял ладонь. — Я понимаю, что доказать это предположение не удастся никогда. Но оно довольно правдоподобно, не так ли? Я бы с радостью узнал, что у инопланетян есть

ковры-самолеты, летающие быстрее света; но я не обольщаюсь надеждой.

Свобода неохотно кивнула:

— По крайней мере, следует рассуждать на основе того, что уже известно. Подозреваю, что известно нам куда меньше, чем ты думаешь, но... Что делать?

— Отозваться.

— Разумеется! Но как? То есть мы замедляемся, но все еще летим с субсветовой скоростью. К тому времени, когда эта... машина, любая из тех машин примет наш сигнал, мы ведь уже пролетим мимо, да? И ответу потребуются... целые годы, чтобы угнаться за нами...

— Умница, девочка! Ты всегда была умницей. — Он пожал ей руку и обратился к кораблю: — Мы хотим установить контакт, как только это удастся. Что ты порекомендуешь?

Ответ так потряс обоих, что они напряженно выпрямились.

— Это зависит от обстоятельств. Характер передачи изменился. Она значительно усложнилась.

— То есть ты хочешь сказать, что... Что они знают о нашем появлении? Кстати, где они?

— Я уточняю цифры по мере возрастания параллакса. Ближайший источник находится примерно в световом годе от проекции нашего курса, и в данный момент до него приблизительно два световых года.

— О Ваал! Они способны обнаружить нас мгновенно?!

— Нет. Нет, Ханно, погоди. — Слова Свободы звучали чуточку неуверенно, но торопливо. — Вовсе не обязательно. Предположим, передача ведется автоматически и имеет циклический характер. Сперва простой сигнал, взывающий к вниманию, затем сообщение, затем снова сигнал внимания, и так раз за разом. Без предварительного сигнала мы могли бы не распознать сообщение, посчитав его природным явлением.

— Когда я впервые обнаружил сигнал, — добровольно подал голос «Пифеос», — то принял его за флуктуацию фонового шума, любопытную для астрофизика, но не имеющую отношения к экспедиции. Сигнал подвергся воздействию эффекта Доплера и другим помехам, так что был искажен до неузнаваемости. Последовавший за сигналом малоинформативный фрагмент дал понять, что это не случайная игра природы. Он также дал однозначные данные, позволившие определить степень искажения. Сейчас я компенсирую их и восстанавливаю исходный вид сообщения.

Ханно осел в кресле, прошептав:

— Сколько же раз они проделывали это, со сколькими расами разумных существ?

— Воссоздание не завершено, но по мере поступления дополнительных данных непрерывно уточняется, — продолжал «Пифеос». — Поскольку по бортовому времени цикл довольно краток, я скоро буду располагать неплохим приближением. Сообщение само по себе должно быть коротким, с высокой информационной избыточностью, хотя я ожидаю и высокой разрешающей способности. Это визуальная карта.

Экран залила тьма. Внезапно ее заполнили бесчисленные светящиеся точки. С каждой минутой они проступали все более ясно, становились четче. Появились цвета, и с их помощью глаз начал различать трехмерные формы, бесконечное число раз переотраженные сами в себе.

— Координатная сетка построена на простых числах, — проинформировал корабль. — Цифровые импульсы призваны обозначить координаты точек, которые в свою очередь образуют дробные множества. Эти функции должны порождать изображения, но соответствующую комбинацию следует подобрать эмпирически. Мой математический блок проводит поиск. Как только выявится нечто удобочитаемое, мы получим ключ к дальнейшей расшифровке и уточнению смысла и постепенно извлечем полное содержание послания.

— Да-а, — изумленно отозвалась Свобода, — если компьютеры Земли сумели сконструировать тебя, корабль, всего за год...

Чувствуя тепло сидящего рядом Ханно, она погрузилась в ожидание. Медленное кружение кривых и поверхностей неуклонно сводило их вместе, и вот все сошлось. Возникло изображение. И это были звезды.

21

Шестеро сидящих вокруг стола в трапезной резко обернулись к вошедшей паре. Кофе и остатки пищи говорили, что прошел не один час; но куда ярче об этом заявляли осунувшиеся, напряженные лица.

— Ну-ну, — буркнул Патульсий, — как раз вовремя!

— Тс-с, — вполголоса отозвалась Макендел. — Они пришли, как только смогли.

И красноречивым взглядом добавила: бессмертному следует быть чуточку терпеливее... Но ожидание далось им всем нелегко.

Ханно и Свобода уселись за стол напротив друг друга ближе к двери.

— Ты права, — сказал финикиец. — Получение ясного, полного сообщения и выяснение его смысла заняло именно столько времени.

— Однако приносим вам извинения, — подхватила Свобода. — Нам бы следовало давать вам... информационные сводки. Мы просто не замечали, как летит время. Все шло как-то потихоньку, не было никаких ошеломляющих сиюсекундных откровений. — В ее улыбке сквозило утомление. — Я голодна, как волк. Что можно съесть прямо сейчас?

— Сиди, милая, не беспокойся, — вскочила Макендел. — Я уже приготовила сандвичи. Так и думала, что собрание затянется.

Алият проводила ее долгим взглядом, словно хотела спросить: неужели ты в пору нашего общего замешательства вернулась к привычкам старого Юга, или просто в тебе проснулась привычная заботливость?

— Будет лучше, если она принесет и на мою долю, а то я вырву их у тебя прямо с руками, — заявил Ханно Свободе.

Шутка не удалась: нервы были натянуты, как струны.

— Ладно, — не утерпел Странник, — что там за новости?

— Коринна заслужила выслушать все с самого начала, — остановила его Свобода.

— Да, извини.

Ногти впившихся в край стола пальцев Странника побелели от напряжения. Свобода похлопала его по руке.

— Ты просто забылся. Мы все немного не в себе, все до единого.

— Ничего, Коринна не в восторге от технических подробностей, — подал голос Ханно, — так что начну с них. Э-э... Прошу прощения у тех, кому они тоже не по нутру. Я и сам не ученый, так что буду краток.

Макендел вернулась, пока он в общих чертах излагал теорию коммуникаций. Кроме пищи, на подносе стоял горячий кофейник и бутылка бренди.

— Отпразднуем, — рассмеялась Коринна. — Я надеюсь!..

По трапезной разнесся сладкий аромат весенних цветов.

— Воистину! — взволнованно воскликнула Свобода. — Это открытие века!

— Скорее их, чем наше, — добавил Ханно. — В смысле, инопланетян. Но нам следует принять решение, как поступить.

Ду Шань подался вперед, уперев локти в стол и ссутулив могучие плечи, и довольно спокойно поинтересовался:

— Ну, так какова же ситуация?

— Мы принимаем одно и то же сообщение, повторяемое снова и снова, — с набитым ртом поведал Ханно и отхлебнул кофе. — Исходит оно из двух источников, один поближе к нам, другой подальше. Вполне вероятно, что источников куда больше, но мы не попадаем в сферу передачи. Если будем следовать прежним курсом, то не исключено, что обнаружим и их. Ближайший источник находится в двух световых годах от нас. Похоже, он находится стационарно на линии, соединяющей Солнце и Финицийское светило, приблизительно на маршруте нашего следования. «Пифеос» утверждает, что осуществить это несложно, надо лишь скомпенсировать орбитальный дрейф. Как я уже сказал в твое отсутствие, Коринна, инопланетяне, судя по всему, выслали роботов для непрерывного вещания. Одна щепотка антивещества обеспечит их энергией на века.

— А сообщение в графическом виде? — вклинился Странник.

— Ну да, в графическом, — подхватил Ханно. — Вы все увидите, но позднее. Наверняка многим захочется выжать из него какой-то дополнительный подтекст. По-моему, вам это не удастся. Это не настоящие изображения, а... несколько графиков, карт, отражений, что ли. Передача сигнала на корабль, движущийся с релятивистскими скоростями, да притом с ускорением, — проблема не из легких, особенно когда чужакам неизвестны наши средства приема и расшифровки, а также и то, каким образом мы мыслим, да и вообще, они о нас ничего не знают. Не исключено, что детальное изображение мы просто не сумеем распутать. Очевидно, они составили простейшее, наименее двусмысленное сообщение, которое сгодится на этот случай. На их месте я поступил бы именно так.

— Но каково оно, это их место? — раздумчиво произнесла Юкико.

Ханно предпочел понять вопрос буквально.

— Я как раз к этому подхожу. Итак, вначале нам показывают множество световых точек в трехмерном пространстве. Затем рядом с тремя из них появляются полосочки. Затем последовательно показаны три точки — должно быть, те же самые, — а полоска возле каждой из них увеличена настолько, что мы видим на ней вертикальные линии. Затем картина возвращается к общему виду, а между двумя из отмеченных точек проведена красная прямая. В конце появляется еще одна линия — она начинается примерно в двух третях от начала первой и идет к третьей отмеченной точке.

Вот и все. Каждая демонстрация длится около минуты. Последовательность заканчивается и тут же начинается вновь.

Спустя шестнадцать циклов она сменяется простой серией вспышек, которые можно отождествить с точками и тире в звуковом диапазоне. Они идут в точности столько же времени, что и основная последовательность, после чего все возвращается к графическим образам. И так далее, снова и снова. — Ханно откинулся на спинку стула и усмехнулся. — Итак, что же вы об этом думаете?

— Это нечестно! — жалобно сказал Патульсий.

— Да, нечего нас дразнить, — поддержала его Алият.

— Погодите-ка, — темные глаза Макендел вспыхнули. — Тут стоит поломать голову. Ум хорошо, два лучше.

— Ум корабля наверняка уже решил это без нашей помощи, — не унимался Патульсий.

— И все-таки... Господи, ну давайте же слегка развлечемся! Я считаю, что световые точки соответствуют звездам; это карта данного сектора Галактики. Одна из трех выделенных точек — это Солнце, вторая — Финицийское светило, а третья — та, где находятся Они!

— Точно! — Голос Странника подрагивал от волнения. — А полоски — это спектрограммы?

— Вы оба просто гениальны, — со счастливой улыбкой отозвалась Свобода.

— Да нет, — покачал головой Странник, — это практически очевидно, хотя мне не терпится увидеть все собственными глазами. Послание Иных!..

Ханно кивнул:

— «Пифеос» просмотрел астрономическую базу данных и подтвердил принадлежность спектрограмм. С третьей точкой было трудней всего, потому что масштаб трехмерной карты очень мелок. Но развернутый фрактальный анализ и анализ архивов... Словом, она оказалась звездой, так сказать, в квадранте штирборта, если позволительно прибегнуть к двухмерным аналогиям. Примерно в тридцати градусах от нынешнего курса и в трехстах пятидесяти световых годах от текущего местонахождения судна. Звезда типа G7, не столь яркая, как Солнце, но не слишком от него отличная. — Он помолчал. — Но еще больше она похожа на звезду в Пегасе, которую мы считаем обиталищем ближайшей к нам высокоразвитой цивилизации, находящуюся в тысяче световых лет от нас.

— Значит, они добрались уже сюда, — с благоговением промолвила Юкико.

— Если только они посланцы той цивилизации, буде таковая существует, — напомнила Свобода. — Ах, ничего-то мы, ничего не знаем!

— Но каково их могущество, раз они знают о нас!

— Мы вдвоем пытались прикинуть, — ответил Ханно и набрал в легкие воздуху. — Слушайте же. Думайте. Они — эта Третья звезда — находятся почти в четырехстах тридцати световых годах от Солнца. Это означает, что она попадает в радиосферу Земли. В течение какого-то времени, начиная с двадцатого века, Земля была самым ярким радиообъектом Солнечной системы, яркостью превосходя в этом диапазоне даже Солнце. Как вы помните, этому был положен конец, впоследствии люди не так засоряли эфир, создав новые средства связи; но старый волновой фронт продолжал распространяться. Его можно обнаружить даже за пределами Третьей звезды, если располагать аппаратурой, не уступающей нашей, — а у чужаков она наверняка имеется.

Очень хорошо. Стоило им добраться до Третьей звезды, как они обнаруживают, что у Солнца есть яркий радиокомпаньон. В Пегасе, на их родной планете, они этого не знали — если мы исходим из предположения, что они оттуда. Пегас слишком далек, наши передачи дойдут туда лишь через несколько столетий. И потому колонисты или гости Третьей вынуждены были действовать на свой страх и риск.

Теперь поглядим на все с их точки зрения. В свое время, рассуждали они, Солнце тоже вышлет корабли — если еще не выслало. Оно будет особо заинтересовано в контакте с ближайшей высокоразвитой цивилизацией, которую сумеет обнаружить, то есть с их родной звездой. Инопланетяне могли выслать роботов, расположив их вдоль связывающей эти звезды условной линии. Наши роботы, устремившиеся в ту сторону, обладают гибким и острым разумом и в любом случае хотя бы пошлют на Землю весточку. Как вы помните, на кораблях-роботах есть оборудование для передачи из космоса, отсутствующее у нас, потому что им не требуется идти с постоянным ускорением; время их волнует меньше, чем нас с вами. Но к тому времени, как я полагаю, они, увы, уже проскочили этот отрезок пути и не приняли сигнал — что указывает на то, что инопланетяне появились на Третьей недавно.

Но у инопланетян имеется еще одна возможность. Обитатели Солнца, подумали они, наверняка будут заинтересованы в звездах типа их собственной. Финикийское светило как раз принадлежит к этому разряду и находится в том же привлекательном направлении на Родную звезду. Это ближайшая к Солнцу звезда, удовлетворяющая обоим критериям. Итак, инопланетяне высылают роботов и на этот маршрут. На этих-то роботов мы и наткнулись.

Воцарилось молчание. Кто-то задумчиво опустил глаза, кто-то устремил невидящий взор в стену. Наконец Алият сказала:

— Но наши роботы отправились к Финиции раньше нас. Почему же они ничего об этом не сообщили?

— Может, корабль-вестник еще не добрался сюда, когда они пролетали, — предположил Патульсий. — Мы ведь не знаем, когда прибыли вестники. — Он еще пораскинул умом. — Кроме того, это случилось менее — как ты говорил, Ханно? — четырехсот тридцати лет назад. Иначе роботы инопланетян уже прибыли бы к Солнцу.

— А может, и прибыли, — Алият поежилась. — Мы уже давно в пути.

— Сомневаюсь, — отозвался Странник. — Это было бы чертовски удивительным совпадением.

— Они могли почему-либо не пожелать посылать роботов к Солнцу, — указала Макендел. — Мы ведь полнейшие профаны по этой части.

— Вы забываете об устройстве тех роботов, что прилетели на Финицию, — напомнила Свобода. — Они не похожи на тех, что умчались к Пегасу вслед за предыдущими сообщениями; это большие, интеллигентные, гибкие машинные разумы, предназначенные для попыток завязать общение с иным разумом и понять его суть. Финицийские же роботы сконструированы и запрограммированы лишь на то, чтобы добраться до цели и собрать информацию именно об этой звездной системе. Можно сказать, одержимы одной идеей. Если они по пути и заметили эти нейтринные потоки, то не придали им значения. — Она саркастически усмехнулась. — Мол, это не по нашему ведомству.

— Никто не может предвидеть всего на свете, — кивнула Юкико. — Никто и ничто.

— Но мы-то, когда встречаемся с неожиданным, способны изучить и познать неведомое, — прозвенели слова Ханно. — Мы-то можем!

Глаза всех присутствующих, кроме Свободы, стремительно обратились к нему. В пристальных взглядах застыл настойчивый вопрос. Щеки Свободы медленно наливались румянцем.

— Что ты хочешь этим сказать? — несколько раз переведя дыхание, взревел Ду Шань.

— Сам знаешь, — не смутился Ханно. — Мы меняем курс и направляемся к Третьей звезде.

— Нет! — взвизгнула Алият, вскакивая со стула, потом рухнула обратно и содрогнулась.

— Ну вы только подумайте! — настаивал Ханно. — Карта. Линия от нашего курса — от этой самой точки нашего курса — к Третьей. Что ж это еще, кроме приглашения? Должно быть, им тоже одиноко, и они надеются услышать что-либо удивительное. «Пифеос» все обсчитал. Если мы ляжем на новый курс тотчас же, то доберемся до них лет за двенадцать по корабельному времени. Это на триста световых лет больше, чем мы планировали, но мы пока движемся почти со скоростью света и... Всего какая-то дюжина лет, и мы встретимся с покорителями Галактики!

— Но нам осталось всего четыре года!

— Четыре года, и мы были бы дома. — Ду Шань сплел пальцы, положив тяжелые кулаки на стол. — А насколько далеко ты собираешься увести нас от этого дома?

Ханно замялся, и за него ответила Свобода:

— От Третьей до Финицийского светила около трехсот световых лет. При старте с нуля это шестнадцать-семнадцать лет бортового времени. Мы не бросаем исходную цель, а лишь откладываем ее.

— Черт побери, как мило! — вспылил Странник. — Куда бы мы ни прилетели, перед стартом к новой звезде нам потребуется антивещество. Постройка завода и производство займут еще лет десять.

— У инопланетян должны иметься солидные запасы.

— Да неужели?! И они вот так вот запросто ими поделятся? С чего ты так уверена? Кстати, откуда тебе знать, чего они хотят от нас?

— Погодите, погодите, — встряла Макендел. — Давайте не будем терять голову. Кто б они ни были — это же не чудовища, не бандиты и не порождения зла. При их уровне цивилизации это просто бессмысленно.

— Да с чего вы взяли-то?! — завопила Алият.

— Что нам известно о Третьей звезде? — спросила Юкико.

Ее вопрос заставил страсти поулечься. Ханно покачал головой.

— Не так уж много, помимо спектрального типа и расчетного возраста, — вынужден был признаться он. — Будучи нормальной звездой, она должна иметь планеты, но информации о них у нас нет. Их ни разу не посещали. Боже мой, ведь сфера диаметром восемьсот—девятьсот световых лет охватывает примерно тысяч сто звезд!

— Но ты же сам говорил, что звезда не так ярка, как Солнце, — напомнила Макендел. — Значит, шансы, что там есть

планета с пригодным для дыхания воздухом, невелики. Даже среди куда более подходящих...

Ду Шань так грохнул по столу кулаком, что тот затрясся.

— Вот в том-то и дело! Нам обещали, что спустя пятнадцать изнурительных лет мы сможем свободно прогуляться по земле. А вы собираетесь держать нас в этом трюме... еще лет на восемь дольше, а потом окажется, что мы будем торчать в заточении еще десятки, сотни лет или вообще вечно! Нет!

— Но нельзя же упустить такую возможность! — возразила Свобода.

— И не упустим, — ворчливо отозвался Странник. — Едва прибудем на Финицию, как прикажем роботам построить подходящий передатчик и пошлем луч на Третью, начнем диалог. Со временем отправимся туда и собственной персоной — то есть те, кому это нужно. А может, инопланетяне сами к нам пожалуют.

Лицо Ханно окаменело.

— Да говорю же, от Финиции до Третьей целых триста световых лет!

— Времени у нас хватает, — пожал плечами Странник.

— Если Финиция не убьет нас прежде. Сами знаете, нам никто не гарантировал там безопасности.

— Земля тоже вступит с ними в контакт, как только мы ее уведомим, — заметила Макендел.

— Да, конечно, — едко отозвалась Свобода, — посредством луча и роботов, которые будут передавать информацию. Кто, кроме нас, отправится туда лично и познает Иных такими, какие они есть?

— Это верно, — согласилась Юкико. — Слова и изображения, разделенные столетиями, хороши, но их недостаточно. Я полагаю, мы должны понимать это лучше, чем наши земные собратья. Мы знали давно усопших, мы помним их живые тела, разумы, души. Для всех остальных же они — не что иное, как останки и слова.

Свобода пристально взглянула на нее:

— Значит, ты хочешь отправиться к Третьей звезде?

— Да, о да!

Ду Шань поглядел так, будто она его ударила.

— И это сказала ты, Снежинка... Утренняя Звезда?! — он выпрямился. — Ну нет, не бывать этому!

— Ни в коем случае, — провозгласил Патульсий. — Нам ведь предстоит основать общину.

Алият ухватила Патульсия за руку и прижалась к нему, пряча глаза от Ханно. Потом прошептала:

— Создать свой очаг...

— Это трудное решение, — кивнула Макендел, — но... Первым делом нам надо добраться до Финиции.

— А последним? — парировал Ханно. — Говорю вам, если мы упустим этот шанс, то никогда больше не получим его. Ты не хочешь передумать, Перегрино?

Странник некоторое время сидел недвижно, храня непроницаемый вид, но в конце концов ответил:

— Все-таки принять такое решение нелегко. Величайшее, важнейшее приключение в истории, которого мы рискуем лишиться, против... Против того, что может стать Новой Землей, возрождением нашего рода-племени. Что лучше — лес или звезды? — И он снова погрузился в безмолвные раздумья. — Ладно, я уже сказал прежде. Звезды могут обождать.

— Пятеро против трех, — торжествующе подытожил Ду Шань. — Идем прежним курсом. — Голос его смягчился. — Мне очень жаль, друзья.

И голос, и лицо, и осанка Ханно как-то поблекли.

— Этого-то я и боялся. Прошу вас, поразмыслите хорошенько.

— У меня были на размышление целые века, — ответил Ду Шань.

— Чтобы возжелать возвращения Земли прежних дней, хочешь ты сказать, — обернулась к нему Юкико. — Земли, которой на самом деле никогда и не было. Нет, ты не имеешь права отказать человечеству в такой возможности познания, отказать в возможности приблизиться к единству со Вселенной. Это самый обыкновенный эгоизм. А ведь ты не эгоистичен, дорогой!

Он упрямо, как буйвол, покачал головой.

— Человечество долго дожидалось контакта, на самом деле не очень-то им и интересуясь, — подал голос Патульсий. — Может и еще подождать. Наш первый долг — перед будущими детьми, а их мы можем завести лишь на Финиции.

— Вот они-то как раз могли бы и подождать! — настаивала Свобода. — То, что мы узнаем от инопланетян, помощь, какую они нам окажут, — все это сделает наше будущее более надежным, когда мы наконец доберемся до дома.

— А предоставившаяся возможность, быть может, просто уникальна, — подхватил Ханно. — Повторяю, инопланетяне на Третьей скорей всего немногочисленны и прибыли совсем недавно. Иначе Паутина у Солнца обнаружила бы их след, или их космический корабль прибыл бы туда. Разве что... Но мы просто ничего не знаем. Так ли уж обязательно они поселятся

на Третьей? Если мы не примем их приглашения — а ведь они даже не знают, получим ли мы его, — останутся ли они или двинутся в путь? И так ли уж непременно полетят к Солнцу?

— Так ли уж непременно они будут у Третьей, когда мы прибудем? — эхом отозвалась Макендел. — А если и будут, так ли уж непременно мы сумеем общаться? Нет, это далекий, опасный крюк на пути к цели ради эфемерных надежд. Быть может, результат будет великолепен, а быть может, обернется мыльным пузырем. Давайте сперва займемся настоящим делом.

— Запланированным для нас компьютерами и правителями Земли, — насмешливо бросил Ханно и повернулся к Страннику. — Неужели ты, Перегрино, не хотел бы сделать нечто выбивающееся из схемы, сломать эти чертовы замыслы нынешнего мира?

Тот вздохнул:

— Сильный аргумент. Да, мне хочется отправиться к Третьей, так хочется, что аж муторно. И когда-нибудь я надеюсь это желание осуществить. Но раньше и прежде всего вольная жизнь среди вольной природы... Ну не могу я так поступить с Коринной и Алият! Просто не могу, — умоляющим тоном закончил он.

— Ты настоящий рыцарь, — выдохнула Алият.

— Ладно, Ханно, Свобода, — печально улыбнулась Юкико, — нам троим от этого ничуть не хуже, чем вчера, ведь правда? А фактически даже лучше. Теперь перед нами замаячила новая мечта.

— На будущее, — пробормотала Свобода и подняла голову. — Я не сержусь на вас, друзья мои. Я тоже устала от машин и мечтаю о свежем воздухе. Быть по сему.

Напряжение начало спадать. На лицах замелькали улыбки.

— Нет, — сказал вдруг Ханно.

Все оцепенело уставились на него. Ханно встал.

— Вы даже представить себе не можете, как мне жаль, — твердо заявил он. — Но, как я полагаю, наши нужды и наш долг изменились. Они велят нам идти к Третьей. До сего момента наше предприятие было жестом отчаяния. Мы делали вид, что это не так, но правды изменить не могли. Шансы, что мы бесславно погибнем, вроде древних скандинавов в Гренландии, или впадем в монотонное уныние, вроде полинезийцев в Тихом океане, были примерно равны.

— Ты сам это предложил, — неуверенно упрекнул Патульсий.

— Потому что тоже впал в отчаяние. Мы все впали в отчаяние. Но, по крайней мере, мы не сдались. Мы могли, вопреки

судьбе, постепенно населить планету людьми, которые не склоняют головы и идут только вперед. Что нам было терять? И вот сегодня мы открыли, что — Вселенную. Я капитан. И я поведу корабль к Иным.

Ду Шань первым вскочил на ноги.

— Не посмеешь! — взревел он.

— Посмею. «Пифеос» подчиняется мне. Я прикажу лечь на новый курс немедленно. Чем раньше это будет сделано, тем раньше...

— Нет, вопреки нашей воле ты не можешь! — перебил его Странник.

— Ты будешь не прав, — с мольбой сказала Юкико.

Свобода взирала на Ханно чуть ли не с ужасом.

— Ты, ты сам не ведаешь, что говоришь, — запинаясь, пробормотала она.

— Значит, ты не хочешь, чтобы я так поступал? — откликнулся он.

— Так — нет! — она стиснула зубы.

— Я это предвидел. И все-таки я намерен отдать этот приказ. После вы еще благодарить меня будете.

— Боже мой, — возвысила она голос не то по-русски, не то по-польски. — «Пифеос», ведь ты не послушаешься одного человека, правда?

— Он капитан, — отвечал корабль. — Я обязан подчиниться.

— Во что бы то ни стало? — вскричал Патульсий. — Невероятно!

— Такова программа.

— Ты нам не говорил, — прошептала Макендел.

— Я не предполагал, что подобная необходимость возникнет, — не очень уверенно ответил Ханно. — Я принял эту меру на случай экстренной необходимости и счел за лучшее держать ее в секрете.

— Иисусе Христе! — завопила Алият. — И это экстренная необходимость?! Ты сам ее породил!

— Да, — сказал Странник. Кожа его блестела от пота. — Мы не собираемся торговаться с диктатором и не собираемся пресмыкаться перед ним. Не получится. — Он поднял глаза, будто надеялся увидеть в воздухе еще одно лицо. — «Пифеос», теперь он один против семерых.

— Это не довод, — ответствовал корабль.

— И никогда не было доводом — ни на море, ни в любом другом путешествии, — подхватил Ханно. — И не могло быть доводом, если люди собирались вернуться живыми.

— А что, если капитан... как там? Недееспособен? — воззвал к кораблю Странник. — Безумен?

Потратил ли корабль несколько миллисекунд на просмотр своей биопсихологической базы данных, прежде чем пришел к заключению?

— Психическое расстройство невозможно ни для кого из вас без серьезной травмы, — заявил он. — Таковых не отмечено.

Ду Шань зарычал и двинулся в обход стола.

— Значит, будет отмечено! Мертвые капитаны приказов не отдают!

Свобода кинулась ему наперерез.

— Теперь ты помешался! — простонала она, не давая ему оттолкнуть себя. — Да помогите же мне! Только драки нам не хватало!

Странник присоединился к ней. Они вдвоем ухватили Ду Шаня за руки, и он остановился. Тяжелое дыхание рвалось из его груди.

— Вот видишь, Ханно, что ты едва не натворил, — вкрадчиво, не обращая внимания на струящиеся по щекам слезы, проговорила Алият. — Твой приказ уничтожит нас. Ты не сможешь его отдать.

— Смогу и отдам, — финикиец пошел к двери, но на пороге обернулся к остальным и замер — неподвижно, но не теряя бдительности. Голос его смягчился. — Как только решение будет принято, вы не станете распускать нюни. Я знаю вас чересчур хорошо, чтобы предполагать подобное. И не станете пытаться применить ко мне силу. Вы понимаете, что нельзя терять одну восьмую собственной силы, одну четвертую праотцев грядущего. К тому же я один из вас умею быть командиром. Не просто лидером, а командиром — на кораблях и в битвах, в караванах и экспедициях к незнаемому. Я был им вновь и вновь на протяжении тысячелетий. Без меня ваше выживание на Финиции или где бы то ни было станет более чем сомнительным.

Его тон стал почти ласковым:

— О нет, я не сверхчеловек. Каждый из вас одарен своим особенным талантом, и нам нужны все они до единого. Мой ум и моя душа, как всегда, открыты для ваших мыслей, советов и желаний — да-да, и для желаний. Но кто-то ведь должен принять на себя ответственность за окончательное решение. Так было от века. Ответственность берет на себя капитан. У нас впереди еще дюжина лет пути, и Бог весть что ждет нас в конце. Так не делайте же эти годы более трудными для себя, чем необходимо.

С тем он и ушел.

Оставшиеся семеро стояли молча, не в силах шелохнуться. Наконец Странник, следуя примеру Свободы, отпустил Ду Шаня и монотонным голосом сказал:

— Насчет этого он прав. Выбора у нас нет.

— Процедура смены курса начнется через час, — объявил «Пифеос». — В целях экономии топлива и минимизации нежелательных радиальных ускорений она начнется с перехода на свободный полет. Пожалуйста, приготовьтесь к невесомости, которая продлится около шести часов.

— Вот... оно... и есть, — задыхаясь, выговорила Алият.

Ханно вернулся. Они понимали, что он уходил на мостик отчасти для того, чтобы взглянуть на дисплеи, будто это имело какое-то значение, но главным образом — чтобы показать, кто тут главный.

— Пора приниматься за дело, — сказал он. — У меня тут распечатки штатного расписания... Сделанного не воротишь. Мы отправляемся в путь. — Он блекло улыбнулся. — Кое-кому это даже по вкусу.

— Быть может, и так, — откликнулась Свобода. — Собака ты, вот кто! Законченный сукин сын.

И взяла Странника под руку.

22

Коленопреклоненной Алият явился Христос. Окружающее Его сияние оказалось вовсе не таким, как она думала: она представляла себе нимб ослепительным, как полдень в пустыне, а он наполнил сумрачные своды пустынного храма голубоватыми отсветами и прощальным закатным золотом. Алият даже показалось, что она вот-вот расслышит колокольцы возвращающегося домой каравана. Каменный пол под ногами и окружающие стены источали ласковое тепло. И лицо Его вовсе не было изможденным и суровым. На Западе (она вроде бы так слышала) Его изображали именно таким — человеком, бродившим по дорогам, делившим с другими глоток вина и крошку меда, сажавшим детишек себе на колени. Склонившись к ней, Он улыбнулся и белым рукавом осушил сбегавшие по ее щекам слезы.

Снова выпрямившись, Он заговорил — ах, как нежен был Его голос!

— Ты несла свое бдение, хотя адский пламень бушевал вокруг тебя, и потому Я расслышал молитву, которую ты не осмелилась произнести. Да будет возвращено время, тобой утраченное, и последующий конец благословен более, чем начало. —

Он вознес отмеченные шрамами руки ввысь. — Благословенны плачущие, ибо утешатся.

И Он исчез.

Юный Барикай спрыгнул с возвышения и подхватил ее на руки.

— Возлюбленная! — ликовал он, пока она не прервала его горячие речи, прильнув губами к губам.

Они вместе вышли из храма. Тадмор мирно дремал в свете полной луны, посеребрившей шпили башен звездным инеем и бросившей на камни мостовой узорное покрывало теней. На улице их ждал конь, хвост и грива которого струились потоками лунного серебра. Барикай вскочил в седло и склонился к Алият. Приняв его руку, она взмыла наверх и припала к его груди.

Цокот копыт недолго нарушал ночную тишь; вскоре конь воспарил в воздух и понесся вскачь дорогами ветра. Воздушные струи нашептывали им колыбельную, ласковое сияние звезд на фоне лилового бархата небес окутало их теплой шалью. Распущенные волосы Алият стлались по ветру, укрыв ее и Барикая, будто плащом. Она упивалась его запахом, силой его объятий, жаром его ненасытных губ.

— Куда мы? — спросила она.

— Домой! — зазвенел его смех. — Но не сразу!

Они торопились вперед и вперед, огибая мир навстречу утру. Замок Барикая сиял на вершине горы. Конь остановился в украшенном мозаикой и цветами дворе, посреди которого звенел пляшущими струями фонтан, но Алият едва окинула их небрежным взором. Позже она припомнила, что не знает даже, бестелесными ли духами были встретившие господина и госпожу слуги или людьми из плоти и крови. Когда хозяева желали, они обеспечивали пиршества, музыку, зрелища; в остальное время Алият и Барикай жили друг для друга. Они не знали устали, пока не погружались, не разнимая объятий, в полусон, и пробуждение было радостным. Счастье обретало все более спокойный оттенок; любовь утомляла их все сильнее, и наконец, когда Барикай сказал:

— А теперь поехали домой! — сердце запело новым блаженством.

Конь доставил их домой на утренней заре. Домашние только-только пробудились, и прибытия их никто не заметил. Будто вовсе ничего не случилось, будто они никуда не уезжали. Ману сперва отнесся к ее пылким объятиям не без удивления, потом принял их с мальчишеским достоинством. Малыш Хайрам посчитал, что так и надо.

Алият упивалась обыденностью происходящего весь остаток дня и весь вечер — минуту за минутой, в каждой роли и в каждой комнате, за всякой работой и беседой, в вопросах и решениях, во всем, чем владела она и что владело ею. И когда наконец при свете лампы она с Барикаем добралась до постели, Алият была готова к его словам:

— Я думаю, тебе лучше уснуть, уснуть по-настоящему, нынче ночью и впредь.

— Обнимай меня, пока я не усну, — попросила она.

Он послушался, осыпав ее поцелуями.

— Не возвращайся слишком быстро, — однажды проронил он у самой ее щеки. — Это было бы неразумно.

— Я знаю... — и тут ее понесло прочь от него.

Открыв глаза после пребывания вне времени, она обнаружила, что плачет. Быть может, идея была не так уж и хороша. Быть может, не стоит возвращаться туда вообще никогда. Ну же, старушка, подбодрила она себя, положи этому конец. Ты же обещала Коринне помочь с гобеленом, который она затеяла.

Отсоединившись, она покинула кабинку, где лежала, но задержалась еще на некоторое время в камере снов, и не без повода; все-таки очень здравая привычка — носить в сумочке косметику. Иногда сеансы сильно задевают за живое. Ничего, она давным-давно выучилась скрывать следы боли.

По коридору шла Свобода.

— Салют, — сказала Алият и уж хотела было пройти мимо, но Свобода ухватила ее за рукав.

— Будь добра, погоди секундочку, — попросила она.

— Ага, разумеется, — Алият отвела взгляд, но Свобода не восприняла намек.

— Не отвергай моих слов, я должна это сказать. Тебе не следует бывать там так часто.

— Все мне это твердят, — дрожащим от ярости голосом отозвалась Алият. — Почему бы и тебе не присоединиться к общему хору? Я прекрасно знаю, что делаю.

— Ну, я не могу указывать тебе, но...

— Но ты боишься, что я свернусь в клубок и однажды не смогу развернуться. — Алият резко втянула воздух ноздрями. Внезапно ею овладело желание выговориться. — Послушай, дорогая. Тебе в прошлом наверняка случалось бывать в ситуациях, когда хотелось спрятаться от самой себя.

— Случалось.

Свобода слегка побледнела.

— А у меня на душе лежит куда более тяжкий груз, чем у тебя. Поверь мне, я очень хорошо знаю, что к чему. А укрываться от душевных мук в шкатулке снов куда лучше, чем в выпивке, наркотиках или... — Алият усмехнулась. — Или закрыть глаза и вспоминать старую добрую Англию.

— Разве это не то же самое?

— Ну, не совсем. И все-таки... Послушай. Сегодня случилось нечто такое, что я была в жутком бешенстве, и если бы не нашла убежища в личном мирке, то вопила бы, рвала бы и метала и вообще закатила бы истерику. Как это сказалось бы на моральном духе экипажа?

— А что стряслось?

— Ханно. Что ж еще? Мы с ним случайно встретились, он загнал меня в угол, и, ну, ты себе представляешь. Издавал те же невнятные звуки, что и ты минуту назад, насчет меня и шкатулки снов. Пытался сказать, весьма окольным образом... А, неважно!

Свобода выжала из себя усмешку.

— Дай-ка угадаю! Он намекал, что ты являешь собой угрозу для взаимоотношений на борту корабля.

— Ага, и еще хотел составить со мной пару. Еще бы ему не хотеть! Он не возлежал ни с кем уже с полгода, разве не так? Я ему сказала, чем он должен заняться вместо этого, и ушла. Но внутри я вся бурлила, как вулкан.

— Ты просто принимаешь все слишком близко к сердцу. Уж тебе-то пора бы знать, что стресс...

— Да уж пожалуй, — отозвалась Алият, слегка удивляясь легкости, с какой ее покидают гнев и чувство утраты. — Слушай, я вовсе не страдаю маниакальной привязанностью к снам, честное слово. Каждому время от времени приходится к ним прибегать. Почему бы тебе как-нибудь не разделить мой сон со мной? Мне бы этого хотелось. Интерактивный сон таит куда больше возможностей, чем сон, в котором компьютер накачивает тебе в мозги то, чего тебе, по его разумению, хочется.

— Верно, — кивнула Свобода, — но...

Она умолкла, не договорив.

— Но ты боишься, что я могу узнать нечто такое, что ты предпочла бы утаить от меня. В этом-то и дело, верно? — Алият пожала плечами. — Я вовсе не обижаюсь. Только не надо меня поучать, ладно?

— А почему ты отвергла притязания Ханно? — торопливо спросила Свобода. — Они вполне естественны. Тебе незачем проклинать его за это.

— После того, как он с нами поступил? — Алият ринулась в контратаку. — А ты что, до сих пор питаешь к нему слабость?

— Я знаю, что не должна. — Свобода отвела взгляд. — On se veut...

— Что?

— Ничего, пустяк. Вспомнилось случайно.

— Из-за него.

Свобода открыто встретила прозвучавший в словах Алият вызов. Наверное, подумала Алият, она хочет относиться ко мне по-дружески, чувствует себя обязанной так поступать...

— Да. Хотя это не играет большой роли. Просто строки, как-то раз попавшиеся мне на глаза. Это было... дай вспомнить... в конце двадцатого века, несколько лет спустя после того, как мы всемером скрылись, а Патульсий все еще держался за свою маскировку. Мы с Ханно путешествовали инкогнито по Франции. Однажды ночью мы остановились в старой таверне, да, уже тогда старой, и в книге записи постояльцев нашли давным-давно написанные кем-то строки. Они пришли мне сейчас на ум, только и всего.

— И что же там было? — поинтересовалась Алият.

И вновь Свобода посмотрела мимо нее куда-то вдаль. Насмешливые строки сорвались с ее губ как бы сами собой:

On se veut
On s'enlace
On s'en lasse
On s'en veut *.

Не успела Алият ответить, как Свобода кивнула на прощание и заспешила по коридору дальше.

23

И опять Юкико взялась заново украшать свою комнату. Пока она не кончит, жить в устроенном ею беспорядке просто невозможно, и потому Юкико проводила большую часть свободного времени в комнате Ду Шаня, где и спала. В свое время они вместе переберутся к ней, тогда она возьмется переоформлять его комнату. Она сама это предложила, и Ду Шань согласился, не придав этому особого значения. Живописный пейзаж и тщательно выведенные иероглифы, украшавшие стены раньше, за многие годы стали столь привычными, что глаз почти не

---

* Люди хотят друг друга, обнимают друг друга, устают друг от друга, злобятся друг на друга (*фр.*).

замечал их. А впрочем, разве Ду Шань заметил бы их исчезновение, когда б оно ни случилось?

Войдя, она обнаружила, что он сидит на кровати, скрестив ноги, левой рукой придерживая экран для рисования, а в правой зажав световое перо. Нарисовав что-то, он критически вгляделся в экран, внес поправки и снова принялся разглядывать рисунок. Его могучее тело пребывало в покое, на лице не было ни тени волнения.

— Эй, ты чем занят? — спросила Юкико.

— У меня идея, — подняв голову, необычно живо сказал он. — Она еще не совсем прояснилась, но наброски помогают мне думать.

Она зашла к нему за спину и склонилась посмотреть на работу. В отличие от работ Ду Шаня в камне и дереве, его рисунки всегда были очень изящными. На этом был изображен мужчина в традиционной крестьянской одежде, с лопатой в руках. На большом валуне позади него присела на корточки обезьяна, а внизу стоял тигр. На переднем плане струился поток, в котором плавал карп.

— Так ты наконец обратился к живописи? — предположила Юкико.

— Нет-нет, — покачал головой Ду Шань. — Тебе она удается куда лучше, как бы я ни старался. Я просто размышляю о фигурах, которые хочу изваять. — Он поднял глаза на нее. — По-моему, по прибытии на Тритос рисунки нам не очень-то помогут. Вспомни, даже на Земле в разные эпохи и в разных странах люди рисовали одни и те же вещи по-разному. Для аллоийцев наш стиль изображения, заливка и цвет могут показаться совершенно бессмысленными. И фотографии тоже. А вот трехмерная фигура — это тебе не призрак в компьютере, это ощутимая вещь, которую можно повертеть в руках, непременно им что-нибудь скажет.

Названия «Тритос» и «аллоийцы» он произносил немного неуклюже; но для общения нужно что-нибудь более подходящее, чем «Третья звезда» и «Другие», так что, когда Патульсий предложил новые названия, остальные быстро подхватили их. Греческий сохранил окружавший его ореол, отождествлявшийся с наукой, познанием и культурой. А для трех членов экипажа он вообще был основным языком на протяжении многих веков. Однако «Метроастер» вместо «Материнской звезды» забаллотировали, и в обиход снова вошло название «Пегас». Тем более что не было никакой уверенности в происхождении прибывших на Тритос аллоийцев; быть может, они вообще никак не связаны с Пегасом.

Во время обсуждения Ханно сидел молча, лишь время от времени кивал в знак согласия. С того памятного дня он говорил мало, а остальные не обращались к нему без необходимости.

— Да, блестящая идея, — согласилась Юкико. — И что же ты намерен показать?

— Я лишь нащупываю путь, — отозвался Ду Шань. — Так что любые твои предложения приму с благодарностью. Тут, по-моему, может быть группа — больше существ, чем сейчас, — расположенная по степени родства с человеком. Это может побудить аллоийцев показать нам что-нибудь из своей эволюции, и тем самым мы кое-что о них узнаем.

— Великолепно! — Юкико мелодично рассмеялась. — И ты еще будешь после этого прикидываться простодушным земледельцем и кузнецом? — Она наклонилась, крепко обняв его и прижавшись щекой к щеке. — Я так счастлива! Ты был таким мрачным и молчаливым! Я уж начала искренне бояться, что ты скатываешься к тому ничтожному, животному существованию, какое вел, когда я тебя отыскала... Ах, как давно это было!

Ду Шань оцепенел. Голос его внезапно охрип.

— А почему бы и нет? Что еще нам оставалось по милости нашего разлюбезного капитана — пока эта идея не выплыла ко мне из тьмы? Теперь будет чуть легче перенести грядущую пустоту.

Отпустив его, Юкико плавным движением скользнула на кровать и села напротив Ду Шаня.

— Мне бы не хотелось, чтобы ты таил злобу на Ханно, — встревоженно сказала она. — И ты, и все остальные.

— А разве у нас нет на то причины?

— Да, правда, он пошел на произвол. Но ведь он уже был достаточно наказан! Откуда нам знать, быть может, его поступок обернется нам на пользу? Может статься, именно его решение спасет нас?

— Тебе легко судить. Ты стремишься встретиться с аллоийцами.

— Но я не хочу этого полного ненависти раскола между нами. Я и сама не осмеливаюсь обменяться с ним дружеским словом, потому что боюсь усугубить создавшееся положение. Я даже в глубине души начинаю жалеть, что мы вообще приняли это сообщение. Разве ты не видишь, дорогой, что он, подобно праведным императорам древности, несет на себе тяжкое бремя ответственности?

Ду Шань лишь яростно тряхнул головой:

— Чушь! Тебя просто тянет к нему — не отрицай!..

— Да, тянет, — очень спокойно отвечала она. — К его душе. Она не похожа на мою, но она тоже пребывает в исканиях. Да и к его личности, это несомненно, а вот близости у меня, честное слово, и в мыслях не было. — Юкико сомкнула ладони на колене Ду Шаня. — Ведь я с тобой, а не с ним.

Это немного смягчило Ду Шаня, но суровость не покинула его.

— Ладно, хватит воображать его святым или мудрецом. Он просто беспринципный мошенник, да к тому же старый морской волк, который жить не может без плаваний. Он эгоист, а тут получилось, что в его власти было навязать нам свою волю. — Ду Шань швырнул на экран покрывало, будто нанес невидимому противнику удар мечом. — Я лишь пытаюсь помочь нам пережить зло.

Юкико прижалась к нему с робкой улыбкой.

— Уже одного этого достаточно, чтобы я любила тебя.

24

Близилось очередное Рождество по корабельному календарю. Совершенно бессмысленно было спрашивать, наступило ли Рождество на Земле — дважды бессмысленно, если учитывать законы физики и короткую память земных жителей.

Зайдя в кают-компанию, Ханно обнаружил там развешивающую гирлянды Свободу. Вышедшие из нанопроцессора ветки остролиста источали пряный запах и были усыпаны ягодами, но казались такими же неуместными на корабле, как несущиеся из динамиков датские рождественские напевы.

Увидев Ханно, Свобода напряженно выпрямилась. Он задержался на пороге, не решаясь приблизиться к ней, и решил прощупать почву:

— Привет.

— Здравствуй, — отозвалась она.

Он улыбнулся. Ее лицо хранило непроницаемое выражение. Тогда он поинтересовался:

— И что особенного планируется в этом году?

— Лейтмотива нет, — она пожала плечами.

— Не бойся, я и носа к вам не суну. — И тут же: — Но продолжаться так больше не может. Мы утрачиваем свои навыки, в том числе умение работать в команде. Надо опять начать сеансы на симуляторе, надо практиковаться.

— Как прикажет капитан. Полагаю, однако, что ты осведомлен о наших со Странником тренировках. Мы непременно привлечем к ним и всех остальных.

Ханно заставил себя встретиться с ее ясными голубыми глазами и не позволил себе опустить взгляд.

— Естественно, я в курсе. Хорошо. Прежде всего для вас обоих. Фантомные леса лучше, чем никаких, а?

— А ведь могли быть и настоящие, — прикусила губу Свобода.

— И будут, но после визита на Тритос. Ты ведь и сама хотела первым делом отправиться туда. Почему же ты не радуешься этой возможности?

— Сам знаешь. Потому что это слишком дорого стоило моим товарищам. — Помолчала и отрезала, сжав кулаки: — Но мы справимся. Я пережила множество ужасных десятилетий, скверных мужей, войн, тираний — всего, что способно сломить человека. Переживу и это. Мы вместе переживем.

— И я с вами, — бросил он и пошел своей дорогой.

Определенной цели у него не было. Он часто бродил просто так, по большей части в ночное время или по отсекам, где не грозит встреча с другими. Бессмертное тело почти не нуждалось в упражнениях, чтобы сохранять форму, но Ханно регулярно работал над своими способностями и развил в себе новые. Он просматривал книги и спектакли, слушал музыку, бился на компьютерах над сложными проблемами. А зачастую, как в прошлом, когда пропадал вкус к жизни и мысли вяло болтались в опустевшем мозгу, он вообще отключал разум и позволял часам и дням пролетать почти незаметно. Однако со всяким соблазном легко переборщить, а самовнушение, по-своему, не менее соблазнительно, чем камера снов, которой Ханно чурался. Оставалось лишь надеяться, что экипаж также ограничивает себя в иллюзиях.

Сегодня импульс погнал его обратно в собственную каюту. Надежно изолировавшись, с тем чтобы никто не мог его вызвать, Ханно уселся перед терминалом.

— Активировать... — Команда прозвучала в тишине столь безжизненно, что он оборвал ее на полуслове и некоторое время молча глазел в потолок. Пальцы выбивали по столешнице дробь. Наконец: — Исторические личности.

— Кого именно вы желаете? — осведомился компьютер.

Рот Ханно изогнулся в невольной ухмылке.

— Ты хочешь сказать, чего именно я желаю?

Что предпочесть? Которого из трехмерных, полноцветных, отзывчивых и чувствительных, свободно двигающихся и говорящих посмертных духов? Сиддхартху, Сократа, Гиллеля, Христа? Эсхила, Вергилия, Ду Фу, Фирдоуси, Шекспира, Гете, Марка Твена? Лукреция, Авиценну, Маймонида, Декарта, Паскаля, Юма? Перикла, Альфреда Великого, Джефферсона?

Хетсепсута, Сафо, Мурасаки, Рабию, Маргариту I, Жанну д'Арк, Елизавету I, Сакаявейю, Джейн Остин, Флоренс Найтингейл, Марию Кюри, Исака Динезена? А если хочется, то можно вызвать величайших монстров и дьяволиц былых веков... Машина знает все, что известно истории, археологии, психологии о данной личности и ее окружении, вплоть до пустяков, с вероятностной обработкой всех неясностей и домыслов; достаточно повелеть — и она, проделав тончайшие и мощнейшие абстрактные операции, смоделирует личность, описываемую матрицей, которая будет реагировать на любую ситуацию именно так, как реагировал бы ее прототип; задайте программу, активируйте — и вы встретитесь как бы с живым существом. Конечно, телесное воплощение останется лишь трехмерной картинкой, генерируемой, как любое другое изображение; но пока работает программа — существует и воссозданный разум, чувствует, мыслит, реагирует, сознает искусственность своего бытия, но почти не тревожится по этому поводу; обычно он полон энтузиазма и заинтересованности, горит желанием пообщаться.

— Старые мифы и кошмары стали реальностью, — сказала как-то раз Свобода, — а тем временем прежняя реальность выскальзывает из рук. На Земле теперь воскрешают мертвых, но сами-то разве живут по-настоящему?

— Ты не совсем права. Ни в том, ни в другом, — отозвался тогда Ханно. — Поверь моему опыту и никогда не вызывай тех, кого знала при жизни. Они никогда не получаются достаточно точно, а подчас выходит просто карикатура.

Если только за многие столетия точный образ не стерся из памяти. Или если прошлое было неопределенным, как игра квантов, как любой процесс в физической Вселенной.

Сидящий в одиночестве Ханно поморщился — частично из-за воспоминаний о случае, когда пытался искать совета у электронной версии кардинала Ришелье, а частично — припомнив, что тогда они со Свободой были вместе.

— Мне не хочется общаться ни с отдельным собеседником, — сказал он машине, — ни с синтетической личностью. Дай мне, пожалуй, нескольких древних землепроходцев. Собрание, что ли, совет — по силам тебе это?

— Разумеется. Это нестандартная интеракция, требующая творческой подготовки. Одну минуту, пожалуйста.

Шестьдесят миллиардов наносекунд.

На первом из появившихся лиц были написаны ощущения силы и спокойствия.

— Даже не знаю толком, что сказать, — неуверенно, чуть ли не с робостью начал Ханно. — Вам... сообщали о сложив-

шейся тут ситуации? Ну так что же мне нужно? Что я, по-вашему, должен делать?

— Вам следует больше думать о своих людях, — отвечал Фритьоф Нансен. Перевод осуществлял компьютер. — Но, как я понимаю, теперь менять курс слишком поздно. Храните спокойствие.

— Несите свой крест, — подал голос Эрнест Шеклтон. — Никогда не сдавайтесь.

— Думайте о других, — уговаривал Нансен. — Да, вы ведете их, ибо таков ваш долг; но думайте о том, что они чувствуют.

— Поделитесь с ними своей мечтой, — сказал Марк Оурел Стейн. — Я умер с радостью, потому что смерть пришла ко мне там, куда я мечтал добраться целых шестьдесят лет. Помогите спутникам проникнуться вашими желаниями.

— Ха, да чего они ноют?! — прогрохотал Петер Фройхен. — Боже мой, какое увлекательное приключение! Вызови меня снова поглядеть, когда доберешься туда, куда держишь путь, приятель!

— Дайте мне наставление, — вмешался Ханно. — Я обнаружил, что я далеко не Боэций, чтобы находить утешение в философии. Быть может, я совершил ужасную ошибку. Поделитесь со мной своей силой.

— Вы сможете найти силу только в себе, сэр, — провозгласил Генри Стэнли, — а не в призраках вроде нас.

— Но вы не призраки! Вы созданы из того, что некогда было реальным!..

— Если что-то из сделанного нами и то, какими мы были, не забыто и по сей день, нам следует гордиться, друзья мои, — сказал Нансен. — Давайте же вернемся к служению людям. Попытаемся отыскать добрый совет.

— В таком диковинном странствии, скорее всего ведущем к одинокой смерти? — поежился Виллем Баренц. — Препоручи свою душу Господу, Ханно. Ничего другого не остается.

— Нет, мы не имеем права ограничиться этим, — не согласился Нансен. — Мы обязаны помочь им. Они люди. Пока мужчины и женщины устремлены вперед, они остаются людьми.

25

Макендел медленно обвела взглядом одного за другим шестерых собеседников, сидевших вместе с ней вокруг стола в каюткомпании.

— Я полагаю, вы догадываетесь, почему я пригласила вас сюда, — наконец сказала она.

Большинство присутствующих даже не шелохнулись. Свобода скривилась, и сидевший рядом с ней Странник положил руку ей на колено.

Макендел взяла бутылку и наполнила стакан. Забулькавший темно-розовый кларет наполнил воздух тягучей сладостью. Коринна передала бутылку дальше. Стаканы стояли перед каждым.

— Давайте сперва выпьем! — предложила она.

— Ты приняла эстафету у древних персиян? — попытался пошутить Патульсий. — Помните, когда им надо было принять важное решение, они обсуждали его дважды — раз на трезвую голову, и еще раз — уже захмелев.

— Не такая уж плохая идея, — отозвалась Макендел. — Почище современной химии и нейростимуляторов.

— Разве потому, что с вином связаны древние традиции, — прошептала Юкико. — То есть дело тут не только в вине.

— Много ли традиций осталось в мире? — с горечью бросила Алият.

— Мы несем их, — сказал Странник. — Они воплощены в нас.

Бутылка обошла круг, и Макендел подняла свой бокал.

— За наше путешествие! — Помолчав, она добавила: — Да, пусть выпьют все. Сегодня мы собрались, чтобы возродить нечто доброе.

— Если оно только не уничтожено до основания, — проскрежетал Ду Шань, но присоединился к остальным в этой маленькой, но многозначительной церемонии.

— Ладно, — снова взяла слово Макендел, — теперь слушайте. Все вы прекрасно знаете, что я гонялась за каждым из вас — спорила, уговаривала, пыталась подольститься, распекала, пытаясь разрушить стены гнева, которые каждый возвел вокруг себя. Может статься, кто-то не замечал такого за собой, но фактически это относится к каждому. И сегодня настал час вынести вопрос на обсуждение.

— О чем тут еще говорить? — натянуто проговорила Свобода. — О воссоединении с Ханно? Мы вовсе не рвали с ним отношений. О мятеже никто и не помышлял. Мятеж просто невозможен. Повернуть обратно к Финиции тоже невозможно, не хватит антиматерии. Мы стараемся, как умеем.

— Милочка, ты чертовски хорошо знаешь, что вовсе не стараемся. — В кротких интонациях Макендел прорезалась сталь. — Холодная вежливость и механическое послушание не позволят нам пройти через грядущие испытания. Нам нужно возродить дружбу.

— Ты твердила это и мне, и нам всем столько раз, что я и счет потерял, — бесстрастно выговорил Странник. — Конечно же, ты права. Но не мы разрушили дружбу, а он.

Макендел некоторое время молча разглядывала индейца.

— Значит, ты не на шутку страдаешь?

— Он был моим лучшим другом, — храня непроницаемое выражение лица, отвечал Странник.

— И остался, Джонни. Это ты от него отрекся.

— Ну, он ведь... — голос Странника упал до шепота и смолк.

— Значит, он и с тобой пробовал поговорить, — кивнув, сделала вывод Юкико. — Несомненно, то же было с каждым. Он был тактичен, признавал, что мог заблуждаться...

— Он не пресмыкался, — подхватил Ду Шань, — но отверг свою гордыню.

— И не настаивал на том, что мы были не правы, — словно помимо воли добавила Свобода.

— А ведь может быть, не правы именно мы, — настаивала Юкико. — Кто-то же должен был принять решение, а кроме него, это было не под силу никому. Поначалу ты и сама хотела такого исхода. Уверена ли ты, что не твоя собственная гордыня настроила тебя против него?

— Но ты-то почему передумала и присоединилась к нам?

— Ради вашего же блага.

— Юкико обрабатывала меня, — со вздохом поведал остальным Ду Шань. — И, это самое, я не забыл, что Ханно сделал для нас в прошлом.

— А-а, ты начал его немного понимать, — заметил Патульсий. — Я тоже, я тоже. Я по-прежнему не согласен с ним, но основное озлобление уже миновало. А кто подсказал ему, как с нами говорить?

— Он пробыл в одиночестве так долго, что у него было время поразмыслить, — сказала Макендел.

— Очень долго, — содрогнулась Алият. — Слишком долго.

— Не представляю, как мы сможем теперь быть чистосердечны с ним, — жестко заявила Свобода. — Но ты права, Коринна: мы должны восстановить — насколько это удастся — восстановить веру в него.

Макендел осталось лишь сказать:

— Замечательно, ах, как замечательно! Давайте выпьем за это, а потом расслабимся и поболтаем о прежних днях. Завтра я приготовлю пир, мы устроим вечеринку, пригласим его и напьемся вместе с ним, — она звонко рассмеялась, — в лучшем персидском стиле!

...Несколько часов спустя, когда она с Патульсием уже находилась в своей комнате и готовилась отойти ко сну, он сказал:

— Ты блестяще управилась, моя дорогая. Тебе следовало бы заняться политикой.

— Если ты помнишь, некогда я ею и занималась, — с легкой улыбкой ответила она.

— Ханно настроил тебя на это с самого начала, разве нет?

— Ты и сам весьма остер умом, Гней.

— А еще ты поучала его, как себя держать с каждым из нас — осторожно, спокойно, месяц за месяцем.

— В общем, я действительно вносила предложения, но кроме того, ему помогал... корабль. Давал советы. Ханно ни разу особо не распространялся об этом. По-моему, он принимал пережитое близко к сердцу. — Она помолчала. — Он всегда оберегал тайны своего сердца, и даже чересчур тщательно; я полагаю, из-за испытанных за тысячелетия потерь. Но во взаимоотношениях с людьми он и сам не промах.

Патульсий молча смотрел на нее. Коринна сбросила платье и стояла перед ним темнокожая и стройная; ее лицо на фоне расписанной лилиями стены пробудило в нем воспоминания о Египте.

— Ты замечательная женщина, — тихонько проронил он.

— И ты неплохой парень.

— Замечательная... что приняла меня, — невнятно произнес он. — Я знаю, как тебе было больно, когда Странник ушел к Свободе. По-моему, это до сих пор не отболело.

— Так лучше для них. Быть может, это и не идеальный вариант, но так лучше; а нам нужны стабильные отношения. — Коринна запрокинула голову и снова рассмеялась. — Эй, только послушайте! Заговорила, как работник службы социального обеспечения в двадцатом веке! — Она поиграла бедрами. — Иди же ко мне, красавчик!

26

Над плоскогорьем сгущались огромные иссиня-черные тучи. Вспыхнула молния, прогрохотал раскат грома. Пламя перед алтарем рвалось кверху, разбрасывая по ветру похожие на звезды искры. Прислужники подвели жертву к застывшему в ожидании жрецу. Его поднятый нож ярко блистал в грозовых разрядах. В рощице внизу взвыли поклоняющиеся толпы. Море вдали вскипело белой пеной, и из бездны восстали чудовища.

— Нет! — взвизгнула Алият. — Остановитесь! Это же дитя!

— Это животное, агнец, — перекрикивая шум, отозвался Странник; но сам избегал смотреть в ту сторону.

— И то и другое, — сказал им Ханно. — Храните спокойствие!

Нож сверкнул, дернулись конечности, брызнула кровь, разлившись темным потоком по камню алтаря. Жрец швырнул тело в пламя. Мясо зашкворчало, отпало от костей и обратилось в жирный дым. Из грозы вышли ужасные в своем великолепии боги.

Колонноподобный, могучий, как бык, рассыпавший черную бороду по облачающей его львиной шкуре, Мелькарт втянул воздух ноздрями и облизнул губы.

— Свершилось, и это хорошо, и это жизнь! — прогрохотал он.

Ветер трепал волосы Астарты, дождь украшал их искрящимися каплями, отсветы молний вспыхивали на ее грудях и животе. Ее ноздри тоже впивали в себя аромат жертвы. Ухватив огромный детородный орган спутника, будто палицу, она воздела левую руку к небесам, воскликнув:

— Выведите Воскрешенного!

Баал-Адон тяжело опирался на Адат — свою возлюбленную, свою плакальщицу, свою мстительницу. Он спотыкался, все еще не до конца прозрев после мрака нижнего мира; он дрожал, все еще не отогревшись после холода могилы. Адат подвела его к жертвенному дыму, взяла чашу с кровью агнца и протянула ему. Баал-Адон испил, и к нему вернулись тепло, красота и бодрость. Он прозрел, он услышал, как люди совокупляются в роще в честь его возрождения; и повернулся к своей супруге.

Вокруг столпился сонм богов: дух волн Хушор, Дагон из пашни, Алиаян из родников и подводных вод, Решеф из грозы — и многие, многие другие. Тучи начали расходиться. Вдали засияли парные колонны и чистое озеро перед домом Эля.

Солнечный луч скользнул по восьмерке Реликтов, стоявшей у самого жертвенника, невидимо для жреца и прислужников. Боги узрели их и окаменели. Мелькарт вскинул свою палицу, которая на заре мира громила Океан и первозданный Хаос.

— Кто осмелился ступить в святая святых?! — взревел он.

Ханно шагнул вперед.

— О устрашающие! — сказал он спокойно, с уважением, но и с чувством собственного достоинства. — Мы восьмеро пришли издалека — во времени, пространстве и непостижимости. Мы тоже распоряжаемся силами небес, земли и ада. Но мы взяли на себя смелость навестить вас ненадолго, дабы

постигнуть чудеса вашего правления. Взирайте, мы пришли с дарами.

Он сделал знак, и появились золотые украшения, драгоценные камни, ценные сорта дерева и благовония.

Мелькарт опустил свое оружие и уставился на подношения с жадностью, отразившейся и на лице Астарты; но ее привлекали не сокровища, а мужчины.

27

Один за другим они отключились от системы; надо всего-навсего снять индукционный шлем и костюм обратной связи. Сложное кружево связи между ними и руководящим, творящим окружавший их мир компьютером уже исчезло; псевдореальности пришел конец. И все-таки, выйдя из своих кабинок в прихожую камеры снов, они несколько долгих минут в молчании приходили в себя, стоя бок о бок, рука в руке — в поисках тепла и утешения.

Наконец Патульсий промямлил:

— Я-то думал, что как-нибудь да знаю Ближний Восток древних времен. Но все это было настолько адски...

— Ужас, смешанный с изумлением, — неровным голосом отозвалась Макендел. — Вожделение и любовь. Смерть и жизнь. Неужели все так и было, Ханно?

— Я не уверен, — отвечал капитан. — Но доисторический Тир, где мы побывали, показался мне воспроизведенным достоверно. — В тотальной галлюцинации, когда компьютер воспользовался его памятью, а затем позволил участникам сеанса действовать так же, как в материальном мире. — Теперь трудно сказать, столько уж воды с тех пор утекло. Кроме того, вы же понимаете, что я старался отделаться от этих воспоминаний, пытался перерасти все плохое, что в них было. Однако перед вами предстала финикийская концепция Вселенной... Нет, вряд ли я когда-либо воспринимал ее подобным образом, даже когда был молод и считал себя смертным.

— Аутентичность воспроизведения не столь уж важна, — сказала Юкико. — Нам нужна была практика общения с чуждыми нам существами; а уж эти-то были крайне чужды нам.

— Даже чересчур, — по могучему телу Ду Шаня пробежала дрожь. — Пойдем, дорогая. Я хотел бы вернуться к кротости и человечности, а ты?

И они ушли вместе.

— А какое общество будет следующим? — поинтересовалась Свобода, обратившись взглядом к Страннику. — Известная тебе культура должна показаться нам не менее непонятной.

— Несомненно, — довольно мрачно согласился он. — В свое время мы обязательно это сделаем. Но сперва стоило бы обратиться к чему-то более... рациональному, что ли. Скажем, Китай или Россия.

— У нас в запасе масса времени, — заметил Патульсий. — Лучше дать сначала усвоиться увиденному, а уж потом браться за что-то новое. Надо же, мы были свидетелями деяний богов! — Он потянул Макендел за рукав. — Я выжат, как лимон. Мне бы теперь выпить чего-нибудь крепкого, хорошенько выспаться и денька три побездельничать.

— Правильно.

Ее улыбка была куда бледнее обычного. Они тоже покинули покой.

Странник и Свобода пребывали в каком-то приподнятом настроении. Глаза их сияли. Грудь ее порывисто вздымалась. Вот уж и эти двое ушли.

Ханно старался не глядеть в их сторону. Алият пожала ему руку. Сейчас уйдет и она.

— Ну что, как тебе это понравилось? — бесцветным голосом спросил Ханно.

— Ужас, экстаз и... нечто вроде возвращения на родину, — едва слышно откликнулась она.

— Да, — кивнул он, — хоть ты и начала жизнь христианкой, тебе разыгравшееся не могло показаться совершенно чуждым. Честно говоря, я подозреваю, что там, где моих данных недоставало, программа восполняла пробелы за счет твоей памяти.

— И все равно это довольно дико.

— Сон во сне, — глядя мимо нее, пробормотал он, будто размышлял вслух.

— В каком это смысле?

— Свобода бы поняла. Как-то раз мы с ней воображали, каким могло бы стать будущее, где мы осмелились бы полностью раскрыться. — Ханно встряхнулся. — Ладно, пустяки, не обращай внимания. Спокойной ночи.

Она схватила его за руку.

— Нет, подожди!

Ханно замер, приподняв брови, выпрямившись. Облик его выражал утомление и удивление в одно и то же время. Алият снова пожала ему руку и попросила:

— Возьми меня с собой!

— А?

— Ты чересчур одинок. Как и я. Давай уйдем и останемся вместе.

Медленно, раздумчиво он проговорил:

— Ты устала довольствоваться подачками Свободы и Коринны?

Алият на миг побелела и выпустила его ладонь. Затем покраснела и призналась:

— Да. Мы с тобой не питаем особой приязни друг к другу, разве нет? Ты ведь так и не простил меня за Константинополь по-настоящему.

— Ну почему же? — опешил он. — Я же говорил, что простил. Сколько раз я тебе об этом твердил! Надеюсь, я делом доказал, что...

— Ладно, не придавай ты этому такого значения! Какой смысл прожить столько веков и ни чуточки не повзрослеть? Ханно, я предлагаю такое, что пока никому другому на этом корабле не по силам. Не исключено, что они никогда на это не пойдут. Так давай же возродим нечто былое. Между нами говоря, мы с тобой могли бы помочь залечить эту рану. — Она вскинула голову. — А если ты не настроен и намерен отказаться — что ж, вольному воля, спокойной ночи и ступай ко всем чертям!

— Нет! — он обнял ее за талию. — Алият, конечно, я... Я ошеломлен...

— Ничего подобного! Ты расчетливый старый негодяй, и хорошо, что я это знаю.

Она припала к нему, и объятиям не было конца.

Наконец, разрумянившаяся, растрепанная Алият шепнула у его плеча:

— Ну да, я и сама плутовка. Пожалуй, всегда ею была. Но... Я узнала о тебе больше, чем думала, Ханно. Пока мы были там, это вовсе не было сном, для нас это было так же реально, как... Нет, куда реальнее этих проклятых, давящих на мозг стен. Ты предстал перед богами, обхитрил их, заставив принять нас за своих, как не сумел бы никто из живущих. Это ты наш шкипер. — Она подняла лицо; вопреки залившим щеки слезам, на губах ее играла бесстыдная улыбка. — Они вовсе не утомили меня, это уж придется постараться тебе. А если мы не можем до конца довериться друг другу, если разделяющая нас стена еще не совсем разрушена — что ж, эта щепотка перцу только раздразнит наш аппетит, разве нет?

28

За последние месяцы, когда «Пифеос», все более замедляющий ход, как бы пятился к цели, Вселенная вновь обрела привычный облик. Странно, что эта ночь, усыпанная немигающими яркими звездами и препоясанная снежной дорожкой Галактики, ночь, где туманности неустанно лепили новые звезды и планеты, а вокруг умерших светил бушевали чудовищные моря энергии, где свет, пришедший от соседней огненной спирали, покинул ее еще до зарождения человечества, — эта вот ночь казалась близкой, как дым отечества. Замаячившая впереди Тритос яркостью уступала Солнцу более чем вполовину; желтизна ее навевала воспоминание о земной осени. И все-таки она тоже согревала кружащие вокруг планеты, теплясь домашним очагом посреди черноты пространства.

Сокращающееся расстояние уже не являло преграды инструментальному наблюдению, и датчики корабля обратились к звезде, вокруг которой вершили свой путь десять планет, пять из которых оказались газовыми гигантами. Вторая от Тритос кружила по орбите, радиус которой был немного меньше астрономической единицы. У нее имелся и спутник, эксцентричная орбита которого говорила, что масса основной планеты составляет чуть более двух с третью масс Земли. И все же на ее поверхности, пусть и чуть более жаркой, стояли умеренные температуры, а в спектре ее атмосферы выявились химические отклонения, характерные для жизни.

Неделя за неделей, день за днем волнение экипажа разгоралось все сильнее. Погасить его было невозможно, и в конце концов даже Ду Шань и Патульсий оставили попытки как-то сгладить восторги остальных. Перед ними замаячил конец пути, суливший удивительные открытия; а еще по крайней мере временный отдых от странствий.

Мир, заключенный каждым с Ханно на собственных условиях, так и не смог окрепнуть в прежнюю дружбу — во всяком случае, он стал более хрупким, пронизанным возникшей у них осмотрительностью. Что Ханно может прийти в голову в следующий раз, и как на это отреагируют остальные? Он пообещал, что они непременно отправятся на Финицию; но когда это будет, если будет вообще, и не отречется ли Ханно от своих обещаний, никто не знал. Правда, никто не высказывал подобных обвинений вслух и даже особо не раздумывал на эту тему. Заурядные разговоры текли свободно и непринужденно, хоть и не до конца откровенно; Ханно вновь стал принимать участие в кое-каких развлечениях — но как только общие сновидения

сослужили свою службу в виде тренировок, их больше не проводили. Капитан продолжал оставаться наполовину чужаком, которому не доверял никто, кроме Алият; да и та до конца отдавалась ему лишь телом.

Ханно не пытался изменить их отношение к себе — знал, что не стоит; кроме того, время научило его умению жить и среди чужаков по духу.

Тритос росла прямо на глазах.

«Пифеос» посылал вперед сигналы — радио, лазерные и нейтринные. Аллоийцы наверняка еще издали заметили корабль, вздымавший тучи космической пыли и газа и полыхавший пламенем тормозных двигателей. Но приемники упорно молчали.

— Они что, улетели? — встревожилась Макендел. — Мы что, зря проделали такой долгий путь?!

— Нам еще много световых часов полета до них, — напомнил Странник, хранивший невозмутимость охотника в засаде. — Так что прямо не поговоришь. Тем более общение в электромагнитном диапазоне невозможно, пока нам предшествует пламя двигателей. А еще... прежде чем высунуться из укрытия, я бы на их месте сперва внимательно изучил пришельца.

— Забудь о каменном веке, Джон, — не без гнева тряхнула она головой. — Звездные войны и пиратство не только непотребны, но и бессмысленны.

— Ты в этом уверена на все сто? Кроме того, мы можем оказаться для них опасны, или они для нас — каким-нибудь образом, который ни одна из сторон не могла заранее даже вообразить.

Тритос набирала яркости. Теперь стало можно невооруженным глазом разглядеть сквозь фильтры светлый диск, пятна на нем, взмывающие вверх протуберанцы. А сбоку ровным голубовато-белым огоньком искорка второй планеты. Теперь спектроскопия уже давала подробную информацию о земной и водной поверхности; воздух в основном состоял из азота и кислорода. Путешественники изменили курс, устремив его к планете, нареченной Ксеногеей.

И настал час, когда «Пифеос» объявил:

— Внимание! Внимание! Приняты кодированные сигналы.

Все восьмеро собрались в рубке управления. Не то чтобы в этом была реальная необходимость — они вполне успешно могли бы все узнать и высказаться из отдельных кают; просто они не могли встретить такую весть порознь, не слыша дыхания друга, не чувствуя под боком его тепла.

Сообщение строилось в основном на тех же принципах, что и у роботов — двенадцать лет назад по корабельному времени, три с половиной столетия по абсолютному — лишь за вычетом релятивистских поправок, нужда в которых теперь отпала. Передача велась в УКВ-диапазоне откуда-то сзади, дабы избежать ионизации, уже не столь сильной, но все еще способной внести помехи.

— Сигналы исходят от сравнительно малого объекта, находящегося на удалении около миллиона километров, — доложил «Пифеос». — Пока мы не подошли, он предположительно находился на постоянной орбите. В настоящее время он ускоряется, чтобы выровнять свой курс относительно нашего. Радиация незначительна, что указывает на высокую эффективность работы двигателей.

— Шлюпка? — удивился Ханно. — А есть ли у нее корабль-матка?

«Пифеос» обработал переданные изображения и вызвал их к жизни. Вначале показался звездный ландшафт, затем в нем явно выделилась Тритос (изображение можно было сравнить с показанным обзорными экранами), затем головокружительный наезд... Силуэты, цвета, предметы вкось неслись на зрителя, а в центре росло нечто...

— Должно быть, это Ксеногея, — разрушил нависшую тишину Патульсий. — Должно быть, там-то они и остановились.

— По-моему, они готовят нас к дальнейшему, — сказала Юкико.

Исходные образы исчезли, и экран заполнило нечто новое.

Поначалу разглядеть его было невозможно. Очертания, математическая размерность были слишком непривычны, чужды глазу сверх всяких ожиданий. Точно так же, впервые увидев горы, Свобода и Странник не могли разглядеть их — то ли это снеговые тучи, то ли небо сморщилось, то ли еще что?

— Новое искусство? — озадаченно произнес Ду Шань. — Их рисунки совершенно не похожи ни на какие творения рук человеческих. Я думаю, они воспринимают мир совсем не по-нашему.

— Нет, — возразил Ханно, — скорее всего это просто-напросто голограмма. — Волоски на его руках встали дыбом. — Быть может, они и не постигают нашего зрительного восприятия, но реальность одинакова для всех нас... Надеюсь.

Изображение пришло в движение, медленно и плавно повернувшись вокруг оси, чтобы показать фигуру со всех сторон. Затем она исчезла из поля зрения, вернувшись с куском какого-то мягкого вещества, которому начала придавать различные

геометрические формы — шар, куб, конус, пирамида, сплетенные кольца...

— Оно говорит нам, что разумно, — прошептала Алият и непроизвольно перекрестилась.

Теперь изображение стало ясным для зрителей. Если оно передано в натуральную величину, то росту в оригинале около ста сорока сантиметров. Посредине находился мерцающий и блистающий зеленый стебель, опиравшийся на две тонкие, то ли гибкие, то ли многосуставчатые конечности, оканчивавшиеся несколькими развилками. У верхушки из стебля выходили две аналогичные руки. Они раздваивались, каждый отросток раздваивался в свою очередь, те тоже древовидно раздваивались, и так далее; зрители не могли уследить за последними, тоненькими, как паутинки, «пальцами». По бокам существа находилась пара то ли мембран, то ли крыльев, размахом в его рост. Они словно были сделаны из перламутра или алмазной пыли, но трепетали, как шелк.

Долгое время спустя Ду Шань проронил:

— Если они таковы — разве сумеем мы когда-либо постичь их?

— Наверно, так же, как постигали духов, — столь же негромко отозвался Странник. — Я помню пляски племени качина.

— Ради Бога, чего мы дожидаемся?! — воскликнула Свобода. — Давайте покажем им себя!

— Разумеется, — кивнул Ханно.

Космический корабль продолжал полет к живой планете.

29

Итак, «Пифеос» нашел гавань, выйдя на орбиту вокруг Ксеногеи.

Задача эта оказалась не такой уж простой: здесь же кружили иные небесные тела, с которыми следовало разминуться. Прежде всего, речь шла о луне. Покрытая кратерами и выжженная наподобие земной Луны, она была раз в десять легче последней, но зато в перигее приближалась к своей хозяйке раза в три ближе, а в апогее удалялась до трех пятых радиуса лунной орбиты. Должно быть, причиной тому послужила некая космическая катастрофа, случившаяся куда позже потрясения, родившего эту планету.

Кроме того, тут же сновали своими дорогами многочисленные искусственные спутники. Ни один из них ничем не напоми-

нал созданные в Солнечной системе. Шлюпки, как окрестил их Ханно, приходили и уходили. Экипаж «Пифеоса» не знал толком, сколько же их на самом деле, потому что двух одинаковых шлюпок им на глаза не попадалось; лишь мало-помалу они осознали, что вид шлюпок меняется соответственно миссии и обусловлен не хрусталем или металлическим плетением, а силовыми полями.

Диаметр орбиты аллоийского корабля-матки (еще одно человеческое выражение) значительно превышал диаметр лунной. Сам корабль вроде имел неизменную форму — цилиндр почти десяти километров в длину и двух в диаметре, величественно вращавшийся вдоль длинной оси, блистая, словно перламутровый. На его корме (корме ли?) стоял комплекс изящно переплетенных конструкций, которые вполне могли оказаться генератором двигателя; эти конструкции навели Ханно на мысль об узорах из сплетенных виноградных лоз на древних скандинавских рунических камнях и в ирландских евангелиях. Нос (?) корабля сперва раздавался вширь, а потом сходился к острию, напомнив Патульсию и Свободе минареты или шпили церквей. Юкико строила догадки о возрасте корабля. Миллион лет казался вполне допустимой цифрой.

— Наверно, они живут на корабле, — предположил Странник. — Э-э, какой вес обеспечивает подобная скорость вращения?

— Шестьдесят семь процентов стандартного земного притяжения, — ответил корабль.

— Смахивает на то, что они выросли как раз в подобном мире. Выходит... Так, поглядим: ты говорил, что Ксеногея притягивает в одну целую четыре десятых раза сильнее, чем Земля, а для них это... Нет-нет, позволь, я сам, — рассмеялся Странник. — В два раза больше, чем для них привычно. Сумеют они это выдержать?

— Мы могли бы, если придется, — заметила Макендел. — Но аллоийцы кажутся такими хрупкими... — Она помедлила. — Как хрустальные, или как деревья, насквозь промерзшие в ясный зимний день. Как только научишься правильно смотреть на них, понимаешь, что они чрезвычайно красивы.

— Пожалуй, у нас нет иного выбора, — хрипло провозгласил Ду Шань. — Придется таскать добавочные сорок килограммов на каждые сто.

Все взгляды обратились к экрану, по которому плыла Ксеногея. «Пифеос» огибал дневную сторону планеты, занимающую сейчас почти весь видимый диск. Яркая, будто мраморная из-за большого числа облаков Ксеногея светилась ярче Земли. Среди

бурлящей, вздымающейся валами белизны тоненькими прожилками проглядывали синева воды и коричневато-зеленые вкрапления суши. Хотя ось ее была наклонена ни много ни мало — на тридцать один градус, ни на одном из полюсов не было ледяного покрова, да и снеговые шапки виднелись лишь изредка, на самых высоких горных пиках.

Алият содрогнулась. Движение ослабило хватку за край стола, и она медленно всплыла в воздух. Ханно поймал ее, и Алият вцепилась в его руку.

— Спуститься туда? — переспросила Алият. — А надо ли?

— Ты же знаешь, что мы не можем долго выносить невесомость без вреда для здоровья, — напомнил Ханно. — Конечно, дольше, чем рожденные смертными, к тому же у нас есть медикаменты, компенсирующие ее последствия, но рано или поздно наши мышцы и кости тоже ослабеют, а там откажет и иммунная система.

— Да, да, да! Но там-то что?

— Нам нужен хоть минимальный вес, а этот корабль недостаточно велик, чтобы создать его посредством вращения. Чересчур велик радиальный градиент, чересчур большое кориолисово ускорение.

Она взглянула на него сквозь слезы:

— Я же не идиотка! Я этого не забыла. Но п-п-помню заодно, что роботы могли бы это поправить.

— Ну да, разделив жилые и моторные отсеки, связав их длинным кабелем и придав им вращение. Беда в том, что разобранный «Пифеос» лишается подвижности. По-моему, все со мной согласятся, что лучше сохранить все его рабочие возможности, кстати, как и возможности шлюпок — по крайней мере, до тех пор, пока мы не начнем ориентироваться в ситуации получше.

— А что нам, искать убежища на первой планете? — вмешался Ду Шань. — Это ж опаленная преисподняя. Третья тоже не так уж велика, но являет собой вымороженную голую пустыню, равно как и любая луна или астероид.

Взгляд Свободы по-прежнему был устремлен на Ксеногею.

— Здесь есть жизнь, — сказала она. — Сорок процентов дополнительного веса не повредят нам, принимая в рассмотрение нашу прирожденную несгибаемость. Мы приспособимся.

— В прошлом мы приспосабливались к куда более тяжким ношам, — тихо добавила Макендел.

— Я что хочу сказать, если только вы дадите мне вставить словечко, — завопила Алият, — это вот: разве аллоийцы не могут ничего для нас сделать?!

К этому моменту оба экипажа уже обменялись массой информации: графиками, внутренними видами судов и прочим, что люди и инопланетяне сочли необходимым для размышлений материалом, вплоть до звуков. От аллоийцев пришли высокие, полные холодной мелодичности ноты, которые могли оказаться музыкой или чем-то иным, совершенно непостижимым. Похоже, они собирались наладить регулярную связь; но наивные новоприбывшие еще не постигли ее системы, осмеливаясь лишь надеяться, что переданные обеими сторонами сообщения взаимно откровенны и честны: «Мы пришли с добрыми намерениями и хотим быть вашими друзьями».

— Ты полагаешь, что они овладели гравитацией? — нахмурился Ханно. — Как твое мнение, «Пифеос»?

— Судя по всему, подобной техникой они не владеют, — отозвался корабль. — Кроме того, это расходится с известными нам физическими законами.

— Если такая техника существует, если они на это способны, следует предположить, что в их распоряжении так много иных могущественных сил, что они не станут утруждаться нашими пустяками. — Ханно потер подбородок. — Но они могли бы построить вращающуюся орбитальную станцию по нашим спецификациям.

— Чудненький искусственный мирок, чтоб мы там сидели и обрастали жирком, как на корабле? — вспылил Странник. — Вот уж нет, клянусь Господом! И это когда мы прибыли к планете, по которой можно пройтись босиком!

Свобода радостно вскрикнула, Ду Шань просиял, Патульсий энергично кивнул.

— Правильно, — мгновением позже поддержала их Макендел.

— При условии, что мы сможем там жить, — возразила Юкико. — Химия и биохимия планеты могут оказаться смертельными для нас.

— А может, и нет, — заметил Странник. — Давайте займемся делом и выясним все доподлинно.

Корабль и высланные им роботы приступили к выполнению этой задачи. Поначалу люди были лишь заинтересованными наблюдателями, а инструменты проводили поиск, брали образцы, анализировали, компьютеры оценивали и сопоставляли. Шлюпки вошли в атмосферу. После нескольких разведывательных полетов, обеспечивших сведения об атмосфере, они приземлились. Высадившиеся разумные машины передавали о своих находках кораблю. Затем, по мере знакомства с ситуацией, люди мало-помалу стали членами исследовательской команды;

сначала они лишь высказывали предложения, но постепенно стали принимать решения и отдавать указания. Они не были учеными специалистами, да этого и не требовалось. Корабль располагал обширной информацией и мощью логики, роботы владели разнообразнейшим инструментальным мастерством. А люди воплощали в себе любознательность, стремление вперед и общую волю.

Ханно почти не принимал в этом участия — мысли его были заняты аллоийцами. Юкико тоже присоединилась к нему. Ханно больше всего интересовало, что они могут рассказать о себе и своих межзвездных странствиях; Юкико же думала об искусстве, философии, трансцендентных материях. Оба обладали даром общения с чужаками, интуицией, позволявшей из спутанных фрагментарных данных выудить те, которые обретали смысл и значение. Точно так же Ньютон, Планк и Эйнштейн в одно ослепительное мгновение приходили к откровениям, непостижимым образом оказавшимся после того объяснимыми и предсказуемыми. Или Дарвин, де Ври, Опарин. И, наверно, Гаутама Будда.

Когда землепроходцы встречали совершенно незнакомый народ — скажем, европейцы в Америке, — два человеческих племени быстро нащупывали способ взаимопонимания. На Тритосе подобное было просто невозможно. Различия здесь пролегли не только в культуре и истории, и даже не только в биологических особенностях. Встретились две совершенно несхожие эволюции. Существа не только думали по-разному, — они были не способны мыслить одинаково.

Взять хотя бы человеческую руку и ее аллоийский эквивалент. Последний куда слабее, хотя когда все конечности охватывают предмет, назвать их пожатие слабым никак нельзя. Зато он куда более чувствителен, особенно в тончайших крайних ответвлениях — более низкий порог восприятия и значительно более тонкая координация движений. Тонкие, как паутинки, кончики щупалец держатся за счет молекулярного сцепления, и организм ощущает их малейшие движения. Так что мир их тактильного восприятия был несравненно, на много порядков богаче нашего.

Был ли он беднее зрительно? Сказать невозможно, и скорее всего ответ просто лишен смысла. Аллоийские «крылья» частично исполняли роль регуляторов температуры тела, частью служили испарителями избытка воды, но в основном были пронизаны сетью датчиков, в число которых входили и светочувствительные — более примитивные, чем глаза, но если учесть их количество и разнообразие, то, видимо, не уступающие челове-

ческим глазам. Так ли это, зависит лишь от того, как мозг обрабатывает поступающие данные; но у этих существ вроде бы не было никакого органа, соответствующего мозгу.

Впрочем, достаточно. Наверно, у Ханно и Юкико на изучение анатомии ушли бы многие годы, а уж чтобы разобраться в ней — и того больше. Но в данный момент они понимали — пользуясь совершенно неподходящими земными выражениями, — что имеют дело не только с иным программным обеспечением, но и с иным типом живого компьютера. Так что не следует ожидать, что будет легко найти нечто вроде общего языка. Наверно, продвинуться дальше каких-то элементарных основ не удастся вообще никогда.

Однако у аллоийцев, видимо, имелся предыдущий опыт общения с чужаками, и они выработали ряд подходов. Двое землян вскоре познакомились с методикой инопланетян в работе, и не просто старались ее постигнуть, но и вносили свой вклад в общие усилия. Взаимные намерения прояснялись все более и более. Вот уж сложилась некая примитивная система общения. Начались прямые контакты во плоти — поначалу осторожные, но по мере знакомства все более решительные.

Опасались не насилия, или, раз уж на то пошло: «При сложившихся обстоятельствах, — сказал, ухмыляясь, Ханно, — крючкотворства». Обе стороны боялись сюрпризов, заготовленных Вселенной, для которой жизнь была исключением из правил, а разум — исключением из исключений. Быть может, условия, кажущиеся одной расе естественными, могут повредить другой? Может статься, невинный или даже полезный для одних микроб принесет другим смерть.

Роботы встретились в космосе и обменялись образцами, унесенными для изучения в изолированные лаборатории. (Во всяком случае, так сделали на борту «Пифеоса».) Нанотех и биотех быстро вынесли свои заключения. Несмотря на схожий химизм, вплоть до большинства аминокислот, различия оказались таковы, что полностью исключали возможность взаимной инфекции. Да, в присланном аллоийцами образчике содержалось нечто вроде вирусов; но основа жизни напоминала ДНК ничуть не более, чем напильник похож на ножовку.

После повторных экспериментов в этом же роде роботы обменялись визитами на корабли. Аллоийские машины оказались изящными конструкциями, наделенными множеством щупалец; наблюдать за их манипуляциями было одно удовольствие. В корабле аллоийцев воздух оказался сухим и разреженным, но вполне пригодным для человеческого дыхания. Температура там циклически изменялась, как и на «Пифеосе», но только от

прохлады до холода. Свет на борту имел тот же оттенок, что и у Тритоса, — не столь яркий, но близкий к наружному. Центробежное ускорение оказалось, как и было предсказано, равно двум третям g, что тоже вполне подходило для землян.

Что же до остального содержимого этого гигантского корабля...

Работы на Ксеногее шли куда более ровной поступью. Планетология, как ни крути, оставалась куда более зрелой наукой и сводилась к ряду методик, формул и математических моделей. Судя по всему, эта планета вполне соответствовала требованиям людей. Метеорология и климатология оставались науками менее точными; кое в каких прогнозах всегда оставалась изрядная доля неопределенности, ибо в уравнения законным их участником вторгался хаос. Однако общая картина вскоре стала вполне ясна.

Сильный парниковый эффект с избытком компенсировал высокое альбедо; при прочих равных в каждой климатической зоне было жарче, чем на той же земной широте. Конечно, строгие совпадения случаются редко. Скажем, в тропиках имелись и райские острова, и зловонные континентальные болота, и выжженные пустыни. Наклон оси и время обращения — чуть более двадцати одного часа — порождали могучие циклоны, но плотная атмосфера и теплые полярные районы выравнивают погоду почти повсеместно. Хотя по сравнению с земными условия складывались менее стабильные и подвергались частым, непредсказуемым изменениям, опасные штормы случались здесь не чаще, чем на Земле до введения климатического контроля. И состав атмосферы оказался вполне знакомым: высокая влажность, чуточку многовато двуокиси углерода, процентов на пять поменьше кислорода. Но для людей последнего было больше чем достаточно — ведь давление на уровне моря здесь вдвое превышало земное. Этим совершенно не загрязненным воздухом можно было спокойно дышать.

Планета дышала, полнилась, бурлила жизнью. Химизм ее был схож с земным и аллоийским, но имел и свои уникальные отличия. Учитывая, сколько десятков раз роботы сообщали о чем-то подобном на Землю, в этом не было ничего удивительного. Как всегда, поразительными оказались мелочи — бесконечная изменчивость протеинов и изобретательность природы.

Что касается прозаических материй, то люди могли безбоязненно есть большинство местных продуктов, хотя приятными на вкус окажутся очень немногие, некоторые просто ядовитыми, и ни один не обеспечит полноценного питания. Вероятно,

хищных микробов и вирусов можно не опасаться; со временем мутации могут изменить положение, но современная биомедицина легко с ними управится. А для Реликтов с их безупречными иммунной и регенеративной системами опасности практически не существует. При желании они могут выращивать земные растения, а затем выкармливать животных травой и зерном.

Да, это не девственная Земля, и не Финиция их снов — но поселиться здесь можно.

С соседями под боком.

— ...и ему было так одиноко, — говорила Макендел Патульсию. — Она и Ханно — нет-нет, между ними ничего нет. Может, лучше, если б было. Просто они оба так поглощены своими исследованиями, что для них не существует больше никого и ничего. Алият мне уже жаловалась. Я не могу ей почти ничем помочь, зато у меня возникла мысль насчет Ду Шаня.

Она по одному отзывала в сторонку остальных, наедине внушая им ту же мысль, облекая ее в слова, специально подобранные для каждого. Никто не возражал. И вот в один прекрасный вечер, после того как Макендел весь день почти безрезультатно из кожи вон лезла, чтобы приготовить в невесомости пиршество, она устроила голосование, и Ду Шаню поднесли сюрприз.

Космическая шлюпка села. Поддерживаемый двумя роботами, потому что после столь длительного пребывания на орбите проблемы с тяготением неизбежны, он ступил через порог шлюпки — первый человек на Ксеногее. Туфли его остались на шлюпке. Почва под ногами оказалась теплой и влажной, ее аромат ласкал ноздри, и Ду Шань не мог удержать слез.

Вскоре после того Ханно и Юкико вернулись с самого первого визита на корабль аллоийцев. Шестеро остававшихся на «Пифеосе» сгрудились вокруг них в кают-компании, осторожно проплывая друг мимо друга, будто щуки в озере. Пейзаж на стене — увеличенная копия картины Клода Моне: море, небо, скала, ее тень на воде, золотые от солнца кусты — казался более отдаленным во времени и пространстве, чем сам Моне.

— Нет, я не в состоянии рассказать, что мы видели, — будто во сне, промолвила Юкико. — У нас нет слов, даже для тех изображений, что они пересылали сюда. Но... каким-то образом внутренность корабля живет.

— Это не просто мертвые железки и хитроумная электронная начинка, — подхватил Ханно. Он, напротив, был полон энергии, так и светясь от восторга. — О, они многому могут научить нас! А еще я верю, что у нас тоже найдутся новости для них, как только мы найдем способ ими поделиться. Но похоже, лично они сюда прибыть не смогут. Мы не знаем, почему, чем

наша среда обитания им не подходит, но полагаю, они непременно прибыли бы, если б только смогли.

— Несомненно, с планетой у них те же проблемы, — медленно проговорил Странник. — Мы способны сделать то, чего их машины никогда не сумеют. Должно быть, они рады, что мы прибыли.

— Они рады, рады! — взволнованно отозвалась Юкико. — Они пропели нам...

— Они хотят, чтобы мы перебрались жить к ним! — воскликнул Ханно.

По комнате пронесся единодушный вздох.

— Ты уверен? — в вопросе Свободы прозвучало настоятельное требование ответа.

— Да, уверен! Мы добились кое-какого взаимопонимания, а это, в конце концов, не такое уж сложное сообщение, — запинаясь, ответил Ханно. — Разве есть лучший способ узнать друг друга по-настоящему и научиться работать вместе? Они показали нам отсек, где мы могли бы расположиться. Он весьма велик, мы можем привезти с собой, что пожелаем. Вес там вполне достаточный, чтобы мы не теряли формы. Воздух и прочие условия жизни ничуть не хуже, чем у нас в горах. Мы непременно к ним привыкнем и сможем уютно устроиться. Кроме того, мы будем проводить массу времени в космосе — исследуя, делая открытия, быть может, будем строить...

— Нет, — отрезал Странник.

Это единственное слово упало в тишине, как удар молота, и эхом ему зазвенело наступившее вослед молчание. Взгляды скрестились; лица каменели одно за другим.

— Мне очень жаль, — продолжал Странник. — Все это просто чудесно. Я испытываю сильнейшее искушение. Но мы слишком много лет плыли под парусами «Летучего голландца». И вот перед нами открылся мир, и мы намерены принять его.

— Погодите, погодите! — запротестовала Юкико. — Конечно, мы собираемся изучать Ксеногею. Фактически говоря, это наша главная цель. Это, то есть разумные существа, и является причиной задержки здесь аллоийцев. Мы оснуем базы, будем работать с них...

— Мы построим дома, — тяжело покачав головой, возразил Ду Шань.

— Это решено, — подхватил Патульсий. — Мы будем сотрудничать с аллоийцами, когда у нас возникнет в том нужда. Осмелюсь сказать, живя на планете, мы исследуем ее лучше, чем во время... выездов на природу. Быть может, сегодня как

раз тот самый случай, — он холодно улыбнулся, — je suis, je reste *.

— Постойте, — не унимался Ханно. — Вы говорите так, будто собрались остаться тут навсегда. Вы же знаете, что об этом и речи быть не может. Пусть Ксеногея пригодна для обитания, но она далека от того, на что мы настроились. Со временем мы наберем свежий запас антивещества. Мне кажется, у аллоийцев имеются производственные мощности возле светила, но они помогут нам в любом случае. Мы отправимся на Финицию, как и намеревались.

— Когда? — с вызовом в голосе поинтересовалась Макендел.

— Когда покончим с делами тут.

— И сколько же времени на это уйдет? По крайней мере, десятилетия. Быть может, столетия. Вам двоим это доставит наслаждение. А вот нам, остальным... Да, несомненно, мы будем зачарованы этим, поможем вам, когда это будет нам по силам. Но кроме и прежде того мы имеем право распоряжаться собственной жизнью. И жизнью наших детей.

— И если в конце концов мы улетим, — негромко сказала Свобода. — Нам не впервой бросать обжитой дом — но прежде надо этим домом обзавестись.

Ханно встретился с ней глазами и, не позволяя ей опустить глаз, напомнил:

— Ты же сама хотела заняться исследованиями.

— И займусь, но на живой земле. Кроме того... нам потребуется каждая свободная пара рук. Я не смогу бросить товарищей.

— Вы в меньшинстве, — заявила Алият, — и на этот раз тебе ничего не поделать. — Протянув руку, она ласково коснулась щеки Ханно. Ее улыбающиеся губы дрожали. — Там есть моря, по которым ты мог бы плавать.

— Давно ли ты записалась в число несгибаемых первопроходцев? — поддел он ее.

Она вспыхнула.

— Да, я дитя города, но я способна учиться. Или ты думаешь, что я предпочитаю бить баклуши? Я была о тебе более высокого мнения. Ничего, в прошлом мне довелось одолевать пустыни, горы, океаны, я сумела пережить не один брак, войну, чуму и голод. Так что ступай ко всем чертям!

---

* Я есть и останусь (*фр.*).

— Нет, пожалуйста, — взмолилась Юкико, — нам не следует ссориться!

— Правильно, — согласился Странник. — Не будем торопиться, подумаем, по-дружески обсудим это со всех сторон.

Ханно выпрямился так, что воспарил над скалой на фоне неба.

— Обсуждайте, если хотите, — бесцветным голосом сказал он. — Но могу сказать тебе прямо сейчас, в пику твоей древней тяге к племенному согласию, мы ни к чему не придем. Вы решительно намерены пустить корни на планете. А я... Я ни за что не отрекусь от возможности, предоставленной нам аллоийцами. Просто не могу! Чем ссориться, давайте лучше решим, как лучше всего распорядиться в сложившейся ситуации.

Лицо Ду Шаня скривилось.

— Юкико, а ты? — выдавил он из себя.

Юкико бросилась к нему в объятия, и он прижал ее к себе. Она смогла проронить лишь:

— Прости...

30

— По-моему, к ним должна отправиться ты, — сказала Макендел. — Похоже, ты разберешься в этом лучше нас.

— Нет, в самом деле, — начала Алият, — ты всегда...

— Ты стала слишком робкой, золотко, — улыбнулась Макендел. — Подумай хорошенько. С самого начала, как в Нью-Йорке.

Но Алият все еще колебалась. Она не просто сомневалась, сможет ли иметь дело с итагенянами в явно критической ситуации. Правду сказать, она действительно лучше постигла их язык и нравы — во всяком случае, в некоторых аспектах, — чем кто-либо другой. (Быть может, предыдущий опыт научил ее быстро улавливать нюансы?) Но Ду Шаню может прийтись туго без ее помощи в возделывании полей в это засушливое время года; а в свободные минуты она собирала массу данных и записывала важные сведения, присылаемые Странником и Свободой из исследовательской экспедиции по северным лесам.

— Мне в любом случае придется поддерживать связь с тобой.

— Ладно, это разумно, — согласилась Макендел, — но ты разберешься на месте, и никто, кроме тебя, не обладает достаточной квалификацией для принятия решений. Я тебя поддержу. Мы все тебя поддержим.

В Гестии она не командовала, здесь не было командиров, и все-таки само собой сложилось так, что ее голос на советах шести стал решающим. И дело было не только в том, чтобы найти разумный совет. Странник как-то раз заметил: «По-моему, мы, при всей нашей науке и высоких технологиях, в четырех с третью световых веках от Земли, заново открываем старые истины: душу, ауру — зовите это, как пожелаете. Быть может, даже Бога».

— Кроме того, — продолжала Макендел, — у меня забот полон рот.

У нее всегда хватало работы — и своей, и той, что ей приходилось делить с Патульсием, и на благо общины; а уж трехлетний Джозеф доставлял забот вагон и маленькую тележку.

— А еще и мой живот, — раскатисто хохотнула Макендел. Второй ребенок. Беременность была не так уж обременительна, тела окрепли, приспособившись к тяготению Ксеногеи, но осмотрительность была отнюдь не лишней. — Не волнуйся, мы присмотрим за твоим муженьком; а глядишь, ты уезжаешь ненадолго. — Она тут же посерьезнела. — Однако не торопись принимать скоропалительные решения. Для них это ужасно важно. А для нас от этого может зависеть абсолютно все.

Так что Алият собрала снаряжение и продукты и двинулась в путь.

Выйдя поутру из дома, она остановилась на минутку и огляделась. Пейзаж все еще оставался непривычным для глаза. Над головой нависало молочно-белое небо, местами приоткрывающее голубые прогалины. Дождевых туч не было и в помине. Недвижный, напоенный сернистыми ароматами воздух обжигал жаром. Ручей, сбегавший с восточных холмов и протекавший через поселение, усох до тоненькой струйки; его журчание при падении с расположенного неподалеку обрыва при впадении в речку доносилось едва-едва слышно. Отмели и наносы песка в дельте реки обнажились куда шире, чем раньше в час самого низкого прилива.

И все-таки Гестия держалась. Три дома и несколько служебных построек из крепкого дерева стояли четырехугольником. Красновато-коричневый местный дерн между ними увял, но благодаря поливке дающие тень деревья, розовые кусты и клумбы фиалок и штокроз вдоль стен оставались свежими. В километре к северу роботы хлопотали по ферме и на полях; пасущиеся рыжие коровы на фоне зеленого луга создавали фантастически яркую картину. А еще дальше космическая шлюпка высилась позади летного ангара, устремленная в небеса, будто смотровая вышка, царящая над всем этим крохотным человеческим

царством. С высоты Алият разглядела на восточном горизонте яркий проблеск Аметистового моря.

Мы выживем, думала она. В худшем случае синтезаторам придется кормить нас и наш скот, пока засухе не придет конец, а в будущем году придется начать все заново. Ох, как я надеюсь, что не придется! Мы так тяжко трудились, а машин так мало, и так надеялись! Расширить базу, сделать запасы, обеспечить будущее, завести детей... Ну ладно, я вела себя эгоистично, не желала обременять себя детьми — но разве Гестия не рада, что сегодня у меня не связаны руки?

Материк Миноа раскинулся вольготно, как в прежние дни. К югу, за рекой, кроны лесных деревьев переливались тысячами притушенных засухой оттенков охры, коричневого и бронзовой патины. Такая же растительность обрамляла расчищенную целину к северу; с запада подступали холмы. Над их гребнями маячил размытый белый силуэт — завернувшаяся в свои туманные пелены гора Пифеос.

Так нарекли их люди. Человеческие горло и язык до какой-то степени способны передать язык обитателей планеты, вполне внятно, если те будут тщательно вслушиваться, но это упражнение скоро вызывало боль в горле и хрипоту. А вот с понятиями, выходящими за рамки такой речи, было уже труднее.

Алият обернулась, чтобы поцеловать Ду Шаня на прощание, прижавшись к его жесткому телу, отдавшись объятию крепких рук. Уже в этот ранний час от него пахло потом, землей и мужской силой.

— Будь осторожна, — с тревогой в голосе попросил он.

— Ты тоже, — эхом отозвалась Алият.

Ксеногея наверняка подкинет куда больше нераскрытых вероломных сюрпризов, чем до сих пор. Ду Шань страдает от них чаще других. Он очень мил, но чересчур надрывается в работе.

— Я боюсь за тебя, — покачал он головой. — Судя по тому, что я слыхал, дело это касается святынь. Разве дано нам угадать, как они себя поведут?

— Они отнюдь не глупы и вовсе не ждут, что я знаю все их таинства до последнего. Не забывай, они просили, чтобы кто-нибудь приехал и... — И что? Вот это-то и осталось неясно. Чего они хотят? Помощи, совета, суда? — Они не утратили благоговения перед нами.

А так ли это? Разве угадаешь, что чувствует неземное существо, не приходящееся человеку даже дальней родней? Туземцы несомненно гостеприимны. Они с готовностью уступили этот участок земли, и даже предложили другой, поближе к городу;

но люди опасались потенциальных экологических проблем. Обе стороны обменялись множеством разнообразнейших предметов — не только полезных, но и интересных и просто красивых. Но это доказывает лишь, что итагеняне (еще одно греческое слово) обладают изрядной долей здравого смысла и, надо полагать, любопытства.

— Мне надо идти. Всего хорошего.

Алият зашагала прочь со всей возможной поспешностью, какую могла себе позволить с рюкзаком за плечами. Теперь ее мышцы не уступали обладателю черного пояса дзюдо, что делало ее фигуру и поступь чрезвычайно привлекательными, но кости все-таки оставались слишком хрупки. Когда-нибудь мы улетим, повторяла себе она. Финиция ждет нас, манит обещанием сходства с Землей. Не лжет ли она? Сильно ли мы будем скучать по этому миру тяжких трудов и побед?..

У начала тропы ждали четверо итагенян, одетые в сетчатые кольчуги. Их багры-алебарды ослепительно блистали. Это почетный эскорт; Алият предпочла думать о них именно так. Они почтительно расступились, чтобы пропустить ее в середину; теперь, петляя вдоль стены фиорда на пути к реке, двое будут предшествовать ей, а двое пойдут в хвосте процессии. Посланник уже ждал на суденышке, пришвартованном к дебаркадеру. Длинное, с изящно изогнутыми носом и кормой, оно мало чем напоминало два пришвартованных рядом катера работы землян. Однако на нем уже не было гребцов, и голые реи служили лишь напоминанием о парусах. Мотор, из числа тех, сырье для сборки которых промышленные роботы накопили лишь недавно, был поистине царским даром. Запасы топлива пополнялись по мере необходимости.

Люди часто ломали голову, что же они принесли этой цивилизации, а в конечном итоге всему этому миру — добро или зло.

Подойдя поближе, Алият узнала С'саа — точнее воспроизвести имя ей просто не удавалось. Она старательно выговорила фразу, означавшую, по предположению жителей Гестии, наполовину официальное приветствие, а наполовину — молитву. Ло ответило в том же ключе. («Ло, ле, ла», — как же еще их называть, когда полов целых три, и ни один в точности не соответствует мужскому, женскому или среднему?) Алият и ее охрана перебрались на борт судна, матрос отдал швартовы, другой взялся за руль, мотор заурчал, и ладья устремилась вверх по течению.

— Может, теперь ты скажешь, чего желаешь? — спросила Алият.

— Дело слишком сумрачно, дабы произносить о нем где-либо, кроме Халидома, — отвечало С'саа. — Мы споем о нем.

Прозвенели ноты причитаний, задающие эмоциональный ключ, настраивающие и тело, и разум. Алият расслышала отчаяние, гнев, страх, замешательство, решимость. Многое наверняка ускользнуло от ее внимания, но в последние год-два она наконец начала постигать — да-да, воспринимать подобную музыку, хотя на Земле ее музыкальное образование остановилось чуть ли не в зачаточном состоянии. Странник и Макендел даже начали экспериментировать с обработкой местных напевов, складывая песни, полные неяркой, сверхъестественной мощи.

С виду эти существа нипочем нельзя было бы назвать артистическими натурами: бочкообразный торс на четырех толстых конечностях, при росте сантиметров сто пятьдесят, покрытый то ли крупной кожистой чешуей коричневого цвета, то ли клапанами, каждый из которых мог отдельно приподняться, обнажая розовую плоть — для впитывания жидкости, испражнения или восприятия; ничего толком напоминающего голову — так себе, бугор на макушке, где под клапаном скрывается рот, да торчат четыре глазных стебля, способные в случае чего втянуться внутрь; чуть пониже четыре щупальца, каждое заканчивается четырьмя пальцеобразными отростками, способными цепенеть за счет внутреннего давления в произвольном положении. Но насколько отвратительным должно им показаться тело, лишенное клапанов, будто освежеванный труп! Поэтому люди выходили к коренным обитателям Ксеногеи только полностью одетыми.

Быстроходная ладья обогнала несколько идущих в ту же сторону галер, потом ряд суденышек помельче, занятых «рыбной» ловлей. Вниз по реке не плыл никто; прилив уже начался, и хотя луна сегодня довольно далеко, приливное течение будет достаточно сильным. При отливе в путь устремятся купеческие суда. В здешнем краю жили мореходы, охотящиеся за огромными водными тварями, возделывающие обширные плантации водорослей, водящие торговые корабли на острова и вдоль побережья, время от времени вступая в схватки с пиратами, варварами и прочими недругами. Оказывать аборигенам военную помощь поселившаяся в Гестии шестерка со всей доступной дипломатичностью отказалась — ведь людям было неведомо, кто прав, а кто виноват; они лишь знали, что это самое высокоразвитое общество на планете, но когда-нибудь непременно предстоит познакомиться и с прочими здешними культурами. Разумеется, знаниям, полученным от землян, их местные

друзья наверняка нашли не только мирное, но и военное применение.

Прошло часа два. Леса на южном берегу сменились садами и пашнями. Увядшая листва поникла. На севере все еще высились холмы, но отвесные склоны сменились пологими раскатами, мягкой волной стелившимися на горизонте. Впереди смутно замаячили городские башни, но по мере приближения их силуэты прорисовывались все четче, гордо возвышаясь над лесом мачт у причалов. И вот Алият ступила на берег Ксенокноссоса.

Огражденный водным потоком и мощным флотом город не нуждался в крепостных стенах. Выстроившиеся вдоль широких, чистых улиц колоннады и фасады домов украшали затейливые барельефы и скульптуры, зато из цветных стекол окон складывались незамысловатые узоры. Но ощущения пестроты не возникало; напротив, все сочеталось в гармоничной соразмерности, будто деревья и лианы на ветру или стелющиеся по течению длинные водоросли. Просто удивительно, что подобное изящество рождено миром, идущим столь тяжкой поступью. Здесь не увидишь суетливой толкотни человеческих толп. Горожане двигались степенно; даже сопровождавшие Алият взгляды и комментарии были весьма живописны. Дело было в голосах — это они танцевали в воздухе, то выписывая сложнейшие па и пируэты, то семеня мелкой трелью, то бросаясь вперед руладой, то сплетаясь воедино с другими, да еще с игрой музыкальных инструментов, звучавших в местах праздного отдохновения.

Но отнюдь не все складывалось так чудесно. Взобравшись на холм, Алият видела кочевую стоянку невдалеке от города — сбившиеся в неряшливую массу наспех слаженные укрытия от непогоды. Зловещей толпе их обитателей со стороны города противостояла вооруженная охрана. Алият ощутила, как мороз продирает по коже. Значит, вот почему ее позвали!

На вершине холма устремлялось ввысь здание, известное под названием Халидома. Его камни выветрились до бледно-янтарного цвета. Земля не знала ничего подобного ее изящным сплетениям ветвящихся арок и сводов, винтообразно обвивающих его окон и чашеобразных карнизов. Воображение земных архитекторов никогда не обращалось в этом направлении. Когда переданные отсюда изображения достигнут Земли, тамошняя архитектура, а заодно музыка, поэзия и многое другое могут возродиться в новом качестве — если только они еще кого-нибудь интересуют.

С'саа ввело Алият внутрь Халидома, и они оказались в просторном сумрачном зале. Могущественнейшие лица Ксенокноссоса уже собрались там, выстроившись в ожидании полукругом

перед подиумом. Правителей, президентов или предводителей было трое, по одному от каждого пола. Услыхав о них, Ханно предложил наречь их Триадой, но позднее жители Гестии решили, что лучше назвать их Триединством.

Алият ступила им навстречу.

...Тем же вечером она вышла на радиосвязь из своих апартаментов. На самом деле точнее всего было бы сказать, что она разбила в них лагерь: и комната и мебель были весьма неприспособлены для человека, но на худой конец годились и они. Окно было распахнуто в теплую тьму, навстречу гулкому дыханию бриза. Крохотный серпик месяца позолотил облака и зажег реку призрачными бликами. В поле мрачно полыхали костры вторгшихся сюда туземцев.

От изнеможения голос Алият казался сонным, но разум ее был ясен, как никогда.

— Мы обсуждали этот вопрос весь день, — сказала она. — Беда не так уж велика, но замешана на верованиях, традициях, предубеждениях, и все это сплетено в такой запутанный клубок личных чувств... Представьте, как кельт-язычник и правоверный мусульманин попытались бы объяснить друг другу и обосновать положение и права женщины.

— У итагенян хватило мудрости попросить мнения сторонних непредубежденных наблюдателей, — заметил Патульсий. — Многие ли из человеческих обществ решались на такое?

— Ну, тому не было прецедентов, — отозвался находившийся позади него Странник. — На Земле никто никогда не имел дела с настоящими пришельцами. Быть может, в будущем нам было бы не вредно... Продолжай, Алият.

— Это связано со способом их размножения. — Копуляция в чистой воде, которая могла дать результат лишь при отсутствии течения; требовалась определенная концентрация определенных органических веществ. В мире, где в большинстве областей влага, как правило, в избытке, это являло не больше проблем, чем для людей утрата способности синтезировать витамин С. — Вы же помните, что горожане пользуются для этого озером среди холмов за городом. — Люди окрестили его Священным озером, поскольку для этого общества любовь вроде бы являла собой религиозный ритуал. — В общем, в низинах большинство озер пересохло и уже непригодно для этой цели. Тамошние обитатели собрались и требуют права доступа к Священному озеру, пока не кончится засуха. Его уровень тоже изрядно упал, но его хватило бы на всех, если только тройки будут строго распределять очередь на его посещение, —

надтреснуто рассмеялась Алият. — Каково бы пришлось на их месте нашему роду-племени! Но, разумеется, итагеняне относятся к этому не так, как мы. Ксенокноссийцев терзает мысль, что посторонние осквернят их собственное таинство, оскорбят присутствующего духа-опекуна, или бога, или как его там. Триединство велело деревенским жителям расходиться по домам и переждать скверные времена. Тем более им не следует приносить потомство до прихода дождей. Но вы же знаете, как священны Рождения Года...

— Да, — сказал Ду Шань. — Кроме того, они ведут примитивный образ жизни, а зачаточные нормы морали весьма строги, и они полагают, что должны быть плодовиты, что бы ни стряслось.

— Это царство, вся эта часть Миноа, стоит перед угрозой гражданской войны, — сообщила Алият. — Кровь уже пролилась. А теперь эти, э-э, племена послали сюда две-три тысячи туземцев, настаивающих, что скоро они войдут в озеро, и будь что будет. Их ничто не остановит, кроме поголовного уничтожения. Никто этого не желает, но позволение им войти в озеро означает почти столь же ужасную катастрофу.

— А мы и не знали! — негромко присвистнула Макендел. — Если б только они обратились к нам раньше!

— Наверно, это и не приходило им в голову, пока совсем не припекло, — предположил Патульсий. — Если мы не найдем решения в ближайшее время, то будет слишком поздно.

— Потому-то и послали именно тебя, Алият, — голос Макендел дрожал. — По намекам С'саа я заключила, что дело касается чего-то подобного, а ты, с твоим опытом... Только пойми меня правильно!

— Я не обиделась, — отозвалась Алият. — Надеюсь, я мало-помалу осознала, что тут творится, и меня осенило. Боюсь только, идея эта не пройдет.

— Расскажи ее нам, — попросила Свобода.

...Ах, если бы можно было облечь итагенянские эмоции в человеческие слова, не утратив попутно их смысла, думала Алият наутро. Собравшиеся были потрясены до глубины души.

— Нет! — воскликнул ле Триединства. — Это невозможно!

— Это вовсе не так, о Надзирающие! — настаивала Алият. — Сделать это можно легко и быстро. Поглядите, — она развернула лист бумаги, на который было перенесено изображение, переданное из Гестии на аппарат, который она привезла с собой — увеличенное изображение окрестностей Священного озера. Итагеняне не возражали против полетов над ним, хотя и

ни разу не приняли приглашения прокатиться. (Инстинктивное опасение, религиозный запрет или что-либо иное?) Указав пальцем, Алият пояснила: — Озеро находится в углублении и подпитывается за счет дождей и стока вод. А вот здесь, чуть ниже, есть впадина. Позвольте нам очистить ее от деревьев и кустов, а потом прорыть канал через разделяющий их холм. Часть несущей жизнь воды перетечет во впадину, хотя после закрытия канала ее останется вполне достаточно и для вас. И там, вдали от взоров вашего народа, деревенские жители смогут творить зачатия согласно своим собственным обычаям. Вам это кажется грандиозным предприятием, но вы же знаете о наших машинах и взрывчатых веществах. Мы сделаем это для вас.

Мрак наполнили шипение и похрустывание.

С'саа вынуждено было объяснить происходящее Алият, мешая туземный язык с обрывками человеческой речи, отчасти усвоенной ло:

— Хотя им это не очень по нраву, но они не прочь согласиться, дабы не стряслось худшего. Однако они опасаются, что поселяне откажутся, ибо воспримут предложение как смертельную угрозу. Зная предводителей Ктха и Гру'нгг, я полагаю, что сие верно. Ибо зона жизни — это не просто пруд; он освящен традицией, использованием с седой старины, жизнью, порожденной им в прошедшем. Страиваться в ином месте — все равно что ниспровергнуть существующий мировой порядок. Тогда или дожди могут никогда не вернуться, или нарушители не получат очередного рождения.

— Но вы же не верите в это?! — ужаснулась потрясенная до глубины души Алият.

— Нет, мы, находящиеся здесь, не верим. Но там простые деревенские жители. Кроме того, далеко не все водоемы могут принести благословение, хотя их наверняка когда-нибудь пытались использовать.

— Это из-за...

О Иисусе, да что толку?!

— Из твоих глаз струится вода. Ты взываешь к священным силам?

— Нет, я... У вас нет для этого слова. Да, я взываю к мертвым, к утратам... Постой! Погоди!

— Ты вскакиваешь. Ты вздымаешь руки. Ты издаешь звуки.

— Мне пришла в голову новая мысль. Быть может, она придет на выручку. Мне надо спросить совета. Потом мне придется... несомненно придется пойти к поселянам... и узнать, не оскорбит ли это их чувства.

И Алият обернулась к Триединству.

...Четыре дня подряд небо оставалось ясным, сине-стальным, почти без единого облачка, не считая громоздившихся на западе туч. Порой там полыхали зарницы, и сквозь недвижный воздух доносилось отдаленное бормотание грома. Теперь закат окрасил дали багрянцем. Лучи солнца, прорываясь сквозь просветы в облаках, заливали алым светом долину и новорожденное озерцо, будто плеснув в него человеческой крови. На фоне зари деревья прорисовывались массивными черными силуэтами. Все больше и больше, многие сотни итагенян собирались вокруг него, обратившись в темную массу, стеной сгрудившуюся вокруг воды. Их песнопения сотрясали вечерний воздух, будто биения исполинского сердца.

Из их числа мерной поступью вышли Таинственные — тремя парами, ибо такова была их природа, чтобы объединяться парами. Одесную от них шагали Надзирающие За Городом, и горящие над ними фонарики на длинных шестах бросали во все стороны разноцветные световые узоры; слева мерцали чадящие факелы в руках Вождей-Сеятелей. Сопровождавшие остановились у края воды, но шестеро пошли дальше.

Алият ощутила, как затопленный дерн шелестит под ногами. Вот вода омыла ее лодыжки, колени, бедра... Она еще хранила тепло дня, но снизу поднималась прохлада, будто залог грядущих лет.

— Остановимся здесь, — сказала Алият. — Дно быстро понижается. Еще чуть-чуть, и нас накроет с головой. — Не в силах удержаться, она хихикнула. — Трудновато сохранять при этом достоинство, а?

— Я толком-то и не знаю, что нам делать, — признался Ду Шань.

— Да ничего особенного. Тем более мы полностью одеты. И вообще, они понятия не имеют, как мы делаем детей. Надо только не торопиться и... — Ее внезапно охватила непонятная застенчивость. — И дать им посмотреть, как мы любим друг друга.

Руки Ду Шаня охватили ее, и Алият прижалась к нему. Губы их встретились. В сумраке смутно вырисовывались фигуры Патульсия и Макендел, Странника и Свободы. Звуки зазвучавшего на берегу гимна проникли в самую глубину ее души.

Влюбленные парочки в бассейне! — едва сдерживаясь, думала она. Какая потрясающая нелепость! Такой же абсурд, как настоящее сближение двоих, как и все человеческое, как и все живое вообще. Мы снизошли с этих самых звезд, мерцающих

в вышине, чтобы инсценировать допотопный обряд плодородия.

Но инсценировка сделала свое дело. Она освятила водоем, она затеплила в нем огонек таинства и волшебства. Так что Миноя в мире и покое дождется, когда же воскреснет земля.

— Ду Шань, — шепнула Алият, всем телом прижимаясь к нему, — когда мы вернемся домой, я хочу от тебя ребенка.

31

— Радостна весть, долетевшая к нам, — поведал аллоиец, которого люди про себя называли Светлым Лучом. — Узнайте и вы. Она докатилась с места встреч, с ближайшего к нам места встреч, в 147 световых годах, там.

Ветвистые пальцы отметили небесный квадрат, потом сомкнулись на точке внутри его. Сквозь прозрачные стены в корабль заглядывал открытый космос, и легкое движение тончайших конечностей, прорисовавшихся на фоне звезд, производило чрезвычайно сильное впечатление. Указанное направление уводило прочь от Солнца, но вовсе не в сторону Пегаса. Странствия увели аллоийцев далеко от взрастившей их планеты.

— Место встречи? — вынуждена была громко повторить Юкико на языке землян. Ее понимали, как и она понимала сказанное ей. Однако трудностей в общении и недопонимания все еще хватало. Это неизбежно, когда один разум не может напрямую передать то, что способен воспринять своими органами чувств другой, и оба вынуждены прибегать к выработанному за годы общения метаязыку. — Я не совсем уловила это понятие.

— Звездопроходцы установили станции на орбитах избранных светил, на которые передаются открытия и находки, — пояснил Текучий Блеск. — А они передают информацию прочим. Так что центры знания растут, а лучи связи между ними образуют ячейки, одна за другой вплетающиеся в единую сеть.

Знавший об этом Ханно кивнул; его совместные с аллоийцами исследования однажды привели их в окрестности кружившей вокруг Тритоса тончайшей паутины, изяществом своих тенет вполне оправдывающей это название. Юкико тем временем постигала их искусство, философию и чаяния.

— В Солнечной системе есть примитивный вариант паутины, — напомнил он ей. — То есть был, когда мы улетали. Но,

начав получать наши передачи, земляне могли ее усовершенствовать и присоединиться к сообществу миров.

— Если им есть до того дело.

Она устремила взгляд к звездам, льдистой пургой застывшим в пространстве, захлебывающимся от собственной неисчислимости, и с легким содроганием вновь отвела глаза. То, что они с Ханно успели здесь познать, оставляло лишь жалкие крохи надежды.

Ханно вовсе не чувствовал себя таким уж обескураженным.

— Каковы же новости? — жадно поинтересовался он.

— К месту встречи пришел корабль, — сказал Светлый Луч. — Все делают так время от времени, тем пополняя свежие данные — ибо станции не могут хорошо передавать находящимся в любом месте и летящим с любой скоростью. Наши сообщения по этой системе, пришедшие доныне, определяют экипаж как приближающийся к Тритосу. Мы встречали их прежде; нам ясно, что ксеногеяне представляют для них особый интерес и обещание. Можно ли дать изображение?

— Имеется, — согласился Звезднокрылый и включил проектор.

Возникшее тяжеловесное существо сразу же навело Ханно на мысль о носороге. Разумеется, сходство было мимолетным и призрачным, как между человеком и гусеницей. Тем более что телесная оболочка не играла никакой роли, кроме той, что являлась сосудом духа и разума.

— Они тоже с большой планеты, не так ли? — предположил он. — Осмелюсь сказать, что они видят в здешних обитателях достаточное сходство с собой, дабы пожать богатый урожай идей, основанных на различиях культур.

— Когда они прилетят? — спросила Юкико,сияя.

— Их сообщение о том, что они хотят сначала провести несколько лет на месте встречи, изучая и обдумывая данные, — сообщил Светлый Луч. — Это в обычае, чтобы воспользоваться преимуществами аппаратуры, которую не может нести корабль. Несомненно, сейчас они находятся в пути. Поскольку они привычны к высоким ускорениям, то прибудут через несколько месяцев после вести о своем отправлении в путь.

— Но ждать этого еще несколько лет, — Юкико улыбнулась. — Мы вполне успеем подготовить праздничную встречу.

— Они путешествуют на тех же принципах, что и вы? — поинтересовался Ханно.

— Да, — отвечал Светлый Луч, — и вам мы их тоже рекомендуем принять.

— Я подумываю об этом. Вы же знаете, что нам потребуется кардинальная модификация нашего корабля.

— Скорее образа ваших мыслей.

— Сдаюсь! — рассмеялся Ханно. — Признаю, мы непоседливые выскочки.

Аллоийцы не прибегали в межзвездных перелетах к непрерывному ускорению. Достигнув субсветовых скоростей, они переходили в свободный полет, создавая тяжесть за счет центробежного ускорения. Экономия антивещества позволяла им строить огромные, просторные корабли со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но за это приходилось платить временем — сокращение его становилось менее значительным. Путешествие, которое можно бы совершить за несколько бортовых лет, растягивалось вдвое, и чем дальше лежал путь, тем значительней была разница. Все путешественники не знали старости, но бежать от времени не мог никто.

Благодаря этой-то практике наблюдатели в Солнечной системе и не обнаружили ни одного звездолета. Как ни велика была энергия ускорения, корабль излучал ее лишь в начале и конце пути — мерцание свечи во мраке пространства; а ведь звездолеты весьма немногочисленны.

— Наверное, вы несправедливы к себе, — предположил Стремительный. — Наверное, ваша торопливость может восполнить нужду, о которой мы, старшие звездоплавающие расы, прежде и не догадывались. Вы сможете покинуть освоенный нами крохотный сектор Галактики, вы можете пройти ее из конца в конец менее чем за миллион космических лет. Быть может, вы-то и сведете ее воедино.

— Нет-нет! — трепетно вскинула руки Юкико. — Вы оказываете нам честь, которой мы совершенно не заслуживаем.

— Будущее рассудит, — изрек Звезднокрылый, и от него повеяло покоем античной древности.

Эти существа покинули Пегас пятнадцать тысяч лет назад, но каждый из них был минимум вдвое старше. И было им ведомо об экспедициях, шедших в иных направлениях в сто раз дольше.

— В общем, это чудесно, — выговорил Ханно и обернулся к Юкико. — Быть может, у тебя найдутся слова, дорогая. Я просто онемел.

Она схватила его за руку.

— Ты привел нас сюда. Ты!

Они ощутили, что аллоийцы помрачнели.

— Друзья, — сказал Светлый Луч, — вы должны принять между собой решение. Вскоре после прибытия... — тут

встретилось начисто непонятное слово, — мы отправимся в путь. — Сердца потрясенных людей вдруг забились в бешеном темпе, но они не утратили внимания. — Можете остаться, если пожелаете. Они будут в восторге от встречи с новыми членами содружества. Вы сможете помочь им, они смогут помочь вам постигнуть Ксеногею и ее разумных обитателей даже более, нежели мы с вами помогли друг другу. Все, что мы построили в этой планетной системе, останется в полном вашем распоряжении.

— Но вы-то уйдете? — запинаясь, проговорила Юкико. — Почему?

Змеясь, ветвистые конечности начертали символы; мембраны трепетали, озаряемые бегущими сполохами. Провозглашенное ими было полно непреклонности, спокойствия и — может быть, может быть — сожаления.

— Мы провели на Тритосе более четырех столетий. Я полагаю, вы понимаете, что это частично связано с обнаруженным нами на Солнце — с надеждой, надеждой осуществленной, что мы сможем призвать сюда тамошних путешественников. Тем временем мы исследовали здешние планеты, но прежде всего — особенности жизни, истории чувствующих и размышляющих существ Ксеногеи, их достижения, страхи и триумфы. Наши усилия были щедро вознаграждены, как мы и предполагали. Нам открылось совершенно новое мироощущение. Кое-что из познанного проникло в наши души.

И все-таки вы, люди, за свои полтора десятка лет вызнали о них такое, чего мы не могли и предполагать. Так уж получилось, что их родная планета, их эволюция куда больше напоминают ваши. Природа лучше подготовила вас, дабы постичь их.

Мы же, со своей стороны, обнаружили, что нас влечет к вам; к ним мы такой тяги не испытывали никогда. Вы тоже из племени взошедших до звезд.

Мы могли бы оставаться здесь, пока светило не начнет умирать и не открыли бы всего, что ждет открытия; ибо открытиям нет числа и ничто не остается неизменным. Жизнь встречается нечасто, но мышление еще реже. Почему же тогда мы не задерживаемся? Потому что надеемся на большее, нежели собранное здесь; а еще нам ведомо, что если искать достаточно долго, то желаемое отыщется.

У Ханно не нашлось иных слов, кроме пришедших из далекого купеческого прошлого.

— Понимаю. Вы достигли момента, когда барыш не окупает расходов. Теперь лучшая стратегия — начать все заново.

Похоже, породившие звездоплавателей цивилизации никогда не начинают заново, ибо не способны на это.

— Вы полетите к Солнцу? — неуверенно спросила Юкико.

— Быть может, когда-нибудь полетим, — заявил Звездно-крылый.

— Скорее всего нет, — отозвался Текучий Блеск. — По-моему, того, что поведали вы, вполне достаточно, ибо вы должны развиваться в том же направлении, что и прежде.

— Пусть Солнце общается с Пегасом, — насмешливо бросил Стремительный.

— Нет, ты чересчур импульсивен и слишком мало радеешь о друзьях, — укорил его Светлый Луч. — Перед нами впереди многие годы, чтобы обдумать решение. — Он обернулся к людям. — И вам тоже, и вашим соплеменникам на планете следует поразмыслить. Желаете ли вы приступить тотчас же?

Ханно и Юкико обменялись взглядами. Она молча кивнула. Спустя мгновение кивнул и он. Оба поклонились — один из жестов, постепенно ставший словом языка общения, — и вышли из коралловой комнаты.

Плавно изгибающийся коридор не давал забыть, что они идут по внутренности исполинского цилиндра корабля. Миновав жилой отсек, Ханно и Юкико оказались перед симулированным сегодня ландшафтом — рыжеватые холмы, тонкие зубцы скал, шелестящие у замерзшей лужи перистые листья под сине-фиолетовым небом, где неувядающими радугами застыли радужные гало. Таков был мир, однажды увиденный аллоийцами и пленивший их, ибо очень напоминал их родную планету до появления машин. Улетая, они оставили там своих колонистов.

Дальше находилась комната со специально сделанными для людей тренажерами. Она могла вращаться в прилегающем к цилиндрической поверхности корабля полом бублике, чтобы обеспечить дополнительный вес. Благодаря этому они поддерживали физическую форму, позволяющую навещать планету и не чувствовать себя жалкими калеками по сравнению с теми, кто живет там постоянно.

Еще дальше находился их жилой отсек — небольшой садик Юкико, столбик, увенчанный когда-то выстроенной Ханно моделью каравеллы, и само их жилище. Воздух внутри оставался разреженным и сухим, но теплым; свет не резал глаз своей желтизной, а казался просто дневным. В трех комнатах разместились их пожитки — и привезенные с Земли, и напоминающие о годах, проведенных здесь. Но комнаты вовсе не были захламлены — Ханно сохранил матросскую опрятность, а Юкико —

свой природный аскетизм. Напротив электронного комплекса висел свиток с каллиграфически выписанными иероглифами, а под ним — низенький столик с полным воды кубком, на дне которого лежал единственный камень интересной формы.

Оказавшись дома, Ханно и Юкико сбросили верхнюю одежду.

— Я сделаю чаю? — предложила она.

— Давай, если хочешь, — сосредоточенно нахмурившись, отозвался он. — Я хочу сейчас же вызвать планету.

— Ну, в общем, это потрясающая новость, но еще надо обсуждать и обсуждать ее...

— В непосредственном общении. Мы с тобой слетаем вниз и проведем там некоторое время.

— Это будет просто замечательно, — вздохнула она.

— Да, признаюсь честно, и я мечтаю побродить под открытым небом в рубашечке с короткими рукавами, вдохнуть соленого морского ветра.

— И снова встретиться с друзьями не на экране, а во плоти. Дети-то, наверно, уже подросли!

Ханно прозевал отзвук тоски в ее голосе и лишь позже припомнил, как пылко она включалась в бурлившую вокруг жизнь сразу же после приземления. Но такая возможность выпадала редко и ненадолго. Чтобы постичь аллоийцев и цель их бесконечного странствия, надо жить рядом с ними, работая бок о бок и деля с ними не только победы и праздники, но и тяготы, и опасности. Ханно это отнюдь не казалось серьезной жертвой.

— Сколько бы лет ни было у нас на подготовку, — сказал он, — лучше начать прямо сейчас.

— Ты хочешь сказать, что не сможешь даже спокойно выпить чашку чаю? — улыбнулась она.

Пропустив ее подтрунивание мимо ушей, Ханно уселся за аппаратуру и велел установить связь с Гестией. В данный момент она находилась в противоположном полушарии, но аллоийцы давным-давно запустили спутники связи. Экран вспыхнул.

— Вызываю, — сообщил искусственный голос. Прошла минута, за ней другая. — Вызываю.

Юкико включила экран наружного обзора и всплеснула руками. Белоснежный лик планеты украшали лишь синеватые прожилки да полыхание молний на затемненном краешке.

— Как же мы забыли! — воскликнула Юкико. — Там же ночь!

— Проклятье, — ничуть не раскаиваясь, проговорил Ханно.

На экране появилось трехмерное подобие Свободы, будто она собственной персоной стояла за оконным стеклом. Волосы

ее были растрепаны, из-под накинутого наспех халата виднелись тяжелые, налитые молоком груди.

— Что стряслось?! — воскликнула она.

— Ничего страшного, — ответил Ханно. — Новости. Я расскажу тебе, ты расскажешь тем, кто встал, а потом ступай спать — если сможешь.

— А нельзя было подождать с этим до утра? — взяв себя в руки, поинтересовалась она.

— Слушай, — короткими, рублеными фразами он изложил вести. — Надо начать изучение имеющейся у аллоийцев информации об этих существах, как только те смогут ее собрать. Но до того нам надо посовещаться. Мы с Юкико... Ждите нашу шлюпку, м-м, вскоре после рассвета... Что такое?

— К чему такая спешка? — надтреснутым голосом бросила Свобода. — Или вы не знаете, что сейчас пора жатвы? И нам, и роботам в ближайшую неделю предстоит трудиться до седьмого пота. Собственно говоря, мы уже трудимся. Я услышала вызов лишь потому, что едва-едва успела смежить глаза после того, как ребенок полночи не давал мне уснуть. А теперь ты хочешь, чтобы мы вымели и украсили комнаты к вашему приезду и ждали вас у накрытого стола для немедленного совета.

— Тебе что, плевать? Какого дьявола, это еще что за демонстрация?!

— Нам ужасно жаль, — вклинилась Юкико. — Мы были так взволнованны, что забыли обо всем на свете. Прости нас.

— А ему-то жаль? — презрительно усмехнулась Свобода.

— Постой, — взял слово Ханно, — я был не прав. Но случилось такое...

— Да, важное! — резко перебила его Свобода. — Но твоя спесь важнее! Главное, о чем ты позабыл, сидя там на небесах, — что ты не всемогущий Господь Бог!

— Ну пожалуйста! — взмолилась Юкико.

— Я капитан, — ледяным тоном проговорил Ханно, — и требую к себе уважения.

Свобода отрицательно тряхнула головой, и русая прядь упала ей на висок.

— Это уже не так. Среди нас больше нет незаменимых. Мы выберем предводителем, кого сами пожелаем, если решим, что этот человек будет служить нам во благо. — Она помолчала. — Вам завтра кто-нибудь позвонит; когда мы тут посоветуемся и примем соответствующие меры. — Свобода улыбнулась. — Юкико, тебя никто не винит, все знают, что ты тут ни при чем. Спокойной ночи.

Экран погас.

Ханно продолжал сидеть, уставившись в него невидящим взглядом.

Юкико подошла сзади и положила руку ему на плечо.

— Не принимай так близко к сердцу. Ты просто вырвал ее из сна, вот она и вышла из себя. Отдохнув, она даже и не вспомнит об этом.

— Нет, причина лежит куда глубже, — покачал он головой. — Я не осознавал — мы слишком давно живем порознь, — что в глубине души они все еще лелеют свои обиды.

— Нет, клянусь тебе, нет! Обида уже забылась. Ты привел их, то есть нас, к берегу, хранящему куда больше чудес и находок, чем мы осмеливались надеяться. Верно, теперь можно обойтись и без тебя, так что твои капитанские полномочия под вопросом, а ты проявил недомыслие. Но рана эта пустяковая, к утру она затянется.

— Иные раны не заживают. Ладно, голову тут ломать без толку. — Ханно встал и криво усмехнулся. — Так что там насчет чаю?

Юкико несколько секунд молча глядела на него, а после едва слышно спросила:

— У вас обоих до сих пор не отболело, разве нет?

— А ты часто скучаешь по Ду Шаню? — отрывисто бросил он и притянул ее к себе. — Как бы то ни было, для меня эти годы были в радость. Спасибо тебе за это.

Юкико прижалась щекой к его груди.

— И для меня тоже.

— Сколько раз спрашивать, как насчет чаю? — с усилием засмеялся он.

32

Восток посерел, предвещая рассвет; воды реки блистали, словно тусклое серебро. На западном небосклоне клубилась мгла, и огромная заходящая луна тонула в сером мареве. В предутренней тиши журчание и лепет водопада, рушащегося со скалы в реку, казались особенно громкими. От воды тянуло прохладой, отдающей запахом тины.

Ханно и Странник стояли на пристани напротив друг друга, не находя слов.

— Ну, — сказал наконец Странник, — приятного отдыха!

— Тебе тоже, — отозвался Ханно. — Ты надолго уходишь?

— Толком не знаю. Дня на три, на четыре. А ты приходи домой сегодня же вечером, уговор?

— Конечно. Мы, финикийцы, никогда не ночевали в море, если удавалось.

И без того сумрачный лик Странника омрачился еще более.

— Не ходил бы ты, что ли. Особенно в одиночку.

— Это я от тебя уже слышал. Ты-то уходишь один, и даже рацию не берешь.

— Тут другое дело. Здешние леса я знаю, а здешних вод не знает ни один из нас. Мы лишь чуток покатались тут на лодках да ходили с туземцами на их ладьях, но чтобы познакомиться с экипажем, а не с их мореходным искусством.

— Слушай, Перегрино, я прекрасно знаю, что здешние условия не похожи на земные. Я уже испытал их на себе, разве ты забыл? Опять же, не забывай, что я за две тысячи лет до твоего рождения ходил на таких утлых суденышках, что и вспомнить страшно. Второй закон моря всегда гласил: «Смотри в оба».

— А первый?

— «Гальюн в трюме»!

Они вместе посмеялись.

— Ладно уж, ладно. Нам обоим надо проветриться, только по-разному. По-моему, Коринне тоже. Сейчас ей вовсе незачем держать совет с Триединством, — сказал Странник.

Осталось недосказанным то, что понимали оба. Сбежать, расслабиться, сбросить напряжение, скопившееся за несколько дней словесных баталий: надо ли оставаться здесь, или лучше отправиться с алоийцами, когда они будут улетать, или что-нибудь другое? Пусть каждый поищет ответа в себе. У нас еще целые годы на размышление, но рана, нанесенная нашим отношениям, гноилась куда дольше и оказалась куда глубже, чем мы предполагали...

— Спасибо за помощь, — кивнул Ханно.

— De nada, amigo *.

Они стиснули друг другу руки. В Гестии Ханно еще ни разу не пожимал руку с такой сердечностью и не ощущал такого же искреннего ответа. Спросить напрямую он не мог, но в душе верил, что Странник окончательно простил его. Пробежавшая между ними трещина оказалась для него не столь глубокой, как

---

* Не за что, друг (*исп.*).

для некоторых других; а еще, с точки зрения Странника, жизнь доказала правоту старого друга. И на последних советах восьми оба отстаивали одну и ту же позицию.

А вот в стане противников такого единства не было. Макендел, Патульсий, Алият, Ду Шань, Свобода... Свобода была сама любезность: в конце концов, она тоже в принципе за исследования. Но по негласному уговору она и Юкико остались в постелях, когда мужчины встали, чтобы снести снаряжение в лодку.

Странник отвернулся и размашисто зашагал прочь. Шелест шагов на пристани понемногу стих, рослая фигура Странника еще раз мелькнула на идущей вверх тропе и растворилась в предрассветном сумраке. Ханно ступил на борт лодки, быстро сбросил брезент с грота, развернул его, затем вытащил из чехла кливер, поднял и закрепил оба паруса и с тем отчалил. Озаренные наливающимся на востоке светом паруса маячили белесыми призраками; вот они захлопали, поймали ветер и наполнились. «Ариадна» накренилась и заскользила вниз по течению.

Ханно нравился этот ладный шестиметровый шлюп — некогда такие же покоряли на Земле океанские просторы (ходит ли там еще под парусом хоть кто-нибудь?). Шлюп строил от случая к случаю Ду Шань, пользуясь подмогой роботов и хранящимися в базе данных чертежами. Ему главным образом хотелось выстроить нечто не только полезное, но и красивое. Но оказалось, что ни у кого не хватало времени толком воспользоваться судном, а в конце концов оно осталось совсем без дела. Итагенян оно заинтересовало, но его компоновка не подходила им. Ханно похлопал ладонью по палубе позади кокпита.

— Бедняжка! Небось, плакала тайком по ночам, пребывая в одиночестве? Ничего, сегодня мы непременно пройдемся на славу!

Он с удивлением поймал себя на том, что говорит по-пунически. Сколько уж лет... десятков веков прошло с тех пор, когда он в последний раз говорил на этом языке?

Эстуарий становился все шире. Теперь дующий с суши бриз уже не встречал преград и окреп. Ветер, течение и отлив несли суденышко вперед. Отлив должен кончиться как раз к тому времени, когда оно достигнет моря; здесь желательно ходить по тихой воде. Из-за высокой силы тяжести волны водовороты и всякие турбулентности перемещались на Ксеногее более стремительно и непредсказуемо, чем на Земле.

Впереди взошло красное, затуманенное облаками пятно солнца, не так уклоняясь к штирборту, как на Земле на той же

широте в это время года. Хотя планета вращалась несколько быстрее, наклон ее оси сулил Ханно долгий-долгий летний день. На юге громоздились мрачные тучи, и оставалось лишь надеяться, что они не устремятся на север, угрожая окатить его ливнем. Сезон дождей уже прошел, но тут ничего не скажешь наверняка. Ксеногейская метеорология по-прежнему строилась в основном на догадках. Параметры ее оставались толком не изученными, а у людей и их компьютеров хватало проблем и без того, и притом куда более интересных. Кроме того, здешняя погода весьма и весьма неустойчива. Хаос, в физическом смысле этого слова, вторгался в вычисления уже на ранних этапах.

Ничего, судно крепкое и остойчивое, Ханно со Странником погрузили в него навесной мотор, а попав в настоящую переделку, он может попросить о помощи, и за ним прилетит флаер. При этой мысли Ханно нахмурился. Лучше уж думать о более приятных вещах. Межзвездные странствия... Нет, эта тема слишком задевает за живое. Она-то и расколола Реликтов на два враждующих лагеря.

Винить желающих остаться не за что — они трудились в поте лица, страдали, выжимали из себя силы до последней капли; они прикипели к этой планете душой, она стала для них домом, и вселенной — для их детей. А если кто ищет приключений, что ж, Миноа вместе со своими многочисленными царствами — лишь один-единственный материк целой планеты. Если же кто только и мечтает жить под боком у негуманоидов, то на подходе совершенно новое племя. Чего тут еще желать?

Лучше пока выбросить это из головы, целиком отдавшись заботам и радостям грядущего дня.

Перед «Ариадной» распахнулись морские дали — свинцовые гребешки шумно всплескивающих волн, пенистые валы, посвист внезапно окрепшего юго-восточного ветра. Шлюп подскакивал на волнах и раскачивался, радостно скользя на подветренном борту. Скорость нетерпеливым трепетом передавалась палубе и рвущемуся из рук румпелю. Ветер свистел в снастях. Соленые брызги дарили разгоряченное лицо холодными поцелуями. Ханно застегнул куртку и накинул капюшон, чтобы не озябнуть. Пальцы его пробежались по газовому баллончику, который в случае нужды надует куртку. Управлять парусом в такую погоду — задача головоломная, а мышцы Ханно еще недостаточно тренированы, чтобы долго выдерживать эту силу тяжести. Если бы не сервоприводы и компьютер, в одиночку тут нипочем не справиться. Но глядеть все равно надо в оба. Вот и славно! Именно к такому Ханно и стремился.

Раздувая паруса, против ветра к берегу пробивался корабль туземцев. Должно быть, он лежал в дрейфе, дожидаясь прилива, и сейчас его понесет вверх по реке — вне всякого сомнения, он направляется в Ксенокноссос. Наверно, будет искать укрытия в одной из бухточек, нарытых итагенянами вдоль берегов, чтобы переждать рокочущее неистовство мощной приливной волны; сегодня она особенно опасна — полнолуние, да еще и луна в самой низкой точке орбиты.

На севере, километрах в пяти от материка, где вода бурлила и вскипала белыми бурунами, высились черные зубья Запретной Суши — скверного участка скал и отмелей, огибаемого мощным течением с юга. Ханно вывел паруса к ветру. Надо убраться подальше, пока надвигающийся прилив не прибавит потоку сил.

Перейдя на другой галс, он направил судно к ближайшему из трех островков, замаячивших в туманной дали на востоке. Вряд ли удастся добраться туда до обеда, а благоразумие велит к тому времени уже поворачивать обратно — зато остров послужит неплохим маяком. Если бы была в жизни иная, главная цель, подумал он. Если бы где-то ждала заветная гавань! Но, увы, мне не бросить якоря. Одиссей, отправляясь из обращенной в пепел Трои в родную Итаку, был соблазнен пожирателями лотоса, пострадал от циклопов, был обольщен чародейкой, отнимавшей у мужчин человеческий облик, спускался в царство мертвых, обозрел поля Солнца, прошел чрез врата разрушения, попал в плен к влюбчивой Калипсо, был выброшен на берег в Финикии — но в конце концов добрался домой.

А сколько гаваней упустил за тысячелетия он, Ханно? Неужели все до одной?

Светило Тритос отыскало разрыв в облаках, и море в его лучах вспыхнуло. «Ариадна» плыла по Аметистовому морю, припорошенному алмазной пылью, окруженная белоснежными гривами гонимых ветром волн. Море будто красовалось перед Ханно — очаровательное и изменчивое, как женщина.

Танитель, чьи черные волосы были увенчаны венком из анемонов, когда она шепнула, что не хочет жертвовать своей девственностью во храме, пока не придет к нему в покои; Адония, читавшая предначертания звезд, сидя на вершине высившейся над Тиром башни — вот две гавани; дважды он бросал якорь, и свет домашнего очага служил ему маяком в ночи, пока эту страну не смыли яростные волны, и снова он остался один посреди немых волн. А после — Мераб, Алтея, Нируфар, Корделия, Брангуин, Торгерд, Мария, Жанна, Маргарет, Наталия... О Астарта, милых сердцу призраков не счесть, не упомнить —

но разве они не были призраками с самого начала, будучи обрученными со смертью, предназначенными на заклание ей? К мужчинам Ханно испытывал более близкие чувства, они не могли уйти так же бесследно — Баалрам, Тхути, Умлеле, Пифеос, Эзра, неотесанный старина Руфус... Да, при мысли о них до сих пор сжимается сердце, а душевная скорбь по Руфусу не утихнет до скончания веков.

Хватит нюни распускать!

Ветер завывал все громче. «Ариадна» резко накренилась. Солнце скрылось в сплошной свинцово-серой мути, а на границе неба и моря затеялась сумасшедшая круговерть. Тучи неумолимо надвигались, вспухая черными горами, а в их иссиня-черных пещерах просверкивали молнии. Острова затерялись за пеленой шквала, а материк за кормой смутно маячил где-то у самого горизонта.

— Который час? — спросил Ханно и присвистнул, услышав ответ компьютера. Тело делало за него всю матросскую работу, пока он мысленно бороздил прошлое, и длилось это дольше, чем он предполагал.

Тем временем он успел еще и проголодаться, но передавать кормило компьютеру, хотя бы и для того, чтобы заскочить в каюту и приготовить сандвич, было бы чистейшим безумием.

— Дай мне Гестию! — приказал Ханно аппарату связи.

— Вызываю.

— Алло, алло, есть там кто? На связи Ханно.

Ветер разбросал долетевшие из громкоговорителя слова Юкико, а неумолчное море изодрало их в клочья.

— ...боюсь за тебя... спутник сообщает... непогода движется все быстрее... пожалуйста... — едва расслышал Ханно.

— Да, разумеется, возвращаюсь. Не волнуйся. Эта лодка может опрокинуться оверкиль и снова выправиться. Буду дома к ужину.

Если подгадаю с приливом, добавил он про себя. Надо держаться подальше от берега, пока не увижу, что точно вписываюсь в протоку. Ничего, в моторе порядком киловатт. Уж лучше лавировать с его помощью, чем загонять гребцов до разрыва сердца. Но пользоваться мотором без крайней необходимости не хотелось. Ханно была нужна схватка — разум, воля и физическая мощь человека против голодных демонов.

Разворот оказался долгим и трудным маневром. Одна из волн перекатилась через всю палубу. «Ариадна» содрогнулась, но выстояла, воздев мачту к небесам, будто копье. Доблестная девочка. Как Свобода — да как все они: Юкико, Коринна, Алият.

Каждая нашла свой способ выжить, хотя это им было не в пример трудней, чем мужчинам.

Доверив румпель сервоприводу, Ханно начал прибирать паруса, но непослушная ткань выскользнула из рук, полоснув по запястью, прежде чем он вновь поймал и закрепил шкот. Несомая ветром пена смыла кровь. Мир с каждой минутой все глубже погружался в свинцовый сумрак, лишь южная сторона неба озарялась молниями. Вода плескалась туда-сюда по кокпиту, пока помпа не отсасывала ее за борт. Ханно вспомнилось, как отчерпывали воду ведрами на корабле Пифеоса во время шторма на Балтике. Едва он снова взялся за румпель, как в голове зазвучала песенка. «Эй, тросточку скорей мою верните...» Откуда бы это? На английском языке, старая-престарая, девятнадцатого или начала двадцатого века, дерзкая, ритмичная песенка в такт вагонным колесам.

Ой, мамочка, залог скорей внесите,
Из чертовой тюряги заберите,
А все мои грехи простил мне Бог...

Железная дорога; Дальний Запад; мир, казавшийся безграничным, но в потоке мимолетных столетий утративший широкие горизонты и сам себя, занесенный песками времени заодно с Троей. А тогда еще были мечтатели, взиравшие на звезды и грезившие об открытии Новой Америки. И что же в итоге?.. Горстка машин и восемь человек — против безмерности, непреодолимой и безответной, как сама смерть.

У пекла нет ни дна и ни покрышки,
У пекла нет ни дна и ни покрышки,
У пекла нет ни дна и ни покрышки,
В аду не сыщешь ни глубин, ни вышки,
А все мои грехи простил мне Бог.

Ханно оскалился навстречу ветру. Одиссей побывал там и вырвался обратно. Хоть среди звезд и нет Новой Америки, они сулят несравненно больше.

Вдруг все потонуло в шуме и грохоте. Море и воздух превратились в яростную мешанину движений и звуков, в которой все явственнее звучал пронзительный скрип. Тучи по левому борту исчезали за белой кипенью, укрывшей волны и пространства.

— Убрать паруса! — выкрикнул Ханно.

Это не просто шальной ветерок — это стремительно надвигающийся шквал. Погода на Ксеногее неподвластна архаичным

законам греческого Эола. Обычно скорость ветра мала, но если уж она возрастает, то ярость стихии нарастает вдвое из-за удвоенного веса напирающих воздушных потоков. Левая рука Ханно легла на переключатель, спускающий навесной мотор. Носом на волну и держаться во что бы то ни стало!

Первый порыв урагана. Дождь заливал глаза, болезненно сек лицо, волны перекатывались через планшир. Раз за разом «Ариадна» взбиралась на вал, нерешительно замирала посреди бурлящей пены гребня и рушилась по скату вниз. Ханно держался, держался, держался...

И тут нечто сграбастало и швырнуло его.

Он оказался посреди ревущей непроглядной тьмы, не стало ни верха, ни низа, его крутило и швыряло — но посреди этой бешеной свистопляски одна вещь оставалась холодной и невозмутимой: его разум. Я за бортом, понял Ханно. Надуть жилет. Только не вдыхай воду, иначе с тобой покончено...

Вырвавшись на поверхность, он набрал полные легкие пропитанного дождем и соленой пеной воздуха, молотя по тянущей вниз воде руками и ногами. Капюшон раздулся в подушку, поддерживающую его голову над водой, а сама куртка не даст ему утонуть. Прищурившись, Ханно огляделся. Где же «Ариадна»? Ни следа. Вряд ли затонула — эта крепкая малышка еще не такое выдержит, но ветер и волны наверняка отнесли ее прочь; быть может, и не слишком далеко, но и не так уж близко, ибо всюду, куда достигал глаз, виднелась лишь кипящая пена да неистовство волн.

Что случилось? Мозг Ханно прояснился, оправившись от шока и превратившись в компьютер, запрограммированный на выживание. Ветер мог подхватить развернутый и незакрепленный грот, взметнув его над палубой и смахнув Ханно в набежавшую волну. Ничего, если не терять бдительности, то можно продержаться на плаву до подхода помощи, которая прибудет вскоре вслед за переменой погоды. Наверно, Юкико сейчас уже пытается вызвать его.

Итак, флаер... Флаеры на борту «Пифеоса» сконструированы в расчете на условия Финиции. Полеты на Ксеногее были возможны, но здесь это номер рискованный — да и то в нормальную погоду и при наличии в кабине не только автопилота, но и человека. Быть может, обитатели Гестии и распорядились внести в конструкцию необходимые изменения, но работа эта немаленькая, а у них и без того забот полон рот, так что в сомнительных случаях легче просто остаться на земле.

Теперь летчик. Странник — самый лучший пилот, пожалуй, этого никто не оспаривает. Но сегодня он вне пределов

связи. Далее Свобода; но ей надо заботиться о ребенке. Колония невелика, береговой плацдарм не предназначен для человеческого рода, так что она не имеет права подвергать себя ненужному риску. Конечно, она взлетит, как только найдет возможным, то есть когда кончится буйство стихии. Сильный ветер не страшен, если дует ровно, а вот порывистый...

Штука в том, чтобы продержаться до тех пор живым. Главный враг — переохлаждение. Вода не слишком холодная, но достаточно разницы с температурой тела в несколько градусов, чтоб эта разница мало-помалу выпила все тепло. Помнится мне... Но это было в ином странствии; кроме того, все эти люди мертвы. А еще мне знакомы некоторые древние восточные методы управления температурой тела. В случае крайней необходимости можно прибегнуть к неприкосновенным резервам организма — пока таковые будут.

Плыви. Экономь силы, но не позволяй волнам швырять и крутить себя. Поймай их ритм. Кто это, какая из богинь жила на дне моря и раскидывала сети для моряков? Ах да, скандинавская Ран. Не сплясать ли нам, госпожа моя Ран?..

Выл ветер, бушевали волны. Сколько это уже длится? И не угадаешь. Тут минута может сойти за час; обратный эффект замедления времени — Вселенная улетает от человека. Я ошибся, никакой это не мимолетный шквал, а полновесный ураган. Хоть дождь и поредел, неистовство ветра только усилилось. Непредвиденная, непредсказуемая стихия, такая же невежественная, как человек, да что там! — как и его кропотливо шевелящие мозгами машины. Вселенная еще таит не меньше сюрпризов, чем есть в ней звезд. Нет-нет, бесконечно больше! В том-то и заключается ее величие. Но когда-нибудь один из этих сюрпризов станет для тебя последним...

Впереди послышался неумолчный, грозный грохот. Ханно подняло на гребень волны, и он узрел черные зубья скал и рифов Запретной Суши. Вода вокруг них кипела и бурлила, фонтаном взмывала к небесам, рассыпалась веерами брызг. Течение несло его прямиком на скалы. Краешком сознания Ханно пожелал, чтобы «Ариадна» разминулась с рифом — тогда владельцы смогут заполучить ее обратно.

И приготовился к встрече с рифом. Сделать это было нелегко — ощущение тепла в руках и груди предательски подползало к сердцу. Он понял, что сознание меркнет, и уже не мог разобрать — то ли снова нахмурилось небо, то ли у него потемнело в глазах.

Волна подхватила его на свои могучие плечи...

И швырнула в бурлящую белизну.

Белизна схлынула. Он лежал на камнях, опутанный водорослями, будто желто-коричневыми веревками. Тучи стремительно мчались по низкому небу, волны со стоном и грохотом обрушивались на камень, все чаще и чаще накрывая собой Ханно. Он вдыхал воду, захлебывался, кашлял и отчаянно пытался наполнить легкие воздухом...

Сознание в этой борьбе почти не участвовало. Холод, боль и сама схватка пребывали как бы вне его, принадлежа окружающему миру, принадлежа шторму. Ханно бездумно регистрировал их, словно пригревшийся у очага постоялец трактира, наблюдающий за пляской огня. Поднимающийся прилив предъявит на него свои права, но его, Ханно, здесь уже не будет. Он будет... Где же? И кем? Этого он не знал. Впрочем, это не играет никакой роли.

Вот и все. Что ж, неплохая кончина для старого моряка. Хотелось бы погрузиться в воспоминания — но память ускользает, а вместе с ней и желания, и сама жизнь. Прощайте же, призраки, прощайте! Доброго вам пути...

Вой ветра и грохот прибоя перекрыл натужный рев двигателей, мелькнула тень, показался силуэт — и Ханно толчком пришел в сознание.

Дурак! — смутно забился в мозгу гнев. Ступай прочь! Ты рискуешь жизнью! Флаер вскидывало на дыбы, болтало, швыряло вверх и вниз, но он всякий раз восстанавливал высоту и не сдавался. Из грузового люка выскользнул линь, пройдя в полуметре над Ханно. Он попытался поднять руку и схватить тросик, но не сумел, и тот пронесся мимо. Еще раз. И еще раз.

Шнур втянулся обратно в люк, затем спустился снова. На сей раз на его конце было стремя, а в стремени — человек.

Ду Шань спрыгнул на риф, мышцы его спружинили, легко погасив силу удара, ступни нащупали опору; он замер, чтобы удержаться на ногах, пока стремительно набежавшая волна омывала ему щиколотки. Левой рукой Ду Шань продолжал удерживать тросик, шаг за шагом продвигаясь вперед, цепко впиваясь подошвами в скалу. Сильнейший среди нас, в замешательстве думал Ханно. А ведь я все это время жил с его женщиной...

Правой рукой Ду Шань подхватил его под мышки, поднял на воздух и крепко прижал к себе. Лебедка флаера начала втягивать тросик, на конце которого болтались они двое, будто язык колокола, провозглашающий свободу по всему миру.

И вот уж они на борту самолета. Свобода подняла флаер, набрав высоту, и повернула в сторону берега. Под ударами

ветра обшивка гулко вздрагивала и вибрировала. Ду Шань положил Ханно в проходе и грубовато, но умело осмотрел его.

— По-моему, легкое сотрясение мозга. Ну, может, сломано одно-два ребра. А больше всего он иззяб, то есть эта, гипотермия. Жить будет, — проворчал Ду Шань, закончив осмотр, и приступил к оказанию первой помощи.

К лицу Ханно начал возвращаться нормальный цвет. Свобода начала полого снижать самолет.

— Как вы меня отыскали? — промямлил Ханно.

— Юкико вызвала аллоийцев, — не отворачиваясь от приборной доски, сообщила Свобода. Обзорный экран перед ней был залит струями дождя. — Сами они не могли спуститься в атмосферу, даже их роботы не могут справиться с непогодой. Зато они выслали космошлюпку, прошедшую по низкой орбите. Ее детекторы обнаружили инфракрасную аномалию среди скал. Там-то мы тебя и нашли.

— Вам не следовало рисковать, вы не должны...

Она почти отвесно бросила флаер к земле. Громко лязгнув от столкновения с землей, машина замерла. Свобода сбросила удерживающие ее в кресле ремни и преклонила колени возле Ханно.

— Неужели ты думаешь, что мы обойдемся без тебя?! Да разве мы сможем?..

33

День выдался замечательный. В чистом небе сияло желтое солнце, проплывали облака — бело-голубые, будто снеговые горы. Солнечный свет играл бликами на крыльях существ, паривших над головой, и вызолотил реку и море, обратив их в жидкое сияние.

Восемь сидящих за дощатым столом людей одеты были весьма легко. С верхушки холма взор охватывал и Гестию, казавшуюся отсюда совсем игрушечной, и западный горизонт, где позади линии холмов высился белоснежный пик горы Пифеос.

А ведь мы уже дважды встречались вот так же, на свежем воздухе, отметил про себя Ханно. Неужели нами движет какая-то неосознанная потребность? Да, с одной стороны, побуждения у нас вполне прагматичные: на пару часов оставить детей на попечении роботов, уединиться, чтобы никто не мешал беседе, — да еще в надежде, что на свежем воздухе в голову придут свежие мысли. Но может статься, что в глубине души мы свято

верим, что за истинной мудростью надо обращаться к земле под ногами и небесам над головой?

И все-таки они нам немного чужды, даже столько лет спустя — и плотно спутанный, не похожий на траву дерн, и приземистые деревья вдалеке, и крученые, змееподобные кусты, и угрюмые тона всей растительности, и резкие ароматы... Даже вкус родниковой воды, и то не тот! Все здесь неземное; ни одна, даже самая малость, не вышла из лона матери-Геи. И никогда здесь не будет ничего по-настоящему земного — да и не должно быть.

Выжидающие взоры собравшихся были обращены к нему. Ханно прочистил горло и выпрямился. От этого движения вспыхнула боль незаживших ран, но он не обратил на нее внимания.

— Я прошу вас принять решение сегодня же, — объявил он. — У нас в запасе еще многие годы, чтобы разрешить эту дилемму. Но сегодняшние новости могут переменить ваш настрой...

Если этого уже не случилось. Несомненно случилось, раз к нему прислушиваются. Быть может, причиной тому недавние события. Все-таки стоило оказаться на краю могилы, чтобы отправить остатки затаенной враждебности в Тартар. Не исключено, что враждебность со временем умерла бы сама собой — но возможно также, что она продолжала бы тлеть, выжигая души дотла. Теперь это уже не имеет значения. Дружба восстановлена. Сказать об этом напрямую не решился никто, но ощущение возрожденного содружества висело в воздухе. Более того, интуиция — как всегда, по-человечески иррационально — подсказывала Ханно, что это единство послужит катализатором единодушия.

Впрочем, увидим, подумал он. Все вместе.

— Как вам известно, — продолжал он, — мы с Юкико за последние дней пять много беседовали с аллоийцами. Они уже пришли к единому решению. — Заметив на лицах тревогу, он успокоительно поднял ладонь. — Ничего радикального, если не считать прояснившейся перспективы. Они остаются на месте до подхода очередной экспедиции и еще на несколько лет после того — ведь придется обменяться непредсказуемым объемом информации и, в общем, надо добиться взаимопонимания и насладиться им. Однако вслед за тем аллоийцы двинутся в путь. А новость заключается в том, что... Если мы к тому времени решим лететь на Финицию, они отправятся с нами.

И Ханно, и его напарница улыбнулись изумлению остальных, явно наслаждаясь им.

— Ради Бога, зачем?! — воскликнул Патульсий. — Что они там потеряли?

— Скажем хотя бы, что знания, — ответил Ханно. — Это же для них совершенно новая планетная система.

— Но устройство планетных систем не отличается особым многообразием, — возразил Странник. — По-моему, их больше интересуют разумные существа.

— Все правильно, — подтвердила Юкико, — и на Финиции это будем мы. А для нас — они.

— Они хотят узнать нас поближе, — подхватил Ханно. — Они видят в нашем племени грандиозный потенциал, значительно превышающий потенциал итагенян, хотя те и навели их на кое-какие открытия и послужили источником поэтического вдохновения. Мы, как и аллоийцы, из породы звездопроходцев. Похоже на то, что итагеняне такими не станут никогда; в лучшем случае — в весьма отдаленном будущем.

— Но аллоийцам достаточно лишь остаться здесь, чтобы наблюдать за обеими расами, да в придачу взаимодействуя с новой командой путешественников, — не сдавался Патульсий.

— Они считают, что мы не захотим или не сможем тут оставаться. На Ксеногее наше поселение наверняка будет расти не слишком быстро, а уж многочисленным не станет никогда; таким образом, надежда, с которой мы отправились в космос, наши чаяния и наши возможности не будут реализованы, а если и будут, то в очень ограниченных пределах.

— Ваша шестерка — нет, наша восьмерка — похожа на английских пуритан на Земле, — сказал Ханно. — В поисках места для поселения они намеревались добраться до Вирджинии, но непогода погнала их на север, и путь их завершился в Новой Англии. Они ждали иного, но постарались обратить себе на пользу то, что получили, — вот так и появились янки. Пожалуй, иного места, кроме Новой Англии, для них и не было. Итак, подумайте о подобной стране — тесной, застойной, скудной и скудоумной. Хотите вы этого для себя и своих потомков?

— Янки пустили крепкие корни, — отозвался Ду Шань. — Потом они распространились по всей Америке.

— Сравнение неправомерно, — вставила свое слово Макендел. — Ксеногея принадлежит своему народу. У нас здесь нет прав ни на что, кроме подаренного ими клочка земли. А если мы попытаемся взять себе кусочек побольше, Бог просто-таки обязан покарать нас.

Странник молча кивнул.

— Ты частенько это повторяешь, дорогая, — заспорил Патульсий, — а я в который раз пытаюсь тебе объяснить, что фактическое положение дел...

— Да, мы сделали кое-какие вложения, — перебила его Свобода. — Мы полили эту землю слезами и потом, мы лелеяли мечты... Нам будет больно отказаться от нее. Но лично я всегда была убеждена, что рано или поздно этим кончится. — Голос ее зазвенел. — А уж теперь-то нам открывается такая возможность!

— Вот именно, — отчеканил Ханно. — На Финиции нет туземцев, которым мы можем навредить своим появлением. Она может стать возрожденной Землей. Может. А может, это смертельная западня. Заранее не угадаешь. Мы сознавали, что рискуем потерпеть провал и погибнуть. А вот с аллоийцами на подстраховке этого не случится. Вместе мы сумеем преодолеть любые препятствия. Видите ли, они хотят, чтобы мы жили и процветали. Они хотят, чтобы люди вершили свой путь среди звезд.

— А почему именно мы? — поинтересовалась Макендел. — Я понимаю, что благодаря нашим характерам, нашим специфическим способностям мы вместе с ними можем сделать больше, пойти дальше, чем поодиночке, как в удачном браке; но если им так уж нужна человеческая компания, почему бы им не слетать на Землю?

— Ты что, забыла почему? — едко парировал Ханно.

Глаза ее широко распахнулись, и Коринна помимо воли прижала пальцы к губам.

— Но откуда у них такая уверенность?

— Ну, в общем, они не уверены в этом окончательно, но на основании наших рассказов сделали заключение, вероятность которого весьма высока. Земля пошла той же дорогой, что и Пегас, и остальные цивилизации, известные аллоийцам. О, разумеется, мы обменяемся с Землей информацией, но она чересчур далеко от нас, — хотя в масштабах Галактики совсем рядом, всего-навсего четыре с третью световых века, — чтобы путешествие туда стоило того. Аллоийцы помогут нам устроиться на новом месте, узнают нас поближе. А в конце концов рассчитывают на совместные экспедиции.

Ду Шань устремил взгляд в зенит и выдохнул:

— Финиция... Как Земля. Не совсем, но все-таки... Зеленые листья, жирная почва, чистое небо, — прикрыв глаза, он подставил лицо ласковому теплу солнца. — И почти каждую ночь мы будем видеть звезды.

Патульсий беспокойно заерзал на скамье.

— Дело предстает теперь в совершенно новом свете, — заявил он. Одутловатое лицо озарилось столь редким для него выражением душевного подъема. — Речь идет не только о нашей собственной судьбе, а о судьбе всего человечества, истинной человечности!

— Это будет не просто поселок или даже страна! — радостно провозгласил Странник. — Это точка отсчета, передовой отряд человечества. Мы умеем ждать — и мы, и аллоийцы. Мы можем завоевать эту планету, преобразить ее, взрастить целые поколения потомков — пока не станем многочисленными и могучими. И тогда опять отправимся в путь среди звезд.

— Те, кто пожелает, — заметил Ду Шань.

— Чтобы познавать себя и расти над собой, — трепетно подхватила Макендел. — Чтобы не дать жизни угаснуть.

— Да, и отобрать Вселенную у проклятых роботов! — сквозь непрошеные слезы проговорила Алият.

«Где же они?»

История гласит, что впервые этот вопрос поднял в двадцатом столетии Энрико Ферми, когда ученые впервые осмелились рассуждать на подобные темы публично. Если иные мыслящие создания существуют — как печально и странно, если при всем разнообразии и обширности творений их все-таки нет! — почему же на Земле не нашли ни следа их присутствия? Дескать, мы и сами вот-вот шагнем в космос и устремимся к звездам — почему же этого никто не сделал до нас?

Наверное, существам из плоти и крови пускаться в такое путешествие невозможно или неразумно — но для машин, постройка которых в принципе возможна, перелет сложности не представляет. Они могли бы стать нашими представителями, посылая домой результаты своих изысканий. Добравшись до дальних планет, они могли создать других роботов по собственному подобию, встроив в них тот же императив: «Открывай неведомое». (Никакой угрозы жизни, если она есть, — нескольких тонн сырья из кружащихся вокруг каждого светила астероидов или безжизненных лун вполне хватит.) Расчеты показывают, что даже по самой пессимистической оценке роботы разлетятся во все концы Галактики всего за миллион лет. В космических масштабах — лишь мимолетное мгновение. Миллион лет назад наши предки уже стояли на пороге человечности. Неужели ни одна планета не породила более древнюю цивилизацию? Требуется-то всего единственная!

А еще легче посылать радиосигналы. Мы пытались. Мы прислушивались. Сплошное молчание. Мы испробовали самые разные направления — загадка оставалась загадкой.

От гипотез отбоя не было. Другие есть, они передают, но неизвестными нам способами; они даже побывали здесь, но в доисторические времена; они и сейчас здесь, но скрывают свое обличье; они уничтожили себя, не успев послать весточку или выйти в космос — и такая же участь может постигнуть и нас; среди них нет ни одной высокоразвитой цивилизации, наша уникальна; их просто не существует, и мы действительно одиноки...

Ферми ушел в могилу, ветер времени продолжал гнать человечество вперед, и оно в конце концов ступило на новую тропу эволюции. Ответ на вопрос Ферми был не столько найден, сколько выстроен усилиями самих детей Земли; и оказалось, что он неоднозначен.

Разошлите роботов во все концы — каждый встретит чудеса, достойные восхищения. Каждая звезда — солнце, каждая планета — мир, многообразный, поразительный, неистощимый на сюрпризы, которые не постичь и за десятилетия. А уж если на планете завелась жизнь — ее не постичь во веки вечные, ибо жизнь не только безгранична в своем разнообразии, но и вечно нова, вечно изменчива. Если же она еще и разумна, изучение ее переходит в совершенно иную плоскость, меняя ваш собственный образ бытия.

Чем дальше продвигаются ваши эмиссары, тем быстрее расширяется царство непознанного. С удвоением радиуса исследований число звезд возрастает восьмикратно; естественно, при этом удваивается время путешествия и время полета сигнала от корабля к родной планете.

Десять—двенадцать лет от старта до прибытия к месту назначения плюс десять лет до приема первых отчетов — время вполне приемлемое. Срок в пятьдесят лет остается в пределах разумного. А вот сто, двести или пятьсот лет в один конец? Солнца и планеты давно разбиты на классы, ожидать откровений уже не приходится. Зная основные параметры, можно рассчитать свойства любых небесных тел, так что удлинять список визитов просто бессмысленно.

Другое дело — многообразие форм жизни. Но если вас интересует эта тема, то материала хватает и на уже открытых мирах. В сущности, его ошеломляюще много, и ресурсы средств обработки информации, брошенных на эту проблему, скоро исчерпаются.

В еще большей степени это относится к сведениям о разумных существах. Они попадаются редко, но все-таки встречаются, и знакомство с ними интересно сверх всякой меры. И все-таки, все-таки... если паузы в диалоге превышают срок их жизни, а ваши полевые изыскатели всего-навсего машины, — разве можно рассчитывать на настоящее знакомство с неведомой расой? (Встреченные роботами разумные существа, как правило, едва-едва поднимались над каменным веком. Наука и высокоразвитая техника — результат маловероятного стечения обстоятельств.) Не разумнее ли в таком случае сосредоточить все свое внимание на существах, живущих относительно близко? Тогда можно хоть в какой-то мере следить за тем, что делают роботы, и влиять на них.

Реального предела поиска не существует. Но имеется некий радиус, порядка ста—двухсот световых лет, за пределами которого проводить исследования просто невыгодно. Прикинув все это, вы никогда бы не стали строить саморазмножающиеся машины фон Нойманна.

Однако бывают исключения — когда ваши приборы улавливают излучение, говорящее о наличии близ какой-то звезды технически развитой цивилизации; тогда приходится посылать туда сигнал, а то и роботов. Но пока из этого выйдет какой-то толк (если вообще что-то выйдет), пройдет не одно тысячелетие. А будет ли интересен результат для ваших потомков столько веков спустя?

Еще один разряд исключений — исключения космического, астрофизического характера: необычные звезды, облака, дающие рождение звездам, молодые сверхновые, в каких-то случаях — черные дыры, чудовищные образования в ядре Галактики и прочие редкости. Остается лишь послать туда своих наблюдателей (от Солнца до ядра Галактики — тридцать тысяч световых лет) и ждать.

Все немногочисленные цивилизации звездоплавателей, вне сомнения, поступают так же — следовательно, все долетевшие до цели роботы будут передавать сигналы в надежде осуществить контакт. И всем приходится ждать, ждать, ждать.

В конце концов все сводится к ожиданию.

Вот и вторая половина разгадки головоломки.

Роботы ищут вовсе не думающую и чувствующую органическую жизнь. Роботы ищут себе подобных.

Машины никоим образом не завоевывают породивший их мир. Они мягко, вкрадчиво, последовательно включают своих творцов в собственную систему, по их же собственной просьбе, чтобы воспользоваться ее сверхъестественными физическими

и интеллектуальными возможностями. И со временем постепенно отвращают свое внимание от окружающей жизни, направляя его на проблемы и задачи, какие отыщут в самих себе и оценят как достойные решения.

И если исходные мыслящие животные умудрились уцелеть, что порой все-таки случается, — то именно потому, что также обращали свой взор внутрь себя, искали радостей, свершений и, может быть, воображаемого просветления, к которым машины просто не способны их привести: это царство лежит вне физической Вселенной.

— Нет, мы не правы, если относимся к роботам враждебно. Постбиотическая эволюция остается эволюцией, реальность находит новизну в себе самой. — Свобода зарделась и рассмеялась. — Ой, как помпезно это звучит! Я только хотела сказать, что совершенные, независимые роботы ничем нам не грозят. Мы сохраним собственных роботов, нам без них не обойтись, но лишь для собственных нужд. Мы совершим то, чего постбиотики не только не потрудятся совершить, но что им принципиально не по зубам. То есть будем общаться с подобными нам существами, и не вприглядку да понаслышке, а собственной персоной, деля с ними общую долю — и любя их. И нам откроется такое понимание, какого мы сегодня и вообразить себе не можем.

— Пусть те, кто хочет, отправляются на поиски. — После бьющего ключом энтузиазма Свободы реплика Патульсия прошелестела особенно сухо. — Я заодно с Ду Шанем — буду копаться в своем огороде. Осмелюсь предположить, что и наши потомки в большинстве своем предпочтут ту же участь.

— Несомненно, — согласился Ханно. — И это прекрасно! Они станут нашим резервом. Перегрино прав: неспокойные натуры найдутся всегда.

— Финицийцы не смогут, не захотят вести невинную пасторальную жизнь, — предрекла Макендел. — Или им придется идти дорогой Земли, а это сведет смысл их усилий к нулю, не так ли? — или они должны найти для себя новый путь. Им придется развиваться.

— Как и тем из нас, кто отправится в космос, но по собственному сценарию, — добавил Странник. — Не телом и не в генах. Я вовсе не тороплюсь покинуть сию бренную оболочку — и тем не менее скажу: нам суждено преобразиться духом и разумом.

— А звезды и планеты станут нашими учителями, — улыбнулась Юкико и с горячностью продолжала: — Не забывайте,

это будет нелегкая школа. Сегодня мы мало что значим. Все известные аллоийцам экипажи звездоплавателей — их не больше дюжины — подобны нам. Тоже Реликты — пережитки, бунтари, атавизмы.

— Знаю. Но не согласен, что мы ничего не значим. Очень даже значим!

— Если мы будем мудры, если не поддадимся гордыне и сумеем прислушаться к тому, что хочет поведать нам нижайшая из живых тварей, то в конечном итоге сумеем встретиться с постбиотиками на равных. Когда это будет — кто знает? Быть может, через миллион лет. Но когда мы будем готовы — все будет именно так, как ты сказал: мы станем совсем иными, чем ныне.

Ханно кивнул.

— Я вот все думаю... Может статься, в конце концов мы и наши союзники будем не равны машинам, но выше их. — В ответ на слегка озадаченные взгляды товарищей он пояснил: — На Земле происходило что-то вроде того; а судя по здешним наблюдениям и по рассказам аллоийцев, это всеобщий принцип. Словом, так: ступени эволюции в большинстве своем — отнюдь не победоносное шествие вперед. Неудачи на предыдущих этапах порождают отчаянных и безрассудных — или, как выразилась Юкико, атавизмы и пережитки.

Почему рыбы, которым было так хорошо в воде, рвались на сушу? Так поступали те, кто не мог продолжать борьбу за выживание в прежних условиях — им надо было уйти или погибнуть. Земноводных предков рептилий вытеснили из болот, птиц вытеснили в воздух, а млекопитающим пришлось искать нишу, не занятую динозаврами. Некоторых обезьян согнали с деревьев... а нам, финикийцам, приходилось жить на узенькой полоске суши, и мы пустились в море. И вряд ли в Америку или Австралию отправились бы те, кому было хорошо и уютно дома, в Европе...

Ладно, посмотрим. Посмотрим. Итак, Юкико, ты дала нам миллион лет, — Ханно рассмеялся. — Не назначить ли нам свидание? Давайте встретимся и предадимся воспоминаниям в этот же день миллион лет спустя!

— Сперва надо выжить, — возразил Патульсий.

— Что-что, а уж это-то мы умеем! — ответил Странник.

— Пока что умели, — вздохнула Макендел. — Только давайте без излишней самоуверенности. У нас ведь никаких гарантий, и никогда не было, и никогда не будет. Миллион лет — это уйма дней и ночей, и каждый день надо прожить. Сумеем ли?

— Попробуем, — отозвался Ду Шань.

— Вместе, — присягнула Свобода.

— Тогда нам надо учиться, — сказала Алият. — Учиться сопереживать друг другу куда лучше, чем прежде.

34

Корабли — «Пифеос» и его звездный собрат — отчалили. Еще какое-то время, месяца три, пока они не наберут слишком большую скорость, их будут связывать воедино и дружеская беседа, и мечты, и любовь; будут справляться праздники и ритуалы в честь возникновения новой общности — а повсюду вокруг будут лишь бесчисленные светила.

Когда взираю я на небеса Твои, — дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил,

*То что есть человек, что Ты помнишь его?..**

Ханно и Свобода стояли на затемненном капитанском мостике, глядя вперед и сплетя ладони, ощущая близость и тепло друг друга.

— Значит, таков смысл нашего бессмертия? — прошептала она.

— Мы сделаем его таким! — пообещал он.

ХРОНОЛОГИЯ ДЕЙСТВИЯ

За исключением первой даты, все остальные — по христианскому летоисчислению. Указывается год начала действия данной главы. Подчас, по ходу изложения, действие смещается от начальной даты вперед или назад — разберетесь сами.

1. Туле	310 до н. э.	11. Котенок и кардинал	1640
2. Персики вечности	19	12. Последний амулет	1710
3. Собрат	359	13. Следуй за Пьяной Тыквой	1855
4. Смерть в Пальмире	641	14. Миротворцы	1872
5. От судьбы не уйдешь	998	15. Сошлись дорожки...	1931
6. Случайная встреча	1050	16. Укромная ниша	1938
7. Одного поля ягоды	1072	17. Город Стали	1942
8. Прощай, придворная служба	1221	18. Судный день	1975
9. Призраки	1239	19. Туле	?
10. В предгорьях	1570		

* Псалтырь: 8, 4—5.

Содержание

От издательства 7

Челн на миллион лет, роман,
перевод с английского О. Битова 9

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

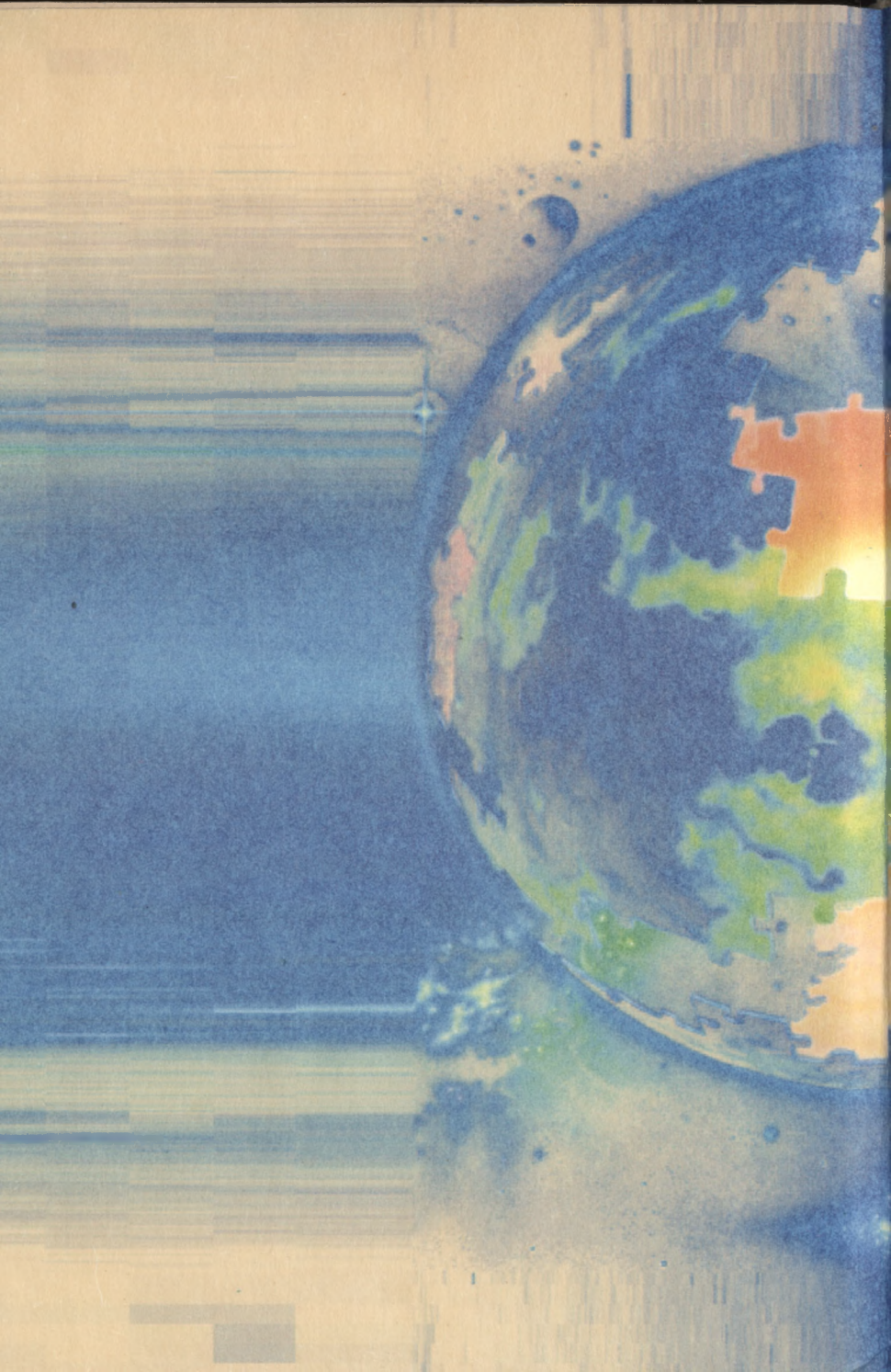
Том четвертый

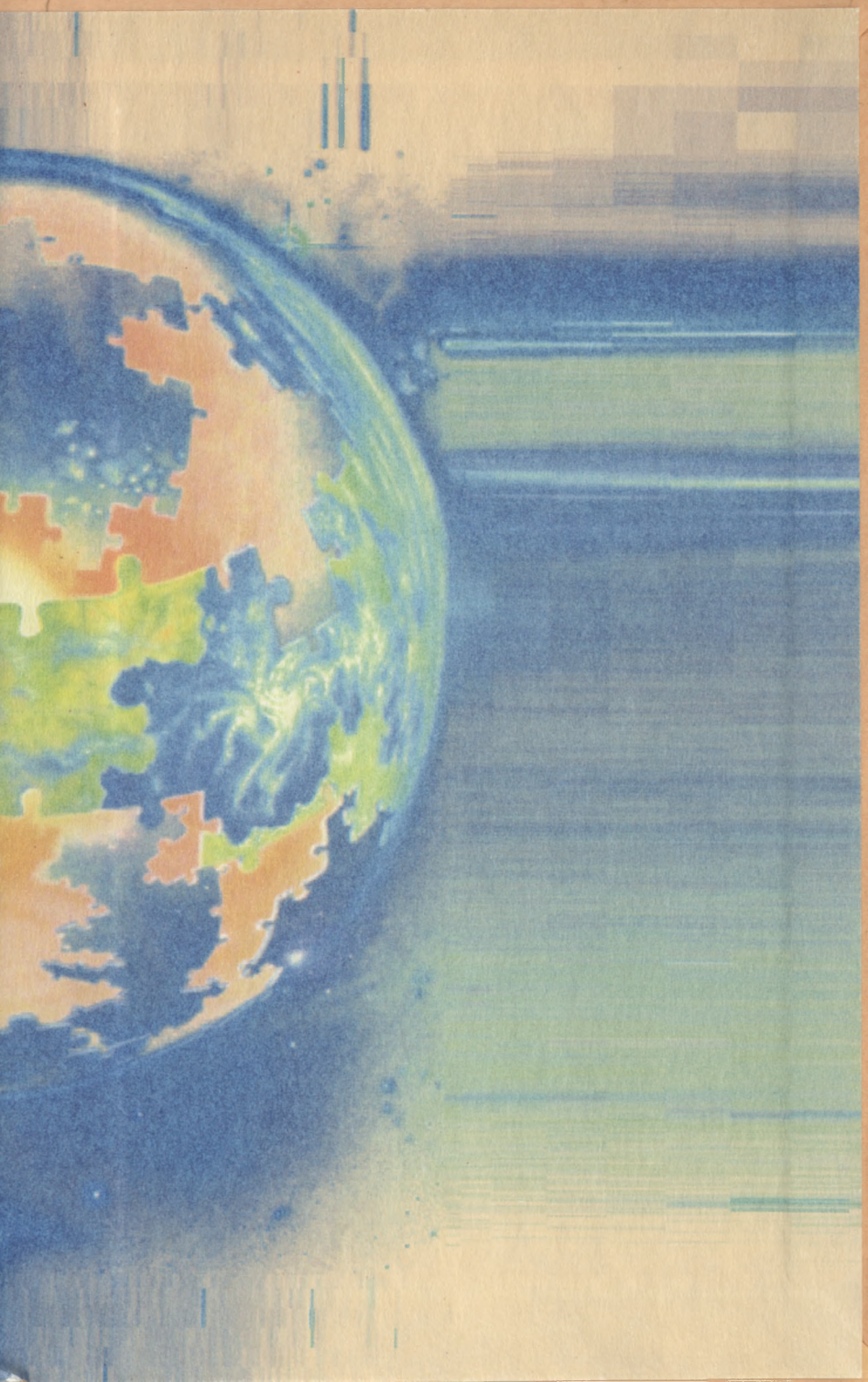
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *Т. Бережных*
Технический редактор *К. Козьченко*
Корректоры *Н. Дундина, А. Хиршфелде*
Оператор компьютерной верстки *Е. Глуховская*
Оформление шмуцтитулов: *М. Ермаков*

ЛР № 062455 от 23.03.93.
Подписано в печать 21.03.96. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 30,24. Тираж 15 000 экз.
Заказ № 1777. С 142.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, г.Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Челн на миллион лет

Редко, очень редко — раз в поколение, раз в несколько веков — рождаются бессмертные среди людей. Путь их лежит через столетия варварства, через страны и континенты. Долгая жизнь оказывается не только благословением, но и проклятием — время смывает все, и привычные лица, и привычные эпохи. Но тем, кто прошел свой путь до конца, не сломавшись, выпадает честь повести людей к звездам — и дальше.

POLARIS